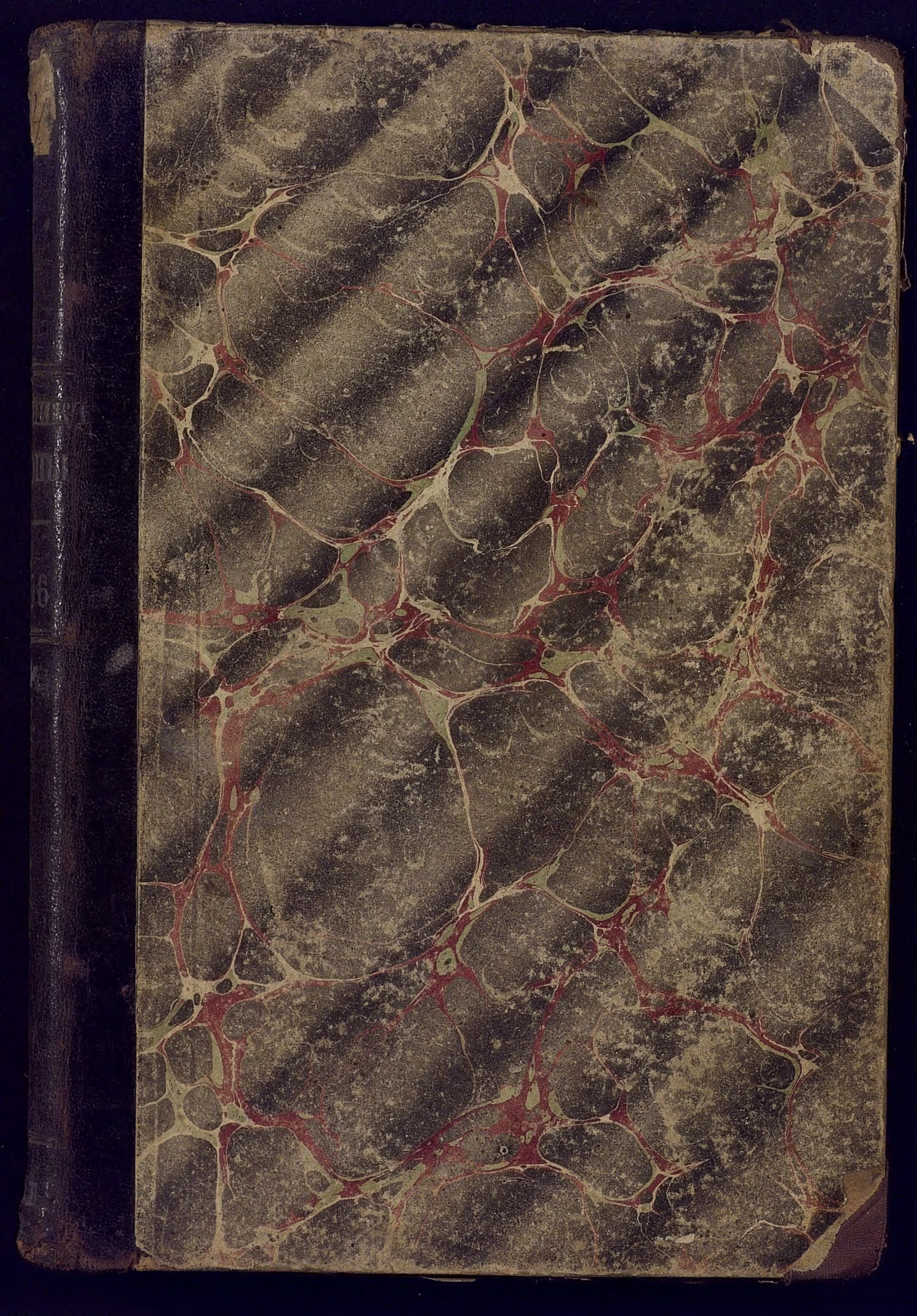
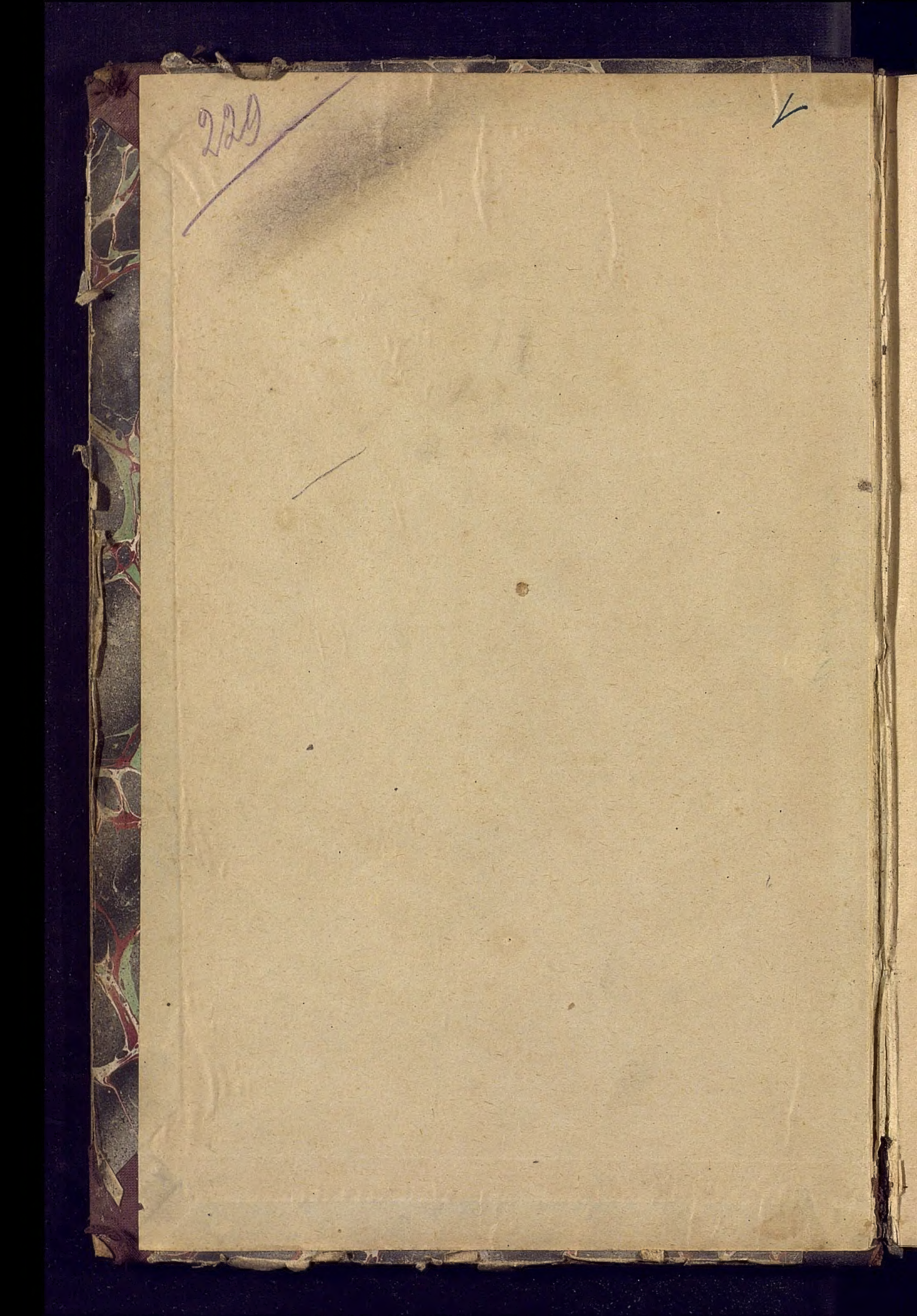

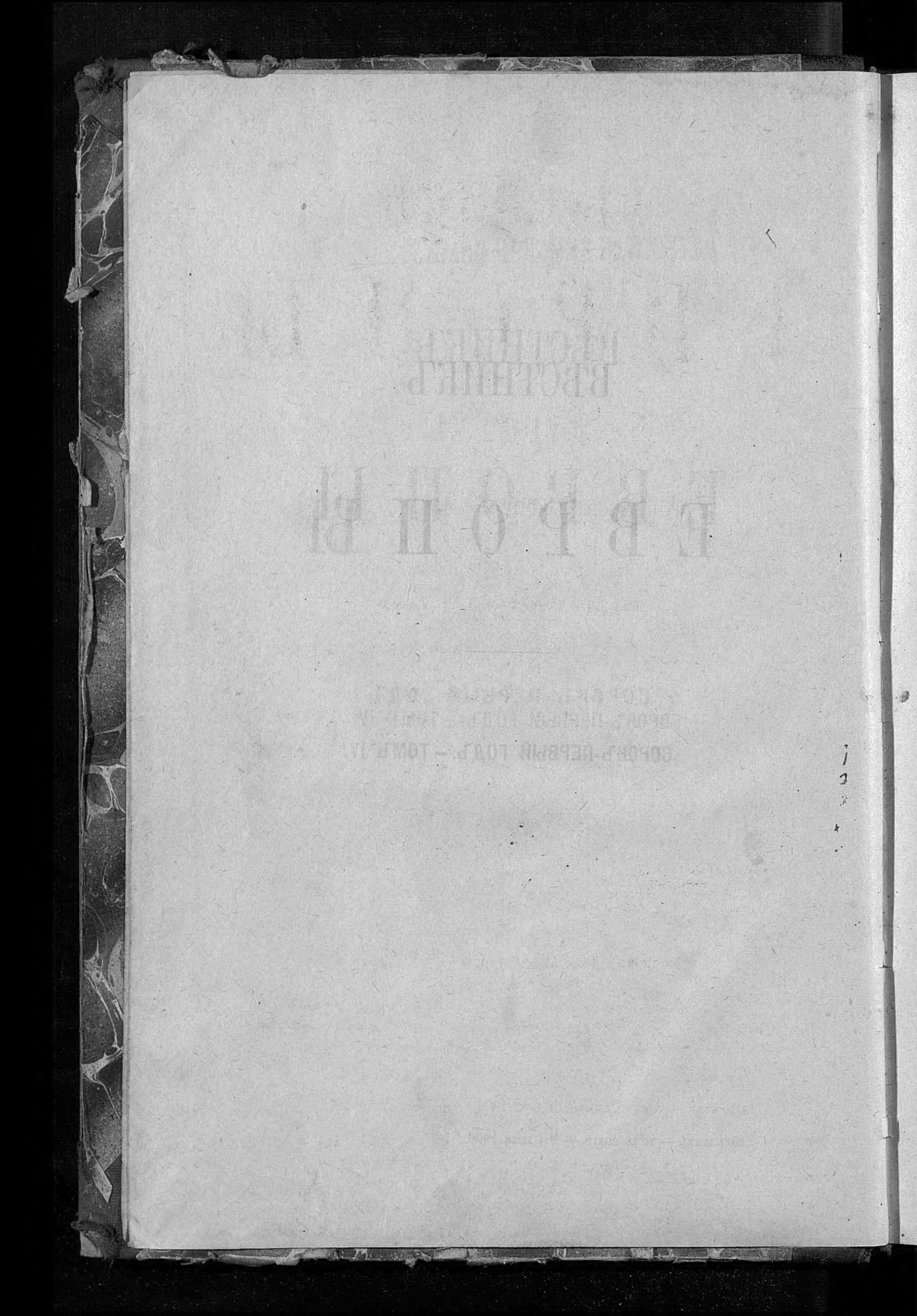

229

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXIV. — 1/14 ІЮЛЯ 1906.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКОВОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

3534

ГР. АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ

КАКЪ

САТИРИКЪ

I.

Графъ Алексѣй Толстой славился своимъ остроуміемъ.

На эту черту его темперамента и на эту грань его ума, въ сборникѣ его стиховъ, указаній очень мало. Величавый и торжественный тонъ его лирики и эпоса, трагическій паѳосъ его драмъ—допускаютъ, правда, иногда вторженіе игривой мысли, остраго слова и каламбура; попадаются также, въ очень ограниченномъ количествѣ, пародіи и памфлеты, которые чувствуютъ себя не совсѣмъ ловко среди религіозныхъ и патріотическихъ балладъ и мечтательныхъ напѣвовъ. Иногда остроуміе и сарказмъ выдвигаются, какъ напр. въ „Донъ Жуанѣ", умышленно на первый планъ, для оттѣненія мистико-религіознаго смысла всего произведенія, но отъ такой перемѣны ключа и темпа художественность выигрываетъ мало. Въ четырехъ томахъ своихъ сочиненій Толстой—по волѣ издателей—лишь глубокомысленный пѣвецъ величавыхъ, возвышенныхъ настроеній. Онъ прячетъ свою улыбку, свою насмѣшку, ему, повидимому, нравится больше богъ Аполлонъ съ лирою въ рукахъ, чѣмъ съ колчаномъ ядовитыхъ стрѣлъ за спиною.

Но Толстой умѣлъ обращаться съ этими стрѣлами и на нихъ не скупился. Это хорошо извѣстно всѣмъ его почитателямъ, которые могли имѣть въ рукахъ изданныя заграницей такъ называемыя „запрещенныя" стихотворенія Толстого и имѣли случай читать его интимныя письма, недавно напечатанныя.

Сарказмъ и юморъ были не простымъ придаткомъ къ тому богатству духа, какимъ обладалъ гр. Толстой. Способность видѣть смѣшную и нелѣпую сторону жизни, желаніе интересоваться ею были очень развиты въ немъ. Поэтъ, привыкшій понимать и жизнь личную, и жизнь всего міра, какъ процессъ цѣлесообразный, человѣкъ много думавшій надъ конечнымъ и временнымъ смысломъ бытія, онъ не могъ не спросить себя — какой же смыслъ кроется въ томъ, что̀, повидимому, не имѣетъ никакого смысла или есть видимое отрицаніе тѣхъ основныхъ положеній добра, справедливости и истины, на которыхъ онъ строилъ свое патетическое міропониманіе? Онъ охотно иронизировалъ надъ жизнью, изъ патетическаго тона впадалъ въ тонъ шутовской, мѣшалъ серьезное съ легковѣснымъ, разрѣшалъ иногда глубокій вопросъ неожиданно курьезнымъ образомъ.

Ироническій оттѣнокъ въ его стихахъ проступилъ бы очень явственно наружу, еслибы мы имѣли, дѣйствительно, полное собраніе его стихотвореній и рядомъ съ патріотическими его балладами стояли бы его памфлеты изъ русской исторіи; еслибы рядомъ съ его возвышенными псалмами (онъ самъ свою лиру назвалъ псалтырью) была помѣщена его знаменитая баллада о „Деларю“; еслибы вслѣдъ за стихами, въ которыхъ такъ много задумчивости и грустной серьезности, шли афоризмы и пародіи Кузьмы Пруткова, и еслибы наконецъ его удивительно томные и нѣжные мотивы могли быть дополнены стихотвореніями, въ которыхъ откровенный реализмъ становится иногда циниченъ. А Толстой писалъ такіе слишкомъ откровенные стихи и писалъ ихъ немало, хотя и былъ готовъ „облить дегтемъ“ стихи Мюссе, еслибы онъ нашелъ ихъ на столѣ любимой имъ женщины.

Насмѣшка, иронія, шутка и смѣхъ — иногда смѣхъ ради смѣха—весь этотъ рядъ игривыхъ настроеній и мыслей, составляющихъ если не соль жизни, то, во всякомъ случаѣ, пикантную къ ней приправу, — въ будущемъ полномъ собраніи сочиненій нашего поэта долженъ быть хорошо представленъ, и тогда обликъ художника обрисуется вполнѣ ясно.

II.

Сатирическія и „легкія“ стихотворенія Толстого, — помимо значенія, которое они могутъ имѣть какъ матеріалъ для объясненія сложной психики поэта, — имѣютъ также немалую цѣну какъ образцы русской стихотворной сатиры и веселой, игривой пѣсни.

Они были написаны въ эпоху необычайно благопріятную (1855—70) для такихъ юмористическихъ пѣсенъ и риѳмой-заостренныхъ сатиръ.

Со средины пятидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ говорить о серьезныхъ вещахъ, позволено было намъ и посмѣяться, и притомъ не въ кулакъ, не за спиной и не по поводу показаннаго пальца. Этой свободой смѣшливаго и остраго слова литература наша тогда широко воспользовалась. Рѣдкій журналъ не имѣлъ особаго отдѣла, въ которомъ онъ прозой въ перемежку со стихами не язвилъ и не смѣялся надъ тѣмъ, о чемъ серьезно трактовалъ въ руководящихъ статьяхъ и беллетристикѣ. Рѣдкій литераторъ, обладающій способностью писать стихи, не упускалъ случая съострить или съязвить на тему самую современную. Труднѣйшія задачи общественной и даже политической жизни пояснялись такими картинками въ формѣ балладъ, посланій, пѣсенъ, поэмъ, монологовъ и діалоговъ, эпиграммъ и надписей съ сатирической подкладкой.

Нельзя, однако, сказать, чтобы наше общественное движеніе отъ этой сатиры много выиграло. Недрёманное око цензуры, несмотря на нѣкоторое ослабленіе своего зрѣнія въ эти годы, оставалось все-таки довольно зоркимъ, и сатирикъ принужденъ былъ сдерживать свой языкъ. Но и помимо этого, среди сатириковъ-стихотворцевъ того времени не встрѣчалось людей, для которыхъ этотъ родъ творчества былъ бы истиннымъ поэтическимъ призваніемъ. Своего Беранже, Барбье, Джусти, своего Гейне мы не имѣли. Мы брали въ данномъ случаѣ скорѣе количествомъ, чѣмъ качествомъ.

Число сатириковъ было въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, дѣйствительно, довольно внушительное.

И. И. Панаевъ, — извѣстный подъ псевдонимомъ „Новаго Поэта“,—писалъ пародіи на нашихъ классиковъ и иногда позволялъ себѣ слегка касаться общественныхъ темъ въ очень деликатной и сдержанной формѣ, къ которой его пріучили литературные нравы сороковыхъ годовъ. Изысканный щеголь въ манерахъ, онъ и въ сатирѣ былъ изысканно вѣжливъ. Но сатира его была легкой causerie—и силы въ ней не было.

Н. Щербина, забывъ своихъ грековъ и римлянъ, на старости лѣтъ тоже записался въ сатирики. Онъ совсѣмъ отвыкъ отъ всякой античной граціи и спокойнаго созерцанія, былъ боленъ и сталъ желченъ. Общественныя дѣла и вопросы его интересовали мало, онъ былъ занятъ больше личностями, и по адресу почти всѣхъ тогдашнихъ писателей наговорилъ много остроумныхъ дерзостей

въ формѣ эпиграммъ, посланій и характеристикъ. Особенно невоздержанъ былъ онъ въ своемъ раздраженіи противъ молодыхъ прогрессистовъ въ виду все болѣе и болѣе развивавшагося въ немъ эстетическаго консерватизма, который и обращалъ его сатиру въ простое брюзжаніе. Въ этой сатирѣ была сила, но только сила чисто внѣшняго хлесткаго слова.

Б. Алмазовъ, большой эстетикъ и любитель романтическихъ темъ, также былъ унесенъ волной стихотворнаго обличенія. Въ выборѣ темъ, какъ человѣкъ молодой и пылкій, онъ былъ смѣлъ и обладалъ безспорнымъ даромъ—необычайно плавной и картинной рѣчи. Онъ былъ мастеръ не столько риѳмъ, сколько самаго стиха, и пародія давалась ему легко. За вычетомъ его нападокъ на самыя модныя и потому быстро испошлившіяся темы—въ родѣ бюрократизма вообще, взяточничества, лицемѣрія, празднаго либерализма, семейной неурядицы—его сатиры на тогдашнюю журналистику и его мѣткія характеристики литературныхъ партій были цѣнной новинкой, возбуждавшей откровенный смѣхъ—смѣхъ отъ души, но въ сущности смѣхъ весьма невинный.

В. С. Курочкинъ—извѣстный редакторъ „Искры"—умѣлъ смѣшить лучше. Тоже виртуозъ стиха и риѳмы, онъ славился своими переводами, или, вѣрнѣе, переложеніями изъ Беранже, и самъ слѣдовалъ манерѣ своего учителя. Въ его стихахъ, въ общественномъ смыслѣ опять-таки весьма невинныхъ, много легкости и граціи, много даже нѣжныхъ оттѣнковъ, но удара настоящаго—нѣтъ. Меньше шаржа, чѣмъ у другихъ, и больше психологической мотивировки, меньше натурализма и больше игривости въ темахъ „вольныхъ", бо̀льшая живость темпа—но опять все тѣ же ходячіе мотивы будничнаго обличенія, скользящаго лишь по поверхности жизни.

Тѣми же достоинствами и недостатками отличалась и сатира Д. Минаева. Въ риѳмахъ поразительно колоритная, въ стихѣ нѣсколько тусклая, эта сатира совсѣмъ уже не выходила за предѣлы ежедневной житейской суеты и никакихъ общихъ типовъ съ общественнымъ смысломъ не давала. Судя по нѣкоторымъ стихамъ, Минаевъ не имѣлъ даже яснаго представленія объ этомъ общественномъ смыслѣ событій. Онъ былъ мастеръ острыхъ словъ, но не острой мысли.

Можно пожалѣть, что „Гейне изъ Тамбова"—тогда очень популярный псевдонимъ не менѣе теперь популярнаго П. И. Вейнберга—писалъ въ тѣ веселые годы такъ мало. Литераторъ съ большимъ вкусомъ и широкимъ литературнымъ образованіемъ, онъ забавлялъ своими остроумными и игривыми пѣснями, на ко-

торыхъ всегда лежала печать очень вышколеннаго вкуса. Пѣсни были вполнѣ невинныя, иногда на мелкую злобу дня, но самъ авторъ, кажется, и не требовалъ отъ нихъ большаго.

Популяренъ какъ обличитель былъ тогда и Розенгеймъ, на поэзію котораго такъ недовѣрчиво смотрѣли наши либералы. Они были правы: сатира и веселая пѣсня совсѣмъ не подходили къ складу души этого мирнаго, мечтательно настроеннаго патріота. Человѣкъ съ искренней любовью къ поэзіи, недурной техникъ стиха и, какъ говорятъ знавшіе его люди, человѣкъ необычайно добрый и мягкій, онъ былъ совсѣмъ въ своей сферѣ, когда касался религіозныхъ и военно-патріотическихъ темъ и не выходилъ изъ общихъ словъ и положеній, когда хотѣлъ своего читателя не растрогать, а натравить. Конечно, и ему, какъ опытному стихотворцу и литератору со вкусомъ, удавалось подчасъ написать удачное сатирическое стихотвореніе, которое очень нравилось.

Тогда же начиналъ свою литературную дѣятельность и В. П. Буренинъ, обнаруживая въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ очень искусную грань стиха и большой даръ пародіи и комическаго таланта.

Къ этому перечню наиболѣе замѣтныхъ сатириковъ-стихотворцевъ и слагателей веселыхъ пѣсенъ нужно добавить и всѣхъ тѣхъ менѣе извѣстныхъ писателей, которые ютились при редакціяхъ сатирическихъ журналовъ и листковъ, столь тогда распространенныхъ. Эти сатирическіе журналы и листки во главѣ съ „Искрой“ представляли въ ихъ совокупности безспорно извѣстную общественную силу. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ тѣ годы съ ней считались. „Искра“ и другіе листки внушали извѣстное безпокойство, можетъ быть даже страхъ, всѣмъ тѣмъ, кто безчинствовалъ довольно явно. Но при опредѣленіи литературной стоимости и общественнаго значенія нашей стихотворной сатиры 50—60 годовъ надо все-таки помнить, что прозаическіе фельетоны и статьи дѣйствовали успѣшнѣе и сильнѣе стихотворныхъ и что всѣ эти риѳмованныя сатирическія стрѣлы были сильны только въ ихъ скученности и при ихъ подавляющемъ количествѣ. Среди всѣхъ сатириковъ—крупнаго, истиннаго таланта, яркаго и бьющаго безъ промаха, не было. Онъ, по крайней мѣрѣ, незамѣтенъ въ тѣхъ стихахъ, которые проникли въ печать.

Всей этой мелкой сатирѣ, и прозаической, и въ особенности риѳмованной, недоставало глубины взгляда и широты размаха. Можетъ быть — помимо отсутствія сильныхъ талантовъ — это объясняется еще и тѣмъ, что самый родъ легкой, живой сатиры

не имѣлъ у насъ непосредственнаго прошлаго и былъ въ Николаевское время низведенъ—по крайней мѣрѣ при гласномъ своемъ обнаруженіи—до самой плоской шутки и каламбура.

Установляя такую относительно невысокую стоимость нашей сатиры въ ея недавнемъ прошломъ, надо, однако, помнить, что все, что при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ и наличности талантовъ можно было сдѣлать—она сдѣлала. Она подбадривала по мѣрѣ силъ общественное настроеніе тѣхъ годовъ и веселила его. Этого нельзя сказать о той же стихотворной и легкой сатирѣ позднѣйшаго времени, которая свое подневольное положеніе вымещала почти исключительно на тёщахъ, зябнущихъ дачникахъ, пьяныхъ купцахъ, кокоткахъ и спящихъ думскихъ дѣятеляхъ.

III.

Читатель, конечно, успѣлъ уже замѣтить, что въ числѣ вышепоименованныхъ сатириковъ-стихотворцевъ не названъ ни Некрасовъ, ни Добролюбовъ, ни А. Толстой. Они не подходятъ подъ общую норму. Ихъ выдѣляетъ прежде всего ихъ безспорно сильный и оригинальный талантъ, а затѣмъ и ихъ отношеніе, какъ сатириковъ, къ окружавшей ихъ дѣйствительности.

Сатирическій талантъ Некрасова—первоклассный, но только его стихи никакъ не могутъ быть отнесены въ разрядъ „легкой“ поэзіи. Правда, въ ранней юности, въ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ и затѣмъ въ послѣдніе годы (1870—1877) жизни, Некрасовъ писалъ шутливые и остроумные памфлеты, но въ эпоху общественной бури онъ былъ такъ серьезно и такъ печально настроенъ, что сатира его вмѣстѣ съ Щедринской была крикомъ негодованія, злобной филиппикой, стономъ, воплемъ, чѣмъ угодно, но только не остроумной шуткой, хотя бы и съ очень полновѣснымъ содержаніемъ.

Въ своемъ журналѣ эту роль злого насмѣшника Некрасовъ предоставилъ Добролюбову, лишь изрѣдка приходя ему на помощь. И выборъ редактора былъ въ данномъ случаѣ необычайно удаченъ. „Свистокъ“ и его герой Конрадъ Лиліеншвагеръ, онъ же и Яковъ Хамъ и проч., были первыми піонерами настоящей общественной сатиры легкаго типа. Необычайная серьезность и дѣловитость Добролюбова не помѣшали расцвѣту его истинно сатирическаго таланта. Такъ много задатковъ широкой талантливости было въ этомъ человѣкѣ, который за свою краткую жизнь успѣлъ только намекнуть на то, что онъ былъ призванъ сказать и сдѣлать.

Извѣстно, какую сенсацію произвелъ „Свистокъ" и сколь многихъ онъ озлобилъ. И было основаніе сердиться на него. Его никакъ нельзя было упрекнуть въ пустомъ шутовствѣ или въ легковѣсности—двухъ качествахъ, которыя въ другихъ сатирическихъ стихахъ могли всегда служить утѣшеніемъ для тѣхъ, въ кого сатира мѣтила. „Свистокъ" въ шутливой формѣ трактовалъ о самыхъ коренныхъ вопросахъ тогдашней общественной жизни и злилъ многихъ людей своими справедливыми нападками на тѣ ихъ убѣжденія и чаянія, которыя, какъ имъ казалось, стояли внѣ всякаго выстрѣла. Кто поднялъ на смѣхъ пресловутую „гласность", прикрывавшую все ту же традиціонную безгласность прежняго времени? Кто развѣнчалъ побѣдоносный „прогрессъ", о которомъ такъ много было крику среди толченія на одномъ мѣстѣ или попытокъ идти вспять? Кто „созрѣвшимъ" людямъ доказалъ, что они ребята? Кто мнимую ученость низвелъ на степень глупаго педантизма? Вообще, кто изъ современниковъ былъ такъ смѣлъ и кто былъ такъ зорокъ, что причину неустройствъ и золъ искалъ не во внѣшнихъ преградахъ, а въ самыхъ людяхъ, призванныхъ на работу? Всѣ эти—теперь далеко не новыя мысли — показались въ „Свисткѣ" необычайно дерзкими именно потому, что въ нихъ была заключена правда темной стороны тогдашняго историческаго момента.

Въ сравненіи съ этими словами—съ виду столь шутливыми, а въ глубинѣ столь вѣскими—какъ мелки и незначительны должны были показаться преобладавшія тогда сатирическія обличенія взяточниковъ, неисправныхъ или слишкомъ старательныхъ администраторовъ, бюрократовъ, самодовольныхъ и недовольныхъ, невѣжественныхъ купцовъ, кулаковъ, эксплуататоровъ, ростовщиковъ, глупыхъ учителей, праздношатающихся кавалеровъ и дѣвицъ, гулякъ и камелій, хлыщей и либеральныхъ болтуновъ, т.-е. всѣхъ тѣхъ людей, отъ которыхъ можно было бы просто отмахнуться, еслибы общественное обновленіе шло дѣйствительно по пути, указанному Добролюбовымъ.

Съ шутливыхъ пѣсенъ этого суроваго критика надо начинать исторію нашей общественной легкой сатиры, облеченной въ игривую стихотворную форму, такъ какъ онъ, трезвый прозаикъ, владѣлъ и этой формой въ совершенствѣ.

Прямыхъ продолжателей Добролюбовъ не имѣлъ (Щедринъ попыталъ свои силы въ томъ же „Свисткѣ", но стихи ему не давались), а всѣ его современники, какъ мы видѣли, избирали мишень болѣе легкую и близкую.

Исключеніемъ былъ лишь гр. А. Толстой.

Онъ и въ этой области своего поэтическаго творчества, какъ во всѣхъ другихъ, сумѣлъ сохранить за собой особую позицію. Она была уже потому особая, что на ней не было знамени опредѣленной партіи. Большинство, если не всѣ изъ сатириковъ тѣхъ годовъ шли подъ флагомъ ясно-либеральнымъ. Либеральна, если ужъ употреблять это измотавшееся слово, была и основная тенденція сатиры Толстого, но что-то въ ней было особое, отличное отъ общепринятаго образца, что̀, вопреки всякой справедливости, утвердило во мнѣніи большинства понятіе о Толстомъ, какъ о сатирикѣ ретроградна̀го лагеря. Дѣйствительно, кто при словѣ „сатира Толстого“ не вспоминаетъ прежде всего „Потока Богатыря“ и „Порой веселой мая“—этихъ двухъ самыхъ злыхъ пародій на нашихъ радикаловъ?

Такое ходячее мнѣніе о Толстомъ, какъ о сатирикѣ, требуетъ не одной только оговорки, но—поправки.

IV.

Алексѣй Константиновичъ писалъ пародіи, шутки и сатиры при случаѣ, и съ нѣкоторой небрежностью относился къ этому своему дару. Если собрать все имъ написанное въ этомъ родѣ, то составится сборничекъ довольно тощій.

При составленіи такого сборника надо, однако, соблюдать большую осторожность. Извѣстность, которую пріобрѣлъ Толстой, какъ сатирикъ, заставила многихъ приписывать ему стихи, въ которыхъ онъ былъ невиновенъ. Такъ случилось, между прочимъ, со знаменитой „Ѳедорушкой“, имѣвшей большой успѣхъ въ нелегальной печати.

„Я попался, — писалъ Толстой, — между двухъ огней, обвиняемый Л... и Т... въ революціонныхъ мысляхъ, а сапожниками-фельетонистами—въ ретроградныхъ... Оба противоположныя мнѣнія согласны въ томъ, что я виновенъ. Я—который пахну фіалками!.. Вы требуете, чтобы я публично отрекся отъ нѣкоторыхъ стихотвореній, приписываемыхъ мнѣ. Неужто же это все „Ѳедорушка“, которую мнѣ прислали съ вопросомъ—моя ли она, или нѣтъ?—Нѣтъ, не моя; я никогда ничего не писалъ безъ подписи. Авторъ пишетъ дурные стихи и сваливаетъ ихъ мнѣ на плечи“. (Письмо изъ Дрездена 1871 г., 20 декабря. „Вѣстникъ Европы“ 1895, XI, стр. 184).

Шуточные стихи и сатиры Толстого, появляясь неожиданно, въ сроки иногда другъ отъ друга очень отдаленные, не объеди-

нены какой-нибудь общей тенденціей. Авторъ не дѣлалъ ихъ орудіемъ борьбы серьезной и обдуманной. Онъ шутилъ ими, такъ какъ, по собственному признанію, былъ „шутливъ отъ природы", но, какъ у человѣка большого ума и остраго взгляда, его набѣжавшая шутка была часто и острѣе, и сильнѣе, чѣмъ сознательно написанная и продуманная сатира любого присяжнаго остроумца-обличителя.

Будущій собиратель и издатель шуточныхъ стиховъ Толстого столкнется поэтому съ нѣкоторой трудностью, если пожелаетъ сгруппировать ихъ по содержанію, не придерживаясь внѣшняго хронологическаго порядка. Группировать плоды художественнаго каприза, дѣйствительно, нелегко. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ съ перваго взгляда смысла не доищешься; есть и такіе, въ которыхъ за видимой безсмыслицей какъ будто что-то и кроется.

Оставимъ ихъ пока въ сторонѣ и обратимся къ тѣмъ, смыслъ которыхъ вполнѣ ясенъ.

V.

. . . .
Языкъ держать привыкъ я строго,
И повторяю каждый день:
Нѣсть власти, аще не отъ Бога.
Не намъ понять высокихъ мѣръ,
Творцомъ внушаемыхъ вельможамъ;
Мы изъ исторіи примѣръ
На этотъ случай выбрать можемъ:
Передъ Шуваловымъ свой стягъ
Склонялъ великій Ломоносовъ —
Я жъ — другъ властей и вѣчный врагъ
Такъ-называемыхъ вопросовъ [1]).

„Врагъ такъ-называемыхъ вопросовъ", не желающій критиковать распоряженія начальства, прикинулся большимъ скромникомъ. Именно, по самымъ знаменательнымъ вопросамъ своего времени наговорилъ Толстой много дерзостей и тѣмъ людямъ, которые, яко власть имущіе, эти вопросы рѣшали, и тѣмъ, которые не желали слышать ни о какомъ рѣшеніи, не отъ ихъ мудрости исходящемъ.

Толстому въ извѣстномъ лагерѣ всегда ставили въ упрекъ его отношеніе къ молодому поколѣнію прогрессистовъ 60-хъ годовъ. Упрекъ кажется вполнѣ основательнымъ, если не считаться

[1]) Изъ шуточнаго стихотворенія „Посланіе къ Ѳ. М. Толстому". Красный-Рогъ, 1869, 14 января. „Русская Старина" 1887, т. LV, 144—5.

съ условіями того времени, съ особымъ фанатичнымъ культомъ поэзіи, за права которой Толстой собственно и заступался, и—главное—если сбросить со счетовъ всѣ тѣ стихотворенія, въ которыхъ нашъ сатирикъ расправляется уже не съ молодежью, а съ ея самыми опредѣленными врагами. Если же со всѣми этими фактами посчитаться, то, можетъ быть, антипрогрессивные стихи Толстого окажутся совсѣмъ не столь виновными въ „непониманіи“ серьезныхъ сторонъ тогдашняго общественнаго движенія.

Эти стихи столь извѣстны, что останавливаться на нихъ долго нѣтъ нужды. Да и всѣхъ-то этихъ стиховъ—всего двѣ баллады и одна пѣсня.

Баллада „Порой веселой мая“ заслужила вполнѣ справедливыя порицанія. Авторъ хотѣлъ поразить „россійскую коммуну“ и разсказалъ ни съ чѣмъ несообразную сказку, въ которой вмѣсто острой мысли была лишь „легкая“ мысль или просто легкомысліе. Свести обвиненія противъ матеріалистовъ, нигилистовъ, демагоговъ и анархистовъ къ тому, что эти люди хотятъ загадить все изящное въ жизни во имя общаго блаженства,—значило взвести на нихъ большую напраслину, точно также какъ рекомендовать орденъ Станислава какъ панацею противъ ихъ разрушительныхъ тенденцій—значило сказать непристойность.

Впрочемъ, имѣемъ ли мы право относиться къ этой балладѣ серьезно, какъ къ ней обыкновенно относятся, когда порицаютъ за нее Толстого? Можетъ быть, это самая обыкновенная бутада безъ всякой претензіи, шаржъ, прочитанный въ дружеской компаніи. Но одно въ этой балладѣ характерно, это—то, что сатирикъ не нашелъ иного обвиненія для ненавистныхъ ему людей, какъ обвиненіе во враждѣ къ искусству, точно у нихъ не было иныхъ грѣховъ, гораздо болѣе тяжкихъ въ общественномъ смыслѣ. Имѣй Толстой въ виду серьезную выходку противъ радикаловъ, онъ по пустякамъ не сталъ бы къ нимъ привязываться, потому что извѣстно, что всѣ ультра-радикалы, уравнители и демагоги на Западѣ никогда не отрицали культурнаго значенія эстетическихъ эмоцій человѣка.

Несравненно серьезнѣе и злѣе, и умнѣе, чѣмъ эта баллада, другая — извѣстный „Потокъ“, — въ свое время пользовавшаяся огромнымъ успѣхомъ [1]).

Балладу эту нельзя считать чисто ретроградной по основной ея мысли. Она не имѣетъ никакого цвѣта и одинаково враждебно

---

[1]) „Онъ имѣетъ громадный успѣхъ во всѣхъ слояхъ общества“. Письма Б. М. Маркевича къ А. К. Толстому, 119.

относится ко всѣмъ яркимъ краскамъ. Деспотизмъ и консерватизмъ въ ней осмѣяны такъ же злостно и остроумно, какъ и крайности либерализма худого тона. Нельзя въ самомъ дѣлѣ обвинить автора въ ретроградномъ образѣ мыслей только за то, что онъ не желаетъ видѣть въ отъявленномъ негодяѣ страдающаго меньшаго брата, не желаетъ согласиться съ тѣмъ, что Господь Богъ есть видъ кислорода, не желаетъ на брюхѣ лежать передъ мужикомъ, и въ дѣвицахъ-медичкахъ желалъ бы найти больше вниманія къ ихъ туалету. Обвинить уже потому нельзя, что рядомъ съ этимъ либеральнымъ Петербургомъ достается и „ханской" Москвѣ не меньше, и самъ авторъ откровенно признается, что онъ—сторонникъ и суда присяжныхъ, и мужика, который не пропиваетъ урожая, и сторонникъ здраваго русскаго вѣча. Онъ говоритъ даже больше: онъ соглашается, что и чепуху подчасъ пороть можно, и что въ этой чепухѣ попадаются иной разъ жемчужныя зерна, т.-е. онъ дѣлаетъ уступку, которую никогда не сдѣлалъ бы озлобленный сатирикъ и которую обязанъ сдѣлать справедливый историкъ.

Извѣстное стихотвореніе „Противъ теченія", на которое также указываютъ какъ на собственное признаніе автора въ томъ, что онъ плылъ противъ теченій своего времени, сатирой названо быть не можетъ. Это — прелестный гимнъ искусству въ мажорномъ тонѣ, и именно въ этомъ стихотвореніи раскрывается источникъ всего того раздраженія, которое охватывало поэта, когда онъ присматривался къ молодому поколѣнію своего времени. Онъ былъ сердитъ на него, какъ художникъ, какъ прирожденный, фанатичный эстетикъ и философъ-идеалистъ, который боялся (совсѣмъ, впрочемъ, неосновательно) за судьбу „безконечныхъ" началъ въ сердцѣ и сознаніи человѣка, слишкомъ занятаго будничными практическими вопросами.

Любопытно, что это стихотвореніе Толстого стало любимымъ нумеромъ на программахъ разныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, устраиваемыхъ молодежью. Совсѣмъ не замѣчая основной тенденціи стихотворенія (такъ она невинна), молодежь желала слышать въ немъ одинъ лишь призывъ къ борьбѣ за свои идеалы, и потому всегда рукоплескала словамъ:

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею.
На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею.
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе —

Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія.

Быстрый подъемъ радикальной мысли и, главное, темперамента огорчалъ Толстого и сердилъ 1) какъ непріятный симптомъ не-критическаго и несвободнаго отношенія людей къ теоріи, которую они исповѣдуютъ, и 2) главнымъ образомъ, какъ показатель упадка въ молодомъ поколѣніи эстетическаго пониманія и чувства.

Что Толстой именно какъ художникъ нападалъ на радикаловъ, уважалъ ихъ убѣжденія, но требовалъ критическаго и свободнаго къ нимъ отношенія—это онъ высказалъ очень ясно въ одномъ письмѣ къ Я. П. Полонскому. Дѣло идетъ о томъ, какъ нѣмцы и какъ наша молодежь относятся къ одному и тому же ученію.

„Матеріалистическое направленіе здѣсь слабо,—пишетъ Толстой.—Надъ Бюхнеромъ ученые смѣются. Я бы желалъ, чтобы наши нигилисты послушали здѣшнихъ ученыхъ. Отзывы ихъ о матеріализмѣ немножко бы отрезвили извѣстный вамъ классъ людей... Когда я спросилъ, почему у Бюхнера столько изданій, мнѣ отвѣчали: „Извините за неучтивую правду, но его изданія только и идутъ въ Россію и въ Венгрію, въ полуобразованныя страны, а у насъ мода на этихъ господъ давно прошла, мы для матеріализма слишкомъ серьезны и слишкомъ уважаемъ науку, которая не должна переступать свои границы". Вотъ разница между людьми дѣйствительно либеральными и дѣйствительно учеными—и тѣми, которыхъ можно бы назвать у насъ: les parvenus de la science ou de libéralisme" [1]).

Очевидно, что именно это уваженіе къ серьезности, съ какой человѣкъ относится къ жизни, заставило Толстого написать при другомъ случаѣ такія несовсѣмъ въ его устахъ обычныя строки:

„Какіе звѣри, — пишетъ онъ изъ Карлсбада въ 1871 г.,— тѣ, которые обидѣлись на Базарова. Они должны были бы поставить свѣчку Тургеневу за то, что онъ выставилъ ихъ въ такомъ прекрасномъ видѣ. Еслибы я встрѣтился съ Базаровымъ, я увѣренъ, что мы стали бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить" [2]).

Вѣроятно, однако, что онъ сталъ бы спорить съ Базаровымъ обо всемъ, но только не о Пушкинѣ и не объ искусствѣ. Онъ, какъ видно изъ его писемъ, не могъ объ этомъ говорить спо-

---

[1]) Письмо изъ Дрездена 1868—71, „Русская Старина" 1884, XI, 195—6.
[2]) „Вѣстникъ Европы" 1897, VII, 106.

койно съ людьми даже менѣе радикальными. „Вся наша критика находится въ рукахъ одной клики, за рѣдкими и робкими исключеніями, — пишетъ онъ раздраженно въ 1869 г. — Девизъ этой клики—*война искусству*. Будемъ обходиться и безъ ихъ мнѣнія“ [1]).

И годомъ раньше онъ ту же мысль высказывалъ въ письмѣ къ Полонскому. „Мы съ вами—не послѣдніе могикане искусства,—писалъ онъ,—оно не умретъ и не можетъ умереть, какъ бы тамъ ни старались разные Чернышевскіе, Писаревы, Стасовы (?), Корфы (?) и такъ далѣе, кто прямо, кто косвенно. Убить искусство такъ же легко, какъ отнять дыханіе у человѣка подъ тѣмъ предлогомъ, что оно роскошь и отнимаетъ время даромъ, не вертитъ мельничныхъ колесъ и не раздуваетъ мѣховъ“ [2]).

И вездѣ, и всегда такъ. Въ Толстомъ, когда онъ говоритъ о своемъ времени, возмущенъ прежде всего и почти исключительно художникъ. Публициста и политика въ его рѣчахъ совсѣмъ не слышно. Судитъ—поэтъ, онъ же и негодуетъ, и любитъ.

Когда его хорошій пріятель и даже другъ, Болеславъ Маркевичъ—авторъ романовъ съ несомнѣнной ретроградной тенденціей и одинъ изъ непримиримыхъ обличителей „нигилистовъ“— спрашивалъ Толстого, какое на него впечатлѣніе произвело одно его твореніе, Толстой не пошелъ дальше чисто литературной оцѣнки. Онъ говорилъ Маркевичу, что его „нигилистъ“—лицо, которое „живетъ и дышетъ“, что онъ далъ образчикъ отличнаго физіологическаго этюда, но что слишкомъ много показалъ свою собственную физіономію и не былъ достаточно *объективенъ* [3]).

Когда Толстому попался въ руки романъ Клюшникова „Марево“—опять-таки романъ съ ясной обличительной и ретроградной тенденціей — этотъ въ художественномъ отношеніи слабый разсказъ раздражилъ его необычайно: „Читаю теперь „Марево“,— пишетъ онъ.—Это чортъ знаетъ что. И талантъ есть, и нѣкоторыя удачныя описанія, и кое-какія хорошія выраженія, рядомъ съ сильнымъ лакействомъ... Все это вертится на недавнихъ событіяхъ, и потому какъ будто представляетъ какой-то интересъ. Авторъ перещеголялъ даже Кохановскую новостью языка... Клюшниковъ—человѣкъ съ настоящимъ талантомъ, но онъ имъ орудуетъ какъ акробатъ“ [4]).

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1895, XI, 166.
[2]) „Русская Старина“ 1884, XI, 196.
[3]) „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, 649; 1897, VI, 633.
[4]) Письмо отъ 11 іюля 1864 г. изъ Карлсбада. „Вѣстникъ Европы“ 1897, VI, 619.

Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ виденъ только художникъ, цѣнитель стиля и образовъ, а никакъ не публицистъ, еще симпатизирующій будто бы основной идеѣ такихъ боевыхъ романовъ.

Иногда, впрочемъ, нашъ эстетикъ, когда ему вдругъ невзначай случалось набрести на „нигилиста", пугался и готовъ былъ въ этомъ таинственномъ незнакомцѣ (а „нигилистъ" и въ 60-хъ годахъ былъ для многихъ таинственной личностью) видѣть нѣчто страшное и стихійное. Есть въ его перепискѣ по этому поводу очень характерныя строки, въ которыхъ такъ и чувствуешь, какъ эстетикъ содрогается передъ фантомомъ „нигилизма". „Шесть часовъ утра, — пишетъ онъ, — я только-что выходилъ на балконъ, но ничего не могъ разсмотрѣть. Такой туманъ, что онъ даже помѣшалъ бы Ромео разсмотрѣть Джульетту на поларшина разстоянія. Пѣтухи на селѣ продолжаютъ орать вдалекѣ, но они ничего этимъ не доказываютъ. Точно конецъ свѣта, или Нифельгеймъ скандинавовъ. Ни дерева, ни повара на кухнѣ. Ничего. Это — идеалъ нигилистовъ; къ тому же, что-то сырое падаетъ вамъ на голову" [1]).

Но кто они были, эти нигилисты? — разрѣшено спросить, и чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, пришлось бы написать цѣлое историческое изслѣдованіе. Одно только извѣстно: „нигилизмъ" пугалъ современниковъ и пугалъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире были толкованія этого загадочнаго понятія. Толстой стоялъ не одиноко, когда съ опасеніемъ слѣдилъ за развитіемъ ультра-радикальныхъ взглядовъ и настроеній, которые какъ будто предвѣщали, ну, если не конецъ свѣта, то вихрь отрицанія и разрушенія. И не одни консерваторы и поклонники уютной косности раздѣляли съ нимъ эти опасенія.

Чтобы вѣрно судить о томъ положеніи, какое Толстой занялъ по отношенію къ крайнимъ нашимъ партіямъ въ 60-хъ годахъ, надо держать въ умѣ нѣсколько историческихъ справокъ; надо вспомнить, напр., какъ Герценъ отнесся къ „желчевикамъ" и какія колкости онъ говорилъ Чернышевскому, какъ Кавелинъ сравнивалъ Добролюбова съ очковой змѣей, какъ Тургеневъ непристойно бранилъ того же Чернышевскаго и Добролюбова, какъ, наконецъ, Салтыковъ расправлялся съ „вислоухими" изъ „Русскаго Слова"...

Если не упускать изъ виду этихъ историческихъ справокъ, то и сатиры Толстого не будутъ нуждаться въ оправданіи.

---

1) Письмо 1869 г. „Вѣстникъ Европы", 1895 г., XI, 172—3.

VI.

Но эти справки забываются; забываются и тѣ стихотворенія автора, тѣ его шутки и сатиры, которыя бьютъ по консервативному лагерю. Эти сатиры почему-то не включены въ полное собраніе его сочиненій, хотя большинство ихъ и напечатано въ Россіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. А перепечатать ихъ нужно, хотя бы во имя безпристрастія.

Политическая и общественная сатира Толстого захватываетъ сферу довольно широкую. Она мѣтитъ и въ нашъ государственный порядокъ, въ его цѣломъ, и въ опору этого порядка — въ бюрократическую машину. Конечно, кругъ, въ которомъ поэтъ вращался, и возможность получить приглашеніе—прочитать свои новые стихи въ аудиторіи особъ очень высоко поставленныхъ—держали языкъ поэта нѣсколько на привязи. Его сатира необычайно корректна и деликатна въ своихъ выраженіяхъ и очень тонка въ своихъ намекахъ. Но отъ этого сущность ея и сила не страдаютъ.

Припомнимъ нѣкоторыя изъ этихъ шутокъ.

Сколь многіе утѣшали себя, въ тѣ годы „прогресса“, нашей молодостью и видами на блестящее будущее, которое должно искупить весь безпорядокъ настоящаго! Это была ходкая тогда тема. Она имѣла за собой долю правды, когда о ней говорили люди живого труда. Но вѣдь были другіе люди, которые на такой надеждѣ готовы были уснуть какъ на мягкой подушкѣ: отчего было не разбудить этихъ людей, хотя бы и очень радикальнымъ способомъ:

Сидитъ подъ балдахиномъ
Китаецъ Дцу-Кинь-Дцинь
И молвитъ мандаринамъ:
— Я главный мандаринъ.
Велѣлъ владыко края
Мнѣ вашъ спросить совѣтъ,
Зачѣмъ у насъ въ Китаѣ
Досель порядка нѣтъ?—
Китайцы всѣ присѣли,
Задами потрясли;
Гласятъ:—Затѣмъ доселѣ
Порядка нѣтъ въ земли,

Что мы вѣдь очень млады,
Намъ тысячъ пять лишь лѣтъ—
Затѣмъ у насъ нѣтъ складу,
Затѣмъ порядку нѣтъ.
Клянемся разнымъ чаемъ,
И желтымъ и простымъ,
Мы много обѣщаемъ
И много совершимъ.
— Мнѣ ваши рѣчи милы,
Отвѣтилъ Дцу-Кинь-Дцинь,
Я убѣждаюсь силой
Столь явственныхъ причинъ.

Подумаешь, пять тысячъ,
Пять тысячъ только лѣтъ!—

И приказалъ онъ высѣчь
Немедля весь совѣтъ [1]).

Другая шутка съ такой же граціей старалась разсѣять не менѣе опасную иллюзію—вѣру въ наше, какъ говорилось, культуртрегерство. Каткову, Черкасскому, Самарину и Маркевичу посвящена эта милая пѣсня „объ арапахъ“ [2]).

Друзья, ура! Въ единство
Сплотимъ Святую Русь.
Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

Катковъ сказалъ, что дескать
Терпѣть ихъ—это грѣхъ;
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

Ядро у насъ Славяне,
Но есть и Вотяки,
Башкирцы и Армяне
И даже Калмыки,

Есть также и грузины,
Конвоя цвѣтъ и честь,
Есть латыши и фины
И шведы также есть.

Недавно и ташкентцы
Живутъ у насъ въ плѣну;
Признаться ль?.. Есть и нѣмцы,
Но это entre-nous.

Страшась съ Катковымъ драки,
Я на ухо шепну,
Что есть у насъ Поляки,
Но также entre-nous.

И многими другими
Обиленъ нашъ запасъ;
Какъ жаль, что между ними
Араповъ нѣтъ у насъ!

Тогда бы князь Черкасской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Съ усердьемъ столь же смѣлымъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлинялъ бы носъ;
Маркевичъ восклицалъ бы:
Осанна... Аксіосъ!..

А можетъ быть, мы захотимъ послушать, какъ нашъ литераторъ дерзалъ писать своему начальству—тогда лучше всего заглянуть въ посланіе Толстого къ М. Н. Лонгинову „о дарвинизмѣ“, съ которымъ цензура никакъ не хотѣла согласиться:

Способъ, какъ творилъ Создатель,
Что считалъ онъ болѣ кстати,—
Знать не можетъ предсѣдатель
Комитета о печати.

Ограничивать такъ смѣло
Всесторонность Божьей власти, —
Вѣдь такое, Миша, дѣло
Пахнетъ ересью отчасти.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 15 апрѣля 1869 г. „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, 657—8.

[2]) „Русская Старина“ 1887, LIII, 512—514. Сравн. также „Русская Старина“ 1886, X, 233—4. Въ этой редакціи она названа „Единство“.

Вѣдь подобные примѣры
Подавать неосторожно,
И тебя за скудость вѣры
Въ Соловки сослать бы можно...

Или вотъ еще одинъ образчикъ: — Наука

Льетъ на міръ потоки свѣта
И, слѣдя, какъ въ тьмѣ лазурной
Ходятъ Божіи планеты
Безъ инструкціи цензурной, —

Кажетъ намъ, какъ та же сила,
Вся въ иную плоть одѣта,
Въ область разума вступила,
Не спросясь у комитета.

Брось же, Миша, устрашенья!
У науки нравъ не робкій,
Не заткнешь ея теченья
Ты своей дрянною пробкой.

Та же убійственная острота при удивительной деликатности и въ сатирахъ: „Сонъ статскаго совѣтника Попова“ и „Русская исторія отъ Гостомысла“.

„Сонъ Попова“—лучшая и самая художественная изъ всѣхъ нашихъ сатиръ-стихотвореній, направленныхъ противъ бюрократіи. Она кромѣ того—историческій документъ, такъ какъ главное дѣйствующее лицо списано съ натуры. Какъ часто въ самомъ дѣлѣ можно было подслушать въ тѣ годы такія „ясныя“ рѣчи либеральнаго начальства:

Искать себѣ не будемъ идеала,
Ни основныхъ общественныхъ началъ
Въ Америкѣ. Америка отстала:
Въ ней собственность царитъ и капиталъ.
Британнія строй жизни запятнала
Законностью. А я ужъ доказалъ—
Законность есть народное стѣсненье
Гнуснѣйшее межъ всѣми преступленье!
Нѣтъ, господа! Россіи предстоитъ,
Соединивъ прошедшее съ грядущимъ,
Создать, коль смѣю выразиться, видъ,
Который называется присущимъ
Всѣмъ временамъ, и, ставъ на свой гранитъ,
Имущимъ, такъ сказать, и неимущимъ
Открыть родникъ взаимнаго труда...
Надѣюсь, вамъ понятно, господа?

А страшное Третье Отдѣленіе, въ первый разъ попадающее на страницы литературы! Толстой былъ единственнымъ нашимъ сатирикомъ, который не остановился въ молчаніи передъ дверьми этого учрежденія. До насъ донеслись даже рѣчи, которыя никогда не предназначались для печати. Лазоревый полковникъ, утирая слезы, говорилъ несчастному Попову, заподозрѣнному въ либерализмѣ:

Но, юный другъ, для набожныхъ сердецъ
Къ отверженнымъ не можетъ быть презрѣнья,
И я хочу вамъ быть второй отецъ,
Хочу вамъ дать для жизни наставленье.
Заблудшихъ такъ приводимъ мы овецъ
Со дна трущобъ на чистый путь спасенья.
Откройтесь мнѣ, равно какъ на-духу:
Что привело васъ къ этому грѣху?
Конечно, вы пришли къ нему не сами,
Характеръ вашъ невиненъ, чистъ и прямъ.
Я помню, какъ, дитей, за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугамъ...
Нѣтъ, юный другъ, вы ложными друзьями
Завлечены. Откройте же ихъ намъ.
Кто вольнодумцы? Всѣхъ ихъ назовите
И собственную участь облегчите.

И несчастный Поповъ не устоялъ:

Пошелъ строчить (какъ люди въ страхѣ гадки!)
Именъ невинныхъ цѣлые десятки:
Явились тутъ на нѣсколькихъ листахъ
Какой-то Шмидтъ, два брата Шплаковы,
Зерцаловъ, Палкинъ, Савичъ, Розенбахъ,
Потенчиковъ, Гудимъ-Бодай-Корова,
Делаверганжъ, Шульгинъ, Страженко, Драхъ,
Грай-Жеребецъ, Бабковъ, Ильинъ, Багровый,
Мадамъ Гриневичъ, Глазовъ, Рыбинъ, Штихъ,
Бурдюкъ-Лишай—и множество другихъ.
Поповъ строчилъ сплеча и безъ оглядки.
Попались въ списокъ лучшіе друзья...
Я повторю:—какъ люди въ страхѣ гадки:
Начнутъ какъ Богъ, а кончатъ какъ свинья!

Но, къ счастію, всѣ друзья Попова остались цѣлы. Все это— и безштанный его либерализмъ, и пріемная министра, и лазоревый полковникъ, и недостойное поведеніе Попова въ Третьемъ Отдѣленіи, все было лишь сонъ, смѣшной, нелѣпый сонъ. Но чей же сонъ? Быть можетъ—Попова, но отнюдь не русскаго обывателя. Для него всѣ эти фантомы были дѣйствительностью.

Сатира Толстого иногда расширялась до цѣлой исторической картины, и художникъ, вопреки правилу Кузьмы Пруткова, хотѣлъ „объять необъятное“. Въ 83-хъ куплетахъ начерталъ онъ русскую исторію отъ Гостомысла до Тимашева—своего рода стихотворный фокусъ. Онъ имѣетъ свои литературныя достоинства въ нѣкоторыхъ куплетахъ, въ которыхъ набросаны характеристики русскихъ государей, но въ общемъ сатира слаба именно въ виду отсутствія въ этихъ портретахъ рѣзкихъ чертъ того или другого характера.

Наиболѣе удачны характеристики Петра и Екатерины:

Царь Петръ любилъ порядокъ
Почти какъ царь Иванъ,
И также былъ онъ сладокъ,
Порой бывалъ и пьянъ.
Онъ молвилъ: „Мнѣ васъ жалко,
Вы сгинете въ конецъ;
Но у меня есть палка,
И я вамъ всѣмъ отецъ.
Недалѣе какъ къ святкамъ
Я вамъ порядокъ дамъ“.
И тотчасъ за порядкомъ
Уѣхалъ въ Амстердамъ.
Вернувшися оттуда,
Онъ гладко насъ обрилъ,
А къ святкамъ такъ, что чудо,
Въ голландцевъ нарядилъ.
Но это, впрочемъ, въ шутку,—
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.
Хотя силенъ ужъ очень,
Быть можетъ, былъ пріемъ;
А все-жъ довольно прочёнъ
Порядокъ былъ при немъ...
. . . .
Веселая царица
Была Елисаветъ:
Поетъ и веселится,
Порядку только нѣтъ.
Какая жъ тутъ причина,
И гдѣ же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.
„Madame, при васъ на диво
Порядокъ зацвѣтетъ“,—
Писали ей учтиво
Вольтеръ и Дидеротъ,—
„Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать“.

„Messieurs,—имъ возразила
Она,—vous me comblez!“
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.

Впрочемъ, самое жало сатиры, заключается не въ этихъ историческихъ портретахъ, а въ припѣвѣ, который подъ каждымъ изъ нихъ подписанъ: „Земля наша обильна, порядка жъ нѣтъ какъ нѣтъ!“ На этихъ словахъ обрывается и русская исторія въ 1868 году,—когда „порядокъ былъ водворенъ“ Тимашевымъ.

Но легко догадаться, что и послѣ Тимашева пѣсню можно было начать пѣть сначала.

VII.

Эти образцы политической и общественной сатиры Толстого показываютъ ясно, насколько вѣренъ остался онъ своему принципу свободы, издѣваясь надъ бюрократами и правителями и въ то же время глумясь надъ крайними радикалами. „Двухъ становъ не боецъ“, онъ и здѣсь стоялъ на нейтральной позиціи, тѣмъ болѣе, что къ сатирѣ своей онъ относился любовно, но не со страстью.

Его сатиры, дѣйствительно, продиктованы ему не гнѣвомъ, а его веселымъ нравомъ, и если онѣ, тѣмъ не менѣе, полны смысла, то потому, что писалъ ихъ выдающійся по уму человѣкъ.

Этотъ умъ блеститъ и въ его чисто шуточныхъ стихотвореніяхъ.

Толстой писалъ ихъ много. Нѣкоторыя удостоились большой извѣстности, другія схоронены въ его частной перепискѣ. О нихъ нужно вспомнить.

Наиболѣе популярное изъ этихъ стихотвореній—извѣстная баллада о камергерѣ Деларю. Такъ какъ она не вошла въ полное собраніе стихотвореній поэта, а между тѣмъ подала поводъ другому большому остроумцу, Владиміру Соловьеву, высказать нѣсколько необычайно вѣрныхъ сужденій о шуткѣ Толстого, то мы эту балладу напомнимъ:

Вонзилъ кинжалъ убійца нечестивый
    Въ грудь Деларю.
Тотъ, шляпу снявъ, сказалъ ему учтиво:
    „Благодарю“.
Тутъ въ лѣвый бокъ ему кинжалъ ужасный
    Злодѣй вогналъ,
А Деларю сказалъ: „Какой прекрасный
    У васъ кинжалъ!“
Тогда злодѣй, къ нему зашедши справа,
    Его пронзилъ,
А Деларю съ улыбкою лукавой
    Лишь погрозилъ.
Истыкалъ тутъ злодѣй ему, пронзая,
    Всѣ тѣлеса,
А Деларю: „Прошу на чашку чая
    Къ намъ въ три часа“.
Злодѣй палъ ницъ и, слезъ проливши много,
    Дрожалъ какъ листъ,
А Деларю: „Ахъ, встаньте, ради Бога!
    Здѣсь полъ нечистъ!“
Но все у ногъ его въ сердечной мукѣ
    Злодѣй рыдалъ,

А Деларю сказалъ, разставя руки:
„Не ожидалъ!
Возможно ль? Какъ?! Рыдать съ такою силой?
По пустякамъ?..
Я вамъ аренду выхлопочу, милый,—
Аренду вамъ!
Черезъ плечо дадутъ вамъ Станислава,
Другимъ въ примѣръ.
Я дать совѣтъ властямъ имѣю право:
Я камергеръ!
Хотите дочь мою просватать, Дуню?
А я за то
Кредитными билетами отслюню
Вамъ тысячъ сто.
А вотъ пока вамъ мой портретъ на память,—
Пріязни въ знакъ.
Я не успѣлъ его еще обрамить,—
Пріймите такъ!“
Тутъ ѣдокъ сталъ и даже горче перца
Злодѣя видъ.
Добра за зло испорченное сердце—
Ахъ! не проститъ.
Высокій духъ посредственность тревожитъ,
Тьмѣ страшенъ свѣтъ.
Портретъ еще простить убійца можетъ,
Аренду жъ нѣтъ.
Зажглась въ злодѣѣ зависти отрава
Такъ горячо,
Что, лишь надѣлъ мерзавецъ Станислава
Черезъ плечо,—
Онъ окунулъ со злобою безбожной
Кинжалъ свой въ ядъ
И, къ Деларю подкравшись осторожно,
Хвать друга въ задъ!
Тотъ на полъ легъ, не въ силахъ, въ страшныхъ боляхъ,
На кресло сѣсть.
Межъ тѣмъ злодѣй, отнявъ на антресоляхъ
У Дуни честь,—
Бѣжалъ въ Тамбовъ, гдѣ былъ, какъ губернаторъ,
Весьма любимъ.
Потомъ въ Москвѣ, какъ ревностный сенаторъ,
Былъ всѣми чтимъ.
Потомъ онъ членомъ сдѣлался совѣта
Въ короткій срокъ...
Какой примѣръ для насъ являетъ это,
Какой урокъ!

„Увѣряю васъ,—начинаетъ шутить Вл. С. Соловьевъ [1]),—что хотя это фарсъ по формѣ, но съ очень серьезнымъ и, глав-

[1]) „Три разговора“. Сочиненія, VIII, 532—4.

ное, правдивымъ реальнымъ содержаніемъ. Во всякомъ случаѣ дѣйствительное отношеніе между добротою и злобою въ человѣческой жизни изображено этими шуточными стихотвореніями гораздо лучше, чѣмъ я могъ бы его изобразить своею серьезною прозою. И у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что когда герои иныхъ всемірно знаменитыхъ романовъ, искусно и серьезно распахивающихъ психологическій черноземъ, будутъ только литературнымъ воспоминаніемъ для книжниковъ,—этотъ фарсъ, въ смѣшныхъ и дико каррикатурныхъ чертахъ затронувшій подпочвенную глубину нравственнаго вопроса, сохранитъ всю свою художественную и философскую правду... Деларю—живой человѣкъ, со всѣми человѣческими слабостями, и тщеславіемъ, и стяжательностью, а его фантастическая непроницаемость для злодѣйскаго кинжала есть лишь очевидный символъ его безпредѣльнаго добродушія. Также „злодѣй"—вовсе не ходячій экстрактъ порока, а обыкновенная смѣсь добрыхъ и злыхъ качествъ; но у него зло зависти засѣло въ самой глубинѣ души и вытѣснило все доброе на душевную эпидерму, такъ сказать, гдѣ доброта приняла видъ очень живой, но поверхностной чувствительности... Не добротѣ Деларю завидуетъ злодѣй,—онъ вѣдь и самъ можетъ быть добрымъ,—развѣ онъ не чувствовалъ своей доброты, когда „рыдалъ въ сердечной мукѣ"?—нѣтъ, онъ завидуетъ именно недостижимой для него бездонности и простой серьезности этой доброты... Развѣ это не реально, развѣ не такъ бываетъ въ живой дѣйствительности? Отъ одной и той же влаги живительнаго дождя растутъ и благотворныя силы въ цѣлебныхъ травахъ, и ядъ—въ ядовитыхъ. Также и дѣйствительное благодѣяніе въ концѣ концовъ увеличиваетъ добро въ добромъ и зло въ зломъ. Такъ должны ли мы, имѣемъ ли мы право всегда и безъ разбора давать волю своимъ добрымъ чувствамъ? Можно ли похвалить родителей, усердно поливающихъ изъ доброй лейки ядовитыя травы въ саду, гдѣ гуляютъ ихъ дѣти? Дуня-то за что погибла, я васъ спрашиваю?"

Конечно, все это бутада самой остроумной грани, и мысль Толстого, когда онъ писалъ свою балладу, никогда не шла такъ далеко въ своихъ выводахъ, какъ мысль его истолкователя. Но одинъ тотъ фактъ, что такая остроумная интерпретація возможна—указываетъ на необычайную полновѣсность шутки. Тѣмъ хорошая шутка и бываетъ цѣнна, что изъ нея можно сдѣлать серьезный выводъ: серьезная проблема жизни показана своей изнанкой.

Нелегко найти такую изнанку жизни въ другомъ, тоже очень

извѣстномъ, шуточномъ стихотвореніи Толстого: „Бунтъ въ Ватиканѣ“. „Сегодня буду читать (во дворцѣ) „Сонъ Попова“,— пишетъ Толстой своей женѣ.—Императрица (Марія Александровна) просила меня серьезно ей прочесть „Бунтъ въ Ватиканѣ“; а такъ какъ я отказалъ наотрѣзъ, а m-me M. такъ настаивала, чтобы я ей его прочелъ, то я обѣщалъ ей это сдѣлать въ темной комнатѣ“ [1])...

Но еслибы нашелся остроумный истолкователь, то онъ могъ бы найти смыслъ и въ томъ невѣроятномъ скандалѣ, который разыгрался въ Ватиканѣ, когда папскій хоръ кастратовъ пожелалъ уравнять себя во всѣхъ правахъ, обязанностяхъ и состояніяхъ съ своимъ прямымъ начальствомъ и не безъ нѣкотораго нравственнаго права спрашивалъ себя, почему бы самому папѣ не пѣть кантаты нѣжнымъ голосомъ?

Вообще, большого удовольствія, и притомъ эстетическаго, лишенъ читатель, который теперь развѣ только случайно можетъ услыхать ту или другую шутку Толстого или натолкнуться на нее въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи. Много веселыхъ минутъ могъ бы онъ провести за этимъ чтеніемъ, и оно вызвало бы въ немъ одинъ лишь смѣхъ, самый добродушный и невинный. Но передъ нѣкоторыми стихотвореніями читатель все же остановился бы въ раздумьи, пораженный однимъ страннымъ впечатлѣніемъ.

Есть стихотворенія очень смѣшныя, но положительно недоступныя пониманію; ключъ ли къ нимъ утратился, или они сочинены вообще во славу безсмыслицы, но только всякій комментаторъ рискуетъ очутиться въ глупомъ положеніи, если начнетъ изощрять свое остроуміе въ ихъ серьезномъ толкованіи.

Прочитаетъ онъ, напр., такую шутку:

„Вѣрь мнѣ, докторъ, кромѣ шутки,—
Говорилъ разъ пономарь:—
Отъ крутыхъ яицъ въ желудкѣ
Образуется янтарь“.

Врачъ скептическаго складу
Не любилъ духовныхъ лицъ
И, причетнику въ досаду,
Проглотилъ пятьсотъ яицъ.

Стонъ и вопли! Всѣ рыдаютъ,
Пономарь звонитъ съ плеча.
Это значитъ—погребаютъ
Вольнодумнаго врача.

Не прошли еще и сутки,
Молвитъ грустно пономарь:
„А ужъ въ докторскомъ желудкѣ,
Видно, сдѣлался янтарь!“

—и если онъ не вспомнитъ почтеннаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кузьму Петровича Пруткова, то онъ напрасно

[1]) „А ты все-таки не будешь знать, что такое „Бунтъ въ Ватиканѣ“. „Письма Толстого изъ S. Remo 24-го и 25-го января 1875 г.“, „Вѣстникъ Европы“ 1897, VII, 122.

истощитъ свой умъ въ догадкахъ и ничего не изъяснитъ себѣ въ такомъ стихотвореніи. Только широкое знакомство съ литературной дѣятельностью Пруткова поможетъ ему разгадать смыслъ такой видимой безсмыслицы.

Да и вообще, какъ можно говорить о сатирѣ А. Толстого, игнорируя стихи и изреченія столь близкаго его родственника и друга, какимъ былъ покойный директоръ Пробирной Палатки Кузьма Прутковъ?

VIII.

Прутковъ стяжалъ себѣ, какъ извѣстно, большую славу и популярность. Сочиненія его печатались охотно въ самомъ передовомъ журналѣ—въ „Современникѣ"—и имѣли такой громкій успѣхъ, что удостоивались нерѣдко контрафакціи. Ихъ знали наизусть; иногда въ серьезныхъ сочиненіяхъ на нихъ дѣлались ссылки; послѣ смерти автора, они издавались неоднократно и издаются до сего дня. Одно изъ нихъ даже попало на подмостки Александринскаго театра и было сыграно въ высочайшемъ присутствіи, хотя государь императоръ Николай Павловичъ и остался имъ очень недоволенъ. Вообще, славѣ Кузьмы Пруткова могъ позавидовать любой изъ самыхъ видныхъ нашихъ писателей.

Историкъ, служитель неподкупной истины, обязанъ впрочемъ не поддаваться увлеченію и безпристрастно оцѣнить какъ личность этого знаменитаго дѣятеля, такъ и стоимость его трудовъ, за которыми, каковы бы ни были ихъ погрѣшности, всегда сохранится одно значеніе—полная оригинальность и самобытность. Друзья, близко знавшіе Кузьму Пруткова, и среди нихъ и графъ Толстой, утверждаютъ, что онъ перенялъ отъ людей, имѣвшихъ въ литературѣ успѣхъ,—„смѣлость, самодовольство, самоувѣренность, даже наглость, и сталъ считать каждую свою мысль, каждое свое писаніе и изреченіе—истиною, достойною оглашенія. Онъ счелъ себя сановникомъ въ области мысли и сталъ самодовольно выставлять свою ограниченность и свое невѣжество, которыя иначе остались бы неизвѣстными внѣ стѣнъ Пробирной Палатки. Одобренный своими клевретами, онъ уже самъ сталъ требовать, чтобы его слушали, а когда его стали слушать, онъ высказалъ такое самоувѣренное непониманіе дѣйствительности, какъ будто надъ каждымъ его словомъ и произведеніемъ стоялъ ярлыкъ: „все человѣческое мнѣ чуждо".

Пусть будетъ такъ. Но, не взирая на всѣ свои недочеты какъ человѣка, Кузьма Прутковъ былъ все-таки настоящій пи-

сатель и человѣческое уже по одному тому было ему не чуждо, что многіе люди въ весьма критическихъ моментахъ своей жизни руководились его изреченіями и его мудростью—и продолжаютъ руководствоваться ею и теперь.

Свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго человѣка очень неполны и отрывочны. Его ближайшіе друзья, издавая въ свѣтъ его сочиненія, снабдили ихъ вводной статьей, которая до сего дня остается единственнымъ надежнымъ источникомъ для его жизнеописанія, если не считать краткой поминки, напечатанной въ годъ его смерти его племянникомъ Каллистратомъ Ивановичемъ Шерстобитовымъ [1]).

Общій ходъ скромной жизни Пруткова представляется по этимъ даннымъ въ слѣдующемъ видѣ. Родился Кузьма Петровичъ въ 1803 г. недалеко отъ Сольвычегодска въ деревнѣ Тентелевой [2]).

Какъ протекало его дѣтство—неизвѣстно, и только въ 1820 г. [3]) мы застаемъ его въ гусарскомъ полку (и притомъ „лучшемъ" полку) юнкеромъ. Поступилъ онъ въ военную службу, какъ утверждаютъ его друзья, только для мундира, и это пожалуй вѣрно, если вспомнить, какой ничтожный случай заставилъ его выйти въ отставку. А именно: въ ночь съ 10-го на 11-ое апрѣля 1823 года, возвратясь поздно домой съ товарищеской попойки и едва прилегши на койку, онъ увидѣлъ передъ собой голаго бригаднаго генерала въ эполетахъ. Это видѣніе такъ на него подѣйствовало, что онъ рѣшился перемѣнить военную службу на статскую и тотчасъ же опредѣлился по министерству финансовъ, въ Пробирную Палатку, гдѣ онъ и оставался до самой своей смерти; умеръ онъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника со старшинствомъ 15 лѣтъ $4^1/_2$ мѣсяцевъ, кавалеромъ Станислава первой степени послѣ 20-ти-лѣтняго безукоризненнаго управленія Палаткой. Имѣлъ онъ также и нѣсколько пожалованныхъ перстней.

Человѣкъ онъ былъ семейный и семейное счастье его составила нѣкая Антонида Платоновна Проклеветантова—очевидно, дворянскаго рода,—которая подарила ему свыше десяти человѣкъ дѣтей. Наружность его была некрасива, но выразительна. „Долго сохранится въ памяти,—говорилъ К. И. Шерстобитовъ,—его высокое, склоненное назадъ чело, опушенное снизу густыми рыже-

[1]) „Современникъ" 1863, IV, „Свистокъ", 54—62.

[2]) Деревня малоизвѣстная, но пользовавшаяся, очевидно, дурной репутаціей, потому что современные Пруткову петербургскіе сановники говаривали часто: „Смотри ты у меня. Сошлю тебя въ Тентелеву деревню" („Новое Время", № 2026, 1881 г.).

[3]) По свѣдѣніямъ Шерстобитова—въ 1816 г.

ватыми бровями, а сверху осѣненное поэтически-всклокоченными шанкретовыми съ просѣдью волосами; его мутный, нѣсколько прищуренный и презрительный взглядъ; его желто-каштановый цвѣтъ лица и рукъ; его змѣиная, саркастическая улыбка, всегда выказывавшая цѣлый рядъ, правда, почернѣвшихъ и порѣдѣвшихъ отъ табаку и времени, но все-таки большихъ и крѣпкихъ зубовъ; наконецъ, его вѣчно откинутая назадъ голова и нѣжно любимая имъ альмавива"...

О нравѣ Кузьмы Пруткова и объ его темпераментѣ свѣдѣнія у насъ не столь полныя, какъ объ его наружности. Онъ былъ рѣзокъ, рѣшителенъ, самоувѣренъ. „Въ этомъ отношеніи, какъ утверждаютъ его друзья, онъ былъ сыномъ своего времени, отличавшагося самоувѣренностью и неуваженіемъ препятствій. То было, какъ извѣстно, время знаменитаго ученія: „усердіе все превозмогаетъ". Въ словахъ Пруткова часто слышался не совѣтъ, не наставленіе, а—команда. Съ этими качествами можно было бы помириться, но друзья его утверждаютъ (хотя едвали основательно), что онъ былъ умственно ограниченъ и желалъ играть роль, на которую не имѣлъ права. Но эти же друзья признаютъ, что въ Кузьмѣ Петровичѣ сохранилось глубокое, прирожденное добродушіе, дѣлающее его невиннымъ во всѣхъ выходкахъ, и что потому онъ былъ и забавенъ, и симпатиченъ.

Образъ мыслей Кузьмы Петровича, при всей той свободѣ, съ какой онъ относился къ самымъ труднымъ вопросамъ бытія, былъ, какъ и надлежало ему быть, консервативный. Не могъ же онъ, питомецъ Николаевскаго режима, стать на сторону той новизны, которую на склонѣ лѣтъ своихъ онъ вокругъ себя видѣлъ? Но хоть онъ и не симпатизировалъ ей въ душѣ, онъ все-таки, по живости своей натуры, не могъ на нее не отозваться. „Въ періодъ подготовленія реформъ царствованія Александра II, разсказываютъ его друзья, онъ какъ бы растерялся. Сначала ему казалось, что изъ-подъ него уходитъ почва, и онъ сталъ роптать, повсюду крича о рановременности всякихъ реформъ, и о томъ, что онъ „врагъ всѣхъ такъ называемыхъ вопросовъ". (Эти слова онъ, очевидно, заимствовалъ изъ своихъ бесѣдъ съ гр. А. Толстымъ). „Однако, — продолжаютъ его коварные друзья свои разоблаченія, — потомъ, когда неизбѣжность реформъ сдѣлалась несомнѣнною, онъ самъ старался отличиться преобразовательными проектами, и сильно негодовалъ, когда проекты его браковали, по ихъ очевидной несостоятельности. Онъ объяснялъ это завистью, неуваженіемъ опыта и заслугъ и сталъ впадать въ уныніе, даже приходить въ отчаяніе. Состояніе его

духа отразилось, между прочимъ, въ извѣстномъ его стихотвореніи „Передъ моремъ житейскимъ“, гдѣ онъ себя сравнивалъ съ кузнечикомъ, который скачетъ, а куда—не видитъ. Вскорѣ, однако, онъ успокоился, почувствовавъ вокругъ себя прежнюю атмосферу, и подъ собою — прежнюю почву. Онъ снова сталъ писать проекты, но уже стѣснительнаго направленія, и они принимались съ одобреніемъ. Это дало ему основаніе возвратиться къ прежнему самодовольству и ожидать значительнаго повышенія по службѣ.

И умеръ онъ, по свидѣтельству его племянника, „съ полнымъ сознаніемъ полезной и славной своей жизни, поручивъ передать публикѣ, что умираетъ спокойно, будучи увѣренъ въ благодарности и справедливомъ судѣ потомства“... И потомство оправдало его надежды. Впрочемъ онъ и при жизни пользовался большимъ успѣхомъ. Если не считать злополучнаго провала его комедіи „Фантазія“ на Александринской сценѣ (1851 года, 8-го января), то въ литературѣ ему везло, да и фіаско на сценѣ должно быть отнесено къ числу простыхъ случайностей, такъ какъ не выйди императоръ Николай Павловичъ изъ своей ложи до окончанія пьесы и не покажи онъ явно своего недовольства— пьеса, вѣроятно, имѣла бы тотъ же успѣхъ, какой вообще выпадалъ на долю большинства тогдашнихъ комедій.

Во всякомъ случаѣ, Кузьма Петровичъ долженъ былъ быть благодаренъ тѣмъ случайнымъ друзьямъ, съ которыми его свела судьба и которые настояли на томъ, чтобы онъ сталъ литераторомъ. Они, эти друзья, — истинные виновники и творцы его славы; они угадали сказывавшійся въ немъ талантъ писателя, и хоть они и называли его „зазнавшимся неучемъ“, но, очевидно, цѣнили въ немъ писателя, такъ какъ хлопотали за него немало въ средѣ литераторовъ, и послѣ его смерти ревниво оберегали его память и его творенія отъ всякой поддѣлки. Знакомство Пруткова съ его друзьями состоялось въ 1850 году. Друзья эти были — графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой и его два двоюродныхъ брата Алексѣй Михайловичъ и Владиміръ Михайловичъ Жемчужниковы. Имена эти говорятъ сами за себя, и понятно, почему Кузьма Петровичъ, при всемъ своемъ самомнѣніи, такъ покорно подчинялся ихъ вліянію. Всѣ они были люди поразительно остроумные, а двое изъ нихъ — А. Жемчужниковъ и гр. Толстой—истинные поэты. Кузьма Петровичъ не могъ этого не чувствовать и ввѣрялся ихъ руководству безропотно. При всей своей строгости къ нему и друзья его, съ своей стороны, должны были признать, что онъ не простой ученикъ, а

писатель оригинальный. „Прутковъ,—сказалъ про него А. Жемчужниковъ,—удостоился занять въ литературѣ особое, собственно ему принадлежащее мѣсто“ [1]).

IX.

Эти слова справедливы не только въ отношеніи къ тому времени, когда Прутковъ выступалъ со своими произведеніями, но и въ отношеніи къ русской словесности вообще: и до сего дня его остроуміе остается единственнымъ по своей чеканкѣ. А въ 50-хъ годахъ оно имѣло, кромѣ того, еще особое общественное значеніе.

Противъ всякой попытки навязать твореніямъ Кузьмы Пруткова какое-либо общественное въ строгомъ смыслѣ значеніе — его друзья всегда возражали и самъ авторъ съ ними соглашался. Даже свою комедію „Фантазія“ онъ не желалъ признать сатирой на современные нравы, и жестоко высмѣялъ рецензента, который заговорилъ объ ея сатирическомъ смыслѣ.

Но и друзья автора, и онъ самъ не совсѣмъ правы въ своемъ протестѣ. Положимъ, редакція „Современника“, печатая произведенія Пруткова, всегда указывала читателю на безобидность его образа мыслей. Выпуская въ свѣтъ его „Пухъ и Перья“, она говорила: „мы всѣ думаемъ, что общественные вопросы не перестаютъ волновать насъ, что волны возвышенныхъ идей растутъ и ширятся и совершенно затопляютъ луга поэзіи и вообще искусства. Но другъ нашъ Кузьма Прутковъ убѣжденъ совершенно въ противномъ. Онъ полагаетъ, что его остроумныя басни и звучныя стихотворенія могутъ и теперь увлечь массу публики“ [2]).

Еще яснѣе высказывала свою мысль редакція, печатая извѣстную драму Пруткова „Черепословъ“, „Поклонники искусства для искусства!—восклицала она.—Рекомендуемъ вамъ драму г. Пруткова. Вы увидите, что чистая художественность еще не умерла“ [3]).

Однако у насъ есть свѣдѣнія, что эта чистая художественность причиняла редакціи иногда нѣкоторое безпокойство. Такъ И. И. Панаевъ вовсе не напечаталъ нѣкоторыхъ твореній Пруткова, переданныхъ ему для печати, и говорилъ, что въ этомъ

[1]) „Новости“ 1883, № 20.

[2]) „Современникъ“ 1860. Мартъ въ „Свисткѣ“. „Замѣтка отъ редакціи“.

[3]) „Современникъ“ 1860 г. Май. „Еще произведеніе Пруткова съ обращеніемъ редакціи“.

ему препятствовали цензурныя условія; но Кузьма Петровичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, не вѣрилъ этому [1]).

Наконецъ, нужно помнить, что въ 1863 году Кузьма Петровичъ вступилъ рѣшительно на путь публицистики. Правда, послѣ перваго же опыта, онъ отъ этой роли публициста отказался. И напрасно. Онъ въ этомъ первомъ публицистическомъ сочиненіи обнаружилъ сразу умъ большого государственнаго человѣка.

Такъ какъ этотъ опытъ — проектъ „о введеніи единомыслія въ Россіи" [2])—не вошелъ въ полное собраніе сочиненій Кузьмы Петровича, то мы приведемъ изъ него довольно пространную выписку. Она не нарушитъ порядка въ обзорѣ литературной дѣятельности Пруткова, потому что государственный этотъ проектъ стоитъ совсѣмъ одиноко въ ряду другихъ произведеній нашего автора.

Отставной поручикъ Воскобойниковъ, который огласилъ это твореніе Пруткова въ печати, говоритъ, что „Проектъ этотъ былъ написанъ въ 1859 году и на немъ имѣется помѣтка: „Подать въ одинъ изъ торжественныхъ дней на усмотрѣніе". Но былъ ли онъ поданъ и принятъ, Воскобойникову не было извѣстно по весьма малому его чину".

Самый проектъ, за немногими сокращеніями, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Приступъ: Собственное мнѣніе. Да развѣ можетъ быть собственное мнѣніе у людей, неудостоенныхъ довѣріемъ начальства? Откуда оно возьмется и на чемъ основано? Еслибы писатели знали что-нибудь, ихъ призвали бы къ службѣ; но кто не служитъ, тотъ, значитъ, недостоинъ,—стало быть, и слушать его нечего. Съ этой стороны еще никто не колебалъ авторитетъ нынѣшнихъ писателей,—я *первый* (наперетъ на то, что я первый; можетъ быть это откроетъ мнѣ карьеру).

„Трактатъ: Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться. Для осуществленія этого желанія необходимо держаться мнѣнія начальства; ибо—въ противномъ случаѣ — гдѣ ручательство, что составленное мнѣніе безошибочно? Но какъ узнать мнѣніе начальства? Намъ скажутъ: оно выражается въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ. Это правда... гмъ!... нѣтъ, это неправда!... Правительство нерѣдко таитъ свои цѣли — изъ высшихъ государственныхъ соображеній, недоступныхъ пониманію большинства. Оно нерѣдко доходитъ до результата рядомъ косвен-

[1]) „Новое Время" 1881 г., № 2026. Дѣло идетъ о баснѣ „Звѣзда и Брюхо".
[2]) „Современникъ" 1863 г., IV, 63—66.

ныхъ мѣръ, повидимому противорѣчащихъ одна другой и даже не имѣющихъ между собой никакой связи, но въ дѣйствительности соединенныхъ секретными шалнерами одной государственной идеи, одного государственнаго плана, поражающаго умъ своею громадностью и послѣдствіями...

„Планъ этотъ открывается въ неотвратимыхъ результатахъ исторіи. Такъ, можетъ ли какой-либо подданный обсуждать правительственныя мѣропріятія, не владѣя ключомъ взаимной между ними связи? „Не по отдѣльнымъ частямъ, но по цѣлой совокупности водочерпательной машины суди о достоинствахъ сихъ частей“—такъ сказалъ я еще въ 1842 году сыну своему Ѳаддею, и до сего времени непреклонно убѣжденъ въ высокой справедливости этого изреченія... Гдѣ подданному уразумѣть всѣ эти причины, поводы, соображенія, разные виды съ одной стороны и усмотрѣнія съ другой, на основаніи коихъ принимаются правительственныя мѣры? Не понять и не уразумѣть ему ихъ, если они не будутъ указаны самимъ благодѣтельнымъ правительствомъ. Этому мы видимъ доказательства ежедневно, ежечасно, скажу — ежеминутно!! Вотъ причина, съ одной стороны, почему иные, даже самые благонамѣренные люди нерѣдко сбиваются съ толку злонамѣренными толкованіями; и почему, съ другой стороны, многіе изъ вѣрноподданныхъ недостаточно противодѣйствуютъ распространяющимся лжемудрствованіямъ, не имѣя отъ правительства указанія, какого мнѣнія слѣдуетъ держаться? Положеніе ихъ самое тягостное, и даже смѣло скажу — вполнѣ невыносимое.

„Заключеніе: На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, и принимая во вниманіе, съ одной стороны, явную необходимость установленія однообразной точки зрѣнія въ пространномъ нашемъ отечествѣ, съ другой же стороны, усматривая невозможность достиженія этой благой цѣли безъ учрежденія оффиціальнаго печатнаго органа, — нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признать справедливымъ, что въ этомъ именно заключается настоятельная потребность общества и существенное условіе его преуспѣянія и развитія... Будучи поддержанъ достаточнымъ содѣйствіемъ полицейской и административной властей, такой правительственный органъ служилъ бы надежной звѣздой, скажу— маякомъ или вѣхою для общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, пагубная наклонность человѣческаго разума вѣчно обсуждать происходящее на всемъ земномъ кругѣ была бы направлена къ исключительному служенію правительственнымъ видамъ и цѣлямъ. По всѣмъ случаямъ, мѣрамъ и вопросамъ существовало бы одно

господствующее мнѣніе, и если даже допустить, что нашлись бы злонамѣренные люди, которые были бы несогласны съ этимъ мнѣніемъ, то они, естественно, остереглись бы противорѣчить, дабы не выказать своей злонамѣренности. Съ другой стороны, истинно вѣрноподданные узнали бы наконецъ, какого мнѣнія имъ слѣдуетъ держаться для блага своего и своихъ присныхъ.

„Зная сердце человѣческое и господствующія черты русской народности, нѣтъ повода сомнѣваться въ достиженіи вышеизложенной цѣли. Дѣло только въ томъ, чтобы избранъ былъ редакторомъ достойный во всѣмъ отношеніяхъ человѣкъ, извѣстный своимъ усердіемъ и преданностью, пользующійся славою писателя и глубокаго мыслителя и готовый пренебречь, для пользы правительства, конечно за достаточное вознагражденіе, общественнымъ уваженіемъ и мнѣніемъ. Въ поощреніе его и въ примѣръ другимъ необходимо, кромѣ достаточнаго вознагражденія, отличать его чинами, орденскими украшеніями и особыми денежными наградами. Скромность, свойственная моему характеру, препятствуетъ мнѣ предложить личный свой трудъ въ этомъ дѣлѣ и разностороннія свои познанія и способности, которыми, однако, я готовъ жертвовать до послѣдняго издыханія—если это будетъ согласно съ предначертаніями начальства, — для безкорыстной службы престолу отечества“.

На поляхъ этого трактата остались, кромѣ того, весьма характерныя замѣтки Кузьмы Петровича, изъ которыхъ видно, между прочимъ, что онъ, исчисляя доходъ редакціи съ проектированнаго имъ оффиціальнаго изданія и предполагая пустить оное по дешевой цѣнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ необходимымъ: 1) съ одной стороны, сдѣлать подписку на сіе изданіе обязательною для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ; 2) съ другой стороны—велѣть всѣмъ издателямъ и редакторамъ частныхъ печатныхъ органовъ перепечатывать руководящія статьи изъ оффиціальнаго органа, дозволяя себѣ только повтореніе и развитіе ихъ; 3) сверхъ того, наложить на нихъ денежные штрафы въ пользу редакціи оффиціальнаго органа за всѣ тѣ мнѣнія, кои окажутся противорѣчащими мнѣніямъ, признаваемымъ господствующими, и 4) вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнить всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей управленія въ обязанность неусыпно вести и постоянно сообщать въ одно центральное мѣсто списки всѣхъ служащихъ подъ ихъ вѣдомствомъ лицъ, съ обозначеніемъ: кто изъ нихъ какіе получаетъ журналы и газеты, и не получающихъ оффиціальнаго органа, какъ не сочувствующихъ благодѣтельнымъ

видамъ правительства, отнюдь не повышать ни въ должности, ни въ чины и не удостоивать ни наградъ, ни командировокъ...

„Такимъ образомъ, — замѣчалъ Прутковъ, — правительство избѣгнетъ опасности ошибочно помѣщать свое довѣріе".

Всякій, даже самый строгій судья, долженъ признать, что въ этомъ проектѣ Кузьма Петровичъ обнаружилъ большое глубокомысліе, государственный умъ и, главное, прозрѣніе, не говоря уже о сатирической силѣ, которая своимъ размѣромъ и размахомъ напоминаетъ только-что распускавшуюся въ тѣ годы сатиру Щедрина. Рьяные поклонники Пруткова могли бы даже заподозрить, что Щедринъ читалъ творенія Кузьмы Петровича и иногда поддѣлывался подъ его рѣчь. Взять хотя бы такой историческій анекдотъ, опубликованный Щедринымъ въ „Мысляхъ о градоначальническомъ единомысліи, а также о градоначальническомъ единовластіи и о прочемъ" („Исторія одного города"):

„Одинъ озабоченный градоначальникъ, вошедъ въ кофейную, спросилъ себѣ рюмку водки и, получивъ желаемое вмѣстѣ съ мѣдною монетою въ сдачу, монету проглотилъ, а водку вылилъ себѣ въ карманъ. Вполнѣ сему вѣрю, ибо при градоначальнической озабоченности подобныя пагубныя смѣшенія весьма возможны. Но при этомъ не могу не сказать: вотъ какъ градоначальники должны быть осторожны въ разсмотрѣніи своихъ собственныхъ дѣйствій". Развѣ этотъ документъ не напоминаетъ извѣстныхъ „гисторическихъ матерьяловъ" Ѳедота Кузьмича Пруткова, которые его внукъ—Кузьма Петровичъ—обработалъ для печати?

Во всякомъ случаѣ причислять Пруткова къ незлобивымъ служителямъ чистаго искусства—нельзя, не нарушая справедливости; и мы сейчасъ постараемся доказать, что всѣ его произведенія—невинныя шутки порознь—въ общей ихъ массѣ были отнюдь не невинны, а таили въ себѣ ядъ, правда, весьма искусно замаскированный.

X.

Сочиненія Кузьмы Пруткова пользуются и до сей поры такой извѣстностью, что рѣшительно нѣтъ надобности напоминать объ ихъ содержаніи; и историку остается лишь указать на главнѣйшія отличительныя свойства таланта автора, такъ какъ этотъ талантъ, при всей его популярности, все-таки пока оцѣненъ недостаточно.

Первое, что въ этомъ талантѣ поражаетъ, это — его все-

объемлемость. Въ этомъ отношеніи Прутковъ имѣетъ только одного соперника—Пушкина. Широта таланта Кузьмы Петровича сказывается и на внѣшней формѣ его произведеній, и на внутреннемъ ихъ смыслѣ. Во всѣхъ родахъ и видахъ творчества онъ былъ одинаково хозяинъ.

Въ басняхъ онъ достойный соперникъ всѣхъ баснописцевъ, начиная съ Эзопа; онъ даже выше ихъ, потому что у всѣхъ его предшественниковъ мораль обыкновенно вытекаетъ изъ общаго смысла, а у Пруткова эти двѣ части одного логическаго цѣлаго живутъ самостоятельно и свободная воля баснописца торжествуетъ надъ обиднымъ для человѣка и стѣснительнымъ сцѣпленіемъ положеній и выводовъ.

Кузьма Прутковъ не менѣе великъ и искусенъ во всѣхъ родахъ лирики. Какъ Пушкинъ или Гёте могли написать стихотвореніе въ любомъ стилѣ и въ духѣ любого поэта, такъ писалъ ихъ и Кузьма Петровичъ. Только зоилы могли назвать эти стихотворенія пародіями, такъ какъ зоилы бываютъ чѣмъ злѣе, тѣмъ необдуманнѣе. „Я никогда не писалъ пародій,—восклицалъ Прутковъ съ гордостью.—Откуда ты взялъ, будто я пишу пародіи? Я просто анализировалъ въ умѣ своемъ большинство поэтовъ, имѣвшихъ успѣхъ;—этотъ анализъ привелъ меня къ синтезису, ибо дарованія, разсыпанныя между другими поэтами порознь, оказались совмѣщенными во мнѣ единомъ“. И въ этихъ словахъ нѣтъ самохвальства.

Иногда въ двухъ, трехъ строфахъ Прутковъ умѣлъ схватить духъ писателя и его манеру. И не только творческая тайна современниковъ была ему вѣдома,—онъ улавливалъ и звуки поэзіи давно минувшей. Настоящія испанскія аллюры обнаружилъ онъ, напримѣръ, въ знаменитой балладѣ „Осада Памбы“ и въ стихотвореніи: „Тихо надъ Альгамброй дремлетъ вся натура“; большое и тонкое пониманіе древности показалъ онъ въ извѣстныхъ стихахъ: „Философъ въ банѣ“ и „Древней греческой старухѣ, еслибы она домогалась моей любви“. Нѣкоторое родство съ античной древностью обнаруживаетъ и стихотвореніе: „Изъ терпѣнья, Катерина, ты выводишь наконецъ“,—навѣянное, очевидно, Цицерономъ: „Quousque tandem, Catilina“.

Еще бо̀льшимъ уваженіемъ къ таланту автора проникается читатель, когда отъ его лирики переходитъ къ его драматическимъ опытамъ. Прутковъ любилъ эту литературную форму и часто пользовался ею. Его можно съ полнымъ правомъ назвать новаторомъ въ этой области, такъ какъ имъ предвосхищенъ совсѣмъ особый родъ драматическихъ представленій, который лишь

въ наше время достигъ настоящаго расцвѣта. Конечно, Кузьма Петровичъ не смогъ сразу проявить всей своей оригинальности и есть у него драматическія произведенія, въ которыхъ замѣтна еще чужая манера. Такъ, иногда въ нихъ видны слѣды вліянія античной трагедіи и современнаго водевиля, мистерій Байрона и драматическихъ фантазій Тимофеева. Но главная его заслуга въ томъ, что онъ первый насадилъ у насъ истинную „символическую“ драму. Онъ самъ сознавалъ, что онъ созидаетъ нѣчто новое, и въ предисловіи къ своей мистеріи: „Опрометчивый турка, или пріятно ли быть внукомъ“, отъ лица извѣстнаго писателя, подъ которымъ естественно разумѣлъ себя самого, говорилъ: „Драматическими представленіями условились называть представленія, которыя бываютъ на театрахъ; представленія подраздѣляются на многія отрасли, какъ-то: на комедіи, трагедіи, драмы, оперы, пантомимы, водевили и хороводы. Мой товарищъ и я посвятили всю жизнь нашу и всѣ наши зрѣлыя лѣта на изобрѣтеніе новаго рода драматическаго представленія. Мы съ товарищемъ рѣшились назвать его, послѣ долгихъ соображеній,—скажу: страданій!—„естественно-разговорнымъ“ представленіемъ... Пора намъ, русскимъ, ознаменовать перевалившійся за другую половину девятнадцатый вѣкъ—*новымъ словомъ* въ нашей литературѣ... Нужно ли повторять, что мы посвятили ему всю нашу жизнь и наши зрѣлыя лѣта? Кромѣ того, я отказался для него отъ выгодной партіи съ дочерью купца Громова, уступивъ ее другому моему товарищу“. Въ этомъ предисловіи не все ясно: такъ, напр., роль, какую съиграла купчиха Громова въ исторіи развитія русской драмы, не опредѣлена съ точностью, да и слово „естественно-историческое представленіе“ — очень туманно. Ясно только одно, что Кузьма Петровичъ вполнѣ сознавалъ, что въ своихъ драматическихъ опытахъ онъ созидаетъ нѣчто „новое“. Онъ только не умѣлъ выразить словами, въ чемъ это новое заключается. Для насъ—современниковъ драмъ „мистическихъ“ и „символическихъ“, поэзіи, какъ принято говорить, „декадентской“—намъ тайна новаго слова въ драмахъ Пруткова извѣстна. Только улавливая ихъ „мистико-символическій“ смыслъ, въ нихъ можно прозрѣть кое-что сквозь капризный поэтическій туманъ, заволакивающій ихъ основную идею. Иначе все въ нихъ—и дѣйствіе, и положенія, и лица—представится какъ чистѣйшая фантасмагорія, какъ торжество самой откровенной чепухи и безсмыслицы, которую Прутковъ—какъ мудрецъ и мыслитель—долженъ былъ ненавидѣть.

И дѣйствительно, каждая изъ пьесъ Пруткова ist nur ein

Gleichniss—символъ, который поясняетъ либо общую трагедію жизни человѣческой, либо какое-нибудь важное въ ней явленіе, надъ которымъ задумался авторъ.

Мистерія „Сродство міровыхъ силъ", гдѣ дѣйствующими лицами являются ровная долина, великій поэтъ, высокій дубъ, звѣзда небесная, звѣзда орденская, дупло, сова, веревка, полевая мышь, ночные часы, загробный міръ мелькомъ, альмавива..., т.-е., гдѣ царитъ полный хаосъ и смѣшаны всѣ элементы бытія, есть философская поэма съ пантеистическимъ смысломъ и съ этой вѣрой въ конечное установленіе порядка на мѣстѣ разрушенія. Эта, а не иная мысль выражена символически и въ образѣ поэта, который въ 60-хъ годахъ, въ вѣкъ потопа и труса, огня и глада и прочихъ реформъ, направленныхъ на униженіе поэзіи и на дискредитированіе всѣхъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ,—рѣшилъ съ собой покончить, готовъ былъ повѣситься, стоя ногами на полномъ собраніи своихъ сочиненій, и былъ спасенъ ураганомъ, вырвавшимъ тотъ дубъ, на которомъ повисъ малодушный пессимистъ, не предусмотрѣвшій спасительнаго дѣйствія вихря, идущаго сверху.

„Опрометчивый турка" не оконченъ и смыслъ его неясенъ, но очевидно, что драма должна была коснуться серьезнѣйшаго вопроса—о значеніи „неожиданностей" въ жизни, судя потому, что главный ея интересъ сосредоточенъ 1) на нѣкоемъ Иванѣ Семеновичѣ—человѣкѣ очень самонадѣянномъ, который погубилъ свою карьеру и чуть-чуть что не жизнь, задумавъ похвастаться передъ начальствомъ своимъ умѣніемъ играть на скрипкѣ безъ канифоли; и 2) на извѣстной г-жѣ Разорваки, у которой вдругъ совсѣмъ нежданно объявился внукъ турецкаго происхожденія.

Граціознѣйшая оперетта „Черепословъ или френологъ"—написана собственно не Кузьмой Петровичемъ, а его отцомъ (а имъ только издана)—и это подтверждается общимъ ея легкомысліемъ. Глубины въ ней нѣтъ никакой, и таинственный смыслъ вторженія гидропата Амаліи фонъ-Курцгалопа въ домъ френолога Шишкенгольма, равно какъ и неприличное поведеніе дочери френолога Лизы, которая, не дождавшись паданія театральной занавѣсы, раздѣвается и лѣзетъ въ купальный шкафъ—едва ли когда-нибудь будетъ разгаданъ.

Трудно уловима и основная идея знаменитой комедіи „Фантазія", потерпѣвшей крушеніе на Александринской сценѣ. Кузьма Петровичъ придавалъ этой комедіи большое значеніе. Онъ былъ очень подавленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что представленіе ея на сценахъ было воспрещено по Высочайшему повелѣнію (9-го

января 1851 г.). „Публикѣ,—говорилъ онъ,—дозволено было видѣть эту комедію только *одинъ разъ*. А развѣ достаточно одного раза для оцѣнки произведенія, выходящаго изъ рядовыхъ? Сразу понимаются только явленія обыкновенныя, посредственность, пошлость. Едва ли кто оцѣнилъ бы Гомера, Шекспира, Бетховена, Пушкина, еслибы произведенія ихъ было воспрещено прослушать болѣе одного раза". Прутковъ негодовалъ на публику и говорилъ, что она обязана была раскусить,—„между тѣмъ она вела себя легкомысленно, какъ толпа, хотя состояла наполовину изъ людей высшаго общества. Едва Государь съ явнымъ неудовольствіемъ изволилъ удалиться изъ ложи ранѣе конца пьесы, какъ публика стала шумѣть, кричать, шикать, свистать... Этого прежде не дозволялось! За это прежде наказывали!.." Авторъ былъ обиженъ и тѣми ругательными рецензіями, которыя появились въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Пьесу, конечно, не поняли потому, что взглянули на нее простыми глазами. Естественность и обыденность сценировки, а именно дачная обстановка Аграфены Панкратьевны Чупурлиной, совсѣмъ реальныя физіономіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Адама Либенталя, Ѳемистокла Разорваки, Касьяна Батогъ-Батыева, Мартына Кутило-Завалдайскаго, Георгія Безпардоннаго и Ѳирса Миловидова, наконецъ необычайная простота завязки—шесть жениховъ и одна невѣста, которая должна достаться тому изъ нихъ, кто найдетъ сбѣжавшую собачонку ея маменьки, все заставляло публику предъявлять къ этой пьесѣ требованія строгаго реализма; и, конечно, глядя на всю ту неописуемую чепуху, которая происходила на сценѣ, публика могла считать себя обманутой. Но авторъ вовсе и не помышлялъ стоять на почвѣ трезваго реализма. Онъ имѣлъ въ умѣ нѣчто болѣе сложное и значительное, чѣмъ простую любовную канитель. На это указываетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что онъ пожелалъ, чтобы посреди сада, гдѣ происходитъ дѣйствіе, стояла бесѣдка очень узенькая въ видѣ будки и на ней флагъ съ надписью: „Что наша жизнь?". Скрытая мысль автора проглядываетъ еще яснѣе въ странномъ желаніи заполнить сцену не только людьми, но и животными,—правда, очень благородными. Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ фигурируютъ, какъ извѣстно, моська съ кличкой „Фантазія", моська, похожая на Фантазію, пудель, датскій догъ, собачка малаго размѣра и незнакомый бульдогъ. Такое обиліе собакъ не можетъ быть простой случайностью,—на что указываютъ, кромѣ того, и ихъ клички, несовсѣмъ обычныя, какъ-то: „Фантазія", „Утѣши-

тельный“ и „Космополитъ“. Заслуживаетъ замѣчанія также, что всѣ эти собаки зачислены въ разрядъ дѣйствующихъ лицъ „безъ рѣчей“, а кучера, повара, ключницы и казачки, тоже дѣйствующіе въ пьесѣ „безъ рѣчей“,—поименованы особо. На всемъ этомъ лежитъ печать какой-то символичности, которая въ свое время не ускользнула отъ вниманія театральнаго цензора. Желая, насколько это было въ его силахъ, помочь зрителю истолковать пьесу въ ея истинномъ символическомъ смыслѣ, онъ вычеркнулъ въ ней всѣ слова, которыя надлежитъ понимать всегда въ смыслѣ прямомъ, а не въ переносномъ, какъ-то слова: „князь“, „нѣмецъ“, „брандмейстеръ“, „серьезный чиновникъ“, „подчиненный“, „безстыдникъ“, „жандармъ“ и друг. И все-таки ключъ отъ этой „Фантазіи“ унесенъ Кузьмой Петровичемъ съ собой въ могилу!

Озадачилъ онъ читателя и еще въ одной пьесѣ, которая, къ сожалѣнію, не попала въ полное собраніе его сочиненій. Пьеса эта—„Любовь и Силинъ“, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ—была напечатана въ сатирическомъ журналѣ „Развлеченіе“ въ 1861 г. [1]) Въ ней авторъ достигъ высшей степени иносказанія, и къ тому же умышленно пожелалъ отвести глаза читателю отъ истиннаго своего намѣренія. Онъ самъ увѣрялъ читателя, что „сюжетъ имъ заимствованъ изъ обыденной жизни“, но уже одинъ перечень дѣйствующихъ лицъ можетъ показать, сколь все въ этомъ твореніи необыденно и необычайно. Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ, близъ катакомбъ (?). Драматическая завязка заключается въ томъ, что директоръ губернской мужской гимназіи усмотрѣлъ въ младшемъ классѣ никѣмъ дотолѣ невиданнаго воспитанника Ванюшу, и на спросъ о немъ всѣ единогласно отозвались, что онъ—не кто иной, какъ всѣмъ извѣстный финикъ. Это бы еще ничего, но этотъ самый финикъ оказывается древлянскаго происхожденія и притомъ сыномъ нѣкоей вдовы Кислозвѣздовой — „нѣмой и страстной“, которая даръ слова можетъ получить только въ объятіяхъ любви... И съ этимъ можно было бы помириться; можно даже разобраться въ странныхъ извивахъ мысли и замыслахъ русскаго дворянина Силина, который одержимъ страстью говорить по-французски, и потому проводитъ время въ зазубриваніи вокабулъ: „ломъ — человѣкъ“, „ламъ — душа“, „патисери — пирожное“, „просто серизъ — вишня“, но чего никто никогда не пойметъ, такъ это—вторженіе и въ безъ того запутанное дѣйствіе двухъ уроженцевъ благородной Гишпаніи. Сильва донъ-Алоизо де-Мерзавéцъ и его спутница, донна

[1]) „Развлеченіе“ 1861, № 18.

Ослабелла, окончательно путаютъ всѣ разсчеты и соображенія самаго проницательнаго комментатора.

Таковы заслуги Кузьмы Петровича передъ русской риѳмованной рѣчью—въ ея эпической и лирической формѣ—и таковы его попытки сказать новое слово со сцены.

XI.

Кузьма Петровичъ стяжалъ себѣ, помимо славы писателя, еще и большую извѣстность, какъ мыслитель. Мы обязаны ему, напр., изданіемъ цѣлой серіи историческихъ матеріаловъ, собранныхъ его дѣдомъ. Помимо силы чувствъ и свѣжести впечатлѣній, какія въ нихъ отмѣчаетъ ихъ издатель, они для историка Екатерининскаго царствованія весьма большое подспорье. Не то чтобы въ нихъ были отмѣчены какія-нибудь изъ ряда вонъ выходящія знаменательныя событія той эпохи,—нѣтъ. Дѣдъ Кузьмы Петровича собиралъ исключительно анекдоты. Но по этимъ анекдотамъ очень удобно судить о вкусахъ литературныхъ и иныхъ того времени; а извѣстно, что иногда любимый и ходячій анекдотъ эти вкусы лучше опредѣляетъ, чѣмъ сухое и добросовѣстное изслѣдованіе. Такъ, напримѣръ, придворная французская рѣчь, тогда столь распространенная, передана намъ удивительно образно въ репликахъ генералъ-аншефа X, который передъ каждымъ изъ дому своего выѣздомъ, по нѣскольку французскихъ реченій затверживалъ, вродѣ, напр.: „не плезантѣ жамѣ авекъ лѣ фамъ донъ лимажинасіонъ траваль“. Такъ же точно и ходкая тогда сентиментальная рѣчь ни въ одномъ романѣ не достигала такой законченности, какъ въ словахъ, съ которыми нѣкій швабъ обратился къ своей возлюбленной, когда она съ аппетитомъ ѣла жареную бекасину: „О! Амалія!—сказалъ онъ:—еслибъ я былъ бекасиною, то, уповаю, всю тарелку вашу своими внутренностями черезъ край переполнилъ бы“. Есть люди мало свѣдущіе, которымъ такіе анекдоты покажутся смѣшными, но серьезный историкъ ихъ оцѣнитъ.

Съ подобающей серьезностью должно отнестись и къ „мыслямъ и афоризмамъ“ самого Пруткова; совѣтъ этотъ, впрочемъ, излишенъ, такъ какъ эти „плоды раздумья“ нашего писателя давно оцѣнены по достоинству и къ нимъ привыкли относиться съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ цитируютъ мысли Власа Паскаля, Ларошфуко, Ривароля, Лихтенбергера и другихъ всемірно извѣстныхъ „максимистовъ“.

Кузьма Петровичъ вполнѣ оправдываетъ такое почетное родство. Его афоризмы блестятъ двумя неоцѣненными качествами— глубиной мысли и необычайной ясностью выраженія. Нанижемъ нѣсколько такихъ жемчужинъ мысли на одну нитку — и какое спокойное и ясное міросозерцаніе передъ нами предстанетъ! „Полезнѣе пройти путь жизни, чѣмъ всю вселенную"; „Смерть для того поставлена въ концѣ жизни, чтобы удобнѣе къ ней приготовиться"; „Гдѣ начало того конца, которымъ оканчивается начало?"; „Никто не обниметъ необъятнаго"; „Всякая вещь есть форма проявленія безпредѣльнаго разнообразія"; „Еслибы все прошедшее было настоящимъ, а настоящее продолжало существовать на ряду съ будущимъ, кто былъ бы въ силахъ разобрать: гдѣ причины и гдѣ послѣдствія?"...

И между тѣмъ какая иногда попадается проницательность въ рѣшеніи труднѣйшихъ психологическихъ задачъ!—„Женатый повѣса воробью подобенъ"; „Не все стриги, что растетъ"; „И устрица имѣетъ враговъ"; „Многіе люди подобны колбасамъ: чѣмъ ихъ начинятъ, то и носятъ въ себѣ"; „Чувствительный человѣкъ подобенъ сосулькѣ: пригрѣй его—онъ растаетъ"; „Спеціалистъ подобенъ флюсу: полнота его одностороння"; „Любой фатъ подобенъ трясогузкѣ"; „Дѣвицы вообще подобны шашкамъ: не всякой удается, но всякой желается попасть въ дамки".

Наконецъ, нельзя же отказать въ большомъ общественномъ чутьѣ человѣку консервативнаго образа мыслей, который писалъ: „Не будь портныхъ, — скажи: какъ различилъ бы ты служебныя вѣдомства?"; „Камергеръ рѣдко наслаждается природою"; „На чужія ноги лосины не натягивай"; „Спокойствіе многихъ было бы надежнѣе, еслибы дозволено было относить всѣ непріятности на казенный счетъ"; „Чрезмѣрный богачъ, не помогающій бѣднымъ, подобенъ здоровенной кормилицѣ, сосущей съ аппетитомъ собственную грудь у колыбели голодающаго дитяти"...

Друзья Кузьмы Петровича, А. и В. Жемчужниковы и А. Толстой, обнаружили недостойную ихъ благороднаго сердца зависть, когда говорили, что ихъ пріятель былъ неучъ, зазнавшійся писатель, который любилъ командовать, не имѣя на то права.

Мы убѣдились, что Кузьма Петровичъ имѣлъ всѣ права занять самое почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности... а между тѣмъ съ нимъ случилась великая непріятность. Не только качества его ума и сердца, не только его слава, какъ писателя... но... но самое его существованіе въ мірѣ стало вдругъ почему-то подвергаться сомнѣнію...

XII.

Упорные слухи не только о мнимомъ талантѣ Пруткова, но и о мнимомъ его бытіи понудили одного изъ близкихъ его друзей выступить въ его защиту и рѣшиться на крайнее средство—печатно заявить, что всѣ сомнѣнія въ его реальномъ существованіи бросаютъ тѣнь не только на самого почтеннаго писателя, но и на его ближайшее начальство. „Подумали ли они (т.-е. люди, одержимые скептицизмомъ),—писалъ пріятель Пруткова,—подумали ли они, въ какое положеніе они ставятъ все управленіе министерства финансовъ, увѣряя, будто Кузьма Прутковъ не существовалъ? Да кто же тогда былъ столь долго предсѣдателемъ Пробирной Палатки, производился въ чины даже за отличіе и получалъ жалованье?“ [1])

Но и это основательное замѣчаніе не убѣдило скептиковъ, и нынѣ можно утверждать уже съ полной достовѣрностью, что Кузьма Петровичъ — истинно миѳъ, и всѣ его произведенія — сплошная мистификація! Кузьму Пруткова выдумали, окрестили, всѣ сочиненія за него написали и даже портретъ его намалевали три большихъ шутника и остроумца — два брата Жемчужниковыхъ и гр. А. К. Толстой,—въ 50-хъ годахъ люди молодые и, выражаясь терминологіей тогдашняго генералъ-губернатора Закревскаго,—„на все способные“.

Историку тяжело, конечно, вычеркивать Кузьму Петровича изъ списка почтенныхъ дѣятелей на поприщѣ литературы, но онъ можетъ утѣшиться тѣмъ, что оставшееся послѣ Кузьмы Пруткова литературное наслѣдство все-таки существуетъ и со страницъ русской словесности не исчезнетъ; даже больше—потребуетъ отнынѣ къ себѣ истинно серьезнаго отношенія въ виду популярности литературныхъ именъ тѣхъ лицъ, которыя въ веселую минуту позволили себѣ съ легковѣрнымъ читателемъ такую милую шутку.

Сознавая всю серьезность задачи, мы и постараемся теперь опредѣлить то мѣсто, которое въ исторіи русской сатиры должно быть отведено твореніямъ Пруткова. Но прежде—нѣсколько словъ о самой миѳической личности автора.

---

[1]) „Новое Время“ 1881, № 2026.

XIII.

Исторія кружка, въ которомъ родился и воспитался Кузьма Прутковъ, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ неизвѣстна и, вѣроятно, никогда не станетъ извѣстна, если А. М. Жемчужниковъ— и нынѣ, во славу нашей словесности, здравствующій—ее не разскажетъ при случаѣ. Подождемъ этого случая, а пока мы можемъ установить только одинъ фактъ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ А. Толстой и два его двоюродныхъ брата, А. и В. Жемчужниковы, люди уже не первой молодости, прославились шуточными стихотвореніями, съ которыми мы теперь достаточно знакомы; славились они, кромѣ того, невѣроятно забавными выходками, которыя они продѣлывали и въ своей компаніи, и въ обществѣ. Они составляли тогда интимный веселый кружокъ, нѣсколько напоминавшій молодую компанію 20-хъ годовъ, въ которой куралесили Пушкинъ и Нащокинъ, или 30-хъ годовъ, когда въ этой роли весельчаковъ и проказниковъ выступали Лермонтовъ и Столыпинъ. Въ чемъ заключались продѣлки друзей Кузьмы Пруткова — въ точности неизвѣстно, но продѣлокъ, которыя имъ приписывались, столь много и такъ онѣ экстравагантны, что если Толстой и Жемчужниковы во всѣхъ этихъ шалостяхъ и неповинны (а это возможно), то одинъ тотъ фактъ, что такія продѣлки имъ приписывались, уже показываетъ, какого о нихъ были мнѣнія.

Нисколько не разбираясь въ томъ, гдѣ истина, гдѣ вымыселъ, что было на самомъ дѣлѣ, а что измышлено, приведемъ кое-какіе разсказы, которые были намъ разсказаны какъ достовѣрныя событія изъ жизни веселыхъ пріятелей.

Разсказывали, напр., что они, катаясь за городомъ, брали съ собой въ сани большой шестъ и, вплотную подъѣзжая къ троттуару, держали его горизонтально такъ, что вся шедшая по троттуару публика должна была при ихъ проѣздѣ прыгать. Разсказываютъ, какъ одинъ изъ нихъ ночью, въ мундирѣ флигель-адъютанта, объѣздилъ всѣхъ главныхъ архитекторовъ города С.-Петербурга съ приказаніемъ явиться утромъ во дворецъ въ виду того, что Исаакіевскій соборъ провалился, и какъ былъ разсерженъ императоръ Николай Павловичъ, когда услыхалъ столь дерзкое предположеніе.

Говорятъ, что одинъ изъ нихъ въ театрѣ умышленно наступилъ на ногу одному высокопоставленному лицу, къ которому

потомъ ходилъ въ каждый пріемный день извиняться, пока тотъ его не выгналъ.

Утверждаютъ, что они въ день коронаціи Александра Николаевича распрягли лошадей у кареты испанскаго посланника (посланника тогда единственной дружественной намъ державы), провезли ее нѣкоторое пространство и затѣмъ бросили на произволъ судьбы.

Утверждаютъ, что одинъ изъ нихъ на пари остановилъ одного знаменитаго нѣмецкаго трагика, когда тотъ игралъ „Гамлета"; а именно, когда трагикъ началъ читать монологъ: „Sein oder nicht sein?"—Кузьма Прутковъ закричалъ ему изъ перваго ряда креселъ: „Warten Sie!"—и сталъ рыться въ огромномъ словарѣ, желая знать, что значитъ слово „sein".

Разсказываютъ, что въ одномъ публичномъ мѣстѣ, присутствуя при разговорѣ двухъ лицъ, которыя спорили о вредѣ куренія табаку, на замѣчаніе одного изъ нихъ: „вотъ я курю съ дѣтства и мнѣ теперь шестьдесятъ лѣтъ", Кузьма Прутковъ, не будучи съ нимъ знакомъ, глубокомысленно ему замѣтилъ: „а еслибы вы не курили, то вамъ теперь было бы восемьдесятъ"—чѣмъ повергъ почтеннаго господина въ большое недоумѣніе.

Много ходитъ подобнаго рода разсказовъ о продѣлкахъ Кузьмы Пруткова, продѣлкахъ невиннаго, но все-таки вызывающаго свойства. Совершалъ ли онъ ихъ на самомъ дѣлѣ, это намъ неизвѣстно, но на всѣхъ этихъ шалостяхъ лежитъ та же печать невиннаго шутовства, которое составляетъ отличительный признакъ и всѣхъ стихотвореній Кузьмы Петровича. Можно ли, однако, сказать, что стихотворенія Пруткова были только лишь шалостью?

XIV.

Стихи Пруткова писались сообща тремя друзьями иногда всѣми вмѣстѣ, иногда порознь, подъ однимъ псевдонимомъ. Уже въ 1874 г., А. Жемчужниковъ говорилъ, что долю участія каждаго изъ нихъ въ твореніяхъ Пруткова опредѣлить трудно [1]).

Современемъ доля А. Толстого будетъ выдѣлена, но въ данномъ случаѣ это несущественно. Велика ли эта доля, или мала—все равно А. Толстой былъ участникомъ въ созданіи особаго жанра стихотворной шутки.

Этотъ жанръ имѣетъ безспорную историческую цѣнность. Прежде всего—цѣнность необычайно оригинальную.

---

[1]) Письмо въ редакцію „Спб. Вѣдомостей" 1874 г., № 37.

Кузьма Прутковъ—unicum; у него нѣтъ ни предшественниковъ, ни послѣдователей.

Въ дореформенное время было у насъ въ обращеніи немало стиховъ весьма игриваго свойства. Ходили по рукамъ необычайно умныя, убійственныя по своему удару эпиграммы и пародіи, иногда съ глубокимъ общественнымъ смысломъ. Пушкинъ былъ на нихъ большой мастеръ и имѣлъ достойнаго соперника въ князѣ Вяземскомъ. Обращались поэты съ этимъ оружіемъ осторожно, съ разсчетомъ, вполнѣ зная ему цѣну. Ихъ „вольные" стихи всегда мѣтили въ серьезную цѣль, перелетая черезъ цензурную преграду. Серьезность такихъ стихотвореній нисколько не умалялась той циничной приправой, на которую авторы иногда не скупились. Существовалъ въ дореформенное время и чисто циничный родъ легкихъ стихотвореній. Имъ не брезгали ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ. Наконецъ встрѣчалась и сатира нравовъ, тоже въ очень легкой формѣ, и большимъ мастеромъ такой сатиры былъ извѣстный Мятлевъ.

Со всѣми этими видами острой и игривой шутки стихи Кузьмы Пруткова не имѣютъ ничего общаго.

О политической тенденціи у Пруткова нѣтъ и помину, и игривость его и вольность совсѣмъ не подходятъ подъ понятіе цинизма. У Пруткова нѣтъ ничего боевого, ничего строго продуманнаго,—какъ нѣтъ ничего грубаго и сальнаго. Его шутка совсѣмъ безъ всякой тенденціи, шутка, построенная на алогичномъ, иногда безсмысленномъ, сплетеніи мыслей и чувствъ человѣческихъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ она возникла и въ началѣ шестидесятыхъ замолкла, уступивъ свое мѣсто обличительной сатирѣ въ стихахъ, на которую она также совсѣмъ не похожа.

Творенія Пруткова остались въ литературѣ какъ единичный памятникъ, связанный съ извѣстнымъ историческимъ моментомъ, и очевидно, что эта связь была не случайная, хотя сами творцы этихъ стихотвореній о ней, можетъ быть, и не думали. Они упорно утверждали, что въ ихъ шуткахъ нѣтъ ничего серьезнаго, что они „въ виду" ничего не имѣли, кромѣ шутки. Этому можно повѣрить, нисколько не умаляя значенія того факта, что ихъ шалости оказались характернымъ проявленіемъ русскаго остроумія въ самое глухое время—наканунѣ боевого и гласнаго обличенія.

Въ дни заката Николаевскаго режима, который былъ, или долженъ былъ быть, выраженіемъ строжайшаго порядка и дисциплины, въ годы, когда все должно было совершаться „съ дозво-

ленья", въ періодъ полнаго торжества благонравія—ворвалась въ русскую литературу эта струя задорнаго, бѣшенаго веселья и шутовства.

Шутники ни на кого и ни на что не намекали, никакихъ пародій съ намеками и сатиръ съ обличеніемъ не писали, никакой даже косвенной критики переживаемаго историческаго момента себѣ не позволяли и обнаружили съ полной откровенностью только одну способность—шутовское, озорническое отрицаніе всякаго порядка въ мозгахъ и чувствахъ. Поставить здравый смыслъ вверхъ дномъ, съ серьезнымъ видомъ нести неописуемую чепуху, играть на каламбурахъ, подрывать довѣріе къ естественному теченію вещей, кувыркаться въ сужденіяхъ—вотъ чтò нравилось этимъ остроумнымъ людямъ въ моментъ, когда всѣ кругомъ только и думали о томъ, какъ бы помолчать, выразиться поосторожнѣе, не нарушить этикета и движеніями своими не подать повода заподозрить ихъ въ намѣреніи нарушить общественную тишину и порядокъ. Кузьма Прутковъ шутилъ, озорничалъ, гаерничалъ, паясничалъ и не замѣчалъ самъ, что онъ—историческая фигура.

Но не успѣлъ онъ вдоволь нашалиться, какъ такому беззаботному, самодовольному, самолюбующемуся веселію уже не было мѣста въ жизни. Кузьма Петровичъ понялъ это и засѣлъ за „Проектъ объ установленіи единомыслія въ Россіи". Онъ помирился съ тѣмъ, что молодость его прошла—и что повторяться ей не слѣдуетъ...

Н. Котляревскій.

ИЗЪ

ДНЕВНИКА

НА ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ

1878-ой годъ.

1-ое января — 17-ое апрѣля.

Окончаніе.

V *).

17 марта—17 апрѣля.

17 марта.—По возвращеніи нашемъ вчера изъ Стамбула въ Санъ-Стефано, уже поздно вечеромъ, были получены двѣ шифрованныя телеграммы князя Горчакова, на французскомъ языкѣ, которыя привожу въ переводѣ:

1) „Весьма секретными путями мы ознакомились съ перепискою англійскаго адмиралтейства и адмирала Горнби, отъ 14-го до 17-го февраля новаго стиля. Адмиралтейство предлагаетъ адмиралу обратить особое вниманіе на проливы и зорко слѣдить за всякими попытками погруженія минъ и т. п.; спрашиваетъ, достаточны ли его силы для уничтоженія береговой артиллеріи. Горнби отвѣчалъ утвердительно насчетъ русскихъ и отрицательно на тотъ случай, если турки обратятъ свои береговыя батареи противъ англичанъ; Галлипольскую позицію считаетъ весьма слабою и безъ соглашенія съ турецкимъ правительствомъ совершенно необезпеченною.

2) „Въ виду дружественности свиданія Вашего Императорскаго Высочества съ султаномъ и телеграммы Нелидова о томъ, что положеніе улучшается—Государь желаетъ, чтобы вы настояли на предъявленіи Портою энергическаго требованія Лондону объ удаленіи эскадры изъ Мраморнаго моря. Турецкое правительство должно сознать необходимость разсѣять впечатлѣніе двусмысленности своего поведенія и доказать намъ на дѣлѣ, что оно рѣшилось дѣйствовать съ нами заодно“.

Это и есть та телеграмма, по которой требуется немедленное исполненіе. Но можно опасаться, что изъ этого ровно ничего не выйдетъ. Какая выгода туркамъ ссориться съ Англіей и становиться на нашу сторону? А еслибъ даже турки исполнили наше требованіе—развѣ англичане ихъ послушаютъ? Едвали полезно предъявлять такія неисполнимыя требованія.

Зайдя утромъ къ Великому Князю, я узналъ, что онъ уже отвѣтилъ на вчерашнюю телеграмму Государя шифромъ:

„Телеграмму Горчакова получилъ. Объ этомъ мною уже говорено съ султаномъ и Реуфомъ; буду настаивать на этомъ. Сегодня, по случаю пятницы, лично видѣть султана не могу“.

Завтра опять ѣдемъ въ Константинополь.

Около 6 ч. вечера получена полушифрованная телеграмма Государя отъ $4^1/_2$ ч. дня:

„Вчерашнія твои двѣ телеграммы и сегодняшнюю шифрованную получилъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать послѣдствій. Изъ Вѣны еще не получилъ рѣшительнаго отвѣта. Лордъ Дерби вышелъ изъ министерства: его замѣнилъ Салисбюри, весьма намъ враждебный. Сожалѣю весьма, что тебѣ опять нездоровится. Смотрами моими запасныхъ частей гвардіи остался весьма доволенъ“.

Отвѣтъ Великаго Князя отъ 8 ч. 40 м. вечера:

„Благодарю за телеграмму. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Вѣны. Радуюсь, что ты остался доволенъ гвардейскими запасными баталіонами. Здѣсь пока новаго ничего“.

18 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Отплыли изъ Санъ-Стефано въ 10 ч. утра и около $11^1/_4$ ч. стали на якорь въ Золотомъ-Рогѣ. Великій Князь не велѣлъ поднимать свой брейдъ-вымпелъ, чтобъ англичане не могли повторить враждебную демонстрацію (см. 16 марта). Погода—восхитительная; видъ на Константинополь и Скутари, съ Золотымъ-Рогомъ и Босфоромъ—волшебный.

Великій Князь и съ нимъ нѣкоторыя лица свиты отправи-

лись къ принцу Рейссу; я туда не былъ приглашенъ, такъ какъ, по незнанію этикета, не расписался у него 14-го марта, когда Великій Князь ѣздилъ съ оффиціальнымъ визитомъ. А такъ какъ Великій Князь разсчитывалъ остаться весь день на берегу для бесѣды съ султаномъ и его министрами, то я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы погулять по Константинополю. Почти весь день прогуляли большою компаніей.

Вечеромъ Великій Князь телеграфировалъ Государю шифромъ о результатѣ своихъ переговоровъ съ султаномъ слѣдующее:

„*Наисекретнѣйше.* Желаніе твое исполнено. Султанъ, Реуфъ и даже Вефикъ обѣщаютъ послать англичанамъ приглашеніе выйти изъ Мраморнаго моря, опираясь на то, что и наши войска уходятъ. Но для облегченія возможности этого заявленія, основаннаго на явной отправкѣ моремъ, я рѣшился взять на себя отправить изъ Санъ-Стефано въ Одессу подольскій полкъ съ четырехфунтовою батареею. Кромѣ того, выведены уже изъ Болгаріи: весь 11-й корпусъ, бригада 36-й пѣхотной дивизіи, бригада кавалеріи и на походѣ: бригада саперъ, 1-я кавалерійская дивизія, 1-я донская дивизія и три казачьихъ полка. Для успѣха дѣла султанъ просилъ строжайшаго секрета о вышесказанныхъ соглашеніяхъ. Прошу тебя очень принять мѣры, чтобы слухъ о предстоящемъ заявленіи преждевременно не распространился“.

Хитрость, шитая бѣлыми нитками! Наивно воображать, что англійская эскадра удалится восвояси по случаю отъѣзда въ Россію одного полка съ батареею! Что касается турокъ, то имъ ничего не стоитъ попросить англичанъ уйти. Наше желаніе будетъ исполнено, а англичане все равно не уйдутъ.

Радецкому еще въ 3 часа послано самимъ Великимъ Княземъ приказаніе отправить подольскій пѣхотный полкъ, и вечеромъ получена отъ него изъ Чаталджи отвѣтная телеграмма: полкъ вмѣстѣ съ 6-ою батареею 14-й артиллерійской бригады выступаетъ 20-го и прибудетъ въ Санъ-Стефано 21-го послѣ полудня. Будетъ имѣть при себѣ шестидневный запасъ сухарей и патроны во вьюкахъ, а изъ обоза — только денежный ящикъ и аптечную двуколку.

Вечеромъ же получена шифрованная телеграмма военнаго министра отъ 10 ч. 20 м. вечера 17-го:

„Государь Императоръ изволитъ находить необходимымъ на случай занятія Босфора перевезти изъ Россіи орудія большого калибра, въ особенности мортиры. Его Величество увѣренъ и

4*

надѣется, что будутъ приняты къ тому всѣ необходимыя мѣры. О томъ, изъ какихъ пунктовъ и какое число орудій и мортиръ слѣдуетъ перевезти, благоволите приказать снестись съ генералъ-адъютантомъ Баранцевымъ [1]), который находится нынѣ въ Одессѣ и мѣстопребываніе котораго всегда извѣстно генералъ-адъютанту Семекѣ [2]). — Милютинъ".

Распоряженіе совершенно неисполнимое. Непостижимо, что въ Петербургѣ этого не понимаютъ. Какая возможность, въ виду англійской эскадры, доставить черезъ все Черное море, свезти на берегъ и установить на непринадлежащемъ намъ Босфорѣ артиллерію большого калибра?!

Что-то отвѣтитъ Великій Князь! Его положеніе отчаянно-трудное. Не рѣшившись сразу и категорически отвергнуть фантастическій планъ захвата Босфора, онъ далъ этому плану возможность развиться и укрѣпиться въ Петербургѣ. А теперь, когда предъявлено требованіе осуществить эту фантазію немедленно — ему все-таки придется объяснять, что это немыслимо, и онъ же останется виноватъ.

Много превосходнѣе высказываться всегда на чистоту, чтобы не доводить до такихъ роковыхъ недоразумѣній въ послѣднюю минуту!

19 марта, на яхтѣ „Ливадія". — Тяжелый день. Положеніе невыносимое. Государь настойчиво требуетъ перехода къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, а между тѣмъ — исполненіе его повелѣній невозможно безъ возобновленія войны, чего онъ также не желаетъ. Просто заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Не отвѣчая военному министру на его вчерашнюю телеграмму [3]), Великій Князь телеграфировалъ сегодня Государю шифромъ:

„Жду отвѣта турокъ насчетъ сдѣланнаго мною имъ, по твоему приказанію, требованія объявить англичанамъ о выходѣ флота изъ Дарданеллъ. До полученія отъ нихъ отвѣта, нѣтъ возможности вступить съ турками въ переговоры насчетъ занятія Босфора. Войска же готовы и всѣ распоряженія сдѣланы, чтобы, въ случаѣ приближенія англійской эскадры къ Босфору, немедленно двинуться на Терапію. Объ орудіяхъ большого калибра распоряженія сдѣланы, но опредѣлить не могу, когда они могутъ быть нагружены, и доставить ихъ теперь въ Босфоръ невозможно".

---

[1]) Товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера.

[2]) Командующій войсками одесскаго военнаго округа.

[3]) Быть можетъ, онъ поручилъ Непокойчицкому отвѣтить, но я объ этомъ ничего не знаю.

Въ 2 ч. 40 м. дня получена слѣдующая рѣшительная телеграмма Государя (шифромъ), отправленная изъ Петербурга вчера, 18-го марта, въ 11 ч. 55 м. вечера:

„Соображенія, изложенныя въ твоемъ письмѣ 9-го марта, въ общихъ чертахъ одобряю. Разрывъ съ Англіей почти неизбѣженъ. Мы должны неотлагательно все приготовить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и только тогда, когда все будетъ готово, потребовать отъ Порты категорическаго отвѣта: какъ намѣрена она дѣйствовать въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Англіи? Если заодно съ нами, то немедленно должна передать въ наши руки укрѣпленія Босфора, по крайней мѣрѣ, на европейскомъ берегу и войти съ тобою въ соглашеніе о распредѣленіи ея военныхъ силъ. Если же она считаетъ себя слишкомъ ослабленною для участія въ войнѣ противъ Англіи, то должна, сдавъ намъ означенныя укрѣпленія, прекратить всѣ вооруженія, распустить или удалить войска, затрудняющія наши дѣйствія, разоружить остающіяся въ Черномъ морѣ суда и поставить ихъ въ тѣ порты, которые нами будутъ указаны, и воспретить своимъ подданнымъ всякое участіе во враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны вступать въ самый Константинополь, но утвердиться только на берегахъ Босфора, занявъ нѣсколько пунктовъ, чтобъ эшелонировать загражденія. Начинать рѣшительные переговоры и дѣйствовать слѣдуетъ только тогда, когда все будетъ вполнѣ подготовлено и притомъ отнюдь не слѣдуетъ подвергать предпріятіе какому-либо риску. А для сего желательно заранѣе притянуть ближе къ Босфору наибольшія силы, какія признаешь возможнымъ“.

Тяжелая задача! Это ультиматумъ, съ которымъ слѣдовало бы обратиться прямо къ султану, назначивъ ему 24-хъ-часовой срокъ для отвѣта. Вмѣсто этого — предъявленіе неисполнимыхъ требованій возлагается на Великаго Князя, да еще съ условіемъ — не подвергать невозможное предпріятіе какому-либо риску. Это — въ виду англійской эскадры и стотысячной турецкой арміи! И что еще замѣчательно: предусматривая наименѣе правдоподобные отвѣты Порты (активный или пассивный союзъ *съ нами*!), — телеграмма совершенно не допускаетъ мысли о возможности третьяго, наиболѣе естественнаго исхода: обращенія султана къ защитѣ Англіи и союза съ нею противъ насъ.

Фантастичность этого плана заставляетъ согласиться съ Великимъ Княземъ, который постоянно твердитъ, что этотъ планъ

зародился въ головѣ Обручева и внушенъ Государю черезъ военнаго министра [1]).

Но даже и теперь Великій Князь не рѣшается высказаться безъ обиняковъ. Онъ отвѣчалъ (въ 6 ч. вечера) въ слѣдующихъ уклончивыхъ выраженіяхъ:

„Шифрованную телеграмму получилъ. Все будетъ принято къ свѣдѣнію и буду дѣйствовать по обстоятельствамъ“.

Въ началѣ этой же телеграммы Великій Князь благодарилъ Государя за пожалованіе георгіевскаго штандарта лейбъ-гвардіи драгунскому полку, а въ заключеніе упомянулъ, что былъ сегодня на крестинахъ у принца Рейсса. Такимъ образомъ, отвѣтъ на сугубо-важное и совершенно-неисполнимое повелѣніе былъ данъ какъ бы между прочимъ.

Ровно черезъ два часа по отправленіи этого отвѣта (въ 8 ч. веч.), была получена телеграмма Государя отъ $6^1/_2$ ч. сег. вечера:

„Двѣ шифрованныя телеграммы твои отъ 18-го получилъ сегодня. Не полагаю, чтобы амбаркація одного полка произвела какое-либо давленіе на англичанъ. Дальнѣйшую отсылку войскъ отнюдь не допускаю. Вчерашняя моя шифрованная телеграмма [2]) должна служить тебѣ руководствомъ. Увѣдомь, когда все будетъ готово для дѣйствія. Намъ не слѣдуетъ терять времени, чтобы предупредить прибытіе дессантныхъ англійскихъ войскъ“.

Почти одновременно были получены двѣ телеграммы отъ военнаго министра и одна отъ князя Горчакова, всѣ три шифрованныя и отъ сегодняшняго числа. Вотъ онѣ:

1) „Телеграммою 7-го марта, № 1206, я имѣлъ честь спрашивать: имѣется ли при арміи достаточно динамита и другихъ средствъ, нужныхъ для срытія Дунайскихъ крѣпостей. Благоволите приказать кому слѣдуетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить: какія сдѣланы распоряженія для скорѣйшаго срытія крѣпостей. Также крайне необходимо ускорить очищеніе Шумлы, Варны и Батума. Главнокомандующій кавказскою арміей съ нетерпѣніемъ ожидаетъ выхода турокъ изъ Батума. Не изволите ли признать возможнымъ назначить туркамъ крайній срокъ. № 1424“.

---

[1]) Великій Князь оказался совершенно правъ. Спустя 2—3 года по окончаніи войны, я имѣлъ случай *убѣдиться*, что именно эта телеграмма составлена на основаніи особой записки, поданной Обручевымъ. Нѣкоторыя выраженія Высочайшей телеграммы буквально заимствованы изъ этой записки, такъ что надо думать, что и самая телеграмма составлена Обручевымъ и черезъ военнаго министра представлена къ Высочайшему подписанію.

[2]) Т.-е.—та телеграмма, которая получена сегодня въ 2 ч. 40 м. дня.

2) „На случай, если Ваше Высочество признаете необходимымъ, для защиты Босфора, доставить орудія большихъ калибровъ — разрѣшено генералу Семекѣ отправить требуемое число пушекъ и мортиръ съ вооруженія Керчи; въ особенности будутъ полезны мортиры девятидюймовыя.—Милютинъ“.

Точно мы не въ Турціи, а въ нашемъ Константинопольскомъ военномъ округѣ, гдѣ можемъ распоряжаться на всей своей волѣ!

3) (Переводъ съ французскаго). „По слухамъ изъ Аѳинъ, отъ 18-го марта новаго стиля, планъ англичанъ слѣдующій: 1) захватъ Булаирскихъ укрѣпленій на Галлипольскомъ полуостровѣ шестью броненосцами, съ обоихъ береговъ; 2) высадка въ Измидѣ съ цѣлью занять азіатскія укрѣпленія Босфора. — Горчаковъ“.

Захватить Булаирскія укрѣпленія мы могли безъ выстрѣла еще во второй половинѣ января и собирались это сдѣлать, не теряя ни минуты. Не наша вина, что это не было исполнено. А теперь—то же самое собираются сдѣлать англичане, и мы имъ помѣшать не можемъ. Горько и обидно!

Весь вечеръ и часть ночи я отводилъ душу въ письменной бесѣдѣ съ женой. Можетъ быть, читатели не посѣтуютъ на меня за буквальную выписку изъ этого письма отъ 19-го марта:

„Въ заключеніе, мнѣ необходимо разъяснить одно серьезное недоразумѣніе. Ты укоряешь меня за то, что я въ пользу уступокъ: это не совсѣмъ такъ. Я въ пользу послѣдовательной, твердой, ясной политики и противъ того виляныя, которымъ мы занимаемся все это время, какъ въ Петербургѣ, такъ и здѣсь. Еслибъ ты прослѣдила по моимъ письмамъ весь ходъ переговоровъ съ начала января и обобщила бы мои сообщенія, то ты сама убѣдилась бы въ нашемъ стремленіи „и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти“. Безпредѣльная наглость англичанъ безспорна, но мы сами, своею непослѣдовательностью, дали имъ возможность создать искусственный призракъ оправданія своему поведенію, по крайней мѣрѣ въ глазахъ своего, англійскаго, общественнаго мнѣнія.

„Политика должна быть *или* послѣдовательно-смѣлая, вполнѣ готовая дать отпоръ оружіемъ всякимъ притязаніямъ, справедливымъ и несправедливымъ, смѣло глядящая въ глаза новой войнѣ; *или же*—умѣренная, осторожная, избѣгающая какъ возбужденія безполезнаго раздраженія, такъ и умаленія собственнаго достоинства. У насъ же хотѣли сочетать оба способа дѣйствій и, конечно, потерпѣли фіаско,—а теперь принуждены, противъ воли, идти навстрѣчу новой войнѣ.

„Еслибъ мы слѣдовали *первому способу*, то надо было, не

обращая никакого вниманія на представленія и обѣщанія Англіи, занять съ самаго начала Галлиполи и устроить тамъ какъ можно поспѣшнѣе береговыя батареи. Хотя и очень мудрено, дѣйствуя только съ берега, удержать непріятельскій флотъ, твердо рѣшившійся прорваться черезъ Дарданеллы,—но англичане сильно призадумались бы рискнуть на это. Затѣмъ: требованіе допустить посадку войскъ на суда въ Босфорѣ слѣдовало включить условіемъ въ мирный договоръ, ибо удобство этой посадки для возвращенія въ Россію можно и должно было предвидѣть. Тогда намъ не пришлось бы мириться съ отказомъ султана допустить насъ въ Буюкдэре, отказомъ, открыто вынужденнымъ Англіей.

„*Слѣдуя второму способу*, т.-е. желая избѣгнуть войны (возобновленіе которой, по глубокому убѣжденію, считаю величайшимъ бѣдствіемъ),—не надо было гоняться за призраками, т.-е. не двигаться безостановочно до береговъ Мраморнаго моря, а стать на той границѣ, которая заранѣе была нами предначертана, и объявить твердую свою рѣшимость не уходить, пока всѣ наши требованія не будутъ удовлетворены сполна.

„Первый способъ—рискованный, но имѣвшій шансы на успѣхъ; второй способъ — вполнѣ соотвѣтствующій нашему дѣйствительному положенію и дѣлающій насъ, въ случаѣ войны съ Англіей, неуязвимыми.

„Мы же пускали въ ходъ, порывами и скачками, оба способа. Сами ничего не достигли, во всѣхъ заронили недовѣріе къ себѣ, а Дизраэли, Лейарду и К° дали поводъ вооружать противъ насъ общественное мнѣніе Англіи, которое, до взятія Адріанополя включительно, было положительно на нашей сторонѣ, т.-е. — противъ войны съ нами. При этомъ мы поставили себя въ напрасную необходимость отстаивать невыгодное для насъ же самихъ положеніе и обратили въ вопросъ народной чести такую неразрѣшимую задачу, какъ защита Босфора отъ прорыва англійскаго флота въ Черное море.

„Я настаиваю на томъ, что мы сами, своею необдуманностью и непослѣдовательностью, а въ особенности нашими дипломатическими пріемами, поставили себя въ теперешнее невыносимое положеніе. Не будь санъ-стефанскаго „прелиминарнаго" мира (слово-то какое противное!) — намъ не пришлось бы теперь возиться съ наглыми англійскими притязаніями.

„Къ рѣшительнымъ мѣрамъ для огражденія себя отъ нихъ мы прибѣгаемъ только теперь, когда уже слишкомъ поздно, и то не прямо, а какъ-то бочкомъ.

„Итакъ, пойми меня: по существу, между нами нѣтъ разно-

гласія. Я вовсе не въ пользу уступокъ во что бы ни стало: я стоялъ лишь всегда въ пользу мира, и сердился, когда мы, увлекаемые какимъ-то рокомъ, дѣлали все возможное для возбужденія новой войны, сами того не желая и при самой невыгодной для насъ обстановкѣ. Смѣлая, рѣшительная политика была бы мнѣ по сердцу, еслибы она велась послѣдовательно и стремилась къ созданію выгодныхъ заручекъ на случай новой войны. Меня приводили и приводятъ въ бѣшенство и отчаяніе — наши перескоки отъ борзятничества къ робости и нерѣшительности.

„Въ томъ вычищенномъ и вылизанномъ видѣ, въ которомъ дипломатическіе переговоры и пререканія попадаютъ въ печать теперь (обрывками) и попадутъ въ исторію впослѣдствіи, они, конечно, не производятъ и не произведутъ того впечатлѣнія, какое производятъ теперь на меня, знающаго всю ихъ безсвязность и безсистемность во всей подробности. Да и слава Богу: ужъ если намъ суждена новая война, то пусть лучше публика остается убѣжденною въ нашей правотѣ. Это убѣжденіе будетъ источникомъ новыхъ силъ духа, столь необходимыхъ для предстоящаго тяжкаго испытанія.

„Я совершенно съ тобой согласенъ, что если будетъ новая война, то конецъ ея, каковъ бы онъ ни былъ, будетъ уже концомъ настоящимъ. И еще я глубоко убѣжденъ, что этотъ „настоящій конецъ“ будетъ еще болѣе благотворно-освѣжающею грозою для отечества, чѣмъ была крымская война“...

20 марта, на яхтѣ „Ливадія“. — Сегодняшній день — несчастный для Великаго Князя, а по закону отраженія — и для всѣхъ насъ, къ нему приближенныхъ. Утромъ, около половины двѣнадцатаго, получена слѣдующая гнѣвная телеграмма Государя отъ 10 ч. 20 м. сег. утра:

„Отвѣтъ твой [1]) на шифрованную телеграмму мою отъ 18-го полученъ вчера вечеромъ, во время инвалиднаго концерта. Удивляюсь, что ты принялъ ее только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію и руководству, о чемъ подтверждаю тебѣ наистрожайше. Повторяю тебѣ мое приказаніе объ отправленіи сюда всего моего сводногвардейскаго конвоя при первой возможности“.

Что Государь сильно разгнѣванъ — доказывается тѣмъ, что онъ не призналъ даже нужнымъ зашифровать столь рѣзкій выговоръ своему брату. Тяжесть царской немилости еще болѣе усугубляется тѣмъ, что телеграмма послана не вчера, подъ пер-

---

1) См. выше, 19-го марта.

вымъ впечатлѣніемъ неудовольствія, а сегодня утромъ, слѣдовательно — по достаточномъ размышленіи, а быть можетъ и по чьему-либо недоброжелательному внушенію.

Понятно, что Великій Князь былъ глубоко потрясенъ и огорченъ. Тотчасъ же по полученіи этой депеши, онъ самъ составилъ и приказалъ зашифровать слѣдующій отвѣтъ:

„Крайне огорченъ твоею телеграммою отъ 20-го числа утра. Увѣренъ, что ты никогда не сомнѣвался, что я свято всегда исполняю твои приказанія, но исполненіе обезоруженія стотысячной турецкой арміи и флота считаю положительно вещью невозможною. Требованіе это въ минуту, когда турки могутъ объявить желаніе быть нейтральными, возбудитъ вновь ихъ ненависть къ намъ и неминуемо заставитъ перейти на сторону Англіи. Вотъ почему я сказалъ, что буду приказаніе это имѣть въ виду, потому что противъ совѣсти нахожу сказать тебѣ, что исполню вещь, которую по ходу теперешнихъ дѣлъ вижу невозможнымъ исполнить".

Не прошло и десяти минутъ послѣ отправки этой телеграммы, какъ глубоко взволнованный Великій Князь написалъ и приказалъ зашифровать вторую телеграмму Государю слѣдующаго содержанія:

„Телеграмму твою отъ 18-го числа принялъ пока только къ свѣдѣнію потому, что для точнаго исполненія встрѣчаю огромныя мѣстныя препятствія, изложеніе которыхъ изготовляемъ уже тебѣ письменно. Повторяю высказанное въ донесеніяхъ и телеграммахъ, что на полное содѣйствіе турокъ надѣяться еще не могу. Въ случаѣ же ихъ нейтралитета, могу ожидать лишь пассивнаго допущенія занять стратегическіе пункты на Босфорѣ, а на обезоруженіе стотысячной арміи и сильнаго флота Порта никогда не согласится. Впрочемъ, такъ какъ дальнѣйшія дѣйствія турокъ будутъ зависѣть отъ развитія политическихъ и военныхъ событій, то выраженную тобою волю буду имѣть въ виду для руководства. Конвой отправлю немедленно".

Пришлось-таки высказаться напрямки! Но, кажется, слишкомъ поздно! Государь, очевидно, уже усвоилъ себѣ неисполнимый планъ, и переубѣдить его теперь и думать нечего.

21 марта, на яхтѣ „Ливадія". — Вчерашній злополучный день какъ начался, такъ и кончился. Вчера же поздно вечеромъ

Великій Князь получилъ телеграмму Государя отъ $6^1/_2$ ч. вечера вчерашняго дня:

„Вчерашнюю твою шифрованную телеграмму [1]) получилъ сегодня утромъ. Николаша прибылъ благополучно. Ничего не имѣю прибавить къ тому, что сказано въ послѣднихъ двухъ шифрованныхъ телеграммахъ: надѣюсь, что все будетъ исполнено, какъ я желаю. *Скажи откровенно: здоровье твое позволяетъ ли тебѣ продолжать командованіе арміей съ должною энергіей, которая теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо? Нельзя ли воспользоваться портомъ Киліи для подвоза артиллеріи*“ [2]).

На это Великій Князь отвѣчалъ:

„Пока силы есть и я тебѣ нуженъ, буду работать до послѣдняго издыханія. Желалъ бы только, чтобъ силы не измѣнили, и если только мало-мальски дѣла поправятся, Богъ дастъ, къ лучшему,—прошу дозволить мнѣ тогда вернуться, чтобъ отдохнуть. Сегодня съ фельдъегеремъ посылаю записку о теперешнемъ тутъ положеніи, разъясняющую, что возможно и чего нельзя, въ виду настоящихъ отношеній къ туркамъ, дѣлать“.

Отправивъ эту телеграмму и составивъ письмо и донесеніе Государю, Великій Князь замѣтно повеселѣлъ: сколько я его понимаю—оттого, что наконецъ рѣшился высказаться безъ околичностей. Вотъ то донесеніе, вызванное исключительно телеграммою Государя отъ 18-го марта и заключающее въ себѣ подробный на нее отвѣтъ:

„В. И. В.! Одобряя мои соображенія, изложенныя въ письмѣ отъ 9-го марта, В. И. В. въ шифрованной депешѣ изволили указать мнѣ руководящія основанія для предстоящихъ дѣйствій. Я употреблю всѣ усилія, чтобы въ точности выполнить волю В. И. В., но считаю долгомъ высказать мои соображенія относительно порядка и средствъ для приведенія ея въ исполненіе.

„Для полнаго утвержденія нашего на Босфорѣ необходимо занять оба берега пролива и положить въ немъ минныя загражденія. Занятіе европейскаго берега болѣе или менѣе обезпечено, всѣ средства для этого приготовлены и армія, собранная подъ Константинополемъ, находится въ полной готовности двинуться впередъ по первому приказанію. Но, какъ я уже изложилъ въ моемъ письмѣ, начало движенія нашихъ войскъ впередъ будетъ сигналомъ къ разрыву съ Англіей, а потому оно должно

---

[1]) См. 19-го марта, утромъ.

[2]) Курсивомъ напечатаны зашифрованныя слова.

быть предпринято или на основаніи прямого повелѣнія В. И. В., или при открытіи враждебныхъ дѣйствій Англіей, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и попытку ея флота вступить въ Босфоръ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ я употреблю всѣ усилія, чтобы прибыть къ Босфору какъ можно быстрѣе и чтобы успѣть заложить загражденія прежде, чѣмъ прибудетъ туда англійскій флотъ [1]). Но, несмотря на это, нельзя упускать изъ виду, что флотъ можетъ прибыть къ Босфору раньше нашихъ войскъ, такъ какъ имъ нужно сдѣлать около 40 верстъ и употребить на это около 1½ сутокъ, а англійскому флоту отъ Принцевыхъ острововъ — нѣсколько часовъ. Это, впрочемъ, не помѣшаетъ мнѣ утвердиться на берегу, и я надѣюсь исполнить это въ самое короткое время, если только не встрѣчу сопротивленія со стороны турокъ.

„Вмѣстѣ съ началомъ движенія нашихъ войскъ, моряки начнутъ укладывать минныя загражденія. Мины готовы и въ достаточномъ числѣ находятся на военныхъ судахъ; однако я сомнѣваюсь, чтобы моряки наши, несмотря на всѣ ихъ усилія и самоотверженіе, успѣли заградить проливъ до прихода непріятельскаго флота; производство же работъ подъ огнемъ броненосныхъ судовъ — немыслимо. При всемъ томъ это не лишаетъ меня надежды устроить загражденія впослѣдствіи, подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ и орудій, когда они утвердятся на берегу; однако я не могу не признать, что тогда предпріятіе будетъ болѣе затруднительно и успѣхъ не вполнѣ вѣрнымъ.

„Переправа нашихъ войскъ на азіатскій берегъ можетъ быть исполнена только тогда, когда будетъ устроено надежное загражденіе пролива и будетъ увѣренность, что проходъ по немъ броненосцевъ невозможенъ: иначе—положеніе переправившихся войскъ будетъ крайне опасно. Кромѣ того, переправа войскъ возможна будетъ только тогда, когда будетъ собрано въ проливъ такое число судовъ, которое могло бы поднять, примѣрно, около дивизіи пѣхоты съ артиллеріею; но какъ приводъ нашихъ судовъ, такъ и наемъ ихъ на мѣстѣ можетъ быть сдѣланъ только тогда, когда загражденіе пролива будутъ исполнено.

„Такимъ образомъ, успѣшность переправы черезъ проливъ и занятіе азіатскаго берега будетъ вполнѣ зависѣть отъ успѣшности устройства миннаго загражденія. Будутъ ли названныя дѣйствія

---

[1]) Дѣло совершенно неисполнимое, хотя генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Поповъ и считаетъ это возможнымъ. Я не разъ высказывалъ Великому Князю, что на мины надѣяться нельзя, но понятно, что онъ вѣритъ больше адмиралу, чѣмъ мнѣ.

успѣшны или нѣтъ, — для противодѣйствія броненосцамъ и для упроченія нашего положенія на Босфорѣ полезно имѣть орудія большого калибра. Я уже сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія по этому предмету и полагаю доставить эти орудія съ Дуная изъ имѣющихся у меня осадныхъ средствъ. Но я долженъ заявить В. И. В., что доставка этихъ орудій въ Босфоръ, а тѣмъ болѣе выгрузка ихъ на берегъ, возможны только при совершившемся разрывѣ, потому что, при настоящихъ натянутыхъ обстоятельствахъ, одинъ фактъ доставки въ Босфоръ и выгрузки на берегу его или на берегу Чернаго моря, вблизи Босфора, орудій большого калибра — послужитъ поводомъ къ такому разрыву въ такой же степени, какъ попытка закладывать нынѣ мины, или движеніе нашихъ войскъ къ Босфору. Во всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду, что для совершеннаго изготовленія большихъ орудій къ отправкѣ потребуется не менѣе двухъ недѣль.

„Ко всему сказанному необходимо принять въ соображеніе наши отношенія къ Турціи. Въ предыдущемъ письмѣ я высказалъ предположеніе, что въ случаѣ разрыва съ Англіей Турція не станетъ на нашу сторону. Въ настоящее время я только могу подтвердить это предположеніе. Она, по всей вѣроятности, объявитъ себя нейтральною; при этомъ я надѣюсь достигнуть того, что она не помѣшаетъ мнѣ занять важные стратегическіе пункты. Разсчитывать на большее я не имѣю никакихъ основаній, и полагаю, что если я предъявлю Турціи тѣ требованія, которыя указываются В. И. В., т.-е., чтобъ она допустила насъ занять укрѣпленія европейскаго берега Босфора, чтобы она распустила армію, собранную у Константинополя, разоружила бы свои суда, находящіяся на Черномъ морѣ, и отвела ихъ въ порты, которые ей будутъ нами указаны, — она отвѣтитъ отказомъ. Я даже увѣренъ, что если буду настаивать на исполненіи этого требованія, то Турція, поставленная въ безвыходное положеніе, подъ давленіемъ съ одной стороны нашихъ угрозъ, а съ другой — обѣщаній Англіи, — открыто станетъ на ея сторону.

„Резюмируя все сказанное, я могу обрисовать положеніе такъ:

„Занятіе европейскаго берега Босфора почти обезпечено. Быстрое занятіе его можетъ совершиться только полевыми войсками и полевыми орудіями. Перевозка моремъ и постановка на берегу орудій — сомнительны. На загражденіе пролива минами, несмотря на всѣ наши усилія, вполнѣ разсчитывать нельзя. На связанное съ этимъ утвержденіе на азіатскомъ берегу — еще менѣе слѣдуетъ разсчитывать. Въ случаѣ разрыва съ Англіей — нельзя считать Турцію нашею союзницею: она, по всей вѣроят-

ности, будетъ нейтральною. Въ требованіяхъ нашихъ: уступить укрѣпленія Босфора, распустить армію, разоружить суда, находящіяся въ Черномъ морѣ, и отвести ихъ въ указанные нами порты — Турція откажетъ. Если же я буду настаивать на непремѣнномъ исполненіи этого требованія — Турція станетъ въ открыто-враждебное намъ положеніе и примкнетъ къ Англіи.

„Я считаю необходимымъ остановиться на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ.

„Потребовавъ категорическаго отвѣта на указанное требованіе, надо быть готовымъ, чтобы, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, немедленно объявить Турціи новый разрывъ и открыть немедленно же военныя дѣйствія, съ цѣлью попытаться разбить собранную у Константинополя армію прежде прибытія англійскаго дессанта. Имѣя въ виду, что такой поступокъ намъ будетъ выставленъ нашими врагами какъ вѣроломство, онъ неминуемо повлечетъ за собою разрывъ не только съ Турціей, но и съ Англіей, а можетъ быть и съ Австріей. Поэтому на такое рѣшительное дѣйствіе, могущее повлечь объявленіе войны Турціи, Англіи, а можетъ быть и Австріи—мнѣ необходимо получить отъ В. И. В. особое повелѣніе и полномочіе.

„Если же нежелательно уничтожить всякую вѣроятность мирнаго исхода изъ настоящаго положенія, то нужно продолжать веденіе переговоровъ и сношеній съ Турціей съ крайнею осторожностью, и тогда останется еще надежда привлечь ее на нашу сторону, въ особенности если мы сдѣлаемъ въ ея пользу нѣкоторыя уступки.

„Изложивъ съ полною откровенностью мои взгляды, я, въ виду указаній В. И. В. на то, чтобы я избѣгалъ рискованныхъ предпріятій, счелъ необходимымъ испросить окончательныхъ повелѣній В. И. В., которыя будутъ свято приведены въ исполненіе по мѣрѣ моихъ силъ и способностей“.

Кромѣ этого оффиціальнаго донесенія, Великій Князь заготовилъ еще Государю собственноручное письмо, содержаніе котораго, конечно, мнѣ неизвѣстно. Но, судя по разговорамъ Великаго Князя, котораго я достаточно изучилъ для того, чтобы по нѣкоторымъ отрывочнымъ словамъ догадываться о главномъ направленіи его мыслей,—я думаю, что письмо отвѣчаетъ главнымъ образомъ на поставленный Государемъ вопросъ: способенъ ли Великій Князь, по состоянію силъ и здоровья, на энергическія дѣйствія въ смыслѣ Высочайшихъ указаній. Вопросъ этотъ, подвергая сомнѣнію способность Великаго Князя исполнять царскія

указанія, глубоко задѣлъ его за живое. Написавъ отвѣтъ, онъ, однако, видимо успокоился.

Въ исходѣ второго часа дня, Великій Князь перешелъ съ „Ливадіи“ на паровой катеръ, приказавъ „Ливадіи“ оставаться въ Золотомъ-Рогѣ впредь до его возвращенія черезъ день или черезъ два. Его сопровождали только Непокойчицкій, три адъютанта и я: вся остальная свита была отпущена частью вчера, частью сегодня утромъ. На берегу мы сѣли въ ожидавшія насъ коляски и отправились въ посольство, гдѣ насъ ожидалъ Нелидовъ. Великій Князь ушелъ съ нимъ и Непокойчицкимъ подписывать отправляемое Государю донесеніе, которое переписывалось кѣмъ-то изъ нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ. Мы ожидали въ небольшомъ, но прелестномъ посольскомъ саду. По отправленіи курьера къ Государю—поѣхали на станцію желѣзной дороги и въ 4 ч. дня вернулись въ С.-Стефано.

Тамъ была получена, уже вечеромъ, слѣдующая полушифрованная телеграмма Государя отъ 2 ч. пополудни сего числа:

„Вчерашнія двѣ шифрованныя телеграммы твои получилъ вечеромъ [1]); письмо къ тебѣ отправилъ сегодня утромъ. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта твоего на мою вчерашнюю [2]) шифрованную телеграмму. Игнатьевъ долженъ прибыть изъ Вѣны сегодня вечеромъ. *На полное содѣйствіе Турціи я не надѣюсь, но если они пассивно допустятъ насъ занять стратегическіе пункты на Босфорѣ до прихода англійскаго флота въ Черное море, то главный результатъ, котораго желаю, будетъ достигнутъ. Горчаковъ тебѣ сообщаетъ тревожную телеграмму Стюарта* [3]) *и его отвѣтъ. Передай то и другое Дрентельну* [4]) для руководства, и если онъ еще у тебя, то прикажи ему немедленно воротиться въ *Бухарестъ*“ [5]).

Отвѣтъ Великаго Князя, данный сегодня же вечеромъ:

„Телеграмму твою шифрованную отъ сего дня получилъ. Дрентельну все передамъ, когда получу Горчакова телеграмму.

---

[1]) Т.-е. 20 марта.

[2]) Т.-е. отъ 20 марта, о томъ, позволяетъ ли здоровье Великаго Князя продолжать командовать арміей.

[3]) Телеграмма эта приведена ниже.

[4]) Командующій войсками въ тылу арміи, въ Румыніи. Онъ уже дня два, какъ пріѣхалъ оттуда, въ сопровожденіи помощника начальника тылового штаба, генералъ-маіора Лобко.

[5]) Слова, напечатанныя курсивомъ, зашифрованы.

Фельдъегерь отправился сегодня съ письмомъ къ тебѣ въ отвѣтъ на твою телеграмму о моемъ здоровьи. Сегодня чувствую себя порядочно, но печень болитъ".

22 марта, Санъ-Стефано.—Сегодня утромъ, наконецъ, получена шифрованная телеграмма князя Горчакова, повидимому, отъ вчерашняго дня. Привожу ее въ переводѣ съ французскаго:

„Стюартъ [1]) телеграфируетъ: румынское правительство, протестуя противъ статьи 8-й мирнаго договора [2]), проситъ поддержки великихъ державъ. Не желаетъ допустить сообщенія нашей оккупаціонной арміи черезъ Румынію безъ предварительнаго своего согласія. Угрожаетъ сопротивленіемъ. Братіано [3]) отправился въ Вѣну и Берлинъ подъ предлогомъ встрѣтиться съ Игнатьевымъ. Когальничано [4]) говоритъ, что въ случаѣ войны съ Англіей не ручается за сохраненіе мира. По повелѣнію Государя, я объявилъ Гикѣ [5]), что если румынское правительство будетъ настаивать на своемъ протестѣ противъ статьи, обезпечивающей наши военныя сообщенія черезъ Румынію, то мы займемъ княжества нашими войсками и потребуемъ обезоруженія румынскихъ войскъ" [6]).

Это усложненіе является прямымъ и вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ устраненія румынскихъ уполномоченныхъ отъ участія въ мирныхъ переговорахъ. Безъ вмѣшательства Англіи румыны, конечно, проглотили бы обиду поневолѣ, но теперь, съ измѣненіемъ обстановки къ нашей невыгодѣ, они, конечно, поспѣшили дать намъ почувствовать, что и румынская дружба или вражда чего-нибудь стоятъ.

Великій Князь кратко донесъ Государю слѣдующею телеграммою:

„Телеграмму Горчакова получилъ. Дрентельну передалъ. Онъ

---

[1]) Нашъ генеральный консулъ въ Бухарестѣ.

[2]) Въ статью 8-ую включено, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ Румыніей, право будущей болгарской оккупаціонной арміи сохранять сообщенія съ Россіей: сухимъ путемъ—черезъ Румынію, и моремъ—черезъ Варну и Бургасъ.

[3]) Румынскій первый министръ.

[4]) Министръ иностранныхъ дѣлъ.

[5]) Румынскій посланникъ въ Петербургѣ.

[6]) Отъ Великаго Князя слышалъ 27 марта, что на эту угрозу князь Карлъ далъ полный достоинства отвѣтъ, суть котораго заключается въ томъ, что русскія войска, конечно, могутъ уничтожить румынскую армію въ бою, но пока онъ живъ—обезоружить ее не дозволитъ. Великій Князь разсказалъ это тономъ, ясно говорившимъ, что на мѣстѣ князя Карла онъ самъ отвѣтилъ бы точно такъ же.

съ первымъ пароходомъ отправится. Будетъ исполнено по твоему приказанію".

Вслѣдъ за этимъ Великій Князь просилъ разрѣшенія Государя, для ускоренія и облегченія отправки сводногвардейскаго конвоя, послать его безъ лошадей. Въ заключеніе этой телеграммы донесъ, что Дрентельнъ уѣзжаетъ завтра.

Отъ военнаго министра получена шифрованная телеграмма: „Генералъ-адъютантъ Семека считаетъ нужнымъ, на случай войны съ Англіей, приготовить мины для загражденія Сулинскаго гирла (Дуная) и устроить береговыя батареи съ орудіями большого калибра у входа непріятельскаго флота въ Сулинскій рукавъ. Не изволите ли, Ваше Высочество, дать соотвѣтственныя приказанія генералъ-адъютанту Дрентельну.—Милютинъ".

23 марта, Санъ-Стефано. — Ночью была получена слѣдующая шифрованная телеграмма Государя (отъ 22 марта 11 ч. 57 м., вѣроятно, утра: отмѣтка неразборчива):

„Въ дополненіе къ твоимъ послѣднимъ телеграммамъ желаю знать, какія сдѣланы тобою распоряженія о доставкѣ большихъ орудій, минъ и другихъ матеріальныхъ средствъ для дѣйствительнаго преграждения прохода черезъ Босфоръ. Необходимо всѣ эти средства подготовить скорѣй, ибо со дня на день можно ожидать покушенія англійскаго флота прорваться въ Черное море и тѣмъ поставить насъ въ самое трудное положеніе. На такой случай приказано генералу Семекѣ принять всѣ предварительныя мѣры къ оборонѣ устьевъ Дуная. Прикажи предоставить въ распоряженіе Веревкина [1]) всѣ необходимыя средства изъ имѣющихся на Дунаѣ въ твоемъ распоряженіи".

Великій Князь немедленно отвѣтилъ: [2])

„Получилъ твою шифрованную телеграмму отъ 22 числа. Записка, объясняющая всѣ мои распоряженія и положеніе дѣлъ, послана 21-го числа курьеромъ. *Мины готовы на судахъ, другія ведутся сухимъ путемъ. Въ Босфоръ болѣе трехъ военныхъ судовъ имѣть не могу. О приготовленіи минъ въ устьяхъ Дуная приказалъ Казнакову, который тамъ находится. За орудіями посланы генералъ Моллеръ* [3]) *и морякъ Новиковъ*" [4]).

---

[1]) Начальникъ 36-й пѣх. дивизіи и отряда въ дельтѣ Дуная. Умеръ комендантомъ с.-петербургской крѣпости.

[2]) Курсивомъ—зашифрованныя слова.

[3]) Начальникъ осадной артиллеріи арміи.

[4]) Капитанъ 1-го ранга, кавалеръ Георгія 4-й ст. (за Севастополь) и 3-й ст. (за постановку минныхъ загражденій на Дунаѣ, передъ переправою).

24 марта, Константинополь.—Въ 2 ч. дня выѣхали изъ С.-Стефано съ экстреннымъ поѣздомъ. Въ Константинополѣ, на станціи, уже стояли три коляски: въ одну сѣлъ Великій Князь съ Непокойчицкимъ и адъютантомъ Скалономъ; въ другую— князь Имеретинскій, я и адъютантъ Великаго Князя Орловъ; въ третью—остальные три адъютанта, взятые Великимъ Княземъ съ собой. Съѣздили сперва въ посольство, а оттуда за городъ, на „Сладкія воды", гдѣ по пятницамъ всегда бываетъ гулянье.

„Сладкія воды" оказались весьма неказисты. Это узкая канава, на подобіе водопровода по пути изъ Царскаго Села въ Павловскъ. По одну сторону канавы садъ и въ немъ необитаемый султанскій дворецъ, явно заброшенный, а по другую сторону— широкая пыльная аллея изъ чахлыхъ деревьевъ, за которыми, очевидно, нѣтъ никакого ухода. По этой аллеѣ катаются взадъ и впередъ, въ каретахъ (съ лакеями на козлахъ), турецкія богатыя гаремницы. Сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ, кареты останавливаются (какъ на Елагинской Стрѣлкѣ), и турецкія дамы разглядываютъ гуляющую публику. Это удовольствіе дозволяется только разъ въ недѣлю, по пятницамъ.

Присутствуютъ ли „свои" мужчины—неизвѣстно, ибо турки считаютъ верхомъ неприличія не только подходить къ женщинамъ на улицахъ и разговаривать съ ними, но даже раскланиваться. Но разглядывать и даже лорнировать ихъ дозволяется. По плотности яшмаковъ (вуалей) сейчасъ можно догадаться о возрастѣ: всѣ молодыя и считающія себя хорошенькими—въ прозрачныхъ яшмакахъ. Но дѣйствительно хорошенькихъ было немного. Вообще, у всѣхъ, кого можно было разглядѣть, черты лица крупныя и рѣзкія, а цвѣтъ лицъ блѣдный и даже желтоватый, очевидно отъ затворнической жизни. Форма одежды у всѣхъ одинаково безобразная: безформенные халаты яркихъ цвѣтовъ: голубого, синяго, желтаго, краснаго, малиноваго, розоваго и зеленаго.

Сдѣлавъ три-четыре тура по аллеѣ, мы поѣхали на пристань и оттуда на „Ливадію" къ 7 час. вечера, гдѣ и остались. Тамъ уже были нѣкоторыя другія лица ближайшей свиты Великаго Князя, въ томъ числѣ и князь Евгеній Максиміліановичъ Романовскій: въ бесѣдѣ съ нимъ я провелъ почти весь вечеръ [1]). Сегодня былъ первый спокойный день: дѣлать совсѣмъ нечего. Къ добру это или къ худу?

[1]) Знакомство съ его высочествомъ—старинное: когда я былъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ фельдфебелемъ, Евгеній Максиміліановичъ былъ зачисленъ на все лѣто 1860 года въ мою роту.

25 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Пользуясь внезапно наступившимъ дѣловымъ затишьемъ, я провелъ день чрезвычайно пріятно. Сперва мы всѣ отправились на берегъ, въ нашу посольскую церковь къ обѣднѣ, послѣ которой въ посольствѣ былъ сервированъ великолѣпный завтракъ, заказанный въ одномъ изъ цареградскихъ ресторановъ. Затѣмъ я отпросился у Великаго Князя погулять съ его докторомъ, А. Л. Обермиллеромъ, съ которымъ сговорился ѣхать вмѣстѣ еще съ утра. Великій Князь отпустилъ меня на цѣлый день: онъ самъ и съ нимъ еще нѣсколько лицъ были приглашены къ принцу Рейссу обѣдать.

Обермиллеръ и я, взявъ съ собой каваса изъ генеральнаго консульства отъ М. А. Хитрово, отправились на пристань и сѣли на трехчасовой пароходъ, чтобы прокатиться по Босфору. Къ сожалѣнію, пароходъ этотъ останавливался только у пристаней европейскаго берега, такъ что азіатскій берегъ мы могли разсматривать лишь въ бинокли. Описывать красоту Босфора не берусь: трудно передать перомъ чарующую прелесть его волшебныхъ видовъ, богатство красокъ и переливы освѣщенія. Одинъ и тотъ же видъ въ разные часы дня производитъ различное, но неизмѣнно очаровательное впечатлѣніе.

Изъ прибрежныхъ пунктовъ—самые прелестные: Буюкдэре, съ чудною дачею нашего посольства; Терапія—дачи посольствъ французскаго и англійскаго, и еще одно мѣстечко, названіе котораго я забылъ: тамъ роскошная вилла египетскаго хедива въ великолѣпномъ, обширномъ саду.

Прокатившись по всему Босфору, мы на томъ же пароходѣ вернулись въ Константинополь къ $7^1/_2$ ч. вечера, отлично пообѣдали въ „Hôtel de Bysance“, затѣмъ пошли пѣшкомъ къ Золотому-Рогу, наняли каюкъ и въ тихую, звѣздную ночь, между 10—11 ч. вечера, вернулись на „Ливадію“. Почти тотчасъ вслѣдъ за нами вернулся и Великій Князь со свитою, и послѣ чаю въ каютъ-компаніи всѣ разошлись по каютамъ спать.

26 марта, воскресенье, на яхтѣ „Ливадія“.—Сегодня ознакомился съ двумя депешами, полученными и отправленными *24 марта* Великимъ Княземъ въ Санъ-Стефано, передъ отъѣздомъ сюда.

Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Сейчасъ простился съ молодцами твоего конвоя (сводно-гвардейскаго), отправляющимися сегодня въ море. Горчакова депешу шифрованную получилъ (см. ниже). Нашихъ плѣнныхъ вер-

нули: видѣлъ ихъ,—между ними много магометанъ съ Кавказа,—глядятъ молодцами. Новаго ничего нѣтъ".

Шифрованная депеша князя Горчакова отъ 23-го была слѣдующаго содержанія (переводъ съ французскаго):

„*Весьма секретно:* Генералъ Диксонъ [1]) телеграфировалъ Горнби [2]), что Булаирскія укрѣпленія могутъ считаться обезпеченными при теперешнемъ гарнизонѣ, если таковой получитъ приказаніе защищать ихъ; но на случай нападенія русскихъ необходимо содѣйствіе британскаго флота, чтобы войска убѣдились въ существованіи союза Англіи съ Турціей. Онъ опасается, чтобы изъ Константинополя не пришло запрещенія защищать эти укрѣпленія. Въ этомъ случаѣ англичане сами должны взять на себя ихъ защиту, принявъ содержаніе турецкихъ адмирала и войскъ на свой счетъ. Горнби донесъ, кромѣ того, что на случай войны съ Россіей необходимо заключить союзный договоръ съ Турціей. Если англійскому флоту не будетъ открыто нѣсколько портовъ, то онъ не въ состояніи крейсировать въ Мраморномъ морѣ и Босфорѣ долѣе нѣсколькихъ дней: придется тогда уйти за Галлиполи, въ Безику".

Отъ Государя получено сегодня двѣ короткихъ депеши отъ нынѣшняго же дня:

1) „Миша [3]) благополучно прибылъ съ женою и двумя старшими дѣтьми [4]). Погода чудная, теплая, новаго ничего нѣтъ".

2) „Ускори представленіемъ объ отличіяхъ для войскъ: желалъ бы весьма объявить объ этомъ въ Пасху".

Великій Князь вечеромъ отвѣчалъ Государю:

1) „Радуюсь пріѣзду Миши къ тебѣ. Здѣсь все тихо. Вчера говорилъ съ Реуфомъ, а сегодня—съ Савфетомъ. Имеретинскаго посылаю къ тебѣ съ словеснымъ объясненіемъ здѣшнихъ дѣлъ и порученіемъ".

2) „Употреблю всѣ силы, чтобъ окончить и прислать во-время тебѣ представленіе; еще не всѣ свѣдѣнія собраны".

Вообще, сегодняшній день прошелъ столь же спокойно, какъ вчерашній. Успѣлъ побывать въ Константинополѣ въ церкви, позавтракать и погулять на чудномъ воздухѣ въ общественномъ саду, на берегу Босфора, гдѣ, по случаю воскреснаго дня, играла

---

[1]) Англичанинъ на турецкой службѣ.

[2]) Адміралъ, командующій эскадрою въ Мраморномъ морѣ.

[3]) Великій князь Михаилъ Николаевичъ.

[4]) Великій князь Николай Михаиловичъ и великая княжна Анастасія Михаиловна.

музыка и толпилась масса самой пестрой публики. Вернулся на „Ливадію“ къ обѣду.

Великій Князь посылаетъ князя Имеретинскаго въ Петербургъ съ какимъ-то секретнымъ устнымъ докладомъ Государю. Знаю только, что Великій Князь возлагаетъ большія надежды на дѣйствительно мастерское умѣнье князя Имеретинскаго говорить и убѣждать. Но мнѣ кажется, что Великій Князь, по добродушію своему, напрасно разсчитываетъ на его личное къ себѣ расположеніе: князь Имеретинскій его адвокатомъ не будетъ. Сегодня онъ уѣхалъ.

27 марта, на яхтѣ „Ливадія“. — Послѣ двухдневнаго затишья, сегодня весь день горячка. Съ ранняго утра прибылъ фельдъегерь отъ Государя и привезъ какое-то письмо, крайне встревожившее Великаго Князя. Онъ тотчасъ же, по прочтеніи этого письма, самъ составилъ отвѣтную телеграмму, которую приказалъ, для скорости, зашифровать своему адъютанту Скалону и мнѣ. Вотъ она:

„Очень тебя благодарю за письмо отъ 20-го марта, полученное сейчасъ. Имеретинскій на словахъ передастъ тебѣ нѣкоторыя объясненія на твои вопросы. Съ будущимъ курьеромъ пришлю письменный отвѣтъ“.

Шифромъ: „Не пошелъ я на Босфоръ до 19-го февраля, вопервыхъ, потому, что у меня не было достаточно силъ на это — и дороги были непроходимы. Во-вторыхъ, потому, что приходъ мой на Босфоръ во время перемирія и настаиваніе на отправкѣ войскъ изъ Буюкдэре послѣ заключенія мира повлекло бы за собою неминуемый разрывъ не только съ Англіей, но и вновь съ Турціей, на что я не могъ рѣшиться, не имѣвъ положительнаго приказанія отъ тебя, какъ поступить мнѣ при этомъ положительномъ казусъ-белли. Я и теперь могу, если прикажешь, идти на Босфоръ, но такъ, какъ у меня изложено въ запискѣ, которую ты долженъ получить сегодня. Это движеніе повлечетъ неминуемо къ вступленію англійской эскадры въ Босфоръ и къ разрыву немедленному съ Англіей, а можетъ быть и съ Турціей, которая начала возводить укрѣпленія съ сухопутной стороны Константинополя, на что я немедленно потребовалъ остановки работъ“.

Вслѣдъ за отправленіемъ этой телеграммы Великій Князь съ Непокойчицкимъ съѣхалъ на паровомъ катерѣ на берегъ и отправился въ посольство. Къ завтраку онъ вернулся и объявилъ, что въ 2 часа возвращаемся въ Санъ-Стефано съ экстреннымъ поѣздомъ, а „Ливадія“ останется на якорѣ въ Золотомъ-Рогѣ.

Государю донесено *шифромъ:*

1) „Вслѣдствіе моего настоянія, работы на укрѣпленіяхъ около Макрикіоя, противъ Санъ-Стефано, приказано прекратить немедленно. Реуфъ обѣщаетъ устроить, чтобы работы на другихъ пунктахъ не продолжались. На дняхъ объѣду самъ турецкія линіи".

2) (Переводъ съ французскаго:) „Сію минуту получилъ отъ Порты конфиденціальное сообщеніе въ отвѣтъ на личное заявленіе, сдѣланное мною султану по твоему приказанію. Онъ дружелюбно просилъ королеву отозвать свой флотъ, въ виду начатаго уже очищенія Санъ-Стефано. Англійское правительство отвѣтило, что очень желало бы вывести султана изъ затруднительнаго положенія, и если Россія сдѣлаетъ британскому кабинету хотя малѣйшее предложеніе въ смыслѣ одновременнаго удаленія англійскаго флота и русской арміи на одинаковое разстояніе отъ Босфора, то это предложеніе будетъ принято Англіей въ серьезнѣйшее соображеніе. Англія боится взять на себя починъ изъ опасенія оскорбить Россію подобіемъ требованія удалиться (Angleterre redoute de prendre l'initiative, de peur de blesser la Russie par un semblant de demande d'évacuation). Объ этой просьбѣ султана сама Порта до сегодня не знала, и мнѣ сообщено конфиденціально".

Санъ-Стефано. — Получена весьма важная шифрованная депеша князя Горчакова отъ сегодняшняго числа:

(Переводъ съ французскаго:) „Бисмаркъ, предполагая, что ни мы, ни Англія, не желаемъ войны, но опасаясь, что при существующемъ расположеніи обѣихъ сторонъ въ виду проливовъ какая-либо военная случайность можетъ вызвать невольное столкновеніе, — предлагаетъ намъ, въ видѣ дружеской услуги, похлопотать, чтобы англійскій флотъ оставилъ константинопольскія воды и ушелъ за Дарданеллы, съ тѣмъ, чтобы мы отвели наши войска отъ Босфора на разстояніе, соотвѣтствующее времени, нужному англійскому флоту для занятія теперешней его позиціи. Будетъ дѣйствовать только въ случаѣ нашего согласія. Мы отвѣтили, что Государь принимаетъ это предложеніе, цѣнитъ дружественный его характеръ и то высокое значеніе, которое ему придаетъ могущество Германіи. — Горчаковъ".

Сообщеніе этого оффиціальнаго извѣщенія съ секретнымъ сообщеніемъ Порты Великому Князю наводитъ на мысль, что между Англіей и Германіей уже состоялось негласное соглашеніе насчетъ этой хитроумной комбинаціи, и что Бисмаркъ, вы-

ступая съ предложеніемъ дружественнаго посредничества, заранѣе увѣренъ въ его успѣхѣ. Нельзя только догадаться, кому принадлежитъ замысловатая идея перевезти козу, капусту и волка: Бисмарку или Биконсфильду?

Наше согласіе на эту комбинацію доказываетъ желаніе избѣжать новой войны, но совершенно не вяжется съ рѣшительнымъ и неоднократно повтореннымъ требованіемъ: во что бы ни стало утвердиться на Босфорѣ. Посмотримъ, что выйдетъ изъ этой путаницы.

Уже впослѣдствіи, при разборѣ великокняжескаго архива въ Петербургѣ, я узналъ, что сегодня же Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

„Имеретинскій уѣхалъ вчера. Сегодня мнѣ опять нездоровится. *Шифромъ:* Убѣдительно прошу исполнить то, что я ему передалъ о моемъ здоровьи, которое необходимо требуетъ скорѣйшаго отдыха. Ради этого я вижу, что, при всемъ желаніи, въ такомъ положеніи, теперь не могу быть полезнымъ тебѣ слугою. Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоего рѣшенія о замѣнѣ меня кѣмъ-либо другимъ и вызовѣ скорѣй отсюда".

Въ то время я и не подозрѣвалъ, что вопросъ объ отозваніи Великаго Князя такъ близокъ къ разрѣшенію. Онъ только не разъ ласково обнадеживалъ меня въ теченіе послѣднихъ 5—7 дней, что скоро пошлетъ курьеромъ въ Петербургъ; иногда же, наоборотъ, говорилъ: „Мы вернемся домой вмѣстѣ. Какъ ты думаешь, скоро ли это будетъ?" Но мнѣ и въ голову не приходило, что это въ самомъ дѣлѣ можетъ скоро случиться при столь напряженной политической обстановкѣ. Получивъ сегодня, по возвращеніи въ С.-Стефано, письмо отъ жены, я засѣлъ писать отвѣтъ, который окончилъ только на другой день и изъ котораго не могу не сдѣлать слѣдующую выписку, доказывающую, какъ я былъ далекъ отъ надежды на скорое возвращеніе:

„Твое 55-е письмо я перечитывалъ нѣсколько разъ: твои распеканія за мою „деморализацію" доставили мнѣ высокое наслажденіе. Если я такъ боюсь войны въ будущемъ, то не потому лишь, что она отодвинетъ на неопредѣленное время мое возвращеніе, а потому, что я убѣжденъ въ ея несчастномъ исходѣ. Слишкомъ много причинъ, укоренившихъ во мнѣ это убѣжденіе: я не разъ тебѣ ихъ перечислялъ и повторяться не буду. Твоя нравственная поддержка дастъ мнѣ силы честно и стойко исполнять свой долгъ, но вдохнуть въ меня вѣру въ успѣхъ новой войны — даже ты не можешь. Ты пишешь, что тебѣ стыдно за мой пессимизмъ, за потерю вѣры въ наши силы. Увы, я стыдиться

не могу, ибо посвященъ во всѣ секреты, ясно вижу общее положеніе дѣлъ, и поэтому во мнѣ крѣпко сидитъ ужасное убѣжденіе, что въ случаѣ войны дѣйствительность превзойдетъ самыя мрачныя мои опасенія. Дай Богъ, чтобъ я ошибся: буду невыразимо счастливъ.

„Ты пишешь, что не любишь моихъ разсужденій о политикѣ, и даже просишь не угощать тебя ими. Но я не могу не выкладывать передъ тобою то, что мнѣ выматываетъ душу, и сверхъ того считаю необходимымъ записывать все, что мнѣ извѣстно, ибо памятую, что наша переписка, впослѣдствіи, будетъ цѣннымъ историческимъ матеріаломъ. Поставленный волею судьбы въ исключительно освѣдомленное положеніе, я хочу, чтобы впослѣдствіи, хоть въ отдаленномъ будущемъ, происходящія теперь событія получили правильное освѣщеніе. Надо, чтобы потомство знало, что эти событія не были направляемы, а лѣпились горшечниками, лѣпились порывисто и не отдавая себѣ отчета,—что въ концѣ концовъ изъ ихъ работы выйдетъ. Прости меня, если тебѣ докучаю, но я долженъ высказаться, а кромѣ тебя—некому".

28 марта, Санъ-Стефано. Получена агентская телеграмма изъ Лондона отъ вчерашняго вечера:

„При обсужденіи проекта призыва резервистовъ, графъ Биконсфильдъ сдѣлалъ въ палатѣ лордовъ слѣдующее заявленіе. Политика Англіи опирается на договоры. Такъ какъ Россія отказывается представить конгрессу санъ-стефанскій договоръ цѣликомъ, какъ того требуетъ Англія, всякая надежда на созывъ конгресса исчезла. Всѣ вооружаются; необходимо и Англіи приготовиться, ибо событія, происходящія въ окрестностяхъ Константинополя, угрожаютъ интересамъ британской имперіи. Этой деклараціи перваго министра горячо апплодировали".

Въ сопоставленіи со вчерашними сообщеніями Порты и князя Горчакова, эта телеграмма не производитъ уже того впечатлѣнія, которое произвела бы, еслибы Биконсфильдъ сказалъ это днемъ раньше. Теперь это смахиваетъ на простое запугиванье.

Великій Князь сегодня съ утра объявилъ, что завтра поѣдемъ осматривать турецкія укрѣпленія. Нелидовъ и Ону старались отклонить его отъ этого намѣренія, опасаясь могущихъ произойти новыхъ осложненій; но Великій Князь остался при своемъ и не хочетъ даже предупреждать турокъ. Онъ говоритъ, что уже предупредилъ ихъ о своемъ объѣздѣ, что они не возражали, и этого достаточно: предупреждать вторично, что поѣдетъ именно завтра—нѣтъ никакой надобности. Недоумѣваю, какой можетъ быть отъ

этой поѣздки толкъ и какой выйдетъ результатъ. А что, если турки заупрямятся и не захотятъ его пропустить? Если же турки проглотятъ обиду—англичане ее раздуютъ и выставятъ этотъ случай на видъ, какъ самое вѣское доказательство беззащитности Турціи и необходимости ей помочь даже противъ ея воли.

Въ дополненіе къ вчерашнимъ своимъ депешамъ, Великій Князь счелъ нужнымъ составить сегодня и отправить шифромъ слѣдующую телеграмму Государю:

„Если тобою приказано будетъ мнѣ отвести войска на соотвѣтственное разстояніе хода англійскаго флота до Босфора, въ случаѣ его выхода изъ Дарданеллъ, полагаю возможнымъ отвести войска до линіи Чаталджи, откуда мнѣ будетъ не менѣе трехъ дней ходу до Константинополя“.

Послѣ 6 ч. вечера получена телеграмма Государя, поданная въ Петербургѣ сегодня утромъ:

„Вчерашнія три шифрованныя телеграммы твои получилъ вечеромъ. Надѣюсь, что турки исполнятъ твое требованіе объ оставленіи работъ укрѣпленій. Конфиденція султана объ удаленіи англійскаго флота по ихъ собственному предложенію поясняетъ свѣдѣнія изъ Берлина, сообщенныя тебѣ вчера“.

На это Великій Князь отвѣчалъ въ 8 ч. веч. шифромъ:

„Шифрованную телеграмму твою сегодня получилъ. Турки противъ Санъ-Стефано остановили работы; на другихъ мѣстахъ еще не знаю. Завтра, если буду въ состояніи, объѣду лично часть работъ. Что увижу и узнаю—сообщу“.

Наконецъ, сегодня вечеромъ получена агентская телеграмма изъ Лондона отъ сегодняшняго утра:

„Въ палатѣ лордовъ, послѣ своей деклараціи по поводу призыва резервовъ, лордъ Биконсфильдъ, въ отвѣтъ на сдѣланный ему запросъ сказалъ, что не желаетъ непремѣнно войны, и надѣется еще на возможность созыва конгресса. Лордъ Гренвиль выразилъ надежду, что Англія не будетъ вызывать вторую крымскую кампанію. Лордъ Дерби, замѣтивъ, что дипломатія еще не сказала послѣдняго слова, подвергъ критикѣ политику правительства. Палата лордовъ единогласно приняла адресъ въ отвѣтъ на посланіе королевы“.

Ясно, что выходка Биконсфильда, переданная по телеграфу вчера, была лишь демонстративною угрозою.

29 марта, на яхтѣ „Ливадія“. Наше рискованное путешествіе окончилось благополучно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ туркамъ.

Въ $9^1/_4$ ч. утра мы выѣхали изъ Санъ-Стефано верхомъ. Великаго Князя сопровождала огромная свита и конвойный взводъ съ его значкомъ. День былъ пасмурный, но теплый, почти жаркій. Мы проѣхали безпрепятственно черезъ мостъ, отдѣляющій наше расположеніе отъ турецкаго. Насъ тотчасъ встрѣтили конные офицеры и два заптія (жандармы); затѣмъ подъѣхалъ и представился Великому Князю какой-то паша, фамилію котораго я не разслышалъ, а вскорѣ появился самъ Мехмедъ-Али-паша съ Штреккеръ-пашою и черкесскимъ конвоемъ. Мехмедъ-Али-паша— настолько типичный нѣмецъ, что въ турецкомъ мундирѣ и фескѣ казался замаскированнымъ. Онъ и привѣтствовалъ Великаго Князя по-нѣмецки, самымъ сердечнымъ тономъ, а Великій Князь, понѣмецки же, дружелюбно-шутливо отвѣчалъ: „Я пріѣхалъ посмотрѣть, какія это укрѣпленія вы противъ насъ строите".

„Какъ можно, ваше высочество! Совсѣмъ напротивъ! Уже строжайше приказано: не только прекратить всѣ работы, но даже свободно повсюду пропускать русскихъ офицеровъ и принимать ихъ, какъ представителей дружественной арміи",—отвѣтилъ Мехмедъ-Али-паша. Великій Князь возразилъ: „Наши арміи должны быть не только дружественными, но союзными". „Это было бы всего лучше, ваше высочество, — отвѣчалъ Мехмедъ-Али:—это самое я говорилъ еще графу Игнатьеву. Мы охотно готовы быть вѣрными вашими союзниками, но вы должны быть великодушны и хоть немного облегчить намъ условія мира. Вы потребовали слишкомъ много!" Великій Князь пожалъ плечами и сказалъ: „Тутъ я ничего не могу сдѣлать. Я не дипломатъ, а солдатъ, и исполняю, что мнѣ приказываютъ".

Мехмедъ-Али-паша, видя, что изъ политическаго разговора ничего не выйдетъ, сразу перешелъ къ безсодержательнымъ любезностямъ. Въ отвѣтъ на его слова, что ему сегодня наконецъ посчастливилось въ исполненіи его давнишняго желанія лично представиться,—Великій Князь пригласилъ его пріѣхать въ Санъ-Стефано или на „Ливадію", какъ ему удобнѣе: онъ всегда и вездѣ будетъ радъ Мехмеду-Али-пашѣ, какъ гостю. Затѣмъ попросилъ представить ему Штреккера-пашу, который почтительно держался позади. Мехмедъ-Али тотчасъ же его представилъ, и Великій Князь довольно долго и благосклонно разговаривалъ съ нимъ, тоже по-нѣмецки. Послѣ этого прямо подъѣхалъ къ черкесскому конвою и безъ церемоніи заговорилъ по-русски съ обоими офицерами. Они такъ опѣшили, что не сообразили притвориться непонимающими и отвѣчали ему довольно порядочно порусски же. Великій Князь спросилъ, много ли нижнихъ чиновъ,

говорящихъ по-русски: отвѣчали, что почти половина. Тогда онъ спросилъ, много ли служившихъ прежде въ собственномъ Его Величества конвоѣ: офицеры отвѣтили уклончиво, что и такіе есть. Но когда Великій Князь обратился къ самимъ черкесамъ со словами: „Кто изъ васъ, братцы, у насъ служилъ?"—всѣ они промолчали, никто не отозвался. Великій Князь усмѣхнулся и двинулся въ объѣздъ: Мехмедъ-Али-паша ѣхалъ все время рядомъ съ нимъ.

Форма турецкаго султанскаго конвоя совершенно такая же, какъ у насъ: единственная разница—луна на папахахъ и красные нагрудные патронташи (газыри).

Всѣ турецкія войска, мимо которыхъ мы проѣзжали, выстраивались на линіяхъ своихъ лагерей и отдавали честь, причемъ играла музыка. Но офицеры и солдаты смотрѣли исподлобья, сумрачно: видно было, что нашъ объѣздъ оскорбляетъ ихъ самолюбіе. Мы объѣзжали и осматривали турецкія укрѣпленія, какъ свои собственныя. Оказалось, что работы прерваны въ самомъ началѣ: всѣ укрѣпленія еще очень далеки до окончанія. Но пункты выбраны мастерски, что̀ Великій Князь и высказалъ Мехмеду-Али, спросивъ его, кто эти пункты намѣтилъ? Мехмедъ-Али съ напускною скромностью отвѣтилъ, что онъ самъ.

Объѣздъ продолжался до $2^1/_2$ ч. дня, когда мы подъѣхали къ мѣсту сліянія рѣчки „Сладкія воды" съ Золотымъ-Рогомъ. Мы сдѣлали около 30 верстъ верхомъ и объѣхали только лѣвый флангъ турецкой позиціи, прикрывающій Константинополь: правый же флангъ ея, котораго мы сегодня не видали, упирается въ Босфоръ близъ Терапіи и Буюкдэре.

На Золотомъ-Рогѣ ожидали два паровыхъ катера съ „Ливадіи". Распростившись съ турками и поблагодаривъ ихъ за любезность, Великій Князь приказалъ остаться только Непокойчицкому, Скобелеву I, Анненкову, Обермиллеру, адъютантамъ своимъ и мнѣ; всей же остальной свитѣ—вернуться въ Санъ-Стефано верхомъ. Генералъ-адъютантовъ Гурко и графа Шувалова и генераловъ Скобелева 2-го, Рауха и Бреверна пригласилъ доѣхать на паровомъ катерѣ до Стамбула, съ тѣмъ, чтобы оттуда они вернулись въ Санъ-Стефано по желѣзной дорогѣ.

Видѣнная нами сегодня мѣстность имѣетъ видъ унылый и запущенный. Бугры и буераки, поросшіе сорными травами, безъ всякаго признака здоровой растительности, чередуются съ изсякшими и загнившими ручьями, а ближе къ морю—съ гніющими заболоченными затонами. Изрѣдка попадаются крошечныя, жалкія деревеньки. Даже верховье Золотого-Рога такъ обмелѣло,

что мы, сѣвъ на паровые катера у Султанскаго Кіоска (постройка въ швейцарскомъ стилѣ), довольно долго шли самымъ тихимъ ходомъ, съ промѣрами, чтобы не наткнуться на мель. А между тѣмъ осадка паровыхъ катеровъ—только $3^1/_2$ фута.

Я очень интересовался поѣздкою по всему Золотому-Рогу, но берега его, послѣ Босфора, уже не могли произвести впечатлѣнія, ибо тутъ и сравненія быть не можетъ. Почти тотчасъ за Султанскимъ Кіоскомъ начинаются константинопольскія предмѣстья, а за ними и самый городъ: справа—Фанаръ и Стамбулъ, слѣва—Пера и Галата.

По прибытіи на „Ливадію", мы пообѣдали, а послѣ обѣда поѣхали опять на берегъ: Великій Князь съ Непокойчицкимъ—въ посольство, навѣстить больного Нелидова и переговорить съ нимъ, а я тѣмъ временемъ побылъ у нашего генеральнаго консула Хитрово. Затѣмъ, получивъ приказаніе Великаго Князя составить донесеніе Государю, вернулся на „Ливадію" и приступилъ къ работѣ. Завтра ѣдетъ курьеръ.

30 марта, на яхтѣ „Ливадія".—Почти одновременно, около 10 ч. утра, получены сегодня двѣ шифрованныя телеграммы Государя, обѣ отъ вчерашняго вечера:

1) „Почему турки до сихъ поръ не очистили Батума, Варны и Шумлы? Потребуй настоятельно немедленнаго исполненія и назначь срокъ для вступленія нашихъ войскъ въ эти крѣпости. О томъ, какой именно срокъ будетъ назначенъ, телеграфируй мнѣ, дабы дано было соотвѣтственное приказаніе кавказскимъ войскамъ. Откладывать долѣе невозможно".

2) „Въ дополненіе къ вчерашней твоей телеграммѣ объясни мнѣ, на какомъ разсчетѣ основано твое соображеніе объ отводѣ нашихъ войскъ до Чаталджи въ случаѣ выхода англійскаго флота изъ Дарданеллъ, и почему полагаешь, что оттуда до Босфора трое сутокъ ходу. Во всякомъ случаѣ, не отводи войска съ настоящихъ позицій до полученія положительнаго моего приказанія".

Обѣ эти телеграммы, проникнутыя сдержаннымъ неудовольствіемъ (а вторая—даже недовѣріемъ), глубоко взволновали Великаго Князя. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ шифромъ:

„Двѣ твои шифрованныя телеграммы отъ 29-го вечера получилъ сегодня утромъ. Объ очищеніи трехъ крѣпостей назначу срокъ и немедленно тебѣ его сообщу. Отводить войска безъ твоего на то положительнаго приказанія я отнюдь не предполагалъ. Подробности сегодня съ фельдъегеремъ".

Полученіе сегодняшнихъ телеграммъ вызвало приказаніе Великаго Князя: въ дополненіе къ двумъ уже заготовленнымъ донесеніямъ, составить еще одно, съ подробнымъ объясненіемъ по содержанію второго запроса Государя. Это донесеніе я и составилъ наскоро, такъ какъ Великій Князь пожелалъ отправить всѣ три непремѣнно съ сегодняшнимъ курьеромъ.

Привожу всѣ три донесенія дословно.

1) „Ваше Императорское Величество. Какъ вамъ извѣстно, турки дѣятельно принялись за постройку укрѣпленій вокругъ Константинополя съ цѣлью огражденія своего нейтралитета на случай, еслибы мы были вынуждены его нарушить. Я тотчасъ же потребовалъ прекращенія работъ и, когда это было обѣщано, заявилъ Реуфу-пашѣ о моемъ желаніи осмотрѣть эти работы, чтобы лично убѣдиться, въ какой видъ онѣ приведены. Реуфъ-паша отвѣтилъ, что я во всякое время буду радушно встрѣченъ.

„Въ сопровожденіи свиты моей, всѣхъ высшихъ военныхъ начальниковъ и взвода собственнаго Вашего Величества конвоя, я выѣхалъ верхомъ изъ Санъ-Стефано въ $9^1/_4$ ч. утра, не предупредивъ объ этомъ турокъ. Несмотря на это, какъ только я переѣхалъ за черту нашего расположенія, меня тотчасъ встрѣтилъ турецкій паша и чрезвычайно обязательно давалъ всѣ объясненія, какія я спрашивалъ. Турецкія войска повсюду выстраивались при моемъ приближеніи впереди своихъ лагерей и отдавали мнѣ честь, съ музыкой. Наконецъ мнѣ выѣхалъ навстрѣчу самъ Мехмедъ-Али-паша, съ Штреккеръ-пашой и со взводомъ черкесскаго султанскаго конвоя. Мехмедъ-Али-паша разсыпался въ любезностяхъ. Между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что уже отдано приказаніе пропускать нашихъ офицеровъ въ турецкое расположеніе и принимать ихъ, какъ представителей дружественнаго государства. Сперва онъ было даже обмолвился словомъ „союзнаго", но затѣмъ поправился. По моему желанію, онъ представилъ мнѣ Штреккера-пашу, съ которымъ я долго и съ большимъ удовольствіемъ разговаривалъ: онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

„Я объѣхалъ всю линію отъ Макрикіоя до Кіатъ-Хане (Сладкія воды) и внимательно осморѣлъ всѣ начатыя турками на этомъ пространствѣ фортификаціонныя работы. Работы эти не доведены до конца, но то, что сдѣлано — сдѣлано отлично, а главное—мѣста подъ укрѣпленія выбраны мастерски. Мѣстность, которую турки начали укрѣплять, сама по себѣ весьма сильна: это ряды холмовъ, постепенно повышающихся съ приближеніемъ

къ Константинополю. Лощины между этими холмами, по мѣрѣ приближенія къ нему, становятся глубже, обрывистѣе, даже скалистѣе. Этотъ характеръ мѣстности даетъ возможность укрѣпить ее въ нѣсколько линій, примѣрно въ три, причемъ каждая линія укрѣпленій будетъ значительно командовать впереди лежащею. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подступы съ нашей стороны совершенно открыты, ибо окрестности Константинополя представляютъ почти пустыню, то очевидно, съ какими трудностями была бы сопряжена аттака этихъ укрѣпленій и какъ дорого обошелся бы намъ каждый шагъ впередъ. Прекращеніе турками работъ представляетъ для насъ лишь весьма небольшую гарантію на случай возобновленія военныхъ дѣйствій, потому что при несомнѣнномъ мастерствѣ ихъ быстро окапываться—имъ достаточно одной ночи, чтобъ возвести очень серьезныя преграды.

„Единственный недостатокъ занимаемой турками позиціи — это огромное ея протяженіе отъ Макрикіоя до Буюкдэре, т.-е. около 50-ти верстъ. Хотя войскъ у нихъ и собрано достаточно, но обезпечить столь растянутую позицію отъ прорыва на всемъ протяженіи — все-таки очень трудно. Я не видалъ всего праваго фланга позиціи, отъ Кіатъ-Хане до Буюкдэре, но имѣю свѣдѣнія, что укрѣпленія на этомъ флангѣ подвинуты значительно болѣе впередъ, да и мѣстность тамъ еще болѣе благопріятствуетъ оборонѣ и представляетъ еще болѣе трудностей для наступленія.

„Вотъ заключеніе, выведенное мною изъ моей поѣздки по турецкимъ укрѣпленіямъ. Считаю долгомъ повергнуть его на благоусмотрѣніе Вашего Величества“.

2) [1]) „Ваше Императорское Величество! На письмо Вашего Величества отъ 20-го марта долгомъ считаю почтительнѣйше объяснить обстоятельства, помѣшавшія мнѣ своевременно занять и укрѣпить Босфоръ, а также соображенія, заставившія меня отказаться отъ посадки войскъ въ Буюкдэре.

„Еще до заключенія перемирія, когда, вслѣдствіе затруднительности телеграфныхъ сообщеній, согласіе Порты на предложенныя нами условія мира не доходило до турецкихъ уполномоченныхъ и войска наши продолжали приближаться къ Константинополю,—англійское правительство, видя въ этомъ намѣреніе наше завладѣть во что бы то ни стало столицею Турціи, приказало своему флоту вступить въ проливы. Онъ былъ остановленъ въ Дарданеллахъ извѣстіемъ о заключеніи перемирія и

---

[1]) Это донесеніе составлено *не* мною; я только помогалъ ускоренію его переписки, диктуя присланному Нелидовымъ на „Ливадію“ дипломатическому чиновнику.

приглашеніемъ возвратиться на прежнюю стоянку. Можно, однако, положительно сказать, что еслибы войска наши окончательно приблизились къ Царьграду,—они нашли бы англійскія суда въ Босфорѣ, а можетъ быть и самый выходъ въ Черное море занятымъ англичанами.

„Когда, при началѣ мирныхъ переговоровъ въ Адріанополѣ, въ Константинополѣ разнесся слухъ о чрезмѣрныхъ, будто бы, условіяхъ нашихъ, о требованіи нами выдачи всего турецкаго флота, изгнаніи всего мусульманскаго населенія изъ Болгаріи, объ угрозѣ нашей, въ случаѣ отказа, прервать перемиріе и снова наступать на столицу (хотя, въ сущности, занятіемъ мѣстности близъ Чатарджи мы исполняли бы лишь условія демаркаціонной линіи согласно заключеннаго перемирія) — англійскому флоту снова дано было приказаніе подойти къ Босфору подъ предлогомъ огражденія безопасности англійскихъ подданныхъ, но въ сущности для огражденія политическихъ интересовъ Великобританіи. Съ нашей стороны немедленно было заявлено Портѣ, что мы принуждены будемъ взять подобныя же гарантіи занятіемъ Константинополя и Босфора. Англійскій флотъ остановился у Принцевыхъ острововъ и ожидалъ исхода переговоровъ нашихъ съ оттоманскимъ правительствомъ относительно занятія, съ его согласія, пунктовъ внѣ демаркаціонной линіи, установленной перемиріемъ. Султанъ былъ крайне испуганъ мыслью о занятіи нами столицы. Поставленный между угрозами англичанъ и нашими законными требованіями, онъ уступилъ намъ въ томъ, что согласился на переходъ нашихъ войскъ за линію защиты Константинополя и на перенесеніе главной квартиры въ Санъ-Стефано. Это были крайнія уступки, на которыя Порта согласилась, скрѣпя сердце. Еслибы мы настаивали на занятіи Босфора, намъ, вѣроятно, пришлось бы брать его силою. Для этого нужно было прервать мирные переговоры, нарушить перемиріе, объявивъ о томъ туркамъ за три дня впередъ, и повести аттаку на линію турецкихъ укрѣпленій. Аттака эта требовала сосредоточенія значительныхъ силъ, которыя еще не были собраны,—и, во всякомъ случаѣ, мнѣ необходимо было положительное повелѣніе Вашего Величества для перехода отъ только-что установившагося мирнаго положенія къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. Къ тому же, еслибы я подошелъ къ Босфору, англійская эскадра, несомнѣнно, явилась бы туда раньше меня, столкновеніе сдѣлалось бы неминуемымъ и разрывъ съ Англіей послѣдовалъ бы немедленно.

„Вотъ почему, тщательно донося Вашему Величеству о всемъ происходившемъ и строго изучивъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, я

принялъ рѣшеніе перенести главную квартиру въ Санъ-Стефано *съ согласія турокъ*, въ надеждѣ, что постоянная угроза Константинополю поведетъ къ скорому заключенію мира и предотвратитъ дальнѣйшія столкновенія.

„Располагать же, по моему усмотрѣнію, берегами Босфора—мнѣ было невозможно, какъ потому, что я никогда не получилъ бы на это согласія турокъ, такъ и вслѣдствіе матеріальныхъ препятствій, которыя я, несомнѣнно, встрѣтилъ бы со стороны англичанъ. Я не считалъ себя вправѣ добровольно вызывать здѣсь столкновеніе съ Великобританіей въ то самое время, когда нашею дипломатіей дѣлались всевозможныя попытки къ мирному улаженію затрудненій и къ предотвращенію пагубной для насъ войны.

„Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду по мѣрѣ возможности гарантировать наши интересы и приготовить средства къ приближенію къ Босфору, я тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ Реуфъ-пашою относительно направленія нашихъ войскъ на Пиргосъ-Бѣлградъ, для посадки ихъ, современемъ, на суда въ Буюкдэре. Турецкій военный министръ, съ своей стороны, не встрѣчалъ препятствій къ исполненію этого плана; но когда статья объ отправкѣ нашихъ войскъ моремъ должна была быть помѣщена въ мирный трактатъ,—турки тщательно ограничили это право Чернымъ и Мраморнымъ морями, преднамѣренно исключивъ Босфоръ. Мы, слѣдовательно, могли исполнить задуманный проектъ только *съ согласія* турокъ, и намъ слѣдовало испросить для него *разрѣшенія* оттоманскаго правительства. Хотя Реуфъ-паша, во время переѣзда до Одессы, и обѣщалъ графу Игнатьеву написать объ этомъ въ Порту и выразилъ надежду, что не встрѣтится большихъ препятствій,—но какъ только зашелъ разговоръ о посадкѣ войскъ въ Буюкдэре, все турецкое министерство и самъ султанъ сильно возстали противъ этого. Было ли ихъ сопротивленіе искренно, или ихъ подбилъ къ тому англійскій посолъ—это мнѣ точно неизвѣстно: тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ наши старанія и объясненія, отказъ былъ самый положительный, и общественное мнѣніе въ Константинополѣ, какъ между турками, такъ и между европейцами и даже иностранными представителями, выказало себя крайне враждебнымъ нашему ходатайству.

„Англійскій посолъ угрожалъ, говорятъ, Портѣ вступленіемъ британскаго флота въ Босфоръ. Но не передъ его угрозами остановился я, а передъ невозможностью привести турокъ *къ согласію* на нашъ планъ и передъ еще большею невозможностью нару-

шить собственною властью едва заключенный и весьма для насъ выгодный мирный трактатъ. Мнѣ казалось, что моя первая и священнѣйшая обязанность была: избѣгать столкновенія на мѣстѣ, котораго такъ страстно добивались, самыми непозволительными средствами, всѣ наши враги и во главѣ ихъ—англійскій посолъ. Россія могла бы упрекнуть меня—и Ваше Императорское Величество весьма основательно взыскали бы съ меня, еслибъ я, собственною волею, отнялъ у нашего отечества благодѣянія мира, составляющаго постоянную заботу какъ вашу, такъ и всѣхъ вѣрныхъ слугъ вашихъ.

„Я съ полною искренностью излагалъ передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всѣ практическія затрудненія для исполненія желанія вашего о занятіи укрѣпленій Босфора; я не скрывалъ отъ васъ, что затрудненія эти растутъ ежечасно и, при продолженіи настоящаго положенія, могутъ принять характеръ невозможности. Стараясь исполнять, по крайнему моему разумѣнію и силамъ, предначертанія Вашего Величества, я изыскивалъ всѣ средства, чтобы оградить наши интересы и сохранить возможность занять Босфоръ мирнымъ путемъ. Употребленіе же силы и возобновленіе войны—зависѣло исключительно отъ Августѣйшей воли и приказанія Вашего Императорскаго Величества".

3) „Ваше Императорское Величество! Князь Горчаковъ шифрованною телеграммою отъ 27-го марта увѣдомилъ меня, что князь Бисмаркъ предложилъ слѣдующій компромиссъ: англійскому флоту очистить Константинопольскія воды и уйти за Дарданеллы, а нашимъ войскамъ — отойти отъ Босфора на разстояніе, соотвѣтствующее тому времени, которое нужно англійскому флоту для возвращенія на занимаемыя имъ теперь мѣста. Такъ какъ въ концѣ этой телеграммы сказано, что Ваше Величество уже изъявили согласіе на посредничество Германіи въ этомъ смыслѣ [1]), и что вслѣдствіе этого я могу получить приказаніе объ отводѣ нашихъ войскъ съ занимаемыхъ ими нынѣ позицій—я и увѣдомилъ Ваше Величество, что могу отойти не далѣе, какъ на линію Чаталджи.

„Но Ваше Величество спрашиваете меня, на какомъ разсчетѣ основано соображеніе объ отводѣ войскъ именно на эту линію. Спѣшу объясниться.

„Мы стоимъ теперь на разстояніи 9-ти верстъ отъ стѣнъ

---

[1]) Подлинный текстъ окончанія телеграммы князя Горчакова: „Avons répondu, qu'Empereur accepte proposition dans ces termes, en apprécie le caractère amical et la haute valeur, qu'y donne la puissance de l'Allemagne".

Константинополя. Но близость къ нему не даетъ намъ возможности оборонять входъ въ Черное море черезъ Босфоръ, ибо оборона эта становится возможною лишь у Буюкдэре, до котораго отъ Санъ-Стефано 26 верстъ. Поэтому, строго говоря, мы уже теперь находимся въ такомъ же разстояніи отъ Буюкдэре, въ какомъ будетъ находиться англійскій флотъ, если отойдетъ въ Безикскую бухту, откуда ему нужно 15 и, много, 18 часовъ времени, чтобы дойти до Босфора. Но, имѣя въ виду возможность отвода войскъ изъ занимаемаго ими нынѣ расположенія, я указалъ на линію Чаталджи, какъ на крайній предѣлъ возможнаго нашего удаленія отъ Босфора. Оттуда до стѣнъ Константинополя—36 верстъ по прямой линіи, а до Буюкдэре—48 верстъ по кратчайшей дорогѣ. Принимая во вниманіе свойства мѣстности и дорогъ, для артиллеріи крайне затруднительныхъ, мы можемъ дойти отъ Чаталджи до стѣнъ Константинополя на второй, а до Буюкдэре—только на третій день.

„Слѣдовательно, отступивъ на линію Чаталджи, мы будемъ находиться въ гораздо большемъ разстояніи отъ Босфора, чѣмъ англійскій флотъ, если онъ отойдетъ въ Безикскую бухту. Вотъ почему я указалъ на Чаталджу, какъ на крайній предѣлъ, до котораго могутъ быть отведены наши войска. Отойти далѣе—невозможно еще и потому, что войска негдѣ будетъ расквартировать, по совершенному отсутствію жилыхъ помѣщеній.

„Въ заключеніе считаю долгомъ прибавить:

„Во всѣхъ вышеизложенныхъ соображеніяхъ я не принималъ вовсе въ разсчетъ то сопротивленіе, которое мы можемъ встрѣтить со стороны турецкой арміи. А это между тѣмъ такое обстоятельство, которое нельзя не принять въ самое серьезное соображеніе.

„Я никогда и не помышлялъ объ отводѣ войскъ изъ настоящаго ихъ расположенія безъ особаго, положительнаго на то повелѣнія Вашего Величества".

Около 4 ч. дня курьеръ со всѣми этими донесеніями былъ отправленъ, и вслѣдъ затѣмъ представился случай пріятно отдохнуть послѣ усиленной работы. Пріѣхалъ командиръ парохода „Константинъ", георгіевскій кавалеръ Макаровъ [1]) и предложилъ князю Евгенію Максиміановичу прокатиться по Босфору, на его паровомъ катерѣ, славящемся своею быстроходностью.

[1]) Погибъ въ чинѣ вице-адмирала вмѣстѣ съ броненосцемъ „Петропавловскъ", 31-го марта 1904 г., въ портъ-артурскихъ водахъ.

Евгеній Максимиліановичъ пригласилъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго, генералъ-адъютантовъ Попова (вице-адмиралъ) и Гершельмана и меня. Макаровъ самъ сѣлъ на рулѣ, и мы понеслись стрѣлой, продѣлывая на ходу самые смѣлые повороты и зигзаги. На всѣхъ иностранныхъ и турецкихъ судахъ всѣ высыпали на палубу и любовались ловкими и быстрыми маневрами нашего парового катера. Евгеній Максимиліановичъ, любитель и знатокъ морскихъ гонокъ, былъ въ восторгѣ. Послѣ полуторачасового катанья мы вернулись на „Ливадію" къ обѣду.

31 марта, на яхтѣ „Ливадія". — День провелъ интересно и пріятно. Рано утромъ пріѣхалъ съ докладомъ инспекторъ госпиталей, генералъ Коссинскій, и, будучи скоро отпущенъ, предложилъ съѣхать вмѣстѣ съ нимъ на берегъ покататься. Съ разрѣшенія Великаго Князя, я поѣхалъ. На пристани Топхане уже ожидала Коссинскаго, въ ландо, его свояченица, С. А. Шершевская. Она продѣлала весь походъ сестрою милосердія, заразилась тифомъ и, по выздоровленіи, пріѣхала въ Константинополь отдохнуть. Коссинскій меня ей представилъ, и мы отправились втроемъ сперва въ гостинницу—закусить, а затѣмъ—ко дворцу Ильдизъ-Кіоскъ, смотрѣть „селямлыкъ", т.-е. парадный выѣздъ султана въ мечеть, бывающій еженедѣльно, по пятницамъ. Проѣхали черезъ всю Перу и, доѣхавъ до Ильдизъ-Кіоска, остановились на площадкѣ, между дворцовымъ садомъ (куда, конечно, не пускаютъ) и мечетью. На площадкѣ были выстроены войска и прохаживались турецкіе паши и офицеры въ парадной формѣ.

Выходъ долженъ былъ начаться ровно въ 12 ч., но султанъ на полчаса опоздалъ. Между тѣмъ, экспромтомъ, пріѣхалъ и Великій Князь, вышелъ изъ коляски и вмѣшался въ толпу зрителей. Объ этомъ, очевидно, тотчасъ сообщили, потому что не прошло и пяти минутъ, какъ явился Реуфъ-паша и, подойдя къ Великому Князю, привѣтствовалъ его. Около $12^1/_2$ заиграла музыка и началось шествіе, открытое офицерами дворцовой стражи, по два въ рядъ. За ними ѣхалъ, на чудномъ бѣломъ арабскомъ конѣ, самъ султанъ, въ черномъ сюртукѣ со звѣздою. Сановники слѣдовали за нимъ пѣшкомъ. Съ появленіемъ султана, войска закричали: „Падишахъ чохъ-якши!" (да здравствуетъ султанъ на многія лѣта), а съ приближеніемъ его къ мечети двое придворныхъ, пятясь задомъ, начали ему кадить какими-то благовоніями изъ серебряныхъ кадильницъ. На паперть мечети вышелъ имамъ и завопилъ громкимъ голосомъ какое-то привѣтствіе. Проѣзжая мимо Великаго Князя, султанъ, съ улыбкою, нѣсколько разъ по-

6*

кивалъ ему головой. Когда султанъ вступилъ въ мечеть, то лишь очень немногія лица его свиты пошли за нимъ: большинство осталось на улицѣ. Реуфъ-паша, подойдя къ Великому Князю, доложилъ, что султанъ проситъ его, пока, присѣсть и посмотрѣть парадъ. Въ то же время всѣ стоявшія на площадкѣ войска были уведены въ садъ Ильдизъ-Кіоска. Оттуда началось прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ, по-полуротно, съ музыкою, мимо Великаго Князя. Въ головѣ прошла дворцовая стража, состоящая изъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, въ формѣ, напоминающей нашу пажескую. За ними—баталіонъ національной гвардіи, баталіонъ саперъ-пожарныхъ (подражаніе французскимъ sapeurs-pompiers), баталіонъ морской пѣхоты, баталіонъ негровъ и два баталіона полевой пѣхоты. Всѣ прошли шагомъ (довольно слабо), а послѣдніе два баталіона—бѣгомъ, отлично. Я особенно заинтересовался баталіономъ негровъ, въ которомъ и всѣ офицеры тоже чернокожіе. Этотъ баталіонъ, очевидно, не сколоченъ: выдающіеся молодцы перемѣшаны съ очевидно-невымуштрованными уродами, способными однимъ своимъ видомъ привести въ отчаяніе хорошаго строевика. Одежда и вооруженіе всѣхъ видѣнныхъ нами войскъ очень хороши, но бросается въ глаза совершенно недопустимое, по нашимъ понятіямъ, неряшество: даже у многихъ офицеровъ мундиры были полуразстегнуты, панталоны—полузасучены, изъ-подъ нихъ выглядывали приспущенные на полусапожки чулки, оружіе и аммуниція надѣты криво и косо. Зато, съ другой стороны, пріятно было видѣть отсутствіе всякой суеты. Войска пришли всего минутъ за пять до полудня, сами стали на свои мѣста, безъ всякаго предварительнаго священнодѣйствія, и стояли вольно почти до самаго начала султанскаго выхода. Какъ офицеры, такъ и солдаты, не стѣсняясь присутствіемъ высшихъ сановниковъ, расхаживали, присаживались, бесѣдовали между собою и курили. Всего за 2—3 минуты до появленія султана раздалась чья-то спокойная, негромкая команда—и всѣ стали смирно на свои мѣста. Никто ихъ не равнялъ и не суетилъ. Это намъ не мѣшало бы перенять у турокъ.

На парадѣ присутствовали, построенные въ двѣ шеренги, наши щегольски-одѣтые фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицеры полковъ л.-гв. преображенскаго и семеновскаго. Они были отпущены въ Константинополь погулять. Султанъ, проѣзжая мимо нихъ, съ улыбкою приложилъ руку къ фескѣ.

По окончаніи парада, Реуфъ-паша пригласилъ Великаго Князя въ Ильдизъ-Кіоскъ, обѣдать, пока султанъ вернется туда изъ мечети. Съ Великимъ Княземъ пошли только принцъ Александръ

Петровичъ Ольденбургскій, Непокойчицкій и дежурный адъютантъ. Всѣ остальные, въ томъ числѣ и мы, уѣхали, не ожидая обратнаго проѣзда султана.

Съ селамлыка мы поѣхали въ Стамбулъ, на базаръ, а оттуда—смотрѣть гробницы султановъ: Махмуда, Абдулъ-Меджида и Абдулъ-Азиса, въ очень красивой круглой мечети. Затѣмъ—на площадь Атмейданъ, гдѣ спустились въ подземелье „1000 колоннъ" временъ императора Константина. Спускъ туда на 20—25 ступеней, совершенно свободный: мы застали въ подземельи изрядное число мастеровыхъ-штучниковъ, работавшихъ каждый при свѣтѣ своей лампочки. Проводникъ объяснилъ, что многіе изъ нихъ тутъ же и ночуютъ.

Осмотрѣли еще „Ени-Саари", музей старинныхъ мусульманскихъ костюмовъ, помѣщающійся на Атмейданѣ, во дворѣ бѣднаго, грязнаго дома. Входъ—по деревянной, полутемной лѣстницѣ. Весь музей состоитъ изъ 3—4 комнатъ: полы—деревянные, стѣны—крашеныя, грязныя, потолокъ—закопченый, окна—подслѣповатыя, немытыя и неотворявшіяся, вѣроятно, со времени постройки музея. По комнатамъ разставлены довольно типичные манекены въ обветшалыхъ костюмахъ первой половины XIX столѣтія.

Этимъ закончилась наша поѣздка: я поблагодарилъ В. Д. Коссинскаго и С. А. Шершевскую и вернулся на „Ливадію" незадолго до обѣда. Около 6 часовъ погода вдругъ круто измѣнилась: солнце спряталось и задулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ.

Великій Князь возвратился на „Ливадію" почти тотчасъ за мною вслѣдъ. Оказалось, что онъ бесѣдовалъ съ султаномъ по поводу требованія Государемъ скорѣйшаго очищенія крѣпостей Шумлы, Варны и Батума, но никакого опредѣленнаго отвѣта не добился. Государю донесъ объ этомъ слѣдующею шифрованною телеграммою:

„Былъ сегодня у султана, говорилъ о скорѣйшей передачѣ крѣпостей. Реуфъ просилъ повременить до воскресенья, тогда обѣщалъ дать положительныя свѣдѣнія и отвѣтъ, который немедленно тебѣ сообщу. Нелидовъ боленъ, лежитъ въ постели, и потому не могъ до сихъ поръ вступить въ свои новыя обязанности".

Великій Князь заявилъ также султану, что желаетъ осмотрѣть правый флангъ турецкой позиціи, до Буюкдэре включительно, и султанъ изъявилъ согласіе. Объѣздъ назначенъ на завтра; составъ свиты самый ограниченный. Съ Великимъ Княсемъ поѣдутъ только: князь Евгеній Максимиліановичъ, принцъ Але-

ксандръ Петровичъ Ольденбургскій, генералъ-адъютанты Непокойчицкій, Гурко и графъ Шуваловъ, генералъ-лейтенатъ Скобелевъ 2-й, свиты его величества генералъ-маіоры Эллисъ 1-й и Левицкій, генералъ-маіоръ Яфимовичъ, первый драгоманъ Ону и я.

1 апрѣля. — Въ 9 час. утра мы съѣхали съ „Ливадіи" на берегъ, ко дворцу Долма-Бахче. На набережной уже ожидали два флигель-адъютанта султана съ конными шталмейстерами, жокеями и заптіями (жандармами) въ парадной формѣ и четыре придворныхъ ландо четверками. Всѣ назначенные были въ сборѣ, кромѣ Скобелева 2-го, который, будучи занятъ объѣздомъ своихъ войскъ, прислалъ доложить объ этомъ молодого офицера генеральнаго штаба Сахарова 3-го (только-что выпущеннаго изъ академіи). Великій Князь приказалъ ему ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Погода была ужасная: холодъ, вѣтеръ, изморозь, туманъ. Красота пути изъ Константинополя къ Босфору совершенно пропала: по временамъ, изъ-за тумана, ничего не видѣли. На пути до Терапіи, другіе замѣтили много укрѣпленій, но я разглядѣлъ только одно, и то дрянное. Проѣзжали мимо турецкихъ лагерей: войскъ насчитали немного, всего баталіоновъ 12 пѣхоты, эскадрона 4 конницы и 6—8 орудій. Въ Терапіи остановились для заказаннаго по телеграфу завтрака въ гостинницѣ.

Только-что сѣли за столъ, какъ входитъ неизвѣстный человѣкъ, въ каучуковомъ плащѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, и, никому не кланяясь, обращается къ Великому Князю съ вопросомъ: „Parlez-vous l'anglais?" Великій Князь, взглянувъ на него, кивнулъ головою на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ князя Евгенія Максимиліановича. Тогда англичанинъ сталъ высказывать претензію, что наши экипажи загородили проѣздъ изъ-подъ воротъ гостинницы на набережную такъ, что онъ не можетъ пробраться даже верхомъ. Ону отвѣтилъ ему, что экипажи — султанскіе, и поэтому пусть обратится къ флигель-адъютантамъ султана. Одинъ изъ нихъ (сынъ перваго министра, Ахмедъ-Вефика, тотчасъ всталъ, увелъ нахала съ собой и вскорѣ вернулся. Но вслѣдъ за нимъ вернулся англичанинъ и, обратившись къ адъютанту, тономъ крайняго раздраженія повторилъ свое требованіе очистить дорогу для его верховой лошади. Адъютантъ опять вышелъ вмѣстѣ съ англичаниномъ и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ одинъ, разсказалъ, что дѣло улажено. Англичанинъ настаивалъ, чтобы всѣ экипажи выѣхали изъ-подъ воротъ на набережную, въ сторону противоположную тому направленію, по которому ему нужно было ѣхать. Адъютантъ приказалъ одному изъ конюховъ про-

вести лошадь англичанина подъ воротами въ поводу, мимо экипажей, со двора гостинницы на набережную. Англичанинъ сталъ ругаться и протестовать, но когда лошадь была выведена — примирился съ совершившимся фактомъ, сѣлъ верхомъ и, ворча себѣ подъ носъ, уѣхалъ.

Великій Князь отнесся къ этому случаю равнодушно.

Кто это былъ—осталось неизвѣстнымъ: турки говорили, что, кажется, сынъ англійскаго генеральнаго консула Фаусетта.

Изъ Терапіи, послѣ завтрака, мы проѣхали въ Буюкдэре. Предполагалось съѣздить еще въ Бѣлградъ, но по причинѣ отвратительной погоды туда не поѣхали и остались въ Буюкдэре, на нашей посольской дачѣ, ожидать прибытія нашего парового катера, которому назначено было явиться туда къ 3-мъ часамъ. Ждать пришлось, однако, еще дольше: замедленіе вышло оттого, что первый посланный катеръ долженъ былъ вернуться изъ-за порчи машины. Послали второй, на которомъ пріѣхалъ самъ адмиралъ, генералъ-адъютантъ Поповъ. На этомъ катерѣ уѣхали Великій Князь, князь Евгеній Максиміліановичъ, принцъ Александръ Петровичъ, Непокойчицкій, Левицкій, Яфимовичъ и я; остальные участники поѣздки отправились обратно въ колясках, чтобы вернуться по желѣзной дорогѣ изъ Константинополя въ Санъ-Стефано.

Нашъ катеръ сильно качало и обдавало волной. Примѣрно на полдорогѣ встрѣтили еще одинъ паровой катеръ, которому Поповъ заранѣе приказалъ идти за нимъ на всякій случай. Эта адмиральская предусмотрительность оправдалась блистательно: не прошло и пяти минутъ, какъ нашъ катеръ сталъ — и у него машина испортилась. Пришлось пересаживаться на вновь подошедшій. Къ $4^1/_2$ ч. благополучно добрались до „Ливадіи". Довольно странно и для военнаго времени въ особенности непонятно, что на паровыхъ катерахъ императорской яхты такія ненадежныя машины.

Послѣ обѣда Государю была послана слѣдующая шифрованная телеграмма:

„Ѣздилъ на Маслакъ, Терапію и Буюкдэре. Вездѣ укрѣпленія съ сухого пути, но работы пріостановлены, хотя много сдѣлано. Мѣстность ужасно пересѣченная, скалистая и труднопроходимая. Погода холодная, дождь и вѣтеръ".

2 апрѣля, воскресенье, на яхтѣ „Ливадія". — Ночью была получена телеграмма Государя:

„Вчерашнюю твою шифрованную телеграмму получилъ поздно

вечеромъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю положительнаго отвѣта [1]) и пріѣзда Имеретинскаго".

Отвѣчено Великимъ Княземъ сегодня утромъ:

„Получилъ твою депешу ночью. Ожидаю сегодня отвѣта отъ турокъ о трехъ мѣстахъ; тогда поступлю, какъ было тобою приказано, и тебѣ сообщу. Новаго ничего, погода холодная".

Съѣздили опять на берегъ, были у обѣдни въ посольской церкви и затѣмъ завтракали въ посольствѣ. Послѣ завтрака Великій Князь самъ составилъ и послалъ Государю слѣдующую шифрованную телеграмму:

„Отъ Циммермана [2]) получилъ, что изъ Шумлы войска и матеріалы свозятся въ Варну и отправляются далѣе моремъ. Настойчиво требую, чтобы живѣй очищали всѣ три мѣста. Не могу ли имъ обѣщать, что когда они очистятъ эти пункты, то мы имъ сдадимъ Эрзерумъ: надѣюсь, что это поможетъ. Но на намекъ, имъ сдѣланный Ону́, что я назначу срокъ для очищенія, они говорятъ, что объ этомъ въ мирномъ договорѣ не упомянуто. Египетскія войска, вывезенныя изъ Варны, вывозятся въ Египетъ, по требованію вице-короля".

Часа за два до обѣда мы вернулись на „Ливадію". Великій Князь, получивъ шифрованную депешу отъ Государя, ушелъ вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ въ свою каюту. Выйдя къ обѣду, отослалъ на берегъ тоже шифрованный отвѣтъ. Ни мнѣ, ни Скалону (который хранитъ всѣ его секретныя бумаги и пишетъ подъ его диктовку его личный дневникъ) ничего не сказалъ. Очевидно, депеша была особо секретная. Я пристально наблюдалъ за нимъ, стараясь угадать по выраженію голоса и лица, не получилъ ли онъ какое-либо тревожное или непріятное извѣстіе. Но Великій Князь не обнаруживалъ ни волненія, ни озабоченности. Только подъ конецъ обѣда я подмѣтилъ, что онъ молча чокнулся съ Непокойчицкимъ, бросивъ на него какъ бы нечаянный взглядъ.

Впослѣдствіи оказалось, что въ сегодняшней телеграммѣ Государя заключалось слѣдующее извѣщеніе:

„Имеретинскій прибылъ вчера вечеромъ, передалъ мнѣ всѣ твои порученія. Согласно твоему желанію имѣть отдохновеніе при разстроенномъ здоровьи, я увольняю тебя отъ командованія арміей и назначаю на твоё мѣсто генералъ-адъютанта Тотлебена, а Имеретинскаго—начальникомъ штаба при немъ, но прошу тебя держать это въ секретѣ до ихъ прибытія въ армію".

---

[1]) Насчетъ очищенія турками Батума, Варны и Шумлы.

[2]) Начальникъ нижне-дунайскаго отряда, командиръ 14-го корпуса.

3 апрѣля.—Вернулись въ Санъ-Стефано.

Получена шифрованная телеграмма князя Горчакова отъ 2-го апрѣля (переводъ съ французскаго):

„Англійскій кабинетъ соглашается отвести флотъ изъ Мраморнаго моря, Дарданеллъ и Сересскаго залива въ Безику, если наша армія отойдетъ за линію Деде-Агачъ, къ Адріанополю, вдоль желѣзной дороги, которая могла бы тогда остаться въ нашихъ рукахъ, а отъ Адріанополя—позади линіи, проведенной на востокъ до Чернаго моря. Бисмаркъ и мы нашли эти условія непріемлемыми и несогласными съ германскими предложеніями, основанными на равенствѣ разсчета времени, соображеннаго съ разстояніями. Отвѣтъ Салисбюри еще неизвѣстенъ. Выразили Бисмарку просьбу о продолженіи его добрыхъ услугъ.—Горчаковъ".

Великому Князю сильно нездоровится. Сегодня отправляется въ Петербургъ фельдъегерь съ представленіемъ къ наградамъ отличившихся частей войскъ. Государь уже неоднократно торопилъ съ этимъ представленіемъ, такъ какъ желаетъ объявить награды въ первый день Пасхи.

4 апрѣля, Санъ-Стефано.—Великій Князь мучится сильною головною болью, ревматическою ломотою во всемъ тѣлѣ. Очень ослабѣлъ. Сегодня не могъ выйти изъ дому на благодарственный молебенъ, отслуженный по случаю годовщины злодѣйскаго покушенія 1866 года.

5 апрѣля, Санъ-Стефано.—Обермиллеръ уложилъ сегодня Великаго Князя въ постель.

Несмотря на безусловное молчаніе Великаго Князя и Непокойчицкаго, сегодня уже пошли слухи, что ихъ обоихъ отзываютъ и на смѣну имъ ѣдутъ Тотлебенъ съ Имеретинскимъ. Считаю это весьма вѣроятнымъ, въ виду несомнѣннаго неудовольствія Государя по вопросу о захватѣ Босфора. Государь, очевидно, остался при убѣжденіи, что этотъ фантастическій планъ исполнимъ: запоздалые доводы Великаго Князя его не убѣдили, а только еще болѣе раздражили. Грустно, но повидимому несомнѣнно, что Великому Князю готовится опала и по меньшей мѣрѣ — незаслуженно-холодный пріемъ. Впечатлѣніе побѣдоносно-оконченной кампаніи уже отодвинуто на самый задній планъ обиднымъ сознаніемъ необходимости уступокъ англійскому вмѣшательству.

Злополучная идея захвата Босфора поставила бѣднаго Великаго Князя въ безвыходно-трагическое положеніе. Теперь онъ бу-

детъ виноватъ, что этого не сдѣлалъ; а еслибы безпрекословно исполнилъ повелѣніе—былъ бы виноватъ, что не съумѣлъ.

Сегодня ночью получена шифрованная телеграмма Государя отъ вчерашняго дня.

„Въ отвѣтъ на твою телеграмму 2-го апрѣля объ очищеніи турками трехъ крѣпостей, разрѣшаю обѣщать имъ съ нашей стороны очищеніе Эрзерума, съ нѣкоторою однако оговоркою относительно вывоза нашихъ больныхъ, число которыхъ значительно, тогда какъ перевозка крайне затруднительна. Можно также обѣщать начать выдачу плѣнныхъ, но кромѣ того не признаешь ли возможнымъ сговориться съ Портою о вступленіи нашихъ войскъ въ крѣпости, не ожидая полнаго очищенія ихъ турками, подобно тому, какъ было при занятіи нами Дунайскихъ крѣпостей. При этомъ не могу не замѣтить, что еще въ телеграммѣ Непокойчицкаго отъ 20-го марта было сказано, что послано уже приказаніе Дервишу-пашѣ объ очищеніи Батума, а между тѣмъ онъ и до сихъ поръ отговаривается неполученіемъ приказанія“.

Отвѣтъ Великаго Князя:

„Благодарю за депешу [1]). Общая слабость при сильной головной боли, лихорадочнаго состоянія нѣтъ. Шифрованную твою депешу отъ 4-го получилъ. Исполню все, что ты приказалъ. Прошу съ общею выдачею плѣнныхъ еще повременить, а выдать на первый разъ не болѣе нѣсколькихъ тысячъ“.

Сегодня же военный министръ телеграммою сообщилъ высочайшее повелѣніе: немедленно возвратить въ Финляндію л.-гв. финскій стрѣлковый баталіонъ.

Отъ князя Горчакова получена шифрованная телеграмма (переводъ съ французскаго):

„Только-что приняли въ Берлинѣ англо-германское контръпредложеніе, извѣстное В. И. В-ву, но оговорили, что должны сперва войти въ соглашеніе съ Портою насчетъ расширенія нейтральной зоны и другихъ распоряженій, относительно нашего военнаго положенія. Убри [2]) телеграфируетъ сегодня, что телеграммы Мюнстера [3]) считаютъ настоящее германское посредничество послѣднимъ средствомъ для избѣжанія войны, и если оно потерпитъ неудачу, то война неизбѣжна, ибо Англія воинственно настроена и готова.—Горчаковъ“.

---

[1]) Не за эту, а за слѣдующую, полученную также сегодня:

„Надѣюсь, что тебѣ сегодня лучше. Шифрованную телеграмму твою отъ сегодняшняго утра получилъ. Дондуковъ выѣдетъ отсюда въ концѣ недѣли“.

[2]) Нашъ посолъ въ Берлинѣ.

[3]) Германскій посолъ въ Лондонѣ.

Въ чемъ заключается англо-германское контръ-предложеніе — не знаю: очевидно, что послѣ депеши князя Горчакова отъ 2-го апрѣля (см. 3-е) была еще другая, которую не я расшифровалъ. Но можно догадываться, что мы сдѣлали англичанамъ какую-то уступку, если не въ полномъ объемѣ, то отчасти. А такъ какъ переговоры съ Лондономъ идутъ при посредничествѣ Бисмарка, то успѣшный ихъ исходъ дѣлается вопросомъ личнаго самолюбія послѣдняго, и, слѣдовательно, если ему не удастся склонить къ уступкамъ англичанъ (въ чемъ можно быть увѣреннымъ), то онъ употребитъ все свое вліяніе, чтобы убѣдить насъ въ необходимости уступить. Этимъ можно объяснить и запугиванья графа Мюнстера: трудно повѣрить, чтобы Англія дѣйствительно желала войны, и невозможно повѣрить, чтобы она (за исключеніемъ флота) была къ ней вполнѣ готова. Англія просто хочетъ поставить на своемъ и настойчиво этого добивается, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она непремѣнно желала войны. Еслибы такъ, то она съумѣла бы довести до разрыва раньше.

6 апрѣля. — Великій Князь, почувствовавъ облегченіе и въ виду возстановившейся чудной погоды, поѣхалъ сегодня на „Ливадіи" на Принцевы острова и, вернувшись вечеромъ, остался на яхтѣ ночевать.

7 апрѣля. — Утромъ узналъ, что Великій Князь съ Непокойчицкимъ и своими спутниками, послѣ вчерашней поѣздки, неожиданно ушелъ на „Ливадіи" въ Константинополь, приказавъ сказать, что вернется въ воскресенье, 9-го апрѣля, утромъ. Узнавъ объ этомъ, я очень пожалѣлъ, что уклонился вчера отъ поѣздки на Принцевы острова, тѣмъ болѣе, что единственною причиною этого уклоненія было мое удрученное настроеніе. Томительная неизвѣстность, угнетающая насъ всѣхъ, доканала-таки меня. А справляться съ самимъ собою мнѣ легче въ одиночествѣ, чѣмъ на людяхъ. Изъ-за этого вчера и не поѣхалъ. Вышло хуже: теперь до воскресенья не буду ничего знать.

8 апрѣля. — Недаромъ, однако, я остался въ Санъ-Стефано: *вчера вечеромъ* довелось испытать — землетрясеніе. Мѣстные жители увѣряютъ, что столь сильнаго здѣсь никогда не бывало.

Только-что пробило 9 ч. вечера. Я читалъ романъ Доде: „Le Nabab", а Левицкій съ полковникомъ Разгоновымъ играли въ пикетъ. Вдругъ послышалось сильное волненіе на морѣ (окна наши выходили на набережную); шумъ волнъ все усиливался, хотя вѣтра не было. Мы не обратили на это никакого внима-

нія. Но вотъ—ровно въ 9 ч. 5 м. (я тотчасъ взглянулъ на часы)—послышался негромкій, глухой гулъ и мягкій, сухой трескъ въ стѣнахъ, причемъ вполнѣ ясно видѣлось, что угловыя стѣны комнаты находятъ одна на другую. Прежде, чѣмъ мы успѣли что-либо сообразить, черезъ двѣ-три секунды, раздался вторичный, гораздо болѣе сильный трескъ, стѣны явственно закачались, и мы всѣ трое, съ крикомъ: „землетрясеніе!“—выскочили на набережную. Съ четверть часа мы стояли, безъ шапокъ, на набережной, ожидая, что будетъ дальше. Сердце билось усиленно въ ожиданіи повторенія грознаго явленія природы: никогда я не ощущалъ такого безпомощнаго страха, какъ вчера вечеромъ. Наконецъ, мы рѣшились вернуться въ комнату, но только для того, чтобы надѣть пальто и фуражки и выйти снова на воздухъ. Море продолжало усиленно волноваться, несмотря на полное безвѣтріе; небо густо заволокло черными тучами, сквозь которыя изрѣдка, боязливо, выглядывала полная луна. Въ неподвижномъ воздухѣ стояло банное тепло, дышалось тяжело. Всѣ высыпали на улицу и обмѣнивались пережитыми ощущеніями: большинство восприняло ихъ еще сильнѣе, чѣмъ мы. Князь Масальскій [1]), живущій надъ нами въ томъ же домѣ, отъ второго толчка упалъ. У другихъ качались и падали на полъ свѣчи и разныя вещи. Мѣстный кафе-шантанъ, помѣщающійся въ жиденькомъ деревянномъ домѣ, затрясся до основанія; пѣвицы завопили, попадали въ обморокъ и были вынесены на улицу нашими офицерами. Всѣ вообще женщины, здѣшнія и пріѣзжія, которыхъ мы видѣли на улицахъ, были внѣ себя отъ ужаса и въ состояніи полнаго безволія. Мѣстные мужчины ходили и стояли группами, съ совершенно-растерянными лицами и отвѣчали на наши вопросы безсвязнымъ бормотаньемъ, общій смыслъ котораго былъ одинъ: такое сильное землетрясеніе для нихъ такой же потрясающій сюрпризъ, какъ и для насъ.

Долго мы бродили по улицамъ Санъ-Стефано. Наконецъ намъ вспало на мысль сходить на телеграфъ, узнать, нѣтъ ли свѣдѣній изъ Константинополя. Оказалось, что получена телеграмма: между 10 и 11 ч. вечера ожидается повтореніе землетрясенія и притомъ еще сильнѣе. Предупрежденіе подтвердилось лишь отчасти: въ 10 ч. 15 м., дѣйствительно, почувствовалось сотрясеніе, но гораздо болѣе слабое, причемъ никакого гула не было. Затѣмъ пришла еще телеграмма, предупреждающая о вѣроятномъ повтореніи землетрясенія между 3—4 ч. ночи.

---

[1]) Начальникъ артиллеріи арміи, генералъ-адъютантъ.

Что дѣлать? Оставаться въ домѣ—опасно, а спать хочется. Мы рѣшили вынести наши кровати въ садъ, поставили ихъ какъ можно дальше отъ дома, къ самому забору, и, не раздѣваясь, улеглись. Накрывшись кожанымъ пальто и надѣвъ башлыкъ, я очень скоро заснулъ, и только сегодня утромъ узналъ, что землетрясеніе въ предсказанное время дѣйствительно было, и что почти всю ночь накрапывалъ тихій, небольшой дождь. Къ 8 ч. утра, когда я проснулся, солнце сіяло на безоблачномъ небѣ, было тепло и тихо.

Изъ всѣхъ пережитыхъ мною сильныхъ ощущеній ни одно не можетъ сравниться съ впечатлѣніемъ, которое произвело землетрясеніе. Чувствуешь себя совершенно подавленнымъ сознаніемъ своего ничтожества и беззащитности.

День прошелъ въ томительномъ бездѣльи, но зато вечеромъ пришло неожиданно-радостное извѣстіе: пріѣхалъ изъ Константинополя начальникъ канцеляріи полевого штаба Стефанъ (ѣздившій на „Ливадію" съ докладомъ) и объявилъ мнѣ приказаніе Непокойчицкаго собираться въ путь: Великій Князь отправляетъ меня въ понедѣльникъ 10-го апрѣля, въ Петербургъ, курьеромъ къ Государю. Ясно, что и отъѣздъ самого Великаго Князя близокъ, ибо онъ неоднократно говорилъ мнѣ, что я вернусь домой не иначе, какъ вмѣстѣ съ нимъ.

9 апрѣля, вербное воскресенье.—Великій Князь, вернувшись въ Санъ-Стефано, потребовалъ меня къ себѣ и лично объявилъ, что оставляетъ постъ Главнокомандующаго на этихъ же дняхъ, а меня посылаетъ впередъ для того, чтобы дать мнѣ возможность поскорѣе вернуться къ женѣ. „Завтра поѣзжай съ Богомъ, а явишься Государю—запомни все, что онъ тебѣ скажетъ, и потомъ разскажи мнѣ. Я тебѣ сообщу телеграммою, когда самъ поѣду домой, и ты тогда выѣзжай мнѣ на встрѣчу въ Москву или въ Динабургъ, — смотря потому, по какой дорогѣ я буду возвращаться. По пути мнѣ разскажешь все, что въ Петербургѣ узнаешь" [1]).

Я горячо поблагодарилъ Великаго Князя, послалъ телеграмму женѣ и занялся приготовленіями къ отъѣзду.

10-го апрѣля, въ понедѣльникъ, откланялся сперва Непокойчицкому, затѣмъ явился къ Великому Князю. Онъ крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ меня.

---

[1]) Я выѣзжалъ на встрѣчу Великому Князю въ Вильну, куда онъ прибылъ 21-го апрѣля въ 8 ч. вечера, и оттуда въ его поѣздѣ вернулся въ Петербургъ, куда мы прибыли 22-го апрѣля въ субботу, въ 2 ч. дня. На встрѣчу Великому Князю выѣхалъ самъ Государь.

Въ 12 ч. дня, я, вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ, полковникомъ Бунаковымъ (уволеннымъ въ отпускъ по случаю тяжкой болѣзни жены), отвалилъ отъ санъ-стефанской набережной на паровомъ катерѣ и въ 1 ч. 45 м. прибылъ на громадный пароходъ русскаго черноморскаго общества „Олегъ". Ровно въ 3 ч. „Олегъ" отошелъ, а въ 5 ч. вышелъ изъ Босфора въ Черное море. Сильный, свѣжій вѣтеръ тотчасъ же далъ себя знать, и пассажиры, одинъ за другимъ, начали страдать морскою болѣзнью. Послѣ 8 ч. вечера укачало и меня. Ночь была уже мучительна. Вѣтеръ все крѣпчалъ и 11-го апрѣля перешелъ въ неистовый штормъ. Этотъ день и вторая ночь были прямо ужасны. Громадный пароходъ перебрасывало, какъ щепку, съ боку на бокъ; разъяренныя волны безпрестанно перекатывались черезъ палубу. Штормъ безъ умолку ревѣлъ, пароходъ безъ перерыва стоналъ и скрипѣлъ. Не только не было возможности устоять на ногахъ,—нельзя было удержаться на койкѣ: пароходные размахи сбрасывали на полъ, выкидывали пассажировъ изъ отдѣльныхъ каютъ въ каютъ-компанію. Съ вечера 10-го до полудня 12-го апрѣля никто ничего не ѣлъ и не пилъ: всѣ лежали пластомъ. Прислуга тоже исчезла. Меня морская болѣзнь довела до тупой апатіи: безпомощно катаясь по полу взадъ и впередъ, я наконецъ совсѣмъ пересталъ о чемъ-либо думать и впалъ въ какое-то безсознательное состояніе, въ родѣ мучительнаго, безконечнаго сна на-яву.

12-го апрѣля, послѣ полудня, я замѣтилъ, что качка становится слабѣе и ровнѣе, и ощутилъ потребность возвратить себѣ образъ человѣческій. Кто-то помогъ мнѣ встать, добраться до умывальника и привести себя въ порядокъ; кто-то пришелъ на помощь; и эти два благодѣтеля (которыхъ я такъ и не могъ вспомнить потомъ) вывели меня подъ-руки изъ каюты на палубу и усадили тамъ на скамейку. Вѣтеръ былъ еще очень сильный и пароходъ качало изрядно, но это было уже ничто въ сравненіи съ выстраданнымъ штормомъ. Свѣжій воздухъ оживилъ меня: ни голода, ни жажды я еще не ощущалъ, въ головѣ было еще пусто, но сознаніе, что я ѣду домой,—помаленьку вернулось. Вотъ и одесскій рейдъ: движеніе парохода стало плавное, спокойное, ходъ замедлился, и наконецъ „Олегъ" остановился. Было ровно три часа дня 12-го апрѣля—годовщина объявленія войны.

Въ Одессѣ я пообѣдалъ и поѣхалъ на станцію желѣзной дороги. Въ 10 ч. вечера нашъ поѣздъ отошелъ: путь мой былъ на Раздѣльную, Жмеринку, Казатинъ, Брестъ, Бѣлостокъ, Вильно,

Динабургъ. Трое съ половиной сутокъ ѣхалъ почти все время въ страшной тѣснотѣ: въ Псковѣ, въ 12½ ч. дня въ страстную субботу, 15-го апрѣля, меня встрѣтила жена и мы вмѣстѣ прибыли въ Петербургъ въ 8½ ч. вечера. Прямо съ вокзала я поѣхалъ къ Государю, отправивъ жену домой.

Какъ только я прибылъ въ Зимній дворецъ, меня тотчасъ же провели на Государеву половину, и камердинеръ, доложивъ ему о моемъ пріѣздѣ, немедленно провелъ меня въ его кабинетъ.

Государь всталъ изъ-за письменнаго стола, милостиво поздоровался, подалъ мнѣ руку, принялъ письмо Великаго Князя, сѣлъ и, указавъ мнѣ на стулъ, стоявшій сбоку у письменнаго стола, сказалъ: „Садись. Какъ ты доѣхалъ?" Я разсказалъ о претерпѣнной бурѣ. Государь отвѣчалъ: „Да, я знаю, буря была жестокая, много судовъ погибло на Черномъ морѣ. А каково было здоровье брата, когда ты уѣзжалъ?" Я отвѣтилъ, что въ день моего отъѣзда Великій Князь чувствовалъ себя хорошо, но вообще его здоровье сильно надорвано: всякое переутомленіе, а въ особенности душевное волненіе—вызываютъ сильныя болѣзненныя ощущенія: кишиневскій тимпанитъ оставилъ неизгладимые слѣды. Помолчавъ немного, Государь спросилъ: „А какъ здоровье и настроеніе войскъ?" —„В. И. В.,—отвѣтилъ я:—войска истомились бездѣйствіемъ и неопредѣленностью положенія; это отзывается на состояніи здоровья и въ особенности на состояніи духа. Всѣ ожесточены противъ Англіи, отъ генерала до рядового. Всѣ говорятъ, что если нельзя домой, такъ ужъ лучше новая война, чѣмъ напряженное ожиданіе. Конечно, войны никто не желаетъ, но если придется—войска будутъ драться противъ англичанъ съ гораздо бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ противъ турокъ". Государь вздохнулъ и сказалъ: „Да, я понимаю это. Но придется пойти на нѣкоторыя уступки, чтобъ избѣжать новой войны. Если же они затронутъ честь и достоинство Россіи, чего не дай Богъ, то..."

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ, безъ доклада, великій князь Михаилъ Николаевичъ въ парадной формѣ. Бесѣда прервалась на самомъ интересномъ мѣстѣ. Великій князь явился благодарить Государя за пожалованіе званіемъ генералъ-фельдмаршала и былъ уже въ фельдмаршальскихъ эполетахъ.

Государь обнялъ и расцѣловалъ брата и, указавъ на меня, сказалъ: „Вотъ, онъ только-что пріѣхалъ отъ брата Николая". Затѣмъ подалъ руку со словами: „Спасибо тебѣ за службу. Прощай". Я откланялся и отправился домой. Служба моя въ дѣйствующей арміи кончилась.

Дневникъ мой конченъ. Остается дополнить его свѣдѣніями о послѣднихъ дняхъ командованія Великаго Князя. Я ознакомился съ этими свѣдѣніями уже въ Петербургѣ, разбирая и приводя въ порядокъ его личный архивъ.

6 апрѣля, въ 8 ч. 55 м. вечера, получена была шифрованная телеграмма Государя отъ $6^1/_4$ ч. вечера:

„Вчерашнюю твою шифрованную телеграмму получилъ сегодня утромъ. Тотлебенъ отправляется сегодня вечеромъ и надѣется прибыть будущую субботу. Кромѣ Непокойчицкаго, требую, чтобы всѣ чины твоего штаба оставались при своихъ должностяхъ и при новомъ главнокомандующемъ. Твоихъ адъютантовъ и ординарцевъ можешь взять съ собою".

7 апрѣля, изъ Константинополя, Великій Князь телеграфировалъ Государю шифромъ въ 4 ч. дня:

„Сейчасъ были у меня новые: первый министръ Садыкъ-паша и военный—Иззетъ. Явились ко мнѣ до вступленія въ должность. Передалъ имъ всѣ твои требованія, и они обѣщали, познакомившись съ дѣлами, исполнить все, что будетъ возможно. Изъявили желаніе быть чистосердечными посредниками наилучшихъ сношеній съ нами".

Въ тотъ же вечеръ былъ полученъ отвѣтъ Государя:

„Сожалѣю весьма, что ты опять страдалъ спазмами. Посмотримъ, будетъ ли перемѣна министровъ турецкихъ имѣть вліяніе на наши отношенія. Видѣлъ третьяго дня благополучно возвратившійся мой гвардейскій конвой. Поймешь мою радость при видѣ этихъ молодцовъ, бывшихъ неразлучно со мной болѣе шести мѣсяцевъ".

Въ тотъ же день Великій Князь телеграфировалъ князю Горчакову (переводъ съ французскаго): „Англо-германское контръ-предложеніе, о которомъ упоминаете въ вашей телеграммѣ отъ 5-го апрѣля, мнѣ неизвѣстно. Благоволите сообщить".

8 апрѣля полученъ отвѣтъ отъ 7-го (переводъ съ французскаго): „Англо-германское предложеніе заключается въ назначеніи срока возвращенія англійской эскадры въ Мраморное море, въ случаѣ ея удаленія въ Безику. Эти предложенія подверглись еще видоизмѣненіямъ. Вотъ буквальный текстъ нашего послѣдняго отвѣта: „Принимаемъ англо-германское предложеніе въ принципѣ, но должны сперва войти въ соглашеніе съ Портою насчетъ расширенія нейтральной зоны и другихъ распоряженій, касающихся нашего военнаго положенія". Такъ какъ лаконизмъ этой телеграммы вызвалъ недоразумѣнія, мы, въ заключеніе, спросили Бисмарка: ранѣе какого срока англійская эскадра не должна, по его мнѣнію, вступать въ Дарданеллы?—Горчаковъ".

Вслѣдъ за этою телеграммою была получена еще слѣдующая: „Въ дополненіе вчерашней телеграммы (т.-е. отъ 7-го) сообщаю, что Его Величество назначилъ шесть сутокъ сроку для заявленія о возвращеніи англійскаго флота. Сообщили объ этомъ германскому послу, повторивъ заявленіе о необходимости предварительнаго соглашенія съ Портою насчетъ расширенія нейтральной зоны и другихъ подробностей, относящихся до нашего военнаго положенія.—Горчаковъ".

10 апрѣля.—Великій Князь принималъ болгарскую депутацію, поднесшую благодарственный адресъ (болѣе ста тысячъ подписей) для представленія Государю.

16 апрѣля была получена слѣдующая шифрованная телеграмма отъ 15-го: „Телеграфируемъ Шувалову: Бисмаркъ полагаетъ, что лучше намъ вступить въ прямые переговоры съ Лондономъ. Сообщите Салисбюри, что мы вполнѣ расположены къ этому, желаемъ ознакомиться съ его видами. Въ доказательство нашего чистосердечія можете сообщить ему тѣ условія, на которыхъ мы можемъ отвести наши войска за предположенную демаркаціонную линію. Не можемъ согласиться на это иначе, какъ при условіяхъ одновременнаго удаленія англійскаго флота на условленное соотвѣтствующее разстояніе и—предварительнаго исполненія Портою статей мирнаго договора о сдачѣ намъ Шумлы, Варны и Батума, съ обязательствомъ не возводить никакихъ новыхъ укрѣпленій въ расширенной нейтральной зонѣ. Прибавьте, что если будетъ достигнуто общее соглашеніе между Англіей и нами, то этимъ или облегчится отступленіе обѣихъ сторонъ, или же будутъ устранены опасности сохраненія ими настоящихъ позицій.—Гирсъ".

Въ ночь съ 15-го на 16-ое апрѣля Великій Князь получилъ телеграмму Государя:

„Увольняя тебя, согласно твоему желанію, отъ командованія дѣйствующей арміей, произвожу тебя въ генералъ-фельдмаршалы, въ воздаяніе столь славно оконченной кампаніи. Надѣюсь скоро обнять тебя здѣсь".

Въ ту же ночь военный министръ сообщилъ о назначеніи Непокойчицкаго членомъ государственнаго совѣта, съ награжденіемъ орденомъ св. Владиміра 1-й ст. съ мечами, о назначеніи Радецкаго и князя Имеретинскаго генералъ-адъютантами и о другихъ наградахъ, разрѣшенныхъ по представленіямъ Великаго Князя.

Новый главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ полевого штаба арміи, княземъ

Имеретинскимъ, прибылъ въ Санъ-Стефано 15-го апрѣля, въ Страстную субботу. Изъ телеграммы Великаго Князя Государю, писанной въ 8 ч. веч., съ поздравленіемъ къ наступавшему Свѣтлому празднику, видно, что въ этотъ день къ Великому Князю пріѣзжалъ Савфетъ-паша и познакомился съ Тотлебеномъ и княземъ Имеретинскимъ.

17 апрѣля, въ день рожденія Государя, Великій Князь, послѣ молебствія, принялъ послѣдній парадъ отъ собранныхъ въ Сант-Стефано и окрестностяхъ войскъ, горячо поблагодарилъ, сердечно простился со всѣми и затѣмъ уѣхалъ въ Константинополь, а оттуда—немедленно въ Одессу. Въ Петербургъ прибылъ, какъ уже было сказано, 22-го апрѣля, въ субботу, въ 2 часа дня...

М. А. Газенкампфъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ РОМАНЪ
ИЗЪ
ВОЕННАГО БЫТА

ОЧЕРКЪ.

— Прочтите — забавно! — сказалъ мнѣ знакомый военный только-что вернувшійся изъ Франціи, и положилъ предо мною маленькую книжечку автора, мнѣ совершенно неизвѣстнаго и, можетъ быть, впервые выступающаго на литературное поприще — Maurice Huet. Заглавіе книжки — „Sabres de bois, fusils de paille“, а на обертке яркими красками намалевана грубо-каррикатурная фигура смѣющагося офицера.

При бѣгломъ чтеніи романа, написаннаго, очевидно, военнымъ, и даже болѣе, чѣмъ вѣроятно, — армейскимъ пѣхотинцемъ, — первое впечатлѣніе и отъ фотографически-точнаго, и жизненно-вѣрнаго изображенія военныхъ типовъ и казарменной и лагерной жизни какого-то 169-го п. полка въ захолустномъ французскомъ городишкѣ, — жизни, поразительно похожей на жизнь какого-нибудь нашего 399-го, въ городѣ Старозавѣтскѣ квартирующаго полка, — и отъ описанія разныхъ офицерскихъ похожденій, изображаемыхъ не только съ чисто-французскимъ, но даже, пожалуй, нѣсколько съ „казарменнымъ“ реализмомъ, какъ въ смыслѣ откровенности повѣствованія, такъ и въ смыслѣ безцеремонности выраженій, перещеголявшихъ самого Эм. Зола, — отъ всего этого первое впечатлѣніе было, дѣйствительно, забавное.

Прежде всего, читатель, знакомый съ военной средой, не-

вольно испытываетъ отъ этого романа французскаго автора то самое, доходящее до забавнаго, впечатлѣніе *знакомства* и *сходства*, какія испытываешь при видѣ черезчуръ вѣрнаго портрета. Это сходство поражаетъ съ первыхъ же строкъ первой главы романа,— начиная съ описанія обыденнаго осенняго утра въ казармахъ послѣ маневровъ, съ роспуска окончившихъ срокъ службы солдатъ, но до прибытія новобранцевъ, когда настоящія „занятія" въ полку еще не начинались, продолжаясь картинами ротнаго ученія, производимаго младшимъ офицеромъ гдѣ-то на задворкахъ города, или „занятій словесностью" въ ротѣ подъ руководствомъ ротнаго командира изъ нѣмцевъ, и вплоть до изображенія лихорадочныхъ приготовленій къ „инспекторскому смотру" или безсмысленныхъ маневровъ съ ихъ безтолочью, суетой и всеобщимъ недоумѣніемъ, для чего все это дѣлается. Забавно подъ французскими фамиліями встрѣчать и всѣхъ своихъ старыхъ полковыхъ знакомыхъ,—начиная отъ командира полка (и даже начальника дивизій и бригадныхъ) — и включительно до денщика Помпиньяка,—до смѣшного похожаго на какого-нибудь Гаврилюка или Митрохина,—и даже какъ то странно, что зовутъ ихъ всѣхъ не Налетовыми, Самохваловыми, Ивановыми, Туликовыми и Шаповаленками, — а де-Врануà, Друльò, Бартоломэ, Эшевѐнами и Мазуàнами.

Вотъ самъ полковникъ—Эдуардъ де Врануà—молодцоватый, но еще болѣе молодящійся, безпринципный карьеристъ, весьма мало думающій о своемъ полку, занятой лишь свѣтомъ, спортомъ, ухаживаньемъ за разными мѣстными полу-дамами да соперничествомъ съ командиромъ сосѣдняго армейскаго полка (разумѣется, дѣло не обходится и безъ злораднаго подсчета „процента больныхъ" у этого соперника-командира!).

Вотъ его правая рука и нѣкогда товарищъ по классу въ училищѣ, старшій штабъ-офицеръ, подполковникъ Гамарель, безупречный, неспособный ни на какія сдѣлки съ совѣстью, неудачникъ, давно поставившій крестъ на свою карьеру, настоящій военный, незамѣтный въ мирное время и незамѣнимый въ военное, можетъ быть единственный изъ всего полка серьезно относящійся къ службѣ и потому внезапно выростающій въ глазахъ даже безпечнаго „Эдуара", какъ только на маневрахъ приходится выказать знанія и военныя качества, о которыхъ такъ пріятно всѣ „удачники" забывали въ обыденное время. Вотъ и командиръ 4-ой роты Ронсевò—тупой педантъ-службистъ новаго образца, („со значкомъ" или изъ окончившихъ „офицерскую школу") и допекающій свою роту „по послѣднему слову науки". Вотъ

мрачный, обойденный судьбою, капитанъ Лепè, потерявшій надежду на производство въ подполковники. Вотъ неунывающій философъ капитанъ Беппъ, пришедшій къ тому заключенію, что чѣмъ меньше мучить „людей“ всякими уставными ненужностями, тѣмъ лучше, и потому предоставившій свою роту на произволъ судьбы и собственной инициативы, и достигающій этимъ того непонятнаго для всѣхъ товарищей результата, что, дѣйствительно, 13-ая рота оказывается первой по „числу пуль въ мишеняхъ“ на смотрахъ стрѣльбы, первой и по разумнымъ отвѣтамъ на инспекторскомъ смотру, ибо люди въ ней всѣ „понимаютъ свой маневръ“ и служатъ толково. Вотъ капитанъ Эшевèнъ, старый служака прежняго типа военныхъ,—вѣчно веселый, громогласный, всѣми въ полку любимый и не признающій на свѣтѣ ничего другого, кромѣ своего полка, полковыхъ традицій, полковой исторіи, полковыхъ анекдотовъ. Вотъ и добрякъ и тупица, вѣчно обманываемый мужъ, находящійся подъ башмакомъ своей жены („дамы съ темпераментомъ“)—капитанъ Бадеръ изъ эльзасцевъ (точная копія какого-нибудь Мейера или Шульца изъ остзейскихъ нѣмцевъ) — съ военной точки зрѣнія никуда не годный и развѣ потому не вполнѣ вредный, что онъ мало занимается военнымъ воспитаніемъ своей роты, предоставивъ ее въ полное вѣдѣніе младшаго офицера и фельдфебеля, лишь изрѣдка производя „смотръ одежды“ (причемъ нарочно обрываетъ слабо держащіяся пуговицы или ножичкомъ прорѣзываетъ побольше замѣченныя дырки, для вящшаго внушенія солдатамъ понятія о вредѣ „неаккуратности“), и иногда, когда его проникаетъ внезапное сознаніе необходимости „развивать“ свою роту, являясь на занятія „словесностью“,—причемъ происходятъ сцены, по своему высокому комизму совершенно напоминающія всѣмъ намъ знакомыя картины. Но у этого самаго смѣхотворнаго и ребячески-немудраго „Жюля“ (или „колбасы“ — „andouille“, какъ его прозвали товарищи, совершенно какъ прозвали бы и у насъ)—рота лучше всѣхъ накормлена и лучше всѣхъ одѣта; онъ вѣчно, какъ добрая нѣмецкая хозяйка, воюетъ и бранится съ артельщикомъ, на маневрахъ хлопочетъ прежде всего о томъ, чтобы скорѣе обогрѣть людей, и чуть не лично таскаетъ для своей роты лишнія полѣнья дровъ отъ обывателей,—словомъ, это, въ хозяйственномъ отношеніи, образцовый „отецъ-командиръ“, — типъ опять знакомый. Вотъ и старшій врачъ — говорунъ и фантазеръ. Вотъ и вѣчно замазанный и вѣчно витающій въ какихъ-то выкладкахъ и разсчетахъ „изобрѣтатель“-поручикъ Оливъ, помѣшанный на постройкѣ моторовъ. А вотъ и молодежь: „любимецъ“ командира полка, помощникъ его по

устройству всевозможныхъ полковыхъ увеселеній и съ увлеченіемъ заботящійся о педантической чистотѣ казарменныхъ построекъ квартирмейстеръ. Вотъ и другой „любимецъ“ и „другъ“ командира—кавалерійскій поручикъ Сосье. Вотъ и веселый, остроумный, талантливый, злоязычный скептикъ, „старый поручикъ“ Бартоломэ,—все и вся наблюдающій, все замѣчающій, все критикующій и однимъ мѣткимъ словечкомъ или прозвищемъ клеймящій навѣки всѣхъ и каждаго,—начиная отъ „г. Сердечкина“ („Joli-Coeur“)—полкового командира, котораго онъ великолѣпно передразниваетъ и всѣ слабости и поступки котораго удивительно тонко объясняетъ. Вотъ и поручикъ Митъ,—представляющій „свѣтскаго молодого человѣка“ въ полку; и неповоротливый, вѣчно погруженный въ какіе-то фантастическіе проекты и вѣчно пьющій и плюющій поручикъ де-Бонуà со своей вѣчной приговоркой: „Меня не проведешь, старà штука“ (J'connais ç'tabac là); и Дужмонъ, обуреваемый снобизмомъ, но не попавшій въ кавалерію и потому глубоко-несчастный въ душѣ.

Надо еще отмѣтить—и это тоже очень забавно читать—господа армейскіе кавалеристы изъ чудного городка Фенуйль-анъ-Везлèнъ съ такимъ же великимъ презрѣніемъ относятся къ своимъ пѣхотнымъ сотоварищамъ, какъ какіе-нибудь, мнящіе себя высокими аристократами, кавалеристы изъ Кобрина, Рыпина или еще другого какого-либо подобнаго великосвѣтскаго города; мѣстное провинціальное „общество“ вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе и признаетъ лишь гг. корнетовъ и штабсъ-ротмистровъ, а на самыхъ порядочныхъ и симпатичныхъ поручиковъ и капитановъ смотритъ свысока, и даже сами эти поручики и капитаны втайнѣ питаютъ глубокую зависть къ господамъ „de la cavalerie“:

— Одинъ пѣхотный офицеръ да одинъ пѣхотный офицеръ будетъ: два пѣхотныхъ офицера? Такъ?—спрашиваетъ шутникъ Бартоломэ своего неопытнаго друга Брегë.—...Одинъ кавалерійскій офицеръ да одинъ кавалерійскій офицеръ будетъ: два кавалерійскихъ офицера? Не такъ ли? Ну, а одинъ кавалерійскій офицеръ, да одинъ пѣхотный—это будетъ сколько?

— Ну, что за шутки!—два офицера!

— Это по теоріи! А на практикѣ въ суммѣ получится: *одинъ* кавалерійскій офицеръ!! Со свѣтской точки зрѣнія, пѣхотинецъ не считается... Посмотрите,—продолжаетъ точить язычокъ Бартоломэ, указывая на нѣкоего армейскаго драгуна, г. Идоля, составляющаго предметъ восхищенія всѣхъ мѣстныхъ дѣвъ.— А? Какъ сразу видно породу? Развѣ, когда вы видите, какъ онъ

точно изнываетъ подъ бременемъ изящества и чопорности, вамъ не кажется, что атавистическая слава бранныхъ подвиговъ его предковъ внушаетъ ему глубокую тоску по тѣмъ священнымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда рубили на кусочки мавровъ и сарациновъ?.. А это просто-на-просто сынъ какого-нибудь невѣдомаго чиновника, какъ вы да я, который случайно попалъ въ привилегированный родъ оружія. Хе-хе-хе!...

Забавенъ и нѣсколько вычурный, но оригинальный, острый и красивый языкъ, которымъ написанъ романъ Мориса Гюэ.

Пожалуй забавно, но гораздо чаще и отвратительно, читать о многочисленныхъ или даже просто безчисленныхъ любовныхъ похожденіяхъ всѣхъ чиновъ полка, опять-таки начиная отъ командира и кончая поручиками и рядовыми, при всевозможныхъ условіяхъ и обстановкѣ, въ мирное время и на маневрахъ, ожиданно и неожиданно развлекающихся съ разными обитательницами городовъ и селеній, черезъ которые проходитъ „22-ой корпусъ, долженствующій воспрепятствовать 23-му занять Сенъ-Ліонель“... И эта—скажемъ прямо—порнографическая сторона романа, во-первыхъ, придаетъ ему какой-то специфическій французско-бульварный, анти-литературный отпечатокъ; во-вторыхъ, въ сущности она не является вовсе характерной для произведенія изъ военнаго быта (хотя авторъ въ одномъ мѣстѣ и утверждаетъ, что такое повальное занятіе любовными приключеніями является прямымъ слѣдствіемъ военной службы въ мирное время),—и могла бы столько же „украшать“ романъ изъ быта приказчиковъ или чиновниковъ, ибо,—какъ давно уже про подобныя исторіи сказалъ Левъ Толстой,—„всѣ онѣ имѣли тотъ характеръ пакостности, въ которомъ французы видятъ исключительную прелесть и поэзію любви...“ и, какъ для капитана Рамбаля, спасеннаго Пьеромъ Безуховымъ, такъ и для героевъ романа Мориса Гюэ,—„заключались преимущественно въ неестественности отношеній къ женщинѣ и въ комбинаціи уродливостей, которыя придавали главную прелесть чувству“ [1]).

Но когда первое впечатлѣніе, — съ одной стороны, занимательной забавности отъ неожиданной встрѣчи со старыми знакомыми, а съ другой—нѣкоторой скабрезности отъ французскаго легкомыслія, — прошло, то приходится сказать себѣ, что романъ этотъ, являясь характернымъ и типичнымъ для начала XX-го вѣка, представляетъ изъ себя одно изъ появившихся во всѣхъ европейскихъ литературахъ послѣднихъ годовъ, обли-

[1]) „Война и Миръ“, томъ III, часть третья, глава XXIX.

чительно-военныхъ произведеній; но въ то же время онъ, несмотря на абсолютную свободу слова, позволяющую автору гораздо рѣзче освѣщать многія стороны военной жизни, и несмотря на всю свою французскую фривольность, весьма серьезно затрогиваетъ такія соціальныя современныя проблемы и указываетъ на такія стороны собственно военнаго вопроса, которыхъ не касался ни г. Бильзе въ своемъ прогремѣвшемъ не въ мѣру „Маленькомъ Гарнизонѣ", ни авторъ „Іены и Седана", ни еще менѣе г. Купринъ со столь прославившимся (ибо появился „во благовременіи") „Поединкомъ", или г. Леонидъ Андреевъ со своимъ патологическимъ и неврастениками превознесеннымъ „Краснымъ Смѣхомъ". Во французской литературѣ есть произведеніе, гораздо ближе примыкающее къ названнымъ тенденціознымъ повѣстямъ,— это пресловутые „Sous Off'", точно также навлекшіе во время оно на своего автора процессъ (не помнимъ, чѣмъ окончившійся), какъ навлекло на Бильзе процессъ то зеркально-фотографическое отраженіе дѣйствительно-существующей въ нѣкоемъ нѣмецкомъ городкѣ воинской части, которое мы встрѣчаемъ въ его „Гарнизонѣ". Потому-то „Sous Off'" въ свое время надѣлали много шуму и прославились именно благодаря процессу и своей анти-милитарной тенденціи, хотя въ сущности ни серьезнаго общественнаго, ни мало-мальски литературнаго значенія не представляли. Съ другой стороны, такіе вполнѣ художественные и поразительно талантливые этюды, какъ произведенія изъ военнаго быта Шнитцлера, внѣ настоящихъ любителей изящной литературы почти неизвѣстны широкимъ кругамъ читателей, особенно той безвольной толпѣ, которая устремляется за всякой тенденціозной шумихой и неглубокими модными вѣяніями.

„Sabres de bois" не подходитъ ни къ той, ни къ другой категоріи: до настоящей художественности ему далеко,—хотя, какъ мы сказали, написанъ романъ хорошимъ и современно-своеобразнымъ языкомъ и полонъ мѣткихъ наблюденій и характеристикъ,— для тенденціознаго же успѣха онъ слишкомъ незначителенъ, да кромѣ того написанъ не во время и не послѣ какой-нибудь несчастливой войны, когда такъ удобно и выгодно говорить противъ всего военнаго, да и французскіе оригиналы (если герои списаны тоже съ дѣйствительно существующихъ оригиналовъ) не нашли нужнымъ обидѣться и создавать автору рекламу посредствомъ громкаго процесса, а единственный, списанный съ дѣйствительнаго лица и изображенный симпатичными красками, представитель высшихъ военныхъ сферъ, появляющійся подъ прозрачнымъ псевдонимомъ генералиссимуса de-Noirot (читай:

„Негріé“), не нашелъ нужнымъ выразить автору сочувствіе, какъ нашъ покойный Михаилъ Ивановичъ выразилъ сочувствіе прозрачно изобразившему его г. Куприну, что придало въ штатскихъ кругахъ санкцію абсолютной правдивости и какъ бы нѣкоторой даже святости всякому сказанному г. Купринымъ слову и мнѣнію. Ни рекламной извѣстности, ни яркой художественности, повторяемъ, за романомъ г. Гюэ не числится; онъ многими прочтется какъ самое заурядное произведеніе текущей беллетристики, — но если надъ нимъ подумать, то онъ остановитъ на себѣ ваше вниманіе и покажется гораздо серьезнѣе патологическихъ „Смѣховъ“ или фотографическихъ „гарнизоновъ“. Между тѣмъ это, повидимому, есть чисто субъективное, безпритязательное повѣствованіе изъ собственной жизни какого-то скромнаго молодого офицера, та „личная страничка“, которою начинаетъ почти всякій авторъ, нѣчто вродѣ безпристрастной записи впечатлѣній, получаемыхъ только-что окончившимъ военное училище и поступившимъ въ какой-то злосчастный армейскій полкъ подпоручикомъ. Разсказъ ведется не отъ перваго лица, но, тѣмъ не менѣе, какъ заключительная глава,—въ видѣ письма къ другу, гдѣ говорится о новыхъ планахъ выходящаго изъ полка героя,—такъ и многія другія подробности явно выдаютъ субъективный характеръ всего произведенія, посвященнаго „Глашатаямъ мира и войны“ („Aux énergumènes de la paix, à ceux de la guerre“).

Самое содержаніе романа—это не столько описаніе полковой жизни въ мирное время и на маневрахъ, сколько итоги и впечатлѣнія свѣжаго, честнаго юноши, попавшаго въ военную среду и въ концѣ концовъ разочаровывающагося, какъ въ ея представителяхъ, такъ и въ самомъ томъ дѣлѣ, которому онъ отдалъ свою жизнь; въ сущности, другого содержанія у этого романа даже и нѣтъ. Интриги, дѣйствія въ немъ тоже нѣтъ, такъ какъ нельзя же назвать интригой или дѣйствіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова—пріѣздъ къ холостому молоденькому подпоручику его парижской пассіи, чешской скрипачки (являющейся безъ иного имени, кромѣ интимнаго прозвища „Ма“) и затѣмъ отъѣздъ ея „навсегда“, послѣ ряда ссоръ и разочарованій другъ въ другѣ, происходящихъ отъ столкновеній военной дѣйствительности съ соціалистическими мечтаніями и взглядами этой дѣвицы, ибо Ма—и это придаетъ особую соль роману—убѣжденная соціалистка. И по внѣшнему виду, повторяемъ, это вовсе не романъ, это—рядъ сценъ изъ военнаго быта въ обыкновенное время и на маневрахъ. Книга такъ и раздѣляется на двѣ части, озаглав-

ленныя: „Edouard en temps de paix“ и „Edouard s'en va-t'en guerre“.

„Эдуаръ“ — это вышеупомянутый командиръ полка, развратникъ и шалопай, ни о чемъ не думающій, какъ лишь о веселомъ препровожденіи времени, о соперничествѣ въ верховой ѣздѣ съ кавалеристами да о скорѣйшемъ производствѣ въ генералы. Дѣйствіе происходитъ во французской республикѣ, гдѣ на судьбу военныхъ и ихъ карьеру имѣетъ вліяніе палата депутатовъ, а *слѣдовательно* и всякій единичный депутатъ; потому тамъ необходимы „добрыя“ отношенія, въ какихъ каждый кандидатъ на производство въ генералы находится не только съ каждымъ изъ рядовыхъ своего полка — будущимъ избирателемъ,— но и со всякимъ обывателемъ своего городка, тоже, можетъ быть, будущимъ депутатомъ; то обстоятельство, находятъ ли всѣ они его политическій образъ мыслей „заслуживающимъ поощренія и награды“, и достаточно ли онъ проявляетъ свою „дружбу къ народу“,—все это можетъ оказать великое вліяніе на его судьбу. Для сего „Эдуаръ“ пускаетъ въ ходъ все свое южно-французское актерство и пронырливость (онъ родомъ изъ Тулузы или Гаскони). Въ душѣ онъ легитимистъ, глубоко презираетъ современное правительство и собирается, едва получитъ генеральскія эполеты, „въ высокой степени наплевать“ на гг. республиканцевъ, но въ ожиданіи этихъ эполетъ онъ отлично умѣетъ прилаживаться къ республиканской обстановкѣ. Онъ не брезгуетъ поухаживать и за мѣстными политиканами, и пустить пыль въ глаза населенію маленькаго городишки разными грандіозными общественными увеселеніями, пріобрѣтая тѣмъ популярность среди дамъ, полу-дамъ и совсѣмъ не дамъ своею „простотою“ и обходительностью, и располагая въ свою пользу солдатъ разными праздниками съ каруселями и призами, да вѣчными льготами и послабленіями по службѣ; словомъ — ему нужно прослыть у всѣхъ щедрымъ, добрымъ, демократически-общительнымъ человѣкомъ, — „другомъ народа“. А подъ-шумокъ онъ не брезгуетъ помѣщать анонимныя статейки въ имъ же субсидируемой мѣстной газеткѣ и инсинуировать въ ней на тему о „тиранствѣ“ и безчеловѣчномъ обращеніи съ людьми въ сосѣднемъ полку, и о приверженствѣ къ алкоголю его командира, полковника Реденбаха. Главное же—онъ дружитъ съ масонами и не забываетъ никогда, что это поважнѣе всякихъ военныхъ качествъ и добродѣтелей, ибо въ рукахъ ихъ — общественное мнѣніе.

Какъ этотъ опереточный „Эдуаръ“, болѣе занятый всяческими авантюрами, чѣмъ своимъ полковымъ хозяйствомъ, обуче-

ніемъ нижнихъ чиновъ или правильнымъ военнымъ воспитаніемъ офицерской семьи полка, такъ и всѣ остальные чины полка въ сущности интересуются чѣмъ угодно,—кто изобрѣтеніемъ какой-то необыкновенной машины, кто игрою на флейтѣ или мандолинѣ, кто спортомъ, кто любовными похожденіями, кто философіей, кто рисованіемъ,—только не своимъ прямымъ военнымъ дѣламъ. Исключеніе представляетъ развѣ только одинъ капитанъ Эшевѣнъ, представитель того поколѣнія военныхъ, которые, послѣ разгрома 1870 г., старались пересоздать армію, подтягивали себя и другихъ и были всецѣло преданы идеѣ военнаго долга,—да безупречный Гамарель.

Солдаты испытываютъ ту же скуку и то же отвращеніе, и большинство изъ нихъ изобрѣтаетъ себѣ какія-нибудь посторонніе развлеченія, а одинъ изъ побывавшихъ въ дисциплинарной ротѣ (или даже на каторгѣ) солдатъ весьма развязно объявляетъ на своемъ полу-воровскомъ, полу-солдатскомъ жаргонѣ своему ротному командиру, что „предпочелъ бы вернуться туда", откуда пришелъ, ибо *тамъ* хоть вѣчный страхъ и жестокія наказанія спасаютъ отъ этой мертвящей скуки. И даже придурковатый солдатикъ 14-й роты, Помпиньякъ, какъ впрочемъ и большинство его сотоварищей, чувствуетъ глубокую ненависть и отвращеніе къ ежедневнымъ безцѣльнымъ и машинообразнымъ занятіямъ въ ротѣ, и утѣшается лишь тѣмъ, что одинъ изъ его земляковъ и однокашниковъ (*copain*) указываетъ ему на возможность уйти изъ роты, поступивъ въ денщики. Помпиньякъ готовъ даже дать взятку „уходящему въ запасъ" денщику капитана Эшевена, лишь бы тотъ рекомендовалъ его на свое мѣсто (вродѣ того, какъ врачи во Франціи уступаютъ свою кліентелю за извѣстное вознагражденіе своимъ преемникамъ). Но къ величайшему счастью Помпиньяка въ 14-ю роту пріѣзжаетъ „новоиспеченный" офицеръ, Брегё; Помпиньякъ даромъ получаетъ завѣтную должность и съ восторгомъ принимается чистить, скрести и мести въ маленькой подпоручичьей квартиркѣ, а въ часы досуга, какъ „принято" и полагается всякому „порядочному солдату", переписываетъ въ тетрадочку солдатскія популярныя пѣсни,—причемъ, какъ язвительно замѣчаетъ авторъ, „онъ вовсе не занимается политикой", т.-е. добрая половина этихъ пѣсенъ такова, что, капля за каплей, незамѣтно, все въ одномъ и томъ же, весьма опредѣленномъ и весьма мало желательномъ для военнаго воспитанія направленіи, долбитъ его наивную солдатскую голову.

Но Помпиньяку приходится въ теченіе нѣкотораго времени испытывать большую тревогу за свое теплое мѣстечко. Это—когда въ

подпоручичьей квартиркѣ водворяется свободолюбивая соціалистка Ма, приходящая въ ужасъ при видѣ того, что „свободный гражданинъ", сирѣчь Помпиньякъ, готовъ, забывъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, не только служить „пыльной тряпкой" (прозвище денщиковъ—tampon) „такому же" гражданину, какъ онъ самъ (понимай: подпоручику Брегё), но даже унижается до того, что готовъ, по приказанію этого самаго „гражданина" Брегё, подавать ей утренній кофе или чистить ея крошечные башмачки. Какъ онъ можетъ унизиться до чистки сапогъ?!— „Да вѣдь если я не вычищу, меня засадятъ въ „темный".—„Въ „темный"?! И это *онъ*, ея возлюбленный, способенъ на такое варварство?! Нѣтъ, она немедленно уговоритъ его отпустить назадъ въ роту „гражданина", котораго ужъ и то „незаконно оторвали отъ семьи", для службы отечеству, и освободить его отъ унизительной должности!

Ма проповѣдуетъ и негодуетъ, а Помпиньякъ приходитъ въ ужасъ. Какъ?! онъ-то хлопоталъ о тепленькомъ мѣстечкѣ, онъ-то такъ радовался, что попалъ къ доброму подпоручику, у котораго не житье, а лафа,—а вдругъ эта мамзель за что-то разгнѣвалась и хочетъ его лишить этого счастья?! Простая голова Помпиньяка не въ силахъ уразумѣть глубину гражданскихъ чувствъ Ма, и онъ... рѣшается даже, какъ нѣкогда денщику Мазуану, предложить ей нѣсколько франковъ, лишь бы она согласилась не гнѣваться больше и „ничего не говорить барину". Тогда только Ма соображаетъ, какая пропасть отдѣляетъ ея соціалистическія идеи отъ воззрѣній Помпиньяка,—и съ презрительной жалостью она оставляетъ его попрежнему чистить и скрести въ поручичьей квартиркѣ. Страницы, описывающія Помпиньяка со всѣмъ его немудрымъ міровоззрѣніемъ и своеобразнымъ языкомъ,—однѣ изъ самыхъ жизненныхъ въ романѣ и проникнуты настоящимъ знаніемъ солдатской души. Такъ же живы и проникнуты глубокимъ комизмомъ тѣ страницы, гдѣ изображается столкновеніе Ма съ Помпиньякомъ...

Итакъ, въ полку всѣ или скучаютъ, или развлекаются:

Дни текутъ однообразно,— говоритъ авторъ романа,— преисполненные спокойными и вѣрными удовольствіями, бѣдные неожиданностями. Но мало-по-малу теряются и растрачиваются понапрасну неоцѣненныя сокровища ума и воли, тѣ сокровища, благодаря которымъ люди творятъ и властвуютъ, какъ боги!.. Какое пожирающее всевозможныя дѣятельности чудовище — армія въ мирное время!.. Сколькими ей такимъ образомъ жертвуется учеными и художниками!.. Конечно, гг. Друльо и Митъ готовятся

въ академію ген. штаба, это уже само собою разумѣется! (Вѣдь всѣ офицеры готовятся въ академію!) Но, не говоря уже о томъ, что экзаменъ все откладывается и откладывается на неопредѣленное время,—предметы до него относящіеся, съ интеллектуальной точки зрѣнія, такого невысокаго полета, что человѣческій умъ не можетъ исключительно ими обходиться и питаться, и лишь вяло ими занимается. Офицерскій мозгъ, какъ и всякій другой мозгъ, стремится, согласно со своими сокровенными склонностями, заняться чѣмъ-нибудь инымъ. И очень жалки тѣ, кто ни надъ чѣмъ не работаетъ, ибо въ умственномъ отношеніи военное ремесло требуетъ лишь столь механической и мелочной дѣятельности, что наступаетъ такая минута, когда всякій испытываетъ потребность занять свой умъ чѣмъ-нибудь инымъ, менѣе ничтожнымъ... Но большинство слишкомъ долго прождало, и часто находитъ лишь грубый исходъ и отвлеченіе... Г. Санмаль играетъ на кларнетѣ, на мандолинѣ и на скрипкѣ. Г. де Бонгро, увалень-мечтатель, смутно предчувствуетъ какія-то великія изобрѣтенія... Подполковникъ Плюмо собираетъ жуковъ... Поручикъ Рейнгартъ сочиняетъ хорошенькіе стишки на монмартрскій ладъ... Г. Гриффонъ колеблется между медициной и юриспруденціей. Брегё брянчитъ на фортепіано и мажетъ красками... и всѣ — подобіемъ науки, пародіей на искусство—стараются удовлетворить свое внутреннее, второе и настоящее „я“. Когда станетъ поздно, они замѣчаютъ, что даромъ испортили себѣ жизнь! Но есть особенно одинъ отвлекающій объектъ, который первенствуетъ надъ всѣми остальными, усыпляетъ умственныя стремленія и всесильно удовлетворяетъ потребность борьбы и дѣятельности: это—женщина. На завоеваніе ея въ ходъ пускаются всѣ умственныя способности, все умѣнье блистать; на ея безалаберные капризы обильно растрачиваются всѣ жизненные аппетиты,—и благодаря этому только она и царитъ, какъ признанная всѣми царица, надъ военными головами...

И даже поручикъ Бартоломэ, пользующійся наибольшими симпатіями автора и чуть ли не самый умный человѣкъ во всемъ полку, утѣшается лишь тѣмъ, что скептически-насмѣшливо и хладнокровно наблюдаетъ со стороны всю эту отвратительную и жалкую смѣсь пороковъ, преступленій, бездѣлья, бездѣятельности и мелкихъ самообмановъ отъ скуки.

Но бѣдный Брегё—герой романа—не въ состояніи примириться съ такимъ отношеніемъ къ своему дѣлу, и, послѣ отъѣзда своей возлюбленной и послѣ маневровъ, на которыхъ особенно ярко высказалась вся опереточная несостоятельность и веселаго

„Эдуара“, и разныхъ, лишь катающихся на автомобиляхъ мимо отрядовъ войска, бригадныхъ и дивизіонныхъ генераловъ, и элегантныхъ кавалеристовъ „52-го драгунскаго полка“, и большинства офицеровъ „169-го“ (за исключеніемъ развѣ только подполк. Гамареля), — бѣдный Брегё предается окончательному отчаянію и подаетъ рапортъ о переводѣ его въ колоніальныя войска, ибо тамъ, въ Тонкинѣ или на Мадагаскарѣ, военный человѣкъ всегда найдетъ примѣненіе своей дѣятельности; онъ тамъ всегда, такъ сказать, на чеку, въ борьбѣ съ природой, дикими племенами и даже можетъ (правда, это высказано авторомъ довольно голословно, бездоказательно) проявить цивилизаторскую дѣятельность, а не „ржавѣть, какъ оружіе безъ употребленія“, какъ „ржавѣетъ“ вся армія въ мирное время. Къ этому рѣшенію Брегё приходитъ послѣ того, какъ подъ вліяніемъ и Ма, и разочарованій въ военной жизни, онъ одно время увлекается и соціализмомъ, и гуманизмомъ, и даже анархизмомъ, но военныя симпатіи и закваска въ немъ слишкомъ сильны, и онъ находитъ выходъ между двумя крайностями: между выходомъ въ отставку или обращеніемъ въ сквернаго (какъ большинство его сослуживцевъ) военнаго, — въ добровольномъ изгнаніи изъ Франціи. Но не всѣ же военные имѣютъ всегда возможность найти примѣненіе своимъ спеціальнымъ способностямъ въ такомъ добровольномъ изгнаніи, вдали отъ родины. Передъ остальными постоянно и все чаще встаетъ дилемма: человѣкъ или офицеръ.

Авторъ, въ формѣ страшнаго кошмара, снящагося элегантному кавалеристу дю-Сосье, изображаетъ то положеніе, въ которомъ можетъ теперь ежечасно очутиться всякій военный, не признающій ничего иного, кромѣ своей службы, своей дисциплины, своихъ военныхъ привычекъ, и внезапно оказывающійся лицомъ къ лицу съ измѣнившимися вокругъ него условіями жизни и разомъ попадающій въ страшно-трагическое положеніе. Эта глава такъ оригинальна, что мы позволимъ себѣ привести изъ нея нѣкоторую часть.

Дю-Сосье — англоманъ, лошадникъ и блестящій кавалеристъ; съ одной стороны, онъ одинъ изъ немногочисленныхъ военныхъ, безукоризненно серьезно относящихся къ своимъ обязанностямъ; съ другой — видя, что въ мирное время желающему сдѣлать карьеру военному лишь два пути: либо подлаживанье къ ненавистному политиканству и „штатскому“ правительственному образу мыслей, либо реклама, — избираетъ послѣднее средство. А именно, будучи совершеннымъ спортсменомъ, онъ старается, чтобы его имя, портреты, разсказы о его побѣдахъ на гипподромѣ и во

всѣхъ видахъ спорта были у всѣхъ вѣчно на глазахъ. И благодаря тому — ему это отлично извѣстно — его будетъ любить и покровительствовать ему командиръ полка, легитимистъ де-Табеліонъ, которому пріятно слышать похвалы представителю своего полка. Очень тонко нарисована при этомъ слегка каррикатурная фигура военнаго элегантнаго легитимиста, кавалерійскаго командира, „не унижающагося до мелочности какого-нибудь пѣхотнаго полковника“ и потому разрѣшающаго своимъ офицерамъ вѣчно разъѣзжать по скачкамъ, по великосвѣтскимъ охотамъ и проводить сколько угодно времени въ отпуску. Впрочемъ, Сосье отлично извѣстно, что и всѣ вслѣдъ за Табеліономъ легитимисты-военные высшей марки обратятъ на него вниманіе, и потому, якобы „увлекаясь спортомъ“, онъ преспокойно ведетъ свою линію. Но въ то же время онъ не признаетъ ничего, кромѣ простой и понятной ему старой дисциплины, и когда онъ замѣчаетъ, что кругомъ начинаетъ проявляться что-то противорѣчащее ей, враждебное старому кастовому духу,—онъ, какъ кавалерійскій „развѣдчикъ“ принимается „изучать противника“, т.-е. доходитъ до того, что начинаетъ читать соціальныя и гуманитарно-философскія сочиненія, желая сражаться со врагомъ, „узнавъ его получше“. Бѣда только, что спортсменская голова устроена такъ, что ей это трудно дается, и чтеніе производитъ на нее впечатлѣніе соннаго порошка. И вотъ, вернувшись разъ въ свою элегантную квартиру послѣ вечерней прогулки, онъ встрѣтилъ нѣсколько забастовщиковъ и слышалъ, какъ они распѣвали „Интернаціоналку“. Въ Фенуйль-анъ-Везленъ, какъ въ нѣкоторыхъ гораздо болѣе близкихъ мѣстахъ, уже недѣлю длится стачка на фарфоровомъ заводѣ, и весь кавалерійскій полкъ въ нѣсколько нервномъ настроеніи, хотя командиръ и не удостоиваетъ серьезно „воздѣйствовать“ на всѣ эти, презираемыя имъ, „грубыя шутки“. Начитавшись на ночь какой-то неудобоваримой книги, дю-Сосье засыпаетъ, и снится ему страшный сонъ. Видитъ онъ, что онъ выѣзжаетъ утромъ на своей „строевой кобылѣ“ Даміэттѣ и направляется къ мѣсту эскадроннаго ученія. Утро прекрасное, солнце сіяетъ, ему и лошади весело дышется.

...Приближаясь къ пригороду, вѣчно кишащему дѣтьми, онъ задерживаетъ аллюръ, стараясь не сотворить какой-нибудь изъ тѣхъ неловкостей, которыя всегда даютъ такіе нежелательные поводы простому люду придираться къ людямъ изъ общества... Вдругъ раздается глухой шумъ со стороны города, видны группы людей, и глазами, полными ненависти, они смотрятъ на него, когда онъ проѣзжаетъ мимо нихъ... Г. дю-Сосье откидывается

назадъ, подтягивается на сѣдлѣ и, почти не трогая поводомъ своего благороднаго скакуна, огибаетъ группы, и глаза его смотрятъ безстрастно вдаль. Чтобы посторонились, онъ лишь изрѣдка, фальцетомъ, покрикиваетъ: „Ао! ао! гопъ-гопъ!“ Затѣмъ, нервно нажавъ шенкеля, онъ вновь наклоняется и снова пускается ровной рысью. Вдругъ Даміэтта разомъ останавливается. Дорогу преграждаетъ баррикада, безобразная, сложенная изъ изодранныхъ тюфяковъ, ломанныхъ столовъ и стульевъ, опрокинутыхъ экипажей... Надо всѣмъ этимъ болтается на палкѣ красная тряпка... Никого не видно кругомъ, мрачная тишина царитъ надъ всѣмъ городомъ...

Г. дю-Сосье хмуритъ брови, потомъ, подобравъ поводья и поглубже запустивъ ноги въ стремена, какъ на скачкахъ, собирается перескочить препятствіе. Но—о изумленіе! — Даміэтта, которая еще вчера взяла барьеръ почти въ два метра, неподвижна, всѣ ея четыре ноги словно прикованы къ землѣ, и она такъ дрожитъ, что шея ея сразу покрывается испариной.

— Смерть и проклятіе!—восклицаетъ г. дю-Сосье, и цѣлый градъ ударовъ сыплется на бѣдное животное, которое взвивается на дыбы, но не двигается съ мѣста. И теперь драгунъ съ бѣлымъ воротникомъ не вѣритъ своимъ глазамъ: на баррикадѣ человѣкъ, и онъ пляшетъ и строитъ дьявольскія гримасы.

— Ты узнаешь меня, Сосье?—кричитъ онъ.—Это вправду я, это Лагрý, котораго когда-то ты отдалъ подъ судъ за отказъ въ повиновеніи. А-а! Времена измѣнились, какъ ты видишь!..

— Дорогу! Пусти меня!—кричитъ поручикъ, красный отъ бѣшенства, и поднимаетъ хлыстъ.

— Шш!—шепчетъ таинственно Лагрý, прижавъ палецъ ко рту.—Не кричи такъ громко... *Они* тутъ!

И г. дю-Сосье увидѣлъ цѣлое море блѣдныхъ лицъ, приближавшихся къ нему... Тогда по его тѣлу пробѣжала ужасная дрожь, и онъ едва могъ произнести:—Ну, говори! чего ты хочешь отъ меня?

— Слишкомъ поздно, Сосье, слишкомъ поздно!.. Часъ пробилъ! Вчера, не правда ли, тебѣ дѣла не было до того, что въ твоемъ полуэскадронѣ были существа, волновавшіяся, думавшія мрачныя думы и мечтавшія, изъ ненависти къ тебѣ, объ обществѣ, освобожденномъ отъ серебряныхъ и золотыхъ галуновъ (кавалеристовъ и пѣхотинцевъ), отъ начальства и подчиненныхъ... Ты холодно оставался вѣрнымъ своей роли, довольный, что умѣешь заставлять уважать свои убѣжденія заодно съ дисциплиной. Поэтому, когда однажды де-Блоси, твой взводный, сообщилъ тебѣ:

„Г. поручикъ, Лагру—анархистъ, онъ ведетъ въ казармахъ пропаганду и поетъ „Интернаціоналку",—то ты отвѣтилъ: „Прекрасно. Онъ отъ насъ не уйдетъ".—И черезъ мѣсяцъ я былъ въ дисциплинаркѣ (à Biribi).

— Я поступилъ по совѣсти: ты провинился, я тебя наказалъ.

— Твоя совѣсть уродлива, и въ этомъ-то и состоитъ преступленіе, въ которомъ я тебя обвиняю!.. Въ то время, какъ вездѣ шелъ ростъ человѣческихъ умовъ, а съ нимъ вмѣстѣ съ каждымъ днемъ все выше поднимались новыя идеи, разумныя понятія объ обязанности примиренія и общественнаго воспитанія, ты высокомѣрно, преднамѣренно, какъ глупецъ и слѣпецъ, продолжалъ свое ремесло грубой и честолюбивой машины... Что̀ вамъ, господа, за дѣло, если вы *ничто* въ великой міровой мастерской, если вы являетесь лишь дорогимъ и тяжелымъ предметомъ роскоши! Что̀ вамъ за дѣло, если народъ смотритъ на васъ, легкомысленныхъ и ненужныхъ, съ пѣной у рта! Вы лишь стараетесь пользоваться золотыми днями, да щеголяете атласными доломанами и несравненной пластикой аллюровъ. Тѣмъ хуже для всѣхъ васъ! Тѣ времена, что̀ народили все настоящее, довольно ужъ длились...

— Я знаю лишь свои офицерскія обязанности,—я не знаю иныхъ, какъ только воевать и заставлять уважать носимый мною мундиръ... Мнѣ наплевать на ваше общественное воспитаніе! Ужъ не обязанъ ли я изображать изъ себя учителишку?.. Уставъ и законъ—вотъ все, что̀ я знаю!

— Ха-ха-ха! Какъ ты смѣшонъ! „Уставъ"! „Законъ"! А развѣ это не мы ихъ создаемъ, не мы ихъ проводимъ голосованіями?! И вотъ тутъ-то ты показываешь свое умственное упрямство: эти законы и уставы измѣнчивы, какъ прогрессъ, и если себялюбіе или лѣнь человѣческая опаздываютъ пересматривать ихъ, такъ вамъ, образованнымъ, отвѣтственнымъ офицерамъ, надлежало бы проявить достаточно иниціативы и здраваго смысла, чтобы вашей ловкостью предотвратить всѣ законныя нетерпѣнія и возмущенія,—да, законныя!..

— Ахъ! да наплевать намъ и на всѣ ваши заискиванья и „предотвращенія" предъ рядовыми! Ужъ не придется ли скоро снимать шапку предъ этими господами?! — возразилъ дю-Сосье.

— Отчего же и нѣтъ, Сосье, отчего же и нѣтъ?! Припомни-ка исторію: припомни „Кружевную Войну" и легенды о г. д'Эспарбѐсѣ. Отмѣнная вѣжливость тогдашнихъ военныхъ не исключала воинскихъ доблестей. Но мы многаго и не просимъ...

— Такъ вы и дождетесь поклоновъ! Какъ же!.. Въ карцеръ, въ карцеръ! Подъ судъ! — восклицалъ Сосье.

— Карцеръ!.. судъ!.. Ты съ ума сошелъ. Ты знаешь, что газеты отмѣнили этотъ способъ управляться съ войсками. Такъ вотъ каковъ тотъ знаменитый уставъ, за который ты хочешь прятаться? Смотри-ка: всѣ ваши высшіе начальники ползаютъ предъ нами на брюхѣ! А „производство"-то? Что ты съ нимъ сдѣлаешь? Вѣдь отнынѣ тебѣ придется съ послѣднимъ изъ твоихъ рядовыхъ говорить со всей вѣжливостью и почтеніемъ, подобающимъ по отношенію къ избирателю! Ты-то не избиратель! А я, Лагру,—какой тамъ ни на есть,—могу заставить расписать тебя на столбцахъ „Пробужденія Центра"!.. Ничего не подѣлаешь, какъ видишь!..

— Если „Пробужденіе" осмѣлится это сдѣлать, я морду разобью редактору.

— Полно! ничего ты не разобьешь! Онъ съ тобой драться на дуэли не станетъ, а ты попадешь подъ судъ исправительной полиціи — возразилъ Лагру.

— Ахъ, они, подлецы! сволочь!.. Намъ нужна бы хорошая война, чтобы все это почистить!

— Ну, вотъ еще! Теперь-то войну?!.. Да, да, я знаю, что всякіе этнологи, историки и философы, со статистикой въ рукахъ, развязно доказываютъ, что расы и народы должны по временамъ омываться въ крови... Ерунда! Вотъ и все тутъ. Къ счастью, — есть и другіе, которые утверждаютъ обратное и доказываютъ, что народы двигаются впередъ мозгами, а не кулаками. Но вы, г. дю-Сосье, вы исповѣдуете по профессіи любовь къ родинѣ,—и я удивляюсь, что вы ее любите такимъ образомъ! Война! Война! Ну, еще что?.. Несчастный ты! да развѣ тебя не просвѣтила мысль о войнѣ Россіи съ Японіей, этой ужасной катастрофѣ, въ которой двѣ націи старались сгубить себя до самыхъ послѣднихъ жизненныхъ силъ своихъ?!

— По крайней мѣрѣ, обѣ онѣ дорожили своей національной честью.

— Ну, ты мнѣ просто жалокъ, мой бѣдный Сосье! Честь своей страны!.. Смотри: это честь того стада рабочихъ, которые ежедневно морятъ себя, разминая каолинъ. Она тебя очень интересуетъ—честь этихъ людей?—Полно! будь искрененъ! Эта честь, о которой ты говоришь, — я скажу тебѣ, что такое эта пресловутая честь! Это честь крошечной части искреннихъ просвѣщенныхъ (illuminés)—и этихъ я уважаю... но въ особенности это лукавый интересъ тысячи людей, торгующихъ золотомъ, обра-

батывающихъ и людскія души, и начинающихъ, когда они видятъ, что отъ нихъ ускользаетъ случай половить рыбку въ мутной водѣ какой-нибудь войны, кричать о національной обидѣ, чтобы собрать толпу болвановъ. А ты — ты видишь въ этомъ лишь случай помыть въ крови твою саблю, да получить лишній чинъ. Что же касается народа, настоящаго народа, тѣхъ двадцати милліоновъ, которые трудятся въ деревнѣ или на фабрикахъ,— что?! чувствуетъ онъ національную обиду, какъ ты полагаешь? Ужъ вотъ-то онъ смѣется надъ ней! Какая выгода ему, или бѣднякамъ русскихъ равнинъ, оттого, что его будутъ избивать въ этихъ дальнихъ походахъ? И ты такъ-таки не чувствуешь, какъ у тебя волосы становятся дыбомъ при мысли о тамошнихъ бойняхъ, о тысячахъ и тысячахъ существъ съ распоротыми животами, изрубленныхъ, изувѣченныхъ, нагроможденныхъ на багровой землѣ?.. И это ради чести, ради удовлетворенія финансистовъ и честолюбивыхъ политикановъ?.. И этого-то ты желаешь родинѣ? Знай, что за жизнь человѣческую нельзя заплатить ни натурой, ни кредитными билетами, и стоитъ она болѣе всѣхъ міровыхъ завоеваній.

Г-нъ дю-Сосье горько усмѣхнулся. Море бѣлыхъ блузъ, до сихъ поръ молчаливое, теперь рокотало, какъ въ бурю. Кулаки поднимались, рты искривлялись, и поручикъ чувствовалъ, что его лошадь подъ нимъ дрожитъ и слабѣетъ... Но онъ былъ изъ породы незнающихъ страха, и потому величественно приподнялся и загремѣлъ во весь голосъ:

— Достовѣрно извѣстно, что въ наше время только и видишь, что трусовъ и подлецовъ. Ну же, сознайтесь, не стыдясь, что вы боитесь войны! Подъ лицемѣрнымъ покровомъ новыхъ идей, гуманитаризма и „интеллигентности“, прячутся, какъ отвратительные хищные звѣри, низменныя побужденія, трусливая злоба, вся жадная и прожорливая хитрость собакъ, ворующихъ на поляхъ сраженій. Вы—противъ войны, противъ дуэли—во имя царственнаго Разума — дуэль, молъ, пережитокъ первобытнаго убійства... Ну, есть ли что-нибудь прекраснѣе, даже съ точки зрѣнія философіи,—той философіи, на которую вы ссылаетесь такъ часто,—какъ не это великолѣпное доказательство безсмертной и созидающей дѣятельности, какъ не эта борьба подъ небеснымъ сводомъ, дикая и безпощадная, бросающая другъ на друга двухъ людей или двѣ націи во имя торжества ихъ воли?! Къ тому же одинъ изъ тѣхъ учителей, которымъ вы такъ рабски поклоняетесь, вашъ интернаціональный Мирабо,—развѣ онъ не слилъ воедино, не прославилъ убійство и любовь? Убійство и любовь—

оба вѣчные, плодоносящіе, щедрые, все возобновляющіе? Я не думаю, о, мыслители, чтобы у васъ были болѣе доказательные доводы, ибо вы сами сознаетесь, въ концѣ вашихъ споровъ, что существуютъ лишь поводы вѣрить (des raisons de croire) и никакихъ доказательствъ. Итакъ—?!!...

— Ахъ, ты, несчастный упрямецъ! гордецъ! зловредный слѣпецъ!—воскликнулъ Лагру.—Такъ знай же, что ты самъ этого хотѣлъ, да и въ писаніи сказано, что истину можно заставить восторжествовать лишь силой!.. Впередъ, товарищи!..

Въ одно мгновенье ока поручика окружили, оглушили ударами, пронзили; онъ почувствовалъ, что его поднимаютъ на пики, подбрасываютъ и разбиваютъ тысячи тысячъ бѣшеныхъ кулаковъ...

— Фуй, какой отвратительный сонъ! — съ этими словами, разбуженный денщикомъ, Сосье просыпается...

Проснувшись, онъ испытываетъ лишь смутное отвращеніе, которое выражается тѣмъ, что когда онъ въ то утро, уже не во снѣ, а на яву, выѣзжаетъ на проѣздку своей Даміэтты, то сквозь зубы безсознательно цѣдитъ: „канальи, разбойники!“—по адресу всѣхъ соціалистовъ и забастовщиковъ въ мірѣ. Это міровоззрѣніе просто, и его не тревожатъ никакія сомнѣнія.

Но Бартоломэ, Беппъ, подполковникъ Феръ, Ликсъ, а съ ними и авторъ, вовсе не такъ просто смотрятъ на дѣло. И потому, хотя кое-какія мысли и замѣчанія, высказываемыя то отъ имени Бартоломэ, то отъ собственнаго, и напоминаютъ временами Куприна, Бейерлейна или Бильзе, но въ общей идеѣ романа—сходства никакого. И наши, и нѣмецкіе авторы ограничиваются тѣмъ, что почти огульно осуждаютъ весь военный бытъ и порядки,—и впечатлѣніе послѣ ихъ произведеній остается у читателя приблизительно такое: „И на что существуетъ такое зловредное и безполезное учрежденіе, какъ армія,—это собраніе грубыхъ тунеядцевъ, казнокрадовъ или бурбоновъ, бездѣльниковъ или тупыхъ машинъ, отдѣленныхъ отъ всѣхъ остальныхъ согражданъ двойной китайской стѣной предразсудковъ и идіотской дисциплины? Весь этотъ военный міръ — это нѣчто ненужное и анормальное, а потому правы тѣ, кто антимилитаристъ, кто радуется расшатанію всѣхъ этихъ „дисциплинъ“ и проповѣдуетъ либо уничтоженіе постоянной арміи, либо, по меньшей мѣрѣ, уничтоженіе всякихъ спеціально-военныхъ законовъ, военныхъ ограниченій и спеціально-военныхъ порядковъ“... Но авторъ „*Sabres de bois*“, вмѣсто того, чтобы съ огульнымъ осужденіемъ изображать весь 169-ый полкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все военное, всю военную службу,—явно подчеркиваетъ свои, какъ и всѣхъ, даже

самыхъ безалаберныхъ, офицеровъ,—симпатіи и уваженіе къ такому, напр., серьезному, безукоризненному служакѣ, какъ подполковникъ Гамарель. Значитъ, авторъ признаетъ вмѣстѣ, что военное дѣло любить можно и должно; значитъ, онъ признаетъ и „военныя добродѣтели"; значитъ, считаетъ, что военная служба не есть нѣчто только зловредное, какая-то сплошная „ошибка" и „ненужность". Авторъ на этотъ счетъ опять мнѣнія вполнѣ опредѣленнаго.

Для того, чтобы быть хорошимъ военнымъ—не опереточнымъ „Эдуаромъ" или кѣмъ-нибудь изъ его офицеровъ — требуется нѣчто иное, чѣмъ быть просто веселымъ малымъ, или даже просто хорошимъ и добрымъ гражданиномъ. Существуютъ извѣстныя „военныя" добродѣтели. Добродѣтели эти, можетъ быть, развиваются въ ущербъ многому; можетъ быть, военнымъ приходится быть односторонними или даже „уродливыми" въ своей „особенности", — но иначе нельзя. Быть военнымъ въ мирное время—это для человѣка рядъ лишеній, ненужныхъ жертвъ человѣческими интересами; человѣческія способности его часто пропадаютъ или глохнутъ. Но безъ войнъ человѣчество еще не обходится. Теперь еще не настало время, грезящееся баронессѣ фонъ Зутнеръ; до всеобщаго мира далеко. Пока еще остается въ силѣ: Si vis pacem—не портсмутскаго, а нѣсколько получше,—то—para bellum. Какъ же рѣшить эту проблему: войско въ мирное время портится и портитъ, но безъ войска въ мирное время обойтись еще нельзя, и безъ войска хорошаго, настоящаго, а не похожаго на гарнизонъ Фенуйль-анъ-Везленъ? Мы видѣли, что молодой Брегё рѣшаетъ эту дилемму по-подпоручичьи, просто: уѣзжаетъ на Востокъ. Другіе офицеры, серьезные и тоже порядочные, какъ уже упомянутые Беппъ, Феръ и Ликсъ, — только ставятъ себѣ вопросъ, указываютъ на его серьезность, но не разрѣшаютъ его.

...— Ахъ, эта политика, эта грязная политика! — говоритъ маленькій капитанъ Ликсъ, южанинъ, до смѣшного похожій лицомъ на Наполеона I.—Какое-нибудь внезапное рѣшеніе, жгучее воспоминаніе объ обидахъ, перенесенныхъ отъ богатыхъ или знатныхъ товарищей, жестокая рана, нанесенная вашему самолюбію какимъ-нибудь аристократомъ-начальникомъ изъ преступнаго высокомѣрія—все это въ одинъ прекрасный день толкнетъ васъ къ химерическимъ новымъ вѣрованіямъ: соціализму, утрированному демократизму, всеобщей нивеллировкѣ, и т. д., и т. д. Все надѣешься найти въ нихъ утѣшеніе и возмездіе за свои обиды, нравственную поддержку среди своего одиночества и

бѣдности, — а не замедлишь увидѣть, что все это, въ концѣ концовъ, прикрываетъ лишь борьбу личныхъ интересовъ и прозаически зовется „политикой". Мало-по-малу, если не остеречься, доходишь до того, что компрометтируешься со всѣми этими пѣнкоснимателями (écumeurs), которые профессіонально эксплуатируютъ искреннихъ и увѣровавшихъ людей. Неспособные честолюбцы, карьеристы (avancitards)—„ловцы чиновъ", такъ мы ихъ зовемъ, — они основываются не столько на своихъ заслугахъ, сколько на своихъ вліяніяхъ, и исподтишка мечтаютъ стибрить (chiper) мѣсто сосѣда. Ахъ, какъ я во всемъ этомъ разочаровался!

Беппъ замѣтилъ: — Но „производство" (l'avancité) — это грибокъ, подтачивающій и убивающій армію.

Подполковникъ Феръ поднялъ свои свѣтлые глаза и сказалъ отчетливо:

— „Производство" (не по линіи) — это военное слѣдствіе мира. Всякое бездѣятельное оружіе ржавѣетъ, всякое ружье, какъ его ни смазывать, грязнится и портится въ концѣ концовъ. Что же сказать объ арміи, составленной изъ избранныхъ дѣятельностей (activités), которая, вотъ уже 35 лѣтъ, какъ машина безъ пара, лежитъ—ненужная, умаленная, въ монотонной узости гарнизонной жизни? Благородныя стремленія—мельчаютъ, высокія и необходимыя для величія нашего немного дикаго ремесла качества — ослабѣваютъ, и даже тотъ немного суровый складъ ума, который надо поддерживать у профессіональнаго воина, и онъ пропадаетъ мало-по-малу, теряя точку примѣненія — войну. Вы правильно говорите, Ликсъ: къ сожалѣнію, воинъ—человѣкъ, и если онъ хоть сколько-нибудь соприкоснется со штатскими честолюбіями, со всеобщей гоньбой за успѣхомъ (l'arrivisme), если онъ увидитъ внезапныя обогащенія, показную роскошь, всемогущество денегъ, и если онъ почувствуетъ, что его мучаетъ жгучая жажда наслажденій,—тогда профессіональный воинъ, офицеръ, почувствуетъ, что онъ—въ низкомъ общественномъ положеніи. Уставъ и ливрея его жмутъ; долгъ, честь — жестокія и эгоистическія слова — мѣшаютъ ему пускать въ ходъ обычныя средства къ обогащенію... Жалованье его — это одна насмѣшка по сравненію съ тѣми потребностями, которыя его соблазняютъ... Тогда-то, раздраженный всѣми этими вліяніями, загипнотизированный вызывающими улыбками этой развратницы „политики", профессіональный воинъ, доходитъ до того, что начинаетъ безумно надѣяться на незаконныя льготы, на лучшее, но безчестное положеніе. И вотъ тотъ неврозъ, которымъ мы болѣемъ—„про-

изводство не по закону“—младшая жалкая сестра великаго всемірнаго арривизма—родилось на свѣтъ.

Подполковникъ Феръ замолчалъ. Онъ выпустилъ два раза дымъ, затянулся и задумался. Ликсъ замѣтилъ:

— Да, конечно, постыдно видѣть такихъ Врануа (Эдуаръ), честолюбивыхъ флюгарокъ, ухаживающихъ за людьми, ими же презираемыми, и разсчитывающихъ на вліяніе тѣхъ, главный двигательный нервъ дѣйствій которыхъ заключается именно въ ихъ ненависти къ арміи... или же такихъ нахаловъ Багарровъ, которые такъ поступаютъ потому лишь, что между двухъ рюмокъ абсенту въ кафе́ познакомились съ какимъ-нибудь политиканомъ, или наконецъ такую колбасу, какъ Жюль, не знающую, куда она идетъ и зачѣмъ. Среди насъ нѣтъ болѣе достоинства—это фактъ.

Феръ живо подхватилъ: — Вы еще забываете всѣхъ тѣхъ, кто при случаѣ заигрываетъ съ „вольными“,—съ франмасонами или іезуитами, съ мясниками или аристократами, могущими быть имъ „полезными“, и кто пятнаетъ свой мундиръ разными низкими услугами, точно продажныя женщины. — Феръ понизилъ голосъ и прибавилъ: — Я уже не говорю о тѣхъ несчастныхъ, которые получаютъ изъ секретныхъ фондовъ постыдную плату за свое шпіонство. И таковы-то результаты мира! О, горе!

Прошли два гусара (дѣло происходитъ въ общегарнизонномъ военномъ клубѣ), продолжавшіе разговоръ; одинъ сказалъ:

— Ты только-что вернулся съ забастовки въ Сенъ-Жюстиньенѣ? Ну что, не очень-то забавно?

— Нѣтъ, „не гораздо“ (Non, pas très).

— Кажется, было довольно много кутерьмы (grabuge)?

— Ужъ и не говори! До чего приходилось быть насторожѣ и ловкимъ! Послушать бы нашихъ рядовыхъ, такъ вышло бы хорошее дѣльце! Они всѣ хотѣли стрѣлять,—просто умора! Ужъ могу тебѣ поклясться чѣмъ угодно, что я-то разрѣшилъ бы имъ дѣйствовать!... Ахъ, какія свиньи—эти подлые стачечники!..

Ликсъ сказалъ: — Слышите, господинъ подполковникъ? Вотъ на кого натравливаютъ теперь нашу незанятую активность. Стачки, бунты, гражданская война... и вѣдь гусару это, повидимому, кажется естественнымъ...

Феръ прервалъ его со смѣхомъ: — Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда надо выступать противъ конгрегацій...

Ликсъ вновь заговорилъ: — Вы видите, его аристократизмъ спокойно допускаетъ дубасить (cogner) простонародье. И даже рядовые, въ глубинѣ своей простой и доброй солдатской совѣсти, полагаютъ, что они исполняютъ правое дѣло и вкладываютъ въ

это всю свою душу французскаго воина. Господи Боже мой, бываютъ минуты, когда я спрашиваю себя, не является ли военный человѣкъ аномаліей, чудовищемъ?

Феръ сдѣлалъ жестъ полнаго безсилія и сказалъ:

— О, да! Это само собою. Съ философской точки зрѣнія мы чудовища, но чудовища необходимыя. Солдатъ есть и долженъ быть на войнѣ хищнымъ звѣремъ, смѣлымъ, хитрымъ и безжалостнымъ. Но мы должны съ отвращеніемъ смотрѣть на гражданскую войну, лицемѣрную, какъ та политика, которая ее провозглашаетъ, и въ которой насъ заставляютъ играть такую скверную роль... Между тѣмъ, не на то мы созданы: нація — та знаетъ, на что мы предназначены судьбой.

Беппъ медленно возразилъ:—Нашъ ненормальный на войнѣ умственный складъ долженъ былъ бы быть нормальнымъ въ мирное время. Но, несмотря ни на что, военный умъ всегда будетъ особымъ. Это зависитъ отъ его воспитанія, отъ той исключительной тренировки, которою его подготовляютъ къ войнѣ, отъ его мундира и среды.

Феръ воскликнулъ:—Эхъ, чортъ возьми, мы вѣдь не члены „Союза Мира“ и не гуманитаристы, и наше ремесло въ томъ и заключается, чтобы быть противниками всего этого. А это-то намъ и ставятъ въ упрекъ? Того не хватало! Уничтожьте войну— сразу военщина и военный складъ ума исчезнутъ.—Потомъ съ жаромъ и очень серьезно онъ прибавилъ:—Все это лишь химеры: всегда были войны и всегда онѣ будутъ! И самое большое счастье, какое можетъ себѣ пожелать солдатъ, такъ это—война!

Наступило долгое молчаніе. Слышны были только восклицанія игроковъ да звонъ блюдечекъ. Капитанъ Беппъ поднялъ голову и сказалъ:—Вѣчный миръ и общественная нивеллировка — это двѣ химеры. Человѣкъ долженъ стремиться къ тому и другому, но никогда не надѣяться достичь цѣли... Война,—чѣмъ мы интересуемся,—эта крайняя форма мировой дѣятельности, является одной изъ неискоренимыхъ и всегда присущихъ потенцій: милитаризмъ измѣнится, но не исчезнетъ, какъ и война. Вотъ къ этому заколдованному кругу приходятъ и всѣ тончайшіе мыслители...

Ликсъ отвѣтилъ на это:—Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что армія должна быть прежде всего орудіемъ предупрежденія, и что надо многое обдумать всякій разъ, прежде чѣмъ пускать его въ ходъ.

Феръ живо запротестовалъ: — Простите, но вѣдь если это орудіе думающее, живущее, требующее дѣятельности, ну—при-

мѣненія, — ему надо дѣйствовать во что бы то ни стало, или приходится умирать!.. Но я часто думаю о чемъ-то совсѣмъ иномъ, чѣмъ политика... — Онъ какъ будто унесся въ какой-то великій міръ воспоминаній, потомъ продолжалъ:—Я десять лѣтъ пробылъ въ Китаѣ и Тонкинѣ. Ну такъ, когда я подумаю о томъ, что я тамъ видѣлъ, — я содрогаюсь... Не думаете ли вы, что когда 5 или 6 милліардовъ людей этой умной и сильной своею неискоренимой ненавистью къ европейцамъ расы будутъ готовы, обучены и вооружены,— что тогда не наступитъ минута почистить отъ ржавчины наши сабли и ружья, оксидировавшіяся, благодаря миру? Чего ждутъ, а не посылаютъ насъ туда массами? и почему не расцентрализируютъ такимъ образомъ эту армію, которая плеснѣетъ во Франціи; и почему не разбудятъ ее соприкосновеніемъ съ этими умными и честолюбивыми желтолицыми? Мѣста хватитъ и въ Китаѣ, и въ Японіи. Разъ въ Европѣ нѣтъ опасности, тогда всѣ наши колоніи, а особенно тамошнія, достаточно обширны, чтобы вмѣстить всѣ мизерныя мечтанія всѣхъ нашихъ карьеристовъ...

Какъ видно изъ романа, и самые вдумчивые офицеры 169-го полка не находятъ разрѣшенія тяжелаго вопроса. И когда читатель откладываетъ въ сторону „забавную“ книгу Гюэ, онъ тоже скажетъ себѣ: „Да! это не такъ просто; и если неправы господа военные, вродѣ дю-Сосье, сознательно закрывающіе глаза на все, происходящее кругомъ военныхъ, на всю не-военную жизнь, и такъ близоруко и узко, такъ безумно относящіеся къ происходящему перевороту, — то такъ же, пожалуй, неправы и всѣ тѣ господа штатскіе, которые съ самаго начала нашей злосчастной войны не переставали говорить о всѣхъ ошибкахъ, погрѣшностяхъ и преступленіяхъ на войнѣ, и которые теперь, во время нашей внутренней войны, еще громче говорятъ о томъ же. Но нельзя быть такимъ тупымъ и глухимъ, исключительно-военнымъ, какъ дю-Сосье; нельзя смѣшивать военную службу съ популярничаньемъ у населенія и потаканіемъ политическимъ тенденціямъ „избирателей“ и „правителей“, какъ поступаетъ *не-военный* военный Эдуаръ... Съ другой стороны, безукоризненно и серьезно служить, какъ Гамарель, не приноравливающійся къ легитимистскимъ взглядамъ высшихъ военныхъ сферъ, не ищущій популярности и у штатскихъ правителей, и у гг. депутатовъ,— это значитъ опять по донъ-кихотски, во имя идеала, навѣки заранѣе отказаться отъ всякой карьеры и даже отъ возможности занять современемъ мѣсто начальника отдѣльной части, — гдѣ именно такіе люди и нужны,—вмѣсто негодныхъ Эдуаровъ, чван-

ныхъ Табеліоновъ и пьяницъ Реденбаховъ... Невыносимо тяжело думающимъ людямъ, какъ Беппъ, Феръ или Бартоломэ, тянуть ненужную военную лямку въ мирное время — и въ то же время сознавать, что армія еще необходима, и что нельзя ей не быть всегда наготовѣ.

— Какъ же быть? Какъ рѣшить эти эдиповскіе вопросы?..— Вотъ на какія мысли можетъ наводить книжка Гюэ, и потому, повторяемъ, она производитъ, при всей своей кажущейся легкости и „забавности“, гораздо болѣе серьезное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ тѣ произведенія „изъ военнаго быта“, о которыхъ такъ много (и часто не по заслугамъ) толковали и у насъ, и въ Германіи.

В. С.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛЬСКІЙ РОМАНЪ

ОЧЕРКЪ

Окончаніе.

VIII [1]).

Рѣшительнымъ борцомъ за свободу искусства и свободу личности отъ службы утилитарной, отъ тенденціознаго реализма, который пытался собирать „человѣческіе документы", какъ матеріалы для опытной соціологіи, стремящейся къ обезпеченію за человѣчествомъ возможно большей суммы благъ, въ новѣйшей польской литературѣ является—Пржибышевскій. Выступилъ онъ сперва какъ писатель нѣмецкій, примкнувшій къ группѣ „модернистовъ", въ первой половинѣ 90-хъ годовъ, когда онъ жилъ въ Берлинѣ.

Свобода искусства, разумѣется, вовсе не означаетъ у него свободу отъ опредѣленной идеи и даже цѣли. Нѣтъ, искусство должно быть свободно только отъ подчиненности такимъ цѣлямъ, которыя не истекаютъ изъ его природы. Какое дѣло художнику хотя бы до блага всего человѣчества? Развѣ сытость человѣчества, которая способствовала бы возможно большему его размноженію, представляетъ нѣчто художественное и можетъ быть цѣлью искусства?

Скорѣе же — совсѣмъ наоборотъ. Художнику свойственнѣе

---

[1]) См. іюнь, стр. 581.

видѣть въ человѣчествѣ сѣрую толпу, нѣчто грубое, вульгарное, противное его инстинктамъ. И неужели онъ долженъ быть рабомъ этой черни или ея забавникомъ? Ему совсѣмъ нѣтъ дѣла до ея пользъ въ настоящемъ и до ея будущности. Художникъ-мыслитель, это—избранникъ: ему свойственнѣе видѣть въ толпѣ только матеріалъ, изъ котораго можетъ современемъ выработаться нѣчто болѣе сознательное, болѣе утонченное и болѣе красивое.

Это пренебреженіе къ толпѣ, къ человѣческой черни и ко всякимъ кодексамъ, которыми она старалась обезопасить себя и упрочить свое стадное благополучіе, логически ведетъ къ оправданію полнаго произвола людей высшаго порядка, натуръ сильныхъ, одаренныхъ способностями исключительными. Весь смыслъ существующаго—въ нихъ однихъ, и истинное призваніе человѣческой массы — единственно въ томъ, чтобы изъ нея выдѣлять геніальныя личности, которыя могутъ распоряжаться человѣчествомъ, какъ матеріаломъ для выработки новой, болѣе осмысленной, болѣе сильной и идейно-одухотворенной расы.

Но въ этомъ взглядѣ нѣтъ ничего оригинальнаго, онъ заимствованъ прямо у Ницше. А огромное вліяніе Ницше въ современной литературѣ объясняется не одной новизной его взгляда, не однимъ его страстнымъ, неудержимымъ темпераментомъ и не только обаяніемъ его остроумной критики и его блестящаго, порывистаго стиля. Вліяніе и наиболѣе существенное значеніе Ницше, скорѣе геніальнаго памфлетиста, чѣмъ философа, исходило изъ того, что ощущалась потребность въ реакціи противъ безусловнаго господства позитивизма, который считалъ себя „послѣднимъ словомъ“ философіи, соціологіи и этики, все объяснялъ и классификовалъ въ стройную безусловную систему, не оставивъ ни уголка, гдѣ могла бы пріютиться фантазія, все свелъ къ утилитарности, общему благу, и даже для самопожертвованія придумалъ утилитарный терминъ — коллективнаго эгоизма или альтруизма.

Это была нѣкая всеобъемлющая казарма для механическаго производства мѣщанскаго благополучія. Но именно потому, что она представлялась всеобъемлющей и безвыходной, она въ концѣ должна была показаться тюрьмой. И вдругъ, явился мыслитель, который сказалъ: „Да какое мнѣ дѣло до благополучія этого стада? Мнѣ личное право и личная, моя собственная идея гораздо дороже, чѣмъ снабженіе ситцемъ готентотовъ, которыхъ я совсѣмъ не знаю. Пусть это снабженіе полезно для самихъ чернокожихъ и, въ особенности, для европейскихъ промышлен-

никовъ, но я такую пользу не могу принять за высшій идеалъ своей души".—И вотъ, этотъ мыслитель потребовалъ переоцѣнки мѣщанскихъ и промышленныхъ цѣнностей, а стадной неволѣ онъ противопоставилъ безусловную свободу личности.

Конечно, это путь скользкій. Но необходимо было потрясти филистерское самодовольство и прекраснодушіе всезнающаго, все опредѣлившаго позитивизма. Художественная литература во всякомъ случаѣ не могла надолго оставаться подъ указкой утилитарности. Для нея такая теорія, которая все окончательно объяснила и установила законы навсегда, создавала самую неблагодарную почву, устраняя все таинственное и подрѣзывая крылья воображенію. То ли дѣло было при старинномъ романтизмѣ!

А что начало безусловной свободы личности раскрыло передъ литературой путь скользкій, это доказывается тѣми странностями, отчасти даже чудовищностями, въ которыя впали нѣкоторые писатели въ силу настоящей революціи, какую Ницше произвелъ именно въ области литературы, гораздо болѣе, чѣмъ въ области научныхъ философскихъ построеній. Такъ, одинъ изъ героевъ Пржибышевскаго, на вопросъ, къ какому воззрѣнію или какой партіи онъ принадлежитъ, отвѣчаетъ:—„Я — только я; я исповѣдую себя самого". Это мнѣ напоминаетъ слышанный отъ Тургенева разсказъ о человѣкѣ, который обратился къ нему въ Парижѣ за помощью, но работать не хотѣлъ. Тургеневъ поинтересовался, къ какимъ „истамъ" этотъ человѣкъ причислялъ себя для отрицанія труда. „Я—самистъ", самоувѣренно отвѣтилъ ему вопрошаемый.

Вотъ и герой Пржибышевскаго говоритъ о себѣ совершенно то же самое. Да и всѣ главные герои этого автора могли бы сказать примѣрно одно и то же, такъ какъ они, въ сущности, всѣ сводятся на одинъ типъ — „самистовъ". А это обстоятельство, само по себѣ, характерно именно у такого писателя, который исходитъ изъ идеи крайней, самодовлѣющей индивидуальности. Оказывается, что индивидуальная-то особность, типичная своеобразность и выступаетъ у Пржибышевскаго слабо. Его сверхчеловѣки представляютъ одинъ и тотъ же типъ чувственнаго самодура, который все и всѣхъ приноситъ въ жертву своей похоти или даже прихоти. Похоти—главнымъ образомъ; а прихоти—потому, что на этого самодура находитъ иногда прихоть играть въ анархисты, вовсе не изъ убѣжденія,—потому что онъ „плюетъ на всѣ ваши партіи и убѣжденія",—а по такой причинѣ, что онъ все ненавидитъ и разрушеніе ему нравится само

по себѣ. Такимъ образомъ, этотъ типъ, въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, представляетъ собой скорѣе поставленную на ходули пропись, чѣмъ живого человѣка, который немыслимъ безъ свойствъ разнообразныхъ, случайныхъ и не можетъ вѣчно только служить намѣреніямъ автора.

Что сверхчеловѣки Пржибышевскаго писаны какъ бы съ одного оригинала—это зависѣло отчасти отъ слишкомъ доктринерскаго пониманія имъ искусства. Но вѣдь и самое пониманіе искусства опредѣляется болѣе или менѣе тѣми силами или тѣмъ недостаткомъ силъ, какіе сознаетъ въ себѣ художникъ. А нельзя сказать, чтобы у Пржибышевскаго была очень интенсивна главная, существеннѣйшая сила художника — сила творческая. Въ гораздо большей степени онъ обладаетъ силой анализа и критики. Вотъ почему и опредѣленіе, какое онъ даетъ искусству, слишкомъ доктринерно и тѣсно, и исполненіе автора довольно слабо по степени художественной интуиціи. А если примѣнить къ его романамъ термины, заимствованные изъ другихъ искусствъ, то можно сказать, что краски его болѣе кричащи, чѣмъ ярки и реальны.

Но теперь приведемъ нѣсколько строкъ изъ его „Confiteor", въ которыхъ имъ дается опредѣленіе искусства. „Искусство есть воспроизведеніе того, что̀ вѣчно, независимо отъ всякихъ перемѣнъ и случайностей, а также отъ времени и пространства, а стало быть — воспроизведеніе человѣческой сущности (istności), т.-е. души—во всѣхъ ея проявленіяхъ, каковы бы они ни были, добрыя или злыя, прекрасныя или скверныя... Искусство не имѣетъ цѣли, оно само служитъ себѣ цѣлью, оно — абсолютъ, такъ какъ оно является отраженіемъ абсолюта—души... Не признаетъ никакихъ законовъ, ни нравственныхъ, ни общественныхъ, и никакихъ компромиссовъ... Искусство тенденціозное, поучающее, искусство-забава, искусство-патріотизмъ, искусство, имѣющее какую-либо цѣль, нравственную или общественную,—перестаетъ быть искусствомъ... Начальной основой такъ называемаго „новаго" искусства и всѣхъ въ немъ теченій служитъ понятіе о душѣ, какъ личной силѣ (мощи), о душѣ, шествующей отъ одной вѣчности къ другой, душѣ, которая въ извѣстные моменты, принуждаемая къ тому неизвѣстнымъ могуществомъ, является на землю, потомъ возвращается въ лоно вѣчности и опять воплощается (на землѣ)... Да, за тѣснымъ кружкомъ сознательныхъ состояній нашего „я", существуетъ еще цѣлый внутренній океанъ, море тайны и загадокъ... Но рѣдко, рѣдко глубь эта раскрывается предъ взоромъ человѣка; взоръ

его обычно только скользитъ по тонкому ледяному слою, подъ которымъ покоится мистическое *mare tenebrarum*“...

Эти послѣднія строки указываютъ на другой, кромѣ Ницше, образецъ или мыслительный источникъ Пржибышевскаго, а именно, на Метерлинка. „Mare tenebrarum“ прямо заимствовано у него, и польскій авторъ почти дословно повторяетъ о тѣхъ „прихотливыхъ буряхъ“, какія „бушуютъ“ на этомъ таинственномъ внутреннемъ морѣ. Та же мысль выражается однимъ изъ дѣйствующихъ у Пржибышевскаго лицъ въ аллегоріи пяти пальцевъ руки, которые мы видимъ, но между которыми есть цѣлое множество явленій незримыхъ.

Итакъ, цѣлью искусства является изслѣдованіе всѣхъ движеній и проявленій души для познанія ея, какъ сущности человѣка, живущей въ вѣчности и только по временамъ воплощающейся на землѣ. Однако, сбрасывая съ себя земной покровъ, душа не оставляетъ на землѣ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ каждаго земного бытія, но хранитъ ихъ въ себѣ. Пережитыя радости, разочарованія и страданія она уноситъ съ собою, и они модифицируютъ, усложняютъ ее. Такимъ образомъ, при общеніи людей между собою, на отношенія между ними, на драму каждой жизни вліяютъ не одни впечатлѣнія, испытанныя съ рожденія, но и накопившіяся впечатлѣнія, вынесенныя изъ каждаго предшествующаго бытія. И вотъ эти-то, не поддающіяся нашему сознанію, впечатлѣнія минувшихъ фазъ земной жизни и являются существенной частью того mare tenebrarum, которое находится въ насъ.

Итакъ, цѣлью искусства, по Пржибышевскому, является познаніе души, какъ абсолюта, души въ ея полнотѣ, такъ сказать, органической, но освобожденной отъ всѣхъ внѣшнихъ, случайныхъ, временныхъ вліяній даннаго существованія, настоящей фазы земного бытія. Это и есть, провозглашаемая Пржибышевскимъ, „теорія нагой души“, то-есть души, съ которой весь налетъ случайный совлеченъ синтезомъ, истекающимъ изъ наблюденія всѣхъ проявленій ея чувствъ. Итакъ, если герои этого автора являются сверхчеловѣками, не признающими существующихъ законовъ нравственныхъ и общественныхъ, чуждыми любви къ человѣчеству въ данномъ его видѣ и всякой мысли о его благополучіи, то это не потому, чтобы авторъ намѣренъ былъ воспроизводить въ лицахъ сверхчеловѣковъ Ницше, или чтобы онъ мечталъ о появленіи въ будущемъ болѣе идеальной расы людей.

Нѣтъ, всѣ эти свойства истекаютъ просто изъ того, что душѣ, прошедшей и имѣющей еще проходить разныя фазы земного бытія, все это представляется временнымъ, условнымъ и

незаслуживающимъ вниманія. Вотъ почему герои этого автора „плюютъ“ на всѣ наши законы, партіи, убѣжденія и на самую судьбу ходящихъ по землѣ бренныхъ тѣлесъ. Герои эти всегда несчастливы, въ силу того „предопредѣленія“, что въ нихъ бушуетъ темное море, которое не поддается сознанію, но препятствуетъ удовлетвореніямъ какими бы то ни было условіями или впечатлѣніями даннаго, временнаго бытія. По той же причинѣ они такъ склонны къ ненависти и къ разрушенію.

Но это еще далеко не вся теорія Пржибышевскаго. Однако, прежде чѣмъ пойдемъ далѣе, отмѣтимъ, что самый взглядъ его на призваніе искусства вѣрнѣе было бы назвать теоріею искусственности и произвольности. Это уже не есть свобода искусства, а скорѣе регламентація его по произволу художника, который сознаетъ въ себѣ одну только силу — анализа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и недостатокъ силы художественнаго творчества, и недостающее ему пробуетъ отвергнуть теоріею, какъ ненужное, даже какъ недостойное будто бы искусства.

Произвольное ограниченіе открытаго для искусства поля еще усиливается такимъ положеніемъ автора, что для изслѣдованія и познанія сущности души слѣдуетъ наблюдать ее преимущественно въ отношеніяхъ между полами. Какъ въ средніе вѣка человѣческая душа проявлялась вполнѣ только въ жизни религіозной, такъ въ наше время она проявляется только въ отношеніяхъ между полами. Итакъ, изслѣдованіе чистой или нагой человѣческой души, свободной отъ всякихъ внѣшнихъ налетовъ, неожиданно сводится къ преслѣдованію въ области, до нѣкоторой степени общей человѣку съ животными.

И эта-то именно черта, или эта особенность, составляетъ сущность всего личнаго психологическаго и эстетическаго багажа Пржибышевскаго. Остальное — многократныя воплощенія души (Ницше), сверхчеловѣки (его же), mare tenebrarum (Метерлинка, или хотя бы Шекспировскій „there are more things in heaven and earth“ (есть въ небѣ и на землѣ болѣе того, о чемъ мечтаетъ ваша философія), искусство какъ собственная цѣль, осужденіе поучительной задачи и тенденціозности — все это придумано не Пржибышевскимъ. Да, наконецъ, и самая чувственность, эротическій характеръ искусства имѣли многочисленныхъ представителей и въ древности, и въ новѣйшія времена. Спеціально же Пржибышевскому принадлежитъ возведеніе чувственности изъ артистическаго направленія, какъ простого аматорства, на степень высшей, философской задачи искусства, какъ изслѣдованія человѣческой души въ ея интимнѣйшихъ проявленіяхъ.

На этой мнимо философской задачѣ, а вѣрнѣе сказать причудѣ Пржибышевскаго, мы долѣе останавливаться не будемъ. Прибавимъ только, что, по его представленію, источникомъ творчества, бытія, является именно похоть, а взаимное влеченіе двухъ половъ есть стремленіе къ возсоединенію двухъ разрозненныхъ элементовъ первобытнаго единства. Но взаимное это влеченіе сопровождается борьбою, любовь—ненавистью, и женщина является главной причиной несчастій мужчины.

Этой своеобразной доктринѣ, а скорѣе — миѳологіи, нельзя отказать, если не въ законченности, то въ нѣкоторой закругленности. Но именно это-то доктринерство и повредило бы литературному творчеству всякаго иного писателя, который согласился бы усвоить себѣ задачу искусства, какъ ее опредѣляетъ Пржибышевскій. Такое доктринерство обезличило бы выводимыя фигуры, лишило бы ихъ жизненной правды и жизненнаго разнообразія, обратило бы ихъ въ манекены, приводимые въ движеніе нитками, сходящимися въ рукахъ автора, или въ граммофоны, передающіе авторскіе напѣвы, однимъ словомъ—отмѣтило бы все творчество чертою искусственности и холодности, несмотря на всѣ усилія автора придать движеніямъ особую порывистость, а словамъ—крайнюю страстность.

Это же оправдалось уже и на произведеніяхъ самого изобрѣтателя доктрины объ изслѣдованіи „нагой души". Но тутъ позволительна догадка, что и самая-то теорія придумана имъ, чтобы замаскировать недостатокъ собственной его художественно-творческой силы. Такъ, чѣмъ слабѣе мелодическая изобрѣтательность композитора, тѣмъ рѣшительнѣе онъ осужденъ на усложненный контрапунктизмъ, а неувѣренный въ себѣ рисовальщикъ бросается въ декадентство или въ символизмъ, маскируя слабость рисунка яркостью и расплывчатостью красокъ.

IX.

Приведемъ теперь примѣры. Трилогія „Homo Sapiens" [1]) представляетъ намъ человѣка, который, любя одну женщину, въ первомъ томѣ отбиваетъ другую женщину у сердечнаго своего друга, кончающаго самоубійствомъ; во второмъ томѣ занятъ исключительно тѣмъ, чтобы овладѣть невинной, полюбившей его дѣвушкой, хотя самъ продолжаетъ любить увезенную имъ не-

[1]) „Homo Sapiens"; „Na rozstaju"; „Po Drodze"; „W Malstromie". 1901.

вѣсту пріятеля, и не только овладѣть жертвой, но именно — „уничтожить“ ее. И, дѣйствительно, она топится. Наконецъ, въ третьемъ томѣ, онъ продолжаетъ отношенія съ первой изъ упомянутыхъ женщинъ, но смертельно боится, чтобы объ этомъ не узнала его жена, такъ какъ сознаетъ, что въ дѣйствительности любилъ и любитъ только ее, и что если она его броситъ, онъ долженъ будетъ умереть.

Жена его покидаетъ. Но это нисколько не влечетъ за собой смерти „рокового“ человѣка. На послѣднихъ страницахъ мы видимъ его, ищущаго утѣшенія у любящей его анархистки, съ которой онъ собирается ѣхать. Послѣднія слова его: „vive l'humanité!“ — хотя онъ ненавидитъ человѣчество и всѣ дѣла его. Онъ даетъ деньги на пропаганду, и вмѣстѣ съ тѣмъ „плюетъ“ на нее. Пріятель сообщаетъ ему, что намѣренъ сейчасъ застрѣлиться, и спрашиваетъ — вѣритъ ли онъ въ безсмертіе души? Отвѣтъ утвердительный, но вслѣдъ за нимъ прибавка: — „впрочемъ и не вѣрю; я ни во что не вѣрю“.—Эта бесѣда съ рѣшившимся умереть пріятелемъ, который любилъ его, поклонялся ему, считалъ его богомъ, интересна тѣмъ, что роковой человѣкъ поддерживаетъ ее главнымъ образомъ изъ любопытства, допрашиваетъ будущаго самоубійцу, какъ онъ себѣ представляетъ впечатлѣнія смерти, и слѣдитъ за всякой перемѣной въ его лицѣ и голосѣ, изучая предметъ.

А такъ какъ самъ онъ находится въ моментѣ критическомъ, подъ страхомъ, что жена уйдетъ, да и средства его приближаются къ концу, то онъ предвидитъ и для себя вскорѣ судьбу пріятеля, и ощущаетъ страхъ. Однако онъ непремѣнно хочетъ видѣть до конца, какъ смотритъ человѣкъ, который застрѣлится, какъ онъ ходитъ, какія дѣлаетъ непроизвольныя движенія. Онъ слѣдитъ за пріятелемъ, который удаляется въ глубь парка, но нервное возбужденіе, обусловленное уже самымъ образомъ жизни, усиливается волненіемъ и „животнымъ страхомъ“ до такой степени, что онъ, только желавшій быть свидѣтелемъ самоубійства, лишается силъ и принужденъ останавливаться, между тѣмъ какъ самоубійца идетъ впередъ твердыми и быстрыми шагами. Вслѣдствіе этого любознательный изслѣдователь теряетъ изъ виду объектъ своего наблюденія и стоитъ, прислонившись къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Отсюда онъ можетъ услышать только выстрѣлъ.

И онъ ждалъ. „Все въ немъ было такъ напряжено, что даже слабый звукъ причинялъ ему боль. Вотъ, онъ услышалъ—проѣхали дрожки, потомъ гдѣ-то смѣхъ... Онъ дрожалъ все сильнѣе, стучалъ зубами. Вотъ, вотъ—теперь, сейчасъ... Онъ давился.

Еще нѣкоторое время онъ напряженно выжидалъ. „А что какъ тотъ совсѣмъ и не думалъ убиваться?“—вдругъ подумалъ онъ, и кулаки его сжались пароксизмомъ бѣшенства. „Пожалуй, онъ просто меня дурачилъ... Да, понятно, не застрѣлится!“—сказалъ онъ себѣ въ новомъ бѣшеномъ порывѣ.

Въ это мгновеніе раздался выстрѣлъ. По всему тѣлу Фалька прошелъ страхъ; душа его хотѣла издать крикъ, который далъ бы ему облегченіе, но горло его было точно стянуто, и онъ могъ только прохрипѣть. Вдругъ, однако, онъ сталъ ужасно радъ, что все уже кончилось, и, вмѣстѣ, онъ почувствовалъ ненависть къ тому человѣку, который заставилъ его пережить эти мучительныя минуты.

Въ немъ снова взяло верхъ любопытство. Ему хотѣлось увидѣть Гродзкаго мертвымъ, взглянуть ему въ глаза, въ которыхъ, какъ тотъ говорилъ ему, должны были въ моментъ смерти явиться огненные круги... Но онъ не имѣлъ силы искать убитаго. На первомъ же шагу его обуялъ страхъ, еще болѣе сильный, страхъ какъ бы передъ привидѣніемъ, страхъ, какъ будто именно онъ и убилъ Гродзкаго.

Онъ пошелъ медленно, дрожа, и вдругъ услышалъ за собой шаги, но такіе шаги, которые ему были знакомы. Тогда онъ пошелъ скорѣй и еще скорѣй, наконецъ пустился бѣгомъ, куда попало. Ноги его иногда заплетались, въ головѣ раздавался какой-то шумъ и стонъ... Однако Фалькъ нашелъ дорогу домой и, облитый пòтомъ, упалъ на лѣстницѣ. Затѣмъ, онъ все-таки вернулся къ трупу Гродзкаго и взглянулъ ему въ глаза, увидѣлъ въ нихъ ироническое морганье и снова бѣжалъ въ ужасѣ. Но это было уже только во снѣ.

Одна эта картина достаточно характеризуетъ „рокового человѣка“—Фалька. Чрезвычайная нервность, постоянное и крайнее напряженіе психическихъ силъ. Но какія же собственно силы напряжены—чувство, жалость къ гибнущему человѣку, пріятелю, и страхъ за него? Сила убѣжденія, которая побудила бы его или отвратить Гродзкаго отъ самоубійства по фантастическому поводу, или поддержать его въ намѣреніи сбросить съ себя жизнь, какъ зло?

Ничего этого не было. Страхъ Фалькъ ощущалъ только за себя, такъ какъ самъ приготовлялся къ самоубійству. Предсмертную душевную драму въ близкомъ человѣкѣ онъ анализировалъ только въ видѣ справки для личнаго свѣдѣнія. Отъ страха онъ былъ неспособенъ идти до конца съ человѣкомъ, который смѣло шелъ къ своей цѣли. Отъ страха онъ былъ безсиленъ

даже и бѣжать, пока этотъ же страхъ не перешелъ въ припадокъ безумія и не придалъ ему крылья. Гдѣ же тутъ сила? Если она и проявляется въ чемъ-либо, то только въ безсердечности, въ узкомъ эгоизмѣ, который свойственъ и самымъ зауряднымъ, самымъ мелкимъ людямъ. Когда отдавшаяся ему Маритъ Кауэръ, которую онъ любитъ, начинаетъ быть ему въ тягость, потому что онъ одновременно любитъ жену, онъ, не колеблясь, идетъ къ рѣшительной развязкѣ, ощущаетъ страстное желаніе уничтожить это лишнее для него существо. Пользуясь минутой ея слабости, онъ овладѣваетъ ею, а на другой день объявляетъ ей, что онъ женатъ, между тѣмъ какъ передъ тѣмъ постоянно отрицалъ это. Она бросается въ воду.

И вотъ какими разсужденіями онъ оправдываетъ предъ собой это рѣшеніе уничтожить дѣвушку.

„Фальку внезапно, какъ молнія, пришло сознаніе, что онъ уничтожилъ Маритъ. Но почему же и нѣтъ? „Я—природа, я творю и уничтожаю жизнь. Хожу по тысячамъ труповъ, потому что не могу иначе, и создаю жизни одну за другой, такъ какъ не могу иначе... Я—не человѣкъ, я—сверхчеловѣкъ! Ха-ха, сверхчеловѣкъ!—захохоталъ онъ при этомъ баснословномъ названіи. Да,—сверхчеловѣкъ, жестокій, безсовѣстный, великолѣпный и добрый. Я—природа, и у меня нѣтъ совѣсти, какъ она лишена ея... Сверхчеловѣкъ! ха-ха! Молнія убиваетъ тысячи голубей и кроликовъ. Итакъ, вѣчно буду идти, буду плодить и убивать...

„Ибо такъ хочетъ предопредѣленіе. Ибо я иначе не могу. Ибо я не владѣю собой, я—преступническая, сатанинская натура. И съ какой же стати я буду мучиться? Смѣшно. Развѣ молнія знаетъ, зачѣмъ она убиваетъ, развѣ отъ нея зависитъ поступать, какъ она хочетъ? Нѣтъ. Она могла бы только констатировать фактъ, что ударила туда-то и убила то-то. И я констатирую и заношу въ протоколъ, что мною уничтожена невинная голубка“.

Мы уже видѣли, какъ смерть одного пріятеля интересуетъ Фалька только по отношенію къ собственному намѣренію того же Фалька застрѣлиться, намѣренію, которое, конечно, какъ и все у него, ограничилось позировкой передъ самимъ собою. Но вотъ другого, сердечнаго друга, такого, который въ немъ также видѣлъ бога, онъ уничтожаетъ также, какъ и Маритъ. Онъ отбиваетъ у него страстно любимую невѣсту. При этомъ Фалькъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что это будетъ для друга смертью. Этотъ другъ, Микита,—судя по имени, русинъ, талантливый художникъ,—видитъ въ Фалькѣ высшее существо. Это—

человѣкъ сердечный, умный, но безхитростный, съ здравымъ умомъ.

Замѣчательно, что у другого сверхчеловѣка, такого же приверженца революціи, который „плевать хочетъ" и на революцію, и на всякіе принципы, у Гордона, въ романѣ „Дѣти Сатаны" [1]), есть такой же другъ-почитатель и почти невольникъ Остапъ, также, должно быть, русинъ. Прибавимъ, что и у Тетмаера, въ романѣ „Ангелъ Смерти", геніальный художникъ, также самоанализаторъ и самоповѣствователь, какъ герои Пржибышевскаго, Рдзавичъ, имѣетъ такого же сердечнаго друга и поклонника. Этотъ Тэнжель—также энергичный, прямой и добрый малый. Всѣ эти *famulus*'ы напоминаютъ тѣхъ „наперсниковъ" и „наперсницъ", какіе бывали у персонажей старой итальянской оперы и передъ которыми они пѣли свои признанія и чувства въ каватинахъ и кабаллетахъ. Такіе же терпѣливые наперсники, очевидно, необходимы и для романическихъ позёровъ новаго типа, которые гораздо болѣе самонаблюдаютъ, чѣмъ дѣйствуютъ, и которыхъ дѣйствія далеко не соотвѣтствуютъ сладости и энергіи распѣваемыхъ ими каватинъ.

Возвратимся къ наперснику Фалька — Микитѣ. Когда онъ замѣтилъ, что его невѣста начинаетъ увлекаться Фалькомъ, съ которымъ онъ соперничать не можетъ, то бѣдняга хватилъ себя головой объ стѣну, такъ что облился кровью. Заставъ его въ такомъ положеніи, Фалькъ даетъ ему слово, что Иза Перье́ (невѣста Микиты) не увидитъ его болѣе, и уѣзжаетъ, будто бы, къ своей матери. Но по дорогѣ онъ высаживается на недалекой станціи и тамъ начинаетъ философствовать. Философія, понятно, клонится къ тому, что съ какой стати страдать долженъ онъ для того, чтобы не страдалъ Микита?

Ему вспоминается сцена, которую онъ видѣлъ въ дѣтствѣ въ лѣсу отца. На лужайку выбѣжали два оленя въ погонѣ за самкой и тамъ уставились другъ на друга, чтобы рѣшить споръ. Они бились и кололись рогами, разворачивали себѣ бока... А въ это время самка пришла и спокойно щипала траву, ожидая результата. Наконецъ, одинъ олень распоролъ брюхо своему противнику и бросился на самку, съ кровавыми кишками убитаго на рогахъ.

Это—природа. И вотъ, Фалькъ, такая же природа, возмущается противъ глупой жалости, глупой нравственности, всѣхъ вообще предразсудковъ, созданныхъ глупостью вѣковъ. Онъ не-

---

[1]) „Dzieci Szatana", 1899.

медленно возвращается къ Изѣ Перьё и вскорѣ увозитъ ее въ Парижъ, гдѣ и заключаетъ съ ней законный гражданскій бракъ. А Микита пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Но не таковъ Фалькъ. Ему всегда кажется, что безъ такой-то женщины онъ жить не въ состояніи. Но когда та женщина, которую онъ любилъ наиболѣе, то-есть та же Иза, жена его, узнавъ, что у него есть любовница, даетъ ему пощечину и рѣшительно выгоняетъ его вонъ, объявляя, что все между ними кончено,—онъ, какъ уже сказано выше, даже и не пробуетъ лишить себя жизни, какъ Микита или какъ Гродзкій, котораго онъ такъ старательно наблюдалъ, именно приготовляясь самъ къ самоубійству. Онъ тотчасъ находитъ утѣшеніе въ новой женщинѣ, анархисткѣ Ольгѣ, которая поклоняется его сатанинской силѣ.

Въ чемъ же, однако, проявляется эта сила? Развѣ только въ грубомъ животномъ эгоизмѣ, который прикрывается пессимизмомъ, вычитаннымъ у Ницше и Метерлинка, до обращенія этого послѣдняго къ мысли о человѣческой солидарности. И едвали читатель не подпишется подъ приговоромъ той Изы Перьё, когда она гонитъ мужа:

— Ты мнѣ сталъ чужой. То, что я любила въ тебѣ, того нѣтъ. Ты смѣшонъ, какъ они всѣ. Ты—животное, скотъ, какъ всѣ мужчины, съ ихъ глупой, звѣриной похотью... Я думала, ты—мой... Презираю тебя, ты мнѣ безконечно противенъ...

А когда Фалькъ бросился на нее, она ударила его по лицу, и—послѣ этого!—онъ понялъ, что она не любитъ его.

Въ „Дѣтяхъ Сатаны" воспроизводится тотъ же типъ рокового человѣка. Гордонъ, замышляющій обокрасть городскую кассу, сжечь ратушу и вызвать возстаніе городского пролетаріата,—хотя онъ, „въ сущности, плевать хочетъ на всѣ подобныя идеи и предпріятія"—такой же роковой человѣкъ, какъ и Фалькъ. Отмѣтимъ, что герои Пржибышевскаго только какъ бы въ шутку называютъ себя сверхчеловѣками. Это было бы слишкомъ претенціозно и, главное,—слишкомъ явно подражательно. Но они безусловно считаютъ себя людьми роковыми, живущими и дѣйствующими „по ту сторону" добра, совѣсти и прочихъ мелочей. Хотя сами-то они мелочны и искусственны по природѣ, а въ добавокъ и по творческой слабости своего создателя.

Начать съ того, что мыслить, чувствовать и дѣйствовать на уровнѣ роковыхъ людей они могутъ не иначе, какъ предварительно поднявъ себя на этотъ уровень нѣсколькими рюмками, даже стаканами коньяку, который они пьютъ безпрестанно. Что это за роковая сила, которую надо почерпать въ бутылкѣ? Эта

черта вредитъ имъ и въ смыслѣ литературномъ. Мало ли что̀ пьяный человѣкъ способенъ сказать или сдѣлать? Но онъ и будетъ только типомъ хмельного состоянія, а вовсе не самобытнымъ и интереснымъ типомъ новаго философскаго или соціальнаго направленія.

Эта черта ослабляетъ даже и тѣ, не особенно тонкіе литературные пріемы, какими располагаетъ авторъ, чтобы обрисовать исключительность тѣхъ натуръ, крайне-нервныхъ, живущихъ въ состояніи вѣчнаго возбужденія, необычайнаго напряженія или поразительной прострации, которыя онъ приписываетъ своимъ героямъ.

„Онъ налилъ себѣ еще рюмку коньяку“... „Онъ пилъ все это время, онъ не могъ не пить“... „Онъ сталъ ходить поспѣшно вокругъ комнаты“... „Ахъ, онъ такъ усталъ“... „Онъ чувствовалъ, что съ нимъ сейчасъ случится что-то неимовѣрное, онъ упадетъ въ бездну“... Вотъ слова автора, которыя повторяются безпрестанно. На рѣдкой страницѣ не упоминается о коньякѣ, винѣ, крайней усталости и нервномъ состояніи. А читатель склоненъ понять всѣ эти явленія совсѣмъ не въ смыслѣ признаковъ роковой натуры, но гораздо проще.

Романъ „Дѣти Сатаны“ не лишенъ интереса дѣйствія, но это—интересъ, такъ сказать, механическій, который еще гораздо лучше умѣли возбуждать Чарльзъ Ридъ и Вильки Коллинсъ. Понятно, что когда ему сообщили планъ о поджогѣ городской ратуши и другихъ зданій, то читателю „интересно“ узнать, удастся ли этотъ поджогъ и останутся ли безнаказанными его виновники. Но это интересъ внѣшній, который вовсе не истекалъ изъ драмы психической. А эта-то драма слаба, такъ какъ здѣсь опять люди не живые, но искусственные.

Героемъ является Гордонъ, близко напоминающій Фалька, а главными его пособниками—Остапъ и Вронскій, вѣрующіе въ Гордона, какъ въ бога, но сверхъ того руководимые и личными мотивами. Остапъ любитъ женщину, которая находится въ связи съ Гордономъ; кромѣ того, у Остапа на совѣсти совершенное имъ нѣкогда преступленіе, и страхъ передъ раскрытіемъ этой тайны заставляетъ его подчиняться Гордону, хотя отецъ Остапа состоитъ кассиромъ той кассы, которая должна быть ограблена. Остапъ кончаетъ самоубійствомъ, какъ и Микита. Вронскій находится въ послѣднемъ градусѣ чахотки и ненавидитъ міръ за то, что онъ „останется“. Поэтому на дѣло разрушенія, уничтоженія онъ идетъ подъ вліяніемъ страсти. Вронскій гибнетъ въ подожженной имъ ратушѣ.

Но почему къ разрушенію стремится самъ Гордонъ — это остается непонятнымъ, и въ томъ случаѣ, если принять косвенное внушеніе автора, который самъ не утверждаетъ, но, повидимому, желалъ бы возбудить въ читателѣ представленіе, что Гордонъ въ самомъ дѣлѣ—демонъ. Дѣйствительно, на дѣло разрушенія не толкаютъ Гордона ни страсть, ни убѣжденіе, что только такимъ путемъ возможно пересоздать общественный порядокъ.

Онъ признается Остапу:

— Разрушать я хочу не для того, чтобы строить наново, а только для того, чтобы разрушать. Потому что разрушеніе— это мой догматъ, моя вѣра, мое обожаніе. Можетъ быть, я и ошибаюсь, можетъ быть, здѣсь и примѣшано, несознательно для меня, желаніе блага, мысль о человѣчествѣ. Но я равнодушенъ къ этому. Хочу я только самаго разрушенія.

А въ концѣ романа, когда эмиссаръ центральнаго комитета настаиваетъ, чтобы Гордонъ убилъ одного человѣка, который участвовалъ въ поджогѣ и представляется ненадежнымъ и можетъ ихъ выдать, Гордонъ,—хотя и не выказываетъ согласія, однако потомъ дѣлаетъ это—сталкиваетъ этого человѣка въ болото и заваливаетъ его грудами торфа, сложенными на берегу. Но вотъ что̀ онъ добавляетъ въ своемъ разговорѣ съ революціоннымъ коммиссаромъ:

— А тамъ, когда будешь въ Лондонѣ, скажи этимъ идіотамъ, этому смѣхотворному центральному комитету, что мнѣ — плевать на ихъ организаторскіе помыслы... Скажи, что я знать ничего не хочу о ихъ общечеловѣческихъ идеяхъ, что я все дѣлаю съ единой цѣлью—уничтожать жизнь. Скажи имъ, что весь мой догматъ заключается въ разрушеніи жизни.

Стало быть—демонъ, не иначе. Но любопытно то, что когда дѣло разрушенія уже совершилось, то Гордонъ, смотря на пылающій городъ, не испыталъ никакого чувства торжества или удовлетворенія. Ему было почти противно то, что̀ произошло. Онъ ожидалъ, что насытитъ свою ненависть, а между тѣмъ въ результатѣ оказалось одно отвращеніе... Какъ все это было ничтожно, какъ грязно! Оказалось достаточно щепотки огня, щепотки денегъ, такой, которой не хватило бы даже, чтобы устроить крупную забастовку... А эти люди... Какъ глупыя животныя, они бѣгали въ горячкѣ ужаса! Онъ припоминалъ себѣ ихъ крики, вопли, безсмысленную суетню. Смѣшно!

А вѣдь демонъ,—тотъ бы торжествовалъ, гордился бы своимъ дѣломъ. Стало быть, и демонъ-то еще не подъ стать герою Пржибышевскаго. Да и сверхчеловѣкъ Ницше, пожалуй, помельче его

будетъ, такъ какъ Заратустра все-таки проговаривается о благѣ человѣчества. Вотъ какой могучій, еще неизвѣстный міру типъ созданъ авторомъ! Недаромъ нѣкій молодой критикъ высказалъ мнѣніе, что, въ сущности, Сенкевичъ значитъ для человѣческой мысли гораздо меньше, чѣмъ Пржибышевскій. А сказать правду, еслибы въ „Дѣтяхъ Сатаны“ выступилъ демонъ собственной особой, то это было бы только ребячество. А такъ вышло нѣчто аффектированное и почти смахивающее на каррикатуру.

X.

Другой любимецъ передовой молодежи, Тетмаеръ, гораздо скромнѣе Пржибышевскаго въ своихъ романахъ. Здѣсь надо оговориться еще разъ, что оба они—болѣе поэты, чѣмъ романисты, и добавить, что драматическія произведенія Пржибышевскаго удачнѣе, чѣмъ его романы. Самая форма драмы требуетъ болѣе реальной связи въ дѣйствіяхъ и не допускаетъ декламаторскаго излишества. Въ „Ангелѣ смерти“ [1]) и въ „Гибели“ [2]) предметомъ психологическаго анализа и центромъ дѣйствія является одно и то же лицо. Это—необыкновенно талантливый, почти геніальный скульпторъ, совершенный неудачникъ въ жизни, Рдзавичъ. Статуи и нѣкоторыя картины его имѣютъ большой успѣхъ на выставкахъ, не только въ Варшавѣ, но и заграницею.

А впрочемъ, главныя созданія его, тѣ, въ которыя онъ вкладывалъ всю душу, являются жертвами той же жизненной неудачи, которая преслѣдуетъ этого впечатлительнаго, но больного излишкомъ самонаблюденія художника. Статую „Ангела жизни“, въ которой онъ воспроизвелъ свою возлюбленную во всемъ блескѣ жизнерадостнаго образа, бывшаго въ его сердцѣ, онъ разбилъ, когда она его отвергла. Въ группѣ „Ангела смерти“, гдѣ женская фигура съ тѣми же прелестными чертами, но уже съ злобнымъ выраженіемъ и въ кокетливой позѣ попирала ногой упавшаго лицомъ на̀-земь невольника, была изображена та же Марія, прежняя его невѣста. Но и эту фигуру онъ разбилъ, когда̀ ему сказали, что Марія выходитъ замужъ, и что появленіе такого изображенія будетъ понято, какъ месть. Наконецъ, статую Наполеона онъ не окончилъ, потому что послѣ новой неудачи въ любви, обусловленной собственной его нерѣшительностью, онъ

---

[1]) „Anioł śmierci“, 1898.
[2]) „Zatracenie“, 1905.

бросился въ озеро. Даже не смогъ застрѣлиться, хотя имѣлъ при себѣ револьверъ.

Слабая, сплошь состоявшая изъ артистической впечатлительности, натура Рдзавича все-таки симпатична. Психологическая основа ея такъ намъ знакома, такъ близка. Отсутствіе руководящаго идеала, утрата не только догмата, но и прежней вѣры въ силу науки, скептицизмъ и нервная расшатанность, какъ бы узаконяютъ безусловное стремленіе къ наслажденію. Единственными неопровергнутыми понятіями остались только личное наслажденіе, красота формъ, любовь къ женщинѣ, сила ощущеній. Единственнымъ мистицизмомъ является культъ женщины, какъ высшей формы красоты, притомъ озаренной загадочностью особаго психическаго строя, какъ и нѣкоторой таинственностью самого чувства любви, которая бываетъ дорога не только какъ наслажденіе, но и какъ страданіе.

Еще о музыкѣ Моцарта было сказано, что въ ней соприкасаются любовь и смерть. И вотъ, мысль о смерти постоянно близка этому немощному, пассивному самосознанію, какъ съ нимъ же идетъ неотступно и нареканіе на фальшь и жестокость жизни. Это-то проникновеніе современнымъ душевнымъ настроеніемъ и объясняетъ то обаяніе, какимъ пользуются среди польскаго молодого поколѣнія Тетмаеръ и Жеромскій, а отчасти и Пржибышевскій, который, впрочемъ, расхолаживаетъ душу своими миѳологическо-философскими построеніями.

Для литературной характеристики Тетмаера, а отчасти и Пржибышевскаго, имѣетъ, впрочемъ, большее значеніе ихъ поэзія, чѣмъ ихъ романы. Но здѣсь мы не можемъ дать и самаго бѣглаго очерка современной польской поэзіи, такъ какъ къ занимающимъ насъ писателямъ пришлось бы, въ такомъ случаѣ, присоединить Каспровича, Выспянскаго, Пржемыцкаго и другихъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что польская поэзія только въ періодъ позитивизма не шла впереди прозы, хотя и тогда имѣла блестящихъ представителей, какъ Асныкъ и Конопницкая. Современная поэзія признаетъ своего предка не въ Мицкевичѣ, а въ Словацкомъ, но это оправдывается скорѣе въ смыслѣ порыва въ туманную неопредѣленность и еще въ смыслѣ необыкновенной выработки стиха. Эта выработка въ наше время уже далеко опередила и чудесный стихъ Словацкаго въ „Szwajcaryi“. Она дошла до виртуозности, отчасти даже чрезмѣрной.

Возвращаясь къ Тетмаеру, какъ къ романисту, мы должны оговорить, что въ передачу современнаго психическаго настроенія онъ внесъ новые пріемы, какъ поэтъ, владѣющій обиліемъ

красокъ и всевозможныхъ оттѣнковъ слова. Но иниціаторомъ этого направленія онъ не является. Начало вполнѣ очерченное, сознательное и сильное было положено этому направленію въ романѣ Сенкевича „Безъ догмата". Плошовскій является прямымъ родоначальникомъ Рдзавича, въ обѣихъ жизняхъ послѣдняго, то-есть въ „Ангелѣ смерти" и въ „Гибели".

Однако у Тетмаера есть та особенность, что онъ сдѣлалъ изъ Рдзавича, какъ художникъ, типъ, не только отражающій современное импрессіонистско-эротическое настроеніе, но и сближающій это настроеніе съ тѣмъ языческимъ культомъ красоты, который являлся несомнѣннымъ элементомъ „Возрожденія", хотя такимъ элементомъ, который въ ту эпоху оставался подчиненнымъ догмату.

Въ Рдзавичѣ авторъ, не имѣя этого намѣренія, указалъ совершенно вѣрно на преобладаніе въ польскомъ характерѣ, а особенно въ темпераментѣ польскаго художника и поэта,—элемента южнаго. Рдзавичъ совсѣмъ близокъ къ умственно-развитому, но живущему исключительно чувствомъ итальянскому художнику. Онъ можетъ являться нерѣшительнымъ, слабымъ въ жизненномъ дѣйствіи, но искусство для него—культъ, которому онъ преданъ страстно. Разъ на него нашелъ моментъ, осѣнила его мысль, глина сама формуется въ его рукахъ, мраморъ самъ изгибается, „дрожитъ" передъ нимъ. „О, почему передо мной не дрожитъ такъ жизнь, какъ мраморъ!"—это вырывающееся у художника восклицаніе прекрасно характеризуетъ его значеніе, самое его призваніе въ искусствѣ и въ жизни. Въ одномъ онъ—огромная субъективная сила, почти несознательно создающая чудные, идейные образы какимъ-то стихійнымъ творчествомъ. Въ другой области, въ жизни, онъ—рабъ впечатлительности, мало отличаетъ крупное отъ мелочного, пассивенъ и безсиленъ.

Въ увлеченіи конкретной мыслью, которая настойчиво требуетъ воплощенія, художникъ энергически командуетъ своими помощниками, распоряжается приготовленіями, работаетъ весь день, никого не видитъ, знать не хочетъ о мірѣ, иногда испытываетъ даже обмороки. И потомъ снова бросается къ работѣ, увлеченный неудержимой страстью.

И—онъ создаетъ произведенія, въ самомъ дѣлѣ проникнутыя его духомъ, обладающія идеальной красотою формъ, не только истекшей изъ наблюденія и изъ знанія, но и взлелѣянной его мечтой. Образы эти неотразимо дѣйствуютъ на зрителей, увлекаютъ, подчиняютъ ихъ творческому генію художника.

„О, почему передо мной не дрожитъ такъ жизнь, какъ мраморъ!“

Да, наоборотъ, жизнь ломаетъ его. Ея анатомія чужда ему. Онъ ошибается въ людяхъ и неспособенъ сбросить съ себя обаяніе женщины, несмотря на то, что совсѣмъ разочаровался въ ея душѣ. Онъ слишкомъ поддается минутнымъ впечатлѣніямъ, которыя потомъ обременяютъ его волю. Дѣйствію въ немъ иногда мѣшаетъ излишняя гордость, а то просто нервная усталость и безсиліе. Этотъ типъ авторъ довершаетъ и заканчиваетъ, придавая ему еще черту наивности впечатлѣнія и черту нѣкоторой женственности—потребности быть любимымъ и любить, встрѣчать нѣкоторое поклоненіе себѣ и, вмѣстѣ,—искать опоры.

Таковъ Рдзавичъ. Онъ совершенно немыслимъ безъ любви, которую самъ будетъ отожествлять со своей жизнью, видѣть въ ней всю свою судьбу. И вотъ, въ первомъ романѣ такое неотразимое, всепоглощающее впечатлѣніе производитъ на него Марія Тижвецкая, которая потомъ оказывается дѣвушкой самой заурядной. Она скоро раскаивается въ своемъ увлеченіи славой, красивой наружностью и симпатичной натурой художника. Беретъ назадъ свое слово, веселится, повсюду встрѣчая толпу поклонниковъ, совершенно забываетъ Рдзавича, и хотя потомъ увлекается „салоннымъ львомъ“, красавцемъ Боржевскимъ, но когда тотъ разорился, выходитъ замужъ за стараго, но богатаго глупца, не устраняя, однако, отъ себя окончательно Боржевскаго.

Эта, съ одной стороны, страсть всесильная и идеализованная, а съ другой прозаическій разсчетъ пустой куклы—напоминаютъ любовь Вокульскаго къ Изабеллѣ въ романѣ Пруса „Lalka“. И Рдзавичъ, узнавъ о своемъ приговорѣ, дни и ночи проводитъ надъ тѣмъ же вопросомъ, какой задавалъ себѣ Вокульскій: „какъ же мнѣ теперь жить?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ Вокульскій, человѣкъ дѣйствія, далъ такой, что взорвалъ себя порохомъ. А Рдзавичъ сперва разбилъ „Ангела жизни“, а потомъ бросился со всей страстью въ созданіе другой статуи—„Ангела смерти“, съ тѣми же чертами, какія имѣла первая. Но онъ пытался еще найти утѣшеніе въ доброй, прямодушной Россенской, и хотя встрѣтилъ взаимность, однако утѣшиться не могъ. Элиза снимаетъ у него со стола приготовленный револьверъ, и Рдзавичъ, тронутый ея неожиданнымъ появленіемъ въ его мастерской, цѣлуетъ ее. Она зоветъ его къ новой жизни. Но душа Рдзавича не выдерживаетъ борьбы: онъ бросаетъ молоткомъ въ лицо „Ангела смерти“ и разбиваетъ его, а самъ падаетъ безъ чувствъ. Въ больницѣ оказывается, что онъ сошелъ съ ума.

XI.

Но въ „Гибели“ [1]) мы встрѣчаемъ его снова, безъ всякаго объясненія, кромѣ замѣтокъ въ дневникѣ, а можетъ быть только подслушанныхъ авторомъ самопризнаній. „Я уже разъ умеръ, но ожилъ... Чувствую себя спокойнымъ, тихимъ, свободнымъ. Нуждался я только во внѣшнемъ толчкѣ—и испыталъ его. Принялся опять за скульптуру и набрасываю картины. Я проспалъ свой сонъ—и все прошло, исчезло“... Дальше, однако, оказывается, что уже есть зародышъ новой любви... „Тереза... далекій, далекій звукъ... Ее хотятъ выдать замужъ. Хорошо. Но когда я услышалъ объ этомъ? Вчера или тому будетъ уже годъ? Когда же разсѣялся и этотъ новый сонъ? Однако толчокъ сдѣлалъ свое дѣло. Дрогнули во мнѣ какія-то груды, какъ при легкомъ землетрясеніи“.

О прежней любви, которая довела его до безумія, Рдзавичъ уже не вспоминаетъ. Романъ „Ангелъ смерти“ вышелъ въ 1898 году, а „Гибель“ — въ 1905. Тереза—это уже типъ совсѣмъ иной, чѣмъ Марія. Въ ея интимныхъ замѣткахъ, которыя приводятся на ряду съ мыслями Рдзавича, впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на нее, выражается прямо въ мечтаніи о бракѣ, хотя она еще не слышала отъ него признанія. Но она уже ободряетъ себя къ борьбѣ съ семьей. Отецъ ея—самъ артистъ-любитель, но онъ—графъ и притомъ не особенно богатъ. Въ этой сферѣ не разсчитываютъ на то, что дѣти сами заработаютъ себѣ кусокъ хлѣба, уже и потому, что непремѣнно имѣется претензія на кусокъ очень крупный. Понятно, что Терезу легче выдали бы даже за промышленника или торговца, чѣмъ за художника, какъ бы онъ ни былъ славенъ.

Но, думая о Рдзавичѣ, Тереза поддерживаетъ себя убѣжденіемъ, что ей нужны не положеніе въ свѣтѣ и не деньги, которыя его даютъ, а любовь и такой человѣкъ, котораго можно любить, который можетъ дать ей счастье. Она хочетъ—„души“. У Рдзавича она есть. Въ дневникѣ своемъ Тереза пишетъ, что ее не увлекаютъ ни его слова, ни его романическое прошлое, о которомъ она слышала. Ее манитъ его духъ, его природное величіе. „Въ его стальныхъ, грустныхъ и гордыхъ глазахъ виденъ аристократъ духа, потомокъ великой расы, не гетмановъ и

[1]) „Zatracenie“.

воеводъ, но тѣхъ людей, которые вели человѣчество въ новые, открываемые ими міры. Это—потомокъ творцовъ, созидателей. Фидій и Пракситель, Микель-Анджело и Тиціанъ — вотъ его предки. Таковъ его родъ, та высокая аристократія, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію. Мои папа и мама и гордыя тетки Вычевскія, и весь свѣтъ, увѣряю васъ, что если потомокъ такой аристократіи изволилъ бы просить руки Терезы Морской, то это было бы для васъ большой честью. Вы ужасаетесь, не правда ли? Но простите меня, искренно и смиренно прошу васъ, дорогіе мои папа и мама, не сердитесь, пусть проститъ меня и Господь, но вы... какъ мнѣ выразить это?.. вы сами... ну, покрайней мѣрѣ иногда... бываете такъ на него непохожи..."

Незадолго передъ тѣмъ Тереза произвела большое впечатлѣніе на Рдзавича. Онъ уже опять сталъ мечтать, что такова именно—его женщина. Былъ слухъ, что она выходитъ замужъ, и онъ подумалъ, что новый сонъ также оказался обманчивымъ. Однако онъ все думалъ о ней. Разъ пошелъ на раутъ, въ надеждѣ ее встрѣтить, и встрѣтилъ, но чувствовалъ еще недовѣріе къ ней, да и сомнѣніе о себѣ. Между тѣмъ, она писала въ дневникѣ: „Отчего ты не сказалъ, что меня любишь? Я ждала; меня не остановили бы препятствія; но не могла же я сказать первая. Я любила тебя, и неужели ты не чувствовалъ, что стоило тебѣ протянуть мнѣ руку, и я пошла бы за тобой противъ всего свѣта... Но ты не видѣлъ, не хотѣлъ сознать и видѣть это... Гордость твоя была тебѣ дороже меня"...

Они снова встрѣчаются въ Абацціи. Рдзавичъ ходилъ на абацційскомъ страндѣ съ Камиллой Наборовской, самостоятельной и недурной барышней изъ царства польскаго, съ которой онъ былъ на товарищеской ногѣ и говорилъ ей „ты". Она признавалась, что сблизилась съ нимъ отчасти со скуки и отчасти потому, что ее интересовало узнать, какъ можетъ думать и чувствовать человѣкъ, который имѣетъ даръ такъ сильно выражать свои жизненныя впечатлѣнія въ мраморѣ и на холстѣ.

Теперь, въ бесѣдѣ съ нимъ, она замѣчаетъ, что нашла въ немъ только художника.—Неужели въ тебѣ нѣтъ еще и человѣка, неужели ты можешь жить однѣми позами моделекъ и отраженіями солнечнаго луча?

— Да стоитъ ли, въ сущности жить, когда все равно помрешь?

— Но нельзя же и жить одной такой мыслью.

— Не буду съ тобой спорить. Но меня жизнь манитъ. Я въ ней нуждаюсь, я молода, чувствую въ себѣ смѣлость, хочу

борьбы... Мнѣ просто необходимо жить и бороться. Тамъ когда-нибудь умру, но пока чувствую страсть къ жизни, какъ молодое дерево, которое выростаетъ среди старыхъ пней и создаетъ новую жизнь. И тебя постараюсь завоевать для жизни.

— Это уже со мной было... Другая также хотѣла вести меня къ новой жизни... Нѣтъ, мнѣ что-то сдается, что меня ожидаетъ уже только гибель.

— Зачѣмъ это страшное слово!..

— Да, страшное. Я уже не вѣрю ни во что. И это не скептицизмъ, а скорѣе умственный нигилизмъ.

— Такимъ, какъ ты, и слѣдуетъ вымереть.

Они шли по берегу моря, которое глухо и спокойно шумѣло.

— Звонятъ въ церкви... Это майское богослуженіе...—замѣтилъ Рдзавичъ [1]:—Войдемъ.

— Къ чему?

— Мнѣ нравится, это красиво.

— Нѣтъ, для тебя это не только красиво. Ты не вѣруешь, но ты поддаешься внушенію.

Они вошли. То было предопредѣленіе или—какъ было это понять? Возлѣ скамьи, на которой сидѣли ея мать и сестра, стояла Тереза. Горячій приливъ крови къ сердцу почти причинилъ Рдзавичу боль. Онъ чувствовалъ, что долженъ былъ поблѣднѣть. Тереза его сперва не замѣчала, но когда взгляды ихъ встрѣтились, ея глаза вдругъ раскрылись неестественно широко и снова обратились къ алтарю.

— Выйдемъ лучше на море,— шепнула Наборовская, и въ то же время замѣтила Морскихъ.—Посмотри туда, какая красивая дѣвица „изъ общества", съ мамашей и сестрой, вѣроятно. И въ твоемъ жанрѣ... Молится.

Рдзавичъ старался скрыть замѣшательство. — Да, какъ бы я самъ ни думалъ, но артистически это несомнѣнно красиво.

— А умственно вредно.

Когда онъ зашелъ къ Наборовской, та тотчасъ угадала въ немъ что-то особенное, взяла его за руки и быстро взглянула ему въ глаза.—Она?

Рдзавичъ поникъ головой.—Она?—продолжала Наборовская. —Ты уже опять? — настойчиво сказала дѣвушка и прибавила въ тонѣ пренебреженія: — Эротоманъ!

---

[1]) Май посвященъ культу Маріи. Алтари украшены цвѣтами. По вечерамъ народъ поетъ гимны.

— Знаешь, Камилла, еслибы она не пріѣхала сюда, то я бы только фантазировалъ о ней, любилъ ее воображеніемъ. Но теперь, когда ее увидалъ здѣсь живую, такую, какъ въ мечтѣ, ея чудное лицо, ея чудесную улыбку, я сознаю, что люблю именно ее, не тѣнь ея въ памяти, не отраженіе въ зеркалѣ, но ее, ее, единственно ее.

— Которая же это по числу?

— Смѣешься потому, что меня не понимаешь. Я ищу воплощенія женщины моей души, моей крови, моего мозга и сердца, ищу такъ, какъ заблудившійся въ лѣсу ищетъ дороги.

— Ты вѣчно будешь жертвой своего воображенія. Вѣдь тебѣ же слѣдуетъ понимать, что ее тебѣ не отдадутъ, да, вѣроятно, и сама она не пошла бы. А чтобы купить ее,—у тебя нѣтъ денегъ.

— Не говори такъ.

— Ну, конечно, „любовь ослѣпляетъ“. А я ручаюсь тебѣ, что она совершенно такая же, какъ всѣ эти барышни изъ аристократіи,—пустая, грубая утилитаристка, жадная только на деньги, на значеніе въ свѣтѣ и самый ординарный, пошлый блескъ. Но даже еслибы она и была иною, такъ что же? Вѣдь сама она тебѣ на шею не бросится, а ты рукъ къ ней протянуть не можешь, потому что у тебя ихъ нѣтъ.

— Ужъ такое мое убѣжденіе, чтобы идти за ней, хотя чувствую, что на этотъ разъ нѣчто въ моей жизни сломится окончательно. Что дѣлать, моя судьба.

— Не судьба твоя, а натура. Ты просто — эротоманъ. Судьба, „рокъ“ — извѣстное самооправданіе безсильныхъ. Все управляетъ тобой, а ты—ничѣмъ. Неужели всѣ художники таковы? И какой въ этомъ человѣкѣ удивительный контрастъ! Выковалъ въ мраморѣ опровергшую всѣ условныя понятія и школьныя правила „Саломею“, а, помню, сама видала, какъ ты боялся открыть письмо отъ журнала, въ которомъ хотѣли отпечатать ея снимокъ. Но женщины—это прямо твоя пагуба. И какую, ты думаешь, игралъ бы ты роль въ ея свѣтѣ, рядомъ съ нею? Вѣрнѣе всего—скорохода и шута, да еще и привыкъ бы къ этому униженію и комедіанству...

Подъ вліяніемъ этихъ словъ Наборовской, Рдзавичъ держалъ себя очень осторожно и даже холодно при слѣдующей встрѣчѣ съ Терезой; и когда она ему задала вопросъ, который ему позволилъ бы высказать косвеннымъ образомъ свое чувство, онъ отвѣтилъ равнодушно. А она, какъ прежде, была готова признаться ему. Но теперь ей уже стало ясно, что онъ ее понялъ

и оттолкнулъ. Однако вліянія Наборовской на Рдзавича хватило всего на нѣсколько дней, несмотря на то, что и она уже была готова сдѣлаться его подругой „на новую жизнь". Узнавъ, что Морскіе уѣхали, Рдзавичъ, не сказавъ Наборовской ни слова, отправился въ Швейцарію.

Тамъ онъ получилъ письмо отъ Тенжля, который звалъ его въ Закопане, курортъ въ Татрахъ, гдѣ собрались его добрые знакомые. Всѣ они фигурировали уже въ „Ангелѣ Смерти", въ томъ числѣ композиторъ Стрижецкій и графъ Морскій. Это послѣднее имя послужило магнитомъ для Рдзавича. Въ Закопаномъ возобновились прежнія дружескія бесѣды. Между прочимъ, по поводу одного изъ друзей, больного и уже близкаго къ смерти, Рдзавичъ высказалъ, что ему было бы недостаточно вѣры, еслибы онъ и имѣлъ тотъ „даръ вѣры", о которомъ говоритъ св. Августинъ. „Я хотѣлъ бы знать, а между тѣмъ не знаю, ничего не знаю. Ужасное положеніе — быть вѣчно какъ рыба въ стеклянномъ бассейнѣ. При каждомъ движеніи она ударяется о стекло, сквозь которое видитъ только какіе-то фантастическіе предметы, которыхъ ни изслѣдовать, ни познать нельзя, да нельзя даже убѣдиться, существуютъ ли они въ самомъ дѣлѣ. Говорятъ — у насъ есть предчувствіе. Но предчувствовать мы можемъ только то, что знакомо нашимъ чувствамъ. А они исчезаютъ вмѣстѣ съ нами. Сказано: блаженны тихіе люди смиреннаго сердца, но я не смиренен. Еслибы я могъ сосредоточить въ одномъ моментѣ всю силу своего духа, всю энергію, какую могу проявить когда-либо, то я хотѣлъ бы разсѣчь весь міръ пополамъ, какъ мечомъ, чтобы узнать, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. А бываютъ такія минуты, когда руки съ такимъ напряженіемъ поднимаются кверху и въ нихъ чувствуется такая сила, что, кажется, Альпы можно бы раздвинуть въ стороны. Бываетъ у васъ такое чувство?"...

Конечно, онъ встрѣчается съ Терезой и даже выходитъ вмѣстѣ съ ней любоваться горами, заходомъ солнца и т. д. Разъ они останавливаются передъ обрывомъ, съ котораго не видно дна пропасти, покрытаго мракомъ. Оба они въ возбужденномъ состояніи.

— Пусть бы вотъ теперь смерть пришла, — едва слышно прошепталъ Рдзавичъ.

Она разслышала, но также прошептала: — Что?

Сцена эта кончается сакраментальными словами:

— Люблю! — произнесъ онъ такъ тихо, что слово это какъ бы расплылось въ темную ночь, въ пропасть, въ мракъ, одѣвавшій скалы.

— Люблю! — отвѣтила она, не сознавая въ ту минуту намѣренія произнесть это слово.

При другой встрѣчѣ они объяснились уже точнѣе: она будетъ его женой. Но, вотъ, случилась смерть больного, общаго пріятеля всей компаніи, и графиня Морская воспользовалась тѣмъ переполохомъ, какой производитъ смерть паціента, чтобы неожиданно уѣхать въ другой курортъ. Письмо оттуда Терезы не удовлетворяетъ Рдзавича; оно слишкомъ „барышнинское“, хотя и содержитъ подтвержденіе любви и обѣщанія. Вотъ, еслибы она убѣжала отъ своей семьи, примчалась въ вагонѣ, ворвалась бы, какъ ураганъ, въ его комнату съ крикомъ: „я твоя!“ — это было бы настоящее дѣло. Но онъ сознавалъ, что это было невозможно.

Въ концѣ лѣта Морскіе возвращаются къ себѣ въ имѣніе, гдѣ ихъ вскорѣ удостоиваетъ посѣщеніемъ князь Вишневецкій, владѣлецъ какого-нибудь милліона десятинъ земли въ разныхъ частяхъ прежней Польши, потомокъ въ боковой линіи короля Михаила Вишневецкаго и первый на всю Польшу магнатъ, въ сравненіи съ которымъ графъ Морскій значитъ очень мало. И вотъ этотъ-то магнатъ, многократный милліонеръ, который могъ бы жениться на медіатизированной княжнѣ или на принцессѣ королевскаго дома, утратившаго престолъ, къ тому же — молодой, да еще славный спортсменъ, издавшій роскошное описаніе своихъ охотъ на львовъ и тигровъ въ Африкѣ и Индіи, — проситъ руки Терезы, въ которую онъ внезапно влюбился.

Рдзавичъ въ это время вернулся въ свою мастерскую и принялся за работу. „Тишина“ — такъ должна была называться статуя женщины, сидѣвшей, опираясь о стволъ дерева, съ арфой въ рукахъ, на которой пальцы ея спустились со струнъ. Поза головы и лицо показывали, что она сама вся превратилась въ слухъ. Эта статуя имѣла черты Терезы и была предназначена ей въ свадебный подарокъ. Вдругъ, просматривая газету, Рдзавичъ прочелъ въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій: „Гр. Тереза Морская, дочь гр. Болеслава и Евгеніи, рожденной гр. Вычевской, обручена съ княземъ-ординатомъ Самуиломъ Вишневецкимъ. Свадьба предстоитъ въ ближайшемъ времени“.

Семья принудила Терезу къ этому браку. Съ одной стороны — разстроенныя дѣла и необходимость поддержки для трехъ сыновей, а съ другой — такой необычайный жребій, что дочь могла сдѣлать самую блестящую во всемъ краѣ „партію“; съ третьей стороны — негодованіе отца и скорбь матери, что дочь могла увлечься какимъ-то художникомъ, выставляющимъ статуи на про-

дажу, мольбы матери, угрозы и брань отца, наконецъ уговоры духовника, который толкуетъ дѣвушкѣ на исповѣди, что различія между сословіями установлены на землѣ такъ же нерушимо, какъ разныя степени ангельскихъ чиновъ на небѣ—все это сваливается на Терезу и приводитъ ее въ отчаяніе. Напослѣдокъ Морскій прибѣгаетъ даже къ обману, то-есть, сообщаетъ Вишневецкому о согласіи заболѣвшей дочери безъ ея вѣдома, а потомъ мать увѣряетъ ее, что если она заявитъ отказъ, то Вишневецкій вызоветъ ея братьевъ, а стрѣляетъ онъ безъ промаха. Не получая ни одного слова отъ Рдзавича, который прочелъ извѣстіе въ газетѣ, Тереза наконецъ сдается.

Результатъ вполнѣ возможный, конечно. И въ одномъ изъ тѣхъ дюжинныхъ разсказовъ, которыхъ единственная цѣль—занять читателя, безъ всякаго притязанія на тонкій психологическій анализъ,—все это могло бы быть на мѣстѣ. Но описанный ходъ дѣла совсѣмъ не согласенъ съ тѣмъ типомъ, который авторъ хотѣлъ намъ представить въ Терезѣ. Такая дѣвушка не побоялась бы написать самому Вишневецкому, что ее принуждаютъ выходить за него, сознавала бы, что въ наше время безусловнаго принужденія къ браку уже быть не можетъ; возмутилась бы грубымъ эгоизмомъ семьи, не повѣрила бы и нелѣпому аргументу духовника. Читатель не можетъ не сознавать этого, и потому, несмотря на патетичность разсказа о страданіяхъ Терезы и на уснащеніе его стилистическими блестками, читатель утомляется фальшью и длиннотой этого описанія.

Въ теченіе его повторяется раза два: „Рдзавичъ такъ и не подавалъ признака жизни“. Но вѣдь между ними не было условлено вести переписку, и письма его могли быть перехвачены и прочитаны. А послѣ того, какъ онъ прочелъ газетное извѣстіе, не для чего было и писать. Развѣ явиться самому къ ней въ домъ и потребовать объясненія, какъ сдѣлалъ лордъ Равенсвудъ въ романѣ Вальтеръ-Скотта. Но Рдзавичъ не былъ человѣкомъ дѣйствія. Онъ умѣлъ только восхищаться или страдать. И если онъ страдалъ, то самъ еще разбереживалъ свою рану и думалъ не о дѣйствіи, но о смерти. Единственное, чтò Тереза отъ него получила, это было разорванное пополамъ письмо ея къ нему. А это и послужило Терезѣ нѣкоторымъ оправданіемъ въ ея собственныхъ глазахъ.

— Теперь мнѣ уже все равно, выйти ли за Вишневецкаго, или за кого-либо другого,—сказала она матери.

Рдзавичъ, самъ того не сознавая, искалъ въ усиленной работѣ спасенія отъ близкаго конца, который предчувствовалъ. Онъ

снова страстно занялся скульптурной картиной—„Наполеонъ на смертномъ одрѣ", статуей „Ангела смерти" въ новой концепціи и другими сюжетами, которыхъ уже имѣлись эскизы. Онъ окончилъ все главное, кромѣ „Наполеона", когда прочелъ о свадьбѣ Терезы. Тогда онъ почувствовалъ необходимость уѣхать куда-нибудь и, захвативъ нѣсколько работъ съ собою, поѣхалъ въ Римъ. Тамъ онъ продолжалъ, такъ сказать, оглушать себя напряженнымъ трудомъ.

Но однажды, рано утромъ, стоя на каменной террасѣ близъ Капитолія, съ которой видны forum и развалины цесарскихъ дворцовъ, онъ увидѣлъ сидѣвшую на каменной скамьѣ—Терезу. Происходитъ объясненіе, изъ котораго приведемъ нѣсколько строкъ:

— Почему ты не далъ знать о себѣ, ничего не сдѣлалъ?— спрашивала она, держа его за руки и плача.

— Я думалъ, что исполняется то, что тебѣ угодно.

— Только разорванное мое письмо, вотъ и все, что я получила отъ тебя... А я, уже стоя въ церкви, все еще ждала... Какъ ты могъ сомнѣваться во мнѣ, какъ ты могъ не придти провѣрить? Ты сдѣлалъ преступленіе, ты убилъ наше счастье и цѣль нашей жизни, немилосердно убилъ! Я тебя буду любить всегда. Но все кончено... Вотъ тебѣ лоскутокъ платка съ моими слезами. Приди вложить его въ мой гробъ. Но раньше ты меня никогда не увидишь.

Рдзавичъ понялъ теперь, что отъ него зависѣло побѣдить въ проигранной борьбѣ. Еслибы онъ явился въ пору, Тереза пошла бы за нимъ.

„Онъ—могъ, но не сумѣлъ. Напрасно только она задавала глупый вопросъ—„почему?"... Такъ должно было случиться".

Мы уже упомянули выше, что Рдзавичъ бросается въ озеро. Повторимъ также, что типъ Рдзавича, типъ глубокаго, но пассивнаго чувства, можетъ быть симпатиченъ, особенно въ примѣненіи къ вдохновенному художнику или поэту, у котораго всю энергію дѣйствія поглощаетъ артистическое творчество. Но типъ этотъ не новъ и, во всякомъ случаѣ, не такъ сложенъ и интересенъ, чтобы его стоило развивать въ цѣлыхъ трехъ романахъ, какъ то сдѣлалъ Тетмаеръ. При этомъ автора можно упрекнуть въ повтореніи пріемовъ, которое поражаетъ непріятно, какъ черта грубоватая, особенно у такого эстетика. Въ поэзіи своей онъ свободенъ отъ этихъ промаховъ. А въ романахъ они явились какъ наивные пріемы для „подчеркиванія" идейности, которая сама по себѣ слаба, и отъ подобныхъ пріемовъ, конечно, не становится ярче.

Таковы многократныя приглашенія Рдзавича, поочередно разными дамами, къ „обновленію жизни". Въ одномъ романѣ онъ обновляетъ жизнь съ Маріей, потомъ съ Элизой, въ другомъ—съ нѣкоей Мери, въ третьемъ — съ Терезой и едвали даже не съ Камиллой. Правда, глубоко онъ увлекается только Маріей и Терезой, которыя обѣ приводятъ его къ гибели.

Можно бы еще отмѣтить нѣсколько повтореній, дѣлаемыхъ въ видахъ просто стилистическихъ. А эти револьверы, изъ которыхъ Рдзавичъ не могъ застрѣлиться, потому что одинъ въ роковую минуту предусмотрительно унесла Элиза, а другой, въ послѣдній моментъ жизни, выпалъ у него изъ руки въ воду,— такъ что ему осталось только самому броситься туда же, чтобы умереть возможно-пассивной смертью...

XII.

Упомянемъ еще о романѣ „Мери" [1], въ которомъ Тетмаеръ задумалъ обрисовать типъ натуры страстной и вмѣстѣ эгоистической, тщеславной. Мери—еврейка-красавица и дочь милліонера, которая думаетъ, что ей — потому что въ ея рукахъ дѣйствительное могущество—все позволено. Она мечтала выйти замужъ непремѣнно за графа или князя, но случайно влюбилась-было въ композитора Стрижецкаго, который является и въ другихъ романахъ того же автора. Даетъ ему даже слово. Но когда опера Стрижецкаго „Роза Саронская", написанная въ ея честь, проваливается, то Мери беретъ свое слово назадъ и окончательно устраняетъ Стрижецкаго словами:

— Неужели вы думали, что я серьезно могу быть вашей женой?

И она выходитъ за бѣднаго графа Чорштинскаго, то-есть, просто покупаетъ его. А Стрижецкій, между тѣмъ, былъ искренно увлеченъ ею, даже сдѣлалъ попытку самоубійства. Впослѣдствіи, лучше подготовившись, онъ выступилъ въ Америкѣ съ новой оперой: „Lys dans la vallée", и имѣлъ успѣхъ. Черезъ нѣкоторое время онъ ставитъ ее и въ Варшавѣ, и Мери узнаетъ въ ней мелодіи изъ „Розы Саронской". Въ Варшавѣ опера Стрижецкаго производитъ фуроръ, и графиня Чорштинская старается снова покорить себѣ прославившагося композитора. Не такъ нуженъ былъ онъ ей самъ, какъ то, чтобы все дѣлалось по ея волѣ—„побѣда надъ жизнью, надъ волей судьбы".

---

[1]) „Panna Mery", 1901.

И вотъ, Мери ѣдетъ прямо къ Стрижецкому и дѣлается его любовницей. Но эти отношенія вскорѣ прекратились. Послѣ одного изъ страстныхъ свиданій, Стрижецкій вдругъ объявилъ ей, что сегодня же уѣзжаетъ заграницу. Мери упрашиваетъ его остаться, обѣщаетъ развестись съ мужемъ, даже оставить у него ребенка и слѣдовать повсюду за любимымъ человѣкомъ.

— Да я не люблю тебя. Ты мнѣ нравишься, возбуждаешь во мнѣ желаніе, ты мнѣ милѣе другихъ женщинъ, но любви къ тебѣ во мнѣ уже нѣтъ. Ты сама убила ее, сказавъ, что не думала серьезно выйти за меня.— Затѣмъ слѣдуютъ бурныя и грубыя сцены между Мери и ея мужемъ. Правда, Чорштинскій вполнѣ заслуживаетъ ея презрѣнія. Она уѣзжаетъ, оставляя адвокату дѣло о разводѣ, объѣзжаетъ всю Европу, но нигдѣ не находитъ Стрижецкаго, который возвратился въ Америку, а затѣмъ пустился въ путешествіе вокругъ свѣта, затѣявъ писать новую оперу, которая, по извѣстію нью-іоркской газеты, будетъ носить названіе: „Too late“ (слишкомъ поздно).

Опять—черта, несогласная съ правдой и вкусомъ. Точно художники и артисты все сочиняютъ на тему любви къ одной женщинѣ, да еще самыми названіями своихъ произведеній обозначаютъ разныя стадіи все той же любви!—Исторія Мери не окончена въ этомъ романѣ, но мы не будемъ долѣе заниматься ею. Отмѣтимъ только, что и Рдзавичъ, въ промежуткѣ между Маріей и Терезой, состоялъ въ романическихъ отношеніяхъ съ этой шальной героиней.

Въ „Мери“ есть у Тетмаера и попытка въ родѣ юмористическомъ. Это—циническія разсужденія дяди Гаммершлага объ отношеніяхъ между людьми, о ихъ взаимной зависти и ненависти, о силѣ денегъ и т. п. Но этотъ Гаммершлагъ далеко уступаетъ остроумнымъ евреямъ Юноши и Гавалевича. Напрасно также Тетмаеръ вдается въ изображеніе великосвѣтскихъ типовъ и въ воспроизведеніе салонныхъ разговоровъ, такъ какъ этой среды онъ совсѣмъ не знаетъ. Такого рода разговоры у него тяжелы и вялы, французскія выраженія хотя и правильны, но нисколько не типичны, такъ что являются совершенно безъ нужды, вмѣсто польскихъ. Сверхъ того, своимъ аристократамъ авторъ порой „влагаетъ въ уста“ слова, которыя несвойственны образованнымъ людямъ вообще при такихъ отношеніяхъ, какъ матери къ сыну или отца къ дочери.

Напримѣръ, когда княгиня Вишневецкая хотѣла утѣшить сына насчетъ холоднаго отношенія къ нему Терезы, то она не могла сказать сыну: „Это она только дорожится, какъ всякая

самка". И графъ Морскій хотя сердился, но не могъ закричать на дочь: „Ослица!" Оба не могли, не потому, что они аристократы, но по той причинѣ, что культурные люди способны на такія рѣзкости развѣ только въ бѣшеныхъ сценахъ ревности, но никакъ не въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ.

Напрасно также жениху Терезы въ „Гибели" дано историческое имя князя Вишневецкаго и предоставлено принимать свою невѣсту въ Вишневецкомъ замкѣ, откуда видны три озера. Правда, родъ Вишневецкихъ пресѣкся давно и Вишневецъ перешелъ въ иныя руки гораздо раньше, чѣмъ прославились Вагнеръ и Бэклинъ и мюнхенская школа живописи, о которыхъ упоминается въ разсказѣ, какъ о лицахъ и явленіяхъ близкихъ къ современности. Стало быть, формальнаго препятствія къ введенію Вишневецкаго въ романъ не было. Но все-таки выводить въ романѣ современномъ Вишневецкаго и дѣлать изъ него пріятеля принца Уэльскаго, почитателя декадентовъ и Марка Твэна, наконецъ приписывать ему боязнь лягушекъ—нѣсколько странно.

Совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ романы Тетмаера—его разсказы изъ народнаго быта: „На скалистомъ „Подгорьѣ" [1]). Галиційскіе отроги Карпатскихъ горъ называются на западѣ Татрами, а далѣе—Бескидами. Первые доходятъ до высоты около $8^1/_2$ тысячъ фут. (вершины Герлахъ и Ломница). Въ Бескидахъ нѣтъ горъ выше 7 тыс. фут. Татры особенно изобилуютъ живописными мѣстностями. Въ долинахъ у подножья горъ, вершины которыхъ покрыты снѣгомъ, разбросаны деревни и отдѣльные хуторы. По склонамъ горъ тянутся хвойные лѣса, а подъ ними, по уступамъ и плоскогорьямъ растетъ уже только трава, и то когда на этой высотѣ растаютъ снѣга. Тогда горцы-крестьяне (gòrale) гонятъ свои стада на тѣ горныя пастбища, которыя называются hale. Надъ ними поднимаются нагія вершины скалъ, исчезающія въ облакахъ. Мѣстами въ котловинахъ между этими скалами образовались горныя озера, среди которыхъ славится Морское Око.

Жители горныхъ мѣстностей, по каменистому свойству почвы, мало занимаются земледѣліемъ, а болѣе пастушествомъ и кустарнымъ промысломъ—выдѣлкой разной крестьянской утвари. Народъ это вообще бѣдовый, но какъ бы отчасти вдохновляемый поэзіею природы—веселый, музыкальный, любящій пляски, притомъ смѣлый и сильный. По ту сторону Татръ—уже Венгрія. Въ Татрахъ находится селеніе Закопане, обратившееся въ кур-

---

[1]) „Na skalnem Podhalu", 1903, 1904.

ортъ, славящійся во всей Польшѣ, гдѣ многіе краковяне и варшавяне имѣютъ свои дачи.

Тетмаеръ родился въ Татрахъ, отлично знаетъ горцевъ и говоритъ ихъ нарѣчіемъ. Оно, впрочемъ, понятно каждому поляку, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ и выраженій. Но своеобразны окончанія нѣкоторыхъ глагольныхъ формъ. Разсказы Тетмаера изъ жизни горцевъ прежде всего живописны, какъ самъ тотъ край. Они интересны и какъ изображеніе натуръ первобытныхъ, цѣльныхъ, составляющихъ прямую противоположность рафинированнымъ и расплывчатымъ типамъ его романовъ.

Но, разумѣется, современные обитатели Татръ,—хотя природа не измѣнилась, хотя они ведутъ прежній, вѣковой образъ жизни, ходятъ съ палкой въ рукѣ, законченной топоркомъ, которымъ цѣпляются за древесные пни и неровности скалъ, попрежнему носятъ бѣлую накидку, наброшенную на плечо въ видѣ плаща, и бѣлую или красную шапку съ высокимъ орлинымъ перомъ,—не могутъ уже быть такими первобытными, какъ бы то соотвѣтствовало фантазіи поэта и сливалось бы гармонически съ чудесными видами горъ, пропастей и висящихъ надъ горами озеръ.

Поэтому Тетмаеръ представляетъ въ своихъ разсказахъ не нынѣшнихъ подгальскихъ горцевъ, побывавшихъ по воинской повинности въ другихъ австрійскихъ земляхъ и самой Вѣнѣ, и на сельскихъ работахъ въ царствѣ польскомъ, а воскрешенныхъ его воображеніемъ недалекихъ ихъ предковъ, жившихъ въ то время, когда въ Татрахъ еще процвѣтали, какъ промыслы, разбойничество и контрабанда, благодаря близости венгерской границы, за которою и тогда были уже иныя власти.

Поэтичность образовъ отъ этого выиграла, но зато общая картина лишена дѣйствительнаго этнографическаго значенія. „Кристка“ (Христина) пасла стадо, лежа на дернистомъ бугоркѣ, и запѣла:

Только лишь дѣвицѣ лѣтъ пятнадцать минетъ,
Какъ ни стерегите, она съ хлопцемъ сгинетъ!...

Вдругъ она увидѣла стоящаго передъ ней молодца въ описанномъ выше нарядѣ. Въ смѣлой, съ одной стороны, а съ другой—кокетливой бесѣдѣ, онъ не сказалъ, куда идетъ и чѣмъ занимается, но пистолетъ и два ножа за его поясомъ позволяютъ думать, что онъ — изъ молодцовъ, занятыхъ промысломъ опаснымъ. Онъ добился отъ нея поцѣлуя и обѣщался придти назадъ, чрезъ много ли, мало ли времени, по этой же дорогѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣкоторое время, Кристка на той же полянѣ издали услыхала голосъ:

Я пою, хоть бѣденъ, не имѣю хаты,—
Птички, вотъ, поютъ же, а вѣдь не богаты...

Обычай импровизировать простецкіе вирши, на случай, особенно подъ краковякъ, на вечерницахъ, вообще распространенъ среди польскихъ крестьянъ.

Любовь продолжалась три года. Кристка дѣлила со своимъ возлюбленнымъ опасности, спасала его отъ погони, лечила его раны. Наконецъ, она замѣчаетъ, что онъ перестаетъ ее любить, и узнаетъ, что онъ сталъ ходить къ Ядвигѣ. Въ страстномъ объясненіи Кристка требуетъ, чтобы онъ сказалъ, чѣмъ ему Ядвига понравилась. Понравились ему ея сѣрые глаза. Тогда Кристка бѣжитъ къ ней, захвативъ съ собой факелъ, и выжигаетъ соперницѣ глаза. Заключеніе—такое: „—Теперь ужъ ты будешь мой! — дико прошептала она. А онъ наклонился къ ней, притягиваемый ею, но не сопротивляясь. Кристка ухватила его за руку и повлекла за собой, въ слегка шумѣвшій лѣсъ“...

Въ „Орлицахъ“ старикъ съ тремя дочерьми грабятъ въ мѣстности, гдѣ они временно скрывались въ лѣсной берлогѣ. Послѣ одного изъ ихъ набѣговъ, пускается преслѣдовать ихъ стрѣлокъ, но, уставъ на пути, засыпаетъ. Такъ застали его „орлицы“. Онѣ связываютъ ему руки разорванной юбкой, въ то время, какъ одна изъ нихъ держитъ ему остріе ножа на горлѣ. Потомъ онѣ привели его въ свою берлогу, гдѣ не застали отца, кормили и поили плѣнника, молодого парня, который имъ понравился. Возвратясь, отецъ похвалилъ дочерей и сказалъ, что заставитъ стрѣлка нести на спинѣ ихъ добычу, такъ какъ имъ надо уходить уже подальше, а потомъ убьетъ его, чтобы онъ ихъ не выдалъ.

Руки стрѣлку онъ перевязалъ вдобавокъ веревкой и пошелъ выслѣживать, притаиваясь въ кустахъ, нѣтъ ли еще погони. Дѣвки, между тѣмъ, уложили стрѣлка спать, но сами перессорились изъ-за него и стали его то тянуть, каждая къ себѣ, то отталкивать, одна отъ другой, „такъ что связанный ударился наконецъ головой о торчавшій острый камень и убился. Отецъ, возвратясь, хохоталъ до упаду, дразня дочерей. Потомъ велѣлъ собраться въ дорогу, связать добычу и, уходя, вонзилъ убитому ножъ въ сердце, для большей безопасности“.

Эти разсказы талантливаго поэта болѣе замѣчательны по глубокому его чувствованію родной величавой природы, чѣмъ по самому содержанію. Фигуры нарисованы какъ бы только вдобавокъ и именно такія, которыя болѣе соотвѣтствовали бы характеру этой природы, хотя ихъ уже давно не существуетъ. Вѣ-

роятно, имъ Тетмаеръ предпочелъ бы передать народныя легенды и сказки татранскихъ горцевъ, еслибы такой матеріалъ имѣлся. Своеобразность разсказовъ, конечно, много выигрываетъ отъ языка. Авторъ говоритъ въ предисловіи: „Разсказы эти не являются повтореніемъ подлинныхъ преданій горцевъ или хотя бы варіаціями на подлинныя темы. Они исключительно — плодъ моего воображенія“. Въ языкѣ горцевъ авторъ отмѣчаетъ словацкія примѣси, и прибавляетъ, что избѣгалъ такихъ періодовъ, которые были бы непонятны цѣликомъ.

Во всякомъ случаѣ подгальскіе разсказы Тетмаера не имѣютъ ничего общаго съ его психолого-аналитическими романами, и могутъ быть отнесены къ разряду „стихотвореній въ прозѣ“. Литературное ихъ значеніе критикою нѣсколько преувеличивается. Замѣтимъ мимоходомъ — хотя и не спеціально по поводу Тетмаера, — что критика во всѣхъ родахъ искусства слишкомъ потакаетъ современной „блазированности“, которая цѣнитъ только все „особенное“, еще небывалое, primeur'ы недоспѣлыхъ еще „идей“, анатомію души, въ самомъ существованіи которой та же критика далеко не увѣрена, силуэты такихъ сверхчеловѣковъ, въ которыхъ зачастую можно признать просто благёровъ, и экзотическія картины, которыхъ вся особенность — во внѣшней обстановкѣ, а вовсе не въ силѣ творческой, способной въ любой средѣ вызывать живые, интересные типы и создавать сильно веденное дѣйствіе.

XIII.

Отъ искателей новыхъ для человѣчества путей и отъ вивисекторовъ человѣческой души мы перейдемъ къ писателю, который не занимается ни тѣмъ, ни другимъ, а потому критика отводитъ ему мѣсто гораздо ниже, чѣмъ Пржибышевскому и Тетмаеру. А между тѣмъ, несмотря на сравнительную скромность той задачи, какую онъ себѣ поставилъ, писатель этотъ, какъ романистъ, имѣетъ тѣ преимущества передъ названными авторами, что онъ ближе къ правдѣ и болѣе ихъ самостоятеленъ. А такими преимуществами нельзя пренебрегать. Писатель этотъ — Вейссенгофъ. Онъ не ищетъ вдохновенія у Ницше и декадентовъ, не имѣетъ никакого притязанія на роль Колумбовъ, открывающихъ новые міры, а просто описываетъ хорошо знакомую ему общественную сферу и относится къ ней критически.

Итакъ, онъ дѣлаетъ, въ сущности, то же самое, что дѣлаетъ Реймонтъ, и еслибы Реймонтъ ограничился сатирическимъ изобра-

женіемъ мелко-провинціальнаго и театральнаго мірковъ, то нисколько не имѣлъ бы бо́льшаго значенія, чѣмъ Вейссенгофъ, который обличаетъ мірокъ веселой жизни, такъ-называемой high life. Но творчество Реймонта охватываетъ еще такіе широкіе горизонты, какъ бытъ крестьянскій и даже жизнь большого фабричнаго города. У Вейссенгофа негативъ—меньше, въ этомъ главная разница. А впрочемъ, въ своей картинѣ жизни лодзинскихъ фабрикантовъ Реймонтъ довольно близокъ къ Вейссенгофу, хотя кисть у перваго размашистѣе, но зато у послѣдняго она, пожалуй, тоньше.

Вейссенгофу удалось то, что удается далеко не всѣмъ, даже талантливымъ наблюдателямъ. Онъ открылъ и внесъ въ польскую литературу новый, совершенно оригинальный типъ. Опредѣлить этотъ типъ двумя-тремя словами нельзя, хотя нравственную цѣнность его легко отмѣтить и однимъ словомъ, кстати—далеко не лестнымъ. Типъ этотъ вовсе не исключительно польскій. Но сдѣлать его живымъ и поучительнымъ возможно было только въ видѣ фигуры мѣстной, со всѣми именно мѣстными, національными особенностями, которыя поляковъ заставляютъ узнавать въ ней нѣчто жизненно-реальное, яркое отраженіе не только эгоистической неразборчивости средствъ при „устройствѣ своей жизни", но и извѣстной манеры держать себя въ глазахъ толпы на высотѣ общеевропейской культурности.

Въ переводѣ на другой языкъ пришлось бы предпослать этому типу нѣкоторый комментарій, иначе онъ не былъ бы понятенъ. Представимъ себѣ среди русскаго общества нравственныя и умственныя черты, отношеніе къ общественнымъ дѣламъ, манеру держаться и говорить—такого человѣка, который сумѣлъ „и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти", дослужился до крупнаго чина и, вмѣстѣ, сохранилъ либеральные взгляды, а взятки бралъ, но только крупныя, и къ людямъ относится съ высоты мнимо-философскаго цинизма. Всю Европу онъ двадцать разъ изъѣздилъ, не пропуская ни разу Парижа и Монтекарло. Онъ знатокъ и въ женщинахъ, и въ кухнѣ, въ искусствѣ и въ лошадяхъ, знаетъ, что въ Россіи ничего нѣтъ „настоящаго", а только одни жалкія подражанія недоступной ей доселѣ культурности; наконецъ, и къ своей отечественной литературѣ, и къ русскому общественному движенію онъ относится свысока, какъ къ чему-то еще примитивному и совершенно напрасно много о себѣ воображающему.

Вотъ это былъ бы русскій Подфилипскій, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ типъ изученъ и воспроизведенъ Вейссенгофомъ

въ значительно несходной польской средѣ. Типъ, не правда ли, знакомый, хотя не имѣющій особаго названія и доселѣ не представленный въ литературѣ, по крайней мѣрѣ, въ такой цѣльности, какъ у польскаго автора. Подобіе этого типа даже нерѣдко можно наблюдать въ такъ-называемомъ „свѣтѣ", въ Россіи, какъ и въ Польшѣ. А отдѣльныя черты его встрѣчаются иногда и у людей, вовсе въ „свѣтѣ" небывающихъ. Каждому случалось слышать отзывы, напр., вродѣ слѣдующаго: „Какая намъ, помилуйте, конституція, когда мы порядочно еще и на дворъ ходить не умѣемъ!" Вотъ одно изъ сужденій, подходящихъ къ характеру такого типа.

Польскому автору пришлось, конечно, взять нѣкоторыя иныя черты, чѣмъ тѣ, какія представились бы русскому. Такъ, вмѣсто крупнаго чина—претензію на знатность происхожденія, вмѣсто большихъ взятокъ—крупную игру, вмѣсто циническаго отношенія къ общественному движенію—пренебреженіе къ національнымъ завѣтамъ и т. п. И русскому читателю, если онъ, въ свою очередь, сдѣлаетъ соотвѣтственныя перемѣны, типъ этотъ окажется совсѣмъ понятнымъ, даже отчасти лично знакомымъ.

Только теперь мы попробуемъ дать краткое опредѣленіе подобнаго дѣятеля и мыслителя: умѣнье обезпечивать себѣ комфортабельную жизнь при полной неразборчивости въ средствахъ, презрѣніе къ людямъ и даже своего рода „сверхчеловѣчество", то-есть циническое признаніе своего *я* чѣмъ-то высшимъ,—наконецъ, отношеніе ко всему родному свысока, въ силу поверхностнаго всезнайства и высшей культурности—главнымъ образомъ, по части внѣшнихъ формъ.

Но типъ этотъ благодаренъ для талантливаго сатирика не только по своей натурѣ, заслуживающей бичеванія, а еще и тѣмъ, что „въ уста" такого безправнаго хулителя можно вложить по временамъ и нѣчто отчасти похожее на правду. Отличить такія крупицы правды отъ общей фальши—это уже дѣло внимательнаго читателя.

Таковы были именно „Жизнь и мысли Подфилипскаго" [1]). Это произведеніе Вейссенгофа сразу имѣло большой успѣхъ и произвело замѣтное впечатлѣніе. Фактъ дополнительно объясняется тѣмъ, что поляки, вслѣдствіе особенностей своего положенія, впечатлительнѣе другихъ народовъ на уколы такого рода, то-есть на жесткое отношеніе къ вещамъ, которыя принято уважать. Кромѣ ловко схваченнаго и ярко выраженнаго новаго типа, въ

---

[1]) „Żywot i Myśli Zygmunta Podfilipskiego", 1898.

этомъ произведеніи Вейссенгофа удачно проведена иронія—подъ видомъ удивленія къ этому знатоку жизни и оригинальному мыслителю—одного изъ наивныхъ почитателей Подфилипскаго. Нашлись даже и такіе наивные читатели, которые принимали слова удивленія за звонкую монету, не замѣчая за ними ѣдкой сатиры. Но авторъ предвидѣлъ это, и потому помѣстилъ въ концѣ нѣсколько оставшихся послѣ Подфилипскаго писемъ и записокъ, которыя даже и въ самомъ наивномъ почитателѣ его возбудили разочарованіе.

Разсказъ этого почитателя ведется въ формѣ воспоминаній о незабвенномъ, замѣчательномъ человѣкѣ. „Понесенная нами недавно чувствительная утрата возлагаетъ на меня серьезную задачу. Такая личность, какъ Сигизмундъ Подфилипскій, ожидаетъ вторичнаго своего воплощенія, стучится во врата литературы и исторіи. Это—типъ выразительный, насквозь проникнутый нами самими, фигура, которая не должна быть пропущена въ лѣтописяхъ нашей цивилизаціи... Даже не столько самъ по себѣ, но, именно, какъ отраженіе своей эпохи, какъ образчикъ даннаго пошиба, Сигизмундъ Подфилипскій заслуживаетъ бо́льшаго, чѣмъ обычнаго некролога. Итакъ, постараюсь возстановить эту личность по моимъ воспоминаніямъ, продолжить бытъ ея на той землѣ, которая его произвела, и въ той же атмосферѣ тонкихъ нравственныхъ полутоновъ, въ которой онъ любилъ пребывать“. Почитатель этотъ подписалъ свое предисловіе фамиліею Лигенза.

И вотъ, онъ даетъ прежде всего серьезную замѣтку о происхожденіи и жизни своего героя. О Подфилипскомъ иные завистники совершенно неосновательно сказывали, что онъ происходилъ изъ новоиспеченнаго дворянства и даже будто бы изъ евреевъ. Совсѣмъ напротивъ. О родѣ Подфилипскихъ упоминается еще въ классическомъ гербовникѣ Папроцкаго, что члены этого рода бывали сенаторами и имѣютъ общій гербъ съ Потоцкими. Вѣчно дѣятельный умъ покойнаго занялся-было одно время и собираніемъ матеріаловъ о его родѣ, и о принадлежавшемъ ему, повидимому, шведскомъ графскомъ титулѣ. Но разысканія эти скоро утомили этотъ умъ, всегда предпочитавшій реальное. Онъ успѣлъ ихъ довести только до своего прадѣда, который оказался судьею въ Луковѣ, а предстоялъ еще немалый трудъ, чтобы разыскать полную связь этого предка съ сенаторомъ XVI вѣка. Подфилипскій счелъ это напраснымъ, перечеркнулъ все начало своего генеалогическаго древа и написалъ на немъ: „старые предразсудки“. Вотъ доказательство, что онъ стоялъ выше ихъ, хотя отчасти и поддавался имъ, впрочемъ съ усмѣшкой. Однако

прислуга у него въ домѣ и въ отеляхъ, все-таки, называла его графомъ и знала объ этомъ, конечно, не изъ преданія.

Родители Подфилипскаго и брата его Ѳомы были просто арендаторами въ люблинской губерніи, но людьми достаточными, такъ что могли дать сыновьямъ образованіе. Старшій изъ братьевъ, Сигизмундъ, окончилъ гимназическій курсъ въ Варшавѣ, потомъ поѣхалъ заграницу, заканчивать свое образованіе въ разныхъ ученыхъ и иныхъ учрежденіяхъ, но о полученіи диплома, кажется, не заботился. Ѳома, филологъ по призванію, прошелъ университетскій курсъ въ Дерптѣ и Лейпцигѣ. Авторъ воспоминаній предваряетъ, что къ жизни своего героя онъ относится совершенно объективно, и что личные взгляды и убѣжденія Подфилипскаго обрисуются и закруглятся постепенно въ разсказѣ, вмѣстѣ съ самой этой личностью.

Округленностью формъ Подфилипскій отличался только при концѣ жизни, а въ молодости, судя по фотографіи, снятой въ 1870 году, онъ былъ худощавъ. „Произошло ли это отъ первобытности тогдашняго фотографическаго искусства, или отъ иныхъ причинъ, но юноша въ томъ изображеніи, пожалуй, похожъ нѣсколько на голоднаго волка. И дѣйствительно, ему повезло не вдругъ. А аппетитъ у него былъ всегда изрядный, не тотъ, впрочемъ, грубый аппетитъ, которымъ отличаются низшія натуры, но аппетитъ къ „сливкамъ", во всякомъ значеніи этого слова. Онъ любилъ жизнь въ ея наиболѣе тонкихъ проявленіяхъ и роскошныхъ экземплярахъ, а признавая за собой право на всѣ привилегіи судьбы, онъ негодовалъ, когда ему въ нихъ отказывали или когда они оказывались просто ему недоступны.

„Денегъ онъ въ то время имѣлъ мало и видѣлъ въ этомъ соціальную несправедливость... Но онъ сумѣлъ вознаградить себя за нее, отчасти мелкими, сперва, аферами, отчасти счастливой игрой. Во всякомъ случаѣ, изъ тѣхъ 1.500 р. въ годъ, которые ему присылались родителями, онъ не могъ отложить въ десятокъ лѣтъ тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, съ которыми онъ появился въ Варшавѣ около 1876 года. Въ Варшавѣ ему сильно повезло на биржѣ, да и карты еще помогали ему, такъ что когда я съ нимъ познакомился, это уже былъ человѣкъ очень достаточный, владѣлецъ нѣсколькихъ усадебъ и домовъ, словомъ— человѣкъ, не считавшійся съ мелкими расходами и все болѣе возраставшій въ общественномъ уваженіи"...

Вотъ только жениться ему не удалось. Въ первый разъ онъ посватался къ дочери вдовы графини, и это пріятеля и почитателя его, Лигензу, удивило, такъ какъ дѣвица была некрасива и

не имѣла приданаго, хотя была сродни самому высшему свѣту. Пріятель въ то время еще стѣснялся спрашивать его о столь интимныхъ дѣлахъ, но слышалъ именно тогда отъ Подфилипскаго такія „общія“ будто замѣчанія, какъ:

— Нѣтъ у насъ ни тѣни солидарности, даже въ одной и той же средѣ.

Или еще:

— Вотъ, попробуешь разъ пойти за влеченіемъ сердца и только снова встрѣтишься съ холоднымъ разсчетомъ и эгоизмомъ. Скажу вамъ правду,—инстинкты сердца—это только замаскированная глупость. Сердце, это—тотъ прирожденный оселъ, который сидитъ въ каждомъ изъ насъ. А и самъ каюсь...

Сватался онъ къ дочери фабриканта. Но не понравился ни ей, ни родителямъ. Отказы, впрочемъ, нисколько не нарушали въ немъ нравственнаго равновѣсія.

— Можете ли вы представить, чтобы я рвалъ на себѣ волосы? Я ихъ слишкомъ цѣню, да и не терплю растрепъ.

Разъ Лигенза, по дорогѣ изъ Варшавы въ Люблинъ, выйдя утромъ въ корридоръ вагона, неожиданно увидѣлъ Подфилипскаго.

— Очень радъ, что и вы будете въ Люблинѣ; тамъ у меня дѣла съ братомъ. А то, признаюсь, съ одними нашими „компатріотами“ тамъ...

— А я-то кто же?

— Ну, ну, не напрашивайтесь на комплименты!—Онъ повелъ Лигензу къ своему отдѣленію. Кондукторъ вагона, приложивъ руку къ шапкѣ, спросилъ:—Прикажете, ваше сіятельство, убрать?—Нѣтъ, позовите сюда моего егеря.—Этотъ егерь Гансъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, былъ настоящій factotum. Въ купѐ Подфилипскаго пахло духами, какъ въ спальнѣ у женщины. Всѣ разложенные туалетные предметы были первосортные, англійскіе. Скамья вагона была прикрыта лосиной кожей. На крючкѣ висѣли два полныхъ костюма, очевидно отъ перворазряднаго портного заграницей, откуда Подфилипскій именно возвращался. Обувь—образцовая. Онъ еще былъ въ туфляхъ и сталъ при мнѣ одѣваться съ помощью Ганса, причемъ я констатировалъ изысканность всего того, что было на немъ.

— Что это вы, съ выставки модъ что-ли возвращаетесь,— спросилъ я,—до такой степени все на васъ и вокругъ васъ — nec plus ultra? Послѣдній крикъ изящества!

— Знаете, признаюсь вамъ, я люблю нѣкоторую изысканность въ опрятности и удобствѣ. Да и думаю, что уже для одного

примѣра необходимо у насъ заботиться объ этомъ. Чистота — вотъ одна изъ первыхъ реформъ, какія необходимы въ нашей культурѣ или, вѣрнѣе, некультурности. Вѣдь что же такое это французское или, точнѣе, англійское изящество, которымъ у насъ такъ пренебрегаютъ, смѣшивая его даже съ такъ называемой нравственной гнилью Запада? Просто — гигіена, доведенная до эстетичности... Вотъ я, въ прошломъ году, былъ приглашенъ, здѣсь же недалеко, гдѣ мы теперь проѣзжаемъ, на помѣщичье празднество, именины что-ли... Насмотрѣлся тамъ я нашихъ туалетныхъ и всякихъ порядковъ! Продолжалось это цѣлую недѣлю — танцы, охоты, фейерверки. Имѣете понятіе?

— Разумѣется, и даже нигдѣ не бываетъ такъ весело.

— Весело, пожалуй, было и мнѣ, но только какъ наблюдателю. Я не танцую, а охота была мизерная... Съѣхались вечеромъ наканунѣ великаго дня. Смотрю — ужинъ; сидятъ уже множество гостей. Тутъ въ перемѣшку и фраки, и сюртуки, и пиджаки. Дамы, однѣ — полудэкольтэ, другія — зашиты въ черные или цвѣтные мѣшки. Шумъ, бѣготня, прислуга бросается, теряетъ голову, хозяинъ самъ наливаетъ вина! Одно изъ нихъ было даже очень недурно. „Что же вы не кушаете?.. Господинъ судья!.. Г. совѣтникъ!.. Г. президентъ! Пожайлуста!“ Французскій будто бы языкъ слышится: „Maman a de la salade? — J'ai“. Однимъ словомъ, все по нашему, сердечно и весело. Такъ что подъ-конецъ и во мнѣ нѣсколько отозвалась дворянская жилка. Ночевать остались человѣкъ сорокъ. Хорошо, что мнѣ попалась отдѣльная комната. О привычномъ моемъ омываніи на ночь, разумѣется, не могло быть рѣчи. Хорошо уже то, что простыни были чистыя. Но шельма мышь то гложетъ въ углу, то гдѣ-то пляшетъ по смятой бумагѣ. Такъ всю ночь я и не спалъ. Сталъ одѣваться. На какой-то крупной мебели съ ящиками поставлена маленькая умывальная чашка и кружка съ водой, величиной немного больше сливочника. Звонка нигдѣ нѣтъ. Но вижу въ окно: бѣгомъ несется куда-то лакей. По моей просьбѣ, онъ приноситъ ведро воды... Разворачиваю свой tub, но вдругъ замѣчаю, что нѣтъ полотенецъ. Можетъ быть — въ ящикахъ. Заперты. Одинъ изъ нихъ выдвигаю, подпираю снизу. Тутъ есть все, кромѣ полотенца: папка, запечатанная баночка съ надписью: „карпъ двухнедѣльный“, засаленный листъ бумаги, покрытый цифрами, отчетъ эконома изъ какого-то фольварка, наконецъ — письмо съ заголовкомъ: „Дорогой Тадеушъ“... Но вѣдь такъ зовутъ моего хозяина? Тогда я взглянулъ ближе на мебель, служившую мнѣ умывальникомъ, и прыснулъ со смѣху... Пись-

менный столикъ. Значитъ, я ночевалъ въ конторѣ самого землевладѣльца и мылся на его письменномъ столѣ!

Для контраста, приведемъ отзывъ Подфилипскаго о томъ, почему его постоянно влекло заграницу.

„Люблю я слышать, какъ бьется пульсъ свѣта. Станьте на углу большихъ бульваровъ и Avenue de l'Opéra, прислушайтесь и смотрите. Глухое, какъ бы подавленное ворчаніе грома по дереву мостовой, хотя колеса не стучатъ; стукъ безчисленныхъ копытъ, шумъ сливающихся разговоровъ, возгласовъ, смѣховъ; плывутъ такія рѣки людей, что уже одинъ слитый шопотъ ихъ составилъ бы громкій звукъ, еслибы его можно было отличить и разслышать. Весь этотъ соединенный шумъ вы слышите постоянно, только порой его не замѣчаете; онъ составляетъ какъ бы фонъ всѣхъ вашихъ впечатлѣній.

„Смотрите! Что̀ за лошади! Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ и какими ровно и легко напряженными возжами правятъ ими кучера! Проѣзжаютъ Альфонсъ Ротшильдъ, президентъ республики, Ліана де Пужи и тамъ еще кто-то такой... ахъ, да, король шведскій. Взгляните, какъ одѣты прохожіе, какъ блестятъ глаза у женщинъ... Что-то такое есть въ воздухѣ, что̀ дѣйствуетъ сильнѣе белладонны.

„Вы вспоминаете, что у васъ есть дѣло. У васъ чекъ на Crédit Lyonnais. Это—здѣсь, сейчасъ налѣво... Нужно повидаться съ знакомымъ, который живетъ въ концѣ Елисейскихъ Полей? Обернитесь—вотъ станція городского телеграфа, напишите petit bleu. При васъ нѣсколько разъ упоминалось о новомъ изобрѣтеніи Эдиссона; вотъ, черезъ нѣсколько домовъ, въ Café Riche—публичное чтеніе о немъ, съ опытами; еще застанете. Справка нужна? Стоитъ зайти въ „салонъ“ при любой газетной редакціи — есть нѣсколько и направо, и налѣво. Тамъ отыщете въ книгѣ или получите устное указаніе.

„Купить то и другое? Въ полуверстномъ радіусѣ я найду все, о чемъ когда-нибудь думалъ, да еще много такого, что̀ мнѣ было неизвѣстно. Пора обѣдать? Отсюда въ нѣсколькихъ шагахъ—Палльяръ, Café Anglais, Жозефъ. А потомъ пойдите въ Оперу, передъ которой теперь стоите. Хоть одна знаменитость, но будетъ.

„Да, сударь мой, — продолжалъ Подфилипскій, понизивъ голосъ, такъ какъ замѣтилъ, что къ нему прислушивались со стороны: — тамъ, или въ Лондонѣ, даже иногда въ Берлинѣ, чувствуешь себя какъ будто болѣе законченнымъ, болѣе богатымъ, высшимъ. Во всѣхъ главныхъ завоеваніяхъ и пріобрѣтеніяхъ

цѣлаго ряда вѣковъ тамъ я могу принять участіе, за сравнительно небольшія деньги; мнѣ тамъ доступно все, начиная отъ булки, кончая добродѣтелью и славой. Тамъ я въ самомъ дѣлѣ живу, и если буду умирать, то съ сознаніемъ, что я сгорѣлъ или сломился, а не сгнилъ отъ недостатка движенія или отъ подмочки. Всѣ, разумѣется, не могутъ жить въ Парижѣ, но то, что людей съ подвижной мыслью и болѣе широкими взглядами тянетъ къ такимъ центрамъ—совершенно, понятно. Человѣкъ инстинктивно стремится къ наслажденію. Тѣ, кто не достигаютъ его—или малообразованы, или больны, или принадлежатъ къ трудящимся классамъ. Совсѣмъ не глупо сказано, что ubi bene—ibi patria".

А вотъ, взятый изъ одного разговора, взглядъ Подфилипскаго на женщинъ: „—Ну, ужъ чтобы изъ тѣхъ, которыя вертѣлись около нея никто не былъ удостоенъ отличія, въ формѣ ли сліянія душъ въ поцѣлуѣ, или вслѣдствіе растерянности во время грозы, или въ видѣ жалости къ любящему сердцу, или на зло мужу, или просто по исторической необходимости!...

— Но какое же основаніе подозрѣвать?

— Да я и не подозрѣваю, а только предполагаю. А свое предположеніе основываю на знаніи женщинъ; между ними вовсе нѣтъ столь различныхъ характеровъ, какъ то представляютъ романисты, выдумывающіе какихъ-то „сфинксовъ". Сфинксами онѣ могутъ казаться только потому, что мы не понимаемъ ихъ плохой и измѣнчивой логики, но инстинкты у нихъ всѣхъ очень схожи. Я не иду такъ далеко, какъ Толстой, который въ физической связи мужчины съ женщиной видитъ въ сущности ненависть, взаимное желаніе особей разныхъ половъ погубить другъ друга. Я вижу только борьбу двухъ эгоизмовъ, стремящихся къ тому же наслажденію... Хорошо, если оба они найдутъ удовлетвореніе; но они могутъ и разойтись въ иныхъ своихъ желаніяхъ. Тогда весь вопросъ—которой изъ сторонъ удастся далѣе эксплуатировать другую въ свою пользу. У мужчины — сила и умъ, у женщины — слабость и измѣна. Надо помнить, что все это—орудія для борьбы... Женщину слѣдуетъ поработить, отнять у нея индивидуальность. Вся цѣна женщины—въ томъ мужчинѣ, который ею обладаетъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—вся житейская мудрость заключается въ распознаніи недостатковъ и слабостей ближнихъ. Это — не безплодное изслѣдованіе, какъ астрономія, но такое, которое даетъ силу и господство. Никто не ошибается въ такихъ комбинаціяхъ, которыя разсчитаны на человѣческое тщеславіе, чувственность, корыстолюбіе. Какія, напримѣръ, предпріятія бы-

ваютъ наиболѣе успѣшны? Ночные рестораны, игорные дома, лотереи, изданіе гербовниковъ съ оплаченными генеалогіями. А попробуйте собрать деньги на школу, больницу или издавать газету, посвященную изящнымъ искусствамъ!.. Свѣтъ скверенъ въ самой своей основѣ, слѣдуетъ его знать и, насколько это кому возможно, овладѣвать имъ, извлекая хоть для себя пользу изъ этой скверности, или—говоря точнѣе—изъ повседневной ходячей человѣческой натуры".

XIV.

Было бы слишкомъ много цитатъ, еслибы мы привели всѣ взгляды Подфилипскаго на разные вопросы и стороны жизни, между прочимъ и на особенности быта польскаго общества. Кромѣ Лигензы, автора воспоминаній, у него были и другіе ученики и почитатели. Но его и ихъ направленіе встрѣчало иногда и отпоръ.

Приведемъ отрывокъ изъ сцены за юбилейнымъ обѣдомъ въ честь пользовавшагося общимъ уваженіемъ писателя-драматурга и литературнаго критика.

Одинъ изъ ораторовъ, восхваляющій именно заслуги юбиляра въ области критики, окончилъ свою рѣчь словами: „Та критика, которая васъ поддерживала, въ которой и вамъ самимъ принадлежало выдающееся участіе, склоняетъ передъ вами главу".

Ораторъ наклонилъ передъ юбиляромъ свою голову, также украшенную уже сѣдиною, и это произвело сильное впечатлѣніе. Юбиляръ бросился обнимать его.

— Правду говоритъ этотъ вашъ столпъ,—замѣтилъ Подфилипскій сидѣвшимъ съ нимъ пріятелямъ.—Критика нужна, но какого рода? Къ философіи примѣнима нѣмецкая, научная критика, а къ литературѣ—французская, вкусная. Но эту послѣднюю развѣ можно примѣнять къ нашимъ литературнымъ плодамъ? Вѣдь въ французской критикѣ подвергаются разбору уже только оттѣнки, только какія-нибудь неровности на отлитой вещи, а не свойства самаго металла или формы, въ которую онъ отлитъ, и другія подобныя примитивности.

Тогда одинъ изъ пріятелей Подфилипскаго сталъ тихимъ голосомъ передразнивать похвальныя рѣчи. — Внимая гимнамъ жрецовъ, едва не ослѣпляемый блескомъ торжества, смиренно взираю я изъ сѣни храма и, ударяя себя въ грудь, какъ мытарь, говорю:—Помилуй мя, Боже!

— Браво!—шепнулъ Подфилипскій.

— Не въ званіи драматурга, — чего недостоинъ, — не въ качествѣ критика—помилуй насъ, грѣшныхъ!—но какъ смертный, сидящій во второмъ ряду партера, нерѣдко страдающій и немощный вѣрою, дерзаю присоединить къ оркестровой ораторіи слабый пискъ моей флейты, какъ бы жужжаніе осы въ хорѣ мамонтовъ, воспѣвающихъ заслуги ихтіозавра. А ихтіозавръ—это вы, высокопочитаемый юбиляръ, переходный видъ между величайшею изъ рыбъ, плававшихъ въ литературномъ мірѣ, и знаменитѣйшимъ изъ земноводныхъ, кормящихся достойными остатками.

— Настоящее вдохновеніе!—вставилъ, смѣясь, Подфилипскій.

— Атъ, говоритъ себѣ, чтобъ говорить, только и всего!—

Всѣ мы взглянули, откуда этотъ голосъ? Передъ нами сидѣлъ широкоплечій, высокій литвинъ, крутившій свою острую бородку. Прежній „нашъ" ораторъ всталъ и обратился къ нему съ комичной важностью:

— Позвольте вамъ представиться... Моя фамилія—Делицкій.

— Колчановичъ,—произнесъ литвинъ, чуть привставъ со стула.

— Извините меня,—сказалъ Делицкій,— я импровизировалъ для своихъ друзей и не разсчитывалъ на болѣе широкую аудиторію.

— Вѣдь я вамъ не мѣшаю. Пришелъ сюда послушать, ну и вникаю.

Пользуясь перерывомъ въ оффиціальныхъ рѣчахъ, Подфилипскій заговорилъ въ своемъ кружкѣ о нѣкоемъ литературномъ салонѣ въ Парижѣ; причемъ назвалъ съ десятокъ именъ декадентовъ, нео-христіанъ и монмартрскихъ слагателей пѣсенокъ.

— Какъ все это живо, оригинально, современно! Сколько тамъ юмора и какая отзывчивость къ самоновѣйшимъ потребностямъ духа! Вотъ такое собраніе литераторовъ я понимаю. Тамъ всегда услышишь что-нибудь неожиданное; тамъ встрѣчаешь изящность мысли, остроуміе, полное отсутствіе предразсудковъ и традицій школы. Помнишь тѣ наши вечера, Делицкій?

— Еще бы! Тамъ мы жили! А дома у насъ что? Ни таланта, ни остроумія, ни новизны, но зато — школа. Вотъ хоть собравшіеся здѣсь... Всѣ они такъ вышколены, что каждый впередъ знаетъ, что скажетъ другой, у каждаго есть готовый отвѣтъ... Вотъ, напр., тотъ, который сидитъ тамъ, обременяемый еще невысказанной рѣчью,—тотъ, навѣрное, выпалитъ изъ орудія самаго большого калибра, упомянетъ, что у всѣхъ на душѣ одинъ общій идеалъ, и подморгнетъ намъ многозначительно, чѣмъ вызоветъ тотъ же восторгъ, какой эта угроза производитъ въ теченіе полувѣка. Вонъ, у него уже потѣетъ лысина. Сейчасъ изъ нея выскочитъ Минерва.

— А когда ужъ никто не можетъ, такъ сами бы вы сказали что-нибудь новое,—проворчалъ Колчановичъ.

— Кажется, я и говорилъ вещи сравнительно новыя.

— Да старыя, сударь, старыя!.. Вы недовольны?

— Дѣйствительно недоволенъ,—сухо отвѣчалъ ему Делицкій, отвернулся отъ него и сѣлъ къ нему бокомъ.

Подфилипскій повелъ глазами по залѣ:—Кромѣ насъ, пришедшихъ сюда случайно, здѣсь собраны почти всѣ мѣстные наши литераторы. Нисколько не сомнѣваюсь въ способностяхъ и умѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но вѣдь все это труженики пера, какъ говорится у насъ. Покажите мнѣ хоть одного, который бы писалъ для собственнаго удовольствія. Я подразумѣваю не графомановъ, конечно, но такихъ талантливыхъ писателей, которые бы были независимы, могли жить широко и широко наблюдать міръ. Всѣ эти господа видятъ постоянно передъ собой только дворы тѣхъ домовъ, гдѣ они живутъ, и имъ не о чемъ писать. А писать они должны, потому что это ихъ призваніе и заработокъ. Вотъ они и обрабатываютъ устарѣлыя и легкія темы, пишутъ сѣро. Ну, конечно, есть и еще извѣстныя всѣмъ препятствія...

Подфилипскій умѣлъ воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы распространять истинную культуру. У него была своя задача, и онъ не забывалъ о ней. Но онъ умѣлъ говорить, какъ истинный аѳинянинъ, серьезно и вмѣстѣ легко, какъ будто мысли приходили ему безъ всякаго усилія и являлись скорѣе въ видѣ умной улыбки.

А ученикъ его, Делицкій, уже съ меньшимъ тактомъ развивалъ поученія учителя, тѣмъ болѣе, что былъ нѣсколько возбужденъ виномъ.

— О, писатель, писатель! О многомъ ты печешься, а одного тебѣ самому недостаетъ: культуры. Воистину глаголю вамъ: легче верблюду написать повѣсть для своихъ ближнихъ, чѣмъ одному изъ васъ войти въ царство геликонское. Такъ вѣщаетъ вамъ не основатель новой вѣры, но скромный лѣтній свѣтлячокъ, ползущій среди египетскаго мрака.

— Да перестаньте, наконецъ! — угрюмо произнесъ Колчановичъ.—Къ чему смѣшивать писаніе съ бреднями!

— Я васъ прошу не...—Но какъ разъ въ эту минуту поднялся тотъ ораторъ, обремененный невысказанной еще рѣчью, и, упомянувъ, что юбиляръ всегда служилъ долгу, слѣдуя внушеніямъ чистаго сердца, и сохранилъ чистую совѣсть, онъ окончилъ словами:—А такъ какъ всѣхъ насъ соединяетъ одно слово,

одна любовь, то возлюбимъ другъ друга. Kochajmy się! (Старинный заключительный тостъ).

Всѣ подняли бокалы и встали, привѣтствуя наклоненіемъ головы и движеніемъ руки—оратора, юбиляра и другъ друга. Делицкій остался сидѣть и обратился негромко къ своему кружку:

— Надо наконецъ порвать четки изъ этихъ деревянныхъ побрякушекъ. Пора намъ сравняться съ культурными народами, вмѣсто того, чтобы вѣчно копаться въ выдохшихся словахъ, въ ни къ чему непригодной традиціи, все еще разыскивая какихъ-то забытыхъ блестокъ или вымершей жемчужины въ этомъ сорѣ. Долой этотъ наслѣдственный соръ глупости и упадка! Я предложу вамъ тостъ...

Но онъ прервалъ рѣчь, увидя противъ себя, отдѣленную только столомъ, громадную фигуру литвина. Тотъ медленно выросталъ надъ своимъ стуломъ, опираясь руками на столъ, и впивался въ оратора страшными глазами. Съ своей трясущейся, узкой бородкой, онъ росъ все выше, какъ старый козелъ взлѣзающій на подъемъ холма. Казалось, что онъ влѣзетъ на столъ, который трясся подъ его могучими кулаками. Вотъ, онъ наклонилъ голову, будто собираясь боднуть, и, знаменательно приподнявъ правую лапу надъ столомъ, крикнулъ Делицкому:

— Молчать! А то какъ начну ковать по мордѣ...

Мы остолбенѣли. Делицкій схватилъ столовый ножъ. Но къ Колчановичу подбѣжалъ какой-то пріятель и, умоляя, изъ уваженія къ самому торжеству, увелъ его, размахивающаго руками.

Мы не знали, какъ выйти изъ этого положенія. Но Подфилипскій произнесъ, полушутя:—Вотъ и пренія, по нашимъ нравамъ.—А Делицкому, взявъ его за локоть, онъ сказалъ:—Мы это устроимъ.

„Устроилъ“ это Подфилипскій такимъ образомъ, что Колчановичъ былъ уволенъ отъ должности при желѣзной дорогѣ въ Варшавѣ и переведенъ куда-то далеко. Встрѣтясь вскорѣ съ Лигензой, Подфилипскій не сказалъ объ этомъ, но отрицалъ возможность поединка съ Колчановичемъ и ему подобными, которыхъ слѣдуетъ не замѣчать, а не только говорить или еще драться съ ними.

— А вѣдь попалъ же онъ въ собраніе! Какъ же, при нашихъ взглядахъ. Кассиръ на станціи... Вѣдь онъ принадлежитъ къ интеллигенціи! Ну, гдѣ это могло бы случиться? „Ковать по м.....“!..

— Что это такое? Слыхано ли гдѣ-либо на свѣтѣ, чтобы кто-нибудь на торжественномъ собраніи, вдругъ, выступилъ съ подобнымъ предложеніемъ?

Намъ пришлось ограничиться отрывками изъ сужденій Подфилипскаго. Нравственная сторона его уясняется изъ такихъ его дѣйствій, какъ, напримѣръ, отношенія его къ брату, которому онъ ссудилъ крупную сумму, подъ закладную имѣнія, но зато обратилъ его въ своего дарового приказчика по разнымъ дѣламъ, посылалъ къ нему на кормъ своихъ лошадей, посылалъ его самого осматривать братнины имѣнія и получать деньги по долгамъ, да еще примазывался къ его женѣ, хотя безуспѣшно. Немилосердно эксплуатировалъ и совершенно обезличилъ онъ образованную женщину, съ которою жилъ, хотѣлъ дѣлиться ею съ однимъ молодымъ княземъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣла, потомъ спихнулъ ее къ брату въ учительницы для дѣтей, а когда она не явилась по его требованію на обѣдъ съ его друзьями въ ресторанъ,—послалъ женѣ брата безъименный доносъ о ея прошломъ.

И еще многое въ этомъ родѣ, что только отчасти проглядываетъ въ самомъ разсказѣ, но вполнѣ оказывается изъ приложенныхъ къ нему, оставшихся по смерти Подфилипскаго, писемъ. Крупное свое состояніе онъ завѣщалъ на учрежденіе въ Парижѣ „цивилизаторскаго“ клуба подъ названіемъ „Faculté polonaise de la rue X“.

Своему „егерю“ Гансу онъ завѣщалъ десять тысячъ франковъ, и тотъ явился къ Лигензѣ, прося порекомендовать его на мѣсто.

— Да, графъ былъ добрый человѣкъ, царство ему небесное: завѣщалъ мнѣ десять тысячъ франковъ. Хотя я предпочелъ бы, чтобы это были рубли. А то франки теперь стали у насъ дешевле, чѣмъ прежде.

Когда Гансъ выходилъ, то лакей Лигензы сталъ подавать уходившему пальто, выказывая при этомъ преувеличенную поспѣшность и униженность. Тотъ вынулъ руку изъ кармана, дѣлая видъ, будто давалъ ему на пиво. Но лакей оттолкнулъ руку, смѣясь, и, шлепнувъ Ганса по плечу, сказалъ ему:

— Ахъ, ты, Подфилипье!

Приведя нѣсколько образчиковъ, чтобы познакомить русскихъ читателей съ характеромъ главнаго произведенія Вейссенгофа, мы ограничимся короткой замѣткой о другихъ его двухъ романахъ—„Дѣло Долэнги“ [1]) и „Блудный Сынъ“ [2]). Появившіяся же раньше повѣсти его—„За лазурью“ [3]) и „Сговоръ Яна Бэлского“ [4]) оставимъ въ сторонѣ, чтобы не слишкомъ удлиннять нашъ очеркъ.

---

[1]) „Sprawa Dołęgi“, 1902.
[2]) „Syn Marnotrawny“, 1905.
[3]) „Za Błękitami“, 1894.
[4]) „Zaręczyny Jana Bełskiego“, 1894.

Прибавимъ, что Вейссенгофъ—также поэтъ. Какъ было уже замѣчено выше, мнимо-родовую спѣсь Подфилипскаго и пренебрежительное отношеніе къ родному обществу, которымъ у него прикрывается просто циническое отрицаніе нравственнаго и общественнаго долга, чаще всего можно встрѣтить въ такъ называемой „свѣтской средѣ", въ сферѣ людей беззаботной жизни и забавы. Поэтому Подфилипскій и является, ближе всего, сатирой именно на эту сферу.

Но на первый разъ, какъ бы въ видѣ опыта, типъ былъ представленъ въ лицѣ не настоящаго аристократа, а только сомнительнаго intrus въ тѣ кружки. Но въ „Дѣлѣ Долэнги" и въ „Блудномъ Сынѣ" выведены уже чистокровные аристократы и нравственная ничтожность ихъ среды.

Это могъ сдѣлать только писатель, самъ вращавшійся въ той средѣ и притомъ одаренный замѣчательной по тонкости и сочности кистью, природнымъ юморомъ и вмѣстѣ вкусомъ. Видно, что онъ самъ умѣетъ цѣнить все изящное и утонченное въ искусствѣ и людяхъ, но никакъ не признаетъ въ этомъ „верхъ" человѣческихъ стремленій. У него есть блестящія картины изъ жизни на Ривьерѣ, въ Римѣ („Блудный Сынъ"), охоты съ борзыми въ Польшѣ и т. д. И фигуры оракула аристократической среды, графа Збонскаго, добраго товарища и человѣка съ хорошими инстинктами, по мягкаго эстетика, изнѣженнаго женщинами, неспособнаго къ предпріимчивости („Дѣло Долэнги"), сдѣланы правдиво и художественно-законченно.

Есть, правда, и энергическія лица, которыя могли бы сдѣлать что-нибудь для общества. Но это — или фабрикантъ, къ тому же нѣмецъ, Гелле, занятый только своимъ дѣломъ; или инженеръ Долэнга, котораго не хотятъ поддержать люди богатые; или, наконецъ, прелестно нарисованная дѣвушка, которая, разумѣется, выходитъ замужъ. Кокетливая и возрастомъ гораздо старше ея дама, видя, какъ одно появленіе этой дѣвушки оживляетъ всѣхъ, недаромъ сдѣлала такое замѣчаніе, что „самая лучшая политика съ мужчинами, это—молодость".

Очень можетъ быть, что отъ Вейссенгофа, хотя ему теперь еще только пятый десятокъ отъ роду, нельзя ожидать „новаго слова". Но на его тонкихъ и умныхъ эскизахъ пріятно отдохнуть отъ „новыхъ словъ", слишкомъ произвольныхъ и возглашаемыхъ другими болѣе крикливо, чѣмъ убѣдительно.

Л. Полонскій.

ВНѢ ЦЕХА

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XV *).

Пожаръ случился ночью. Набатъ и тревожные свистки дежурнаго локомотива подняли на ноги весь поселокъ. Перепуганные жители повскакали съ постелей и, полуодѣтые, выбѣгали на улицу. Свистки локомотива зловѣще нарушали ночную тишь и походили на крики растерявшагося человѣка, произносящаго какіе-то безсвязные, отрывочные звуки. Все небо охватило заревомъ, сдѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Улицы, дотолѣ пустынныя, вдругъ наполнились народомъ и шумомъ. Бѣжали на пожаръ со всѣхъ концовъ. Вольные дружинники собрались въ депо, изъ котораго выкатывали бочки и пожарныя машины. Лошадей не было, и весь обозъ пришлось везти дружинникамъ на себѣ. Испуганныя вороны и галки кружились въ воздухѣ и оглашали его своимъ крикомъ, который сливался съ людскими голосами и съ грохотомъ колесъ. Натальѣ Павловнѣ, вышедшей на балконъ, показалось, что горитъ очень близко. Она кинулась въ кухню, гдѣ спала Катя, но дѣвочки тамъ уже не было. Дверь оставалась отпертой. Наскоро одѣвшись, Малахова спустилась внизъ. Въ палисадникѣ стояли Катя и Рита. Обѣихъ била лихорадка.

— Наталья Павловна!—чуть не плача, воскликнула Рита:— вѣдь мы сгоримъ!

---

*) См. выше: іюнь, стр. 476.

— Что за глупости!—отвѣтила Малахова, стараясь скрыть свое волненіе и ободрить Риту.—Нечего хныкать! Надо укладываться. Гдѣ ваши дѣвочки?

— Онѣ спятъ.

— Разбудите, одѣньте ихъ и укладывайтесь.

Прибѣжала Марѳа.

— Гдѣ горитъ?—спросила Малахова.

— Въ Глиняномъ, барыня. Ужаснѣющій пожаръ! Вѣтеръ-то такъ на вокзалъ головешки и кидаетъ... Того и гляди, аптека загорится. Сюда-то не тянетъ, противъ вѣтра.

— Все-таки лучше на случай уложиться. Идите, Марѳа, внизъ, а мы съ Катей пойдемъ къ себѣ.

Наталья Павловна уже связала съ Катей нѣсколько узловъ, когда явился одинъ изъ вольныхъ дружинниковъ, узнать, отчего нѣтъ на пожарѣ Малахова.

— Онъ у Неелова,—отвѣтила Наталья Павловна.

— А мы дивимся... Никакъ, вы укладываетесь? Ну, это напрасно, сюда не дойдетъ, вамъ нечего бояться.

Наталья Павловна пока прекратила дальнѣйшую укладку и передала Ритѣ успокоительное сообщеніе дружинника. Дѣвушка повеселѣла. Но она все еще дрожала и какъ-то безсознательно повторяла:—„Боже мой, Боже мой!“ Проснувшіяся дѣвочки подняли плачъ, пришлось ихъ успокаивать... Однако, мало-по-малу тревога улеглась. Прошелъ мимо дома кузнецъ Андрей и сказалъ тоже, что бояться нечего.

— Но я все-таки не лягу,—объявила Рита.

— Извѣстно, не до сна,—промолвила Марѳа,—нешто можно спать при такой бѣдѣ?

Никто не ложился до самаго утра, пока совсѣмъ не потушили пожара.

Утомленная и разбитая, Наталья Павловна прилегла на кровать, чтобы только немного отдохнуть, но сейчасъ же уснула и проспала до полудня. Напившись кофе, она отправилась съ Катей и Ритой на мѣсто пожара. Глазамъ ихъ представилась ужасная картина: весь порядокъ домовъ, гдѣ ютилась бѣднота поселка, былъ превращенъ въ груду пепла. Торчали только печныя трубы, высившіяся, какъ печальные монументы на кладбищѣ. На пожарѣ бродили погорѣльцы, убитые горемъ. Слышался плачъ... Наталья Павловна узнала, что одна изъ старухъ, лишившаяся всего скарба и послѣднихъ денегъ, прибереженныхъ на смерть, почти лишилась разсудка, и ее увезли въ больницу. Малахова впервые услыхала фразу, брошенную кѣмъ-то: „Это

все евреи!“ Малахова не придала значенія этимъ словамъ, но, вернувшись домой, то же самое услыхала отъ Маѳы.

— Вѣрно, вѣрно, барыня,—проговорила работница:—они въ отместку.

— Ну, что ты за вздоръ говоришь, Маѳа!—оборвала ее Наталья Павловна:—чѣмъ бѣдняки эти виноваты въ побѣгѣ Рахили?

— Барыня, да развѣ они станутъ разбирать?

— Развѣ они не такіе же люди, какъ и мы съ вами, Маѳа?

— Ну, какъ же можно равнять, барыня: крещеные или некрещеные. Да вѣдь что же—не я выдумала, за что купила, за то и продаю...

— А вы не повторяйте чужихъ глупостей,—строго сказала Наталья Павловна.—Вамъ особенно это стыдно: не аптекарша ли заботилась о васъ, какъ родная, когда вы болѣли?—„Неужели Ювеналій не узнаетъ? Какъ некстати онъ уѣхалъ!“—подумала Наталья Павловна, принимаясь за готовленіе обѣда.

Еще не было часа, когда Катя, вбѣжавшая въ кухню, крикнула:

— Баринъ пріѣхали! И съ ними этотъ старикъ, какъ его...

Наталья Павловна вышла посмотрѣть на балконъ.

— Что, очень испугалась?—тревожно спросилъ Малаховъ, шедшій впереди другихъ.

— Ничего, успокойся... Но хорошо, что ты вернулся. Тебѣ сообщили?

— Да, Дементій пріѣхалъ.

Наталья Павловна раскланялась съ Нееловымъ и Кіотниковымъ. Послѣдній снялъ свой широкій картузъ съ громаднымъ козырькомъ и промолвилъ:

— Добраго здоровья, золотая барынька! Небойсь, испугались, поди? Набрались страху?

— Ничего, Савелій Пафнутьевичъ, Богъ пронесъ!

— Ну, и слава Ему, Создателю! А мы ужъ такъ торопились, точно курьеры какіе. Признаться, на старости меня и порастрясло...

Обѣдъ еще не былъ готовъ, но щи уже сварились.

— На второе я мигомъ яичницу сдѣлаю, да и каша вчерашняя есть. Больше предложить, господа, ничего не могу,—сказала Малахова.

— И отлично, или какъ моя жена говоритъ:—какого еще рожна надо?—произнесъ Кіотниковъ.

Онъ указалъ на щи, только-что поданныя на столъ, и продолжалъ:

— Заѣзжаю какъ-то въ Питерѣ къ знакомому купцу... Послѣ дѣла пошли въ трактиръ. Ну, спрашиваю, что̀ хлебать станемъ? Думаю, щецъ не худо бы? а онъ мнѣ: „Я щей не люблю...“ И заказалъ бульонъ съ сухарями. Я не вытерпѣлъ и выругалъ его. Такой же русскій человѣкъ, какъ всѣ мы, а какъ избаловался, гляди!

Завязался разговоръ на ту тему, что русскіе легко поддаются чужому вліянію.

— Да, къ сожалѣнію, это правда. И не только тѣмъ, кто выше, а даже низшимъ по культурѣ. Я знаю, очеремисывались, принимали даже ихъ вѣру.

Въ голосѣ говорившаго Неелова слышалась глубокая скорбь.

Малаховъ ничего не возразилъ Неелову, который, говоря, посмотрѣлъ на Ювеналія Никандровича.

— А ты что это молчишь все? О чемъ задумался?—спросилъ его Кіотниковъ.

— Все насчетъ пожара,—отвѣтилъ Малаховъ.—Надо будетъ предпринять что-нибудь.

— Конечно,—подхватилъ Нееловъ:—я нарочно для этого и пріѣхалъ.

— Мнѣ вотъ какая идея пришла въ голову,—произнесъ Малаховъ:—пусть о. Михаилъ скажетъ въ храмѣ слово, такъ вродѣ воззванія.

— Отлично,—согласился Нееловъ.—Ну, а попечительство?

— Оно тоже должно придти на помощь.

— Что̀ могу, я тоже охотно сдѣлаю,—сказалъ Кіотниковъ, аппетитно уписывая кашу.

— Вотъ, спасибо!—промолвилъ Малаховъ.

— Денегъ свободныхъ у меня теперь нѣтъ,—продолжалъ промышленникъ,—но лѣсу могу; надо только все хорошенько разузнать, чтобы въ дуракахъ не остаться.

— Какъ это?—спросилъ Рощинъ.

— Очень просто,—отвѣтилъ Кіотниковъ:—бѣдность жалѣть надо, но и ухо надо держать остро, а то бѣдность живо надуетъ. Я ужъ попадался; тутъ не такъ денегъ жалко, сколько досадно дурака свалять.

— Мы все обслѣдуемъ,—сказалъ Малаховъ.—Но я и такъ всѣхъ хорошо знаю.

— Настоящей нуждѣ не жалко и дать,—проговорилъ Кіотниковъ:—ну, а лѣнтяю не дамъ и гроша. И пропойцѣ тоже.

— И ихъ жалко,—замѣтилъ Рощинъ.

— Ну, господинъ, у меня на это другой взглядъ! Жалѣть такихъ—значитъ, разводить дармоѣдовъ.

— Слабость, это та же болѣзнь!—защищался Рощинъ.

— Нонѣ все на болѣзнь валятъ... Воруетъ—болѣзнь причина, и названіе мудреное придумали... Тогда никого въ тюрьму не сажайте, а всѣхъ на готовые хлѣба въ пріюты; охотниковъ много найдется!

— Надо лечить, Савелій Пафнутьевичъ. Это все больные.

— Хороши больные, — у другого мурло-то лопнуть хочетъ!

— Неврастеники все.

— Ну, я этихъ ученостей не понимаю... Слыхалъ, читалъ, но, по-моему, все это блажь одна. Послабленье пошло, вотъ народъ и разбаловался. Прежде на слово вѣрить было можно, а нынѣ и бумажкѣ погодить надо. А работники? Нѣтъ, строгость лучше. Вотъ вамъ. У моего знакомаго купца сынъ разбаловался совсѣмъ: не занимается дѣломъ, съ актрисами возится. Я отцу и говорю: надо подтянуть парня. А онъ: „нонѣ не тѣ времена". А что за не тѣ? Пустяки! Про себя скажу: на семнадцатомъ году я тоже было-заблажилъ, да какъ мой родитель подтянулъ возжи,—и блажь куда дѣвалась!

Всѣ засмѣялись, а Рощинъ замѣтилъ при этомъ:

— Вы сами себѣ противорѣчите, Савелій Пафнутьевичъ!

— Это какимъ манеромъ?

— Вы сегодня еще, сидя у Дмитрія Алексѣевича, говорили, что силкомъ ничего не сдѣлать, что то только...

— Эхъ, господинъ,—перебилъ Кіотниковъ:—то, да не то: дѣлай, что хочешь, неволить не стану, но дѣло—не баловство. Умѣй уберечь сына или дочь, да добромъ учить,—это лучше, что и говорить; а коли не уберегъ, такъ ужъ спасай строгостью, а не гляди, какъ родное дитя гибнетъ.

— Кто же виноватъ-то?—вызывающе спросилъ Рощинъ.

— А тутъ объ этомъ нечего разсуждать, поздно. Коли заболѣлъ, такъ лечи, и надо коли рѣзать ногу, чтобы человѣка спасти—рѣжь! Прозѣваешь—всего потеряешь!

— Вы, значитъ, за розги?—насмѣшливо промолвилъ Рощинъ.

— Зачѣмъ же? Это ужъ послѣднее дѣло. Когда человѣкъ стыдъ потеряетъ, куда онъ годится? И безъ розги можно пристрожить. Нельзя возжи распускать, а то, гляди, молодые на голову сядутъ... Пущай они ходятъ на своихъ ногахъ, а ты поглядывай, да руль держи крѣпко... Вотъ и ладно будетъ.

Онъ окинулъ всѣхъ взглядомъ, въ которомъ ясно свѣтилось сознаніе своей правоты.

— А что, господа,—политично промолвила Наталья Павловна:—не будемъ ли мы пить чай сейчасъ?

— Не лучше ли, Наташа, мы сначала сходимъ на пожаръ, а чай послѣ? Господа, какъ вы?

— Ничего не имѣю противъ этого,—отвѣтилъ Нееловъ.

— Я тоже,—сказалъ Рощинъ.

— А вы, Савелій Пафнутьевичъ?

— Мнѣ придется пить чай еще съ моимъ покупателемъ, такъ что я тутъ сторона.

Малахову показалось, что Кіотниковъ считаетъ себя обиженнымъ, и, въ качествѣ хозяина, онъ нашелъ нужнымъ замѣтить:

— Какъ ни смотрите на воспитаніе, а цѣль одна: воспитать хорошихъ работниковъ и добрыхъ людей. Въ этомъ случаѣ Савелій Пафнутьевичъ можетъ гордиться своими сыновьями.

— Гордиться грѣхъ,—сказалъ Кіотниковъ,—а я благодарю Бога.

Онъ всталъ; за нимъ поднялись со своихъ мѣстъ и остальные.

XVI.

На мѣстѣ пожарища бродила праздная публика. Вышло какое-то гулянье, причемъ многіе изъ любопытства внимательно слушали горькіе разсказы погорѣльцевъ.

Пожарище еще тлѣло. Стояла труба дружинной команды, но изъ пожарныхъ никого не было. За трубою наблюдалъ какой-то старикъ и съ крикомъ отгонялъ мальчишекъ, пытавшихся качать воду.

— Пошли, воронята, я васъ!..

— Дѣдушка, да мы заливать будемъ!

— Пошли! Зачѣмъ заливать, когда не приказано!..

— И врешь, врешь! Для того и труба стоитъ... Мы тоже изъ дружины!

Старикъ бранился, ребята хохотали.

Въ самомъ началѣ переулка, на обгорѣломъ бревнѣ сидѣлъ молодой парень съ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ и на костыляхъ. Его видъ поразилъ Неелова.

— Какой несчастный!—произнесъ тихо Дмитрій Алексѣевичъ.

— Это бывшій желѣзнодорожный рабочій, — также тихо отвѣтилъ Малаховъ.—У него злая чахотка и ревматизмъ обѣихъ ногъ.

— Съ кѣмъ же онъ живетъ?

— Съ матерью-старухой, которая плохо слышитъ. Мы изъ попечительства ему даемъ.

— Позвольте, такъ это Прохоръ? Онъ еще спасъ дочь Дудкина?

— Онъ самый... Тогда-то онъ и простудилъ ноги.

— Такъ неужели тотъ не даетъ ничего?

— Разъ далъ пять рублей и больше ничего. Вы тоже погорѣли?—прибавилъ Малаховъ, обращаясь къ парню.

— Все погорѣло,—едва слышно отвѣтилъ больной, устремляя на подошедшихъ потухающій взглядъ глубоко впавшихъ глазъ.

— Гдѣ же вы помѣстились?

— А покамѣстъ нигдѣ еще; мать пошла просить Рамцева, огородника... не знаю, пуститъ ли: денегъ то у насъ нѣту.

Нееловъ досталъ изъ кармана бумажку и сунулъ ее парню.

— Мы устроимъ васъ,—сказалъ Малаховъ,—а пока перебирайтесь къ намъ, на дворѣ у насъ есть избенка, тамъ жила мать хозяина, а теперь избенка пустуетъ.

— Покорно благодаримъ, — промолвилъ, кашляя, парень, и онъ сдѣлалъ попытку встать.

Малаховъ остановилъ его:

— Сиди, сиди, что ты!.. Такъ скажи матери, когда вернется, что не надо нанимать у огородника,—у насъ такъ можно.

— Скажу.

На блѣдномъ лицѣ парня отразилась внутренняя радость.

— Спасибо,—произнесъ онъ, благодарнымъ взоромъ провожая отошедшихъ „господъ".

На пожаръ пріѣхалъ начальникъ пожарной дружины, Простоквашинъ.

На немъ былъ надѣтъ сюртукъ, смахивающій на мундиръ генерала. Простоквашинъ важно раскланялся съ женою начальника станціи и едва кивнулъ головой на низкій поклонъ бабы, обратившейся къ нему съ просьбою.

— Ладно, заяви въ попечительство,—перебилъ онъ бабу, и пошелъ дальше.

Замѣтивъ Неелова, стоявшаго впереди другихъ у сгорѣвшаго дома машиниста, Простоквашинъ направился къ этому мѣсту.

— И вы пріѣхали?—съ привѣтливой улыбкой подавая руку помѣщику, произнесъ онъ и потомъ поздоровался съ другими.

Рощину, котораго Малаховъ назвалъ просто пріятелемъ, съ прибавленіемъ фамиліи, Простоквашинъ сначала только поклонился, а потомъ тоже подалъ руку, но ничего не сказалъ и опять обратился къ Неелову.

— Да, пріѣхалъ, — отвѣтилъ этотъ: — надо же все узнать.

— И вы, Савелій Пафнутьевичъ, услыхали? Недалеко были, должно?—спросилъ Простоквашинъ.

— Да, я по случаю, въ Питеръ ѣду... Однако, пообчистило!— добавилъ Кіотниковъ, качая головою.

— Пожаръ большой,—подтвердилъ Простоквашинъ.

— Что же вы худо работали?

— Какъ худо? Это вы напрасно, Савелій Пафнутьевичъ! Еслибы...

— Да вѣдь всѣ дома сгорѣли!

— Развѣ это дома? Какія-то гнилушки... огню только лизнуть — и готово. Сушь все. Еслибы не мои пожарные, такъ и другому порядку не устоять. Нѣтъ, мои молодецки старались!

Простоквашинъ говорилъ точно боевой генералъ о своихъ солдатахъ, отличившихся въ бою. Кіотниковъ не обратилъ на это вниманія. Нееловъ улыбнулся и переглянулся съ Малаховымъ и Рощинымъ. Но было не до того, чтобы подхватывать такія мелочи и придавать имъ значеніе.

— Титъ Филипповичъ, надо будетъ подумать о бѣднякахъ,— сказалъ Нееловъ.

— Ужъ меня осаждаютъ, да я что же... какъ всѣ...

— А ты не жалѣй, не жмись, отпусти лѣску,—промолвилъ Кіотниковъ.

— Я что могу, а лѣсъ весь запроданъ,—отозвался Простоквашинъ.—Вотъ вы, Савелій Пафнутьевичъ, сами...

— Савелій Пафнутьевичъ и дастъ, — замѣтилъ Нееловъ: — а и вамъ слѣдуетъ...

— Я не откажусь, но лѣсу, ей Богу, не могу: все продалъ; да вѣдь все равно чѣмъ... Надо бы попечительству, но у него финансы-то что въ турецкой казнѣ!

Подошло нѣсколько погорѣльцевъ.

Они поклонились, и одинъ изъ нихъ обратился къ Малахову:

— Какъ же теперь, Ювеналій Никандрычъ, насчетъ воспособленья: будетъ иль нѣтъ?

— Непремѣнно, только надо все разобрать... вы заявите въ попечительство.

— Кому же это?

— Да хотя мнѣ. Что можно, все сдѣлаемъ.

Но нужда не могла ждать. Нееловъ опять далъ денегъ и этимъ.

— Вотъ хорошо, что добрый человѣкъ нашелся, — сказалъ Простоквашинъ.

— А тебѣ кто мѣшаетъ?—произнесъ Кіотниковъ.

— И вамъ тоже, Савелій Пафнутьевичъ!

— Ну, что тутъ спорить, надо дѣлать,—вмѣшался Нееловъ, чтобы прекратить препирательство.

— Я хочу, чтобы о. Михаилъ...—началъ Малаховъ.

— А вотъ и владыка самъ, легокъ на поминѣ,—промолвилъ Простоквашинъ, увидѣвъ приближавшагося священника, который шелъ своей обычной медленной поступью, опираясь на высокій посохъ.

Къ священнику подошла убитая горемъ прачка и что-то прошептала, принимая благословеніе.

— Надо безъ ропота переносить божье испытаніе, на все Его святая воля,—сказалъ наставительно о. Михаилъ.

— Батюшка, а жить-то чѣмъ? Вѣдь все, до послѣдней нитки сгорѣло!

— Ну, проживешь какъ-нибудь, молись, Господь дастъ силу перенести... А тамъ добрые люди помогутъ.

— Не дадите ли вы, батюшка...

— У меня съ собою нѣтъ ничего, да и что же я могу... вотъ попечительство...

Онъ замѣтилъ вблизи группу знакомыхъ, его лицо осклабилось, и онъ, взмахнувъ посохомъ, воскликнулъ громко, съ удареніемъ на „о“:

— А, вотъ и вы здѣсь! Прибыть изволили?

Очевидно, восклицаніе относилось преимущественно къ Неелову.

Черезъ минуту отецъ Михаилъ уже здоровался со всѣми, и очень крѣпко пожалъ руку Неелову, хотя и догадывался, что тотъ не особенно къ нему расположенъ.

Узнавъ, что Рощинъ—пріятель Малахова и тоже писатель, о. Михаилъ замѣтилъ шутливо:

— Еще однимъ опаснымъ человѣкомъ больше у насъ.

— Это почему же? Развѣ я опасный?—спросилъ Малаховъ.

— Го-го-го! Я это такъ... вы смирный... да вѣдь долго ли все... Становой говоритъ: „Малаховъ—ничего, а все побаиваюсь; вѣдь писатель: молчитъ, молчитъ, да вдругъ и прохватитъ!“ Го-го-го!

Онъ погладилъ бороду и обратился къ Кіотникову:

— Каковъ пожарикъ-то? а? Вотъ вамъ и случай проявить христіанскую добродѣтель!

Кіотниковъ рѣзко отвѣтилъ ему:

— А сами-то что же? Подайте примѣръ!

— Го-го-го!—залился опять густымъ смѣхомъ о. Михаилъ.— Мы обязаны наставлять...

— А не примѣръ подавать? — спросилъ Рощинъ, котораго почему-то раздражалъ смѣхъ священника.

— Я этого не говорю, господинъ Рощинъ.

— Я хочу къ вамъ съ просьбой обратиться, о. Михаилъ,— перебилъ Малаховъ, вмѣшиваясь:—надо будетъ въ церкви сказать слово, воззваніе.

— Это можно,—согласился о. Михаилъ.

— Когда я могу къ вамъ зайти?

— Да когда хотите.

— А вы куда теперь?

— А вотъ, посмотрѣть пожарище, и больше никуда.

— Такъ не зайдемъ ли ко мнѣ сейчасъ? Попьемъ чайку и поговоримъ.

— И это можно... я на все согласенъ.

Мимо прошла еврейка, которая поклонилась всѣмъ молча.

О. Михаилъ нагнулся къ Малахову и промолвилъ тихонько, но однако такъ, что слышали и остальные:

— А вы знаете, отчего случился пожаръ-то?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Малаховъ.

— Гм! А въ народѣ поговариваютъ, что это дѣло... евреевъ... подожгли будто они.

— Батюшка, неужели вы этому вѣрите?

Священникъ промолвилъ нерѣшительно:

— Вѣдь говорятъ,—не мое это мнѣніе...

— Мало ли какія гадости говорятъ, такъ вѣдь ихъ нельзя повторять!—раздраженно воскликнулъ Рощинъ. — Ваша обязанность...

О. Михаилъ смутился.

— Я не подтверждаю, я только передаю...

— И этого нельзя,—возразилъ Рощинъ:—вы должны властнымъ своимъ словомъ разрушать подобные слухи... Вѣдь это же гадость!

Рощинъ волновался.

Малаховъ успокоилъ пріятеля:

— Да о. Михаилъ это и сдѣлаетъ; онъ и самъ не сомнѣвается въ нелѣпости слуховъ.

— Разумѣется!—подхватилъ священникъ.—Кто же этому повѣритъ...

Тонъ о. Михаила Рощину показался не совсѣмъ искреннимъ, но онъ промолчалъ. Кіотниковъ сказалъ:

— Батюшку не скоро увѣрите... Онъ евреевъ не терпитъ, да и обиженъ ими.

— Это вы напрасно, Савелій Пафнутьевичъ,—возразилъ о. Михаилъ: — я ничего не имѣю противъ нихъ. А что они злы на насъ теперь, это же вѣрно.

— Пускай, — согласился Кіотниковъ, — этого и не буду отвергать, только все же слухи о поджогѣ—чепуха.

— Да? вы тоже такъ думаете?—съ видимой радостью спросилъ Рощинъ.

— Понятно! Я не пріятель ихній, а только не люблю вздора: какая тутъ злоба на неповинныхъ? Вѣдь эти-то ничего имъ не сдѣлали; ужъ если мстить, такъ становому, либо батюшкѣ,—у него, кстати, домикъ чудесный!

— Это вы что же... на меня натравить хотите?—съ испугомъ произнесъ о. Михаилъ.

— Чего вы испугались-то? развѣ я кому это говорю?—возразилъ Кіотниковъ: — я здѣсь только... Никто васъ не тронетъ. Здѣшніе евреи—народъ трудящійся, и, право, не хуже многихъ станціонныхъ, что скрывать! Возьмите хоть Моисея Либермана: да онъ куда многихъ православныхъ совѣстливѣе!

— Однако, вы, Савелій Пафнутьевичъ, большой любитель жидовъ, а я считалъ васъ...

Кіотниковъ грубо перебилъ Простоквашина:

— Не тотъ жидъ, кто еврей, а тотъ жидъ, кто жидъ... Слыхали это, Титъ Филиппычъ? Промежъ насъ, православныхъ и русскихъ, жидовъ-то немало тоже!

— Ну, это какъ понимать еще,—обидчиво сказалъ Простоквашинъ.

— Какъ хотите!

Наступило неловкое молчаніе.

— Пойдемте чай пить,—сказалъ Малаховъ.—О. Михаилъ! И вы, Савелій...

— Спасибо, — не давши кончить, произнесъ Кіотниковъ: — я по дѣламъ, а потомъ на поѣздъ надо... Вы меня имѣйте въ виду насчетъ лѣса...

Онъ сталъ прощаться.

— Не сердись, Титъ Филиппычъ, — промолвилъ старикъ, протягивая руку Простоквашину, — не хотѣлъ тебя обидѣть, а люблю правду!

— Что обижаться,—сказалъ Простоквашинъ,—не любишь же ты жидовъ больше своихъ.

Кіотниковъ махнулъ рукой и съ улыбкой произнесъ, обращаясь къ о. Михаилу:—И вы, батюшка, не гнѣвайтесь на меня:

я говорю просто, что думаю... Зайду какъ-нибудь къ вамъ насчетъ годового...

— Милости просимъ! Я не сержусь... Не мнѣ одному досталось, а всѣмъ... го-го-го!

Когда Кіотниковъ отошелъ на такое разстояніе, что уже не могъ слышать, о. Михаилъ проговорилъ шутливо, но не безъ нѣкотораго раздраженія:

— А старикъ-то занозистый! голыми руками его не возьмешь!

— Умный старикъ!—сказалъ на это Нееловъ:—и я люблю его за то, что онъ всегда говоритъ „своими словами".

— Его не поймешь, — замѣтилъ Простоквашинъ, пожимая плечами:—то онъ такой православный, хоть мантію надѣвай на него, то вдругъ за жидовъ вступится!

— Чего же тутъ страннаго? — произнесъ Малаховъ. — Онъ такой именно оттого, что — какъ прекрасно выразился Дмитрій Алексѣевичъ—всегда своими словами говоритъ. Православіе не мѣшаетъ видѣть истину и отдавать должное иновѣрцамъ. Вотъ и я...

Въ этотъ мигъ подошла къ Малахову дѣвушка и подала ему письмо.

— Отъ барыни,—сказала она, слегка кланяясь.

— Развѣ Лія Соломоновна пріѣхала?—спросилъ Малаховъ, разрывая конвертъ.

— Да-съ, барыня сегодня утромъ вернулись на скоромъ.

Малаховъ, пробѣжавъ записку, сказалъ:—Хорошо, я зайду; кланяйся барынѣ и скажи, что я очень ее благодарю.

Дѣвушка отошла, а Малаховъ обратился къ Простоквашину:

— Вотъ вамъ, Титъ Филипповичъ, лучше всякаго отвѣта,— произнесъ онъ, показывая на письмо, которое держалъ въ рукахъ.

— Отъ кого это?—спросилъ Нееловъ.

— Отъ Вейнтраубе, здѣшней аптекарши... Вотъ вамъ и *еврейка*,—онъ подчеркнулъ это слово,—а не угодно ли послушать, что пишетъ...

Малаховъ развернулъ записку и началъ читать, замедливъ шаги:

„Добрѣйшій Ювеналій Никандровичъ!

„Я только-что вернулась изъ Варшавы, и какое ужасное извѣстіе встрѣтило меня! Я сильно утомилась долгой дорогой, и не могу еще зайти къ вамъ; я не была и на мѣстѣ пожара. Но мнѣ передали многое. Не откажитесь зайти ко мнѣ. Я увѣрена, что вы будете организовать помощь погорѣльцамъ, — примите и меня, какъ участницу. Посылайте ко мнѣ,—у меня найдется кое-

что изъ одежды и бѣлья. Мнѣ жаль несчастныхъ и больно за тѣ слухи, которые также сообщила мнѣ Маша. Вы, вѣроятно, тоже слышали. За что? за что? Жду васъ. Поклонъ милой Натальѣ Павловнѣ.—Л. В.“

Малаховъ сложилъ письмо и промолвилъ:

— Что скажете, Титъ Филипповичъ?

— Да-а,—предупредилъ его о. Михаилъ:—Лія Соломоновна добродѣтельная еврейка; она многимъ помогаетъ. Вотъ Ѳеклѣ безногой ежемѣсячно даетъ три рубля.

— Слава Богу, есть изъ чего дать!—съ усмѣшкой произнесъ Простоквашинъ.

— Ну, они вовсе не богаты, — возразилъ Малаховъ, котораго возмутилъ отвѣтъ Простоквашина: — есть люди болѣе ихъ состоятельные и не дадутъ этого. Да и дѣло не въ суммѣ, не въ деньгахъ вообще, а въ сердечномъ отношеніи. Я не забуду, какъ Вейнтраубъ утѣшала больную дѣвочку, которой сдѣлали операцію. Она ходила въ больницу, носила гостинцы, по часамъ сидѣла около больной; вѣдь это не была знакомая, а просто сирота, всѣми брошенная. Вотъ и теперь: вы видите, какъ она отнеслась къ погорѣльцамъ, а вѣдь слухи-то до нея уже дошли, и ее, какъ еврейку, не могли не задѣть!

— Я ничего худого о Ліи Соломоновнѣ и не говорю, но вѣдь не всѣ такіе,—возразилъ Простоквашинъ.

— А развѣ мы всѣ такіе? — сказалъ Малаховъ. — Я не спорить хочу, Титъ Филипповичъ, а только разрѣшить ваше недоумѣніе насчетъ Кіотникова: онъ обо всемъ разсуждаетъ спокойно и чуждъ предвзятыхъ мнѣній... Что хорошо, того онъ отрицать не станетъ.

— Вѣдь Лія Соломоновна образованная еврейка, она въ гимназіи училась, — сказалъ священникъ. — Да и при томъ она изъ хорошей семьи. А простые-то евреи?

— Еврейскій плебсъ, какъ и нашъ—люди темные,—произнесъ Нееловъ. — А страсти... Я не отрицаю дурныхъ качествъ у еврейской націи, ихъ немало, но вѣдь у всякой націи свои отрицательныя черты... безъ нихъ нѣтъ народа... Но евреи трудолюбивы, выносливы, чаще всего хорошіе семьяне—все это вѣрно, и развѣ это не положительныя достоинства?

Нееловъ обращался собственно къ Простоквашину, но тотъ ничего не отвѣтилъ, а протянулъ руку для прощанья.

— А вы не зайдете къ намъ?—спросилъ Малаховъ.—Мы бы обсудили...

— Да что же обсуждать? Вотъ на собраніи и обсудимъ.

А вы съ о. Михаиломъ пообсудите; я на все согласенъ,—какъ другіе, такъ и я-съ.

Онъ направился къ пролеткѣ, которая дожидалась его на углу переулка.

Остальные прошли еще разъ по мѣсту пожара. Явились погорѣльцы, которыхъ раньше не было. Малаховъ разспрашивалъ и заносилъ отмѣтки въ записную книжку. Двухъ женщинъ, заявившихъ о томъ, что дѣти ихъ остались чуть не голыми, онъ послалъ къ Вейнтраубе; старику на деревяшкѣ велѣлъ придти къ себѣ за пальто; Нееловъ нѣкоторымъ далъ денегъ.

XVII.

Нееловъ пробылъ въ Рамцахъ три дня. И ему, и Малахову работы было, что называется, по горло. Рощинъ также помогалъ имъ. Прежде всего онъ взялся написать рѣчь для о. Михаила, который заявилъ прямо:—Сказать — я скажу, да вѣдь надо бы... того... получше.

— Вы просто, какъ Богъ на душу положитъ,—промолвилъ Нееловъ.

— Такъ-то такъ, но все же покраснорѣчивѣе лучше.

— А вы возьмите слово Василія Великаго по поводу голода, да и приспособьте.

— Го-го! То голодъ, а тутъ пожаръ... Да у меня и нѣтъ твореній св. Василія. А вотъ бы вы, Ювеналій Никандровичъ, написали, вамъ это пустяки,—ну, я бы прочелъ. У васъ горячо выйдетъ, я знаю!

Малаховъ согласился, но хлопоты отнимали у него много времени, и онъ охотно принялъ предложеніе пріятеля написать воззваніе.

— За помощь спасибо,—сказалъ Малаховъ,—только помни, что говоритъ священикъ и въ храмѣ.

— Ну, конечно,—отвѣтилъ Рощинъ.

Когда онъ показалъ набросокъ, Малаховъ пришелъ въ восторгъ.

— Признаюсь, Авениръ, этого я отъ тебя не ожидалъ: ты, положительно, обладаешь краснорѣчіемъ проповѣдника. Не правда ли, Дмитрій Алексѣевичъ?—отвесся Малаховъ къ Неелову.

— Да, да,—подтвердилъ тотъ.—Я тоже удивляюсь и думаю, что же это: искусство, талантъ или... это изъ источника, который скрытъ и невѣдомъ самому Авениру Львовичу?

Рощинъ разсмѣялся и промолвилъ:

— Знаете, одна юродивая пророчила, что я буду монахомъ. Мнѣ было лѣтъ пять, она пришла къ намъ, да и говоритъ матери: „Гдѣ же твой монашекъ-то?“ — „Какой монашекъ?“ — спрашиваетъ мать. „А твой Авенирушка,— вѣдь онъ монашекъ будетъ, мать моя“. Пока не сбылось, а вѣдь кто знаетъ... И блудницы дѣлались праведницами.

Онъ опять засмѣялся. Нееловъ ничего не сказалъ на это, а Малаховъ замѣтилъ:

— Во всякомъ случаѣ я очень радъ.

Онъ не пояснилъ своей мысли, а баба, явившаяся за пособіемъ, прервала разговоръ.

Собраніе попечительства было назначено черезъ день; Малаховъ рѣшилъ представить собранію возможно подробный докладъ. Онъ раздѣлилъ съ Нееловымъ погорѣльцевъ, они обошли всѣхъ, сдѣлали тщательные опросы, записали просьбы и представили собранію яркій и подробный докладъ о положеніи каждаго погорѣльца. Картина вышла полная, съ мельчайшими деталями и произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

— И поработали же вы!—замѣтилъ благочинный, о. Павелъ, прибывшій на собраніе изъ сосѣдняго села.

Онъ обратился къ о. Михаилу, какъ бы для подтвержденія.

— Да, ну и Господь воздастъ за это... — сказалъ о. Михаилъ.—Онъ не лицепріятный Воздаятель за злая и благая.

— А вы-то, о. Михаилъ, со своей стороны...

— Я завтра за обѣдней скажу слово, о. Павелъ.

— Оно уже готово у васъ?

— Гм! Какъ же, какъ же!

О. Михаилъ покосился на Малахова и сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ Неелова и Рощина, но тѣ или не слыхали, или благоразумно промолчали; о. Михаилъ успокоился и смѣло докончилъ:

— Я ужъ постарался, о. Павелъ, сообразно отцамъ церкви...

— Ну, что же, такъ и надо, это вашъ пастырскій долгъ,— произнесъ благочинный.

Немало пришлось поработать и Натальѣ Павловнѣ. Она пересмотрѣла все бѣлье и отдѣлила то, что можно было пожертвовать погорѣльцамъ; она два раза была у аптекарши, и онѣ вмѣстѣ посѣтили нѣкоторыхъ бѣдняковъ, нуждавшихся въ леченіи и уходѣ. Имъ были безплатно отпущены лекарства изъ аптеки. На Лію Соломоновну, очень нервную и впечатлительную, все дѣйствовало сильно.

— Эхъ, барыня,—замѣтилъ желѣзнодорожный врачъ, добровольно лечившій нѣкоторыхъ бѣдныхъ:—такъ принимать все къ

сердцу, такъ и жить нельзя, матеріала не хватитъ. Надо спокойнѣе относиться. Вонъ о. дьяконъ: хлопочетъ, носится, а не волнуется.

Вейнтраубе волновалась еще и отъ слуховъ, которые хотя и не встрѣтили большой вѣры въ населеніи, но все же продолжались и кое-чѣмъ принимались за правду. Вейнтраубе даже подверглась оскорбленію. Какая-то баба изругала ее „жидовкой" и крикнула вслухъ при встрѣчѣ:—Ишь, кровь христіанскую пьютъ, да еще и поджигаютъ!

Лія Соломоновна измѣнилась въ лицѣ. Малахова, шедшая съ нею, старалась ее успокоить и сдѣлала выговоръ бабѣ.

— А ты, барынька, молчи,—отгрызнулась баба:—коли дружишь съ нехристями, такъ и дружи, это твое дѣло, а я тебѣ не подвластная, что хочу, то и говорю, запретить ты мнѣ не можешь.

Наталья Павловна увлекла скорѣе Вейнтраубе, но та продолжала волноваться.

— Зачѣмъ вы придаете значеніе словамъ глупой бабы! — говорила Малахова.—Вѣдь она не свои слова повторяетъ, а съ вѣтру.

— Наталья Павловна! Но за что же? — воскликнула Вейнтраубе.—Я этой бабѣ нынѣшней весной дала денегъ на лошадь, обѣщала скоро же отдать, но не отдала, и я не требую,—когда будутъ, все равно. И вотъ она же...

Въ голосѣ оскорбленной женщины звучали слезы.

Неелову хотѣлось послушать, какъ о. Михаилъ скажетъ „слово", но дѣла потребовали Дмитрія Алексѣевича въ усадьбу, и онъ уѣхалъ поздно въ субботу.

Нееловъ ошибся, предполагая, что о. Михаилъ не сумѣетъ сказать рѣчи. О. Михаилъ произнесъ „слово" превосходно, удививъ даже Малахова. Онъ рѣдко заглядывалъ въ бумажку, говорилъ горячо, словно это были его собственныя слова. Онъ прибавилъ отъ себя, и эта прибавка вышла очень кстати.

Сначала было рѣшено, что о. Михаилъ предложитъ подписываться у старосты послѣ обѣдни, но въ церкви перерѣшили, и сейчасъ же послѣ рѣчи староста пошелъ собирать съ блюдомъ, на которое священникъ первый положилъ рубль. Набрали порядочно, такъ какъ въ церкви народу было много. О. Михаилъ, Малаховъ и врачъ взялись собирать по листамъ, чтобы привлечь состоятельныхъ жителей къ взносамъ на пользу погорѣльцевъ; у попечительства не хватало средствъ на продолжительную помощь всѣмъ нуждающимся. Приходилось прибѣгнуть къ частной

помощи лицъ, не принадлежащихъ къ попечительству. Въ числѣ ихъ оказался священникъ села Высокія Горки, собравшій сто рублей въ своемъ приходѣ. Эта помощь особенно была цѣнна, потому что она не была выпрошена, а явилась добровольной, какъ сердечный откликъ пастыря, повліявшаго на своихъ прихожанъ. Объ этомъ Малаховъ узналъ въ церкви, и, возвращаясь домой съ Рощинымъ, онъ выражалъ ему свою радость.

— Спасибо отцу Θеодору,—онъ, помимо матеріальной помощи погорѣльцамъ, и мнѣ, и многимъ доставилъ нравственное утѣшеніе.

Они проходили въ эту минуту мимо аптеки. Въ саду Лія Соломоновна пила чай. Около нея сидѣли ея дѣти—двѣ дѣвочки, прелестныя, какъ купидоны. Отвѣчая на поклонъ Малахова, Вейнтраубе крикнула:

— Заходите ко мнѣ, я угощу хорошими ватрушками, а вы ихъ любитель!

— И чаемъ, конечно?

— Ну, еще бы, разумѣется!

— Но я — видите — съ пріятелемъ...

— А развѣ ему нельзя зайти? Я буду очень рада.

Рощинъ раскланялся, благодаря за любезное приглашеніе.

Низкій грудной голосъ аптекарши понравился Рощину, и онъ замѣтилъ тихо:—Какой пріятный голосъ!

— Зайдемъ, и ты познакомишься съ ней, — сказалъ Малаховъ.—Только смотри, — шутливо добавилъ онъ, — не измѣни Ритѣ, въ ея отсутствіе.

Рощинъ раньше только мелькомъ видѣлъ аптекаршу, и тогда ему понравилась ослѣпительная бѣлизна ея лица, залитаго румянцемъ. Онъ замѣтилъ и красивые черные глаза, но только сегодня онъ разсмотрѣлъ Вейнтраубе какъ слѣдуетъ.

Лія Соломоновна была высокаго роста. Пышные черные волосы еще болѣе оттѣняли собою бѣлизну лица, а румянецъ — яркій, но не грубый—придавалъ лицу что-то такое, что лишало его тривіальности, которая часто замѣчается въ лицахъ, пышащихъ здоровьемъ. Этого-то земного и вульгарнаго не было въ лицѣ и фигурѣ Вейнтраубе. Несомнѣнно, она пользовалась довольствомъ и счастьемъ, но ея глаза были скорбны, и они оставались такими даже тогда, когда она смѣялась. Словно разъ поразившая сердце скорбь отразилась въ глазахъ, да такъ и застыла въ нихъ.

Одѣта Вейнтраубе была въ сѣрое легкое шерстяное платье и красную англійскую кофточку изъ полупрозрачной матеріи,

перетянутую чернымъ кушакомъ, усѣяннымъ металлическими блёстками.

Малаховъ представилъ аптекаршѣ пріятеля.

— Мы уже немножко знакомы, — сказала она, протягивая Рощину бѣлую, красивую руку.

Пока горничная ходила за чашками, а Малаховъ передавалъ аптекаршѣ объ о. Өеодорѣ и рѣчи о. Михаила, Рощинъ внимательно разсматривалъ хозяйку.

„Она положительно красива, — рѣшилъ онъ. — Разумѣется, Рахиль моложе, и ея красота, какъ дѣвушки, свѣжѣе, но эта симпатичнѣе и духовнѣе. Несмотря, что она дама и мать двоихъ дѣтей, но отъ ея воздушной фигуры вѣетъ необыкновенной чистотой, и ея красота не пробуждаетъ грѣшныхъ мыслей, какъ красота Рахили. Къ ней сразу тянетъ, но что-то внутреннее, и это что-то даже внѣшней красотѣ придаетъ оттѣнокъ неземного“...

Рощинъ такъ замечтался, что не слыхалъ, какъ хозяйка два раза задала ему одинъ и тотъ же вопросъ.

— Авениръ, тебя спрашиваетъ Лія Соломоновна,— сказалъ Малаховъ, дотрогиваясь рукой до его плеча.

Рощинъ встрепенулся.

— Бога ради, простите!

— О чемъ вы это задумались?—спросила Вейнтраубе.

— Я... тутъ... видите...

Онъ взглянулъ на пріятеля и уловилъ тонкую улыбку на его губахъ.

„Что, я не правъ?“—говорила эта улыбка.

— Вы остаетесь жить здѣсь?—продолжала Вейнтраубе.

— Да, хочу.

— Вамъ очень здѣсь понравилось?

— Хочу отдохнуть, поработать серьезно. Да и у васъ здѣсь столько жизни!

Рощинъ говорилъ, и самъ думалъ: „Чудные глаза, но отчего въ нихъ столько скорби? Вѣдь ей живется хорошо,—о чемъ ей скорбѣть? Неужели у нея тайное горе?“

Ему захотѣлось увидѣть мужа.

Точно отвѣчая на его мысли, аптекарша сказала:

— Какъ жаль, что Абрамъ уѣхалъ въ Петербургъ! Онъ хотѣлъ познакомиться съ вами.

— Ну, это успѣется,—промолвилъ Малаховъ:—Авениръ еще погоститъ во всякомъ случаѣ.

— Какъ погоститъ? Я остаюсь!—воскликнулъ Рощинъ.

— Тогда тѣмъ болѣе.

— Нѣтъ, ты не вѣришь моему рѣшенію!—сказалъ Рощинъ.

— Вѣрю, но...

— Оставайтесь! — промолвила Вейнтраубе: — это будетъ хорошо.

Она остановила на гостѣ свой грустный взоръ.

А онъ опять думалъ: „Неужели это у нея такъ, просто скорбное выраженіе? Не можетъ быть!"

— Здѣсь есть что дѣлать,—произнесла, помолчавши, Вейнтраубе, и въ ея голосѣ послышалась теплая нотка.

Малаховъ заговорилъ о погорѣльцахъ.

— Я просила Абрама зайти къ нѣкоторымъ петербургскимъ знакомымъ,—замѣтила хозяйка:—я думаю, что онъ соберетъ что-нибудь для бѣдняковъ у нихъ.

Вейнтраубе слегка прищурилась и добавила:

— Кто это?

Въ садъ вошла баба и направилась прямо къ столу; Вейнтраубе узнала въ ней ту бабу, которая недавно бранилась.

— Зачѣмъ ты? что тебѣ надо? — взволнованно проговорила Лія Соломоновна.

Баба упала въ ноги.

— Барыня, прости, Бога ради... Къ тебѣ... Не оставь!

На лицѣ аптекарши изобразилось изумленіе.

— Ты идешь ко мнѣ и кланяешься? Да не ты ли на дняхъ...

— Барыня, прости! Сама не знала, что говорила. Люди наболтали... и я за ними; ради дѣтей твоихъ, прости, не оставь!

— Что тебѣ надо? Встань, пожалуйста!

Волненіе Вейнтраубе усиливалось и отразилось въ голосѣ.

— Зарѣжетъ, безъ ножа зарѣжетъ!

И баба опять повалилась въ ноги.

— Да что ты дѣлаешь!—воскликнула Вейнтраубе.—Встань и объясни,—я ничего не понимаю.

— Должны мы, лавочнику должны; опишетъ всѣ животы, разоритъ... Просила, въ ногахъ валялась,—не ждетъ болѣ...

— Но ты еще должна мнѣ.

— Барыня милая, все отдадимъ, потерпи, выручи, ради Хри...

Баба смутилась и остановилась.

Вейнтраубе улыбнулась, а глаза глядѣли съ глубокой скорбью на бабу, и теперь Рощинъ понялъ, что у аптекарши „это"—не только „выраженіе", а настоящая скорбь и не за себя, а за другихъ, за чужое горе.

„Да неужели? неужели?"—произнесъ онъ мысленно и съ напряженіемъ ждалъ, чѣмъ все кончится.

— Сколько же тебѣ надо?—спросила Вейнтраубе.

— Ой, барыня, надо полторы бумажки... это, стало, красненькая и пятерка.

Аптекарша пытливо посмотрѣла на бабу.

— Ты все правду говоришь? не обманываешь меня?

— Барыня, да кабы неправда, нешто я стала бы просить, пошла къ тебѣ? Легкое ли дѣло идти-то было къ тебѣ...

— Ну, хорошо,—сказала Вейнтраубе,—я тебѣ дамъ денегъ...

— Награди тебя Христосъ!—порывисто воскликнула баба, и вдругъ, спохватившись, всплеснула руками и проговорила:—Ой, опять я и забыла, что ты некрещеная!

Вейнтраубе вспыхнула и замѣтила тихо:

— Ничего, милая, ты не сдѣлала мнѣ непріятнаго; я некрещеная, какъ ты сказала, но я дамъ тебѣ во имя Христа, потому что и я люблю Его.

Эти слова какъ бы невольно вырвались у Вейнтраубе; ея лицо приняло выраженіе, котораго не было въ немъ раньше, самый голосъ звучалъ какъ-то иначе.

Баба удивленно посмотрѣла на нее, очевидно не понявъ сказаннаго...

Рощинъ поднялся въ нервномъ возбужденіи и, пройдясь по саду, снова сѣлъ на прежнее мѣсто.

Баба получила деньги и долго благодарила Вейнтраубе.

— Истинно сказать,—призналась баба, завязывая бумажки въ уголокъ платка:—я на тàкъ и пошла: не гадала, что простишь и дашь, а ты вотъ какъ, добрѣй крещеныхъ оказалась.

— Да, — произнесъ Рощинъ, не удержавшись: — не будучи христіанкой, вы поступили именно по завѣту Христа, какъ Его ученица.

Рощинъ опять вскочилъ и продолжалъ, останавливаясь передъ хозяйкой:

— Да въ чемъ же христіанство: ужели въ лицемѣрномъ ханжествѣ Простоквашиныхъ и прочихъ? Оно въ томъ, чтò вы сдѣлали и чѣмъ пристыдили многихъ титулярныхъ христіанъ.

Вейнтраубе вдругъ смутилась и какъ-то стыдливо съёжилась. Точно она въ чемъ-то попалась.

Малаховъ понялъ ея душевное состояніе и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

Явилась горничная.

— Чтò, Маша?—спросила аптекарша.

— Насчетъ Лукерьи и ея внучки, барыня.

— Чтò же, пусть остаются, куда же имъ!

— Какая это Лукерья?—освѣдомился Малаховъ.

— Моя прежняя кухарка. Давно жила у насъ. Заболѣла, мы лечили, потомъ она ушла къ своимъ, жила тамъ, а теперь ее прогнали, жить негдѣ, и работать не въ силахъ.

— И вы берете ее къ себѣ?

— Да куда же она дѣнется!

Малаховъ пожалъ плечами и промолвилъ, обращаясь къ пріятелю:

— Ты правъ: Лія Соломоновна хочетъ пристыдить насъ!

— Да, хотѣлъ бы я посмотрѣть, что̀ сдѣлалъ бы Простоквашинъ. Нѣтъ, я скажу ему...

— Ради Бога!—испуганно воскликнула Вейнтраубе. — Онъ и такъ не любитъ меня... Да и что̀ тутъ такого? Вы преувеличили все, право!

Разговоръ вскорѣ перешелъ на литературу. Коснулись и еврейскихъ сюжетовъ и типовъ.

— Я вовсе не держусь того мнѣнія,—сказала аптекарша,—что нельзя рисовать темныхъ сторонъ еврейскаго быта... Почему нельзя? Что̀ за покровительственная система къ намъ? Это обидно, если хотите, я всегда говорю. Но рисуйте безъ злобы, не прибѣгая ко лжи, не травите, не науськивайте. Я знаю одного публициста,—приходится иногда встрѣчаться съ нимъ въ одной знакомой семьѣ... въ Петербургѣ... Онъ брызжетъ просто слюной, когда говоритъ о насъ,—гдѣ же тутъ искать правды?

— Простоквашиныхъ въ прессѣ не мало,—сказалъ Рощинъ. —Я съ вами согласенъ, что ложь въ обратную сторону тоже обидна.

— Непремѣнно,—подтвердила Вейнтраубе.—Но мнѣ больно, когда какой-нибудь общій порокъ приписываютъ только евреямъ. Укралъ человѣкъ—мало ли воровъ вездѣ?—но если укралъ еврей, то это подчеркнутъ такъ, какъ будто бы только евреи и воруютъ, и никто больше... Вотъ что̀ возмутительно!

— Узкій націонализмъ,—промолвилъ Рощинъ.

— Ты ошибаешься,—возразилъ Малаховъ:—націонализмъ не синонимъ лжи и человѣконенавистничества... Я, напримѣръ, русскій, и, конечно, мнѣ русскіе интересы ближе всего, но во имя справедливости и именно національной гордости я не могу рукоплескать всякой несправедливости по отношенію другихъ русскихъ гражданъ, хотя бы и иной народности. Я христіанинъ не по паспорту только; пусть запретятъ молиться по-своему нехристіанамъ, и я первый буду возмущенъ этимъ.

Малаховъ поднялся съ мѣста.

— Однако, пора домой, жена ждетъ обѣдать, хотя я уже испортилъ аппетитъ вашими ватрушками, Лія Соломоновна,—сказалъ Малаховъ.

— Я очень рада, что вы такъ смотрите на... это,—проговорила Вейнтраубе, пожимая руку гостя.

— На что?—съ улыбкой спросилъ онъ:—на аппетитъ?

— Вы ловите меня... ай, ай, Ювеналій Никандровичъ!

Аптекарша укоризненно покачала головой.

— Ювеналій нестерпимый педантъ въ отношеніи къ логичности,—сказалъ Рощинъ, прощаясь съ Вейнтраубе.

— Привычка отъ репетированія въ молодости,—засмѣявшись, произнесъ Малаховъ.

Дорогою Рощинъ произнесъ вдругъ, прерывая молчаніе:

— Меня поразила аптекарша... Признаюсь, мнѣ хотѣлось поцѣловать у нея руку.

— Да, у нея красивая рука,—сказалъ Малаховъ, улыбаясь.

— Я вовсе не потому,—не безъ раздраженія возразилъ Рощинъ:—тутъ не дама, а...

— А что же?

Малаховъ посмотрѣлъ на пріятеля.

— Да неужели ты не согласенъ, что передъ нею не стыдно преклониться многимъ и христіанамъ?

— Согласенъ вполнѣ. Но причемъ тутъ твое желаніе?

— Фу ты! Какъ дань уваженія, я думаю! — воскликнулъ Рощинъ.

— Но такихъ же мнѣній держится и Кіотниковъ... Не хочешь ли и у него?..

Малаховъ не кончилъ и громко засмѣялся.

— Чортъ знаетъ, что такое стало съ тобой въ деревнѣ!—сердито проговорилъ Рощинъ. Но онъ не удержался и засмѣялся самъ.

— Дуралей ты, Ювеналій, и больше ничего,—прибавилъ онъ.

Малаховъ не отвѣтилъ пріятелю, но улыбка долго не сходила съ его губъ.

Они застали Наталью Павловну въ саду. Она провожала бабу, дѣлая ей какія-то замѣчанія.

— Гдѣ это вы были такъ долго? — спросила Наталья Павловна, обращаясь къ мужу.

— Зашли къ Вейнтраубе,—отвѣтилъ онъ.—Надо было познакомить Авенира съ нею.

— Они уже видѣлись... правда, мелькомъ. Ну что, Авениръ Львовичъ, — добавила Наталья Павловна,—какъ вы нашли Лію Соломоновну?

— Прекрасная женщина!—восторженно отвѣтилъ Рощинъ!—Что за глаза!

И замѣтивъ улыбку Малаховой, онъ поспѣшно прибавилъ:

— Я не въ смыслѣ красоты... но выраженіе этихъ глазъ: эта скорбь...

— Вы любите страданіе,—замѣтила Малахова.

— Не страданіе,—перебилъ Рощинъ,—а скорбь... и скорбь не за себя. Это не страданіе, а скорѣе сострадание. Восхищаясь Ліей Соломоновной, я не имѣю въ виду ее, какъ женщину,—хотя она несомнѣнно красивая женщина,—но это чудный человѣкъ. Передъ такой еврейкой не стыдно преклониться любому изъ насъ.

— Да,—согласилась Малахова:—у Ліи Соломоновны хорошее сердце. Только она нехарактерна для націи, я не назову ее исключеніемъ, — это было бы невѣрно и черезчуръ сильно. Но, помоему, такихъ личностей все же немного. Она нетипична, какъ представительница, на ней сильно сказалось вліяніе русскаго образованія, русскихъ кружковъ, литературы. И она по натурѣ очень добрая. Но я очень рада, что она вамъ понравилась. Я сама ее люблю... Ну-съ, а теперь пойдемте, у меня все готово къ обѣду. Или васъ Лія Соломоновна уже накормила?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ съ улыбкой мужъ,—но аппетитъ она достаточно испортила. Впрочемъ, сегодня любимая уха изъ налимовъ, я ее буду ѣсть охотно.

XVIII.

Рощинъ получилъ письмо отъ Ольги Николаевны. Она, видимо, была удивлена и обрадована предложеніемъ мужа, — главнымъ образомъ за дѣтей; въ письмѣ стояла слѣдующая фраза: „Я буду счастлива, если вы вернетесь къ дѣтямъ“. Но нѣкоторыя выраженія въ письмѣ ясно показывали, что Ольга Николаевна была рада и за себя. Любовь ея къ мужу проскальзывала въ письмѣ, хотя, очевидно, она сдерживала себя. При всемъ этомъ въ ея словахъ проглядывало какое-то сомнѣніе: она уже извѣрилась за прежніе годы. Но она соглашалась пріѣхать, и просила только выслать ей денегъ на дорогу. Въ послѣднее время она подписывалась въ письмахъ къ мужу просто: „О. Р.“ Теперь же она, въ концѣ послѣ фразы: „Жду скорѣйшаго отвѣта“, подписалась: „Ваша Ольга“.

Эта подпись не ускользнула отъ вниманія Рощина, и онъ воскликнулъ:

— Ну, да, я такъ и зналъ,—она святая, святая,—она все проститъ!

Онъ немедленно сообщилъ содержаніе письма Малаховымъ и сейчасъ же принялся писать отвѣтъ женѣ.

Въ пятомъ часу дня приходитъ въ Рамцы почтовый поѣздъ изъ Петербурга. Рощинъ написалъ отвѣтъ и самъ понесъ письмо на вокзалъ.

— Я очень рада за Ольгу Николаевну,—сказала Малахова мужу, входя въ его комнату.—Она изстрадалась, бѣдная, да и дѣти...

Она посмотрѣла на мужа и добавила:

— Но ты, кажется, не раздѣляешь моего взгляда или не вѣришь другу?

— По правдѣ сказать, да.

— Почему же?

— Не усидитъ долго Авениръ здѣсь: это не въ его натурѣ. Но это все-таки хорошо, что онъ перевозитъ сюда семью. Пусть онъ здѣсь отдохнетъ, освободится отъ этой накипи... Впрочемъ, какъ знать,—продолжалъ Малаховъ задумчиво:—всяко бываетъ; можетъ быть, онъ останется и совсѣмъ.

— Объ этомъ ужъ намъ надо позаботиться, Ювеналій,—сказала Наталья Павловна.

— Что мы сдѣлаемъ?—возразилъ мужъ.—Авениръ не ребенокъ. Позаботиться можно. Но натура тутъ, другъ мой, сильнѣе всего! Надо только объ одномъ позаботиться—какъ можно дольше его задержать здѣсь. Здоровая тишина, можетъ быть, его вылечитъ, а тогда онъ и самъ не пойдетъ по старой дорогѣ. Но натура, натура, Наташа! Хорошій онъ человѣкъ въ сущности, но рабъ своей натуры. Увлекается сильно, прыжокъ иногда можетъ такой сдѣлать, что, думаешь, вотъ сейчасъ въ святые попадетъ. А тамъ, глядишь, трахъ, и полетѣлъ книзу. Я его видѣлъ уже во всякихъ передѣлкахъ.

Наталья Павловна посмотрѣла на мужа и промолвила медленно, обдумывая что-то:

— Да, ты правъ. Ну, никто какъ Богъ.

Малаховъ вышелъ на балконъ.

По шоссе быстро неслась бричка, запряженная въ пару; на козлахъ, рядомъ съ возницей, сидѣлъ Рощинъ, который, замѣтя Малахова, снялъ шляпу и сталъ махать. Въ бричкѣ сидѣли дама въ широкой соломенной шляпѣ и какой-то господинъ въ цилиндрѣ.

— Съ кѣмъ это онъ?—промолвилъ недоумѣвающе Малаховъ и пошелъ съ балкона, чтобы встрѣтить неожиданныхъ гостей.

Въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ женой.

— Наташа! Авениръ везетъ къ намъ какихъ-то даму и мужчину. Я не могу узнать ихъ.

И онъ сталъ спускаться съ лѣстницы, оставивъ въ недоумѣніи жену.

Когда Малаховъ вошелъ въ садъ, пріѣхавшіе уже входили въ него.

Впереди шла средняго роста, очень красивая молодая женщина съ вьющимися бѣлокурыми, льняного цвѣта волосами, пышнымъ ореоломъ обрамлявшими овальное лицо съ прозрачной бѣлизной кожи, какъ у восковыхъ фигуръ. Румянецъ слегка оттѣнялъ щеки. Голубые глаза глядѣли весело.

Женщина была одѣта въ шерстяное платье изсиня-сѣраго цвѣта, съ вычурной прозрачной вышивкой, черезъ которую просвѣчивала нижняя синяя шолковая юбка. Такая же вышивка покрывала гладкій лифъ съ напускомъ на груди и узкіе длинные рукава съ внушительными раструбами у запястья.

— Можетъ быть, мы вамъ помѣшали, говорите прямо! Впрочемъ, мы къ вамъ съ радостной вѣстью, и потому, думаю, вы не будете очень досадовать на наше посѣщеніе.

Глаза блондинки смѣялись не то беззаботно-весело, не то какъ бы съ легкой ироніей.

— Могу сказать только одно: очень радъ видѣть васъ,— отвѣтилъ Малаховъ, пожимая маленькую ручку.—Какимъ это образомъ вы надумали посѣтить насъ, здѣшнихъ отшельниковъ?

— А вотъ это все объяснитъ вамъ Сержъ,—сказала дама, кивая головой въ сторону мужа, стоявшаго за нею.

Сержъ, или, иначе, Сергѣй Осиповичъ Релятскій, былъ шатэнъ, довольно высокаго роста, съ красивымъ, но блѣднымъ, измученнымъ лицомъ, которому остриженная клиномъ бородка придавала козлиный видъ. Одѣтъ Релятскій былъ въ безукоризненно сшитый смокингъ. Отъ всей фигуры его вѣяло щеголеватостью, и какъ-то сразу было видно, что Релятскій любитъ пожить и понимаетъ толкъ въ благахъ жизни. Онъ съ женой былъ вполнѣ пара.

Пока жена говорила, онъ съ легкою улыбкой глядѣлъ на Малахова и теперь, подхвативъ послѣднюю фразу жены, промолвилъ, крѣпко пожимая руку хозяину:

— Да это моя миссія, для этого я и пріѣхалъ. И надѣюсь, что не безплодно.

Рощинъ, расплачивавшійся съ извозчикомъ, тоже вошелъ въ садъ.

— Ювеналій,—воскликнулъ онъ, перебивая Релятскаго:—берегись, къ тебѣ явились искусители.

— Извините, Авениръ Львовичъ, не искусители, а друзья и союзники,—поправилъ Релятскій.

Въ садъ спустилась и Наталья Павловна. Она была знакома съ Релятскими и, увидавъ блондинку, уже гладившую собаку, довѣрчиво вилявшую хвостомъ, проговорила:

— Нина Аркадьевна! Какими судьбами?

— Не ожидали, да?—отвѣтила Релятская и, обнявъ Наталью Павловну, крѣпко расцѣловалась съ нею.

— Не ожидали, но очень рады.

— И знаете, съ какими вѣстями?

— Не знаю, но, несомнѣнно, съ добрыми.

— Конечно. Вы видите, какъ ласкова ваша собака,—а собаки чувствуютъ друзей. Рощинъ меня предупреждалъ, что вашъ церберъ злой.

— Но онъ золъ только къ бѣдно одѣтымъ. Этотъ церберъ хозяйскій, а не нашъ, но удивительно аристократическаго направленія,—не любитъ плохо одѣтыхъ.

— Ха, ха, ха!—залилась Релятская.—Вотъ странно: у такихъ демократовъ и аристократическое направленіе цербера! Да, онъ хозяйскій! А кто вашъ хозяинъ?

Нина Аркадьевна болтала, какъ ребенокъ, и ея свѣжій голосокъ звенѣлъ, какъ колокольчикъ, въ тепломъ воздухѣ.

— Вы у насъ ночуете, разумѣется?—спросила Малахова, усаживая гостью на скамью у стола, который прислуга уже покрыла скатертью.

— О, нѣтъ,—отвѣтила Релятская:—мы только до курьерскаго... Вѣдь это серьезно, что мы по дѣлу къ вамъ. Сержъ!—прибавила Нина Аркадьевна, обращаясь къ мужу:—ты что же, сообщилъ уже о цѣли пріѣзда?

Мужъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Нѣтъ, милокъ; это за чаемъ. За чаемъ лучше; кстати, мнѣ чертовски хочется пить.

У палисадника въ эту минуту остановилась телѣжка. Стукъ колесъ привлекъ вниманіе разговаривающихъ. Они обернулись.

— А, Савелій Пафнутьевичъ,—произнесъ Малаховъ и крикнулъ:—Милости просимъ, прямо къ чаю!

— Кто это?—шопотомъ спросилъ Релятскій.

— Заводчикъ одинъ, крестьянинъ, состоятельный человѣкъ и очень умный.

— Дѣти у него съ высшимъ образованіемъ,—добавилъ Рощинъ.

— Ба, ба!—протянулъ Релятскій, оттопыривъ губу:—Это очень интересно!

Вошелъ Кіотниковъ. Малаховъ познакомилъ его съ Релятскими. Нина Аркадьевна съ любопытствомъ оглядывала Кіотникова, и легкая улыбка скользнула на ея губахъ, когда Савелій Пафнутьевичъ проговорилъ, обращаясь къ Малаховой:

— Э, золотая барынька, вы ужъ китайской травки мнѣ плесните!..

Всѣ размѣстились около стола.

— Какъ вамъ здѣсь нравится?—спросила Наталья Павловна Релятскую.

— У васъ очень мило, но, я думаю, скучно.

— Да, ужъ не такъ, какъ у васъ въ Павловскѣ.

— Ну, знаете, мнѣ и Павловскъ надоѣдаетъ. Я немедленно утащила бы Сержа за границу, но эта газета... Ахъ, pardon, ты, кажется, еще не сказалъ, я тебя предупреждаю...

— Нѣтъ, что же, можно приступить и къ дѣлу,—отвѣтилъ мужъ, закуривая сигару.

Рощинъ подмигнулъ Малахову и сдѣлалъ выразительный знакъ Натальѣ Павловнѣ.

Та съ недоумѣніемъ посмотрѣла на его оживленное лицо.

— Вы знаете Картошкина?—проговорилъ Релятскій, обращаясь къ Малахову.

— Это тотъ, у котораго чуть не двадцать домовъ въ Петербургѣ?

— Онъ самый.

— Знаю немного,—и что же?

— Онъ на дняхъ получаетъ разрѣшеніе на изданіе газеты.

— Картошкинъ? На что ему газета?

— Ну, какъ сказать, на что... Это...

— Ахъ, Ювеналій Никандровичъ,—вмѣшалась Релятская:—это все затѣя Сержа; онъ уговорилъ Пахома Сосипатровича... такъ его взмылилъ, что тотъ на стѣну полѣзъ: хочу газету, ха, ха, ха!

— Ну, мой другъ,—съ легкой улыбкой возразилъ Релятскій:—Картошкинъ не такой ужъ глупый, онъ много читаетъ и любитъ...

— Но онъ едва ли правильно сумѣетъ подписать фамилію,—замѣтилъ Малаховъ.

— Ахъ, что вы!—заступаясь, воскликнулъ Релятскій.—Это неправда! Пахомъ Сосипатровичъ не получилъ систематическаго образованія, но онъ очень просвѣщенный человѣкъ.

— Это Пахомъ-то просвѣщенный!—сказалъ Кіотниковъ, отхлебывая съ блюдечка чай.—Новость!

— А вы развѣ его изволите знать?—освѣдомился Релятскій.

— Полагаю, что не меньше, чѣмъ вы... Я еще его знавалъ, когда онъ и въ почетѣ не былъ. Дѣло свое онъ ведетъ хорошо, это вѣрно, но насчетъ просвѣщенія, ужъ не знаю, въ чемъ оно у него?—развѣ въ томъ, что помимо жены француженку завелъ себѣ, да, какъ попугай, чужія слова повторяетъ. Это можетъ быть!

— У него большая и прекрасная библіотека.

— Видѣлъ; книгъ, дѣйствительно, немало, и все въ хорошихъ переплетахъ. Да только читаетъ ли онъ ихъ, вотъ въ чемъ вопросъ?

— Вкусы бываютъ разные; я, pardon, не могу согласиться съ вами относительно Пахома Сосипатровича. Но дѣло не въ этомъ.

— А въ его капиталахъ, конечно,—произнесъ Кіотниковъ и, подавая чашку Натальѣ Павловнѣ, промолвилъ:—Плесните-ка еще, барынька.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ Релятскій, какъ бы не слыша послѣднихъ словъ Кіотникова:—Пахомъ Сосипатровичъ желаетъ дать настоящій живой органъ печати и за деньгами не стоитъ. Меня онъ пригласилъ редактировать всю хронику, вести театральный отдѣлъ, завѣдывать спортомъ и вообще, такъ сказать, всѣмъ тѣмъ, что на злобу дня; общая редакція будетъ принадлежать Голубцову. Это журналистъ опытный и человѣкъ съ темпераментомъ. А это—главное. Довольно мертвечины въ прессѣ!

— Голубцовъ человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій,—замѣтилъ Малаховъ.

— Вы хотите сказать, безъ приходскихъ тенденцій,—поправилъ Релятскій.—Это и отлично. Право, намъ эта приходчина... надоѣла. Но вы не отнимете у Голубцова таланта, умѣнья, нюха, словомъ—тѣхъ качествъ, которыя нужны и безусловно даже необходимы для журналиста.

— Ахъ, Маркъ Викторовичъ прелесть, что за человѣкъ!—воскликнула Релятская.—Онъ мертваго подыметъ. Сколько у него огня, энергіи! Вотъ человѣкъ, который умѣетъ жить и работать. Я отъ него въ восторгѣ! Я просто, кажется, влюблена въ него!

— Мой другъ! что ты говоришь!—съ улыбкой остановилъ ее Релятскій.

— Сержъ! я говорю при тебѣ, значитъ, ничего опаснаго нѣтъ.

— Ну, какъ сказать... Однако, мы удалились въ сторону.

Такъ вотъ, Ювеналій Никандровичъ: основывается большая газета. Я хотя и не редакторъ, но, такъ сказать, первое лицо въ редакціи, потому что даже Голубцова я предложилъ Картошкину... И онъ не пойдетъ противъ меня ни въ чемъ. А я хочу, очень хочу,—Релятскій подчеркнулъ это слово,—чтобы вы приняли дѣятельное участіе въ нашей газетѣ.

— Да, да, Ювеналій Никандровичъ,—подхватила жена:—пожалуйста, не откажите Сержу... Вы будете очень полезны. Это не только его, но и мое желаніе.

Малаховъ поклонился и произнесъ:

— Крайне польщенъ, Нина Аркадьевна, и очень благодаренъ, но чѣмъ же я могу быть полезенъ, и почему именно я? Съ Голубцовымъ мы во многомъ не сходимся.

— Но Сержъ васъ считаетъ своимъ другомъ.

Малаховъ засмѣялся.

— Я очень цѣню дружбу Сергѣя Осиповича, но... мы съ нимъ тоже во многомъ не сходимся, какъ писатели.

— Позвольте, Ювеналій Никандровичъ,—перебилъ Релятскій:—я это знаю, но это не можетъ нисколько мѣшать дѣлу. Вы позволите мнѣ разъяснить вамъ нѣсколько мой взглядъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я врагъ всякихъ стѣсненій. Вы смотрите такъ,—прекрасно, это ваше дѣло! А я иначе,—не стѣсняйте меня. Всякій имѣетъ право смотрѣть и думать по-своему. Не такъ ли?

— Конечно, но тогда въ одной газетѣ...

— Pardon, это глубокая ошибка—смотрѣть такъ узко. Бога ради, простите! Вы думаете, что читателю очень пріятно стройное направленіе? Да позвольте: у газеты подписчиковъ тысячъ сорокъ-пятьдесятъ. Неужели всѣ смотрятъ одинаково? Никогда! Да, наконецъ, интересно выслушать всякое мнѣніе. По-моему, главное одно: чтобы было талантливо. Газета должна сообщать обо всемъ, знакомить со всѣмъ, со всѣми теченіями, мнѣніями, и пр., и пр. Положимъ, вопросъ объ общинѣ: отлично! Дайте ваше мнѣніе. А гдѣ правда—ну, читатель самъ можетъ сдѣлать выводъ. Да, наконецъ, мы это заключеніе ему дадимъ, но это не мѣшаетъ удѣлять мѣсто и тѣмъ, кто съ нами не согласенъ. Живо, интересно, талантливо—вотъ въ чемъ вся суть. И это у насъ будетъ. Вы знаете, кто ужъ далъ слово работать? У насъ будетъ сотрудничать Дудкевичъ. Перо легкое, остроумное...

— Но Дудкевичъ у Коровина.

— Мы прибавили ему тысячу рублей, онъ къ намъ переходитъ. Развѣ ему не все равно, гдѣ писать? Онъ и къ Коро-

вину перешелъ отъ Пискарева, потому что Коровинъ ему набавилъ.

— Коровинъ опять набавитъ, потому что Дудкевичъ у него первая скрипка.

— Ну, нѣтъ-съ! мы уже подписали контрактъ и оградились неустойкой. Да дѣло не въ этомъ... Такъ вотъ-съ: Дудкевичъ— это разъ; затѣмъ Шишкинъ. Правда, онъ прежде писалъ въ консервативномъ духѣ, но теперь онъ себя реабилитировалъ, и молодежь его любитъ. Онъ—хорошій фельетонистъ. Не правда ли?

И такъ какъ Малаховъ молчалъ, то Релятскій, подождавъ секунду, продолжалъ:

— Затѣмъ будетъ извѣстный публицистъ Щукинъ. Вы знаете, какимъ успѣхомъ пользуются его бесѣды въ провинціи? Онъ бьетъ, какъ молотъ, провинція имъ зачитывается.

— А я-то зачѣмъ вамъ? — промолвилъ Малаховъ.—Что я могу дать?

— Вы? Боже мой! Вы намъ необходимы, какъ человѣкъ, знающій народъ, деревню. Я говорю вамъ: мы смотримъ на дѣло широко. Мы должны удовлетворить всѣмъ желаніямъ. Вы дополните ту сторону, какая у насъ отсутствуетъ. Вы и какъ беллетристъ, и какъ публицистъ для насъ нужны, что насущный хлѣбъ. И вотъ я предлагаю вамъ: все о деревнѣ возьмите подъ свое крыло. Въ этой области васъ никто не будетъ стѣснять. Никто не будетъ вмѣшиваться, вы—полный хозяинъ, и все, что напишете—это все для насъ. Конечно, вы будете редактировать и беллетристическій отдѣлъ.

— Но я пишу теперь немного.

— И не надо много. Романъ, повѣсть въ годъ — и отлично. А статьи, ну, это само собой, и редактированіе... Насчетъ обезпеченія... о, въ этомъ отношеніи вы удивитесь нашей щедрости.

Рощинъ не удержался и предупредилъ Релятскаго:

— Ювеналій! тебѣ хотятъ предложить восемь тысячъ, помимо гонорара за беллетристику.

— Да-съ, восемь тысячъ помимо гонорара, — подтвердилъ Релятскій и обвелъ всѣхъ присутствующихъ побѣдоноснымъ взглядомъ.

— Гм! жалованье министерское,—проговорилъ Кіотниковъ.

— Да, Савелій Пафнутьевичъ, вы говорите правду,—произнесъ Малаховъ.—Но позвольте, — добавилъ онъ, обращаясь къ Релятскому:—Вѣдь вы, конечно, потребуете моего переѣзда въ Петербургъ?

— О, да, конечно!—въ одинъ голосъ воскликнули супруги.

И прежде, чѣмъ успѣлъ отвѣтить Малаховъ, Релятская проговорила, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Дорогая, Наталья Павловна! Какъ это будетъ славно! У насъ постоянная ложа въ оперѣ, и мы съ вами...

Какъ громъ, поразилъ всѣхъ отвѣтъ Малахова:

— Въ Петербургъ я не поѣду.

— Какъ! при такихъ условіяхъ?

— Даже при такихъ.

— Но отчего же, отчего?—растерянно произнесъ Релятскій, никакъ не ожидавшій такого отвѣта, а напротивъ, думавшій поразить Малахова цифрой вознагражденія и ожидавшій отъ него полнаго согласія.

— Оттого, что я не хочу жить въ Петербургѣ, это разъ.

— А во-вторыхъ?—спросилъ Релятскій уже какимъ-то упавшимъ голосомъ.

— А во-вторыхъ, я не хочу снова запрягаться въ эту лямку, погружаться въ газетную тину и перебрасываться отъ работы къ работѣ, кипѣть, какъ въ котлѣ. Я испыталъ уже эту каторгу, и слава Богу, что избавился отъ нея, отбылъ, и теперь живу на свободѣ.

— Вотъ это хорошо сказано!—воскликнулъ Кіотниковъ.

И хлопнувши по плечу сидѣвшаго съ нимъ рядомъ Малахова, старикъ добавилъ:

— И не прельщайся деньгами, не жадничай, не ходи туда, сиди здѣсь! Здѣсь и тебѣ лучше, да и отъ тебя другимъ лучше.

— Вотъ ужъ не понимаю этого, что хотите, не понимаю!—воскликнулъ Релятскій, разводя руками.

Улыбка—не то сожалѣнія, не то разочарованія—блуждала на губкахъ его жены.

— Я понимаю,—продолжалъ Релятскій:—уходъ въ деревню, ради спасенія силъ, таланта, такъ какъ здѣсь жизнь дешевле... Но когда такія условія...

— Вы сказали: для спасенія таланта, — перебилъ Малаховъ: — вотъ именно я и хочу его спасти, потому и остаюсь здѣсь. Я хочу быть только беллетристомъ-художникомъ, а въ городѣ мнѣ придется размѣниваться...

— Ювеналій Никандровичъ, но вамъ не надо писать изъ-за нужды!

— Все равно: я буду раздваиваться и раскидываться. Я не могу...

— А Достоевскій,—замѣтилъ Рощинъ:—вотъ вѣдь онъ издавалъ „Дневникъ Писателя“!

— Конечно,—подхватилъ Релятскій:—Өедоръ Михайловичъ не могъ молчать, какъ публицистъ, если этого требовала жизнь!

Малаховъ покачалъ головою.

— Вы ошибаетесь, господа,—сказалъ онъ:—во-первыхъ, Достоевскій не потому издавалъ „Дневникъ“, что не могъ молчать, а потому что заставляла нужда: онъ не хотѣлъ писать романы тогда, когда нѣтъ никакого влеченія. Будь онъ обезпеченъ, онъ никогда бы не сталъ размѣниваться и то же самое сказалъ бы, какъ художникъ, и это было бы еще лучше. Это разъ. А во-вторыхъ; ну, когда душа потребуетъ, такъ сказать, неотступно высказаться публицистически,—пусть художникъ превращается въ публициста. А вѣдь тутъ не то: приходится считаться съ потребностями читателей, съ газетой, съ разными условіями... Надо писать, хочешь—не хочешь. И эта вѣчная суета... Нѣтъ, Богъ съ этимъ со всѣмъ! Я хочу творить въ тиши, безъ кнута, хочу и писать, и жить, какъ всѣ... быть не только лѣтописцемъ, но и дѣлать маленькую деревенскую исторію.

Онъ разсмѣялся, какъ бы желая смягчить свой отвѣтъ.

— Вы говорите такъ рѣшительно и горячо,—произнесъ Релятскій,—что...

Онъ пожалъ плечами и хотѣлъ что-то прибавить, но ему помѣшала жена.

— Нѣтъ, Ювеналій Никандровичъ, этого я не могу допустить!—воскликнула она, выражая протестъ всей своей тонкой, вертлявой, какой-то декадентской фигуркой. — Въ самомъ дѣлѣ: такія блестящія условія, Сержъ такъ хлопоталъ, ему... намъ такъ хочется, — да, наконецъ, мнѣ положительно жалко бѣдную Наталью Павловну: какъ можно засадить молодую женщину въ такую трущобу! Простите, это преступленіе! Это насиліе!

— Только не насиліе, Нина Аркадьевна! — возразила Малахова.

— Ахъ, не увѣряйте меня, Наталья Павловна!—воскликнула гостья:—всѣ жены такъ говорятъ, чтобы оправдать своихъ супруговъ, или... чтобы выгородить самихъ себя, скрыть свое „вѣрноподданничество“... Вотъ ужъ я въ этомъ случаѣ—ни-ни: на іоту не уступлю Сержу. Онъ знаетъ, что я люблю его, но—скажи онъ: оставь Петербургъ!.. Ни за что не соглашусь! За границу—да, извольте... А то онъ выдумалъ какъ-то ѣхать въ провинцію; я сказала прямо: не ѣду! Поѣзжай одинъ, а я останусь здѣсь. Чтобы я зарылась въ глушь—сохрани Богъ! О, всѣ мужчины—эгоисты... а литераторы еще больше, хотя и пишутъ о любви и прочихъ прекрасныхъ матеріяхъ.

Она засмѣялась, встала и прошлась по дорожкѣ.

— Нина Аркадьевна! вы соблазните Авенира, и онъ отмѣнитъ свое рѣшеніе,—замѣтилъ Малаховъ.

— Какое рѣшеніе? — спросила Релятская, останавливаясь передъ Малаховымъ.

— Да онъ тоже намѣренъ поселиться здѣсь.

— Какой вздоръ! Этого никогда не будетъ... Авениръ Львовичъ, вѣдь вы принимаете предложеніе Сержа? Значитъ, вы поселяетесь въ Петербургѣ!

— Да? ты уже передумалъ? — обратился къ пріятелю Малаховъ.

Рощинъ вскочилъ съ мѣста.

— Право, не знаю, что дѣлать! Мнѣ очень здѣсь нравится... и я хотѣлъ бы отдохнуть, но... знаешь, Ювеналій, это такое живое дѣло... при томъ полная самостоятельность...

— А письмо къ женѣ?

— Ну, это ничего не значитъ! Пусть она сюда переѣзжаетъ, дѣтямъ деревня полезнѣе... Это такъ близко отъ Питера,—я буду навѣщать каждую недѣлю, даже чаще... А потомъ я и самъ переберусь сюда... Да, если хочешь, я это такъ говорю, а я, можетъ быть, и останусь здѣсь, хотя живое дѣло, живое!..

— Никогда не будетъ этого, чтобы вы здѣсь остались, — властно произнесла Релятская.—Да, да, не будетъ, такъ и знайте, Авениръ Львовичъ! Я не хочу этого... Что вы тутъ станете дѣлать? Это съ вашей-то натурой, съ вашей любовью къ городу?

Малаховъ засмѣялся.

— Я такъ и зналъ,—сказалъ онъ:—тебѣ не выбраться изъ города! Что, Наташа? А ты еще...

Это задѣло Рощина.

— Позволь, Ювеналій, я повторяю, что еще ничего не рѣшилъ окончательно... Я вотъ съѣзжу съ Сергѣемъ Осиповичемъ, все узнаю, посмотрю... Ты скоръ на приговоръ... погоди!

Кіотниковъ погладилъ бороду и промолвилъ какъ бы про себя, но вслухъ:

— И силенъ же Питеръ своими соблазнами, такъ и тянетъ всѣхъ... Всѣ говорятъ о деревнѣ, а никто ей послужить не хочетъ.

— Какъ никто? Да вотъ мы начинаемъ дѣло... развѣ мы игнорируемъ деревню? Мы и ей будемъ служить,—сказалъ Релятскій.

— Эхъ, господинъ, при чемъ тутъ народъ и деревня! Дай вамъ Богъ всякаго успѣха, а только вы о народѣ оставьте: — все это затѣвается для барской публики.

— Но интересы-то народа?

— Какіе интересы?—перебилъ старикъ:—развѣ газета ваша для народа? для чтенія деревенскаго простого человѣка?

— Вы вотъ про что!

— Да-съ...

— Ну, есть и для этой публики, есть... напримѣръ...

Релятскій какъ бы затруднялся назвать.

— Вы хотите указать на разные „Листки“? — помогъ ему Малаховъ.

— Хотя бы...

— Ну, это что за пресса!—промолвилъ Рощинъ:—она развращаетъ народъ, простого читателя...

— А кто же виноватъ-то, господинъ хорошій? — спросилъ Кіотниковъ.—Отчего туда никто не посылаетъ хорошаго?

— Савелій Пафнутьевичъ! да кто же туда пойдетъ? Вѣдь это не литература...

Рощинъ брезгливо поморщился.

— Да вѣдь ихъ простой-то человѣкъ читаетъ?

— Читаетъ.

— Такъ вы чего же его не пожалѣете, господинъ? Зачѣмъ же ему вредное-то читать? Вы ему дайте хорошее чтеніе.

— То-есть, идти въ эти газеты?—спросилъ Рощинъ.

— Хотя бы...

— Ну, это унизительно!

— Да почему же? Забавлять и смѣшить барина не унизительно, а простого человѣка хорошему поучить — унизительно... не понимаю!

— Я согласенъ съ Савеліемъ Пафнутьевичемъ,—произнесъ Малаховъ: — это у насъ глупое предубѣжденіе, прямо какой-то предразсудокъ. Важно — что писать, зачѣмъ, а не то — гдѣ... Свѣтъ именно и надо вносить во тьму...

— А плата, Ювеналій Никандровичъ? Народныя газетки— хотя ихъ всего одна-двѣ—платятъ гроши!—замѣтилъ Релятскій.

— А у васъ на первомъ планѣ гонораръ?

— Но жизнь, Ювеналій? Все дорого!—воскликнулъ Рощинъ.

— Гдѣ, Авениръ? Въ твоемъ возлюбленномъ Питерѣ? Вѣрно. Вотъ потому-то и лучше жить въ деревнѣ, гдѣ все дешево. Я могу работать за такую плату, за какую ты не можешь... вѣрно.

— Здѣсь нѣтъ жизни,—возразила Релятская, уже снова сидѣвшая рядомъ съ хозяйкою.—И зачѣмъ это жертвоприношеніе на алтарь мужика! Вы дѣлаете кумиръ изъ лаптя... фи! Это старо. Да и у кого талантъ, тотъ долженъ пользоваться и жить!

Вы, пожалуй, скажете, что и Шаляпинъ долженъ за сто рублей пѣть въ балаганахъ?

— Зачѣмъ же! — возразилъ Малаховъ. — Этого никто не скажетъ.

— Почему же?

— Во-первыхъ, народу и не надо непремѣнно Шаляпинскаго пѣнія... Это—роскошь... Но еслибы можно было хорошую оперу дать народу... Я не скажу—мужику даже, а небогатому городскому обывателю,—то, разумѣется, это недурно, потому что балаганъ съ его забавами—это не идеалъ. Я вообще не одобряю артистической жадности и этой эгоистичности со стороны таланта! Талантомъ надо служить родинѣ, а не пускать его въ оборотъ за непомѣрные проценты, какъ это дѣлаютъ съ капиталомъ ростовщики.

— Это возмутительно!—воскликнула Релятская.—Вы проповѣдуете какое-то подвижничество! Но вѣдь талантливые люди не юродивые! Съ какой стати талантливому человѣку продавать себя за гроши и чуть не нуждаться! Талантъ—драгоцѣннѣйшій капиталъ, и его обладатель имѣетъ право получать самые высокіе проценты... Чѣмъ больше—тѣмъ лучше! А то что̀ такое: гостинодворцы будутъ ѣздить на рысакахъ, а писатели — эта соль земли—ютиться въ мансардахъ и ходить въ рваныхъ резиновыхъ калошахъ... Это несправедливо!

— Вы берете крайности, Нина Аркадьевна!—возразилъ Малаховъ. — Зачѣмъ мансарды? Но можно и не бросать сотни въ загородныхъ ресторанахъ, на подобіе гостинодворцевъ. Не купчики же—примѣры для тѣхъ, кто, по-вашему, „соль земли“!

— Да, но и не схимонахи же, надѣюсь?

— Если хотите, то подвижники скорѣе могутъ быть примѣромъ въ извѣстномъ смыслѣ. Но я не требую этого. Надо только помнить, что талантъ дается не для того, чтобы на него... простите!.. содержать кокотокъ и жить во-всю. Онъ—даръ неба, и имъ надо служить если ужъ не человѣчеству—это слишкомъ грандіозно,—то хотя родинѣ.

— Да, но не издателямъ же, которые на счетъ писателей содержатъ кокотокъ!—колко замѣтила Релятская.

— Пускай, но я этого не говорю. Тутъ завидовать, право, нечему. Но я стою за интересы страны, а не издателей... почему вы на меня нападаете?

Малаховъ улыбнулся при послѣдней фразѣ.

— Я не нападаю на васъ, но я защищаю писателей... И что̀ же вы: точно они не родинѣ служатъ?

— Не всегда, Нина Аркадьевна! Возьмите послѣдній романъ Мерченко: это идеализація разврата. Съ такимъ талантомъ и чему служитъ!

— Не троньте моего милаго Виктора Васильевича: у него все такъ интересно... каждая пустая вещица—прелесть!

Релятскій перебилъ жену:

— Мы вдаемся въ общія сужденія, а время идетъ... Ювеналій Никандровичъ, такъ вы положительно не принимаете нашихъ условій?

— Не принимаю безусловно!—отвѣтилъ Малаховъ.

— А если Наталья Павловна... вы ее спросили?—опять замѣтила Релятская.

— Но вы не ей, а мнѣ предлагаете,—улыбаясь, отвѣтилъ Малаховъ.

— Но если она...

— Захочетъ жить въ столицѣ?—докончилъ Малаховъ.—Это ея дѣло, я насиловать ее не стану; но я останусь здѣсь.

— О, вы тиранъ!—воскликнула гостья.

— Напротивъ: даю полную свободу... Но мнѣ кажется, Нина Аркадьевна, что вы ошибаетесь насчетъ вкусовъ моей жены.

И онъ обратился къ Натальѣ Павловнѣ:

— Что ты скажешь?

— Я уже сказала... Еслибы иначе, то я не жила бы здѣсь давно.

— Вы слышали, Нина Аркадьевна?

— Ахъ, это...

Релятская не кончила, пожала плечами и съ досадливой миной откинулась на спинку садовой скамейки.

— Хвалю,—промолвилъ Кіотниковъ.—Что дѣло—то дѣло.

Эти слова разозлили Релятскаго.

— Я удивляюсь вамъ,—сказалъ онъ колко:—вы стоите за народъ, отчего же не издаете для него нарочитой газеты? Вотъ въ ней и Ювеналій Никандровичъ принялъ бы на себя редакцію.

Старикъ вдумчиво посмотрѣлъ на Релятскаго и промолвилъ спокойно:

— Куда намъ, господинъ, съ суконнымъ рыломъ, да въ калашный рядъ! Я не Пахомъ, не за свое дѣло не возьмусь.

— Но Ювеналій Никандровичъ...

— Я его, господинъ, очень люблю и уважаю, но и съ нимъ такого дѣла не начну, гдѣ я не могу быть не только компаньономъ, а и въ чернорабочіе не гожусь. Я ему вѣрю, да несуразно самому, какъ слѣпцу ходить.

Кіотниковъ отеръ потъ съ лица большимъ клѣтчатымъ платкомъ и продолжалъ:

— А Ювеналій Никандровичъ правильно разсуждаетъ: чего ему идти туда, гдѣ все кипитъ, какъ въ котлѣ? Здѣсь у него есть дѣло, да и свою службу онъ несетъ какъ слѣдуетъ. Кто любитъ городъ, примѣрно, хотя бы господинъ Рощинъ... Ему, видать, безъ городу и не дыхнуть, присосался...

Малаховъ громко расхохотался.

— Удивительно мѣтко вы выражаетесь!—сказалъ онъ Кіотникову:—Авениръ именно присосался. Да проживи еще я лѣтъ пять, шесть, и мнѣ не выбраться бы, пожалуй! Я какъ разъ во-время ушелъ.

— И слава Богу,—произнесъ Кіотниковъ:—здѣсь-то лучше. А вотъ господинъ-то хотѣлъ меня укорить, а ему спасибо скажу: газеты издавать не стану, на это у меня и кишки не хватитъ: деньги мои небольшія, да и тѣ въ дѣлѣ... А вотъ если хорошія книжки, такъ двѣ-три, это можно испробовать, тутъ не много надо, да и я понимаю, что̀ мужику-то нужно... Мы съ тобой, Ювеналій Никандровичъ, объ этомъ послѣ потолкуемъ.

Релятскій переглянулся съ женой.

— Новая издательская фирма въ Рамцахъ,—сказалъ Релятскій полушутливо, полуиронично.

— Какая фирма, мы по мелочной торговлѣ,—также не безъ ироніи отвѣтилъ старикъ.

XIX.

Кіотниковъ скоро уѣхалъ, обѣщаясь опять заглянуть на недѣлѣ.

Гости пробыли до девяти часовъ. Малахова предложила имъ пройтись по шоссе и въ поле, но Нина Аркадьевна испугалась сырости и пьяныхъ.

— У васъ тутъ, вѣроятно, и золоторотцы бродятъ,—сказала она.

— Да что̀ они сдѣлаютъ? Насъ много!—возразилъ Малаховъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—упорно отказывалась Релятская:—мы лучше посидимъ въ саду, а потомъ пораньше на вокзалъ...

Она все-таки осмотрѣла квартиру Малаховыхъ.

— Вы совсѣмъ опростились,—сказала она съ улыбкой, въ которой сквозила иронія.—Ювеналій Никандровичъ,—добавила она, обращаясь къ хозяину:—я прежде васъ не знала... Но

Сержъ такъ много о васъ говорилъ... Я въ васъ не узнаю того Малахова... Ба! А гдѣ же другой беллетристъ?—спросила она.

Наталья Павловна засмѣялась.

— Онъ измѣнилъ всѣмъ намъ... Посмотрите!

Она подвела Релятскую къ периламъ балкона, на которомъ всѣ стояли.

— Видите!..

Въ саду Рощинъ разговаривалъ съ Ритой, держа ее за руку.

— Вотъ и отлично!—воскликнулъ онъ:—Значитъ, вмѣстѣ и ѣдемъ.

— Куда—вмѣстѣ?—крикнула ему Релятская съ балкона.

Рощинъ поднялъ голову, немножко смутился и выпустилъ руку дѣвушки; Рита сейчасъ же исчезла изъ сада.

— Эта... барышня ѣдетъ по дѣлу въ Питеръ... Такъ я говорю—вмѣстѣ...

— Но когда же ты ѣдешь?—спросилъ Малаховъ.

— Я?.. А знаешь что: я поѣду вмѣстѣ съ твоими милыми гостями... потомъ вернусь... и захвачу свои вещи... Можетъ быть, тогда и Оля... пріѣдетъ сюда. Ахъ, впрочемъ, ей еще надо послать!..

— А для этого надо сначала достать,—со смѣхомъ подсказала Релятская.

— Вы угадали...

— Ну, это мы устроимъ,—покровительственно произнесъ Сергѣй Осиповичъ.

— Спасибо! Тогда я ѣду!

— А барышня?

— И она тоже...

— Какъ?.. На курьерскомъ?—удивленно спросилъ Малаховъ.

— Ну, тутъ близко... Разсчетъ пустой!—отвѣтилъ Рощинъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ отправились на вокзалъ. Рита ушла раньше.

Малахову не нравилось, что дѣвушка ѣдетъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Рощинымъ и Релятскими.

— И что за спѣшка у нея?... На курьерскомъ... Пустая трата денегъ, когда въ домѣ...

— Ювеналій, не брюзжи, ради Бога!—съ досадой остановилъ друга Рощинъ.—Ты превращаешься въ ворчуна... Это еще рано!

— Вы за что-то пробираете пріятеля?—спросила Релятская, поймавъ фразу Рощина.

— Да, онъ въ деревнѣ сильно измѣнился! — отозвался Рощинъ.

— И къ худшему!—добавила Релятская.

— А я доволенъ своей перемѣной,—сказалъ Малаховъ.

Они подошли къ вокзалу.

Поѣздъ побѣдоносно подкатилъ къ платформѣ и остановился сразу.

Изъ перваго вагона выскочилъ молодой человѣкъ, въ охотничьей курткѣ, и хотѣлъ прослѣдовать на вокзалъ; но его окликнулъ Релятскій:

— Казанцевъ!.. Вы это куда?

Молодой человѣкъ оглянулся, узналъ Релятскаго и подошелъ къ нему.

— Да вы и съ женой? Ба!.. Тутъ и Рощинъ... изъ Одессы... и Малаховъ!

— Цѣлая редакція!—захохотавъ, произнесла Релятская.

Казанцева знали всѣ.

Малаховъ немножко поморщился, здороваясь, но не подалъ вида, что Казанцевъ ему не особенно пріятенъ.

А Казанцевъ объяснялъ:

— Я къ полковнику Рутневу... На охоту... Я уже рѣшилъ на обратномъ пути заѣхать къ вамъ,—добавилъ молодой человѣкъ, обращаясь къ Малахову и какъ бы желая его этимъ осчастливить.

Ювеналій Никандровичъ промолчалъ.

Курьерскій поѣздъ стоитъ въ Рамцахъ всего десять минутъ.

Пора было садиться въ вагонъ. Рощинъ познакомилъ Риту съ Релятскими и помѣстилъ ее въ одномъ купэ съ ними.

Малахову пришлось, противъ желанія, зайти съ Казанцевымъ на вокзалъ.

— Какъ вы здѣсь живете?—спросилъ молодой человѣкъ, садясь за столикъ и наливая себѣ пива.—Скучно?

— Нисколько!—отвѣтилъ Малаховъ.

— Да, я васъ понимаю, — тряхнувъ длинными волосами, произнесъ Казанцевъ:—Вы ушли... чтобы остаться независимымъ художникомъ... Это отлично! Въ этомъ отношеніи вы сошлись съ Вакуловымъ... только пути разные... Онъ сказалъ себѣ: я долженъ выбраться, а не загубить свой талантъ!.. И—женился.

— Когда же?

— Недавно повѣнчался... Я былъ шаферомъ.

— На комъ же?

— На вдовѣ секретаря консисторіи.

— Что вы говорите! Но ему всего двадцать-четыре года!

— Положимъ—двадцать-пять!

— А ей?

— Ей—сорокъ-пять... Но у нея имѣнье, заводъ и семьдесятъ тысячъ капитала... Недурно?

— Это чортъ знаетъ что такое!.. Это—прямо гадость!—не сдержавшись, воскликнулъ Малаховъ.

— Ювеналій Никандровичъ,—произнесъ онъ:—вы смотрите немножко узко... по-старому... Наше поколѣніе смотритъ иначе... Ну, вотъ возьмите — Рощина... Развѣ лучше?.. Ему нѣтъ и сорока... а что онъ изъ себя?.. Весь развинтился... А какъ писатель—исписался!

— Это неправда!—горячо воскликнулъ Малаховъ.—Авениръ, дѣйствительно, расшаталъ здоровье, но не исписался! А какъ человѣкъ... да онъ со всѣми своими пороками чистъ и праведенъ сравнительно съ этимъ... Вакуловымъ...

Малаховъ поднялся со стула.

— Куда же вы?

— Извините, пора домой... Мы рано ложимся... Да и вамъ время ѣхать: до имѣнья Рутнева—двадцать верстъ.

— Кажется, вы разсердились на меня? — съ иронической улыбкой спросилъ Казанцевъ.

— Нисколько... За что?.. Всякій имѣетъ право...

Онъ не договорилъ и простился съ Казанцевымъ.

— Фу, какіе мерзавцы!—промолвилъ Малаховъ, идя по платформѣ.—И эти идутъ на смѣну...

— Не всѣ же такіе, Ювеналій!—замѣтила жена.

— Ну, еще бы!.. Но эти выдвинутся... увидишь... Вотъ когда можно сказать словами Некрасова: „Бывали хуже времена, но не было подлѣй!“

Онъ засмѣялся. Въ его смѣхѣ послышалась злоба.

— Успокойся, Ювеналій... не стоитъ! — сказала Наталья Павловна.

Малаховъ промолчалъ.

Подходя къ дому, онъ вдругъ спросилъ у жены:

— Наташа... скажи мнѣ всю правду: ты не страдаешь, живя здѣсь?

— Нѣтъ, Ювеналій!

— Но ты, можетъ быть, дѣлаешь это ради меня... видя, что мнѣ здѣсь полезно... А сама... Ты вѣдь любишь городъ?.. да?..

— Я живу потому, что здѣсь мнѣ хорошо, лучше, чѣмъ въ городѣ!

— Очень радъ, мой другъ!

Малаховъ взялъ руку жены и поцѣловалъ ее.

Но еслибы онъ не былъ сегодня такъ сильно взволнованъ, онъ, вѣроятно, уловилъ бы въ голосѣ жены что-то не вполнѣ искреннее.

Наталья Павловна сказала не всю правду. Она любила мужа и знала, что ея откровенное признаніе отравитъ его душевный покой.

И она солгала.

Она считала, что такъ — лучше, потому что — ни мужъ не могъ переѣхать въ Петербургъ, ни она—оставить мужа.

XX.

Малаховы получили письмо отъ Ольги Николаевны, которая извѣщала, что на слѣдующей недѣлѣ она выѣдетъ, если только къ этому времени получитъ деньги на дорогу. Ольга Николаевна просила Наталью Павловну подробнѣе написать обо всемъ. Рощина писала: „Усидитъ ли Авениръ въ Рамцахъ? Что, если все не надолго,—зачѣмъ и трогаться?“ Но черезъ нѣсколько строчекъ она прибавляла: „Впрочемъ, я охотно покину Москву и поселюсь тамъ, гдѣ вы. Если Авениръ и будетъ часто уѣзжать въ Петербургъ... съ вами я не соскучусь. Моимъ дѣтишкамъ въ деревнѣ здоровѣе, и ради одного этого я готова жить въ Рамцахъ. Тамъ и дешевле. Я не могу пожаловаться: Авениръ посылаетъ деньги, но на нихъ въ деревнѣ можно прожить, конечно, гораздо лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Я рада переѣхать къ вамъ“.

Прочитавъ письмо, Наталья Павловна сказала мужу:

— Какъ же теперь быть: писать обо всемъ ей или нѣтъ?

— Думаю, что не надо,—отвѣтилъ Малаховъ:—это ее смутитъ... Она права: и ей, и ея дѣтямъ здѣсь лучше. Авениръ станетъ навѣщать, и легче будетъ его уговорить на переѣздъ сюда. Я не думаю, чтобы онъ долго удержался въ газетѣ, да еще вопросъ: долго ли продержится и газета? Наконецъ, посылая деньги, Авениръ, конечно, самъ напишетъ про все женѣ.

— Да пошлетъ ли онъ ихъ скоро?—замѣтила Наталья Павловна. — У нея, вѣроятно, все готово къ отъѣзду и она волнуется.

— Ну, что же, тогда пошлемъ деньги Ольгѣ Николаевнѣ, а потомъ получимъ съ Авенира. Вотъ человѣкъ: остался безъ гроша, а погорѣльцамъ далъ двѣсти рублей.

Малахова одобрила предложеніе мужа.

— Я очень люблю Ольгу Николаевну и мнѣ жаль ее,—сказала она.—А это похоже на Рощина.

Малаховъ послалъ деньги и извѣстилъ объ этомъ пріятеля.

„Ты послѣ отдашь мнѣ,—писалъ Малаховъ:—только, пожалуйста, позаботься о дальнѣйшемъ. Я буду очень радъ, если ты передумаешь и поселишься здѣсь. Брось это „живое дѣло". У тебя живое дѣло—дѣло художника. Отдайся ему всецѣло, пока не поздно. Тебѣ грѣшно размѣнивать твой талантъ, если и не громадный, то и не маленькій. Не будь расточителемъ божьяго наслѣдства".

Квартирка для Ольги Николаевны была совсѣмъ готова. Ее оклеили новыми обоями. У хозяина мебели оказалось маловато. Но тутъ помогли о. Михаилъ и Вейнтраубе и даже докторъ. Малахова пошутила: „Хотя съ борку, да съ сосенки, но квартирка обставлена мило".

Вернулась Рита, привезла письмо отъ Рощина и объявила, что она тоже переѣзжаетъ въ Петербургъ.

— Это зачѣмъ?—удивленно спросилъ Малаховъ.

— Мнѣ Релятскіе даютъ мѣсто въ конторѣ редакціи. Пятьдесятъ рублей жалованья и комната при конторѣ.

— Но согласится ли вашъ дядя на это?—сказала Наталья Павловна.

— Конечно. Такое жалованье!

— А я думаю, что не согласится,—промолвилъ Малаховъ.

— Это почему?—съ задоромъ спросила дѣвушка.

— Я буду просить его не отпускать васъ.

— Вотъ странно!.. Вамъ-то что?

Голосъ Риты дрогнулъ.

— Глупенькая!—промолвилъ Малаховъ:—вы сами не понимаете, куда и на что идете!

— А вы знаете?

Брови дѣвушки сдвинулись.

— Хорошо знаю, Рита. И какая тамъ контора: у васъ на рукахъ дѣти.

— Они мои, что-ли?—рѣзко кинула Рита.—Вотъ сказали! Я имъ не мать... Ради нихъ зарываться въ этой ямѣ!

— Какъ вы заговорили, Рита! Чьи это вы слова повторяете? Это вамъ Нина Аркадьевна наговорила?

Малаховъ пытливо посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Хотя бы и она,—что жъ такое? Она славная, добрая, веселая... Мы будемъ вмѣстѣ ѣздить въ театръ.

Рита въ слезахъ ушла домой.

— Это ужасно!.. Тамъ дѣвочка погибнетъ... Надо принять всѣ мѣры, чтобы дядя не отпускалъ.

Ювеналій Никандровичъ говорилъ, волнуясь.

— Его, можетъ быть, соблазнитъ жалованье,—сказала жена.

— Я ему все объясню. Не дуракъ же онъ и любитъ сколько-нибудь племянницу.

— А что же пишетъ Рощинъ?—напомнила Наталья Павловна.

— Ахъ, да!

Малаховъ досталъ изъ кармана пиджака письмо, куда онъ положилъ его, разговаривая съ Ритой, и сталъ читать.

Письмо Рощина было очень горячее. Онъ писалъ: „Газета Картошкина—большое дѣло. Редакція формируется съ рѣдкимъ умѣньемъ. Къ газетѣ примкнетъ все, что есть живого въ литературѣ. Мы покажемъ, какъ надо вести настоящій органъ печати. У издателя денегъ много и онъ ихъ не жалѣетъ. Я уже получилъ авансъ. Спасибо тебѣ за дружескую услугу. Я на дняхъ буду въ Рамцахъ и расквитаюсь съ тобой, и привезу денегъ Ольгѣ. Она, къ этому времени, навѣрное уже будетъ у васъ. Я здѣсь застрялъ невольно: создаются, такъ сказать, министерства при газетѣ. Ты правъ: мое дѣло—дѣло художника. Благодарю за лестное мнѣніе о моемъ талантѣ. Надѣюсь, что ты говоришь не по дружбѣ только или ради завлеченія меня въ Рамцы. Другъ мой! Дай мнѣ еще немного пожить здѣсь и побороться... А тамъ, года черезъ три—все бросаю и дѣлаюсь вѣчнымъ обывателемъ твоей деревни. Вѣрь мнѣ. Вѣрь и тому, что Ольгѣ не придется меня упрекать. Я не знаю, въ какія отношенія она пожелаетъ встать ко мнѣ, но я буду примѣрнымъ отцомъ, и если она можетъ все простить, то и примѣрнымъ мужемъ. Всему конецъ. Письмо тебѣ передастъ Рита. Моралистъ, да не смущается твое сердце: клянусь, не питаю никакого злого умысла на нѣмочку. Больше: я буду стоять на стражѣ ея интересовъ, и никто не дерзнетъ посягнуть на этого прелестнаго котенка. И Нина Аркадьевна поможетъ мнѣ“.

Малаховъ, читавшій вслухъ, бросилъ письмо на столъ и воскликнулъ не то съ досадой, не то съ изумленіемъ:

— Что это такое: смѣется онъ или наивничаетъ? Релятская на стражѣ нравственности Риты!

— Мнѣ кажется теперь,—замѣтила жена,—ни то, ни другое... Рощинъ не отдаетъ себѣ отчета, потому что ему и самому еще смутно это, но онъ хочетъ удержать Риту вблизи себя.

— Какъ, ты думаешь, что у него начинается новое?

— Не утверждаю,—отвѣтила Наталья Павловна,—мнѣ такъ кажется... Вотъ пріѣдетъ, поговори съ нимъ хорошенько.

— Непремѣнно! Но надо уговорить Фреймана... Ахъ, Авениръ!—съ грустью добавилъ Малаховъ:—самъ ищетъ своей погибели! Здѣсь онъ спасъ бы себя во всѣхъ отношеніяхъ... Черезъ три года! Точно это пустяки... А если тогда поздно будетъ? Мало ли погибло даровитыхъ людей. Самъ со мной соглашался, и вотъ...

Малаховъ развелъ руками, взялъ письмо и сталъ его дочитывать.

„Изъ Риты—писалъ Рощинъ—можно сдѣлать развитую женщину. Право, жаль, если она выйдетъ за какого-нибудь телеграфиста и завянетъ прежде времени. Какъ ни говори, а это— нѣжный и благоуханный цвѣтокъ“.

— Еще бы! —замѣтилъ Малаховъ иронично и продолжалъ чтеніе:

„У меня много плановъ. Я буду писать въ газетѣ и обдумывать крупныя работы. Пріѣзжая въ Рамцы, я буду отдыхать, освѣжаться; ну, а все лѣто проживу у васъ и напишу большой романъ, вотъ увидишь! Прощай, спѣшу на редакціонное собраніе. Обнимаю тебя, цѣлую ручки твоей жены (ты позволишь?) и засимъ — твой безпутный Авениръ“.

Въ этотъ же день Малаховъ видѣлся съ хозяиномъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

— Это ничего,—сказалъ Фрейманъ Малахову въ свое оправданіе:—Я буду ѣздить часто и наблюдать...

Малаховъ только пожалъ плечами. Рита уѣхала.

Въ этотъ день онъ встрѣтился на вокзалѣ съ Рутневымъ.

Полковникъ поздоровался съ нимъ и спросилъ:

— Не былъ у васъ Казанцевъ?

— Нѣтъ. А что?

— Ну, и пріятели же ваши...

— Какіе пріятели: Казанцевъ? Онъ вовсе не пріятель; я его мало даже знаю.

— Но онъ сказалъ такъ... Очень радъ тогда... Вѣдь это же... негодяй!

— Котораго вы принимаете?

— Да вѣдь онъ нахалъ! Я недавно встрѣтилъ его тетку... плачетъ. Онъ такъ напугалъ старуху, что та откупилась и дала ему пятьсотъ рублей.

— Чѣмъ же онъ могъ напугать?

— Тутъ какой-то ссыльный къ ней ходилъ... Казанцевъ ска-

залъ, что это соціалистъ, и напугалъ тетку... Словомъ — грязь... Ну, ужъ нравы молодой литературы!—закончилъ полковникъ.

— Вы принимаете за писателей проходимцевъ, — сказалъ Малаховъ.

— Но они все-таки литераторы,—произнесъ полковникъ.

И сейчасъ же добавилъ:

— Конечно, больше ко мнѣ Казанцевъ не пріѣдетъ: я его принялъ отлично... ха! ха! Но вообразите: знаетъ меня мало, мы съ нимъ встрѣтились въ одномъ домѣ, и онъ назвался самъ на охоту... Я принялъ его нелюбезно: еще бы! Пріѣхалъ ночью, всѣхъ переполошилъ, держится по-хамски... И все-таки, уѣзжая, попросилъ взаймы сто рублей! Я предложилъ двадцать,—взялъ. Я нарочно, чтобы не ѣздилъ: это помогаетъ!

Малаховъ былъ возмущенъ и озадаченъ. Онъ не выносилъ Казанцева, за его наглость, хвостовство... но то, что сообщилъ Рутневъ, для Малахова было новостью: онъ не зналъ такихъ гадостей за этимъ „литературнымъ птенцомъ".

Возвращаясь домой, Малаховъ думалъ: „Вотъ такой гусь еще вотрется въ Картошкинскую газету,—дѣйствительно, все живое въ литературѣ! И каждый день съ такими встрѣчаться, вести одно дѣло... Нѣтъ, слава Богу, что я стою далеко отъ этого болота съ его міазмами. Но что же это такое? Этого прежде не было... Пили, развратничали, но даже во все это вносили что-то поэтическое, широкое... до такихъ же мерзостей не доходили! Это просто рыцари вяземской лавры полѣзли въ прессу"...

Малахову вспомнился писатель, судившійся за кражу ротонды; потомъ другой—за поддѣлку векселей на имя дяди...

Онъ выругался и прибавилъ мысленно, уже входя въ садъ:— „Надо написать Авениру, чтобы они не пускали въ свою газету Казанцева".

XXI.

Ольга Николаевна пріѣхала и устроилась. Ей понравилось въ Рамцахъ, понравилась квартирка... Она заплакала, когда ее встрѣтили на вокзалѣ Малаховы... Дѣти были въ восторгѣ отъ деревни... Прислугу нашли скоро, хотя и не умѣющую готовить хорошо.

— Это ничего, я помогу ей,—сказала Ольга Николаевна.— Пусть она хотя черную работу дѣлаетъ.

Рощину послали письмо. Онъ отвѣтилъ депешей, что будетъ черезъ два дня, въ воскресенье, къ обѣду.

Съ самаго утра въ этотъ день Ольга Николаевна волновалась. Она пригласила обѣдать къ себѣ Малаховыхъ, отправила дѣтей съ Натальей Павловной къ обѣднѣ, а сама съ кухаркой принялась за стряпню. Она помнила тѣ пирожки съ печонкой, которые такъ любилъ мужъ,—и рѣшилась его угостить ими на новосельѣ. Ювеналія Никандровича она просила на вокзалѣ, въ буфетѣ, купить вина.

— Авениръ не любитъ обѣдать безъ вина, — съ улыбкою сказала Ольга Николаевна.

Когда дѣти вернулись домой, она уже пріодѣлась и на столѣ ждалъ кофе. Ольга Николаевна оживилась, суетливо хлопотала и безпрестанно поглядывала на часы. Съ каждой минутой ея нервность увеличивалась. Она сама не понимала, что̀ дѣлается съ нею. Вѣдь недавно она видѣла мужа—когда онъ проѣзжалъ черезъ Москву и былъ у дѣтей. Она встрѣтила его почти совсѣмъ спокойно. Что̀ же теперь?.. Не чуетъ ли сердце... что-нибудь недоброе?.. Но что̀ же?..

Ольга Николаевна задумывалась на минуту — и опять принималась за что-нибудь по хозяйству.

Малаховъ, идя изъ церкви, завернулъ на вокзалъ — купить вина, по просьбѣ Ольги Николаевны, и остался дожидаться поѣзда, на которомъ обыкновенно приходятъ газеты изъ Петербурга, для продажи въ кіоскѣ.

Выйдя на платформу, Ювеналій Никандровичъ былъ удивленъ, увидѣвъ Риту и Фреймана, шедшаго сзади. Дѣвушка была взволнована, и на глазахъ ея еще виднѣлись слѣды недавнихъ слезъ. Онѣ послышались и въ голосѣ, когда на вопросъ Малахова: — „Вы почему?“ Рита отвѣтила: „Дядя взялъ назадъ!“

Фрейманъ разсказалъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы посмотрѣть, какъ устроилась Рита и что̀ она дѣлаетъ. Онъ попалъ какъ разъ въ тотъ мигъ, когда Рита возвращалась съ прогулки съ двумя молодыми людьми — будущими сотрудниками газеты. Оба они прошли въ комнату Риты, куда подали чай, и вскорѣ явился Рощинъ.

„А когда же будетъ выходить газета?“—освѣдомился Фрейманъ. Ему сказали, что съ октября. — „Что̀ же теперь будетъ дѣлать Рита?“—спросилъ онъ дальше. „О, ей дѣла много“,— опять отвѣтили ему.

— Тогда я, — разсказывалъ Малахову Фрейманъ, жестикулируя руками,—понялъ все. Я сказалъ: о, я вижу, какое это дѣло... Тутъ Ритѣ не служба. Ну, я взялъ Риту за руку и

сказалъ: сію минуту собирай вещи, и мы ѣдемъ. И вотъ мы уѣхали... Господинъ Рощинъ...

— Онъ пріѣдетъ сегодня сюда,—сказалъ Малаховъ.

— Нѣтъ, — возразилъ Фрейманъ: — онъ хотѣлъ, но не будетъ... Онъ ѣдетъ въ Парижъ! Вотъ у Риты есть письмо... Рита, — гдѣ письмо?

Дѣвушка, шедшая впереди, остановилась и подала письмо Малахову. Когда Ювеналій Никандровичъ разорвалъ конвертъ, то въ немъ оказались два письма: одно — къ нему, другое—къ Ольгѣ Николаевнѣ.

Малаховъ, отставъ отъ спутниковъ, сейчасъ же принялся за чтеніе письма, которое было адресовано ему.

„Дорогой другъ!—писалъ Рощинъ.—Ты будешь изумленъ и станешь ругать меня, когда я скажу тебѣ: я сейчасъ уѣзжаю въ Парижъ и даже не могу заѣхать въ Рамцы... Но иначе нельзя ничего сдѣлать... Случилось такое обстоятельство, что надо свои интересы по-боку!.. Слушай... я тебѣ кратко, но объясню все... Ты слыхалъ немного про Зою Макаровну Перфильеву?.. Ея мужъ — тиранъ. Онъ билъ ее, — ее—красавицу, нѣжную лилію, хрупкое созданіе... Ей удалось вырвать какъ-то у мужа отдѣльный паспортъ... Она пріѣхала сюда... Но мужъ уже спохватился и летитъ тоже сюда... Сегодня онъ будетъ здѣсь... Мы спасаемъ ее... и увозимъ за границу... Вотъ Кіотниковъ ругалъ Картошкина: а это высокой души человѣкъ! Онъ далъ тысячу рублей, чтобы спасти бѣдную женщину. Я ѣду... на два-три мѣсяца всего... Устрою ее гдѣ-нибудь въ семействѣ... и — вернусь... Я буду изъ Парижа писать... О, этотъ городъ вдохновитъ меня! Великая нація — великихъ людей! Мнѣ редакція предложила блестящія условія... Это даже лучше... чѣмъ въ Петербургѣ... Но ты не думай, что я тамъ останусь... Боже сохрани! Черезъ два-три мѣсяца я снова въ Петербургѣ и въ Рамцахъ! Завтра Релятскій высылаетъ Ольгѣ Николаевнѣ триста рублей... Довольно ей пока... Я ей пишу отдѣльно... Но ты успокой ее... Цѣлую тебя... Цѣлую ручки Натальи Павловны... Твой Авениръ“.

„P. S. Разорвалъ конвертъ и дѣлаю приписку: бѣдная Рита! Этотъ чухонецъ ее увозитъ! Впрочемъ... Прощай!“

Малаховъ не вѣрилъ своимъ глазамъ,—до того письмо было неожиданно по содержанію. Онъ зналъ пріятеля, привыкъ къ его эксцентричностямъ, но такого поступка никакъ не ожидалъ. Перевести семью, послать депешу, заставить всѣхъ волноваться— и вдругъ въ Парижъ! Точно какая-то сказка! Да, въ поступкѣ нѣтъ

ничего сквернаго, низкаго. И онъ, Малаховъ, увѣренъ, что теперь, въ эту минуту, Рощинъ охваченъ только однимъ высокимъ, горячимъ чувствомъ: спасти бѣдную женщину отъ деспотизма негодяя-мужа. Никакое другое чувство не примѣшивается — это внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ зналъ друга. Но что дальше, тамъ — въ Парижѣ? Онъ пишетъ: „черезъ два-три мѣсяца"... Ну, а если? Страдающая одинокая красавица, которой нѣтъ двадцати-пяти лѣтъ — и Авениръ! Это — порохъ и огонь. Онъ самъ не отдаетъ себѣ отчета въ первыхъ движеніяхъ сердца. Онъ теперь стремится на крыльяхъ возвышенной мечты. Навѣрное, онъ самъ вызвался ѣхать... Правда, лучше нельзя было найти проводника для Зои Макаровны: Авениръ сумѣетъ быть въ дорогѣ и тамъ преданнымъ рыцаремъ, а въ мягкой нѣжности и предупредительности онъ возьметъ первый призъ. У него это не притворство, а все искренно. Но что если Зоя увлечется имъ, полюбитъ? Тогда начнется новый актъ, и прощай Рамцы!

Размышляя, Малаховъ дошелъ до дома. Въ саду сидѣла жена. Малаховъ сразу замѣтилъ, что она взволнована.

„Вѣроятно, видѣла Риту, и та все сказала", — подумалъ Ювеналій Никандровичъ.

— Ты знаешь уже? — спросилъ онъ у жены.

— Да, Рита сказала. Неужели это правда?

— Правда; вотъ, прочти его письмо.

Онъ подалъ женѣ тонкій листокъ и самъ опустился на скамейку.

Наталья Павловна прочитала письмо и возвратила его мужу.

— Что скажешь?

— Мнѣ жалко Ольгу Николаевну. Она такъ, видимо, рада, волнуется... Это ужасно!

— Положимъ, мотивы благородные! — какъ бы защищая друга, замѣтилъ Малаховъ.

— Но ей-то развѣ легче? — возразила жена. — Хотя бы заѣхалъ... Да, впрочемъ, сегодня мужъ той нагрянетъ... нельзя медлить...

Она улыбнулась грустно и добавила:

— Три мѣсяца, пишетъ онъ: — но такъ ли это будетъ? ты увѣренъ?

Она глядѣла на мужа, ожидая отвѣта.

— Кто же можетъ впередъ знать, — промолвилъ онъ. — Я думаю, что мужъ Зои полетитъ за нею, если узнаетъ... а это возможно. Ну, тогда Авениръ попадетъ въ кашу. Вотъ человѣкъ!

И помолчавъ, закончилъ:

— А все-таки я люблю Авенира... Онъ какъ-то симпати-

ченъ при всѣхъ безумствахъ. Помнишь чьи-то стихи: есть люди, которые нравятся при всѣхъ порокахъ больше, чѣмъ другіе при всѣхъ ихъ добродѣтеляхъ. Авениръ именно изъ первыхъ. Въ немъ, несмотря на всю власть земли надъ нимъ, чуется всегда дыханіе божьяго духа.

Наталья Павловна улыбнулась на нѣсколько выспреннюю рѣчь мужа и сказала:

— Да, но надо же объявить все Ольгѣ Николаевнѣ. Надо письмо ей передать... Какъ это тяжело все!

XXII.

Рощина съ дѣтьми была въ палисадникѣ, когда явились Малаховы.

Ольга Николаевна встала съ табуретки, на которой сидѣла, и пошла навстрѣчу гостямъ.

— Вы пойдете на поѣздъ?—спросила она.—Я бы хотѣла съ дѣтьми выйти.

У Натальи Павловны сжалось сердце отъ боли. Ювеналій Никандровичъ смѣшался и молчалъ. Рощина замѣтила смущеніе гостей и вдругъ вся перемѣнилась въ лицѣ.

— Вы хотите что-то...

Она не могла говорить. Ее забила нервная дрожь.

— Успокойтесь, голубушка, ничего особеннаго,—заговорила Наталья Павловна, улыбаясь черезъ силу и беря за руку Рощину:—вы должны знать эксцентричную натуру Авенира Львовича... Онъ хорошій человѣкъ, но...

Наталья Павловна точно разучилась говорить и съ трудомъ подыскивала слова.

— Что же такое?

Ольга Николаевна въ изнеможеніи опустилась на лавочку у калитки.

— Онъ не будетъ сегодня, потому что...

Малахова почувствовала, что ея горло что-то сжимаетъ и не даетъ говорить.

Она сдѣлала страшное усиліе и докончила:

— Вообразите, онъ уѣхалъ въ Парижъ.

— Въ Парижъ?—повторила Рощина.—Зачѣмъ?

— Всего на три мѣсяца, а то и меньше... Ювеналій, да что же ты не дашь письма Ольгѣ Николаевнѣ отъ мужа?

Малаховъ передалъ Рощиной маленькой конвертикъ.

Она дрожащей рукой разорвала конвертикъ и стала читать. Письмо въ ея рукахъ дрожало. Лицо оставалось такое же блѣдное, только глаза то вспыхивали, то потухали. Дочитавъ письмо, она уронила его, и не замѣтила этого.

Малаховъ поднялъ письмо.

— Прочтите,—сказала едва слышно Рощина.

Малаховъ передалъ письмо женѣ. Рощинъ писалъ Ольгѣ Николаевнѣ то же самое, что̀ и пріятелю, только въ другихъ выраженіяхъ, въ другомъ тонѣ. Онъ умолялъ простить его, увѣрялъ, что это не что̀ иное, какъ только поѣздка для спасенія несчастной женщины, и клялся, что черезъ два, много три мѣсяца онъ вернется и будетъ въ Рамцахъ. „Ты святая, святая Ольга, — писалъ онъ: — ты все поймешь, и не обвинишь меня. Вѣдь это же дѣло спасенія человѣка! Ювеналій, навѣрное, согласенъ со мною. Скажи дѣтямъ, что я ихъ горячо цѣлую и привезу изъ Парижа много подарковъ. Прости, прости, моя хорошая Ольга... Еще немного, и мы вернемъ прошлое“.

Ольга Николаевна сидѣла неподвижно; на глазахъ ея блестѣли слезы.

Подбѣжала дѣвочка. Увидѣвъ у матери слезы, она ласково прижалась къ ней и прошептала:

— Мама, что̀ съ тобой? Кто тебя обидѣлъ?

Рощина вздрогнула, какъ уколотая. Она быстро смахнула слезы, поднялась съ лавочки и неожиданно для всѣхъ твердо проговорила:

— Полно, крошка, я не плачу... Но... папа сегодня не пріѣдетъ сюда.

Ея голосъ все же дрогнулъ подъ конецъ.

— Мамочка, а папа тебя не обидѣлъ?

И дѣвочка подозрительно посмотрѣла на письмо, которое мать держала въ рукахъ.

— Нѣтъ, милая... Онъ сегодня уже не обидѣлъ! — какъ-то особенно подчеркивая слова, промолвила Рощина, цѣлуя дочь.

Она обратилась затѣмъ къ Малаховымъ и сказала:

— Ну, что̀ дѣлать... Все готово для обѣда... Пойдемте, справимъ новоселье!

Она быстро повернула и пошла къ дому.

Малаховы послѣдовали за нею.

Въ этотъ же день, уже около часовъ десяти, пріѣхалъ Кіотниковъ въ Рамцы.

Онъ зашелъ къ Малахову, который разсказалъ обо всемъ ему.

— Да, вотъ оно что...

И помолчавъ, онъ вдругъ произнесъ съ улыбкой:

— А ты уже никуда не думаешь бѣжать отсюда?

— Никуда, Савелій Пафнутьевичъ!

— Такъ. Ну, такъ вотъ что: землю-то купляешь у Сорокина?

— Хотѣлъ бы, но...

— Денегъ не хватаетъ?

— Да.

— Ладно же: я тебѣ дамъ, и лѣсу отпущу, стройся... А со мной расквитаешься помаленьку...

— Да что вы, Савелій Пафнутьевичъ...

— Ну, будетъ тебѣ... достально я тебя узналъ... Ты вотъ угости-ка меня чайкомъ... Я что москвичъ: всегда готовъ пить чай!

Вошла Наталья Павловна.

— Вотъ, Наташа,—сказалъ ей мужъ:—Савелій Пафнутьевичъ даетъ мнѣ деньги... сколько не хватаетъ... на покупку земли и въ кредитъ отпускаетъ лѣсъ для дома...

Малаховъ улыбнулся и добавилъ шутливо:

— Я разсказалъ про Авенира... Вѣроятно, Савелій Пафнутьевичъ боится, что и я сбѣгу въ Парижъ!

— А что же, долго ли,—также шутливо произнесъ старикъ, находившійся сегодня въ хорошемъ расположеніи духа.—Гляди, и убѣжишь! А вотъ, выстроишься—и капутъ! Ужъ тутъ не то, что только въ деревнѣ живешь, а на свою землю сядешь... на цѣпочку... хе... хе... хе!..

Александръ Кругловъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ
ГЛАСНАГО СУДА

Изъ воспоминаній женщины-стенографа конца 60-хъ и 70-хъ годовъ.

...Моя обязанность правительственнаго стенографа совпала съ тѣмъ славнымъ и счастливымъ временемъ царствованія императора Александра II, когда молодой государь, освободивъ свой народъ отъ крѣпостной зависимости, даровалъ ему затѣмъ цѣлый рядъ реформъ: судебную, земскую, мировую, городскую, школьную и друг.

Даровитая группа призванной интеллигенціи проявила тогда столько созидающей энергіи и творчества, осуществляя всѣ эти преобразованія, что, несмотря на скоро наступившія неблагопріятныя условія, все же успѣла неизгладимо намѣтить пути лучшей жизни и лучшихъ отношеній.

Судъ „скорый, гласный и милостивый" пышнымъ цвѣтомъ расцвѣлъ, и первый призывъ исполнителей этого гражданскаго обновленія вполнѣ соотвѣтствовалъ идеалу и задачамъ, положеннымъ въ основу гуманнаго народнаго суда.

Блестящій выборъ даровитаго и талантливаго судебнаго персонала, заполнившаго вновь открытыя судебныя учрежденія, былъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, обусловливавшихъ ту высоту, на которую сразу поставленъ былъ нашъ гласный судъ. Заслуга того, кто такъ умѣло и умно выполнилъ эту патріотическую задачу, навсегда останется въ исторіи юстиціи за тѣмъ благороднымъ министромъ, который руководился при выборѣ судебныхъ дѣятелей наилучшимъ и наисправедливѣйшимъ изъ критеріевъ— личными дарованіями и талантами.

И теперь, послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, когда ряды этихъ дѣятелей такъ сильно порѣдѣли, немногіе изъ оставшихся все же неизмѣнно горятъ свѣтлыми точками среди тумана карьеризма и остатковъ того разрушенія, которому подвергла позднѣйшая бюрократія этотъ храмъ общественной совѣсти.

Въ настоящій моментъ раздаются голоса:—нѣтъ людей! нѣтъ выбора для осуществленія нужныхъ реформъ. Это—тяжкая бюрократическая клевета на даровитый русскій народъ! Ихъ тысячи томятся въ бездѣйствіи, имѣя возможность предложить свою богатую инціативу, знанія и энергію развѣ только якутамъ, камчадаламъ и самоѣдамъ...

Скромная дѣятельность стенографовъ, на долю которыхъ тогда выпала обязанность и честь передавать въ печать рѣчи и дѣйствія въ учрежденіяхъ, гдѣ впервые примѣнялось провозглашенное начало общественной справедливости, самоуправленія и экономическаго устройства народа, являлась тогда живымъ и интереснымъ дѣломъ [1]. Какъ и большинство того времени, радостно переживая высоту общественнаго настроенія, которое вызывалось важностью этой славной эпохи, я не предчувствовала, какъ сказочно быстро наступитъ, по мановенію того же жезла, обратное, попятное движеніе, а съ нимъ прекратится и наша скромная работа...

Когда я рѣшила покончить съ своей праздной и зависимой жизнью и искать себѣ труда, харьковская судебная палата съ семью окружными судами была уже открыта. Переѣздъ мой туда безпрепятственно осуществился, благодаря содѣйствію знакомой интеллигентной семьи Н. П., съ которою я раньше сблизилась въ моемъ родномъ городѣ Полтавѣ,—городѣ столь поэтично воспѣтомъ нашимъ величайшимъ поэтомъ. Въ немъ тогда, какъ и сотни, тысячи лѣтъ тому назадъ, наступали тихія украинскія ночи, съ прозрачнымъ небомъ и звѣзднымъ блескомъ,—но своей дремоты превозмочь не могъ не только воздухъ, но и многотысячный городъ, представлявшій изъ себя въ тѣ времена безнадежную захолустную пустыню.

Общественная дремота въ Полтавѣ обусловливалась, главнымъ образомъ, своеобразнымъ управленіемъ его главнаго администратора. Желтый, худой какъ трупъ, онъ своими костлявыми и цѣпкими руками сжималъ съ такой силой всякіе интеллектуальные проблески и стремленія ввѣренной ему губерніи, что за все время своего долговременнаго управленія краемъ, несмотря на энергичныя попытки нѣкоторыхъ самыхъ благонадежныхъ лицъ, не

[1]) Мы стенографировали не только въ судѣ, но и въ земствѣ, и въ думѣ.

разрѣшалъ открыть ни одной библіотеки, ни школы грамоты, ни даже дѣтскаго сада, находя все это завѣдомо вреднымъ и ненужнымъ для его мѣстныхъ обывателей. Даже на просьбу своей знакомой высокопревосходительной аристократки дозволить ей открыть школу грамоты для бѣдныхъ дѣвочекъ онъ сказалъ: „Chère m-lle F., croyez-moi que toutes ces écoles ne font que du mal“. Когда же г-жа F. съ его мнѣніемъ не согласилась и отвѣтила, что подастъ ему формальное прошеніе, онъ ей отвѣтилъ: „Подавайте,—но предупреждаю васъ, что прошеніе это будетъ лежать у меня подъ сукномъ“. Такое упрощенное администрированіе этой губерніей съ милліоннымъ населеніемъ примѣнялось десятки лѣтъ этимъ высокопоставленнымъ бюрократомъ, получившимъ свое образованіе въ одномъ изъ высшихъ гражданскихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній. Съ какимъ желчнымъ раздраженіемъ и шипѣніемъ встрѣчался тогда подобными дѣятелями шумный потокъ всеобщаго обновленія, который радостно опьянялъ лучшихъ людей того времени, — чуднаго времени всеобщаго энтузіазма и дѣятельности. Новыя лучшія формы жизни какъ изъ рога изобилія посыпались властной рукой Александра II-го, призывая всѣхъ къ труду, мысли и лучшему существованію, у источника котораго было положено благородное начало свободы... Все освобождалось: милліоны рабовъ, общественныя учрежденія и интеллигентныя женщины. Изнѣженныя, избалованныя, богатыя, титулованныя, бѣдныя, мы, бросивъ свои дворянскія гнѣзда, стали работать въ магазинахъ, библіотекахъ, редакціяхъ, судебныхъ канцеляріяхъ, швейныхъ мастерскихъ, отстаивая свою личную независимость и достоинство. Хотя работа эта, лишенная подготовки, была подчасъ плоха и неумѣла, но женщина 60—70-хъ годовъ все же сдѣлала свое дѣло, установивъ безповоротно принципъ необходимости труда и болѣе широкихъ умственныхъ запросовъ и потребностей.

И вотъ, въ это счастливое время, недавно оставивши пансіонскую скамью, я пріѣхала въ Харьковъ, искать себѣ труда и независимой жизни.

Семья Н. П., по приглашенію которой я пріѣхала туда, состояла изъ брата и сестры и ихъ маленькой воспитанницы. Прежде Н. П., правовѣдъ по образованію, служилъ дореформеннымъ прокуроромъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ губернаторомъ былъ видный дѣятель царствованія Александра II-го, В. А. Арцимовичъ. Вслѣдствіе безпристрастнаго и справедливаго по отношенію къ освобожденнымъ крестьянамъ введенія уставныхъ грамотъ, Арцимовичъ вызвалъ неудовольствіе и доносы въ средѣ

крѣпостниковъ-дворянъ, послѣдствіемъ чего была назначена въ эту губернію сенаторская ревизія. Ревизія окончилась тѣмъ, что— въ угоду дворянской партіи — всѣхъ безупречныхъ дѣятелей рѣшили въ Петербургѣ съ повышеніемъ перевести въ столицы. Н. П., за содѣйствіе, оказываемое Арцимовичу, получилъ также предложеніе перевода. Считая такое предложеніе оскорбительнымъ для своего служебнаго достоинства, Н. П., написавъ очень рѣзкое письмо своему министру, подалъ въ отставку, причемъ остался безъ всякихъ средствъ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ получилъ предложеніе служить въ другомъ министерствѣ, которое и принялъ, переѣхавъ на югъ.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, одного изъ первыхъ, кого я встрѣтила у моихъ знакомыхъ, былъ прокуроръ судебной палаты Ш—овъ. Познакомившись и узнавъ о моемъ желаніи искать себѣ труда, онъ предложилъ мнѣ подготовиться къ стенографированію и занять мѣсто правительственнаго стенографа харьковскаго судебнаго округа.

Въ это время старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты былъ баронъ Торнау. Нѣмецъ по происхожденію, онъ примѣнилъ нѣмецкую систему стенографированія Габельсбергера къ русскому языку и написалъ руководство. Обучивъ одного изъ чиновниковъ этому искусству, онъ поручилъ ему открыть при университетѣ стенографическіе курсы, которые я вскорѣ и стала посѣщать.

Чтобы заинтересовать дѣломъ стенографированія, любезный прокуроръ судебной палаты Ш—овъ, для наглядной, такъ сказать, иллюстраціи будущей моей дѣятельности, предложилъ проводить насъ въ окружный судъ, для присутствованія на интересномъ уголовномъ дѣлѣ „отцеубійства", гдѣ должны были состязаться въ качествѣ сторонъ талантливый товарищъ прокурора А. Ѳ. Кони, защитникъ приватъ-доцентъ В—овъ и экспертъ профессоръ д-ръ медицины Ламбль.

Въ назначенный день, мы поднялись по лѣстницѣ въ третій этажъ зданія, гдѣ помѣщался залъ окружнаго суда, и заняли мѣста, предназначенныя для публики. Свѣтлый залъ суда со всѣми своими аттрибутами — большимъ портретомъ творца суда присяжныхъ, зерцаломъ, аналоемъ съ раскрытымъ евангеліемъ и крестомъ— производилъ благоговѣйное настроеніе... Черезъ полчаса всѣ скамьи и проходы были биткомъ набиты самой элегантной публикой, преимущественно дамами и учащейся молодежью. Студенты-юристы считались желанной публикой въ залѣ суда, какъ его будущіе дѣятели, и потому третья часть публики состояла изъ молодежи. Талантливый ли составъ суда, бѣдность ли обще-

ственныхъ впечатлѣній, или серьезный интересъ къ новымъ преобразованіямъ, но харьковская публика всегда охотно посѣщала засѣданія новыхъ судовъ, слушая и привѣтствуя нашихъ молодыхъ ораторовъ, такъ сказочно явившихся во всеоружіи знанія, блеска и силы слова.

Когда публика размѣстилась и успокоилась, судебный приставъ провозгласилъ: „судъ идетъ!"—и всѣ почтительно встали. Въ залъ суда, съ противоположнаго конца отъ публики, вошли: предсѣдатель суда, два члена, товарищъ прокурора и секретарь и заняли свои мѣста, а защитникъ вошелъ изъ боковой двери. Судьи помѣстились за большимъ столомъ, задрапированнымъ краснымъ сукномъ, съ золотой бахромой и кистями. Товарищъ прокурора сѣлъ по правую сторону отъ суда за особый маленькій столъ, также задрапированный краснымъ сукномъ. По лѣвую сторону отъ суда, за трехмѣстнымъ пюпитромъ, помѣстился защитникъ. Противъ защитника, на двѣнадцати креслахъ, установленныхъ въ два ряда, размѣстились избранные по жребію присяжные засѣдатели.

Въ то время предсѣдателемъ суда былъ Э. Я. Фуксъ. Изящный съ виду, нѣсколько надменный, съ протяжною рѣчью и особыми манерами, онъ производилъ импонирующее впечатлѣніе. Всегда съ подсудимыми изысканно вѣжливый, онъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ относился, во время судебныхъ преній, какъ къ прокурору, такъ и къ защитнику, и одинаково останавливалъ, если тѣ иногда выходили изъ предѣловъ сдержанности или превращали пренія въ турниръ блестящаго остроумія и беллетристической начитанности. Въ своихъ напутствіяхъ присяжнымъ засѣдателямъ онъ отличался ясностью изложенія дѣла, строгимъ безпристрастіемъ и никогда не стремился опустить чашу вѣсовъ въ сторону обвиненія во что бы то ни стало, какъ это сдѣлалось впослѣдствіи обычнымъ явленіемъ, начиная съ министерства Манасеина и дальше — Муравьева. За время своего предсѣдательствованія Э. Я. Фуксъ обратилъ залъ суда въ торжественный храмъ, гдѣ совершалъ таинство правды, гуманности и милосердія.

Когда Э. Я., повышенный по службѣ, уступилъ свое предсѣдательское кресло другимъ лицамъ, харьковскій уголовный судъ сразу поблекъ, потускнѣлъ, и никто уже изъ его преемниковъ въ продолженіе моей службы не держалъ такъ высоко знамя судебнаго достоинства, какъ этотъ безпристрастный жрецъ Ѳемиды.

Записывая подъ его предсѣдательствомъ судебные отчеты, я думала, что въ какомъ-нибудь конституціонномъ государствѣ Э. Я. былъ бы идеальнымъ верховнымъ судьей, а у насъ онъ хотя и

остался незапятнаннымъ, но все же не могъ возвыситься далѣе обыкновеннаго типа сановнаго бюрократа, которому нужно было нести съ оглядками свою дѣятельность вплоть до сенаторскаго мундира... Многимъ памятно дѣло сенатора У..., поплатившагося за сочувственную статью, написанную по поводу возмутительнаго приговора Дрейфуса.

...Помѣстившійся за прокурорскимъ столикомъ, товарищъ прокурора, А. Ѳ. Кони, былъ молодой, бѣлокурый, небольшого роста, съ развитымъ лбомъ, съ небольшими интеллигентными, живыми глазами, въ общемъ представлявшій весьма привлекательную и симпатичную фигуру. Одаренный большимъ ораторскимъ талантомъ, тонкой наблюдательностью и способностью къ проникновенію въ индивидуальныя свойства и душевныя побужденія подсудимыхъ, онъ былъ иногда для нихъ грозой. Я записывала его обвинительныя рѣчи, литературно обработанныя, обнаруживавшія большое знаніе и начитанность, и мнѣ всегда казалась странной и непонятной такая трата столь богатыхъ умственныхъ силъ на такое неблагодарное и непроизводительное дѣло, какъ обвиненіе. Къ счастью, А. Ѳ. Кони принадлежалъ къ самымъ умѣреннымъ гонителямъ порока. Но были между служителями прокуратуры и такіе, которые, казалось, находили наслажденіе въ обвиненіи, относились къ подсудимымъ какъ къ личнымъ врагамъ: глумились надъ своими безпомощными жертвами, для большей убѣдительности не жалѣли самыхъ густыхъ красокъ и всегда холодно и спокойно требовали примѣнить наивысшую мѣру наказанія. Какъ становилось иногда жутко и непріятно, когда, въ силу общественныхъ ненормальныхъ условій или психическаго разстройства, или въ силу несчастно сложившихся обстоятельствъ, при наполненномъ нарядной публикой залѣ суда, на позорную скамью подсудимыхъ опускался недавно раскованный и выведенный изъ тюремнаго заточенія субъектъ, съ блѣднымъ и недоумѣвающимъ лицомъ, и по адресу его, хотя бы онъ признавалъ себя виновнымъ, лилась, возмездія ради, плавная рѣчь, художественная по формѣ и по тонкости психологическаго анализа. Но анализъ этотъ часто сводился къ негуманному вскрытію душевныхъ ранъ и къ безцеремонному прикосновенію къ тѣмъ сокровеннымъ чувствамъ и побужденіямъ, къ которымъ не всегда допускаются даже самые интимные и задушевные друзья, причемъ весьма и весьма часто, за неимѣніемъ фактическаго матеріала, прокурорской властью захватывалась весьма широкая область фантазіи, и на этомъ скользкомъ и опасномъ пути получались судебныя ошибки... Какъ сейчасъ передъ глазами моими про-

ходитъ записанное мною дѣло, гдѣ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣла очень красивая дама съ офицеромъ, убившимъ ея мужа. Въ день совершенія преступленія жена убитаго находилась за нѣсколько сотъ верстъ отъ Харькова, гдѣ было совершено преступленіе. Дама и офицеръ безусловно отрицали ея прямое и косвенное участіе въ этомъ дѣлѣ, но прокуроръ не унимался. Ему во что бы то ни стало желалось доказать ея виновность, и, не имѣя никакихъ фактическихъ данныхъ, онъ всячески старался въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей утопить ее въ грязи. Вызвавъ за нѣсколько сотъ верстъ ея прислугу, прокуроръ задавалъ имъ на судѣ такіе вопросы, что пришлось краснѣть отъ стыда,—дѣло доходило до спальни и бѣлья... Съ защитникомъ, человѣкомъ болѣзненнымъ и желчнымъ, сдѣлался обморочный припадокъ,—пришлось отложить дѣло до слѣдующаго дня. На другой день, волновавшія чувства защитника вылились въ такой безпощадной критикѣ на голову прокурора, что защитительная рѣчь его, переполненная негодованія и желчи, мѣстами возвышалась просто до высокихъ нотъ вдохновенія и краснорѣчія.

Присяжные, осудивъ убійцу, вынесли подсудимой оправдательный вердиктъ, и хотя она никому изъ знавшихъ ее не внушала симпатіи, оправданіе ея было встрѣчено сочувственно.

Впрочемъ, эти послѣдніе факты, говорившіе о стремленіи обвинить во что бы то ни стало, стали проявляться, приблизительно, во второе десятилѣтіе существованія новаго гласнаго суда, когда московская „охранительная“ печать все настойчивѣе стала кричать: „распни, распни!“—по адресу оправданныхъ по судебнымъ приговорамъ, и когда наконецъ наступило такое время, когда и само великое судебное учрежденіе предлагалось этой печатью къ распятію, и когда стойкіе служители Ѳемиды поколебались и стали уступать... Наступило тяжелое время: болѣе щепетильные въ сознаніи общественнаго долга дѣятели первой судебной мобилизаціи стали уходить въ адвокатуру. Лучшая и безупречная часть прокуратуры, не требовавшая обвинительныхъ вердиктовъ во что бы то ни стало, начала терять подъ собою почву, подвергаясь гоненію высшаго начальства. Большинство же смирилось, и суды быстро стали наполняться бездарностями...

Возвращаюсь къ засѣданію суда объ отцеубійствѣ.

Одновременно съ судомъ, изъ другой—боковой, какъ я уже сказала,—двери вошелъ въ залъ засѣданія красивый брюнетъ во фракѣ и занялъ мѣсто за пюпитромъ. Это былъ защитникъ подсудимаго, приватъ-доцентъ здѣшняго университета, подававшій, какъ говорили, большія надежды въ сферѣ избранной имъ ученой карьеры.

Когда предсѣдатель сказалъ судебному приставу: „введите подсудимаго", въ залѣ послышались движенiе и шумъ. Громкое преступленiе рисовало воображенiю образъ подсудимаго дерзкимъ и нахальнымъ негодяемъ... Дверь распахнулась—и на возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ рѣшоткой, между двумя конвойными со штыками, показалась маленькая фигурка въ сѣромъ халатѣ, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ сѣрыми, торчащими на очень низкомъ лбу волосами и съ тупымъ и равнодушнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ.

Всѣ были разочарованы, увидѣвъ—вмѣсто мрачнаго злодѣя—какое-то ничтожное и звѣроподобное существо.

На вопросъ предсѣдателя, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, подсудимый что-то невнятно пробормоталъ.

Еще до судебнаго засѣданiя, сторонами былъ возбужденъ вопросъ о ненормальномъ состоянiи умственныхъ способностей подсудимаго, для чего судомъ былъ вызванъ дать свое научное заключенiе профессоръ д-ръ медицины Ламбль.

Послѣ цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показанiй, выяснившихъ, что подсудимый, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренiя, въ минуту раздраженiя, имѣя въ рукахъ дубинку, замахнулся на свою жертву и положилъ ее на мѣстѣ,— слово было дано эксперту.

Чехъ по происхожденiю, профессоръ Ламбль занималъ каѳедру патологической анатомiи. Помимо профессуры, онъ занимался и медицинской практикой, и своей широкой извѣстностью былъ обязанъ таланту чрезвычайно проницательнаго дiагноста, и потому кругъ его пацiентовъ былъ громаденъ. Какъ лекторъ, онъ причислялся къ университетскимъ звѣздамъ. Его изящная фигура, съ большими черными проницательными глазами, съ острой эспаньолкой, вызывала представленiе о Мефистофелѣ.

Поклонившись суду, профессоръ просилъ предсѣдателя еще разъ осмотрѣть подсудимаго въ присутствiи суда. Когда подсудимый, выведенный на средину зала, былъ посаженъ на стулъ, экспертъ вынулъ сантиметръ и, смѣрявъ окружность его головы, просилъ обратить вниманiе на поразительно малый и узкiй черепъ, а также на тщедушную и недоразвитую фигуру подсудимаго. Затѣмъ, отпустивши подсудимаго на прежнее мѣсто, профессоръ сталъ излагать свое заключенiе, длившееся болѣе часа. И что это была за экспертиза! Это была пѣснь торжествующей науки, исполненная съ такимъ блескомъ, знанiемъ и талантомъ, что публика замерла и сидѣла точно очарованная подъ влiянiемъ раскрываемаго передъ нею невѣдомаго мiра психическихъ явленiй. И по мѣрѣ того, какъ экспертъ развивалъ свое мнѣнiе передъ

судомъ, выясняя, что разсматриваемое преступленіе совершено только на почвѣ больной психики, а не злой воли,—всѣ ясно поняли, что дѣло сидящаго на позорной скамьѣ выиграно, что неотразимо логично и научно обоснованныя положенія эксперта дѣлаютъ почти излишнимъ въ этомъ дѣлѣ какъ прокурора, такъ и защитника. Всѣмъ намъ стало ясно до очевидности, что передъ нами сидѣлъ не злодѣй и разбойникъ, а представитель вырождающейся семьи, невмѣняемый дегенератъ, полуидіотъ, мѣсто которому не въ тюрьмѣ и на двадцати-лѣтней каторгѣ, а въ пріютѣ душевно-больныхъ или слабоумныхъ...

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось заносить въ стенографическихъ отчетахъ экспертизы извѣстныхъ въ Россіи спеціалистовъ судебной медицины и психіатріи, но никто не производилъ въ судѣ такого подавляющаго впечатлѣнія и не имѣлъ такого рѣшающаго значенія на присяжныхъ, какъ экспертъ профессоръ Ламбль.

Товарищъ прокурора не могъ не видѣть подавляющаго впечатлѣнія, произведеннаго экспертизой на публику и присяжныхъ; онъ просилъ, за позднимъ временемъ, отложить судебныя пренія до слѣдующаго утра.

На другой день начались судебныя пренія.

Товарищъ прокурора явился, какъ того слѣдовало ожидать, обвинителемъ во всеоружіи также знанія и таланта. Искусно построенная, солидно обработанная, но чуждая ненужныхъ нагроможденій и аффектацій, рѣчь его отличалась крайнею простотой изложенія, но вмѣстѣ и силой. Желая главнымъ образомъ ослабить вліяніе экспертизы, обвинитель приводилъ такіе авторитеты, какъ Гризингеръ, Крафтъ-Эббингъ и друг., умѣло выбирая изъ нихъ нужный ему матеріалъ; въ его освѣщеніи и выводахъ подсудимый явился далеко не больнымъ и психически нормальнымъ субъектомъ, но подъ вліяніемъ злой воли совершившимъ столь тяжкое преступленіе, за которое во имя справедливости долженъ понести заслуженное имъ наказаніе... Но доводы экспертизы были такъ наглядны, что все-таки они одержали верхъ между присяжными засѣдателями.

Въ первые года реформированнаго суда прокурорская власть, въ виду хорошо поставленной слѣдственной части, справедливаго и безпристрастнаго состава суда, распространяла свою дѣятельность преимущественно на лицъ, привлекаемыхъ за проступки грубаго насилія, нисколько не вызывая своею дѣятельностью ни чувства вражды, ни враждебнаго къ нему отношенія. Но прокуратура стала блекнуть и терять свой престижъ съ того вре-

мени, какъ, сплотившись съ „гороховымъ пальто“, стала не въ мѣру, и за страхъ, и за совѣсть, подвергать гоненію ищущихъ идеала добра и правды...

Рѣчь защитника была нѣсколько блѣднымъ отголоскомъ эксперта Ламбля. Молодой доцентъ хотя и слылъ за многообѣщавшаго оратора, но, при записываніи нѣсколько разъ его судебныхъ рѣчей, мнѣ казалось, что онъ обладалъ рѣдкимъ талантомъ бѣдность и неглубокость мыслей облекать въ такую красивую форму, что форма эта принималась за красивыя мысли. Импонируя ученой степенью, плавностью рѣчи, знаніемъ уголовнаго судопроизводства, онъ производилъ иногда впечатлѣніе на присяжныхъ.

На поставленные судомъ вопросы присяжные засѣдатели признали подсудимаго невмѣняемымъ.

Находившаяся въ судѣ публика выходила изъ зала суда вполнѣ удовлетворенной и высоко-настроенной. Въ новыхъ пріемахъ суда, гдѣ несчастный, забитый, одичалый и ненормальный субъектъ нашелъ себѣ защиту отъ прежняго узкаго взгляда на виновность, сказался широкій взглядъ образованнаго и безпредѣльно-гуманнаго законодателя. Всѣ увѣровали, что навсегда положенъ предѣлъ произволу и ужасамъ дореформеннаго суда, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ поняли, что тайна высокой правды приговоровъ заключалась въ томъ, что на двѣнадцати креслахъ возсѣдали простые здравомыслящіе судьи, не искушенные ни теоріями римскаго права, ни другими лжемудрыми соображеніями, что судьи эти были призваны законодателемъ писать свои вердикты на основаніи прирожденнаго нравственнаго чутья и здраваго смысла. И законодатель не ошибся, ввѣряя судьбу многотысячныхъ подсудимыхъ своему даровитому и великому народу, который, только-что снявъ крѣпостныя оковы, смогъ оцѣнить и воспринять такъ просто и легко болѣе усовершенствованныя формы русской жизни, такъ же просто, какъ восприняли и распространили двѣнадцать бѣдныхъ рыбарей величайшія этическія истины, довѣренныя имъ Богочеловѣкомъ...

Восемь лѣтъ, записывая вердикты присяжныхъ засѣдателей, я была свидѣтельницей, что не только въ большихъ центрахъ, но и въ захолустныхъ мѣстахъ, гдѣ весьма часто на составъ двѣнадцати присяжныхъ засѣдателей находился одинъ грамотный, избираемый старшиной, приговоры всегда были безукоризненно правильны, всегда въ духѣ устава Александра II. Въ продолженіе восьми лѣтъ, въ моемъ судебномъ округѣ на совѣсть судей ни разу не легло тяжкое бремя сознанія допущенной судебной ошибки...

На меня, какъ и на остальную публику, выходившую изъ залы новаго суда, процессъ „отцеубійства" произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мною смутно и неясно чувствовалось какое-то противорѣчіе между существованіемъ такого образцоваго, свободнаго суда—съ общей обстановкой окружающей жизни и среды нашихъ забитыхъ и трусливыхъ обывателей, безъ руководящихъ гражданскихъ идеаловъ. Уже слишкомъ шелъ въ разрѣзъ такой независимый судъ при несмѣняемыхъ судьяхъ съ нашимъ укоренившимся бюрократизмомъ и произволомъ. Дурныя предчувствія скоро оправдались. Московская охранительная печать начала свои энергичныя наступленія... И послѣ нѣсколькихъ лѣтъ инсинуацій, доносовъ и клеветы, новый судъ, эта гордость, этотъ памятникъ великаго творчества дѣятелей 60-хъ годовъ, подвергся полному разгрому...

Изъ всего судебнаго погрома, во всей неприкосновенности, но болѣе окрѣпшимъ въ борьбѣ за право остался институтъ присяжной адвокатуры. Наша адвокатура съ ея блестящими ораторами явилась на свѣтъ, какъ по щучьему велѣнію, сразу, безъ подготовки, и ея лучшіе представители заняли тотъ пьедесталъ, съ котораго не сходили въ продолженіе сорока лѣтъ. Ея лучшіе представители создали то судебное краснорѣчіе, которое не уступало лучшимъ западнымъ образцамъ.

Пальма первенства, какъ мнѣ казалось, принадлежала тогда бывшему профессору В. Д. Спасовичу. Какъ живую вижу его коренастую фигуру съ большими, упорно глядящими глазами и съ тонко-сжатыми губами... Всецѣло проникнутый задачей защиты, онъ точно забывалъ, что находится въ залѣ судебнаго засѣданія. Рѣчь его, сперва неплавная и необработанная, мало-по-малу превращалась въ бурный потокъ блестящихъ сравненій, оригинальныхъ и глубокихъ мыслей. Постепенно воодушевляясь, голосъ его иногда звучалъ какими-то трагическими нотами, доходящими до силы вдохновенія и той красоты слова, которыя у потрясенныхъ присяжныхъ всегда вырывали оправдательные вердикты. Несмотря на все это, рѣчь его была всегда исполнена благородной простоты, чуждой напыщенности и позировки.

Какъ-то Спасовичу пришлось защищать одного литератора, бывшаго „петрашевца", который, находясь на службѣ, растратилъ незначительную сумму денегъ, данную ему пріятелемъ-ремонтеромъ для вклада въ банкъ. Старшиною присяжныхъ былъ избранъ профессоръ математики, неумолимый, сухой педантъ.

Прокуроръ заранѣе торжествовалъ иронически и злорадно, поглядывая какъ на свою жертву, такъ и на знаменитаго защитника.

Но вотъ наступили судебныя пренія, слово было дано защитѣ. Спасовичъ, присоединяясь къ мнѣнію прокурора, со всею энергіею обрушился на своего кліента, порицая его какъ чиновника и человѣка, злоупотребившаго довѣріемъ своего пріятеля и растратившаго ввѣренныя ему деньги. Но затѣмъ, постепенно переходя къ его положительнымъ качествамъ, онъ мастерски воскресилъ передъ присяжными образъ одного изъ симпатичныхъ молодыхъ „петрашевцевъ", приговореннаго къ смертной казни и стоявшаго въ саванѣ на эшафотѣ,—воскресилъ образъ идеалиста, искавшаго, или, лучше сказать, мечтавшаго для родины своей о лучшихъ условіяхъ существованія,—человѣка, который, послѣ многолѣтней ссылки, далъ рядъ симпатичныхъ литературныхъ произведеній. Развертывая передъ судомъ жизнь подсудимаго, онъ въ заключеніе сдѣлалъ слѣдующую его характеристику. Въ жизни часто встрѣчаются типы корректные, выдержанные, въ теченіе всей жизни ходящіе по опушкѣ морали, не переходя ея предѣловъ ни въ ту, ни въ другую сторону; но есть натуры неуравновѣшенныя, слабыя, которыя хотя и способны иногда, подъ напоромъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, падать, но вмѣстѣ съ тѣмъ способны и подыматься до неизмѣримой высоты, высоты недоступной для ходящихъ по опушкамъ морали...

Уже съ средины рѣчи, безучастное лицо профессора-старшины засвѣтилось жизнью, а къ концу рѣчи его напряженная фигура и заблиставшіе умные глаза выражали ясно и опредѣленно, что подсудимый спасенъ.

Публика наградила защитника рукоплесканіями, за что и была изгнана изъ залы судебной палаты.

Прокуроръ негодовалъ, имѣлъ какой-то обиженный видъ, въ особенности за „опушку морали", а одна молодая женщина проливала горькія, безпричинныя, но хорошія слезы.

Кромѣ Спасовича, мнѣ не разъ приходилось записывать рѣчи другихъ корифеевъ нашей адвокатуры: въ высшей степени корректнаго К. К. Арсеньева, рѣчи котораго всегда были строго логичны и отличались отдѣлкою и мастерскимъ анализомъ,—но такія качества никогда не вызываютъ волненія. Арсеньевъ былъ для насъ, стенографовъ, грозой, такъ какъ могъ говорить до двухсотъ словъ въ минуту, чѣмъ вызывалъ чуть не судороги въ нашихъ пальцахъ. Затѣмъ, мнѣ случалось записывать рѣчи знаменитаго московскаго адвоката Плевако, внѣшность и манеры котораго, казалось, были въ полномъ несоотвѣтствіи съ его громаднымъ ораторскимъ талантомъ.

Но когда этотъ типичный и популярный продуктъ москов-

ской жизни, въ которомъ сплетались самыя противоположныя и противорѣчивыя черты, вставалъ передъ присяжными, лицо его покрывалось блѣдностью, черные глаза становились не только одухотворенными, но и красивыми, по адресу суда лилась изящная, полная остроумія и содержанія импровизація на любую тему...

Съ развитіемъ общественныхъ интересовъ и гражданскихъ потребностей, лучшіе представители института присяжной адвокатуры, выйдя изъ узкихъ рамокъ профессіональныхъ интересовъ, стали на широкій путь общественнаго служенія и съ мужествомъ и самоотверженіемъ нашли многообразное приложеніе своихъ силъ и талантовъ къ насущнымъ потребностямъ и другимъ многочисленнымъ вопросамъ русской многострадальной жизни, дѣйствуя во всеоружіи науки права...

Прошло сорокъ лѣтъ со времени открытія этого гласнаго, равнаго для всѣхъ и милостиваго суда. Что сталось съ нимъ? Впрочемъ, это всѣмъ извѣстно...

Юл. К—нъ.

НЕ РОДНОЙ СЫНЪ

Романъ Клары Фибихъ.

— Einer Mutter Sohn. Roman von Clara Viebig. Berlin. 1906.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Это была весьма одаренная въ умственномъ отношеніи супружеская чета: обладая состояніемъ, супругъ, ради удовлетворенія художественныхъ наклонностей, немного пописывалъ, а супруга занималась живописью. Они играли въ четыре руки, пѣли дуэты, по крайней мѣрѣ—въ первое время послѣ свадьбы, а теперь они тѣмъ ревностнѣе посѣщали концерты и оперу. Всѣмъ они нравились, друзья называли ихъ очаровательными людьми,—и все же для полноты счастія имъ чего-то недоставало: у нихъ не было дѣтей.

Сидя одинъ въ конторѣ или прогуливаясь верхомъ по окрестностямъ Берлина, мужъ вздыхалъ порою при видѣ копошившихся въ пескѣ бѣлоголовыхъ ребятишекъ, и брови его хмурились, но, любя жену, онъ скрывалъ отъ нея свое огорченіе. Она не настолько владѣла собою, и съ каждымъ годомъ становилась нервнѣе; со страхомъ заглядывала она въ хронику рожденій и, увидѣвъ объявленіе счастливыхъ родителей, извѣщавшихъ о рожденіи сына, поспѣшно бросала газету. Въ прежніе года Кэте Шлибенъ шила, вышивала, вязала всевозможныя принадлежности дѣтскаго туалета; ея распашонки съ продернутыми въ нихъ голубыми и розовыми ленточками—славились среди ея молодыхъ

пріятельницъ, очень цѣнившихъ эти произведенія искусства, но теперь она окончательно забросила всѣ подобныя работы. Она уже не надѣялась. Къ чему было продѣвать указательные пальцы въ крошечные рукава распашонки и, держа ее передъ собою, задумчиво глядѣть на нее долгимъ, долгимъ взоромъ? Это доставляло ей одно страданіе. И страданіе становилось вдвойнѣ ощутительнымъ въ тѣ сѣрые дни, которые безъ всякой видимой причины подкрадываются неслышными шагами среди солнечнаго сіянія. Тогда, лежа на кушеткѣ въ своей художественно убранной комнатѣ, она зажмуривала глаза, а съ бульвара доносился къ ней наверхъ изъ-подъ каштановыхъ деревьевъ звонкій, ликующій крикъ, похожій на крикъ летящей ласточки. Она затыкала себѣ уши, чтобы не слышать этого крика, стрѣлою пронизывавшаго воздухъ и радостно звенѣвшаго въ небесной лазури.

Когда они оба настолько состарятся, отяжелѣютъ, утомятся, что уже не будутъ въ состояніи черпать впечатлѣнія извнѣ— кто принесетъ имъ въ домъ эти впечатлѣнія? Кто внесетъ сюда съ собою дуновеніе юности, свѣжесть, жизнерадостность, облекающія двадцатилѣтнихъ юношей и дѣвушекъ какъ свѣтлыя одежды, струящіяся, подобно теплу и свѣту, отъ нетронутаго морщинами чела? Кто станетъ восхищаться тѣмъ, чѣмъ они восхищались, и оживитъ въ нихъ эти ощущенія? Кто наполнитъ домъ и садъ беззаботно заразительнымъ молодымъ смѣхомъ?

У бездѣтныхъ нѣтъ второй юности. Никто не наслѣдуетъ отъ нихъ чувство любви къ прекрасному, восхищеніе искусствомъ, никто не станетъ благоговѣйно хранить собранныя ими въ теченіе цѣлой жизни вещи и вещицы. И никто въ послѣдній, тяжкій, всѣхъ пугающій часъ не будетъ держать въ любящихъ рукахъ ихъ охладѣвающую руку, словно стараясь не отпускать ихъ, отдалить разлуку съ ними. Родная рука не закроетъ имъ глазъ... Боже! Боже!

Возвращаясь изъ конторы—Шлибенъ былъ компаньономъ въ большомъ торговомъ предпріятіи, созданномъ его отцомъ, — онъ часто замѣчалъ красныя пятна на миломъ лицѣ жены; ея нѣжный цвѣтъ лица былъ неузнаваемъ отъ слезъ; губы принужденно улыбались, но въ прекрасныхъ карихъ глазахъ свѣтилась затаенная грусть.

Домашній врачъ пожималъ плечами. У г-жи Шлибенъ разстроены нервы, она слишкомъ предоставлена самой себѣ. Чтобы положить этому конецъ, озабоченный мужъ рѣшилъ, что его компаньоны легко могутъ обойтись безъ него: онъ обязанъ посвятить себя женѣ,—вѣдь они такъ одиноки, никому въ мірѣ нѣтъ до нихъ дѣла, они другъ для друга—все.

Рѣшено было отправиться путешествовать. Квартиру сдали, дорогую обстановку отправили на храненіе. Они могли оставаться заграницею хоть годъ, набираться впечатлѣній, развлекаться. Быть можетъ, Кэте вздумаетъ заняться живописью, а ему придетъ охота писать.

Они посѣтили Италію, Корсику, проѣхали въ Грецію и Египетъ, видѣли горную Шотландію, Швецію, Норвегію, много чудныхъ мѣстъ. Кэте съ признательностью пожимала руку Паулю. Ея впечатлительная натура легко поддавалась восхищенію; она обладала недюжиннымъ талантомъ, и потребность творчества пробудилась въ ней съ мощною силою. Еслибы можно было перенести на полотно ту роскошь красокъ и очарованіе настроеній, которыя открывались ея восторженному взору!

Въ своемъ рвеніи она съ ранняго утра уже сидѣла за походнымъ мольбертомъ среди утесовъ Капри, у голубого Босфора, въ виду желтыхъ песковъ пустыни и рѣзкихъ очертаній фіорда, въ тѣни розовыхъ садовъ Ривьеры... Ея нѣжное лицо загорѣло, она перестала обращать вниманіе на свои заботливо выхоленныя руки. Жажда дѣятельности охватила ее. Какое счастье—быть въ состояніи что-нибудь создать, оставить послѣ себя какую-нибудь память!

Число ея произведеній умножалось,—они возили за собою цѣлые свертки исписаннаго холста. Сначала Шлибена очень радовало рвеніе Кэте; онъ предупредительно носилъ за нею складной табуретъ и мольбертъ и не уставалъ часами слѣдить за ея работой. Лежа въ скудной тѣни пальмъ, онъ глядѣлъ поверхъ книги на движенія ея кисти. Какое для нея счастіе—находить столько удовлетворенія въ своемъ искусствѣ! Если это и утомляло его немного, онъ молчалъ. Вѣдь онъ не могъ доставить ей никакой другой радости.

И онъ вздыхалъ. Это былъ тотъ же вздохъ, который вырывался у него при видѣ безчисленныхъ, играющихъ на улицахъ, бѣлоголовыхъ ребятишекъ, тотъ же вздохъ, которымъ онъ провожалъ по воскресеньямъ идущихъ цѣлыми семьями въ Тиргартенъ берлинскихъ пролетаріевъ.

Неужели правъ писатель, утверждавшій, что человѣкъ женится лишь для того, чтобы имѣть дѣтей, наслѣдниковъ его плоти и крови, которымъ онъ можетъ передать свои надежды, желанія, способность къ борьбѣ и пріобрѣтенію, дѣтей, исходящихъ отъ него, какъ свѣжіе ростки отъ дерева, являющихся какъ бы символомъ жизни вѣчной? Не есть ли объявленное церковью воскресеніе мертвыхъ это возрожденіе нашей собствен-

ной личности въ грядущихъ поколѣніяхъ? Въ подобной мысли было нѣчто безконечно великое и успокоительное.

— Ты скучаешь?—спросила фрау Кэте, отрываясь отъ работы.

— Какъ?.. Что ты говоришь, душа моя?—Онъ вздрогнулъ, какъ человѣкъ, уличенный въ дурномъ умыслѣ.

Она улыбнулась его разсѣянности, возраставшей съ каждымъ днемъ. О чемъ онъ думаетъ? Не собирается ли писать романъ? Почему бы ему и не попробовать? Это не то, что путевые наброски для газетъ. Пишутъ же люди и на половину не такіе свѣдущіе и образованные, какъ онъ.

Онъ покачалъ головою и подумалъ, что если уже создавать что-нибудь, то это произведеніе должно быть крупнымъ и выдающимся, а то, что „создали" онъ и жена его—развѣ можетъ хотя отчасти назваться таковымъ? И онъ вдругъ принялся строго критиковать ея картину, которою еще вчера любезно восхищался.

Она испугалась. Почему онъ такъ раздраженъ сегодня? Быть можетъ, южный климатъ дѣйствуетъ ему на нервы? Слѣдуетъ скорѣе уѣхать.

И такимъ образомъ они переѣзжали съ мѣста на мѣсто, изъ отеля—въ отель, покуда не устроились на болѣе продолжительный срокъ въ Швейцаріи, на альпійскихъ высотахъ. И снова онъ лежалъ—теперь уже подъ сѣнью сосны, жена его писала, а онъ слѣдилъ поверхъ книги за движеніями ея кисти. На этотъ разъ работа совершенно захватила ее: она писала портреты дѣтей, у которыхъ купила розы: прелестной голубоглазой дѣвочки и мальчика съ плутовскимъ личикомъ. Глаза ея сіяли; цѣлыми днями она думала только объ этой картинѣ: придутъ ли сегодня дѣти? удачно ли освѣщеніе? И все же работа не удалась; внѣшнее сходство было схвачено, но дѣтской души ей уловить не удалось.

Бѣдная женщина! Съ чувствомъ глубокой жалости слѣдилъ онъ за ея усиліями. Когда она наклонялась къ дѣтямъ, не становилось ли все ея лицо матерински-мягкимъ, миловидно закругленнымъ? Настоящій типъ Мадонны! И у этой женщины не было дѣтей.

Нѣтъ, онъ положительно не былъ въ состояніи дольше выносить это! Раздраженно отослалъ онъ дѣтей домой. Картина кончена; отъ этой мазни она не станетъ лучше, скорѣе—наоборотъ.

Вечеромъ Кэте расплакалась. Почему онъ отнимаетъ у нея эту радость? Почему онъ хочетъ уѣхать? Онъ стоялъ у окна, прижавшись лбомъ къ стеклу. Она подошла къ нему и положила

голову на его плечо, стала нѣжно умолять его остаться здѣсь хоть на двѣ недѣли... Хоть на недѣльку? Хоть на три дня? Хоть на два?.. Но онъ молчалъ и каждый разъ отрицательно качалъ головою.

Руки ея, обвивавшія его шею, разжались. Онъ могъ бы подарить ей два дня.

Голосъ ея разрывалъ ему сердце, но онъ крѣпился, убѣждая себя, что лучше порвать сразу. Это будетъ лучше для нея.

— Мы ѣдемъ завтра.

И когда, сильно поблѣднѣвъ, она взглянула на него широко раскрытыми, остановившимися отъ ужаса глазами, у него помимо воли вырвались горькія слова:

— Вѣдь они все равно не твои!

II.

Они уѣхали,—но казалось, что вмѣстѣ съ изумрудною лужайкою, на которой она писала веселыхъ дѣтей,—у фрау Кэте исчезла всякая веселость. Лицо ея приняло прежнее нервное выраженіе, углы рта опустились, она каждую минуту была близка къ слезамъ, и Шлибенъ со страхомъ спрашивалъ себя: неужели онъ понапрасну забросилъ дѣла и обрекъ себя на безцѣльное скитаніе?

Теперь, видя ее сидящею со сложенными руками, онъ ощущалъ почти бѣшенство. Почему она ничего не дѣлаетъ? Почему не пишетъ? Чѣмъ хуже Шварцвальдъ этой проклятой Швейцаріи? Бездѣйствіе начинало тяготить его; онъ стремился къ работѣ, казавшейся ему до сихъ поръ неинтересной. Но Кэте? Что за жизнь предстоитъ ей дома? Притомъ у нея, очевидно, развивалось малокровіе, и врачъ посовѣтовалъ ей брать желѣзныя ванны въ Спа.

Кэте почему-то обрадовалась.—Вотъ увидишь,—говорила она мужу,—у меня есть предчувствіе, почти увѣренность, что тамъ съ нами должно случиться что-то хорошее...

Своеобразная мѣстность понравилась ей; степь цвѣла, плоскія вершины холмовъ были покрыты пурпуровымъ цвѣтомъ, и пурпуръ заката сливался съ нимъ. Кэте охотно предпринимала прогулки и поѣздки въ Арденны. Степь околдовала ее. Казавшаяся—въ своемъ легкомъ платьѣ—свѣтлою точкой среди строго задумчиваго ландшафта, Кэте стояла, прикрывъ глаза отъ солнца рукою, любуясь безконечнымъ просторомъ, не преграждаемымъ ни хол-

момъ, ни деревомъ, и глубоко вдыхала рѣзкій, свѣжій воздухъ, въ которомъ не чувствовалось близости человѣческаго жилья. Степь разстилалась передъ нею одноцвѣтнымъ ковромъ; лишь мѣстами выглядывали голубыя горечавки и тихо покачивающіеся бѣлые колокольчики.

— Какъ хорошо!—говорила она съ глубокимъ чувствомъ. Меланхолическій пейзажъ отвѣчалъ ея настроенію. Въ немъ не было раздражающей пестроты; даже солнце, закатъ котораго здѣсь прекраснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, солнце, вспыхивающее такъ ярко, что все небо вспыхиваетъ съ нимъ, а ручейки и торфяныя ямы отражаютъ золотисто-алые лучи, — даже это солнце не кажется черезчуръ ослѣпительнымъ, дерзко ликующимъ. Оно заходитъ въ величавомъ спокойствіи, подобно грозному побѣдителю въ грозномъ бою.

Кэте жадно слѣдила за его угасающими лучами. Оно угасало—и небо становилось мертвеннымъ, но завтра оно снова воскреснетъ,—какъ символъ никогда не умирающей въ человѣческомъ сердцѣ надежды.

Надъ степью клубились туманы — окутанные тайною, неопредѣленные, непонятные образы, поднимался вѣтеръ, какой-то шелестъ пробѣгалъ въ высокой травѣ, и Кэте казалось, что степь что-то хочетъ ей сказать.

Шла уже шестая недѣля ихъ пребыванія въ Спа. Ночи становились холодными, хотя днемъ еще свѣтило солнце, и Кэте съ грустью соглашалась, что надо уѣзжать. Степная трава отцвѣла, порою подъ ногами хрустѣла изморозь. Несмотря на холодъ, мужъ и жена поднялись на далекій холмъ, съ котораго открывался видъ на отцвѣтшую равнину. Ничто не нарушало тишины, за исключеніемъ отдаленнаго звона колокола, явственно доносившагося до ихъ слуха. Какъ трогателенъ былъ этотъ звонъ!

Кэте стояла со сложенными руками и влажными глазами. Что за чары приковывали ее къ этой степи! Ея душа въ своихъ вѣчныхъ исканіяхъ походила на ребенка, стоящаго на порогѣ сказочнаго міра. Неужели чудо не совершится для нея?

— Это что такое? Развѣ ты не слыхалъ?

Она испуганно схватила мужа за рукавъ и, поблѣднѣвъ, приподнялась на цыпочкахъ, вытягивая шею впередъ.

— Вотъ опять! Слышишь?

Ей почудился крикъ ребенка. Шлибенъ сталъ успокоивать ее. Что же изъ того? Деревенскіе ребятишки и женщины собираютъ бруснику. Она уже поспѣла.

И онъ, нагнувшись, сорвалъ вѣточку коралловыхъ ягодъ, ярко выдѣлявшихся на темной зелени овальныхъ листовъ.

— Какъ похоже на мирту!—сказала Кэте, взявъ у него вѣтку,—помнишь, какъ, въ день нашей свадьбы, я отколола миртовый букетикъ отъ моего корсажа, поцѣловала его и дала тебѣ, а затѣмъ мы поцѣловались? До чего мы были тогда счастливы...

Онъ привлекъ ее къ себѣ и спросилъ, улыбаясь: развѣ они не счастливы теперь? Но вдругъ она, не отвѣчая, вырвалась отъ него и, бросивъ вѣточку, кинулась въ степь.

— Кэте, что̀ случилось? Ты упадешь!—Онъ побѣжалъ за нею, но она такъ неслась, что ему не сразу удалось догнать ее. — Кэте, подожди же... Что̀ съ тобой?

Онъ уже схватилъ ее за платье, когда она вдругъ обернулась и съ рыданіемъ упала къ нему на грудь.

— Тутъ все—цвѣтъ и плодъ... Но̀ наша мирта отцвѣла и не принесла плода... Несчастные мы люди!

Опять?... Въ отчаяніи, злобѣ, непонятномъ смущеніи—онъ топнулъ ногою, кровь кинулась ему въ голову.

Эта пустынная мѣстность, отчаянно плачущая женщина— сводили его съ ума.

— Не сердись!—просила она, прижимаясь къ нему. — Видишь ли, я почему-то здѣсь надѣялась, ждала... сама не знаю— чего? и все—напрасно... Дай мнѣ выплакаться...

Что̀ онъ могъ сказать ей въ утѣшеніе? Онъ молча гладилъ ее по волосамъ и по лицу, ожидая, пока она затихнетъ. Но вдругъ звуки, уже смутившіе ихъ раньше, послышались ближе. Плакалъ маленькій ребенокъ. Кэте прислушалась и, повернувъ налѣво, стала пробираться въ густыя заросли, спотыкаясь на каждомъ шагу.

Ея тонкій слухъ не обманулъ ее. На голой землѣ, безъ подушки и одѣяльца, завернутый въ рваную юбку, лежалъ ребенокъ. Головка его, уже покрытая темными волосиками, лежала на травѣ, и онъ глядѣлъ большими свѣтлыми глазенками прямо въ небо. Возлѣ него не было матери, одна только степь.

Они ошиблись,—онъ не плакалъ, онъ ворковалъ про себя, какъ дѣлаютъ спокойныя, здоровыя дѣти. Его неспеленатыя ручонки ухватились за красныя ягоды и раздавили ихъ. Затѣмъ, держа ягоды въ кулачкѣ, онъ поднесъ ихъ къ голодному ротику; губы грудного ребенка были окрашены ягоднымъ сокомъ.

— Совсѣмъ одинъ? — Кэте опустилась на колѣни, обхвативъ его дрожащими руками. — Бѣдный ребенокъ! Посмотри,

Пауль, какой онъ прелестный! Какъ онъ попалъ сюда? Онъ замерзнетъ, умретъ съ голоду... Пусть только явится мать—я пристыжу ее. Покричи пожалуйста, громче, громче...

Шлибенъ принялся громко звать, но отвѣта не было.

— Никто не идетъ,—шепнула Кэте, и въ голосѣ ея, вмѣстѣ съ тревогою, заслышалась затаенная радость.

— Мать не особенно безпокоится о немъ. Еще явится ли она? Какое непростительное легкомысліе! Какая жестокость! А что еслибы его укусила змѣя или напалъ волкъ?

Пауль расхохотался. Волковъ и змѣй тутъ, положимъ, не водится, но туманы есть.

Кэте содрогнулась. Она присѣла на корточки, положивъ ребенка къ себѣ на колѣни, и щекотала пальцемъ у него подъ подбородкомъ; она гладила розовыя щечки, но онъ, не отрываясь, глядѣлъ темными и въ то же время свѣтлыми глазенками въ небо. Онъ не улыбался и не плакалъ: онъ просто не обращалъ на постороннихъ никакого вниманія.

Время проходило, а мать не показывалась. Кэте ласкала ребенка, цѣловала его ручки, не обращая вниманія на то, что онѣ были грязны. Наконецъ она рѣшила, что они унесутъ его съ собою. Не бросать же его здѣсь?

Она выпрямилась, щеки ея разгорѣлись, глаза заблестѣли. Она была прекрасна въ эту минуту. Шлибенъ давно уже не видалъ ее такою—здоровою, счастливою. Онъ предложилъ понести ребенка, но она отказалась. Нѣтъ, она сама возьметъ его.

Кэте уже поднялась, какъ вдругъ отдаленный окликъ приковалъ ее къ мѣсту. Кричалъ грубый женскій голосъ. Вскорѣ вдали показалась высокая фигура въ болтавшейся вокругъ ногъ юбкѣ,—рѣзко вырисовавшаяся на фонѣ блѣднаго неба.

Откуда она явилась? Изъ-за земляной насыпи, образовавшейся вокругъ торфяной ямы. На рукѣ у нея висѣлъ кузовокъ съ ягодами.

Это была мать. Ужасъ охватилъ поблѣднѣвшую Кэте; даже Пауль смутился, но почувствовалъ въ то же время облегченіе: это была естественная развязка. Женщина довольно рѣзкимъ движеніемъ костистыхъ рукъ взяла дитя у Кэте; не подумавъ поблагодарить ее за вниманіе, она недовѣрчиво оглядѣла пріѣзжихъ.

— Это вашъ ребенокъ?—спросилъ Шлибенъ, хотя вопросъ былъ излишнимъ: темные глазки ребенка походили на глаза матери, уже потускнѣвшіе, словно подернутые жизненнымъ налетомъ.

Женщина не отвѣчала, и лишь при вторичномъ вопросѣ, увидѣвъ, что Шлибенъ опустилъ руку въ карманъ, она сочла возможнымъ коротко отвѣтить:

— C'est l'm'in!

Лицо ея оставалось мрачнымъ, и Кэте возмутилась. Мать видѣла въ ребенкѣ лишнее бремя. Мучительная зависть охватила ее. Подобная женщина не заслуживала имѣть дѣтей. Она готова была вырвать его у нея изъ рукъ. Что за грубое лицо, что за жесткое выраженіе! Ея мрачный взглядъ могъ напугать кого угодно. Онъ смягчился, впрочемъ, при видѣ вынутой Паулемъ монеты. Фи! Сколько жадности было въ этомъ взорѣ! Она протянула руку и перевела духъ, когда ея загорѣлые пальцы крѣпко ухватились за крупную серебряную монету.

— Merci!—Мимолетная улыбка озарила непривѣтливое лицо; затѣмъ, взявъ одною рукою ребенка, а другою—тяжелый кузовокъ съ ягодами, она собралась уходить. Теперь можно было видѣть, до чего заплатана ея грубая юбка; изъ-подъ ситцеваго платка выбивались пряди всклокоченныхъ волосъ; на ногахъ ея были тяжелые мужскіе сапоги. По ея наружности трудно было рѣшить: молода она или уже въ годахъ? Плоская грудь и костлявая фигура безобразили ее, но лицо не казалось некрасивымъ; ребенокъ походилъ на нее.

По просьбѣ жены, Пауль попытался заговорить съ нею, похвалилъ ребенка и спросилъ: гдѣ она живетъ?

Сначала она отвѣтила на своемъ нарѣчіи: — Je ne co'pré-nay!—а затѣмъ, быть можетъ въ надеждѣ на вторичную подачку, прибавила жалобно-плаксивымъ тономъ:

— No nava nay de pain et tat d's enfa'ts!

— Вы—валлонка?

— Ay!.. Longfaye!—И, поднявъ руку, она указала куда-то вдаль.

Пауль зналъ, что Longfaye—очень бѣдная валлонская деревушка, и снова полѣзъ въ карманъ, но Кэте удержала его руку, шепнувъ:—Мы лучше оставимъ денегъ синдику деревни для ребенка, для этого бѣдняжки!

Женщина не могла, конечно, понять ея словъ, но взоръ ея съ быстротою молніи упалъ на изящную горожанку. Чего же они ее держатъ, если не хотятъ ничего дать ей? Чуть замѣтно кивнувъ головою и буркнувъ: „Adieu!"—валлонка увѣренно зашагала впередъ, и скоро ея безцвѣтная фигура слилась съ зарослями. Солнце исчезло вмѣстѣ съ ребенкомъ. Сѣрый туманъ поднимался надъ степью.

III.

Деревенскій синдикъ пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство отъ посѣщенія важныхъ господъ. Онъ не зналъ, гдѣ принять ихъ, такъ какъ въ домѣ его помѣщались поросята и телята, а свинья тутъ же валялась въ грязи у дверей. Поэтому онъ предложилъ имъ пройтись по дорогѣ.

Кэте была блѣдна и, очевидно, плохо спала, но она улыбалась и въ ея чертахъ выражалось напряженно-радостное ожиданіе. Шлибенъ казался очень серьезнымъ. Не готовится ли онъ совершить изъ любви къ женѣ величайшую неосторожность, крайне необдуманный поступокъ? Что если изъ этого не выйдетъ добра?

Они провели тревожную ночь. Кэте созналась ему робко, но съ испугавшею его страстностью, что ребенокъ не выходитъ у нея изъ ума. Она хочетъ, она во что бы то ни стало должна имѣть его! У этой женщины куча дѣтей, а у нея—ни одного. Она была бы такъ счастлива, такъ невыразимо счастлива съ нимъ!

— Милый, не отказывай въ моей просьбѣ, сдѣлай меня счастливою... Дай мнѣ этого ребенка!

Она плакала, ея руки обнимали его, ея поцѣлуи сыпались на его лицо.

Онъ старался всячески отговорить ее. Что, если ея влеченіе остынетъ,—въ какое положеніе будетъ она поставлена относительно своего пріемыша? Кэте возмутилась. Неужели онъ можетъ такъ думать о ней? Они усыновятъ ребенка, она сама воспитаетъ его. Что изъ того, что они — не одной крови? Она въ это не вѣритъ. Онъ будетъ ея сыномъ по духу. Пауль самъ скоро позабудетъ, что ребенокъ—не родной ихъ сынъ. Онъ станетъ звать ихъ отцомъ и матерью: они будутъ отцомъ и матерью для него.

Пауль былъ поколебленъ. Передъ его умственнымъ взоромъ воскресли картины, которыя онъ уже не надѣялся видѣть. Онъ увидѣлъ улыбающуюся жену, держащую на колѣняхъ смѣющагося ребенка.

Онъ чувствовалъ, что самъ улыбается при звукахъ дѣтскаго лепета: „Па-па!“

Пауль поцѣловалъ жену, и въ этомъ поцѣлуѣ было согласіе.

Они проснулись поутру совершенно разбитыми, но радостно возбужденные, какъ люди, ожидающіе дорогого гостя. Кэте уло-

жилась, они сегодня же выѣдутъ въ Берлинъ,—ребенку не годится быть въ отелѣ. По дорогѣ въ Longfaye оба они волновались; вмѣсто коляски они взяли на этотъ разъ ландо, запаслись пледами и одѣялами, Пауль захватилъ съ собою даже свои документы. Радостно скользнулъ взоръ Кэте по степи — такой пустынной съ виду, но ставшей для нея сказочной страною. Невольно вспомнились ей библейскія слова: „И по прошествіи назначеннаго срока имъ былъ дарованъ сынъ“. Она знала, она была увѣрена, что чудо совершится здѣсь, здѣсь...

Мужъ тихо пожалъ ей руку, и она отвѣтила на его пожатіе. Теперь она снова любила его, какъ въ первые дни ихъ брака: онъ дарилъ ей высшее счастье жизни—сына.

Не легко оказалось объяснить синдику, что они желаютъ усыновить ребенка: онъ подумалъ, что господа надъ нимъ смѣются. На что имъ понадобился ребенокъ Лизы Солгейдъ? Онъ недовѣрчиво выслушивалъ объясненія Шлибена, и лишь послѣ того, какъ Кэте, нетерпѣливо потянувъ его за рукавъ, крикнула ему въ лицо: — Да поймите же, у насъ нѣтъ дѣтей! Мы хотимъ имѣть ребенка!—лишь тогда онъ дѣйствительно понялъ.

— Нѣтъ дѣтей? Какая жалость!—Синдикъ сразу сдѣлался доступнѣе и съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на богатую, красивую, но бездѣтную даму. Вотъ счастье-то привалило Жанъ-Пьеру! Вѣроятно, Лиза отдастъ его. Послѣ смерти мужа она очень бѣдствуетъ...

Какъ? Мужа ея нѣтъ въ живыхъ? У Шлибена гора свалилась съ сердца. Отецъ могъ оказаться пьяницей или шантажистомъ. Но отчего онъ умеръ? Климатъ здѣсь нездоровый, рѣзкія перемѣны температуры вліяютъ на горло и легкія. Не страдалъ ли онъ чахоткою?

Никласъ Рошера расхохотался. Мишель Солгейдъ ни разу въ жизни не былъ боленъ и не отъ болѣзни онъ умеръ. Онъ работалъ на фабрикѣ машинъ—голый до пояса, жаръ и холодъ были ему нипочемъ. Въ день Петра и Павла, съ годъ тому назадъ, получивъ сверхъ-урочную плату, онъ вздумалъ купить фунтика два кофе и еще кое-чего для жены. Всѣ такіе припасы много дешевле за границей... Но проклятые стражники (тутъ старикъ погрозилъ кулакомъ по направленію къ степи)—цѣлыхъ четверо погнались за нимъ. Ни за что бы имъ было не поймать его,—онъ бѣгалъ какъ олень,—но онъ не хотѣлъ показать имъ, откуда онъ, и поэтому все время кружилъ, да и мѣшка своего онъ изъ самолюбія не захотѣлъ бросить. Два раза они кричали ему: „Стой!“ а въ третій разъ—помилуй насъ Господь

Богъ! — одинъ изъ нихъ выпалилъ. Пуля попала ему въ спину навылетъ...

— Послѣ этого онъ прожилъ еще добрый часъ, — продолжалъ синдикъ. — Послали за женою, она была въ то время беременна на шестомъ мѣсяцѣ, — но она уже не поспѣла съ нимъ проститься. Его положили у большого креста, хотѣли донести его до деревни, но онъ не позволилъ. „Нѣтъ", говоритъ, „хочу здѣсь помереть", и все на солнце глядѣлъ. А оно въ этотъ день было огромное, словно въ день Страшнаго суда Господня. Весь онъ былъ въ поту и крови, помиралъ человѣкъ, а солнцу все-таки радовался... Тотъ, что пристрѣлилъ его — заливался-плакалъ... Вотъ ужъ, прости Господи, — у старика вырвалось движеніе отвращенія, — не хотѣлъ бы я быть стражникомъ!

Голосъ его вдругъ сдѣлался болѣе глубокимъ и хриплымъ отъ волненія, но, помолчавъ, онъ прибавилъ съ прежнимъ равнодушіемъ:

— А теперь, если вы желаете, мы отправимся, сударыня.

— И вы думаете, что вдова согласится отдать этого ребенка, рожденнаго послѣ смерти отца?

— Ну, если вы предложите ей кругленькую сумму! У нея и такъ цѣлая куча ребятъ.

Синдикъ снова сдѣлался крестьяниномъ себѣ на умѣ, который не прочь околпачить „господъ", — это былъ уже не прежній человѣкъ, говорившій о смерти Мишеля Солгейда и о солнцѣ.

— Сотню талеровъ дадите? — спросилъ онъ, покосившись въ сторону господина. Сколько у него, должно быть, деньжищъ, — даже не поморщился!

IV.

Хижина Лизы Солгейдъ стояла одиноко, подобно остальнымъ домамъ деревушки, за высокою изгородью изъ кустарника, мѣстами порѣдѣвшей и нуждавшейся въ уходѣ. Развѣвавшіяся по вѣтру засохшія вѣтки — казались трепетавшими въ воздухѣ костлявыми пальцами. До чего тутъ должно быть холодно зимою!

Кэте невольно плотнѣе закуталась въ суконное, подбитое шолкомъ манто. Окошки были крошечныя, крыша нависла надъ входомъ. Синдикъ постучалъ, но отвѣта не было. Должно быть, Лиза ушла съ дѣтьми по ягоды. Но изъ запертой хижины доносился голодный крикъ ребенка.

Бѣдное дитя! Она опять бросила его! Крикъ ребенка казался Кэте воплемъ о помощи.

Синдикъ спокойно присѣлъ на бревно и вытащилъ изъ кармана своей синей блузы трубочку. Придется подождать.

Мужъ и жена съ огорченіемъ переглянулись. Ждать? Кэте отказалась присѣсть на колоду, хотя синдикъ не безъ галантности очистилъ ей мѣсто; она безпокойно ходила взадъ и впередъ, стараясь заглянуть въ подслѣповатыя окошечки, а изъ хижины все громче и отчаяннѣе доносился плачъ ребенка.

Синдикъ разсмѣялся. Здорово реветъ мальчишка! Ну и легкія, нечего сказать, у этого Жанъ-Пьера! Кэте не могла слышать плача,—онъ причинялъ ей душевную и физическую боль. Какъ онъ отдается въ ушахъ! Она прикрыла ихъ ладонями; сердце ея трепетало отъ жалости и негодованія. Какъ могла мать оставлять его на такое долгое время? Потъ выступилъ у нея на лбу; горящимъ, нетерпѣливымъ взоромъ впилась она въ даль. Вотъ наконецъ на дорогѣ показались фигуры. У нея захватило духъ и сердце безумно забилось: это шла мать.

Лиза Солгейдъ тащила на спинѣ огромную вязанку хвороста, тяжестью своею почти пригибавшую ее къ землѣ. Трое дѣтей бѣжали впереди, четвертый цѣплялся за юбку матери; всѣ они—даже младшій—собирали ягоды. Всѣ четверо были красивыя дѣти; у нихъ, какъ и у Жанъ-Пьера, были большіе темные глаза, которыми они полузастѣнчиво и полудерзко уставились на незнакомыхъ господъ.

Дѣйствительно ли не узнала Лиза своихъ вчерашнихъ собесѣдниковъ, или только сдѣлала видъ, что не узнала? Веревка, придерживавшая хворостъ, сильно врѣзалась ей въ плечи и грудь,—она развязала ее и сильнымъ движеніемъ сбросила ношу на землю, затѣмъ схватила топоръ и, не обращая вниманія на присутствующихъ, принялась колоть большой сукъ.

— Послушай, Лиза, открой намъ дверь, когда наколешь дровъ,—обратился къ ней синдикъ, между тѣмъ какъ мужъ и жена отошли въ сторону. Пусть синдикъ первый переговоритъ съ нею. Дѣло оказывалось не такимъ легкимъ, какъ они думали.

Лицо вдовы не измѣнило своего замкнутаго выраженія; молча, съ плотно сжатыми губами, она продолжала колоть сучья,—щепки такъ и летѣли подъ ея мощными ударами. Слушала ли она то, что ей говорилъ синдикъ? Да! Мужъ и жена обмѣнялись взглядомъ. Она отвѣтила ему съ большею живостью, чѣмъ можно было предположить, судя по ея сумрачно-апатичному виду.

Лиза Солгейдъ подняла руки и указала на хижину, гдѣ все еще надрывался ребенокъ. Грубо звучала ея рѣчь на варварскомъ

валлонскомъ нарѣчіи. Она возвысила голосъ, онъ—тоже; казалось, что они бранятся.

Кэте прислушивалась со страхомъ. Неужели она не соглашается? — Предлагай больше — двѣсти, триста, тысячу... И ему также пообѣщай за труды... Боже, какъ кричитъ бѣдное дитя!

Дѣти стояли тутъ же, не шевелясь, съ неутертыми носиками, засунувъ пальцы въ ротъ. Наконецъ вдова окликнула ихъ, старшая дѣвочка отворила дверь, и пріѣзжіе, по приглашенію хозяйки, буркнувшей: „Entrez!“—вошли въ хижину, состоявшую изъ одной комнаты и такую темную, что они въ первую минуту ничего не могли разглядѣть. Шлибену пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головою въ балку. Очагъ былъ грубо сложенъ изъ кирпича, надъ нимъ висѣлъ желѣзный котелъ. Нѣсколько глиняныхъ тарелокъ съ отбитыми краями, пара котелковъ, кувшинъ для молока—на полкѣ, большая кровать въ углу, кое-какая одежда на стѣнѣ, скамья и столъ, на которомъ лежало четверть-хлѣба — такова была обстановка, если не считать колыбели Жанъ-Пьера.

Кэте съ дрожью оглядѣлась. Какая безнадежная, неприкрашенная нищета! Она замѣтила пестрый образокъ Мадонны и подъ нимъ—фарфоровую чашечку для святой воды, а также—плохую фотографію, изображавшую покойнаго Мишеля Солгейда въ солдатской формѣ. Она кинула на портретъ боязливый взглядъ,—ей вспомнилась его кровавая смерть въ степи. Неужели Жанъ-Пьеръ будетъ хоть сколько-нибудь похожимъ на отца?

Шлибенъ ждалъ, чтобы жена заговорила, но она молчала; молчалъ и посредникъ, вѣжливо предоставляя слово „господамъ“. Женщина тоже ничего не говорила. Она отмахнулась отъ дѣтей, кинувшихся-было къ жесткому хлѣбу, и, подойдя къ колыбели, остановилась у нея. Хотя лицо ея оставалось безстрастнымъ, но видно было, что въ ней происходитъ борьба. Шлибенъ рѣшился наконецъ заговорить — дружелюбно, но не безъ смущенія. Синдикъ передалъ ей, что они желаютъ взять къ себѣ, усыновить (adopter) ея ребенка. Они будутъ обращаться съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ, доставятъ ему все, чего она, конечно, не можетъ дать ему...

— Мы такъ будемъ его любить!—прервала Кэте.

Черная женщина обернулась къ ней и смѣрила ее взглядомъ, выраженіе котораго трудно было опредѣлить.

Кэте жадно смотрѣла на ребенка: теперь онъ уже не плакалъ, даже улыбался,—и вдругъ онъ протянулъ къ ней ручонки, онъ просился къ ней, къ ней...

Радостная краска кинулась ей въ лицо; она уже хотѣла взять его, но тутъ между нею и имъ стѣною встала его мать.

— Нѣтъ!—жестко проговорила женщина, отстраняя ее движеніемъ лѣвой руки, между тѣмъ какъ правою она перекрестила лобъ ребенка, а затѣмъ его грудь.

Но почему же она не желаетъ отдать его? Кэте дрожала отъ страха и взоромъ умоляла мужа помочь ей... Шлибенъ продолжалъ:

— Мы обезпечимъ будущность вашего ребенка; ему придется работать лишь изъ любви къ труду, не ради хлѣба насущнаго. Онъ никогда не будетъ голодать. Понимаете ли вы?

Изъ всѣхъ этихъ словъ валлонка поняла одно: ему не придется голодать. Но, тѣмъ не менѣе, она покачала головою, повторяя:—Нѣтъ! Nenni!

Она показала на себя, на другихъ дѣтей, на разстилавшуюся впереди степь и добавила:—Мы всѣ голодаемъ.—Углы ея сумрачнаго рта даже приподнялись, обнаживъ крѣпкіе зубы; что-то вродѣ покорной усмѣшки озарило ея лицо.

Тутъ вмѣшался синдикъ.

— Не велика радость голодать, Лиза! Чего ты ломаешься? Мальчуганъ попадетъ изъ ада прямо въ царствіе небесное. У тебя вѣдь ихъ цѣлая четверка.

Она кивнула головою, словно соглашаясь, но затѣмъ закинула ее назадъ; взглядъ ея обратился теперь уже съ очевидною ненавистью къ богатой, съ кольцами на пальцахъ, женщинѣ, глядѣвшей на ея Жанъ-Пьера.

— Нѣтъ! — повторила она еще упрямѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ раньше:—не хочу!

— Ты не хочешь?—Старикъ принялся кричать на нее:—ты похожа на мою корову, которая все норовитъ ударить ногою по подойнику. А чѣмъ ты будешь кормить всѣхъ пятерыхъ зимою? Если будутъ такіе холода, какъ прошедшею зимою, заморозишь ты своего Жанъ-Пьера. Старшіе покрѣпче, тѣ вынесутъ. Вѣдь ты могла бы купить себѣ корову, крышу перекрыть... Дѣло хорошее, Лиза.

— Сколько вы мнѣ дадите?—внезапно спросила Солгейдъ.

Она подняла голову, ея сумрачный взоръ скользнулъ по нищенской комнатѣ и четверымъ дѣтямъ. На пятаго она не взглянула. Она такъ поблѣднѣла, что ея темное лицо стало пепельно-сѣрымъ.

— Что тебѣ дадутъ? Ну, что вы дадите, господинъ? Двѣсти талеровъ маловато за такого ребенка. Поглядите, какой онъ крѣ-

пышъ... Не правда ли, сударыня? Двѣсти, двѣсти-пятьдесятъ, триста талеровъ...

Старикъ набавлялъ, какъ на аукціонѣ.

Кэте была очень блѣдна, слезы стояли въ ея глазахъ. Скорѣе, скорѣе вонъ отсюда!

— Вотъ пятьсотъ,—сказалъ Шлибенъ, вынимая бумажникъ.

Крестьянинъ вытянулъ шею, чтобы взглянуть; глаза его словно остановились. Онъ никогда еще не видывалъ, чтобы человѣкъ такъ легко разставался съ деньгами!

Солгейдъ кинула мимолетный взглядъ на банковые билеты, положенные Шлибеномъ рядомъ съ краюхою хлѣба, но жадный блескъ въ ея глазахъ сразу потухъ.

— Нѣтъ,—проворчала она угрюмо.

— Накиньте еще что-нибудь,—шепнулъ старикъ.

Шлибенъ положилъ еще пару билетовъ. Вся эта процедура была ему чрезвычайно противна. Скорѣе бы конецъ!

При видѣ такой щедрости, старый Никласъ не выдержалъ. Онъ подскочилъ къ Лизѣ и сталъ трясти ее за плечи. Ополоумѣла она что-ли? Шестьсотъ талеровъ чистоганомъ на столѣ— и она не беретъ ихъ? У кого тутъ есть шестьсотъ талеровъ за душой? Такія деньги, такія деньги!

Его худое лицо, которое вслѣдствіе долгихъ лѣтъ тяжелой работы на холоду и въ вѣтеръ стало похоже на деревянное, все вздрагивало отъ волненія, каждая жилка въ немъ трепетала.

Со стукомъ выпалъ изъ руки женщины топоръ, который она до сихъ поръ машинально сжимала въ ней. Не поднимая головы, не глядя ни на деньги, ни на колыбель, она сказала громко, но совершенно беззвучнымъ голосомъ:

— Хорошо. Жанъ-Пьеръ—вашъ!

Она тяжелыми шагами отошла къ очагу и принялась шевелить тлѣющій торфъ.

Какое возмутительное равнодушіе! Кроткіе глаза фрау Кэте засверкали, даже Пауль былъ возмущенъ. Напрасно совѣсть мучила его за то, что они берутъ у матери ребенка.

Синдикъ взялъ деньги, положилъ ихъ въ конвертъ, оставленный Шлибеномъ, и велѣлъ Лизѣ убрать ихъ. Она взяла у него конвертъ и спрятала его въ карманъ своей нижней заплатанной юбки. Затѣмъ Шлибенъ написалъ на вырванномъ изъ записной книжки листкѣ актъ отреченія матери отъ ея правъ на сына, синдикъ подписалъ его, а Лиза поставила крестъ. Оставалось только просить синдика выслать ему метрику ребенка; Пауль

далъ ему свой берлинскій адресъ и незамѣтно вложилъ въ руку старика пару золотыхъ.

Кэте вынула ребенка изъ колыбели и, нѣжно прижавъ его къ себѣ, укутала его въ свое мягкое теплое манто. Вѣдь это было теперь ея собственное, нѣжно любимое, выстраданное ею дитя.

Братья и сестры маленькаго Жанъ-Пьера молча стояли, вытаращивъ глаза. Вѣроятно, они не понимали, что ихъ маленькаго брата совсѣмъ берутъ отъ нихъ,—иначе они выразили бы чѣмъ-нибудь свои чувства. Но они смотрѣли только на хлѣбъ, лежавшій на столѣ. Шлибенъ ощутилъ живѣйшее состраданіе къ этимъ бѣдняжкамъ, которые должны были остаться здѣсь — голодные и холодные. Онъ сунулъ каждому въ руку по монетѣ; они не поблагодарили, но пальцы ихъ крѣпко ухватились за деньги.

И Солгейдъ тоже не поблагодарила. Когда чужая женщина взяла изъ колыбели ея ребенка, она содрогнулась и теперь стояла, не шевелясь, у пустой колыбели. Она видѣла, какъ Жанъ-Пьера укутали въ теплое манто. Ей нечего было дать ему съ собою.

Несмотря на равнодушіе матери, Шлибенъ до самой послѣдней минуты опасался сцены, но женщина оставалась спокойною. Ея опущенная рука касалась кармана, въ которомъ лежали деньги—цѣна ея материнской любви. Въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ, въ борьбѣ съ ужасающею нищетой, эта несчастная до того утратила образъ и подобіе человѣка, что разлука съ ея младшимъ ребенкомъ уже не причиняла ей страданія. Не такою матерью будетъ для него Кэте.

Они поспѣшно направились къ выходу. На порогѣ Кэте еще разъ обернулась; хотя эта женщина, очевидно, была безчувственна, но чувство сожалѣнія къ ней заставило Кэте оглянуться.

Вдругъ раздался крикъ—короткій, рѣзкій, пронизывающій, потрясающій до мозга костей. Единственный, исторгнутый мукою и ненавистью крикъ.

Солгейдъ нагнулась. Рука ея подняла упавшій топоръ. Она швырнула имъ, какъ копьемъ. Лезвіе, сверкнувъ, пролетѣло надъ головою уходящей женщины и съ трескомъ вонзилось въ косякъ двери.

V.

Они бѣжали съ ребенкомъ. Это было настоящимъ бѣгствомъ. Кучеръ хлестнулъ по лошадямъ, колеса заскрипѣли. Деревня, какъ страшный сонъ, осталась позади.

Надъ степью внезапно спустился туманъ и, вмѣсто широкихъ далей, оказывалась сплошная глухая стѣна, могучая и непроницаемая, созданная болотными испареніями; она ли поднималась отъ земли до облаковъ, или облака опустились до земли?

Небо и степь слились. То и другое было пронизывающимъ, сырымъ, холоднымъ, жидкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плотнымъ, таинственнымъ и зловѣщимъ сѣрымъ туманомъ,—туманомъ, отъ котораго невозможно спастись заблудившемуся путнику. У него тысячи рукъ, такъ тѣсно обхватывающихъ жертву, что она не можетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ; вопль о помощи замираетъ въ ея горлѣ, сдавленномъ ужасомъ, а ослѣпленный взоръ не видитъ ни пути, ни выхода.

Кучеръ сыпалъ проклятіями и погонялъ лошадей; дороги совсѣмъ не было видно; исчезли канавы по сторонамъ и телеграфные столбы; широкое, проложенное съ такимъ трудомъ шоссе—словно расплылось. Къ счастью, лошади не заблудились, —съ громкимъ ржаньемъ онѣ подвигались впередъ въ морѣ тумана.

Кэте дрожала и плотнѣе укутывала ребенка въ пледы и одѣяло, которыми она догадалась запастись. Мужъ обнялъ ее рукою, словно защищая ее. Они велѣли закрыть ландо, но холодный туманъ проникалъ во внутрь кареты и затруднялъ дыханіе. Кэте покашливала; она вздрагивала не отъ радости, но отъ страха за свое сокровище. Что если мать настигнетъ ихъ—эта страшная женщина со сверкающимъ топоромъ? Она зажмуривала глаза, силясь отогнать это видѣніе, но затѣмъ снова открывала ихъ; сердце ея билось, на лбу выступалъ потъ. Этотъ образъ всегда будетъ преслѣдовать ее и во снѣ. До своей послѣдней минуты она не перестанетъ видѣть женщину со сверкающимъ топоромъ!

Топоръ просвисталъ надъ ея головою, она ощутила холодную струю воздуха на вискахъ; онъ не задѣлъ ее и вонзился въ косякъ двери, но она чувствовала какую-то внутреннюю боль и со страхомъ подносила руки къ вискамъ. Никогда не отдѣлаться ей отъ этого страха.

Пауль былъ разстроенъ. Что еслибы эта страшная женщина убила его жену? Онъ мысленно упрекалъ себя: какъ онъ могъ связаться съ подобными людьми? Онъ съ досадою поглядывалъ на мирно спавшаго въ объятіяхъ его жены ребенка. Будетъ ли онъ въ состояніи полюбить его? Да, онъ поступилъ неблагоразумно,—не слѣдовало соглашаться...

Вѣтеръ завывалъ какъ злой песъ и бросался навстрѣчу лошадямъ, которыя съ трудомъ подвигались впередъ. Глядя сквозь

затуманенныя мокрыя стекла кареты, новый отецъ говорилъ себѣ, что никогда ребенокъ не долженъ знать о своемъ происхожденіи. Видя, что жена вся ушла въ созерцаніе спящаго ребенка, онъ еще болѣе нахмурился и хотѣлъ взять ея правую руку, которою она поддерживала тяжело лежавшую на ней маленькую головку.

— Не утомляйся... Заснетъ и такъ!

И въ отвѣтъ на ея озабоченное:—Шшъ!—онъ сказалъ выразительно:—Скажу тебѣ одно: не отдавай ему сразу своего сердца, обожди.

— Что такое? Почему ты говоришь такъ... такъ нехорошо?—Она тихо разсмѣялась—счастливымъ смѣхомъ,—слава Богу, все это ужасное миновало, а мать скоро забываетъ о страданіяхъ, причиненныхъ ей рожденіемъ ребенка. Посмотри!—и она съ осторожною ласкою коснулась раскраснѣвшейся отъ сна щечки Жанъ-Пьера:—посмотри, какъ онъ прелестенъ, какъ невиненъ! Я такъ радуюсь. Порадуйся же и ты, Пауль, вѣдь ты такъ добръ... Давай лучше придумывать, какъ мы назовемъ нашего мальчика.

Въ каретѣ становилось уютнѣе. Казалось, что отъ мирно спавшаго дѣтскаго тѣльца струилась благотворная теплота, дыханіе жизни исходило изъ его ровно дышащей здоровой груди, радость жизни свѣтилась въ розовыхъ, все болѣе и болѣе разгоравшихся щечкахъ, благословеніе жизни чувствовалось въ маленькихъ, крѣпко сжатыхъ кулачкахъ.

Пауль, странно растроганный, взялъ одинъ изъ этихъ кулачковъ въ свою руку и съ улыбкою глядѣлъ на него. Вѣдь они были родители.

А вокругъ все сильнѣе разыгрывалась буря; такъ можетъ бушевать только осень въ степи. Тутъ не бываетъ постепеннаго увяданія, тихаго приближенія зимы, переходовъ отъ холода къ теплу. Ледяной вѣтеръ со стономъ, свистомъ, рычаніемъ и воемъ носится по равнинѣ, поднимаетъ зыбь на болотахъ и плёсахъ, кидается на уцѣлѣвшій ельникъ, который тяжело стонетъ и трещитъ подъ его напоромъ, а затѣмъ несется далѣе среди усѣявшихъ равнину крестовъ... Надъ равниною что-то гудѣло, подобное органу или прибою морскихъ волнъ, — это природа исполняла на органѣ бури пѣснь своего всемогущества.

Карета ползла по равнинѣ, какъ жалкое насѣкомое, и вѣтеръ всѣми силами старался сдунуть, снести ее—вмѣстѣ съ сидящими въ ней людьми. Эти пришельцы, эти похитители увозили съ собою нѣчто, принадлежавшее степи—всецѣло и безраздѣльно ей одной.

Шла настоящая борьба. По временамъ кучеру приходилось слѣзать съ козелъ и вести подъ уздцы упиравшихся, храпѣвшихъ лошадей. Изъ овраговъ поднимались и кивали призраки въ туманныхъ одеждахъ; они свивались и развивались, плакали, стонали, — тихая степь словно ожила.

Сквозь море тумана неслись стаи птицъ; онѣ кружились надъ каретою и испускали рѣзкіе, пронзительно-дикіе крики. Но сегодня въ этихъ крикахъ не слышалось торжества: они звучали какъ жалоба.

Степь плакала. Крупныя капли падали изъ тумана; вскорѣ и самый туманъ обратился въ слезы,—медленно падающія, а затѣмъ—въ неудержимыя, льющіяся бурнымъ потокомъ слезы.

VI.

Шлибены благополучно достигли Берлина.

При выходѣ изъ купе́, Кэте имѣла измученный видъ, волосы ея растрепались, она отчасти утратила свою элегантность. Не легко было совершить такое путешествіе съ ребенкомъ. Къ счастью, имъ еще удалось найти въ Кельнѣ хорошую няню, любящую дѣтей, добродушную и обходительную, но у матери все же оказалось много дѣла. Не простудился бы ребенокъ, нравится ли ему молоко въ рожкѣ? Ни пѣніе, ни укачиваніе—ничто не помогало; онъ кричалъ во всю дорогу до Берлина изо всей силы своихъ здоровыхъ легкихъ.

Но вотъ они, слава Богу, дома. Здѣсь все пошло какъ по маслу. Вмѣсто квартиры въ городѣ, они наняли виллу въ Грунвальдѣ,—нельзя же запереть такого ребенка въ душномъ городѣ, ему необходимъ садъ.

Мальчика назвали Вольфгангомъ. Въ словѣ „Вольфъ" было нѣчто короткое, властное, энергическое, отъ него вѣяло тою степью, надъ которою они одержали побѣду. „Маленькій Вольфъ!"—повторяла молодая мать по сту разъ въ день.

Молодая мать! Кэте чувствовала себя помолодѣвшею въ ребенкѣ, совсѣмъ молодою. Никто не далъ бы ей ея тридцати-пяти лѣтъ, и она сама—менѣе всѣхъ. Однимъ духомъ она взбѣгала по лѣстницѣ, услыхавъ, что Вольфъ проснулся и требуетъ рожокъ.

Ей, проводившей ранѣе цѣлые часы на кушеткѣ, теперь не приходило въ голову прилечь днемъ. Какъ безцвѣтна и безсодержательна была до этого ея жизнь! Она ежедневно сопровождала ребенка на прогулку, и ей доставляло удовольствіе самой

браться за ручку бѣлой лакированной съ золотыми гвоздиками колясочки. Прохожіе любовались элегантной колясочкой и въ особенности—красивымъ ребенкомъ. Сердце ея радостно билось при восклицаніяхъ: „Прелестное дитя! Чудные глаза!“ Она преисполнялась чувствомъ блаженной гордости, голова ея высоко поднималась, глаза сіяли счастьемъ. Всѣ принимали ее за мать, за молодую мать годовалаго дитяти, за красавицу-мать красиваго ребенка. Многіе упоминали о сходствѣ: „Вашъ портретъ, сударыня, только волосы потемнѣе вашихъ“. И она улыбалась и краснѣла,—не могла же она объяснять людямъ, что въ жилахъ ребенка течетъ не ея кровь? Просыпаясь, онъ прежде всего искалъ глазенками ее; она же убаюкивала его на сонъ грядущій. Никто не умѣлъ такъ хорошо пѣть:

Спи, дитя, спокойнымъ сномъ,
Воетъ вѣтеръ за окномъ,
Дождь въ окошечко стучитъ,
У сосѣда песъ ворчитъ,
Лаетъ песъ на бѣдняка
И хватаетъ за бока...

И каждый вечеръ Вольфъ сладко засыпалъ подъ звуки пѣсни о вѣтрѣ, дождѣ, о безпріютныхъ и беззащитныхъ людяхъ, на которыхъ кидается сосѣдній песъ...

Теперь Шлибенъ уже не могъ пожаловаться на настроеніе своей жены,—она была весела, жезнерадостна, здоровье ея поправилось, и онъ самъ принялся съ чуждымъ ему до сихъ поръ рвеніемъ за свое дѣло, обнаруживъ, къ изумленію своихъ компаньоновъ, предпріимчивость и коммерческую смѣтку. Въ прежнія времена онъ умѣлъ только тратить деньги, а не наживать ихъ; ему съ женой было достаточно и того, что они имѣли; теперь, сидя въ конторѣ за счетами, онъ иногда ловилъ себя на мысли: „Это пригодится для мальчугана!“—но сейчасъ же сердито вскакивалъ съ мѣста. Онъ взялъ ребенка изъ угожденія женѣ,—не желаетъ онъ любить его да и только!

И однако, возвращаясь подъ вечеръ домой и съ наслажденіемъ вдыхая ароматъ сосенъ, еще болѣе обострявшій аппетитъ, онъ при видѣ мальчика, бѣжавшаго къ нему навстрѣчу съ крикомъ: —„Папа, кушать хочу, пойдемъ кушать!“—не могъ удержаться, чтобы не поднять крикуна и не подбросить его кверху. Онъ все таки былъ славный мальчикъ и кушалъ молодцомъ. Слава Богу, сытъ онъ будетъ всегда.

Чувство неиспытаннаго имъ ранѣе довольства и домашняго

уюта охватывало Шлибена. Онъ пріобрѣлъ въ собственность хорошенькую виллу, прикупилъ участокъ земли подъ садъ: непріятно будетъ, если кто-нибудь поселится у нихъ подъ бокомъ. Сначала Шлибену не нравилась мысль поселиться за городомъ, но теперь онъ находилъ ее чудесной. Здѣсь именно чувствуешь себя „дома". И, подгоняемый колоссальнымъ аппетитомъ, онъ слѣдовалъ за мальчуганомъ въ столовую, гдѣ ихъ ожидала Кэте.

День, въ который Вольфангу Шлибену надѣли первые штанишки, былъ днемъ семейнаго торжества.

Кэте, желая сдѣлать мужу сюрпризъ, заказала фотографію мальчика въ новомъ костюмѣ и поставила ее на столъ мужа въ день его рожденія. Шлибенъ остался очень доволенъ подаркомъ. Здоровякъ-мальчишка! Ему всего три года, а можно дать всѣ четыре, и видъ у него такой задорный, какъ у пятилѣтняго, который уже не прочь подраться съ товарищемъ...

Къ обѣду собрались гости; окна красивой виллы были ярко освѣщены, а въ саду царила совершенно итальянская ночь—до такой степени былъ тепелъ воздухъ и небо усѣяно звѣздами; между вѣтвей и кустовъ горѣли—подобные свѣтлякамъ—пестрые фонарики.

Въ верхнемъ этажѣ виллы, въ комнатѣ, слабо озаренной лампою подъ матовымъ колпакомъ, спокойно спалъ Вольфъ; а внизу, за богато убраннымъ столомъ, пили здоровье его и его родителей, причемъ старый другъ семьи, домашній врачъ, сказалъ приличествующій случаю тостъ: „Да здравствуетъ ребенокъ, принесшій счастье въ домъ, счастливецъ, упавшій въ буквальномъ смыслѣ слова съ неба!"

Кэте взволновалась, какъ это всегда бывало съ нею при каждомъ намекѣ на происхожденіе ребенка. Гости шумно выпили за здоровье „сына этого дома"; всѣ восхищались его красотою и миловидностью, но ей сдѣлалось не по себѣ и, оставшись позднѣе наединѣ съ докторомъ, она высказала ему свои опасенія.

Тотъ, на правахъ стараго знакомаго, дружески попенялъ ей. Къ чему дѣлать такую тайну изъ происхожденія ребенка? Это даетъ поводъ къ разнымъ непріятнымъ предположеніямъ (онъ не сказалъ—какимъ)...

Своимъ спичемъ онъ именно хотѣлъ сказать, что нечего постороннимъ людямъ допытываться истины, но любопытство ихъ слишкомъ возбуждено.

Дѣйствительно, знакомые Шлибеновъ очень интересовались происхожденіемъ Вольфа; разспрашивать фрау Кэте было не

легко,—она блѣднѣла, отмалчивалась и старалась замять разговоръ. Дамы объясняли ея волненіе по своему: она мужественно боролась съ инстинктивной нелюбовью къ ребенку, котораго она такъ великодушно приняла въ свой домъ. Какую борьбу пришлось ей выдержать съ собою! Бѣдняжка!

Нѣкоторые пытались защищать Шлибена. Не можетъ быть! Онъ былъ не по одной только внѣшности и манерамъ вполнѣ безупречнымъ человѣкомъ, вѣрнѣйшимъ мужемъ, до сихъ поръ влюбленнымъ въ свою Кэте, какъ въ первый годъ супружества.

Гости разъѣхались уже послѣ двѣнадцати, и Кэте, соскучившаяся по мальчикѣ, поспѣшила къ нему; у дверей она столкнулась съ мужемъ, также шедшимъ туда, и, взявъ его подъ руку, вошла съ нимъ вмѣстѣ въ дѣтскую, между тѣмъ какъ онъ сказалъ, словно извиняясь:

— Я только хотѣлъ взглянуть, не проснулся ли онъ отъ шума?

Они на цыпочкахъ подошли къ колыбели. Ребенокъ спалъ, разметавшись; его толстыя розовыя ножки были раскрыты и отъ чистаго здороваго дѣтскаго тѣла исходилъ запахъ свѣжести и жизнерадостности, сливавшійся съ ароматомъ сосенъ.

Кэте нагнулась и поцѣловала ямочку на пухломъ колѣнѣ. Поднимая голову, она встрѣтила задумчивый взглядъ мужа и, привыкнувъ дѣлить съ нимъ всѣ его заботы, спросила, чѣмъ онъ растревоженъ.

— Я думалъ—гмъ!—не лучше ли было бы сказать людямъ правду? Могутъ выйти недоразумѣнія... Что за бѣда, если мальчикъ и узнаетъ, что онъ не нашъ... то-есть, не родной нашъ сынъ?

— Ради Бога!—она съ ужасомъ всплеснула руками:—Никогда! Ни за что на свѣтѣ!—Она опустилась на колѣни возлѣ колыбели и обняла ее руками, словно для защиты.—Пауль, пойми же, вѣдь онъ тогда будетъ потерянъ для насъ!

Въ ея голосѣ слышался такой ужасъ, что онъ запнулся.

— Я только полагалъ, что это... наша обязанность. Люди толкуютъ вкривь и вкось. Почему бы не сказать?...

Лицо ея совсѣмъ побѣлѣло. Какъ? Развѣ онъ забылъ?.. Никогда ребенокъ не долженъ знать, даже—въ случаѣ ея смерти... Онъ принадлежитъ имъ, имъ однимъ!

Кэте почти выкрикивала слова, затѣмъ она обхватила ребенка руками и, прильнувъ къ нему, зарыдала:

— Вольфъ, мой мальчикъ, вѣдь ты не уйдешь отъ твоей мамы? Нѣтъ?

Ея слезы и поцѣлуи разбудили ребенка, но на этотъ разъ, вмѣсто того, чтобы заплакать, онъ обвилъ ручонками ея шею и пробормоталъ въ полуснѣ:—Мама!

Кэте радостно разсмѣялась сквозь слезы и, схвативъ руку мужа, потянула его къ себѣ.

— Пауль, милый! Поцѣлуй же его—нашего ребенка!

Шлибенъ нагнулся, ихъ головы были рядомъ, и мальчикъ обнялъ другою рукою его шею. Всѣ трое были безконечно близки другъ другу въ эту тихую ночь, когда серебряный мостъ изъ лунныхъ лучей, казалось, соединилъ небо и землю.

VII.

На виллѣ Шлибенъ наступили дни чистѣйшаго счастья. Она была пріобрѣтена въ собственность, прикупленъ участокъ земли подъ садъ, устроены качели и всевозможныя приспособленія для дѣтскихъ игръ. Но Вольфу этого было мало, и онъ влѣзалъ на всѣ снабженные колючею проволокою заборы сосѣднихъ виллъ. Вольфъ былъ сорви-головою, „немножко черезчуръ“—по мнѣнію матери. Шлибена забавляла неугомонность мальчика,—подъ нею чувствовалось столько силы и здоровья. Но Кэте отчасти пугалась ея, вспоминая о его происхожденіи. Она не бранила мальчика за разорванное платье, но когда онъ въ первый разъ вернулся домой съ порядочною дыркою на головѣ, она страшно разсердилась, а затѣмъ ей сдѣлалось дурно и она еле добралась до своей постели. Когда мужъ упрекнулъ ее въ неблагоразуміи, она промолчала, затѣмъ онъ сталъ утѣшать ее, замѣтивъ, что это—пустяки, рану перевязали, и мальчику—какъ съ гуся вода, онъ распредоволенъ...

Кэте содрогнулась. Еслибы Пауль зналъ то̀, о чемъ она постоянно думаетъ! И Мишель Солгейдъ лежалъ, истекая кровью въ степи. Мальчикъ не жалуется, какъ не жаловался и его... (она не рѣшалась выговорить это слово) его отецъ... Каждый изъ знакомыхъ ей дѣтей, не будучи плаксою, расплакался бы и струсилъ, еслибы ему разбили голову до крови. Вольфъ былъ не только нечувствителенъ къ боли, но пожалуй—и къ радости. Когда ему что-нибудь дарили, онъ молча бралъ подарокъ, безъ тѣхъ громкихъ изъявленій восторга, какія свойственны другимъ дѣтямъ.

— Мужикъ!—шутя говаривалъ иногда Шлибенъ, но это слово было для Кэте уколомъ въ сердце. Неужели ея Вольфъ былъ

дѣйствительно существомъ другой породы? Больше всего доставляло ему удовольствіе возиться со своимъ огородомъ, который онъ устроилъ и держалъ въ образцовомъ порядкѣ, хотя ни кухарка, ни горничная—обѣ городскія жительницы—не могли дать ему на этотъ счетъ никакихъ указаній.

— Врожденный хозяинъ!—одобрялъ отецъ, но матери было бы пріятнѣе, еслибы огородъ его заросъ крапивой; она подарила ему и цвѣты, однако онъ мало интересовался ими, за исключеніемъ подсолнечника, скоро переросшаго его самого.

Вольфа отдали въ школу. Сначала мать попробовала сама заниматься съ нимъ, но она волновалась, нервничала, и дѣло не клеилось. Въ школѣ оно отчасти, хотя и не совсѣмъ, пошло на ладъ. Вольфъ не былъ лѣнивъ, но мысли его разбѣгались и ученье мало интересовало его. Сидя въ классѣ, онъ думалъ о томъ: успѣютъ ли осыпаться за утро послѣдніе листья въ саду? Вернется ли будущею весною аистъ, которому онъ устроилъ домикъ въ вѣтвяхъ сосны? Онъ ощипалъ послѣднія ягоды съ куста и улетѣлъ съ громкимъ крикомъ. Чѣмъ же онъ будетъ питаться въ пути? Мальчикъ жалѣлъ, что не могъ дать ему мѣшечка съ ягодами на дорогу.

За ночь выпалъ глубокій снѣгъ, хрустѣвшій подъ сапожками Вольфа, когда онъ шелъ утромъ въ школу.

Было очень холодно. Откуда-то доносилось голодное карканье. Горничная думала, что это кричитъ сова. Много она понимаетъ!

Сидя въ классѣ и машинально слѣдя глазами за рукою учителя, чертившаго на доскѣ задачу, Вольфъ думалъ о воронѣ, стряхивающемъ своими черными крыльями снѣгъ съ вѣтвей. Вотъ онъ взвивается кверху, летитъ высоко — высоко... Грудь мальчика приподнялась, онъ глубоко перевелъ духъ, глаза его блестѣли.

— Вольфгангъ, да ты никакъ спишь съ открытыми глазами?—воскликнулъ учитель, при громкомъ смѣхѣ другихъ малышей.

Вольфъ спрятался отъ горничной и пошелъ домой одинъ. Дорогою онъ искалъ ворона, потомъ бѣжалъ что было духу и наконецъ, отвязавъ свой ранецъ, зашвырнулъ его на высокую сосну, гдѣ тотъ и повисъ. Тогда Вольфъ, желая сбить его оттуда, устроилъ регулярную бомбардировку сосны снѣжными комьями, но, не добившись желаннаго результата, вернулся домой, разгоряченный и въ веселомъ настроеніи, но безъ ранца.

— Что? Вѣрно оставили? — сердито спросила горничная, уставшая отъ бѣготни за нимъ.

— Заткни себѣ глотку! — проговорилъ онъ, отталкивая ее: она была ему невыносима въ эту минуту.

Родители сидѣли уже за столомъ; отецъ, нахмурясь, взглянулъ на него, а мать проговорила съ мягкимъ упрекомъ:

— Гдѣ ты пропадалъ? Лизбета всюду искала тебя.

— Ну, что же ты молчишь? — строго спросилъ Шлибенъ.

Мальчикъ не отвѣчалъ. Какъ разсказать имъ, сидящимъ здѣсь въ комнатѣ, — о томъ, что было тамъ на дворѣ?

— Вѣроятно, его оставили въ школѣ, барыня, — шепнула Лизбета, подавая жаркое; — я завтра узнáю отъ другихъ мальчиковъ и доложу вамъ.

— Ахъ, ты! — Мальчикъ вскочилъ, опрокинувъ стулъ, и, со сжатыми кулаками кинувшись на дѣвушку, такъ схватилъ ее за руку, что она вскрикнула и выронила блюдо.

— Ахъ, ты, дура! — Онъ собирался ударить ее; отецъ не безъ труда его оттащилъ, а Кэте, выронивъ вилку, со страхомъ уставилась на своего мальчика.

Горничная начала громко жаловаться: — Онъ всегда такой. Только-что онъ сказалъ ей: „Заткни себѣ глотку!“ Нѣтъ, этого она не позволитъ, она лучше уйдетъ съ мѣста! И она съ плачемъ выбѣжала изъ комнаты. Шлибенъ былъ возмущенъ.

— Ты долженъ быть вѣжливъ съ низшими, именно потому, что они стоятъ ниже тебя. Слышишь ли ты это? — И онъ тутъ же отшлепалъ мальчугана, который, стиснувъ зубы, не издалъ ни одного звука, но каждый ударъ отзывался у матери въ сердцѣ. Послѣ обѣда, покуда мужъ читалъ газету, она прокралась наверхъ къ Вольфу и, тихо отворивъ дверь, нашла его стоящимъ у окна. Оно выходило на незастроенное пространство, теперь густо покрытое чистымъ бѣлымъ снѣгомъ, искрившимся въ блѣдномъ свѣтѣ раннихъ зимнихъ сумерекъ. Лицо мальчика показалось ей въ этомъ свѣтѣ очень блѣднымъ. И, вопреки всякимъ правиламъ педагогики, она открыла ему свои объятія, прошептавъ: — Бѣдное дитя!

Они долго стояли, обнявшись, и ни одинъ не спрашивалъ, почему другой такъ печаленъ.

— Это не оттого, что папа прибилъ меня, — прошепталъ наконецъ Вольфъ.

Она гладила его волосы, стоявшіе ежомъ, и ни о чемъ не разспрашивала, но про себя она рѣшила, что никогда на будущее время онъ не долженъ стоять такимъ образомъ у окна и жадно вглядываться въ снѣжную даль. Къ чему онъ стремился?

О чемъ мечталъ? Не окружала ли его нѣжнѣйшая любовь и все, чего только можетъ пожелать дѣтское сердце?

Въ этотъ вечеръ она не рѣшилась оставить его,—она предложила ему поиграть съ нимъ, и онъ радостно согласился, но это оказалось нелегкимъ дѣломъ. Здѣсь были локомотивы, пароходы, солдатики, книги съ картинами, всѣ новѣйшія игрушки, но Вольфъ нетерпѣливо швырялъ ихъ,—все было, по его мнѣнію, „глупо“ и „скучно“. Кончилось тѣмъ, что онъ нашелъ въ углу стараго, трехногаго барашка, свою давнишнюю игрушку, и удовлетворился имъ. Онъ сѣлъ на коверъ, какъ маленькій ребенокъ, поставилъ барашка рядомъ и сталъ его гладить.

Уложивъ Вольфа въ постель, Кэте сѣла у его изголовья, взяла его руку и запѣла пѣсенку, которою раньше убаюкивала его:

Спи, дитя, спокойнымъ сномъ,
Воетъ вѣтеръ за окномъ...

Она пѣла все тише, думая, что онъ засыпаетъ, но вдругъ онъ рѣзко выдернулъ у нея свою руку.

— Перестань... Я уже не маленькій.

По счастью, въ Грунвальдѣ не было уличныхъ ребятишекъ,—не то Вольфъ непремѣнно подружился бы съ ними. За неимѣніемъ ихъ, онъ сошелся съ дѣтьми швейцара одной изъ ближайшихъ виллъ, Артуромъ и Фридою Лемке, и съ сыномъ банкирскаго кучера—Гансомъ Флеббе. Въ иномъ знакомствѣ недостатка не было; фрау Кэте часто приглашала на виллу дѣтей ихъ берлинскихъ знакомыхъ; они угощались пирожнымъ и фруктами, играли въ крокетъ, теннисъ, въ мячъ, и ихъ звонкій смѣхъ весело раздавался подъ высокими соснами; но въ кругу этихъ чистенькихъ дѣтей ея необузданный мальчикъ бывалъ всегда самымъ тихимъ. Зато онъ отводилъ душу въ игрѣ со своими пріятелями: это были дикія игры, по бóльшей части — игра въ разбойниковъ и жандармовъ, причемъ Фрида не отставала отъ мальчиковъ. Какъ сверкали глаза у Вольфа, атамана разбойниковъ, когда ему удавалось повалить на землю жандарма—Ганса Флеббе—и тотъ нѣкоторое время оставался безъ движенія, представляясь убитымъ!

— Я застрѣлилъ его!—съ гордостью заявлялъ онъ матери.

Они играли на пустопорожнемъ мѣстѣ, рядомъ съ виллою, и, привлеченная ихъ дикими криками и свистомъ, Кэте подошла къ окну и позвала мальчика, который прибѣжалъ, весь запыхав-

шись; съ лица у него струился потъ, бѣлая блуза была въ грязи, а на панталонахъ красовалась большая треугольная дыра. Боже, на что̀ онъ похожъ! Она отерла ему лобъ, но онъ, дрожа отъ нетерпѣнія, сталъ вырываться у нея изъ рукъ: вѣдь она не знаетъ—товарищи ждутъ его за кустами, они не смѣютъ выйти, покуда не вернется атаманъ...

На бѣду Вольфа вошелъ отецъ и, увидѣвъ, какъ мальчикъ отбивается руками и ногами, пришелъ въ негодованіе и, схвативъ его за шиворотъ, заставилъ его просить у матери прощенія, что̀ Вольфъ исполнилъ неохотно и безъ всякихъ признаковъ раскаянія. Онъ былъ обиженъ и не понималъ, за что его ругаютъ и запрещаютъ ему играть!

— Такъ не просятъ прощенія!—вспылилъ Шлибенъ.—Повтори еще разъ.

Мальчикъ повторилъ.

— А теперь обѣщай, что ты не будешь такъ вести себя? Ну? Скажи: милая мама, я обѣщаю...

Ни слова, ни звука.

— Это что̀ же такое?—Шлибенъ встряхнулъ мальчика, но тотъ упрямо сжалъ губы и метнулъ исподлобья взоръ на отца.

Фрау Кэте уловила этотъ взглядъ. Боже, это былъ взглядъ—той женщины!

Она обняла мальчика: не надо его раздражать... Она ближе притянула его къ себѣ и закрыла ладонью ему глаза, чтобы онъ такъ не смотрѣлъ на нее, между тѣмъ какъ ея глаза молили мужа: „Уйди, уйди, прошу тебя!“

Онъ повиновался, но съ неудовольствіемъ покачалъ головою. „Избалуетъ она себѣ на горе этого остолопа!“—Онъ прошелъ въ кабинетъ и даже заперъ за собою дверь.—„Отдохнуть не дадутъ человѣку!“

Шлибенъ взялся за газету, но нѣжный, молящій голосъ жены раздражалъ его. Очень нужно такъ нѣжничать послѣ всего, что̀ мальчишка себѣ позволилъ! Молчитъ онъ что-ли? Кажется, она цѣлуетъ его, голосъ ея замеръ въ нѣжномъ шопотѣ... Но это что̀ такое? Тихій плачъ? Совсѣмъ не похоже на грубоватый мальчишескій голосъ Вольфа. Да, это онъ плачетъ—теперь уже громко, и среди рыданій можно разобрать слова:—„Но я долженъ былъ застрѣлить его... Вѣдь онъ — жандармъ!“

Когда, спустя нѣкоторое время, Шлибенъ вошелъ въ комнату, онъ нашелъ Кэте одну у окна. Она отпустила мальчика играть. Играть? Вмѣсто того, чтобы отправить его заниматься? Это уже не просто дѣтская шалость, какъ забрасываніе ранца на сосну,

это — безобразіе. Но она все готова ему извинить, все!—Къ чему это приведетъ его?

— Вотъ къ чему!—Кэте указала на мужа и на себя.

— Что такое? Пожалуйста, не говори загадками!

— Если ты не понимаешь сердцемъ, что же я могу сказать тебѣ въ поясненіе?

Что за безсмысленный страхъ передъ тѣмъ, что прошло и было позабыто? Почему она постоянно вызываетъ призракъ его матери? Вольфъ живетъ въ самой благопріятной обстановкѣ. Къ чему можетъ онъ стремиться, о чемъ тосковать? Онъ и не подозрѣваетъ о томъ, что его настоящее мѣсто—не здѣсь.

Шлибенъ закурилъ сигару—лучшаго сорта, изъ тѣхъ, которыя обыкновенно предлагались гостямъ. Какъ воспитывать подобнаго ребенка? Разумѣется, не такъ, какъ это дѣлаетъ Кэте. Удивительно, что присутствіе одного мальчугана переворачиваетъ весь домъ вверхъ дномъ. Положимъ, онъ доставилъ имъ ранѣе много пріятныхъ часовъ. Къ этому дивану онъ совершилъ свою первую прогулку и съ крикомъ восторга впервые самъ взобрался къ отцу на колѣно... Теперь онъ начинаетъ проявлять нѣкоторую самостоятельность. Что же? Въ сущности это—въ порядкѣ вещей. Надо быть снисходительнѣе. Всѣ они, мужчины, были въ свое время мальчиками.

Сигара погасла. Шлибенъ и не думалъ раскуривать ее. Онъ вспомнилъ свое дѣтство. Положа руку на сердце,—развѣ онъ не шумѣлъ, не проказничалъ, не пачкался, не рвалъ штановъ, не продѣлывалъ болѣе чѣмъ достаточно разныхъ глупыхъ шутокъ? Онъ вспомнилъ наставленіе матери и слова отца:—Все прощается, кромѣ лжи!—А Вольфъ не былъ лжецомъ. Онъ просто былъ непослушнымъ мальчишкой, а это случается и съ хорошими дѣтьми. Бросивъ сигару, отецъ пошелъ искать его.

Онъ нашелъ всѣхъ четверыхъ за игрою въ лагерь. Они развели огонь въ углу пустыря, подъ прикрытіемъ вѣтвей, свѣшивавшихся изъ сосѣдняго сада. У Фриды былъ въ передникѣ картофель, который предполагалось испечь въ золѣ, но костеръ не желалъ разгораться, хотя Вольфъ, лежа на животѣ, всѣми силами старался раздуть его.

— Не горитъ?—спросилъ, неслышно подойдя, Шлибенъ.

Вольфъ вскочилъ на ноги и изъ розоваго сдѣлался блѣднымъ; его круглое личико вытянулось, взоръ омрачился, отчего онъ сразу словно постарѣлъ.

— Надо идти домой?—спросилъ онъ жалобно.

Шлибенъ, дѣйствительно, пришелъ увести его,—но какъ уйти

ранѣе, чѣмъ поспѣетъ картофель? Ничего не отвѣчая, онъ нагнулся, но такъ какъ это было неудобно, онъ сталъ на колѣни и принялся раздувать слабо потрескивавшій огонекъ изо всей силы своихъ здоровыхъ легкихъ. Посыпались искры, и скоро огонекъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ.

Поднялся крикъ восторга. Фрида запрыгала, косы ея развѣвались.—Горитъ! Горитъ!—Гансъ и Артуръ также заскакали на одной ногѣ и, захлопавъ въ загрязненныя ладони, принялись кричать:—Горитъ! Горитъ!

— Тише, дѣти! — воскликнулъ Шлибенъ, котораго позабавилъ ихъ восторгъ. — Тащите сюда хворосту, только сухого... Живо! — скомандовалъ онъ, охваченный желаніемъ не дать погаснуть этому то высоко поднимавшемуся, то низко стлавшемуся по землѣ огоньку. Онъ дулъ на хворостъ, шевелилъ его, вѣтеръ гналъ ему дымъ въ лицо и ѣлъ глаза; онъ кашлялъ, но упорно продолжалъ свое дѣло, не обращая даже вниманія на свѣтло-зеленыя пятна на своихъ панталонахъ и на то, какъ удивились бы прохожіе, увидѣвъ г. Пауля Шлибена за подобнымъ занятіемъ. Ему самому нравилось разводить огонь для картофеля подъ этимъ блѣдно-голубымъ осеннимъ небомъ, по которому плыли облака, а ниже — рѣяли ласточки.

Дѣти таскали хворостъ. Вольфъ бралъ вѣтки и ломалъ ихъ о колѣно. Огонь совсѣмъ разгорѣлся и распространялъ теплоту,—можно было погрѣть руки,—право, оказывалось превесело; а какъ отрадно было слѣдить за поднимающимся кверху въ видѣ облачка дымкомъ, пронизаннымъ солнечнымъ свѣтомъ! Картофель зарыли въ горячую золу, и дѣти уже столпились кругомъ, ожидая, когда поспѣетъ первая картофелина.—Не правда ли, какъ вкусно пахнетъ?—Шлибенъ поднялся, похлопалъ себя по колѣнямъ и уже собирался уходить. Онъ ощутилъ почти сожалѣніе. Но не годится оставаться здѣсь долѣе. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, скажутъ люди?

Онъ выбралъ уединенную тропинку, избѣгая встрѣчъ, но вдругъ услышалъ позади себя шаги.

— Вольфъ? Ты зачѣмъ?

Темные глаза мальчика жалобно взглянули на него.

— Развѣ ты также идешь домой?

Отъ сосенъ струился смолистый ароматъ, воздухъ былъ такъ чистъ, такъ легко дышалось въ лѣсу. Бѣлыя нити, похожія на вязанье эльфовъ, тянулись отъ вѣтки къ вѣткѣ, солнце уже не жгло и отъ увядающихъ кустовъ поднимался горьковатый запахъ.

Пауль перевелъ духъ. Онъ помолодѣлъ на десять, нѣтъ, на двадцать лѣтъ.

— Ну, маршъ назадъ!—сказалъ онъ.

Мальчикъ глядѣлъ, не понимая.

— Бѣги!—повторилъ онъ и улыбнулся.

Вольфъ испустилъ такой громкій, ликующій крикъ, что товарищи, не зная, въ чемъ дѣло, издали отвѣтили ему тѣмъ же.

Темные глаза мальчика, любившаго свободу, свѣжій воздухъ, бѣготню, вспыхнули. Онъ глубоко перевелъ духъ, словно съ груди его свалилось бремя, и стрѣлою пустился обратно черезъ поле.

Шлибенъ вернулся домой. Онъ не хотѣлъ говорить Кэте, гдѣ онъ былъ, но она уже стояла у окна съ тревожнымъ вопросомъ въ глазахъ. По лицу его она увидѣла, что онъ не сердится.

Онъ кивнулъ ей головою; а когда горничная спросила его, не знаетъ ли онъ, гдѣ мальчикъ,—она уже три раза приносила и уносила подогрѣтое молоко,—онъ отвѣтилъ ей, словно извиняясь:

— Ну, ничего, Лизбета, подогрѣйте въ четвертый. Ему полезно побѣгать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Фрида Лемке праздновала десятый годъ своего рожденія.

— Если ты придешь, будетъ сладкій пирогъ съ изюмомъ,— сказала она своему другу Вольфу, и тотъ цѣлый день приставалъ къ матери, чтобы она позволила ему идти въ гости. Почему она не хочетъ, чтобы онъ шелъ?

Почему, дѣйствительно? Сказать ему, что Фрида ей не нравится? Но дѣвочка всегда была чисто одѣта, учтиво присѣдала, сами Лемке были вполнѣ приличными людьми, только дѣти ихъ зимою и лѣтомъ постоянно бѣгали по улицѣ. Не казалось ли ей, что сама улица является ей въ образѣ этой не по годамъ развитой, со вздернутымъ носомъ дѣвчонки? Нѣтъ, ему не слѣдуетъ идти къ этимъ людямъ, дышать атмосферою швейцарской.

— Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты пошелъ туда,—сказала она. Въ виду его умоляющихъ глазъ, у нея не хватило духу сказать:—Я не хочу!

Онъ прекрасно оцѣнилъ это преимущество и неумолимо настаивалъ на своемъ желаніи. Онъ будетъ такъ скучать, если она не позволитъ ему, ничто уже не доставитъ ему удовольствія... Онъ такъ станетъ ее любить, если она его отпуститъ! Ему такъ хочется идти!...

Шлибенъ былъ иного мнѣнія. Мальчику не мѣшаетъ познакомиться съ различными слоями общества. Онъ и самъ въ его годы бывалъ у простыхъ людей. Что же тутъ дурного?

Кэте хотѣла сказать: для тебя это не представляетъ опасности, но одумалась и не сказала. Къ чему надоѣдать ему своими вѣчными, ни на чемъ не основанными, страхами и сомнѣніями? Она подумала съ нѣкоторою горечью, что теперь онъ уже не такъ чутко понималъ каждое ея душевное движеніе,—или, можетъ быть, она перестала понимать его? Но вѣдь онъ все же былъ ея вѣрный, дорогой мужъ, котораго она любила больше всего на свѣтѣ; нѣтъ, любила такъ же, какъ своего Вольфа. Вокругъ мальчика, какъ земля вокругъ солнца, вращалась вся ея жизнь.

Иногда она не безъ изумленія поглядывала на мужа, дивясь перемѣнѣ въ его наружности. Не то чтобы къ его солидной осанкѣ не шла эта начинающаяся полнота; наоборотъ, она гармонировала съ его годами, съ серебряными нитями, начинавшими проглядывать въ его бородѣ и на вискахъ, но удивительно, что изъ него вышелъ такой практическій человѣкъ... Теперь онъ не взялъ бы изъ степи чужого ребенка, не принялъ бы его какъ даръ изъ сказочнаго міра. Измѣнилась ли она сама за эти годы? Не особенно. Она сохранила свою стройную дѣвическую фигуру, прежній оттѣнокъ волосъ и ея нѣжная кожа легко окрашивалась румянцемъ. Она еще сохраняла наружную моложавость, но въ душѣ она ощущала по временамъ сильную усталость. Отъ хлопотъ съ Вольфомъ у нея кружилась голова. Будь она моложе на пятнадцать, десять лѣтъ—она такъ не чувствовала бы, сколько силъ уходитъ у матери на ребенка.

Боже, какая неистощимая безудержная сила таилась въ немъ! Кэте изумлялась, чувствовала себя сбитою съ толку, истощенною. Казалось, онъ не зналъ усталости. Съ шести часовъ онъ былъ уже на ногахъ и рвался изъ дому туда, на просторъ, на свѣжій воздухъ. Еще до зари онъ начиналъ метаться; онъ спалъ въ сосѣдней комнатѣ, и дверь ея, несмотря на убѣжденія Шлибена, оставалась на ночь открытою. Иногда Вольфъ начиналъ стонать или говорить во снѣ самъ съ собою, и тогда Кэте босикомъ прокрадывалась къ его постели и прислушивалась къ его непонятному бормотанью. О чемъ онъ бредилъ? Она оправляла на немъ одѣяло, лобъ его былъ влаженъ, онъ стоналъ. Какъ страшно быстро онъ росъ! Какъ бы она хотѣла увидѣть выраженіе его лица! Но она не смѣла зажечь свѣчу, такъ какъ мужъ спросилъ бы ее: „Что ты тамъ дѣлаешь?“ Да и Вольфъ проснулся бы и спросилъ: „Чего тебѣ?“ Кэтэ нагибалась къ нему,

чувствуя его жаркое дыханіе на своемъ лицѣ, и шептала чуть слышно: „Мама здѣсь! Мама съ тобою!“ Но онъ поворачивался спиною, и она сознавала, что онъ — не здѣсь, не съ нею. Не искала ли во снѣ его душа ту незнакомую отчизну, которая съ невѣдомою силой влекла ее къ себѣ?

Послѣ такихъ ночей Кэте чувствовала на себѣ по утрамъ тревожный взглядъ мужа, и гребень, расчесывавшій ея густые волосы, дрожалъ въ ея рукѣ. Шлибену снова приходилось жаловаться доктору Гофману на нервы жены, и тотъ принималъ озабоченный видъ. Все это изъ-за мальчишки. Онъ ее мучаетъ.

— Смотри ты у меня! — погрозилъ Шлибенъ мальчику: — мама изъ-за тебя постоянно разстраивается.

„Разстраивается?“ — Вольфгангъ надулся. Онъ самъ разстроенъ, потому что его не пускаютъ къ Лемке.

— Ну, ступай! — сказала послѣ завтрака Кэте. Она даже съѣздила въ Берлинъ и привезла оттуда красивую, въ розовомъ платьѣ, куклу, у которой были бѣлокурые локоны и закрывающіеся глаза.—Подари ее Фридѣ... Осторожнѣе, не разбей.

Вольфъ очень обрадовался, что онъ принесетъ Фридѣ подарокъ, и въ порывѣ признательности и радостнаго возбужденія—онъ былъ вообще врагомъ всякихъ нѣжностей—подставилъ матери лицо для поцѣлуя. Положимъ, поцѣлуй длился дольше, нежели ему было пріятно, и Кэте сознавала это, но она все же была рада и отпустила его съ улыбкою, отъ которой просвѣтлѣло все ея лицо.

— Только вернись домой засвѣтло! — крикнула она ему вслѣдъ. Слыхалъ ли онъ? Мальчикъ умчался съ быстротою оленя; вѣтеръ сорвалъ съ него матросскую шляпу, повисшую у него на шеѣ, но онъ летѣлъ съ непокрытою головою. Что влекло его съ такою силою къ этимъ людямъ? Улыбка исчезла съ лица Кэте, и она отошла отъ окна.

Вольфгангъ былъ счастливъ. Онъ сидѣлъ у Лемке въ каморкѣ, гдѣ за ситцевымъ пологомъ помѣщалась кровать родителей; Фрида спала тутъ же на диванѣ, а Артуръ—въ чуланчикѣ, въ которомъ хранились метлы и лопата отца. Въ комнатѣ было тепло и уютно; къ нѣжному благоуханію мѣсячной розы, гвоздики, мирты и герани, бывшихъ еще въ цвѣту и украшавшихъ собою окошко, приходившееся почти на уровнѣ съ землею, примѣшивался запахъ кофе, варившагося въ эмальированномъ кофейникѣ. Дома Вольфу не давали кофе, а здѣсь онъ, подражая другимъ, пилъ его съ удовольствіемъ. Ни одинъ тортъ не казался ему такимъ вкуснымъ, какъ этотъ сладкій пирогъ, больше

походившій на простую булку, и когда фрау Лемке предложила ему, какъ почетному гостю, второй кусокъ, онъ взялъ его съ сіяющимъ лицомъ.

Фрау Лемке была польщена посѣщеніемъ Вольфа. Кукла произвела на нее мало впечатлѣнія, и она убрала ее въ шкафъ.— „Что ты за барышня такая, чтобы каждый день въ куклы играть? Зря деньги потрачены". Но позднѣе, когда Лемке вернулся домой, куклу достали изъ шкафа, чтобы показать ему. „Франтиха какая! Мамаша Вольфганга прислала ее Фридѣ ко дню рожденія"...

— Посмотри-ка, Лемке, кружево какое у нея на юбкѣ... Точно у Фриды на крестильномъ ея платьицѣ, помнишь? Съ первымъ ребенкомъ всегда носишься, думаешь, онъ—и нивѣсть что! А какъ время-то идетъ! Вотъ ей ужъ и девять годочковъ стукнуло.

— Десять,—поправила Фрида:—мнѣ сегодня десять исполнилось, мама.

— Десять и есть! — Фрау Лемке покачала головою и разсмѣялась своей забывчивости.—Помнишь, Лемке, какъ она родилась?

Мужъ налилъ себѣ кофе изъ неистощимаго кофейника.

— Какъ не помнить? Надѣлала она тогда переполоху. Теперь, черезъ десять лѣтъ, даже не вѣрится.

— Ну, проживи я хоть сто лѣтъ, а этого дня не забуду!— И фрау Лемке принялась разсказывать, какъ вотъ въ такое же время, около четырехъ часовъ, она собиралась варить кофе— жили они тогда въ городѣ, на пятомъ этажѣ—и вдругъ ее схватили боли. Она сейчасъ же—къ галстучницѣ: „пошлите, молъ, вашу дѣвочку къ Вальднершѣ, № 10 по Госпитальной улицѣ, она уже знаетъ"... И тутъ ей такъ худо сдѣлалось—еле свели ее наверхъ... Мучилась она, мучилась — такъ кричала, что на третьемъ дворѣ слышно было. И вечеръ прошелъ, и ночь, и утро, шесть часовъ, семь часовъ пробило... И вотъ наконецъ около девяти Вальднерша говоритъ...

— Послушай, мать,—прервалъ Лемке, мигнувъ въ сторону дѣтей, слушавшихъ съ разинутыми ртами,—все это ужъ было да прошло.

— Ровно въ одиннадцать она родилась,—задумчиво проговорила фрау Лемке и перевела духъ, словно она поднялась на высокую гору. Размягченная воспоминаніями, она неожиданно притянула къ себѣ и поцѣловала пораженную подобною нѣжностью Фриду, которая посмотрѣла на брата и другихъ мальчиковъ и разсмѣялась—сама не зная, чему.

— А теперь — ступайте играть!

На улицѣ было свѣтло, вѣтеръ — свѣжій, солнце радостно свѣтило, гдѣ-то вдали взвивался къ небу бумажный змѣй. Прохожіе встрѣчались изрѣдка, экипажей совсѣмъ не попадалось на встрѣчу. Улица принадлежала имъ однимъ.

Сегодня Вольфъ, у котораго упорно засѣла въ головѣ какая-то мысль, выразилъ желаніе быть жандармомъ; онъ игралъ какъ-то вяло и пришелъ въ себя лишь во время схватки съ Гансомъ Флеббе, который расцарапалъ ему лицо и вырвалъ изъ головы клокъ волосъ. Артуръ, засунувъ руки въ карманы штановъ, подзадоривалъ бойцовъ, а Фрида, смѣясь, скакала на одной ножкѣ, причемъ бѣлокурая косичка моталась изъ стороны въ сторону у нея на спинѣ. Но вдругъ смѣхъ ея изъ веселаго сдѣлался смущеннымъ. Гансъ, бывшій старше Вольфа на нѣсколько лѣтъ, подмялъ его подъ себя и тузилъ кулакомъ по лицу.

— Флеббе! Стой!—Она потянула его за блузу, но такъ какъ это не помогло, она ловко подставила ему ногу. Гансъ споткнулся, и Вольфъ, воспользовавшись этимъ, опрокинулъ его и принялся обрабатывать кулаками въ свой чередъ. Это уже не была обыкновенная игра; у Вольфа лицо пылало какъ въ огнѣ, ссадина шла у него отъ виска до подбородка, изъ глазъ его, буквально, сыпались искры. Слабосильный Артуръ хотѣлъ-было схватить его за ноги, но былъ отброшенъ въ сторону сильнымъ толчкомъ. Вольфъ, пылая гнѣвомъ, обернулся къ нему. Это былъ не благовоспитанный, чисто одѣтый „господскій" ребенокъ, но грубая, необузданная, первобытная сила. Онъ тяжело дышалъ и хрипѣлъ... Вдругъ раздался окликъ:

— Вольфгангъ, Вольфгангъ!

— Мать зоветъ,—сказала Фрида,—ваша дѣвушка ждетъ у двери.

Фрау Лемке, улыбаясь, успокаивала недовольную Лизбету: дѣти заигрались. Но, увидѣвъ запачканный костюмъ Вольфа и кровавую ссадину на его щекѣ, она покраснѣла и принялась чистить его. Хорошо напроказили, нечего сказать! Она попыталась защитить его передъ Лизбетою, смотрѣвшею на все съ молчаливымъ негодованіемъ. Дѣти всегда останутся дѣтьми! На прощанье она ласково провела своею загрубѣлою отъ работы рукою по его царапинѣ:—До свадьбы заживетъ, такъ что-ли, Вольфгангъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ искренно; въ ея взглядѣ онъ увидѣлъ столько дружескаго пониманія, что у него явилось къ ней теплое чувство.

Лизбета ворчала дорогою, что ему велѣно было вернуться засвѣтло, но онъ не обратилъ на это вниманія: вретъ по обыкновенію. Оказалось однако, что мать ждала его; на столѣ былъ приготовленъ его ужинъ: яйцо, бутербродъ съ ветчиною, молоко въ серебряной кружкѣ; сама она сидѣла насупротивъ, сложивъ руки на бѣлой скатерти и нетерпѣливо сдвинувъ брови.

Висячая лампа ярко освѣщала столъ и свѣтлые волосы Кэте, но лицо ея не казалось отъ этого свѣтлѣе. Мать была въ нарядномъ шолковомъ съ кружевами платьѣ; ея шея и руки были чуть прикрыты прозрачною тканью. Мальчикъ вспомнилъ, что ей надо было ѣхать сегодня въ городъ къ знакомымъ, гдѣ отецъ, не обѣдавшій дома, условился съ нею встрѣтиться. Вотъ почему ему слѣдовало вернуться ранѣе. Точно онъ не сумѣетъ самъ лечь въ постель!

— Какъ ты поздно!

— Почему же ты не уѣхала?—спросилъ онъ.

— Ты знаешь, дитя, я не могу быть спокойна, когда я не знаю, дома ли ты.

Какая она смѣшная! Украдутъ его что-ли? Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее. Съ голыми плечами и руками она казалась ему чужою въ этомъ платьѣ. Задумчиво прожевывая кусочки хлѣба, онъ постоянно возвращался мысленно къ разсказу фрау Лемке. Какъ *онъ* родился—объ этомъ отецъ съ матерью никогда ему не говорили. Онъ пересталъ ѣсть и среди полной тишины вдругъ проговорилъ:

— Я тоже очень долго не могъ родиться?

— Что такое?.. Кто?.. Ты?..

Она, кажется, не поняла его. Онъ быстро проглотилъ послѣдній кусочекъ и сказалъ ясно и отчетливо:

— Я тоже очень долго не могъ родиться? Съ Фридою это долго тянулось. И ты такъ же кричала, какъ фрау Лемке?

— Я?..—Она покраснѣла до слезъ и затѣмъ очень поблѣднѣла. На мгновеніе она зажмурила глаза, голова ея кружилась, въ ушахъ шумѣло, она хотѣла подняться со стула и—не могла. Дрожащими руками она ухватилась за столъ, но массивная дубовая доска словно качалась, выскальзывала у нея изъ-подъ рукъ. Что говоритъ этотъ мальчикъ? Великій Боже!

Она прикусила губы, перевела духъ и съ усиліемъ проговорила:—Вздоръ! Кончай скорѣе, иди спать!—Голосъ ея звучалъ непривычно рѣзко.

Мальчикъ изумленно взглянулъ на нее.—Почему ты вдругъ

стала такая... гадкая? Даже спросить нельзя!—Онъ сердито отодвинулъ тарелку и пересталъ ѣсть.

Почему она не отвѣтила ему? Развѣ онъ не родился, какъ родилась Фрида,—развѣ мать не радовалась его рожденію? Какъ гадко съ ея стороны, что она ничего не хочетъ ему разсказать!

Въ немъ пробудилось жгучее любопытство. Онъ станетъ думать объ этомъ всю ночь, а между тѣмъ ему очень хотѣлось спать. Кэте увидѣла, какъ омрачилось его лицо. Бѣдный, бѣдный мальчикъ! Что сказали ему эти люди? Безъ сомнѣнія, они внушили ему чувство недовѣрія, быть можетъ возбудили въ немъ страшныя подозрѣнія? Иначе онъ не сталъ бы мучить ее подобными вопросами.

Ужасъ охватилъ ее, руки и ноги ея похолодѣли. Но состраданіе къ нему было сильнѣе ужаса. Бѣдное дитя,—онъ жаждалъ узнать истину о своемъ рожденіи, и она ничего не можетъ, не смѣетъ, не должна сказать ему.

— Вольфъ, — проговорила она, — ты еще слишкомъ малъ. Не теперь, въ другой разъ... Ты этого не поймешь.

— Нѣтъ, теперь, теперь! — онъ схватилъ ее за платье и продолжалъ со свойственнымъ ему упорствомъ:

— Я хочу, я долженъ знать!

— Но, Вольфъ, теперь у меня нѣтъ времени, я должна ѣхать, право я должна... Я ничего не могу тебѣ разсказать.

— Ты не хочешь, а фрау Лемке разсказала своей Фридѣ,— упрямое выраженіе его лица смѣнилось печальнымъ: — ты не любишь меня такъ, какъ фрау Лемке любитъ свою Фриду.

Она его не любитъ? Кэте чуть не вскрикнула. Неужели мальчикъ инстинктивно чувствуетъ какой-то пробѣлъ, отсутствіе той таинственной связи, которая неразрывно соединяетъ родную мать съ ея роднымъ ребенкомъ?

— Вольфъ, — проговорила она нѣжнымъ, дрожащимъ голосомъ, — мой маленькій Вольфъ, — она провела холодною, какъ ледъ, рукою по его горячему лбу, — ты самъ не вѣришь тому, что говоришь. Мы такъ любимъ другъ друга, не правда ли, дитя мое, дорогое мое дитя?..

Она ловила его взглядъ, но онъ отвѣтилъ, глядя въ сторону: —Ты ничего не хочешь разсказать мнѣ!

Это исходитъ не отъ него. Кто-то внушилъ ему подобныя мысли?

— Какая ты смѣшная! — возразилъ онъ въ отвѣтъ на ея вопросъ: — никто не научалъ меня спрашивать. Но я все же очень хотѣлъ бы знать. Самъ не понимаю почему, но это просто мучитъ меня.

Мучитъ его? Уже съ этихъ поръ? Не предчувствіе ли это? Смутныя воспоминанія первыхъ дней дѣтства? Она принудила себя улыбнуться и, подойдя къ нему сзади, положила ему руки на плечи, прильнувъ щекою къ его головѣ. Затѣмъ она заговорила такимъ голосомъ, какимъ разсказываютъ сказку:

— Мы съ папочкой были женаты уже пятнадцать лѣтъ, и намъ очень хотѣлось имѣть маленькую дѣвочку или маленькаго мальчика. И вотъ однажды мнѣ стало очень грустно, такъ какъ у всѣхъ женщинъ были уже дѣтки, а только у меня не было... Я долго ходила по полю, и вдругъ я услышала голосъ... нѣтъ, голосокъ, доносившійся прямо съ неба... Я услышала его и... и...

Она запнулась и остановилась, не зная, какъ продолжать.

— Ну и что же дальше?..—прервалъ онъ нетерпѣливо.— Говори скорѣе... Ну?

— И на другой день ты уже лежалъ въ своей колыбелькѣ,— поспѣшно и неловко закончила она почти неслышнымъ голосомъ.

— И это—все?.. Онъ освободился изъ ея объятій и, обернувшись, посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Ну и мы... мы очень радовались...

— Какъ глупо!—воскликнулъ онъ обиженно:—вовсе не такъ родятся! Фрау Лемке разсказывала совсѣмъ по другому. Ты и сама не знаешь, какъ это бываетъ?—Онъ съ сомнѣніемъ глядѣлъ на нее.

Она избѣгала его взгляда, но этотъ вопрошающій взглядъ проникалъ до глубины ея души. Она стояла передъ нимъ обманщицей и не знала, что сказать.

— Ты ничего не знаешь,—повторилъ онъ съ горькимъ разочарованіемъ и поплелся къ двери.

Она не остановила его для того, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Что она отвѣтитъ ему, когда онъ станетъ мужчиною и съ полнымъ сознаніемъ своихъ правъ предложитъ ей тотъ же вопросъ, потребовавъ на него отвѣта?

IX.

Дружбѣ съ Лемке были поставлены границы,—Вольфу запретили ходить къ нимъ. Кэте почувствовала нѣчто вродѣ ревности къ этой женщинѣ, не стѣснявшейся говорить Богъ знаетъ о чемъ передъ дѣтьми... Теперь фрау Лемке уже не могла похвастаться привѣтливымъ поклономъ, которымъ изящная дама

отвѣчала прежде на ея почтительный книксенъ: Кэте перестала замѣчать ее.

Встрѣтивъ однажды Вольфа, фрау Лемке спросила его: чѣмъ они обидѣли его мамашу? Почему онъ не заходитъ къ нимъ? Или онъ поссорился съ Артуромъ и Фридою? Только этого не можетъ быть. Мать не пускаетъ его. Конечно, онъ—господскій сынъ, а они—швейцарскія дѣти...

Къ ея добродушному тону примѣшивалась нѣкоторая обидчивость. Мальчикъ сильно покраснѣлъ, и хлыстикъ, который онъ держалъ въ рукѣ, со свистомъ разрѣзалъ воздухъ.

— Я вижу, ты не смѣешь? Ну, и Богъ съ вами!—Она повернулась, чтобы уйти, но выраженіе глазъ мальчика приковало ее къ мѣсту. — Нѣтъ, сынокъ, ты нипричемъ тутъ, я знаю. А она не говорила, почему тебѣ нельзя играть съ моими? У Фриды какъ-разъ чудный мячикъ есть: верхняя барыня подарила.

Глаза мальчика загорѣлись. Онъ съ такою силою отшвырнулъ ногою камешекъ, что тотъ отлетѣлъ на другую сторону улицы.—А все-таки я буду играть съ ними!

— Ну, ну, не надо быть такимъ упрямымъ. Надо слушаться мамашу... Видитъ Богъ, мы тебя любили, но такъ всегда бываетъ съ богатыми людьми: сначала водятъ дружбу, а потомъ...

Мальчикъ схватилъ ее за руку, и, нагнувшись къ нему, она испугалась, замѣтивъ слезы у него на глазахъ.—Полно, полно, Вольфъ... Ради Господа Бога, не плачь, не стоитъ того...

Своимъ грубымъ синимъ передникомъ — она только-что стирала—фрау Лемке отерла ему глаза и щеки и провела рукою по густымъ волосамъ, стоявшимъ ежикомъ на его круглой головѣ; а онъ, избѣгавшій всякихъ нѣжностей, принималъ эти ласки на улицѣ среди бѣла-дня.

— Я приду къ вамъ въ подвалъ, фрау Лемке. Пусть говоритъ, что хочетъ. Я приду къ вамъ.

И онъ не убѣжалъ, по своему обыкновенію, въ припрыжку, но ушелъ медленно и задумчиво, и женщина, провожая его глазами, подумала: „до чего онъ выросъ!“

Фрау Кэте пришлось выдержать тяжелую борьбу. Вольфъ добился того, чтобы дѣтямъ разрѣшили приходить къ нему — хотя бы только въ садъ. Это была настоящая борьба между нимъ и матерью, безъ сценъ, безъ рѣзкихъ словъ, безъ приказаній съ ея стороны и просьбъ со стороны мальчика, но тѣмъ серьезнѣе была эта нѣмая борьба. Кэте чувствовала, что сопротивленіе его росло и росло, дойдя чуть не до отвращенія къ ней. Или, можетъ быть, это лишь казалось ей. Она ощущала по-

требность поговорить объ этомъ съ мужемъ, но опасалась его насмѣшливой улыбки, его неопредѣленнаго упрека. Еще на дняхъ онъ какъ-то сказалъ: „трудно воспитывать своего собственнаго ребенка, не только...“ Нѣтъ, онъ никогда не долженъ говорить: чужого. Это — не чужое дитя, онъ — ея собственный любимый сынъ.

Она уступила Вольфу и рѣшила быть ласковой съ дѣтьми, стоившими ей немало тайныхъ слезъ,—такою ласковой, что ихъ уже не потянетъ отсюда на улицу; здѣсь они будутъ играть подъ ея надзоромъ. И все же, раскладывая по кустамъ пестрыя яички для игры и разные сюрпризы,—друзья Вольфа были приглашены къ нему на Пасхѣ, — она ощутила въ сердцѣ нѣчто вродѣ гнѣва. Придутъ сюда эти невоспитанныя дѣти, растопчутъ своими грубыми сапогами старательно раздѣланныя клумбы, на которыхъ изъ-подъ сѣти виноградника уже проглядываютъ почки гіацинтовъ и выходятъ изъ земли тюльпаны. Жаль, что не удастся мирно насладиться первымъ настоящимъ весеннимъ днемъ, прислушиваясь къ пѣнію малиновки! А они еще „упирались“. Кучеръ Флеббе—тотъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, какъ нужно себя держать, а Лемке не захотѣли сначала придти. Пришлось два раза посылать за ними Лизбету; та вернулась совершенно возмущенною. „Что только подобные люди воображаютъ о себѣ!“ Но Вольфъ такъ порывисто обнялъ мать, когда она позволила ему позвать дѣтей, что Кэте сѣла и написала „многоуважаемой фрау Лемке“, прося ее отпустить дѣтей играть въ яйца.

И вотъ они явились. Молча и неподвижно стояли они, принаряженные въ свои лучшіе костюмы, и даже не глядѣли на клумбы. Кэте всегда думала, что она умѣетъ разговаривать съ дѣтьми; она похвалила пестрое клѣтчатое платье Фриды, взяла въ руку ея косу и сказала: „какая толстая!“; обратила вниманіе на ярко вычищенные сапоги Артура и напомаженные волосы Флеббе. Раздѣленные проборомъ посрединѣ, они казались наклеенными надъ его цвѣтущею лакейской физіономіей. Но въ отвѣтъ на всѣ свои любезности Кэте слышала лишь: „да“ и „нѣтъ“.

Дѣти чувствовали себя стѣсненными, въ особенности—Фрида, угадывавшая принужденность этихъ дружелюбныхъ вопросовъ. Она невольно понижала свой звонкій голосъ, и мальчики, подражая ей, смотрѣли въ землю и фыркали носами, не смѣя употребить своихъ носовыхъ платковъ.

Кэте была въ отчаяніи. Что за удовольствіе находилъ Вольфъ въ обществѣ подобныхъ товарищей? Игра у нихъ не клеилась,

даже яицъ отыскивать они не умѣли. Усталая и раздраженная, Кэте вернулась въ домъ, но едва переступила она порогъ своей комнаты, какъ вслѣдъ ей раздался изъ сада звонкій, рѣзкій крикъ, напоминавшій крикъ летящей ласточки. Такъ кричатъ дѣти на открытомъ воздухѣ, и она когда-то жадно внимала этимъ крикамъ, но теперь въ ней шевельнулось горькое чувство: для того, чтобы дѣти развеселились, нужно было, чтобы она ушла.

Подойдя къ окну, Кэте стала смотрѣть въ садъ. Какъ они бѣгали, рѣзвились, хохотали, прыгали, скакали! Они играли въ догоняшки. Фрида, какъ ласка, скрывалась въ кустахъ, затѣмъ съ рѣзко звенящимъ смѣхомъ выскакивала оттуда и снова исчезала. Вольфгангъ дико несся за нею; онъ не обращалъ вниманія на то, что безжалостно топчетъ любимыя куртины матери,—онъ думалъ лишь о томъ, чтобы перерѣзать дорогу проворной Фридѣ. Двое другихъ послѣдовали за нимъ. Какъ доставалось отъ нихъ клумбамъ! Трое мальчиковъ ловили дѣвочку, бѣлокурая косенка ея развѣвалась при солнечномъ свѣтѣ, какъ золотой шнуръ. Она мелькала то здѣсь, то тамъ, но вотъ Вольфгангъ поймалъ ее и испустилъ торжествующій крикъ. Фрида попробовала освободить косу, но мальчикъ крѣпко держалъ ее; тогда она съ быстротою молніи обернулась и, смѣясь во весь ротъ, сама крѣпко обхватила его руками за талію, словно она его поймала, а не онъ ее. Это было совершенно невинное дѣтское движеніе, но Кэте покраснѣла и нахмурилась. Вотъ каковы эти уличныя дѣвчонки! И она снова вышла въ садъ, ненавидя эту дѣвочку, уже пытавшуюся завлекать ея Вольфа.

Если Кэте ожидала, что, по уходѣ нагруженныхъ подарками дѣтей, Вольфгангъ станетъ бурно благодарить ее, то она ошиблась; ей самой пришлось спросить его:—Ну, что, весело было?

— Ничего.

Вечеромъ, когда онъ цѣловалъ ей руку, что дѣлалось по желанію отца, она почувствовала, какъ холоденъ былъ его поцѣлуй, и не удержалась, чтобы еще разъ не спросить его:—Развѣ тебѣ не было весело?—И онъ откровенно отвѣтилъ.—Какъ только становилось весело, ты сейчасъ же приходила.

— Ну, хорошо, я больше не стану вамъ мѣшать!—Она попыталась улыбнуться.

Вольфъ не могъ пожаловаться на мать. Его друзья посѣщали его почти каждый день. Шлибенъ не находилъ ничего дурного въ этой дружбѣ съ дѣтьми „не ихъ круга“. Современемъ она прекратится сама собою, а теперь пріятно видѣть, какъ хорошо Вольфгангъ къ нимъ относится.

„Почему Пауль не хочетъ помочь ей воспитывать мальчика?—спросила себя Кэте,—онъ пересталъ понимать ея желанія, въ немъ уже нѣтъ прежней чуткости...“

Въ дѣйствительности Шлибенъ отказался отъ вмѣшательства, убѣдившись, что слова его разбиваются объ упорство Кэте, не желающей отступиться отъ своихъ принциповъ. Зачѣмъ имъ ссориться? Столько лѣтъ они прожили счастливо, дожили чуть не до серебряной свадьбы—и вдругъ этотъ мальчуганъ, еще не умѣвшій правильно писать, внесетъ разладъ въ ихъ отношенія? Пусть Кэте балуетъ его покуда; современемъ ему понадобится болѣе твердая рука. Къ счастію, у мальчугана правдивая натура.

Шлибенъ былъ доволенъ Вольфомъ. Мальчикъ не принадлежалъ къ числу первыхъ учениковъ, но шелъ въ серединѣ класса; если изъ него не выйдетъ ученаго—и это не бѣда, будущность его обезпечена. Шлибенъ уже рѣшилъ про себя, что, по окончаніи мальчикомъ курса, онъ отправитъ его на годъ во Францію, въ Англію, быть можетъ—въ Америку, гдѣ тотъ поступитъ ученикомъ въ одинъ изъ крупныхъ торговыхъ домовъ, чтобы ознакомиться съ дѣломъ, а затѣмъ отецъ сдѣлаетъ его компаньономъ ихъ собственной фирмы. Ему даже улыбалась мысль имѣть въ его лицѣ молодого помощника: у Вольфганга—широкія плечи, онъ обѣщаетъ быть выносливымъ въ работѣ. Еслибы только Кэте не терзалась понапрасну, не требовала отъ мальчика того, чего онъ не можетъ дать! Порою, встрѣчая взглядъ Вольфа, словно искавшаго у него поддержки, Шлибенъ успокоительно улыбался ему. Да, съ Кэте нелегко бываетъ ладить.

Докторъ Гофманъ предписалъ Кэте поѣздку въ Франценсбадъ; туда мужу не придется, конечно, сопровождать ее, но онъ воспользуется этимъ, чтобы побывать въ Тиролѣ и спустить нѣсколько фунтиковъ лишняго жиру. Пауль убѣдилъ жену оставить мальчика дома: онъ уже не маленькій, ему одиннадцать лѣтъ, пусть пріучается къ самостоятельности. Передъ отъѣздомъ случилось, однако, маленькое затрудненіе: узнавъ, что ее оставляютъ съ Вольфгангомъ, Лизбета заявила съ видомъ оскорбленной королевы, что она проситъ отпустить ее; хотя она прослужила въ домѣ десять лѣтъ и ей очень жаль разстаться съ господами, но она не намѣрена долѣе выносить его дерзостей.

Пришлось взять наскоро другую дѣвушку—высокую, плотную, съ круглымъ, бѣлымъ и румянымъ лицомъ, „деревенщину“ по сравненію съ благовоспитанною Лизбетою. Несмотря на свои

восемнадцать лѣтъ, она уже долго жила на мѣстахъ; до этого она служила въ нянькахъ у управляющаго. Шлибенъ потѣшался надъ нею; она не понимала никакой шутки и все принимала за чистую монету, но съ кухаркою и служителемъ новая горничная поладила, благодаря тому, что оказалась покладливою.

— Можешь спокойно ѣхать, Кэте,—сказалъ Шлибенъ;—недѣль черезъ шесть ты съ Божьей помощью вернешься здоровою, и пожалуйста, чтобы я больше не видѣлъ этой складочки между бровями...

Онъ поцѣловалъ ее, и она отвѣтила на его поцѣлуй,—вѣдь они разставались едвали не впервые. Со времени появленія Вольфа у нихъ въ домѣ, Шлибенъ только одинъ разъ уѣзжалъ на двѣ недѣли. Почему бы, въ сущности, онъ не могъ поѣхать съ нею въ Франценсбадъ, какъ ѣздилъ когда-то въ Спа? Но зачѣмъ объ этомъ говорить, если ему самому оно не пришло въ голову? Да, крылья времени многое уносятъ съ собою. Она вздохнула и тихо отстранила его руку. Вдругъ кто-нибудь войдетъ? „Такіе старые супруги!“—попробовала она пошутить.

Но когда рано поутру передъ домомъ остановилась карета, въ которую положили ея багажъ, и Пауль, помогшій Кэте сѣсть въ экипажъ, помѣстился рядомъ съ нею, она не удержалась, чтобы не сказать:

— Еслибы ты поѣхалъ со мною! Я не могу ѣздить одна.

— Что же ты не сказала ранѣе? Я могъ бы устроить тебя и вернуться назадъ.

Онъ не понялъ ея словъ. „Еслибы ты поѣхалъ со мною“ — значило: „еслибы ты остался тамъ со мною!“

Она съ грустью подняла взоръ на окно комнаты Вольфа, который еще спалъ. Она еще съ вечера простилась съ нимъ, а сейчасъ лишь на минутку заглянула къ нему.

— Кланяйтесь мальчику, — повторяла она стоявшимъ у кареты Фридриху и кухаркѣ.—Берегите его, слышите?

Наверху что-то стукнуло. Она взглянула туда. Мальчикъ высунулъ въ окно темную головку; онъ былъ въ ночной рубашкѣ, щеки его рдѣли отъ сна.

— Прощай, мама, прощай! Поправляйся и пиши мнѣ!

Онъ весело кричалъ ей и кивалъ головою, а за его плечомъ дружелюбно улыбалось круглое, румяное лицо новой горничной Циллы.

Съ нѣм. О. Ч.

КИППСЪ

ИСТОРІЯ ПРОСТОЙ ДУШИ.

H. G. Wells. Kipps. The Story of a Simple Soul. London. 1906.

Окончаніе.

КНИГА ТРЕТЬЯ [1]).

I.

Прошло два мѣсяца—и Киппсъ очутился наверху блаженства, или могъ бы себя чувствовать наверху блаженства по ходу событій. Въ домѣ м-ра Кута и его сестры онъ впервые встрѣтился съ Еленой Уольшингэмъ какъ съ равной. Сначала онъ робѣлъ и отъ неловкости опрокидывалъ чашки съ чаемъ, ронялъ на полъ тартинки съ масломъ; но постепенно онъ освоивался съ своимъ новымъ положеніемъ и рѣшился даже принять любезное приглашеніе Елены и сдѣлать визитъ ея матери. Онъ внимательно прочелъ главу о визитахъ въ своей настольной книгѣ, „Манеры и правила свѣтскаго обращенія", и у него сильно билось сердце, когда онъ очутился у входной двери домика Уольшингэмовъ, одѣтый по всѣмъ правиламъ свѣтскихъ приличій и запасшись темами для корректныхъ свѣтскихъ разговоровъ. Визитъ сошелъ благополучнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ; Елена и ея мать стали говорить съ нимъ настолько просто, что онъ просидѣлъ у нихъ гораздо дольше, чѣмъ полагалось по его книгѣ, и потомъ сталъ уже бывать запросто. Кутъ убѣдилъ

---

[1]) См. выше: іюнь, стр. 703.

Уольшингэмовъ не ѣхать въ Брюгге, какъ они предполагали, а остаться въ Фолькстонѣ на лѣто. Благодаря этому, Киппсъ имѣлъ случай часто видаться съ ними. Его шансы на расположеніе Елены увеличились особенно послѣ одной прогулки, когда онъ и она отдѣлились отъ остальной компаніи — этой привилегіей Киппсъ пользовался во время всѣхъ прогулокъ съ молчаливаго общаго соглашенія — и имъ навстрѣчу попался быкъ, довольно внушительныхъ размѣровъ. Елена испугалась, а Киппсъ обнаружилъ большое хладнокровіе; онъ спокойно сказалъ ей, чтобы она перешла черезъ низкую загородку на сосѣднее поле, а самъ пошелъ навстрѣчу быку. Только когда она уже была въ безопасности на полѣ, онъ отвернулся отъ быка и послѣдовалъ за Еленой. Этотъ инцидентъ, по существу совершенно незначительный, показалъ однако Еленѣ, что Киппсъ во всякомъ случаѣ не трусъ и можетъ составить надежную опору въ жизни женщины. Это впечатлѣніе сказалось въ ея отношеніи къ нему и на обратномъ пути домой послѣ этой прогулки, и во время дальнѣйшихъ совмѣстныхъ экскурсій. Съ каждой новой встрѣчей она относилась къ нему все съ бо̀льшимъ вниманіемъ и симпатіей, и вскорѣ между ними произошелъ рѣшающій разговоръ. Они отправились всей компаніей осматривать одну изъ достопримѣчательностей въ окрестностяхъ Фолькстона—ферму Лимннэ, занимающую старинный рыцарскій замокъ. Ферма славилась прекраснымъ видомъ съ высоты башни на море и на далекіе берега Франціи. Сначала рѣшено было, что всѣ поднимутся на башню. Но м-ссъ Уольшингэмъ испугалась крутой лѣстницы, и сказала, что останется ждать остальныхъ внизу. Подруга Елены, пришедшая съ ними, осталась съ нею, а молодой Уольшингэмъ вмѣстѣ съ Кутомъ пошли покупать папиросы, такъ что Киппсъ очутился на башнѣ вдвоемъ съ Еленой. Она стала молча глядѣть вдаль, а Киппсъ стоялъ рядомъ съ нею, очарованный, и сталъ громко восхищаться видомъ.

— Когда вокругъ такъ красиво, когда я среди такой дивной природы, я чувствую себя такимъ ничтожнымъ! — сказалъ онъ, слегка заикаясь отъ волненія.

Она взглянула на него взглядомъ собственника, какъ всегда, но съ оттѣнкомъ нѣжности.

— Знаете, м-ръ Киппсъ, — сказала она, и въ голосѣ ея уже отразилась необыкновенная участливость, — вы слишкомъ скромны.

Онъ взглянулъ на нее съ радостнымъ изумленіемъ, точно не вѣря своимъ ушамъ.

— Неужели, миссъ Уольшингэмъ, — произнесъ онъ прерывающимся голосомъ,—неужели вы обо мнѣ хорошаго мнѣнія?

— Ну, конечно.

— Господи! Вѣдь вы такая ученая, такая... Скажите, могли бы вы быть мнѣ другомъ и помочь мнѣ?.. Миссъ Уольшингэмъ, скажите, какъ вы ко мнѣ относитесь? Могу я надѣяться на вашу дружбу?

Она долго молчала и потомъ, взглянувъ на него, сказала:

— Вы очень благородный человѣкъ, — сказала она.—Вотъ вы, напримѣръ, такъ добры къ моему брату, и это меня глубоко трогаетъ. Какъ великодушно съ вашей стороны поручить ему свои дѣла, хотя онъ—только начинающій адвокатъ. И вы такъ необыкновенно скромны. Къ тому же я имѣла случай убѣдиться также и въ вашей храбрости — тогда, при встрѣчѣ съ быкомъ.

Взглянувъ внизъ, она сдѣлала знакъ рукой, увидавъ, очевидно, внизу мать, и сказала Киппсу, что пора идти внизъ. Киппсъ повелъ ее внизъ съ машинальной учтивостью, но мысли его были въ полномъ хаосѣ. Онъ чувствовалъ, что судьба его должна рѣшиться въ эту минуту. Онъ пошелъ впередъ, спустился на нѣсколько ступенекъ и протянулъ ей руку, чтобы помочь ей сойти. Задержавъ ея руку въ своей, онъ спросилъ:

— Скажите, у васъ нѣтъ ко мнѣ дурного чувства?

Она долго не отвѣчала, но по ея мягкому, обворожительно улыбающемуся взгляду Киппсъ почти угадывалъ отвѣтъ, и сердце его замерло.

— Обѣщайте мнѣ,— сказала она наконецъ,— что если я буду находить въ васъ много хорошихъ качествъ, вы перестанете ставить себя ни во что.

— Такъ я для васъ не ничто?.. Вы...

Она наклонилась къ нему совсѣмъ близко и сказала тихимъ голосомъ:

— Вы мнѣ нравитесь.

Изумленіе его почти превышало его радость. Онъ спросилъ изъ боязни рокового недоразумѣнія:

— Вы согласны выйти за меня замужъ?

Она посмотрѣла на него, смѣясь, радуясь своему обаянію, своей власти. Онъ ей дѣйствительно показался привлекательнымъ въ эту минуту. Изъ него выйдетъ славный мужъ.

— Ну, да,— сказала она, смѣясь.—Согласна.

Еслибы погруженнаго въ молитвы отшельника вдругъ схватили среди его спокойныхъ молитвъ, такимъ, какъ онъ есть, въ

рубищѣ, и перенесли въ рай, гдѣ онъ очутился бы среди херувимовъ съ ослѣпительно сверкающими крыльями, то состояніе его духа должно было быть именно такимъ, какое испытывалъ въ эту минуту Киппсъ. Его точно насильно ввергли въ міръ блаженства... Онъ крѣпче ухватился за перила, чтобы не упасть отъ волненія, потомъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но не рѣшился. Ни одного слова больше онъ, однако, не могъ произнести. Онъ повернулся къ Еленѣ, и на лицѣ его было выраженіе ужаса, когда онъ сталъ помогать ей спускаться по темной лѣстницѣ.

Внизу всѣ точно знали, что произошло между Еленой и Киппсомъ. Никто ничего не говорилъ, но это видно было по выраженію лицъ. На обратномъ пути м-ссъ Уольшингэмъ пошла подъ-руку съ Киппсомъ—ей было нѣсколько трудно идти въ гору,—и говорила съ нимъ материнскимъ тономъ, главнымъ образомъ о своихъ дѣтяхъ, о томъ, какъ исключительно умна и талантлива ея дочь, о томъ, что она, навѣрное, сдѣлается выдающейся писательницей и вообще будетъ сіять въ свѣтѣ. Она разсказала вскользь и о своемъ покойномъ мужѣ, тоже истинномъ художникѣ душой; онъ поэтому и былъ неудачникомъ въ дѣлахъ, слишкомъ довѣрялся своему компаньону и потерялъ все состояніе...—Но не будемъ говорить о печальномъ прошломъ въ такой день, какъ сегодня,—закончила она.

Когда всѣ они сѣли пить чай подъ деревьями, въ маленькой деревенской гостинницѣ, Киппсъ замѣтилъ, что все общество смотритъ на него съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Ему сдѣлалось неловко, и онъ радъ былъ, что вскорѣ началась возня съ осами, отвлекшая вниманіе отъ него. Онъ тоже усердно отгонялъ осъ, а потомъ принялъ участіе въ общемъ разговорѣ, передавалъ чашки и тарелки за столомъ, продѣлывая, однако, все это какъ во снѣ. Онъ только поглядывалъ на Елену, поражаясь ея хладнокровіемъ и спокойствіемъ. Только на одну минуту она слегка порозовѣла.

На обратномъ пути Киппсъ опять очутился наединѣ съ Еленой, но все еще не могъ собраться съ духомъ, чтобы говорить съ ней,—онъ только кивалъ головой въ отвѣтъ на всѣ ея замѣчанія о цвѣтахъ и деревьяхъ. Онъ все еще чувствовалъ себя оглушеннымъ. Душевной близости къ Еленѣ онъ не ощущалъ. Онъ только видѣлъ съ величайшимъ изумленіемъ, что богиня спустилась съ алтаря и пошла рядомъ съ нимъ, взявъ его за руку. Елена въ свою очередь глядѣла на него, и рѣшила, что онъ совсѣмъ ничего. Сознаніе своей власти надъ нимъ тоже придавало ему нѣкоторую привлекательность въ ея глазахъ. А

главное, съ нимъ связано было представленіе о свободной, блестящей жизни въ Лондонѣ, о столькихъ новыхъ жизненныхъ перспективахъ. Этихъ мыслей Киппсъ не могъ прочесть въ ея глазахъ. Онъ и не видѣлъ ея глазъ въ надвигающихся сумеркахъ. Но влюбленное воображеніе рисовало ему ея глаза сіяющими звѣздами. Она казалась ему душой окружавшей его природы. Онъ переживалъ незабвенныя минуты. Все самое завѣтное осуществилось. Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда кажется, что будущаго нѣтъ, что время остановилось.

Въ тотъ же вечеръ, часовъ въ девять, Кутъ пришелъ къ Киппсу и съ очень растроганнымъ выраженіемъ лица поздравилъ его, доказывая, что судьба посылаетъ ему теперь большее счастье, чѣмъ наслѣдство. Киппсъ охотно согласился съ нимъ и разсказалъ, какъ все произошло, какъ онъ полюбилъ Елену еще когда учился у нея рѣзьбѣ по дереву. Кутъ сталъ выхваливать Елену и всю семью, и вскользь упомянулъ, что они находятся въ родствѣ—правда, въ нѣсколько отдаленномъ—съ лордомъ Бопрэ. Это произвело на Киппса большое впечатлѣніе. Онъ почувствовалъ, что судьба посылаетъ ему слишкомъ ужъ щедрые дары.

Киппсъ сталъ подробно спрашивать, что ему слѣдуетъ предпринять теперь,—въ „Манерахъ и правилахъ“ онъ ничего не нашелъ на этотъ счетъ. Изъ бесѣды съ Кутомъ выяснилось, что Киппсъ долженъ отправиться къ м-ссъ Уольшингэмъ, попросить у нея руки ея дочери, затѣмъ купить красивое кольцо—ювелиръ поможетъ ему выбрать что-нибудь изящное—и послать Еленѣ. Киппсъ почувствовалъ большое облегченіе, узнавъ, что кольцо нужно послать, а не принести самому. Они обсудили также костюмъ Киппса и рѣшили, что онъ отправится къ матери Елены въ черномъ сюртукѣ, въ цилиндрѣ и съ розой въ петличкѣ. Киппсъ чувствовалъ несомнѣнное удовлетвореніе отъ своего нагляднаго превращенія въ истиннаго джентльмена, который надѣваетъ въ торжественныхъ случаяхъ черный сюртукъ, хорошо знакомъ съ лэди Пюнетъ и состоитъ женихомъ отдаленной родственницы лорда Бопрэ. Киппсу становилось страшно передъ своимъ собственнымъ величіемъ. Еще два мѣсяца тому назадъ онъ былъ ничтожнымъ приказчикомъ, а теперь жизнь раскрылась передъ нимъ какъ волшебный цвѣтокъ, и сердце этого цвѣтка—красавица Елена. Онъ рѣшилъ, что купитъ самое прекрасное обручальное кольцо, какое только найдется въ Фолькстонѣ.

Потомъ онъ освѣдомился, слѣдуетъ ли также послать цвѣты. Давая дальнѣйшіе совѣты, Кутъ сказалъ, что Киппсъ долженъ попросить Елену „назначить день“. Киппсъ вздрогнулъ.

— Не слишкомъ ли уже это будетъ смѣло съ моей стороны? — спросилъ онъ. — И когда можетъ быть свадьба — такъ черезъ годъ, вѣроятно?

— Зачѣмъ такъ долго ждать! — возразилъ Кутъ.

Онъ обѣщалъ Киппсу помочь ему во время свадьбы, потомъ разъяснилъ недоумѣнія Киппса относительно того, что такое „тэтъ-а-тэтъ“; въ книгѣ „Манеры и правила“ сказано было, что этого не разрѣшается жениху и невѣстѣ. Кутъ сказалъ Киппсу, что Уольшингэмы придерживаются болѣе широкихъ взглядовъ и не соблюдаютъ всѣхъ свѣтскихъ правилъ, такъ что онъ можетъ свободно видѣться съ невѣстой.

— Сколько, однако, еще нужно обдумать! — сказалъ Киппсъ, озабоченно вздохнувъ. — Неужели, по вашему..., свадьба можетъ быть ужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ?

— Вы же этого хотите, — такъ почему бы нѣтъ?

Еще долго за полночь сидѣлъ Киппсъ и съ напряженнымъ вниманіемъ перелистывалъ книгу въ красномъ переплетѣ. Особенно внимательно онъ прочиталъ главу, съ заголовкомъ: „Свадьбы“, потомъ еще долго обдумывалъ прочитанное и счелъ себя наконецъ готовымъ къ торжественному шагу. — „Пойду завтра же“, — рѣшилъ онъ, и пошелъ наконецъ спать.

На слѣдующій день Киппсъ явился къ м-ссъ Уольшингэмъ въ предписанномъ для торжественныхъ случаевъ костюмѣ и въ виду своей несомнѣнной корректности чувствовалъ себя недурно. Его попросили въ гостиную, и когда къ нему вышла м-ссъ Уольшингэмъ, онъ смѣло сѣлъ на кресло, сдѣлалъ граціозное движеніе локтемъ руки, въ которой держалъ шляпу, и намѣревался произнести цѣлую рѣчь. Но м-ссъ Уольшингэмъ сразу прекратила церемонность его объясненія, сказавъ, что знаетъ обо всемъ, и заговорила очень искренно и тепло. Она распространилась о своихъ материнскихъ чувствахъ къ Еленѣ.

— Вѣдь дочь, милый Артуръ, — сказала она, — гораздо ближе сердцу матери, чѣмъ сынъ.

Затѣмъ она сказала, что „бракъ — лотерея“, но что она довѣряетъ ему, Киппсу, и увѣрена, что онъ будетъ хорошимъ мужемъ. Она поблагодарила Киппса за его покровительство ея сыну и сказала, что и дочь, и сынъ ея — удивительно талантливы и умны, — нужно только создать имъ подходящія условія для проявленія ихъ качествъ.

Наступила короткая пауза, пріятно прерванная появленіемъ Елены. Она весело и дружественно поздоровалась съ Киппсомъ, но, видимо, удивилась его торжественному костюму. Она предло-

жила чай, потомъ вышла и вернулась въ сопровожденіи служанки, которая приготовила все къ чаю на маленькомъ столикѣ. Послѣ чая м-ссъ Ульшингэмъ поднялась, ласково протянула руку Киппсу и, сказавъ, что имъ, навѣрное, нужно много о чемъ поговорить вдвоемъ, вышла изъ комнаты.

Въ эту блаженную минуту, когда онъ остался наединѣ съ невѣстой съ разрѣшенія ея матери, у Киппса мелькнули въ головѣ два одинаково сильныхъ желанія: ему хотѣлось — и казалось, что такъ собственно полагается, — подойти къ Еленѣ и обнять ее, а другое желаніе было выпрыгнуть изъ окна и убѣжать. Послѣ того какъ дверь за м-ссъ Ульшингэмъ закрылась, онъ все-таки подошелъ къ Еленѣ, которая продолжала стоять у чайнаго столика; не зная, что дѣлать, онъ отъ неловкости сталъ крутить усы. Его успокаивала только увѣренность, что онъ корректно одѣтъ и никакой неловкости не совершилъ. Но въ душѣ его поднималось смутное, изумлявшее его самого сознаніе, что его чувства къ Еленѣ какъ-то странно измѣнились; онъ не испытывалъ уже того блаженства въ ея близости, какъ въ блаженныя минуты на башнѣ. Она взглянула на него опять взглядомъ собственника—очень требовательнаго, потомъ улыбнулась и сказала, что рада его приходу. Онъ совсѣмъ смутился, разсказалъ отъ неловкости, что купилъ ей кольцо, и потомъ только заговорилъ искреннимъ тономъ.

— Мнѣ положительно не вѣрится...— сказалъ онъ. — Это еще невѣроятнѣе, чѣмъ наслѣдство. Вотъ мы скоро поженимся... Мнѣ кажется, что это не со мной происходитъ, а съ кѣмъ-то другимъ. Знаете, что я чувствую? — продолжалъ онъ и поглядѣлъ на Елену, покраснѣвъ. — Я васъ недостоинъ. Я невоспитанъ, и вы будете это все болѣе и болѣе замѣчать.

— Я помогу вамъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ неизящныхъ привычекъ; все это въ сущности пустяки, и вамъ будетъ очень легко исправиться,— если только вы не будете сердиться на мои замѣчанія.

— Напротивъ того, я буду вамъ благодаренъ отъ всей души.

— Ну, и отлично... Вотъ, напримѣръ, вы говорите невполнѣ правильно,—нужно обратить на это вниманіе. Вы не обижаетесь, что я это вамъ говорю?

— Нѣтъ же. Я знаю, что это можно исправить,—нужно поучиться. Мнѣ говорилъ одинъ знакомый актеръ.

— И вотъ еще что—не одѣвайтесь слишкомъ нарядно. Это производитъ впечатлѣніе вульгарности, мѣщанства. Настоящій джентльменъ никогда не долженъ обращать на себя вниманіе своимъ туалетомъ.

— Понимаю, понимаю. Нужно, чтобы не видно было, что платье совсѣмъ новое, — сказалъ Киппсъ съ глубокимъ отчаяніемъ въ голосѣ. Ему хотѣлось въ эту минуту швырнуть свой цилиндръ въ самый далекій уголъ комнаты.

— Я постараюсь слѣдовать вашимъ указаніямъ, — сказалъ онъ. — Я постараюсь исправиться.

— Я увѣрена, что это вамъ удастся, — сказала она, и на минуту положила руку ему на плечо. Но онъ даже не замѣтилъ ея ласковаго движенія. Онъ сосредоточился на томъ, чтобы спросить Елену о срокѣ свадьбы въ наиболѣе правильныхъ выраженіяхъ. Но онъ такъ и не придумалъ до самаго ухода, и ушелъ, не спросивъ.

Придя домой, онъ долго сидѣлъ передъ открытымъ окномъ у себя въ комнатѣ, вспоминая о разговорѣ съ невѣстой, и думалъ о томъ, что онъ никогда не будетъ знать, какъ вести себя во всѣхъ случаяхъ жизни. Потомъ онъ всталъ, прошелъ черезъ комнату къ книжному шкафу, вынулъ „Манеры и правила свѣтскаго обращенія“ и началъ внимательно читать ихъ сначала и до конца.

II.

Сдѣлавшись женихомъ, Киппсъ рѣшилъ сообщить объ этомъ событіи первостепенной важности старикамъ тетѣ и дядѣ. На слѣдующее же утро послѣ разговора съ Еленой и ея матерью онъ рано позавтракалъ, нанялъ автомобиль—не дилижансомъ же теперь ему было ѣхать въ Нью-Ромнэ!—и покатилъ по знакомой съ дѣтства дорогѣ. Его появленіе у домика съ игрушечной лавкой произвело, конечно, большую сенсацію. Старикъ Киппсъ прежде всего сталъ осматривать моторъ съ видомъ знатока и сталъ давать племяннику совѣты на тотъ случай, если онъ захочетъ пріобрѣсти собственный автомобиль. А когда они вошли въ комнату, старикъ поблагодарилъ Киппса за присланную ему виски. Чтобы показать, однако, свое житейское превосходство и большой опытъ, онъ сталъ критиковать марку, присланную племянникомъ.

— Тебя обманули, — сказалъ онъ: — будь остороженъ, не довѣряй никому, не покупай ничего, не посовѣтовавшись со мной.

Киппсу хотѣлось какъ можно скорѣе сообщить о перемѣнѣ въ своей жизни, но это было невозможно—до того старики были заняты волнующимъ ихъ вопросомъ о переселеніи въ другое мѣсто. Объ этомъ они болѣе всего хотѣли поговорить съ пле-

мянникомъ. Какъ только Киппсъ такъ неожиданно разбогатѣлъ, онъ, конечно, рѣшилъ позаботиться о старикахъ: онъ предложилъ имъ оставить торговлю и поселиться въ какомъ-нибудь тихомъ хорошенькомъ котэджѣ. Это была очень красивая и пріятная мечта, но когда дошло дѣло до осуществленія ея, то появилась тысяча препятствій. Не оказалось нигдѣ подходящаго домика. Старику интереснѣе всего были самые поиски, и онъ осматривалъ всѣ дома въ окрестностяхъ Ромнэ, — и большіе, и маленькіе. Иногда ему особенно нравились занятые дома, и онъ настаивалъ на томъ, чтобы ему позволили осмотрѣть ихъ сверху до низу, доказывая возмущеннымъ хозяевамъ, что вѣдь они не вѣчно будутъ здѣсь жить. М-ссъ Кипсъ въ свою очередь жаловалась на трудности выбора. „Если домъ будетъ слишкомъ большой, нужна служанка,—а я терпѣть не могу дѣвчонокъ, которыя всюду шныряютъ, все вынюхиваютъ и вдобавокъ еще смѣются надъ хозяевами. А маленькій домъ тоже неудобенъ—негдѣ даже будетъ кошку отодрать“. Повидимому, необходимо было имѣть мѣсто для этой рѣдко происходящей, но важной процедуры. Затѣмъ старикъ говорилъ, что нужно распродавать имѣющійся въ лавкѣ товаръ не спѣша. Не то все пойдетъ за безцѣнокъ. Всѣ эти соображенія такъ волновали стариковъ, что, разсказывая племяннику о нихъ, они даже забыли освѣдомиться о его дѣлахъ. Разъ какъ-то дядя спросилъ: „Ну, а ты какъ поживаешь въ Фолькстонѣ? Я заѣду на дняхъ провѣдать тебя“,—но прежде чѣмъ Кипсъ успѣлъ отвѣтить что-нибудь, старикъ опять сталъ говорить о переѣздѣ. Кипсъ рѣшилъ, что единственная возможность достигнуть цѣли своего пріѣзда къ старикамъ, это пройтись по городу, составить планъ рѣчи, съ которой онъ обратится къ нимъ, и, вернувшись, сказать имъ все въ точности. Такъ онъ и поступилъ.

Онъ пошелъ по главной улицѣ, по направленію къ церкви, а потомъ дальше къ мѣсту, гдѣ когда-то бѣгалъ взапуски съ Анни Порникъ. Онъ сѣлъ тамъ, задумался о далекомъ прошломъ, и на время образъ Елены и картины будущаго отошли вдаль, вытѣсненные воскресшими картинами былого. И вдругъ Кипса окликнулъ голосъ, тоже тѣсно связанный съ его воспоминаніями. Онъ поднялъ голову: передъ нимъ стоялъ, протягивая ему руку, его другъ дѣтства, Сидъ Порникъ. Онъ очень измѣнился, но все-таки былъ все тотъ же, прежній Сидъ, похожій на свою сестру Анни, но при этомъ совсѣмъ не красивый. Они дружески поздоровались.

— Я какъ разъ вспоминалъ о тебѣ, Сидъ,—сказалъ Кипсъ.— А ты тутъ какъ тутъ.

— Да, я иногда наѣзжаю сюда, — отвѣтилъ Сидъ. Голосъ его сталъ нѣсколько жесткимъ, громкимъ, и видъ у него былъ спокойно-самоувѣренный. — А ты какъ тутъ очутился?—спросилъ онъ Киппса. — Я тебя сейчасъ же узналъ, какъ только ты показался изъ-за угла. Да это Киппсъ, подумалъ я, если меня чортъ не дразнитъ! Ты въ отпуску?

— Да, видишь ли... Я недавно пол...

— Я тоже отдыхаю. Но я самъ себѣ далъ отпускъ. У меня самостоятельное дѣло—велосипедный магазинъ. Самъ дѣлаю велосипеды. Самыя лучшія машины по общедоступнымъ цѣнамъ во всемъ Лондонѣ. У меня масса заказовъ. Хочешь, зайдемъ въ нашъ старый домъ? Тамъ теперь мать живетъ одна послѣ смерти отца. Ей не хотѣлось переселиться ко мнѣ въ Гаммерсмитъ. Ну пусть живетъ на старомъ мѣстѣ. Я не разорюсь, доставляя ей эту радость. Я-то женатъ уже два года,—и еслибы ты видѣлъ, какой у меня славный сынокъ! А ты, конечно, еще не женатъ?

Киппсъ обрадовался возможности сообщить хоть что-нибудь о себѣ.

— Я вчера какъ-разъ сдѣлался женихомъ,—сказалъ онъ.

— Это хорошо, — покровительственно сказалъ Сидъ. — А кто же осчастливленная тобой особа?

Киппсъ попытался отвѣтить небрежнымъ тономъ.

— Дочь одного фолькстонскаго адвоката, — сказалъ онъ. — Семья съ довольно хорошимъ положеніемъ. Родственники лорда Бопрэ.

— Что?—чуть не крикнулъ Сидъ.

— У меня измѣнились обстоятельства, Сидъ. Я получилъ наслѣдство.

Сидъ внимательно взглянулъ на платье Киппса, только теперь замѣтивъ перемѣну въ его внѣшности.

— Сколько? — спросилъ онъ.

— Около тысячи двухсотъ фунтовъ въ годъ, приблизительно,— отвѣтилъ Киппсъ. Сидъ былъ совершенно ошеломленъ. Киппсъ сталъ разсказывать ему о томъ, какъ онъ самъ былъ пораженъ, когда адвокатъ объявилъ ему о наслѣдствѣ, оставленномъ ему его дѣдомъ, про котораго онъ никогда даже не слыхалъ. Сидъ сердечно поздравилъ его, повторяя: — Это, дѣйствительно, необыкновенное счастье!

— Однако, — прибавилъ онъ, — хорошо, что это выпало на твою долю, а не на мою. Я бы не могъ оставить эти деньги себѣ. Я вѣдь, знаешь, соціалистъ. Я знаю, что деньги добываются эксплуатаціей труда.

Сидъ сталъ развивать свои теоріи о несправедливости въ распредѣленіи богатствъ, но скоро прервалъ свои разсужденія, повторяя нѣсколько разъ:

— Тысяча двѣсти фунтовъ въ годъ!.. Ты сдѣлаешься важнымъ господиномъ, Киппсъ. Можетъ быть, скоро не захочешь и разговаривать съ простымъ механикомъ. Будешь гнушаться меня.

— Нѣтъ, Сидъ,—твердо отвѣтилъ Киппсъ.—Этого никогда не будетъ. Я не такой.

— Деньги мѣняютъ человѣка,— скептически возразилъ Сидъ.— А тутъ еще ты женишься на аристократкѣ... Мастерманъ—это мой жилецъ, большой умница — Мастерманъ говоритъ, что все дѣло въ женщинахъ. Онѣ создаютъ всѣ общественныя перегородки.

Киппсъ опять сталъ увѣрять, что „онъ не таковъ“, но Сидъ только задумчиво повторялъ:—Тысяча двѣсти въ годъ! Подумать только...

Чтобы какъ-нибудь перекинуть мостъ черезъ открывшуюся между ними пропасть, Киппсъ сталъ вспоминать про ихъ дѣтскія игры и приключенія.

Сидъ, дѣйствительно, просіялъ и заговорилъ непринужденно о старомъ.

— Послушай, Сидъ,— спросилъ вдругъ Киппсъ:— что съ Анни?

— Ничего. Она устроилась въ Ашфордѣ. Мы не ладимъ теперь съ нею,—прибавилъ Сидъ, слегка нахмурившись.—Я былъ противъ того, чтобы она жила въ прислугахъ. Мы люди простые, но мнѣ непріятно, чтобы моя сестра прислуживала за столомъ кому бы то ни было—даже людямъ, имѣющимъ тысячу двѣсти фунтовъ въ годъ.

Киппсъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ намека, и сказалъ только, что Анни была славной дѣвчонкой и бѣгала взапуски совсѣмъ молодцомъ. Но Сидъ вернулся къ волновавшему его вопросу о наслѣдствѣ Киппса.

— Что ты будешь дѣлать съ деньгами? — спросилъ онъ. — Вотъ послушалъ бы Мастермана,—онъ бы тебѣ сказалъ, какъ ихъ употребить съ пользой. А что, еслибы наслѣдство досталось мнѣ? Я бы, конечно, не вернулъ денегъ государству, при теперешнемъ положеніи вещей. Я бы основалъ кооперативную фабрику. Или новую соціалистическую газету. Намъ очень нужна соціалистическая газета.

Онъ старался утопить свою личную горечь въ разработкѣ такого рода гипотезъ. Но Киппсу надоѣло выслушивать разсуж-

денія Сида; онъ сказалъ, что его ждетъ автомобиль, и что пора ѣхать обратно въ Фолькстонъ. Сидъ опять пришелъ въ ужасъ,— его возмущеніе было однако не безъ примѣси зависти, — узнавъ, что Киппсъ заплатилъ пять фунтовъ за прокатъ автомобиля. — „На эти деньги пять семействъ могутъ прожить цѣлую недѣлю!" сказалъ онъ съ негодованіемъ. Но все-таки величіе Киппса его какъ бы гипнотизировало, и онъ пошелъ съ нимъ, помогъ ему надѣть автомобильную куртку и очки, и стоялъ съ стариками до послѣдней минуты, пока моторъ не укатилъ наконецъ, поднимая облако пыли. Старикъ Киппсъ обернулся къ Сиду и съ нѣкоторой ироніей пожелалъ ему стать фабрикантомъ автомобилей. Сидъ стоялъ, не двигаясь, не слушая старика и прислушиваясь къ далекому уже пыхтѣнію автомобиля. Молодой механикъ вдругъ убѣдился, что хотя онъ и смастерилъ уже семнадцать велосипедовъ, считая и тѣ, на которые получилъ недавно заказы, все-таки это не даетъ ему право гордиться своими удачами въ жизни... Бываютъ бо́льшія удачи! Что-то горькое зашевелилось въ немъ, и лицо его утратило прежнее удовлетворенное, самоувѣренное выраженіе. Онъ медленно направился къ дому матери, и она была слегка обижена его пасмурнымъ видомъ. Она вѣдь купила спеціально для него печенье къ чаю, а онъ даже вниманія не обратилъ. Онъ ей не разсказалъ о встрѣчѣ съ Киппсомъ. И никому другому онъ тоже ничего не разсказывалъ. Ему хотѣлось забыть о судьбѣ Киппса, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

III.

Когда Киппсъ сталъ думать о своей поѣздкѣ въ Ромнэ, онъ впервые почувствовалъ, что между его теперешней жизнью и понятіями его прежней среды образовалась уже глубокая пропасть. Онъ почувствовалъ несоотвѣтствіе между тѣмъ, что намѣревался сообщить старикамъ—но такъ и не сообщилъ—и кругомъ ихъ понятій. То, что казалось естественнымъ и желательнымъ въ атмосферѣ, окружающей Елену, должно было вызвать подозрѣніе и недовѣріе у стариковъ—у тети и дяди. По круто измѣнившемуся отношенію къ нему Сида Порника, по его словамъ:— „да ты скоро и разговаривать не захочешь съ такимъ скромнымъ механикомъ, какъ я",—Киппсъ смутно предчувствовалъ, что путь общественнаго восхожденія будетъ усѣянъ для него, быть можетъ, обломками разбитыхъ дружескихъ связей. Вскорѣ это предчувствіе Киппса подтвердилось на практикѣ: ему, дѣйствительно, при-

шлось порвать отношенія съ прежними товарищами по магазину и съ актеромъ Читерло.

Отношенія его къ Еленѣ стали совершенно иными послѣ ихъ бесѣды на башнѣ. Прежде онъ молился на нее, какъ на богиню; теперь богиня спустилась къ нему, шла рядомъ съ нимъ и сдѣлалась его строгой воспитательницей. Она къ нему относилась съ искренней симпатіей; онъ ей нравился. Она его первая поцѣловала нѣсколько разъ въ лобъ, а онъ ни разу ее не поцѣловалъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ чувствахъ и самъ не зналъ еще, что хотя по-прежнему преклоняется передъ нею и гордится тѣмъ, что она его невѣста, но уже не любитъ ее. Всякая нѣжность исчезла изъ его отношенія къ Еленѣ навсегда. Но этого не подозрѣвала ни она, ни онъ самъ. Она относилась къ нему все болѣе и болѣе хорошо—съ оттѣнкомъ материнскаго чувства, опекала его и заботилась о его воспитаніи. Такъ, она рѣшила уничтожить всѣ его связи съ прежней вульгарной средой. Самымъ нежелательнымъ изъ старыхъ знакомыхъ Киппса былъ актеръ Читерло, и относительно его Елена стала дѣйствовать очень рѣшительнымъ образомъ. О существованіи Читерло она узнала во время одной изъ прогулокъ по морскому берегу вдвоемъ съ Киппсомъ. Имъ навстрѣчу появился господинъ въ полосатомъ фланелевомъ костюмѣ и въ соломенной шляпѣ. Онъ шелъ, засунувъ руки въ карманы, и глядѣлъ на прохожихъ съ нѣсколько лукавымъ видомъ,—вѣроятно изучая ихъ, какъ матеріалъ для какой-нибудь новой пьесы. Увидавъ Киппса, онъ очень развязно поздоровался съ нимъ и, отозвавъ его въ сторону,—съ фамильярнымъ поклономъ въ сторону Елены,—сталъ ему разсказывать о своихъ ближайшихъ планахъ. Онъ сообщилъ ему, что синдикатъ для постановки его драмы работаетъ очень усердно, и горячо поблагодарилъ Киппса за его денежную помощь въ этомъ дѣлѣ. Киппсъ, изъ благодарности къ Читерло, который способствовалъ счастливому перевороту въ его жизни, уже давно согласился быть главнымъ участникомъ синдиката для проведенія его драмъ на сцену (Читерло увѣрилъ его, что синдикатъ уже составился). Теперь актеръ сообщилъ, что данныя Киппсомъ деньги значительно подвинули его дѣла. Поговоривъ объ этомъ, Читерло удалился съ очень самоувѣреннымъ видомъ; Елена стала подробно разспрашивать своего жениха о томъ, кто это такой. Киппсъ разсказалъ ей о роли Читерло въ исторіи наслѣдства, и сказалъ, что изъ благодарности онъ принимаетъ денежное участіе въ театральныхъ предпріятіяхъ Читерло. Елена освѣдомилась прежде всего, видалъ ли Киппсъ пьесы Читерло на сценѣ,

и узнавъ, что онѣ „не видѣли свѣта рампы", тотчасъ же взяла съ него торжественное обѣщаніе, что онъ не будетъ тратить ни одного фунта на Читерло, не посовѣтовавшись съ нею. Затѣмъ она сказала въ видѣ общей мысли, что нельзя вести знакомство со всѣми на свѣтѣ. Киппсъ смущенно, какъ бы извиняясь, напомнилъ ей опять, что онъ многимъ обязанъ Читерло.

— Нельзя сразу порвать со всѣми, кого зналъ,—прибавилъ онъ въ свое оправданіе.

Елена промолчала и потомъ сказала:

— Мы вѣдь скоро переѣдемъ въ Лондонъ, а пока не стоитъ, конечно, ничего мѣнять. Мы поселимся гдѣ-нибудь въ хорошемъ кварталѣ и составимъ подходящій кругъ знакомыхъ.

Весь конецъ этого лѣта Киппсъ занятъ былъ восполненіемъ пробѣловъ своего воспитанія; онъ даже, по мнѣнію Елены, слишкомъ ужъ открыто сознавался въ своемъ невѣжествѣ, прося у всѣхъ указаній и совѣтовъ. Онъ усердно изучалъ „Манеры и правила свѣтскаго обращенія", затѣмъ бесѣдовалъ много съ сестрой Кута, которая сообщила ему необходимыя—для салонныхъ разговоровъ — свѣдѣнія по искусству. Много пользы принесли ему также бесѣды съ м-ссъ Уольшингэмъ; она безъ лишнихъ разсужденій говорила ему категорически, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать, и разсказывала много поучительныхъ анекдотовъ и примѣровъ изъ жизни свѣтскаго общества. Онъ слушалъ ее всегда съ величайшимъ вниманіемъ. Болѣе всего она говорила, однако, о своихъ дѣтяхъ, — „своихъ двухъ брилліантахъ", какъ она ихъ называла,—объ ихъ талантахъ, характерахъ, и о необходимости создать благопріятныя условія для проявленія ихъ дарованій. Имъ нужна подходящая общественная атмосфера,—иначе имъ трудно дышать. Киппсу казалось—и, повидимому, сама м-ссъ Уольшингэмъ тоже это предполагала, — что она переселится вмѣстѣ съ ними въ Лондонъ и будетъ жить у нихъ въ домѣ. Но, къ великому его удивленію, Елена сказала ему однажды, что этого не будетъ, что они должны составить себѣ свой совершенно самостоятельный кругъ,—у матери же есть достаточно своихъ знакомыхъ здѣсь.

Братъ Елены тоже участвовалъ въ воспитательномъ синдикатѣ, подготовлявшемъ Киппса къ свѣтской жизни, но его участіе было менѣе значительно. Онъ поѣхалъ разъ съ Киппсомъ въ Лондонъ и тамъ показалъ ему, какія слѣдуетъ покупать папиросы и сигары; объяснилъ ему, что къ завтраку нужно заказывать красное вино, а къ обѣду—moselle mousseux, и далъ еще такого же рода полезныя указанія. Онъ тоже мечталъ о томъ

времени, когда они всѣ вмѣстѣ поселятся окончательно въ Лондонѣ. Этотъ планъ разрабатывался и принималъ все болѣе широкіе размѣры, составляя главное содержаніе разговоровъ Елены. Она очень мало говорила съ своимъ женихомъ о чувствахъ,—онъ тоже больше молчалъ на этотъ счетъ. Всѣ бесѣды сосредоточивались на обсужденіи будущаго, которое съ полной откровенностью изображалось, какъ походъ „двухъ брилліантовъ", сестры и брата Уольшингэмовъ, съ цѣлью завоевать лондонское высшее общество; Киппсъ игралъ роль багажа, а также кассира. Они, конечно, по словамъ Елены, будутъ очень бѣдны,—Киппса эти слова удивили, но онъ не возразилъ,—пока братецъ не сдѣлаетъ настоящей карьеры, достойной его талантовъ. Но при удачѣ и умѣньи они, быть можетъ, многаго достигнутъ. Елена говорила объ ихъ лондонскихъ друзьяхъ и свѣтскихъ знакомыхъ, о видахъ на участіе въ жизни высшаго свѣта,—и Киппсъ проникался все бо́льшимъ уваженіемъ къ своей невѣстѣ, понявъ, что она преуспѣетъ въ свѣтѣ, даже если ей не поможетъ очень ужъ далекое родство съ лордомъ Бопрэ.

Уольшингэмы были довольны успѣхами Киппса, и Кутъ въ особенности не могъ нахвалиться его способностями. Онъ увѣрялъ, что Киппсъ—природный джентльменъ, что онъ съ каждымъ днемъ дѣлаетъ замѣтные успѣхи и что ему недостаетъ только хладнокровія для полнаго совершенства. Да еще не мѣшаетъ ему, конечно, пройти какой-нибудь курсъ элементарныхъ знаній. Кутъ говорилъ Киппсу, что онъ теперь уже окончательно перешелъ въ разрядъ джентльменовъ, членовъ „общества". Нужно ему только утвердиться во всѣхъ привычкахъ, составляющихъ необходимый элементъ свѣтской жизни. Это давалось Киппсу довольно легко.

Были, однако, и непріятныя обязательства, которымъ ему пришлось подчиниться въ виду своего новаго положенія. Пришлось рѣзко порвать съ прежними товарищами по магазину. Этого категорически потребовала Елена,—и это очень рѣшительно привелъ въ исполненіе Кутъ во время музыки на берегу. Буггинсъ и Пирсъ, главные приказчики отъ Шальфорда, подсѣли, по старой привычкѣ, къ Киппсу, пока онъ сидѣлъ одинъ въ ожиданіи Кута, и по-товарищески болтали и шутили съ нимъ, громко говоря своимъ нѣсколько вульгарнымъ приказчичьимъ жаргономъ. Когда явился Кутъ, они продолжали разговоръ въ томъ же тонѣ; Кутъ позвалъ Киппса пойти съ нимъ, и когда молодые люди хотѣли къ нимъ присоединиться, онъ очень прямо и рѣзко заявилъ имъ, что онъ и Киппсъ не нуждаются въ ихъ обществѣ.

Они ушли съ такимъ выраженіемъ изумленія и обиды, что Киппсъ въ этотъ вечеръ забылъ даже хвалить музыку, какъ полагалось. Ему казалось, что онъ ударилъ товарищей въ лицо при такихъ обстоятельствахъ, что они не имѣли возможности отвѣтить на оскорбленіе. Кутъ преподалъ ему суровый урокъ своимъ поступкомъ; онъ показалъ, что истинный джентльменъ долженъ быть жестокъ, неумолимо ограждая себя отъ сношеній съ неподходящими людьми. Но когда Киппсъ съ болью въ душѣ присутствовалъ при жестокомъ поступкѣ Кута, ни ему, ни Куту не приходило въ голову, что наступитъ день, когда та же процедура будетъ примѣнена къ самому Киппсу. А между тѣмъ это должно было произойти. Киппсъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе и болѣе благовоспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, очень изысканнымъ въ одеждѣ и манерахъ, и пропасть между нимъ и его прежней средой становилась все болѣе глубокой. Онъ сталъ уже почти совершеннымъ джентльменомъ, обладающимъ всѣми качествами джентльмена,—достаточнымъ патріотизмомъ, достаточнымъ благочестіемъ,—у него было постоянное мѣсто въ первомъ ряду, въ самой фэшенебельной церкви въ Фолькстонѣ; но связь его съ прежней средой оказалась все-таки болѣе крѣпкой, чѣмъ можно было предположить. Открылось нѣчто, чего нельзя было вырвать изъ души такъ легко, какъ порвать отношенія съ товарищами по магазину,—и его свѣтскости пришелъ конецъ.

IV.

Черезъ нѣсколько дней Киппсъ поѣхалъ на велосипедѣ—онъ сдѣлался отличнымъ велосипедистомъ—въ Ромнэ, съ тѣмъ, чтобы разсказать наконецъ тетѣ и дядѣ о своей помолвкѣ. Въѣзжая въ городокъ—очень шикарно, держась за руль только одной рукой,—онъ вдругъ встрѣтилъ Анни Порникъ. Случайно онъ какъ-разъ думалъ именно о ней. Ему почему-то показалось, что, конечно, очень пріятно имѣть тысячу двѣсти фунтовъ дохода и сознавать, что можешь все, что хочешь, купить, заказать, очень лестно быть женихомъ дальней родственницы лорда Бопрэ,—но что во всѣхъ этихъ благахъ жизни нѣтъ чего-то, чѣмъ пропитана вся атмосфера Нью-Ромнэ и что такъ отрадно. Въѣхавъ на главную улицу, онъ сталъ вспоминать каникулы въ дѣтскіе годы, вспомнилъ Анни и игры съ нею. И вдругъ она—передъ нимъ. Та же Анни, только на семь лѣтъ старше. Она настолько не измѣнилась, что онъ тотчасъ же узналъ ее.

— Анни!—окликнулъ онъ ее, и она радостно отвѣтила:

— Да это Киппсъ!

Тутъ только онъ замѣтилъ, что она измѣнилась къ лучшему, и была очень хорошенькой въ своемъ простенькомъ сѣромъ платьицѣ и въ шляпѣ съ розовыми цвѣтами.

— Какъ ты попалъ сюда, Киппсъ? У тебя каникулы?

Киппсъ сразу сообразилъ, что Сидъ ничего не разсказалъ про него сестрѣ, и припоминая, какъ недружелюбно онъ отнесся къ сообщенію о наслѣдствѣ, рѣшилъ не повторять той же ошибки, но зато впалъ въ противоположную крайность и даже не намекнулъ на перемѣну въ его жизни.

— Да,—сказалъ онъ,—я пріѣхалъ отдохнуть домой. Какъ давно мы не видѣлись съ тобой, Анни! Сколько—семь или восемь лѣтъ?

— Я не считала, — сказала Анни. — А ты какой большой сталъ! У тебя усы!

Киппсъ покраснѣлъ отъ ея одобрительнаго взгляда и пошелъ рядомъ съ нею. Она шла домой къ матери, и Киппсъ пошелъ проводить ее. Всѣ фолькстонскія соображенія теряли свою силу въ Ромпэ, и Киппсу казалось вполнѣ позволительнымъ идти рядомъ съ Анни, хотя она была только простой служанкой. Они шли молча. Потомъ между ними—къ внутреннему изумленію самого Киппса—начался разговоръ о шестипенсовой монетѣ, которую они, на прощанье, разломали пополамъ и сохранили каждый на память. Анни первая сказала, что сохранила свою половинку, и Киппсъ вспомнилъ, что и у него хранится его половинка. Въ эту минуту онъ удивился, что за все время ни разу объ этомъ не вспомнилъ. Анни обрадовалась.

— Вотъ не ожидала!—сказала она.—Я даже часто думала, что глупо хранить мою половинку. Впрочемъ, вѣдь это ничего не значитъ,—прибавила она.—А ты попрежнему служишь приказчикомъ?

— Я живу въ Фолькстонѣ,—уклончиво отвѣтилъ Киппсъ и спросилъ, не разсказывалъ ли Сидъ о встрѣчѣ съ нимъ съ недѣлю тому назадъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Анни.—Я пріѣхала уже позже... А ты часто пріѣзжаешь сюда?—спросила Анни, помолчавъ.

— Иногда.

— Я такъ рада, что мы встрѣтились.

Киппсъ почувствовалъ, что въ душѣ его проснулось что-то забытое, радостное.

— Анни!—сказалъ онъ взволнованно, глядя ей въ счастли-

счастливо въ одномъ мѣстѣ, когда оно несчастно въ другомъ. Нужно все — или не будетъ ничего; никакія заплаты не помогутъ. Общество — цѣльный организмъ, который или здоровъ, или боленъ. Здоровыя ноги вамъ ни къ чему, если болитъ голова. Поэтому ни одинъ классъ общества отдѣльно не бываетъ счастливъ, дѣйствительно счастливъ, а не только съ виду. Таково мое убѣжденіе, и потому у меня нѣтъ никакого желанія подниматься вверхъ по общественной лѣстницѣ. Не стоитъ. Міръ боленъ, — и я сомнѣваюсь въ возможности излеченія.

— Мы, соціалисты, вылечимъ его, — сказалъ Сидъ. — Мы создадимъ новую цивилизацію.

— Сидъ оптимистъ, — сказалъ Мастерманъ Киппсу съ грустной улыбкой. — Я не вѣрю въ обновленіе. У людей нѣтъ творческаго воображенія, нужнаго для того, чтобы создать новую культуру. И во всякомъ случаѣ передъ нами нѣсколько вѣковъ общаго смятенія, во время котораго люди будутъ безсмысленно погибать, какъ при случайной давкѣ на улицѣ. Будутъ революціи, войны, экономическая борьба, крахи — и каждый будетъ все это чувствовать на себѣ.

Киппсъ попросилъ посвятить его въ цѣли соціализма; оказалось, что онъ совершенно ничего не знаетъ, и Сидъ сталъ ему излагать основу соціалистическихъ теорій. Мастерманъ сначала только поправлялъ его, когда онъ былъ не совсѣмъ точенъ, но мало-по-малу онъ самъ оживился, забылъ на время о своемъ пессимизмѣ, и сталъ такъ сильно и убѣжденно нападать на богатство привилегированныхъ классовъ, что увлекъ своего гостя. Киппсъ забылъ, что онъ самъ теперь принадлежитъ къ разряду богачей и пострадалъ бы отъ перемѣнъ, которыхъ требовалъ Мастерманъ, продолжавшій громить высшіе классы.

— У нихъ есть всѣ средства умножать знанія и пользоваться новыми изобрѣтеніями и открытіями, — говорилъ онъ, — а они не умѣютъ извлечь ничего путнаго изъ всего этого. Автомобили они употребляютъ на то, чтобы, одѣвшись какими-то дикарями, мчаться по дорогамъ и давить дѣтей. Они имѣютъ возможность путешествовать, у нихъ сколько угодно свободнаго времени, и все это совершенно ни къ чему. Подъ ихъ ногами люди живутъ во мракѣ, въ нищетѣ, а они не устраиваютъ школъ, пользуются чужимъ трудомъ и спѣшатъ забыть о чужихъ страданіяхъ, чтобы не портить своего веселаго настроенія. Нищета все растетъ, а эта кучка привилегированныхъ тунеядцевъ ничего не дѣлаетъ, чтобы помочь дѣлу... И сами они живутъ уродливо; ихъ женщины красятся и наряжаются, чтобы скрыть подъ роскошью нарядовъ свое

уродство; они рады сдѣлать что угодно ради денегъ; женщины согласны выйти замужъ за кого угодно, лишь бы жить въ роскоши. У нихъ у всѣхъ нѣтъ вѣры въ себя. Никто не вѣритъ въ справедливость законовъ, въ благородство чьихъ-либо побужденій. Всѣ идутъ проторенной дорожкой, пока есть деньги.... Но этому наступитъ конецъ. Такъ продолжаться не можетъ...

Онъ остановился, сильно закашлявшись, и, къ ужасу Киппса, выплюнулъ довольно много крови.—Это ничего не значитъ,—отвѣтилъ онъ, замѣтивъ ужасъ Киппса, и продолжалъ громить безсовѣстность эксплуататоровъ. Онъ вспомнилъ о своемъ собственномъ дѣтствѣ, о томъ, какъ онъ съ тринадцати лѣтъ работалъ на фабрикѣ и потомъ сидѣлъ по ночамъ, чтобы удовлетворить своей жаждѣ знаній, какъ ему въ теченіе всей молодости пришлось бороться за образованіе, какъ другіе борются за кусокъ хлѣба, какъ онъ не могъ попасть въ университетъ...—Я способнѣе десяти принцевъ крови,—говорилъ онъ,—а меня придавили, и я никуда не годенъ. Еслибы я направилъ свои силы на то, чтобы надувать ближнихъ, я бы процвѣлъ... Теперь поздно!.. Да, міръ никуда не годенъ, и всякая живая душа должна неминуемо погибнуть!.. Дайте мнѣ еще папироску!—сказалъ онъ Киппсу уже другимъ, спокойнымъ голосомъ. Рука его дрожала, когда онъ взялъ папиросу, и на щекахъ показались красныя пятна. Въ эту минуту въ комнату вошла м-ссъ Сидъ Порникъ, и Мастерманъ поглядѣлъ на нее съ виноватымъ видомъ.

— Опять говорили о соціализмѣ!—сказала м-ссъ Сидъ съ упрекомъ.

Киппсъ ушелъ отъ Сида уже часовъ въ шесть. Онъ шелъ, глубоко задумавшись о словахъ Мастермана. Увидавъ по дорогѣ скамейку, онъ сѣлъ, продолжая размышлять. Отъ теорій Мастермана мысли его перешли на нѣчто другое. Какъ разъ передъ самымъ уходомъ Сидъ спросилъ его:

— Ты не встрѣчалъ Анни за это время?—и прежде чѣмъ Киппсъ успѣлъ отвѣтить, прибавилъ:—Теперь ты навѣрное встрѣтишь ее. Она поступила на мѣсто въ Фолькстонѣ.

Это извѣстіе было для него важнѣе всѣхъ нападокъ Мастермана на неустройство міра. Возможно, что онъ встрѣтитъ Анни, очень возможно. Ему бы очень этого хотѣлось,—но что если онъ встрѣтитъ ее, гуляя съ Еленой? Вотъ будетъ исторія! Жизнь стала слишкомъ сложной для бѣднаго Киппса. Онъ въ эту минуту пожалѣлъ отъ всей души о томъ, что вторично ѣздилъ въ Ромнэ, а главное, что поцѣловалъ Анни. И какъ это онъ тогда совершенно забылъ объ Еленѣ? Теперь-то онъ твердо помнилъ о

ней. Онъ рѣшилъ, что напишетъ ей въ непринужденномъ тонѣ письмо, сообщая, что ему пришлось уѣхать въ Лондонъ на нѣсколько дней,—и старался представить себѣ лицо Елены, когда она будетъ читать это письмо. Онъ напишетъ также своимъ старикамъ, извинится и объяснитъ, что его вызвали по дѣламъ. Они-то, конечно, удовлетворятся его сообщеніемъ, но Елена не то—Елена потребуетъ объясненій. Онъ подумалъ, что хорошо бы совсѣмъ не возвращаться въ Фолькстонъ. Это положило бы конецъ всему...

Мимо Киппса прошла дама, одѣтая чрезвычайно изящно, хотя просто; ее сопровождали два безукоризненно одѣтыхъ молодыхъ человѣка. Киппсъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, подумалъ, что они, быть можетъ, богаче его, но что имъ хорошо жить на свѣтѣ—не то, что ему. Ихъ ничего не угнетаетъ, они знаютъ, какъ одѣться, и чувствуютъ себя свободно и хорошо во всѣхъ обстоятельствахъ. У нихъ, навѣрное, нѣтъ нежелательныхъ связей и отношеній въ жизни. Еслибы, напримѣръ, эта дама сдѣлалась невѣстой одного изъ сопровождавшихъ ее джентльменовъ, ей не угрожало бы появленіе плотнаго дядюшки съ склонностью къ родственнымъ объятіямъ; жениху ея нечего бы было также опасаться встрѣчи съ Читерло или съ бывшими товарищами по магазину.

Мысли Киппса опять вернулись къ Еленѣ, и онъ сталъ себѣ представлять ихъ совмѣстную жизнь въ Лондонѣ, вдали отъ его прежней среды. Елена—какъ трудно ее иногда понимать! Онъ глубоко задумался. Они будутъ вести свѣтскую жизнь,—начнутся обѣды, визиты, приглашенія къ чаю. Конечно, постепенно онъ со всѣмъ этимъ свыкнется, но пока трудно. Какъ знать, что за обѣдомъ ѣдятъ вилкой, что ножомъ? Ему казалось, что онъ никогда не научится этимъ премудростямъ. Хорошо, что онъ хоть пропуститъ на этотъ разъ чай съ анаграммами. Но какъ объяснить Еленѣ свое отсутствіе? Она, очевидно, желала, чтобы онъ непремѣнно тамъ былъ,—Киппсъ вспомнилъ, какъ она настаивала. Но вѣдь онъ знаетъ, что будетъ чувствовать себя тамъ отвратительно. Лучше ужъ онъ приметъ другое, ожидавшее его дома, приглашеніе на обѣдъ. Это все-таки не такъ ужасно, какъ чай съ анаграммами. А что еще будетъ, если, пріѣхавъ въ Фолькстонъ, онъ прежде всего натолкнется на Анни? Ужасно! Хорошо, что они переѣдутъ въ Лондонъ. Тутъ безопаснѣе. Но и тутъ онъ не огражденъ отъ старыхъ связей: во-первыхъ, навѣрное, вслѣдъ за нимъ пріѣдетъ и Читерло—ставить свою пьесу. И онъ себѣ представлялъ, какъ среди какого-нибудь свѣтскаго общества Чи-

терло приведетъ всѣхъ въ ужасъ своимъ громовымъ краснорѣчіемъ, своей самоувѣренностью. А Сидъ... Къ Сиду нельзя повернуть спину. Не дай Богъ: Киппсъ слишкомъ бы страдалъ, еслибы въ его присутствіи съ Сидомъ обратились, какъ Кутъ съ Буггинсомъ и Пирсомъ. Особенно послѣ того, какъ онъ обѣдалъ у своего друга дѣтства. Къ тому же Сидъ—братъ Анни. А что если встрѣтить Анни въ присутствіи Елены или Кута? Какой ужасъ! Киппсъ бросилъ недокуренную папиросу и продолжалъ путь къ „Грандъ-Отелю", поглощенный всѣми этими осложненіями жизни. А люди еще думаютъ, что деньги устраняютъ заботы!

Киппсъ послѣ того выносилъ величіе „Грандъ-Отеля" еще въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей, а потомъ постыдно бѣжалъ. Отель подавилъ Киппса не намѣренно, а просто своимъ царственнымъ величіемъ и чрезмѣрностью комфорта. Непріятности начались, какъ только онъ вернулся отъ Сида. Оказалось, что онъ потерялъ круглый кусокъ картона съ нумеромъ своей комнаты. Онъ ходилъ нѣсколько времени, не зная, что ему дѣлать, по hall'ю и корридорамъ, до тѣхъ поръ, пока замѣтилъ, что вся прислуга въ шапочкахъ съ галунами глядитъ на него и, повидимому, смѣется надъ нимъ. Наконецъ, гдѣ-то въ тихомъ уголку внизу, подлѣ парикмахерской, онъ замѣтилъ человѣка въ зеленой ливреѣ и съ добрымъ лицомъ. Тотъ не сталъ надъ нимъ смѣяться, а выказалъ полную готовность помочь ему, сказалъ, что нужно сдѣлать, досталъ его ключъ и провелъ его по лифту и потомъ по корридору въ его комнату. Киппсъ далъ ему полъкроны.

Очутившись благополучно у себя въ комнатѣ, Киппсъ сталъ одѣваться къ обѣду. Помня наставленія Уольшингэма, онъ привезъ съ собой фракъ и теперь облачился въ него. Но, къ несчастью, въ попыткахъ бѣгства, онъ забылъ захватить еще одну пару ботинокъ, и нѣсколько времени не могъ рѣшить, надѣть ли ему свои красныя суконныя туфли съ золотымъ шитьемъ, или стереть самому пыль съ своихъ сапогъ полотенцемъ и снова надѣть ихъ. Такъ какъ у него болѣли ноги отъ ходьбы, то онъ предпочелъ туфли. Уже потомъ, когда онъ увидѣлъ, что и лакеи, служившіе за столомъ, и всѣ обѣдающіе устремили сразу взоры на его обувь, онъ пожалѣлъ, что не надѣлъ лучше сапоги. Но чтобы возмѣстить одинъ недочетъ костюма корректностью всего остальнаго, онъ захватилъ съ собой свой клакъ.

Столовую онъ нашелъ безъ труда. Это было огромное, залитое свѣтомъ помѣщеніе, и множество людей обѣдали — повидимому, совершенно непринужденно—за столиками, освѣщенными

свѣчами подъ красными абажурами; мужчины были во фракахъ, а дамы всѣ въ глубокомъ декольтэ. Оркестръ музыки помѣщался въ особомъ углу, и всѣ музыканты стали глядѣть въ упоръ на красныя туфли Киппса при его появленіи. Самое непріятное было то, что пришлось безконечно долго идти по открытому мѣсту, прежде чѣмъ можно было укрыть красныя туфли подъ столикомъ. Киппсъ выбралъ маленькій столикъ—не тотъ, у котораго лакей съ наглымъ лицомъ стоялъ, подставляя ему стулъ, а другой,—и сѣлъ. Не зная, куда дѣвать свой клакъ, онъ приподнялся и сѣлъ на него (клакъ найденъ былъ поздно вечеромъ кѣмъ-то изъ ужинающихъ и возвращенъ по принадлежности на слѣдующій день).

Киппсъ развернулъ салфетку и приготовился обѣдать. Супъ онъ выбралъ безъ затрудненія, увидавъ на карточкѣ: „бульонъ", но былъ болѣе смущенъ, когда ему подали карточку винъ. Онъ перевернулъ ее, и, найдя на оборотѣ перечисленіе разныхъ родовъ водокъ и ликеровъ, твердо велѣлъ лакею принести виски „Маѳусаила", хотя на карточкѣ эта марка не была обозначена. Лакей пошелъ спросить, и Киппсъ сталъ ѣсть супъ съ приподнятымъ чувствомъ самоуваженія. Оказалось, однако, что требуемой имъ виски нѣтъ, и Киппсъ заказалъ тогда красное вино. Ему принесли полъ-бутылки, и онъ уже сталъ чувствовать себя совсѣмъ недурно. Но вдругъ, оглядываясь вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что за сосѣдними столиками сидѣли ужасныя женщины—полуобнаженныя, съ возбужденными отъ вина лицами, и всѣ онѣ смѣялись, поглядывая въ его сторону. Какія несносныя существа! Киппсъ замѣтилъ, что и одинъ изъ лакеевъ тоже все поглядываетъ на него, и покраснѣлъ. Онъ старался уже не поднимать глазъ, сталъ ѣсть рыбу, путаясь въ ассортиментѣ вилокъ и ножей, разложенныхъ возлѣ его прибора. Вдругъ онъ замѣтилъ, что дама въ розовомъ, сидѣвшая за сосѣднимъ столикомъ, ѣстъ рыбу совсѣмъ по другому.

Но растерянность Киппса стала все увеличиваться послѣ того, какъ онъ не могъ справиться съ своимъ vol au vent; онъ пробовалъ ѣсть его сначала ножомъ, потомъ, по примѣру дамы въ розовомъ, вилкой, но не могъ ничего выловить, покраснѣлъ, расплескалъ соусъ себѣ на рубашку и жилетъ, попробовалъ поправить дѣло ложкой и возбудилъ вниманіе лакеевъ, бросившихся вытирать пятна салфеткой... Онъ чувствовалъ, что всѣ вокругъ смотрятъ и смѣются, и съ каждой минутой все больше терялъ самообладаніе. Его бѣсила несправедливость направленныхъ на него насмѣшливыхъ взглядовъ. Чѣмъ онъ виноватъ, что

не умѣетъ вести себя за столомъ? Хорошо имъ, которыхъ съ дѣтства обучали хорошимъ манерамъ! Онъ ничего не знаетъ, старается, насколько умѣетъ, быть корректнымъ, а они же его высмѣиваютъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя соціалистомъ. Пусть бы скорѣе наступили тощіе годы для богачей—пусть! Онъ будетъ очень радъ.

Подали баранину съ горошкомъ,—но отъ горошка онъ отказался, зная, къ какимъ злоключеніямъ это можетъ привести опять. Но когда горошекъ пронесли мимо, онъ почувствовалъ негодованіе противъ этихъ безстыдно раздѣтыхъ женщинъ, которыя еще осмѣливаются критиковать его. Какъ онъ радъ, что не принадлежитъ къ числу этихъ нахаловъ, глядящихъ на него во всѣ глаза!

Когда среди обѣда заигралъ оркестръ и случайно исполнилъ какъ-разъ какой-то военный маршъ, Киппсъ еще болѣе ощутилъ въ себѣ полную нравственную метаморфозу. Всѣ его идеалы измѣнились. Послушный ученикъ Кута, уже „почти джентльменъ", вдругъ превратился въ бунтаря, въ отщепенца, въ ненавистника всѣхъ общественныхъ условностей. Его приводило въ негодованіе это собраніе грабителей, готовыхъ эксплуатировать всѣхъ ради своей выгоды. Отъ всѣхъ послѣдующихъ блюдъ онъ отказывался, отстраняя лакея очень рѣшительными жестами. Станетъ онъ ѣсть эту несуразную ѣду, приготовленную какими-то иностранными поварами! Онъ сталъ пить вино, обмакивая въ него кусочекъ булки. Увидѣвъ устремленный на него взглядъ одного изъ обѣдающихъ, онъ столь же пристально поглядѣлъ въ отвѣтъ. Пусть смотрятъ. Онъ имѣетъ полное право не ѣсть того, что̀ ему не нравится.

Наконецъ подали мороженое, и Киппсъ взялъ кусочекъ. Но оно оказалось такимъ твердымъ, что подъ напоромъ вилки и ножа, которыми Киппсъ аттаковывалъ свою бомбу, кусочекъ ея отскочилъ довольно далеко и шлепнулся объ полъ. За сосѣднимъ столомъ громко засмѣялись.

Что̀ дѣлать? Бросить въ нихъ остатокъ бомбы? Бѣжать? Во всякомъ случаѣ нужно удалиться съ достоинствомъ. Киппсъ отстранилъ лакея, принесшаго ему снова блюдо съ мороженымъ, уперся обѣими руками объ столъ, отодвинулся назадъ на стулѣ, высвободилъ красныя туфли изъ-подъ скатерти и всталъ. Затѣмъ онъ осторожно переступилъ черезъ лежавшій на полу кусокъ мороженаго, бросилъ салфетку подъ столъ, засунулъ руки въ карманы и ушелъ, отряхая прахъ отъ ногъ. Онъ оставилъ позади себя кусокъ растаявшаго мороженаго на полу, свой клакъ

на стулѣ и, кромѣ того, всякое поползновеніе на то, чтобы стать свѣтскимъ человѣкомъ...

Киппсъ вернулся въ Фолькстонъ къ знаменитому чаю съ анаграммами—но не потому, что послѣ всего пережитого за обѣдомъ ему захотѣлось опять очутиться въ свѣтскомъ обществѣ,—а только потому, что онъ не могъ дольше выдержать единоборство съ „Грандъ-Отелемъ“. Снаружи онъ оставался спокоенъ, но внутренно онъ былъ измученъ борьбой, сомнѣніями, униженіями, и ему хотѣлось во что бы то ни стало отстоять свою личность въ отчаянномъ поединкѣ съ отелемъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы это чудище одолѣло его безъ борьбы,—но въ концѣ концовъ все-таки долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Шансы двухъ противниковъ были слишкомъ неравные. Съ одной стороны онъ — и къ тому же съ одной только парой ботинокъ. А съ другой—лабиринтъ комнатъ, покрывающихъ нѣсколько акровъ земли, болѣе тысячи человѣкъ, служащихъ и гостей, главное занятіе которыхъ, повидимому, заключалось въ томъ, чтобы насмѣшливо глядѣть на Киппса, смѣяться надъ нимъ за его спиной и всячески унижать его. Уже электрическое освѣщеніе послужило орудіемъ побѣды отеля надъ Киппсомъ. Послѣ обѣда, къ Киппсу явилась горничная, непріятная, суровая дѣвица съ надменнымъ лицомъ; она пришла, вызванная звонкомъ Киппса, который позвонилъ, думая, что поворачиваетъ кнопку отъ электричества.

— Гдѣ свѣча и спички?—спросилъ Киппсъ, потирая ушибленный въ темнотѣ локоть.

Отель объяснилъ, что электричество замѣняетъ свѣчи, и побѣдилъ, унизивъ Киппса.

— Откуда мнѣ знать?—спросилъ Киппсъ.

— Да, откуда вамъ знать!—сердито отвѣтила горничная, и вышла, хлопнувъ дверью. „Кажется, нужно было бы дать ей на чай“,—подумалъ Киппсъ.

Онъ очистилъ сапоги платкомъ и вышелъ прогуляться, потомъ вернулся въ кэбѣ. На слѣдующее утро побѣда оказалась опять на сторонѣ отеля. Киппсъ не зналъ, что нужно выставить сапоги за дверь, и сапоги остались нечищенными. Затѣмъ отель насмѣялся надъ нимъ, принеся горячую воду для мытья, когда Киппсъ уже былъ совершенно одѣтъ.

Человѣкъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на него, и Киппсъ почувствовалъ себя униженнымъ.

Но главное торжество отеля надъ Киппсомъ заключалось въ томъ, что сутки имѣютъ двадцать-четыре часа, а Киппсу нечѣмъ было наполнить ни одинъ изъ этихъ долгихъ часовъ. У

него болѣли ноги отъ ходьбы наканунѣ, и онъ не рѣшался предпринимать опять длинныя прогулки. Онъ нѣсколько разъ выходилъ и возвращался въ отель, и вѣжливостъ швейцара, который каждый разъ снималъ передъ нимъ шапку, навела его на мысль, что ему нужно дать на чай. Онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и далъ ему шиллингъ, а потомъ продолжалъ уже давать всѣмъ безъ разбора. Купивъ газету, онъ отдалъ мальчику сдачу съ шиллинга, потомъ поднялся къ себѣ на лифтѣ, далъ шесть пенсовъ человѣку—и забылъ газету въ лифтѣ. Встрѣтивъ горничную въ корридорѣ, онъ далъ ей полъ-кроны. Онъ рѣшилъ создать себѣ положеніе въ отелѣ этимъ путемъ. Все въ отелѣ ему не нравилось, даже возмущало его съ точки зрѣнія политической, соціальной и нравственной, но онъ не хотѣлъ показаться мелочнымъ среди этой давящей его роскоши. Спустившись внизъ по лифту (опять давъ человѣку шесть пенсовъ), онъ встрѣтилъ лакея, который несъ ему его клакъ,—и далъ лакею полъ-кроны. Пусть прислуга смотритъ на него какъ на оригинала, но пусть чувствуетъ къ нему расположеніе. Когда у него не хватило серебра, онъ пошелъ размѣнять у кассы въ hall'ѣ. Онъ далъ при этомъ на чай человѣку въ зеленой ливреѣ, подумавъ, что это тотъ, который помогъ ему найти его комнату наканунѣ. Затѣмъ онъ вышелъ изъ отеля, сталъ ѣздить изъ конца въ конецъ по разнымъ омнибусамъ, побывалъ въ какихъ-то далекихъ кварталахъ и поѣхалъ обратно. Онъ позавтракалъ гдѣ-то въ скверномъ ресторанчикѣ и часа въ три вернулся въ „Грандъ-Отель". Утомившись отъ ѣзды, онъ пошелъ пить чай въ гостиную.

Ему вдругъ показалось, что его щедрость, быть можетъ, только портитъ его положеніе. На него смотрятъ не съ почтеніемъ, а съ любопытствомъ, интересуясь тѣмъ, кому онъ опять вздумаетъ дать на чай. Но было уже поздно мѣнять,—подумаютъ, что у него не хватило денегъ. Опять отель одержалъ побѣду надъ нимъ.

Но и ему представился случай отомстить отелю за всѣ униженія и хоть разъ выйти побѣдителемъ. Это произошло во время чая въ гостиной. Когда Киппсъ вошелъ въ гостиную, тамъ было довольно тихо. Онъ удобно развалился въ креслѣ, но потомъ вдругъ обезпокоился, что слишкомъ выставляетъ на видъ свои запыленные сапоги, и сѣлъ прямо. Мало-по-малу комната стала наполняться группами людей высшаго и буржуазнаго круга. Они тоже пришли пить чай, и при видѣ ихъ въ сердцѣ Киппса опять закипѣла ненависть.

По близости отъ него появилась дама, блондинка, съ высоко взбитыми волосами. Она разговаривала съ пасторомъ, который вѣроятно былъ ея гостемъ къ чаю. Онъ говорилъ очень почтительнымъ, тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ,—сказала она,—лэди Джэнъ этого не перенесетъ.

Пасторъ пробормоталъ что-то невнятное. — У бѣдной лэди Джэнъ такое нѣжное сердце!—произнесла опять блондинка авторитетно и отчетливо. Къ нимъ подошелъ затѣмъ толстый господинъ съ бритымъ лицомъ и важнымъ видомъ, подсѣлъ къ нимъ и тоже заговорилъ, слегка картавя, о „бѣдной лэди Джэнъ и ея горѣ". Съ правой стороны Киппса сѣла молодая парочка, чрезвычайно нарядная американка и господинъ, одѣтый съ иголочки; не обращая никакого вниманія на Киппса, они стали смѣяться и разговаривать о своихъ дѣлахъ. Киппсъ чувствовалъ, до чего они всѣ своимъ поведеніемъ выключаютъ его изъ своего круга, и у него возникло непреодолимое желаніе какъ-нибудь проявить свою личность. Какъ это сдѣлать? Произнести монологъ въ духѣ Мастермана? Понимая, что это невозможно, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, показать свою независимость. Разглядывая залу, онъ вдругъ увидѣлъ музыкальный ящикъ, и рѣшилъ завести его. Это докажетъ всѣмъ, что онъ тутъ совершенно не стѣсняется, какъ и они, и что онъ человѣкъ со вкусомъ, любящій музыку. Онъ поднялся, прочелъ списокъ пьесъ, выбралъ первую попавшуюся, вложилъ шестипенсовую монету въ отверстіе — и приготовился слушать пріятную мелодію.

Музыка оказалась оглушительно громкой — совершенно неподходящей къ изысканной атмосферѣ аристократическаго отеля. И группа друзей лэди Джэнъ, и молодая американка пришли въ полный ужасъ. Разговоры остановились и замѣнились отчаянными жестами.—Нельзя ли остановить этотъ ужасъ?—крикнула пріятельница лэди Джэнъ, указывая пальцемъ въ перчаткѣ на инструментъ пытки и говоря что-то лакею объ „ужасномъ молодомъ человѣкѣ".—Нужно бы устроить, чтобы механизмъ не дѣйствовалъ,—сказалъ пасторъ, и лакей покорно наклонилъ голову. Всѣ стали поспѣшно покидать гостиную. Киппсъ съ чувствомъ истиннаго наслажденія откинулся въ креслѣ, кончилъ чай, заплатилъ, давъ очень щедро на чай, и медленно направился къ двери. Его выходъ преисполнилъ мѣру терпѣнія возмущенной пріятельницы лэди Джэнъ, и, выходя изъ двери, онъ видѣлъ еще ея жестъ, выражавшій вопросъ: „Неужели нельзя остановить?" Звуки музыки сопровождали его, черезъ коридоръ, въ лифтѣ, и затихли только когда онъ пришелъ къ себѣ въ комнату. А потомъ онъ видѣлъ

изъ окна своей комнаты, что пріятельница лэди Джэнъ и ея гости пили чай на дворѣ, на вынесенномъ имъ туда столикѣ.

На этотъ разъ онъ дѣйствительно побѣдилъ,—но этотъ разъ былъ единственнымъ. Во всемъ остальномъ побѣда была на сторонѣ высшихъ классовъ и отеля. И онъ даже усомнился, можно ли это считать побѣдой. Довольно мелко и вульгарно мѣшать людямъ разговаривать, поднимая вокругъ нихъ шумъ. Онъ увидѣлъ, какъ одинъ изъ служащихъ конторы многозначительно взглянулъ на него, и подумалъ, что отель отомститъ ему, заставивъ его уплатить безконечное количество фунтовъ. Что̀ если у него не хватитъ денегъ уплатить по счету? Замѣтивъ, что кто-то опять снялъ передъ нимъ шапку, Киппсъ машинально сунулъ ему шиллингъ. Но онъ началъ этимъ тяготиться. Чортъ знаетъ, сколько выходитъ денегъ на вѣчное cованіе ихъ, — къ тому же совершенно безцѣльное! Что̀ если отель представитъ ему невозможный счетъ? Отказаться платить? Поднять скандалъ? Но не лѣзть же въ драку со всѣми людьми въ зеленыхъ ливреяхъ...

Около семи часовъ онъ вышелъ, пообѣдалъ опять въ демократическомъ кварталѣ, пошелъ въ music hall, но упражненія акробатовъ показались ему скучными, и онъ поѣхалъ домой. Онъ далъ опять на чай человѣку, поднявшему его на лифтѣ, и наконецъ радъ былъ лечь въ постель. Но онъ не могъ заснуть, и сталъ вспоминать, что весь день прошелъ въ неустанной раздачѣ шиллинговъ и полукронъ, вспомнилъ ужасы обѣда наканунѣ, потомъ вспомнилъ еще скандалъ въ гостиной за чаемъ. Завтра, конечно, объ этомъ будетъ знать весь отель. Очевидно, такъ продолжаться не можетъ. Онъ призналъ свое пораженіе.

На слѣдующее утро Киппсъ заявилъ о своемъ отъѣздѣ, сталъ раздавать на чай всѣмъ, кто не уклонялся съ достаточной быстротой и твердостью. Онъ сунулъ даже шиллингъ въ руку какому-то разсѣянному торговцу брилліантами изъ Южной Америки, который стоялъ въ сѣняхъ, поджидая жену. Затѣмъ онъ съ глубокимъ ожесточеніемъ въ сердцѣ покинулъ отель—въ кэбѣ, которому заплатилъ на Черингъ-Кроссѣ четыре шиллинга. Послѣ того на него напалъ внезапный припадокъ скупости; отклонивъ услуги носильщика, онъ самъ понесъ свой чемоданъ въ поѣздъ.

VI.

По волѣ судебъ, Киппсъ все-таки очутился на чаѣ съ анаграммами. Вернувшись въ Фолькстонъ, онъ рѣшилъ, что уже лучше

увидаться съ Еленой на людяхъ, чѣмъ объяснять ей свое бѣгство съ глазу на глазъ. Онъ рѣшилъ, что все равно, рано или поздно, придется бывать въ обществѣ, когда онъ женится на Еленѣ; такъ ужъ все равно — пусть новая жизнь начнется съ чая съ анаграммами. Нужно забыть все, что было и въ Ромнэ, и въ Лондонѣ, въ „Грандъ-Отелѣ"; нужно возстановить свое пошатнувшееся общественное положеніе, разъ навсегда забывъ и про Анни, и про Читерло, и отдаться во власть Елены и Кута. Тяжело забыть про Анни, но что же дѣлать!..

Онъ одѣлся—не слишкомъ нарядно, а какъ-разъ такъ, какъ слѣдуетъ, помня уроки Елены, и пошелъ къ м-ссъ Биндонъ Ботингъ въ назначенный часъ. Но съ самаго входа его ожидало нѣчто, измѣнившее всѣ его рѣшенія и планы. Ему отворила двери Анни. Обоюдное ихъ изумленіе было такъ велико, что они не могли произнести ни слова. Особенно ошеломлена была, конечно, Анни, не имѣвшая понятія о метаморфозѣ Киппса. И при этомъ она должна была сдержаться, не выйти изъ роли служанки, исполняющей свои обязанности при пріемѣ гостей, взять у Киппса шляпу и палку. Онъ едва успѣлъ шепнуть ей: „Анни!", какъ завидѣвшія его дочери хозяйки бросились къ нему, ввели его въ гостиную, стали посвящать его въ тайны предстоящей игры, занимать его разговорами, засыпать его вопросами. А у него кружилась голова, и онъ думалъ только о томъ, какъ бы поймать на минутку Анни и хоть что-нибудь объяснить ей. Онъ говорилъ съ хозяйкой крайне разсѣянно, все вокругъ него ему казалось совершенно безсмысленнымъ, и онъ опять почувствовалъ себя ученикомъ Мастермана, возмущеннымъ безцѣльностью и безполезностью свѣтскаго образа жизни. Елена, встрѣтившая его безъ гнѣва (онъ даже удивился ея снисходительности), увлечена была разговоромъ съ мѣстнымъ пасторомъ. Онъ воспользовался случаемъ, когда Анни появилась въ гостиной, и, указавъ ей на Елену, шепнулъ незамѣтно для другихъ:—Это моя невѣста.

Бѣдная Анни! Она взглянула на него съ выраженіемъ полной безпомощности на лицѣ; но ее отозвали, ей что-то приказывали, и она умчалась, выполняя распоряженія хозяйки.

Киппсъ рѣшилъ уйти. Среди общаго оживленія, когда игра въ анаграммы только-что наладилась, когда къ Киппсу приставали какія-то барышни съ анаграммами его имени, онъ вышелъ изъ гостиной, попрощался съ хозяйкой, которая зорко слѣдила за нимъ, и, несмотря на всѣ ея протесты, ушелъ—съ полнымъ отчаяніемъ въ душѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того былъ званый обѣдъ у

м-ссъ Вэсъ. Киппсъ сидѣлъ у себя, уже совершенно одѣтый, и поджидалъ Кута, который обѣщалъ зайти за нимъ. На столѣ лежала книга „Манеры и правила"; Киппсъ только-что прочелъ въ ней, что отказаться отъ принятаго уже приглашенія къ обѣду разрѣшается только въ случаѣ какой-нибудь семейной катастрофы. Онъ сидѣлъ очень мрачный. Днемъ у него было объясненіе съ Еленой. Онъ сказалъ ей, что ему непріятно бывать въ обществѣ, а она очень твердо и спокойно настаивала на необходимости вести свѣтскую жизнь уже здѣсь, чтобы подготовиться къ Лондону. Она мягко, но строго заявила ему, что имѣетъ въ виду его же пользу,—и онъ не зналъ, что ей отвѣтить. Теперь онъ думалъ объ этомъ разговорѣ, о предстоящей жизни въ Лондонѣ, гдѣ Елена и, главнымъ образомъ, ея братъ будутъ завоевывать высшій свѣтъ. Предполагается, что онъ будетъ всячески способствовать успѣхамъ братца... и среди этихъ новыхъ заботъ онъ уже никогда не увидитъ Анни. Въ то время, какъ онъ думалъ объ этомъ, вошла горничная и принесла маленькій конвертикъ, на которомъ было написано: „Господину Артуру Киппсу".

— Это письмо принесла какая-то молодая дѣвушка,—сказала горничная нѣсколько строгимъ тономъ.

— Какая дѣвушка?—спросилъ Киппсъ и вдругъ обезпокоился.

— Съ виду горничная,—послѣдовалъ холодный отвѣтъ.

— Хорошо,—сказалъ Киппсъ.

Когда горничная вышла, Киппсъ быстро открылъ конвертъ— и изъ него выпала половинка шестипенсовой монетки. И больше ничего, ни одной строчки! Онъ стоялъ съ конвертомъ въ рукахъ, когда вошелъ Кутъ, который нашелъ, что Киппсъ очень блѣденъ.

— Нужно взять себя въ руки,—сказалъ Кутъ, дружески хлопая Киппса по плечу.—Нечего приходить въ отчаяніе. Вы превзойдете всѣ трудности, сдѣлаетесь образцомъ свѣтскости.

Киппсъ пришелъ на обѣдъ очень мрачный, и первыя же впечатлѣнія привели его въ еще болѣе угнетенное состояніе духа. Онъ увидѣлъ Елену въ открытомъ вечернемъ туалетѣ, и она показалась ему ужасной. Всѣ другія дамы были тоже въ открытыхъ платьяхъ, но декольтэ Елены было самое нескромное. Она была, несомнѣнно, очень красива, видимо сознавала это и обворожительно всѣмъ улыбалась,—въ томъ числѣ и Киппсу. Она очевидно совершенно забыла про ихъ маленькую ссору днемъ и была въ самомъ радужномъ настроеніи. Но Киппсъ при видѣ ея вдругъ почувствовалъ внутреннее освобожденіе. Она стала для него далекой, чуждой, совершенно немыслимой въ роли его подруги и жены. Она приписала его странную холодность сму-

щенію при видѣ ея ослѣпительной красоты, и, окинувъ его ласковымъ взглядомъ, заговорила съ м-ссъ Биндонъ Ботингъ. Киппсъ ощупалъ въ карманѣ монетку бѣдной Анни и сжалъ ее въ рукѣ, какъ талисманъ. Изъ разговора Елены съ м-ссъ Ботингъ онъ узналъ, что къ обѣду ожидается знаменитый м-ръ Ревель, модный романистъ, о которомъ Елена такъ много говорила Киппсу, какъ о своемъ бывшемъ другѣ, съ которымъ она не видалась послѣ его женитьбы. Онъ вдругъ понялъ, для кого Елена явилась сегодня во всеоружіи своей красоты,—и ея нескромный туалетъ показался ему еще болѣе непростительнымъ. Онъ поглядѣлъ на своего ментора Кута—и ясно увидѣлъ, что и ему не нравится туалетъ Елены. И ему онъ кажется неприличнымъ.

Елена была нѣкогда для Киппса очаровательной романтической мечтой—какимъ-то неземнымъ идеаломъ. А теперь завершилась ея полная матеріализація — и послѣднее очарованіе исчезло. И ради нея онъ отказался отъ Анни!.. Какое безуміе!

Киппсъ рѣшилъ протестовать противъ поведенія Елены самымъ рѣшительнымъ образомъ. Эти мысли и внутреннія рѣшенія волновали его настолько, что онъ очень разсѣянно слушалъ занимавшую его разговорами хозяйку дома и невпопадъ отвѣчалъ ей. Вскорѣ явился Ревель и сразу сдѣлался центромъ общества. Киппсу показалось, что внѣшность его не соотвѣтствуетъ славѣ моднаго писателя. Одѣтъ онъ былъ довольно небрежно, фигура у него была слишкомъ плотная; онъ, повидимому, не занимался спортомъ, подобно героямъ его романовъ. Войдя въ гостиную, онъ отыскалъ взглядомъ Елену, подошелъ къ ней, и они поздоровались съ фамильярностью, которая не понравилась Киппсу. По нервному покашливанію Кута Киппсъ заключилъ, что и онъ не одобрялъ поведенія Елены въ этотъ вечеръ. Къ столу она пошла подъ-руку съ Киппсомъ, но онъ былъ неразговорчивъ и не расположенъ восхищаться красотой своей невѣсты. За обѣдомъ Ревель сразу завладѣлъ общимъ вниманіемъ, какъ бы считая своимъ долгомъ занимать общество. Но у него оказалась соперница въ лицѣ м-ссъ Биндонъ Ботингъ; она привыкла блистать своими разговорными талантами въ кругу друзей, и теперь ей особенно хотѣлось отличиться передъ лондонскимъ гостемъ. Она умѣла разсказывать самые незначительные факты изъ домашняго обихода, дѣлая ихъ интересными для всѣхъ. И на этотъ разъ она тоже искала случая, чтобы вмѣшаться въ разговоръ, который велъ Ревель, и начать говорить самой. Ей это удалось, когда Ревель завелъ рѣчь о томъ, какъ удобнѣе всего жить. Онъ сообщилъ, что рѣшилъ не имѣть дома въ Лондонѣ.

— Жена моя увлекается спортомъ,—говорилъ онъ,—гольфомъ и другими играми; я провожу бо́льшую часть времени въ клубахъ, и намъ не стоитъ вести хозяйство. Мы наняли маленькій домикъ въ деревнѣ и имѣемъ pied à terre въ Лондонѣ. Жить на старый ладъ невозможно уже потому, что въ Лондонѣ нѣтъ хорошей прислуги.

— И внѣ Лондона вопросъ о прислугѣ тоже самый больной,— сказала м-ссъ Биндонъ Ботингъ, найдя наконецъ удобный предлогъ вмѣшаться въ разговоръ.—У меня на этотъ счетъ былъ печальный опытъ. Знаете, милая,—прибавила она, обращаясь къ м-ссъ Вэсъ,—я скоро опять останусь безъ прислуги. Моя новая дѣвушка уходитъ. Не знаю, что̀ съ нею. Вначалѣ она была довольна и весела. Но съ того дня, какъ у насъ былъ чай съ анаграммами, все измѣнилось. Не хочетъ оставаться, плачетъ все время и объявила, что уйдетъ въ концѣ мѣсяца. Не понимаю, почему на нее такъ повліялъ чай съ анаграммами.

Киппсъ почему-то не могъ управиться съ ножомъ и вилкой. Руки у него дрожали.

— Я увѣренъ,—сказалъ Ревель, пытаясь захватить нить разговора въ свои руки,—что тутъ замѣшана любовь—послѣдній потухающій отблескъ романтической старины среди нашей будничной прозы. Странно, что именно въ низшемъ классѣ, среди домашней прислуги...

Ревель достигъ цѣли. Вниманіе стола было приковано къ его словамъ, когда онъ сталъ говорить про любовь. Порывистость движеній Киппса неожиданно смѣнилась полнымъ спокойствіемъ. Онъ внутренно принялъ непоколебимое, вполнѣ самостоятельное рѣшеніе. Онъ не слушалъ Ревеля. Отложивъ вилку и ножъ, онъ отказывался отъ всѣхъ дальнѣйшихъ блюдъ. Кутъ поглядывалъ на него съ тревогой, а Елена слегка покраснѣла.

Около половины десятаго въ тотъ же вечеръ у дверей м-ссъ Биндонъ Ботингъ раздался рѣзкій звонокъ. Позвонилъ молодой человѣкъ во фракѣ и въ цилиндрѣ. У него былъ очень взволнованный видъ, цилиндръ сдвинулся на затылокъ, волосы были растрепаны. Это былъ Киппсъ. Онъ отказался присоединиться къ дамамъ послѣ обѣда, несмотря на уговоры Кута.

— У меня дѣло дома,—сказалъ онъ, и ушелъ съ неожиданнымъ рѣшеніемъ въ душѣ. Оно и привело его къ дверямъ м-ссъ Биндонъ Ботингъ. Дверь открылась, и въ ней показалась миловидная фигура Анни. При видѣ Киппса она поблѣднѣла.

— Анни,—сказалъ Киппсъ, — я долженъ съ тобой поговорить. Я долженъ сейчасъ же что-то сказать тебѣ. Я...

— Это входъ къ господамъ, а не къ прислугѣ!—отвѣтила Анни.

— Все равно. Мнѣ нужно сказать что-то важное.

— Довольно съ меня всего прежняго... Дверь ко мнѣ—внизу, съ кухни—послѣ девяти часовъ. Тогда я свободна. Я—прислуга и знаю свое мѣсто. Если вы явились сюда, то позвольте спросить, какъ о васъ доложить. У васъ свои знакомые, у меня—мои, и вамъ не слѣдъ разговаривать со мной.

— Анни, я хочу спросить...

Раздались чьи-то шаги въ передней, за спиной Анни.

— Не здѣсь,—сказала она.—У насъ такого нѣтъ.—И она захлопнула дверь.

— Съ кѣмъ это вы говорили?—спросила живущая въ домѣ старая тетка м-ссъ Биндонъ Ботингъ.

— Господинъ—какъ будто навеселѣ—спрашивалъ про кого-то.

— Какое имя онъ назвалъ?

— Чье-то совершенно чуждое,—сказала Анни и побѣжала внизъ по лѣстницѣ на кухню.

— Надѣюсь, Анни, что вы были съ нимъ вѣжливы!—крикнула ей вслѣдъ тетка.

— По заслугамъ,—отвѣтила Анни прерывистымъ голосомъ.

Тетка м-ссъ Биндонъ Ботингъ сообразила, что этотъ звонокъ имѣлъ, быть можетъ, отношеніе къ сердечной драмѣ, видимо происходящей въ жизни служанки. Она перестала спрашивать и поднялась къ себѣ наверхъ. Дверь внизу открылась, и въ кухню вошелъ Киппсъ. Онъ раскраснѣлся и задыхался отъ волненія.

— Вотъ!—сказалъ онъ и протянулъ ей двѣ половинки шестипенсовой монеты. Анни стояла за кухоннымъ столомъ—съ блѣднымъ лицомъ и широко раскрытыми глазами. Киппсъ ясно видѣлъ, что глаза у нея заплаканные.

— Видишь,—сказалъ онъ.—Я сохранялъ мою половинку все это время.

— Напрасно,—сказала она, качая головой.

Онъ поблѣднѣлъ и взглянулъ на нее. Неужели амулетъ потерялъ свою силу?

— Анни,—сказалъ онъ, съ мольбой въ голосѣ, и подошелъ къ ней, но она еще рѣшительнѣе покачала головой и приняла оборонительную позу.

— Послушай, Анни,—сказалъ Киппсъ.—Я знаю, что поступилъ нехорошо. Но вотъ что—я хочу жениться на тебѣ.

Анни прислонилась къ краю стола.

— Какъ такъ? Вы—ты долженъ жениться на ней—на твоей лэди. Ты ея женихъ и не можешь быть и моимъ женихомъ.

— Нечего мнѣ становиться твоимъ женихомъ. Я хочу сразу жениться. Какъ можно скорѣе.

Анни еще болѣе поблѣднѣла.

— Что все это значитъ?—спросила она едва слышно.

Киппсъ сталъ объяснять все очень ясно и опредѣленно.

— А то, что мы поѣдемъ сейчасъ же въ Лондонъ и тамъ поженимся. Поняла?

Они опять взглянули другъ другу въ глаза,—и все невозможное стало казаться возможнымъ.

— Какъ же,—сказала она,—мой мѣсяцъ не кончился. Меня не отпустятъ.

— Попроси, чтобы отпустили. А нѣтъ, такъ поѣдешь безъ спросу.

— Хозяйка задержитъ мои вещи.

— Не задержитъ. А задержитъ, такъ пусть. Я тебѣ куплю во сто разъ больше вещей, чѣмъ у тебя есть. Только поѣзжай.

— Но вѣдь это будетъ нехорошо относительно... ея.

— Дѣло не въ ней, Анни, а во мнѣ. Думай обо мнѣ.

— И ты нехорошо поступалъ относительно меня, Арти. Почему ты не сказалъ...

— Да я вѣдь не говорю, что я хорошо поступалъ,—прервалъ онъ ее.—Анни,—молилъ онъ,—я пришелъ исправить прошлое. Я знаю, что виноватъ. Я и пришелъ повиниться. Развѣ этого не довольно съ тебя? Я самъ не зналъ, что дѣлалъ... Теперь я знаю, что мнѣ нужно... Анни, поѣдешь со мной?... Поѣдешь?

Молчаніе.

— Если ты мнѣ не отвѣтишь, Анни, если ты не согласишься, я сейчасъ...

Онъ не докончилъ своей угрозы и повернулся къ двери.

— Я уйду,—сказалъ онъ.—У меня теперь нѣтъ никого на свѣтѣ. Я съ ними со всѣми порвалъ. Мнѣ теперь свѣтъ не милъ. Мнѣ осталось... броситься въ море!

Онъ сталъ возиться съ ручкой отъ дверей, точно не умѣя открыть ее. Наконецъ онъ открылъ, и ясно было, что онъ дѣйствительно уходитъ.

— Арти!—крикнула Анни, и онъ обернулся. Оба они стояли съ застывшими, блѣдными лицами.

— Хорошо, я поѣду съ тобой!

Лицо его снова оживилось, онъ закрылъ дверь и повернулся къ ней. Потомъ они сразу кинулись оба другъ къ другу.

— Арти,—крикнула она,—не уходи!—и бросилась къ нему со слезами. Они прижались другъ къ другу, какъ дѣти.

— Мнѣ было такъ тяжело, Анни, такъ тяжело!—говорилъ Киппсъ, давая наконецъ волю своему горю.

— Замолчи! — сказала Анни, прижимаясь головой къ его плечу. — Хозяйка подслушиваетъ. Подожди уходить, а то она узнаетъ тебя на лѣстницѣ.

Онъ ушелъ только черезъ часъ, когда они ясно слышали, что м-ссъ Биндонъ Ботингъ и ея тетка вернулись къ себѣ наверхъ. И на прощанье Анни сказала ему:

— Помни, я не для всякаго бы бросила мѣсто, не дослуживъ до срока!

VII.

Они спаслись бѣгствомъ изъ запутанныхъ сѣтей свѣтской жизни, убѣжали сначала каждый въ отдѣльности пѣшкомъ на главный фолькстонскій вокзалъ, потомъ вмѣстѣ первымъ классомъ въ Лондонъ, на станцію Черингъ Кроссъ, потомъ въ каретѣ по лондонскимъ улицамъ и закоулкамъ въ Гаммерсмитъ, къ Сиду. Киппсъ все выглядывалъ изъ окна, чтобы посмотрѣть, не пріѣхали ли уже они. Ему казалось, что какъ только они доберутся до Сида, они будутъ въ полной безопасности. Наконецъ они пріѣхали. Щедро расплатившись съ кучеромъ, онъ обратился къ своему будущему шурину, который вышелъ имъ навстрѣчу.

— Мы съ Анни собираемся повѣнчаться,—сказалъ онъ.

— А я думалъ...—началъ-было Сидъ, но Киппсъ не далъ ему договорить и, войдя въ домъ, объяснилъ положеніе дѣлъ. Сидъ былъ очень доволенъ объясненіемъ.

— Я съ тобой спорить не стану,—сказалъ онъ.—Теперь, очевидно, все рѣшено и мѣнять поздно.

Мастерманъ тоже спустился внизъ и поздравилъ Киппса.

— Я зналъ, что жизнь въ высшемъ кругу покажется вамъ тяжелой, но я все-таки не полагалъ, что у васъ хватитъ мужества уйти... Воображаю, какъ будетъ ругаться ваша бывшая аристократическая невѣста. Ну, да не все ли это равно!

— Вы были на совершенно безнадежномъ пути,—говорилъ Мастерманъ Киппсу потомъ, за обѣдомъ. — Все равно, вы не могли бы удержаться на высотѣ. Вы бы достигали совершен-

ства въ разнаго рода вульгарныхъ свѣтскихъ качествахъ, но это не вершина. Вы бы только вертѣлись, какъ бѣлка въ колесѣ. Идеалъ высшаго свѣта—самый уродливый. Достигнувъ его, вы бы жили среди женщинъ, играющихъ въ карты, и мужчинъ, играющихъ на скачкахъ, вращались бы среди бюрократовъ и епископовъ,—все это совершенно пустые люди, занятые только внѣшними преимуществами... Вы бы занимали среди нихъ самое жалкое положеніе въ свитѣ вашей жены. Я вѣдь это давно знаю, я знаю женщинъ этого круга... Съ меня довольно. Я не стремлюсь попасть туда...

— Я часто думалъ о вашихъ словахъ,—сказалъ Киппсъ.

— Не помню, что я вамъ говорилъ, но во всякомъ случаѣ вы поступили умно и смѣло, а это очень рѣдко бываетъ. Вы женитесь на равной и пойдете по соотвѣтственной вамъ дорогѣ, независимо отъ чужихъ мнѣній. Это—единственный вѣрный путь. Создайте свой личный міръ такимъ, какъ онъ соотвѣтствуетъ вашимъ внутреннимъ желаніямъ и стремленіямъ, женившись на женщинѣ, которая вамъ подъ пару... Такъ бы и я, вѣроятно, поступилъ, еслибы нашелъ подходящую мнѣ подругу... Но этого не случилось...—Онъ задумался, потомъ заговорилъ болѣе оптимистическимъ тономъ о томъ, что ненужно никогда терять надежды на лучшее, и выпилъ за будущее счастье жениха и невѣсты.

Время до свадьбы Киппсъ и Анни провели очень весело. Они ѣздили на лодкѣ въ Кью, осматривать ботаническій садъ, и осматривали другія лондонскія достопримѣчательности, соотвѣтствующія ихъ простому, неразвитому вкусу. Особенно интересно они провели цѣлый день въ „Хрустальномъ дворцѣ". Имъ тамъ очень понравилось, и они добросовѣстно все осмотрѣли. Копіи греческихъ статуй ихъ нѣсколько смутили. Киппсъ сказалъ, что въ древности міръ былъ какой-то странный, а Анни усомнилась въ томъ, что люди дѣйствительно ходили когда-нибудь голые. Попавъ потомъ въ пещеры и искусственные гроты съ изображеніями допотопныхъ животныхъ, они еще болѣе восхищались всѣмъ, что видѣли тамъ. Наконецъ они пошли позавтракать и потомъ сѣли отдохнуть въ тихомъ уголку дворца, и стали говорить о своемъ будущемъ, радуясь благополучному концу всѣхъ злоключеній.

— И подумай, что сталось бы со мной, еслибы я не встрѣтилъ тебя!—сказалъ Киппсъ, любуясь своей хорошенькой подругой.—Какъ это я могъ, однако, стать женихомъ... той?

— Вѣрно, она завлекла тебя,—сказала Анни.

— Нѣтъ, этого нельзя сказать, — чистосердечно сознался

Киппсъ.—Я почему-то увлекся... а въ такихъ случаяхъ я дѣйствую очертя голову. Ну, да Богъ съ ней! Теперь все устроилось къ лучшему. Мы поженимся, наймемъ маленькій домикъ—только не въ Фолькстонѣ—и заживемъ на славу. Порядокъ у насъ будетъ въ домѣ чудесный,—ты вѣдь опытная хозяйка и сумѣешь распоряжаться какъ слѣдуетъ прислугой.

— Прислугой? Намъ не нужно прислуги,—сказала Анни, изумленная уже самымъ предположеніемъ такого рода.

— Одну служанку необходимо будетъ взять—хотя бы для тяжелой работы.

— Да, пожалуй. Но въ домѣ и на кухнѣ я буду дѣлать все сама. Прислуга рѣдко работаетъ какъ слѣдуетъ,—я-то ужъ знаю. И потомъ еще вотъ что. Ни за что не наймемъ домъ съ кухней внизу. Это—мука для прислуги.

Они стали рисовать себѣ свою тихую, уютную жизнь въ домикѣ съ идеальнымъ устройствомъ и для хозяевъ, и для прислуги. Работать имъ не придется. Они будутъ гулять, ѣздить на велосипедѣ (Анни тоже должна непремѣнно научиться ѣздить), навѣщать стариковъ въ Ромнэ, ѣздить къ Сиду. По вечерамъ къ нимъ иногда будетъ приходить Буггинсъ, или они будутъ читать книжки. А главное—они будутъ сидѣть вдвоемъ, пить чай днемъ у огня и радоваться другъ другу и своей любви. Передъ каминомъ будетъ лежать кошка—безъ кошки домъ неуютенъ.

Такъ рисовался имъ идеалъ ихъ будущей скромной, уютной жизни; мечтая о немъ, Киппсъ глядѣлъ въ глаза Анни, любовался ея кудрями, выбивавшимися изъ-подъ шляпы,—какъ въ старое время, когда она была совсѣмъ дѣвочкой,—вспоминалъ ихъ дѣтство и опять повторялъ о томъ, какъ странно складывается жизнь,—какъ невозможно было предвидѣть ни внезапную метаморфозу въ его судьбѣ, ни того, что вопреки обстоятельствамъ они опять найдутъ другъ друга, съ тѣмъ, чтобы уже не разставаться больше въ жизни.

Вся эта бесѣда Киппса и Анни происходила въ отдаленномъ углу „Хрустальнаго дворца", на скамейкѣ противъ чучела какого-то огромнаго допотопнаго животнаго. Киппсъ какъ-то поднялъ на него глаза во время разговора, сначала разсѣянно, а потомъ вглядываясь опять съ возрастающимъ интересомъ.

— Хотѣлъ бы я, однако, знать, какимъ образомъ всѣ эти допотопныя животныя исчезли потомъ съ лица земли? Вѣдь не убили же ихъ всѣхъ?

— Я знаю,—сказала Анни.—Ихъ смыло потопомъ.

На этомъ бесѣда кончилась. Чучело допотопнаго животнаго безразлично глядѣло вдаль, поверхъ ихъ головъ, съ невозмутимо спокойнымъ взглядомъ. Такъ бы поглядѣлъ на нихъ настоящій живой Кутъ, еслибы увидѣлъ теперь Киппса, переставшаго существовать для высшаго свѣта. Этотъ уничтожающій, мертвящій взглядъ допотопнаго животнаго сдѣлался въ концѣ концовъ невыносимъ. Киппсъ и Анни поднялись и, еще разъ взглянувъ на него съ изумленіемъ, ушли своимъ путемъ — навстрѣчу своему будущему.

Въ установленный заранѣе день простодушный Киппсъ обвѣнчался съ достойной его подругой, и Венера-Уранія, богиня супружеской любви, истинно великая, благородная и добрая богиня, благословила ихъ союзъ.

Прежде однако, чѣмъ жизнь молодой четы сдѣлалась истинно счастливой, на ихъ долю выпало еще много испытаній. Вкусы у Киппса и Анни были простые, но Киппсъ еще не умѣлъ побороть соблазны роскоши, открытой ему при его богатствѣ, и надѣлалъ много глупостей, прежде чѣмъ остепениться и начать жить соотвѣтственной его натурѣ жизнью. Первымъ несчастіемъ было то, что Киппсъ задумалъ строить свой собственный домъ. Они никакъ не могли найти вполнѣ подходящій домикъ, въ виду того, что Анни требовала удобствъ не только для себя, но и для прислуги. Это и побудило Киппса обратиться къ архитектору съ порученіемъ выстроить ему идеальный домъ. Анни протестовала, потомъ настаивала хотя на томъ, чтобы остановиться на самомъ простомъ, незатѣйливомъ планѣ постройки. Но ей не удалось убѣдить Киппса. На него вліяли и совѣты архитектора, и, главное, уговоры старика дяди, который стоялъ за блескъ и роскошь. Анни боролась, потомъ увидѣла, что ее обвиняютъ, будто бы изъ-за нея Киппсъ теряетъ достойное его общественное положеніе, — и покорилась. Пока они поселились въ наемномъ домѣ, и тамъ тоже между мужемъ и женой шла борьба, омрачавшая иногда ихъ молодое семейное счастье. Киппсъ раздражался неспособностью и нежеланіемъ Анни стать „дамой". Разъ произошла цѣлая домашняя драма, стоившая Анни многихъ слезъ. Когда Киппсы поселились во временно нанятомъ домѣ, къ нимъ пришли съ визитами представители мѣстнаго общества, пасторъ и одна дама съ дочерью. Киппса не было дома, а Анни занята была уборкой дома, и была въ рабочемъ ситцевомъ платьѣ и передникѣ. Когда раздался стукъ у входной двери, ей въ голову не пришло, что это могутъ быть гости, и она открыла

сама, не переодѣвшись. Ее приняли за прислугу, спросили, дома ли м-ссъ Киппсъ. Она совершенно растерялась, сказала, что м-ссъ Киппсъ нѣтъ дома, и машинально приняла визитныя карточки отъ своихъ собственныхъ гостей. Киппсъ былъ въ полномъ отчаяніи, когда она разсказала ему о случившемся, и потребовалъ, чтобы она все-таки отвѣтила на визитъ; онъ былъ увѣренъ, что ее не узнаютъ, когда она явится принаряженная. Анни плакала, и между ними произошла крупная сцена.

Но Анни не пришлось отплатить визитъ сосѣдямъ — также какъ Киппсу не пришлось докончить постройку дома, задуманнаго слишкомъ грандіозно для его простыхъ надобностей. Случилась катастрофа. Молодой Ульшингэмъ, братъ Елены, который остался повѣреннымъ Киппса и послѣ его разрыва съ Еленой, оказался мошенникомъ. Онъ бѣжалъ съ деньгами,— и въ одинъ прекрасный день Киппсъ получилъ извѣщеніе, что все его состояніе погибло. Первое время послѣ катастрофы было ужасное. Киппсъ былъ близокъ къ полному отчаянію. Онъ уже слишкомъ свыкся со своимъ богатствомъ, чтобы примириться съ отсутствіемъ его. Анни была менѣе несчастна,—въ глубинѣ души она даже была довольна, надѣясь, что когда кончится блескъ, начнется истинное счастье. Но ей трудно было утѣшить мужа. Она пробовала предлагать ему разные планы устройства, но у Киппса опустились руки.

Оказалось однако, что несчастье не такъ велико, какъ думали въ первую минуту. По выясненіи счетовъ, у Киппса осталась еще тысяча фунтовъ. Теперь это показалось имъ огромнымъ капиталомъ, такъ какъ на эти деньги можно было завести какое-нибудь дѣло. Киппсъ ни за что не хотѣлъ вернуться на старый путь и пріобрѣсти магазинъ мануфактурныхъ товаровъ. Онъ уже достаточно жилъ культурной жизнью, чтобы избрать болѣе интеллигентное занятіе. Онъ сдѣлался книжнымъ торговцемъ — и счастье ему улыбнулось. Дѣла пошли хорошо, обезпечивая скромную жизнь для него съ женой и съ родившимся у нихъ ребенкомъ. Но судьба готовила имъ дальнѣйшія удачи—награду за все, что Киппсъ претерпѣлъ въ прошломъ. Въ свое время онъ далъ Читерло для его „синдиката“ двѣ тысячи фунтовъ, и радовался послѣ потери состоянія, что хоть эти деньги попались Читерло, а не мошеннику Ульшингэму. Но Читерло не напрасно питалъ надежды на свою комедію. Благодаря деньгамъ, онъ провелъ ее на сцену, и она сразу понравилась и имѣла шумный успѣхъ. Авторъ разбогатѣлъ — и не только заплатилъ Киппсу долгъ, но сдѣлалъ его участникомъ въ барышахъ. Семейное

счастье Киппса стало безмятежнымъ. Жизнь его устроилась именно такъ, какъ нужно было для его простой души, безъ тунеядства и чрезмѣрной роскоши, налагавшей на него нестерпимо сложныя обязательства. Онъ былъ избавленъ отъ заботъ; онъ велъ съ любовью книжную торговлю, и дома ждала его Анни, которую онъ неизмѣнно любилъ.

По праздникамъ они часто устраивали далекія прогулки вдвоемъ, и это было ихъ самое счастливое время. Разъ подъ вечеръ въ іюлѣ они оставили ребенка на попеченіи служанки и поѣхали кататься на лодкѣ. Солнце зашло, вечеръ былъ теплый и тихій. Киппсъ пересталъ грести, и вдругъ его охватило чувство таинственности жизни. Все казалось такимъ удивительнымъ и безконечно прекраснымъ,—и красота эта сливалась съ мыслями о жизни, съ воспоминаніями. Все это жило въ эту минуту въ душѣ Киппса безсознательно, не отливаясь въ опредѣленные вопросы или формы, не доходя до его непосредственнаго сознанія. Что-то какъ бы поднималось, какъ призракъ изъ глубины водъ, и опять расплывалось въ ничто.

— Арти!—сказала Анни.

Онъ очнулся и взялся машинально за весла.

— Что?—спросилъ онъ.

— О чемъ ты думалъ?

Онъ сталъ соображать.

— Кажется, ни о чемъ,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.—Можетъ быть, впрочемъ, я думалъ о томъ, какъ все странно въ жизни. Что-то вродѣ этого мелькало у меня въ головѣ.

— Странный ты, Арти!

— Да? Мнѣ иногда кажется, что я не похожъ ни на кого другого. Впрочемъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ,—можетъ быть, это невѣрно. Не знаю, право,—заключилъ онъ и налегъ на весла.

Съ англ. З. В.

„Вѣстн. Европы“, 1881 г., февраль). И слова эти ни съ чьей стороны возраженій не встрѣтили. Изъ тогдашней статьи я заимствовалъ ихъ и для той, противъ которой послѣдовало нынѣшнее возраженіе. Кто именно произносилъ въ означенномъ смыслѣ слова и были ли даже въ отчетахъ названы ихъ авторы, я теперь, слишкомъ черезъ четверть вѣка, точно сказать не могу. Конечно, задавать подобные вопросы еще удобнѣе будетъ спустя опять четверть вѣка, потому что тогда и отвѣчать будетъ некому. Впрочемъ, самъ же г. Өедоръ Самаринъ даетъ еще другое подтвержденіе: онъ признаетъ, что кто-то въ земскомъ собраніи дѣйствительно произносилъ выраженія въ смыслѣ упомянутой „вздорности“ и „раздутости“, только утверждаетъ, что Д. Ө. Самаринъ не раздѣлялъ соотвѣтствующихъ имъ мнѣній. Въ чемъ же я погрѣшилъ, относя подобныя мнѣнія къ московской оппозиціи?

Желая возстановить мнѣнія своего отца, возражатель мой приводитъ цитату изъ одной его рѣчи, приглашая меня познакомиться съ подлинными журналами московскаго земскаго собранія, хотя тутъ же оговаривается, что эти журналы составлены были до того неправильно, что „оказалось невозможнымъ перепечатать рѣчь Д. Ө. Самарина цѣликомъ“. Конечно, разысканіе старыхъ московскихъ земскихъ журналовъ для меня недоступно, да и къ чему привело бы оно, когда этотъ источникъ ненадеженъ и въ немъ нельзя разобрать, что̀ именно вѣрно и что̀—невѣрно. Если самъ г. Өедоръ Самаринъ затрудняется имъ пользоваться, то какъ же я буду относиться къ нему съ бо̀льшимъ довѣріемъ? Главное же, конечно, въ томъ, каковы были дѣйствительно мнѣнія Д. Ө. Самарина? Разобраться въ этомъ отчасти помогаетъ самъ мой возражатель.

Приведенная имъ цитата изъ мнѣнія его отца, при всей сбивчивости и уклончивости отъ точныхъ положеній, показываетъ, что покупку земель для крестьянъ Д. Ө. Самаринъ допускалъ лишь въ видѣ очень небольшого исключенія; въ ней выдаются такія мѣста: „Сочувствую покупкѣ земель, какъ *отдѣльной* мѣрѣ, но *отрицаю какъ общую* мѣру; общая, мнѣ представляется, заключается въ содѣйствіи улучшенію земледѣлія крестьянъ“. „Я нисколько не думаю отрицать извѣстной степени важности величины надѣла для благосостоянія крестьянъ... Но... покупка земли будетъ имѣть незначительное примѣненіе на дѣлѣ“. „Можетъ ли эта мѣра быть выдвигаема, какъ существенная коренная мѣра, способствующая подъему благосостоянія крестьянъ? Мнѣ кажется — нѣтъ“. Спрашивается, что̀, при самомъ безпристрастномъ отношеніи къ этимъ словамъ, можно вывести изъ нихъ, кромѣ допущенія очень маленькой помощи нѣсколькимъ деревнямъ губерніи, съ рѣшительнымъ устраненіемъ созданія широкой помощи для всѣхъ случаевъ, когда окажется возможнымъ пособить ну-

ждающимся вообще? Вѣдь при такихъ размѣрахъ помощь совсѣмъ теряетъ серьезное значеніе. Изъ означенныхъ словъ выходитъ такъ: и недурно бы прибавить крестьянамъ земли — и не нужно давать сколько-нибудь значительно; и важно увеличить надѣлъ — и нельзя этого осуществить на дѣлѣ; а сколько именно слѣдуетъ дать — объ этомъ краснорѣчивое умолчаніе, иллюстрируемое только результатомъ, состоящимъ въ рѣшеніи: отклонить предложенный проектъ, т.-е. иллюстрируемое фактомъ, внушительнѣе всего говорящимъ послѣ шатанія аргументовъ въ разныя стороны. Какое именно увеличеніе надѣловъ допускалъ Д. Ѳ. Самаринъ — объ этомъ и настоящій его апологетъ также не высказываетъ ничего опредѣленнаго, какъ не высказывалъ его отецъ, хотя, повидимому, онъ тщательно разбирался въ матеріалахъ. Разъясненія по этой части можно находить только въ общемъ ходѣ вопроса въ Москвѣ и въ другихъ заявленіяхъ Д. Ѳ. Самарина.

Итакъ,—не вижу, въ чемъ я погрѣшилъ относительно московской оппозиціи, и могъ ли я отнестись къ ней благопріятнѣе, чѣмъ отнесся. Судить надо по результатамъ, по тому, что̀ именно она сдѣлала, а не по украшеніямъ рѣчей словами о сочувствіи, фактически сводящимися къ ничтожнымъ опытамъ.

Мнѣнія Д. Ѳ. Самарина о крестьянскомъ малоземельи и помощи противъ этого зла гораздо пространнѣе были выражены въ неупоминаемой почему-то моимъ оппонентомъ статьѣ его, помѣщенной въ Аксаковской „Руси“ 1880 года, гдѣ онъ гнѣвно обрушился на опытъ проф. Янсона, выяснившій фактъ малоземелья. Аргументацію этой статьи я разобралъ тогда же, въ своей статьѣ: „Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ“ („Вѣстн. Европы“ 1881 года, февраль). Разыскать эту послѣднюю статью не трудно, такъ какъ я указываю нумеръ журнала. Въ „Руси“ Д. Ѳ. Самаринъ высказывалъ, что противъ малоземелья слѣдуетъ бороться такими отчисленіями изъ земскихъ суммъ на покупки, какія производило тверское земство (10 тыс. руб. въ годъ). И на это я отвѣтилъ разсчетомъ, по которому, идя предложеннымъ Д. Ѳ. Самаринымъ путемъ, устраненія только одной категоріи малоземелья пришлось бы ожидать болѣе 260 лѣтъ, когда, разумѣется, выростутъ новыя нужды. Впечатлѣніе отъ упомянутой статьи Д. Ѳ. Самарина получалось такое: о коренной помощи крестьянамъ только поговоримъ, а на дѣлѣ все сведемъ къ пустяку. Не отыщетъ ли мой оппонентъ другихъ источниковъ, свидѣтельствующихъ о склонности его отца къ болѣе значительной и сколько-нибудь *опредѣленной* помощи крестьянству? Туманныя и уклончивыя выраженія этого не говорятъ.

Упрекаетъ меня г. Ѳедоръ Самаринъ и за замѣчаніе, что устраненіе широкой земельной помощи московская оппозиція провела путемъ ссылокъ на возможность достиженія большей пользы отъ тѣхъ

неопредѣленныхъ агрономическихъ опытовъ на нѣсколькихъ крестьянскихъ надѣлахъ, изъ которыхъ потомъ ничего не вышло. Нѣтъ, говоритъ онъ, эти опыты предлагались „не *вмѣсто* земельныхъ добавокъ", а на ряду съ ними, и нельзя признавать, что изъ нихъ ничего не вышло. Но вѣдь судить о дѣйствіяхъ оппозиціи слѣдуетъ не потому, что кѣмъ-либо предлагалось, а потому, что она *сдѣлала*; а дѣло ея состояло именно въ провалѣ широкой земельной помощи и въ постановленіи объ упомянутыхъ опытахъ, изъ которыхъ точно не вышло ничего, т.-е. оппозиція сдѣлала именно то, что я поставилъ на ея счетъ. Мой возражатель и самъ признаетъ, что „предложенныя агрономическія мѣропріятія не получили *на первыхъ же порахъ* осуществленія", только обвиняетъ въ томъ московскую губернскую управу. Разумѣется, у меня нѣтъ ни возможности, ни желанія входить въ повѣрку, кто именно тутъ былъ виноватъ, но для подтвержденія сказаннаго мною совершенно достаточно, что постановленіе объ опытахъ не исполнялось, и остается прибавить, что упомянутыя *первыя поры*, по показанію самого моего оппонента, длились семь лѣтъ, такъ какъ лишь съ 1886 года земство взялось за помощь улучшенію земледѣлія и стало вводить травосѣяніе. Но это представляется уже новымъ начинаніемъ, какихъ и впослѣдствіи, конечно, будетъ много, а не дѣломъ оппозиціи 1879 или 1880 года. Приписывать это начинаніе оппозиціи или Д. Ѳ. Самарину можно развѣ въ предположеніи, что однимъ имъ совершено открытіе пользы земледѣльческихъ улучшеній; тогда, конечно, можно относить къ нему и все, что будетъ сдѣлано земствомъ впереди. Но это, кажется, будетъ уже слишкомъ...

Во всякомъ случаѣ, говорить о земскихъ дѣяніяхъ 1886 года мнѣ не было никакого основанія, такъ какъ, во-первыхъ, я изображалъ не исторію земства, а лишь ходъ земельнаго вопроса, а во-вторыхъ, имѣлъ въ виду только семидесятые и начало восьмидесятыхъ годовъ.

Приводитъ еще г. Ѳедоръ Самаринъ мнѣнія своего отца, высказанныя спустя около пятнадцати лѣтъ послѣ описываемой мною эпохи, гдѣ онъ критикуетъ крестьянскій банкъ и говоритъ о политическомъ значеніи земельныхъ покупокъ въ Западномъ краѣ для крестьянъ русскаго происхожденія, отдавая преимущество политическимъ цѣлямъ предъ экономическими. Но хотя у меня и нашлось бы что сказать по поводу этихъ его мнѣній, однако въ данномъ случаѣ они представляютъ для меня совсѣмъ сторонній матеріалъ. Связи съ содержаніемъ статьи моей „Крестьянскій банкъ и его начало" матеріалъ этотъ не имѣетъ, стало быть распространяться объ означенныхъ мнѣніяхъ значило бы черезчуръ интересоваться личною характеристикою Д. Ѳ. Самарина, къ чему нѣтъ у меня побужденій. Я занимался ходомъ крестьянскаго земельнаго вопроса, лицъ касался при этомъ лишь попутно, по мѣрѣ

отношенія ихъ къ означенному ходу, а притомъ значеніе Д. Ѳ. Самарина въ крестьянскомъ дѣлѣ вообще не было таково, чтобы вызывать усиленный интересъ къ упомянутой характеристикѣ.

Г. Ѳедоръ Самаринъ заключаетъ тѣмъ, что мои „обвиненія" едва-ли можно долѣе поддерживать при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. Смѣю увѣрить его, что никакой предвзятой пристрастности или недобросовѣстности по отношенію къ его отцу у меня нѣтъ, но судить о фактахъ считаю обязательнымъ на основаніи ихъ самихъ. И прибавлю, что возраженіе г. Ѳедора Самарина не побуждаетъ меня отказаться ни отъ чего мною высказаннаго въ статьѣ „Крестьянскій банкъ и его начало".

Ѳ. Воронцовъ.

Петербургъ, іюнь, 1906.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1906.

I.

— Сочиненія Пушкина. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Т. II. Спб. 1905.

„Работы по изданію сочиненій Пушкина,—читаемъ въ предисловіи,— предпринятыя Академіей Наукъ, въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ должны примкнуть къ тому, что сдѣлано здѣсь покойнымъ Л. Н. Майковымъ, какъ въ силу того, что онѣ должны быть продолженіемъ уже начатаго изданія, такъ и потому, что онѣ не могутъ не воспользоваться нѣкоторыми основными пріемами, установленными Майковымъ, данными, имъ выработанными и подготовленными".

Посвящая затѣмъ страницы двѣ весьма обстоятельному очерку заслугъ покойнаго Л. Н. Майкова по изданію перваго тома, предисловіе разсказываетъ исторію дальнѣйшихъ, послѣ его кончины, подготовительныхъ работъ. Такъ, была образована коммиссія, сначала подъ предсѣдательствомъ Жданова, а затѣмъ—А. Н. Веселовскаго, въ работахъ которой приняли участіе, между прочимъ, А. Н. Пыпинъ, П. А. Ефремовъ, В. И. Саитовъ, В. Е. Якушкинъ, И. А. Шляпкинъ, А. А. Шахматовъ и др. Въ коммиссіи было рѣшено поручить редактированіе сочиненій Пушкина г. Якушкину, а редактированіе переписки поэта г. Саитову. Довольно существеннымъ отступленіемъ отъ предположеній Майкова составляетъ рѣшеніе коммиссіи держаться въ распредѣленіи стихотвореній Пушкина строго хронологическаго порядка, что, впрочемъ, слѣдуетъ признать наиболѣе правильнымъ, не потому только, что самъ Пушкинъ держался этого порядка, но и потому, что иной порядокъ едвали возможенъ въ строго научномъ критическомъ изданіи вообще.

Варіанты къ текстамъ Пушкина въ настоящемъ изданіи даются въ двухъ видахъ: бѣловые, печатные варіанты помѣщаются при самомъ текстѣ, подъ строкой, варіанты же черновыхъ рукописей печатаются въ примѣчаніяхъ, вмѣстѣ съ черновыми набросками, отрывками, произведеніями, принадлежность которыхъ Пушкину сомнительна, и т. д. По отношенію къ Пушкину примѣчанія эти имѣютъ особое значеніе. „Такъ какъ полнота,—говорится въ предисловіи,—основная задача изданія, то въ силу положенія, высказаннаго еще Бѣлинскимъ,—„чтобы не пропала ни одна строка Пушкина“,—настоящее изданіе стремится къ тому, чтобы вполнѣ исчерпать всѣ черновыя рукописи Пушкина: въ примѣчаніяхъ не только приводятся черновые варіанты отдѣльныхъ стиховъ или отдѣльныхъ выраженій, но всякая черновая, насколько возможно, дается въ ея цѣломъ видѣ“. Столь же важное значеніе имѣетъ и вопросъ о правописаніи Пушкинскихъ стихотвореній. Редакція остановилась на мысли воспроизводить правописаніе Пушкина или по подлиннымъ рукописямъ поэта, или, при отсутствіи таковыхъ, по первымъ изданіямъ,—этимъ пріемомъ въ каждомъ произведеніи достигается сохраненіе орѳографіи того оригинала, по которому оно печатается. Указавъ на то, что до сихъ поръ всѣ посмертныя изданія сочиненій Пушкина не задавались ни малѣйшей заботой о сохраненіи Пушкинской орѳографіи, редакція говоритъ: „Между тѣмъ уже давно чувствовалась важность точнаго воспроизведенія Пушкинской орѳографіи; на это не разъ указывалось критикой. Правописаніе Пушкина, несмотря на нѣкоторыя въ немъ колебанія въ зависимости отъ того, къ какому времени относится изданіе или рукопись, въ общемъ представляется вполнѣ опредѣленнымъ, и къ тому же вопросы правописанія возбуждали въ Пушкинѣ живой интересъ, какъ это видно изъ его замѣтокъ. Совершенно очевидно, что модернизація Пушкинскаго правописанія неправильна какъ научный пріемъ изданія и мѣшаетъ изученію языка Пушкина“.

Изъ сухой, строгой академической рамки глядитъ на читателя улыбающееся лицо и сверкающій взоръ молодого поэта. Между предисловіемъ и объемистыми примѣчаніями заключены творенія самаго нѣжнаго періода юности Пушкина—то, что писалось имъ между 1818—1821 годами, лирическія стихотворенія и первыя поэмы—„Русланъ и Людмила“, „Кавказскій плѣнникъ“. Въ первыхъ произведеніяхъ 1818 г. Пушкинъ еще не весь принадлежитъ себѣ,—имъ владѣютъ классическіе образы, хотя боги и богини Олимпа утратили свою торжественность и превратились въ милыхъ пастушковъ и пастушекъ, напѣвающихъ нѣжныя и шаловливыя пѣсни. Славянизмы еще часто пестрятъ въ стихахъ, слишкомъ живо хранящихъ слѣды отжившей литературной школы, чередуясь съ отраженіями мыслей, настроеній

Жуковскаго и Батюшкова. Объ этомъ зараженіи поэтическимъ восторгомъ Пушкинъ говоритъ неоднократно. Въ посвященіи Жуковскому онъ считаетъ блаженнымъ того,—

кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ...

Здѣсь поэтъ говоритъ о восторгѣ, о чувствѣ, но черезъ годъ, обращаясь къ „оракуламъ вѣковъ", онъ будетъ говорить о зараженіи иномъ, идейномъ, о вліяніи великихъ міровыхъ художниковъ на умъ и чувство вмѣстѣ, на весь нравственный обликъ. Ихъ голосъ будетъ гнать „лѣнь и сонъ угрюмой", рождать „жаръ къ трудамъ", и ихъ „творческія думы" будутъ „зрѣть" въ душевной глубинѣ поэта. Но до этого Пушкинъ ни на чемъ не можетъ остановиться. Онъ какъ ребенокъ: и любитъ быть со старшими, и необузданно рвется на свободу, которая обольщаетъ его всѣми прелестями молодости и веселья. По временамъ онъ задумывается глубоко, и тогда со слезами на глазахъ мечтаетъ о счастьѣ родины „на обломкахъ самовластья"; порою груститъ и жалуется, порою бросается въ дикій омутъ разгула и утѣхъ случайной любви—и всему отдается полно, безъ остатка... неустойчивость, мимолетность, какая-то сверкающая перемѣнчивость въ настроеніяхъ — таковы черты стихотвореній этого года. Творчество 1819 г. выражаетъ начало душевнаго перелома, нѣкоторую реакцію, разочарованность и въ любви, и въ дружбѣ. Поэтъ попрежнему любитъ „вечерній пиръ, гдѣ веселье предсѣдатель", но онъ уже цѣнитъ блаженство уединенія, скрывающаго его „отъ усыпителя глупца, отъ пробудителя нахала", а иногда, пріобрѣтая мудрость эпикурейца, даетъ совѣты Толстому, своего рода гораціанское carpe diem: „до капли наслажденье пей, живи безпеченъ, равнодушенъ, мгновенью жизни будь послушенъ, будь молодъ въ юности твоей". Политическія стихотворенія, разительныя своею мѣткостью и силой, явственно обнаруживаютъ тѣ вліянія, которыя огнемъ и грозой пронеслись надъ душой Пушкина,—но не имъ отдалъ онъ свои лучшіе поэтическіе восторги. Они для поэта въ борьбѣ съ самимъ собой, въ предвкушеніи трудовъ и радостей творчества, когда—„краски чуждыя, съ лѣтами, спадаютъ ветхой чешуей"... Вмѣстѣ съ тѣмъ стихъ Пушкина пріобрѣтаетъ невѣдомую прежде чистоту, грацію и воздушность, не во всѣхъ, правда, пьесахъ, но въ тѣхъ, законченности которыхъ предшествовала, какъ это можно убѣдиться изъ настоящаго

академическаго изданія, упорная и кропотливая работа. Самыя темы стихотвореній становятся жизненнѣй и углубленнѣй. Отвернувшись душой отъ свѣта (не навсегда впрочемъ) и „бездушнаго собранья“, „гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье, гдѣ холодомъ сердца поражены“, Пушкинъ инстинктивно стремится къ сельскому уединенію и природѣ, которыя будятъ въ немъ творческіе порывы. „Люби,—обращается онъ къ домовому,—зеленый скатъ холмовъ,

Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

И по фантастической канвѣ его первой поэмы разсыпаются роскошные узоры лукоморья съ зеленымъ дубомъ, румянаго заката надъ усыпленной землей, померкшей степи, сѣдыхъ тумановъ, ландшафтовъ съ нѣсколько сгущенными красками—на романтическій ладъ, но обаятельныхъ и въ наше время музыкой и нѣжнымъ сочетаніемъ ясной улыбки поэта съ волшебствомъ сказки.

Въ стихотвореніяхъ 1820 г. Пушкинъ весь—томленіе, легкая грусть, мечтательность, воплощеніе поэзіи въ „немолчномъ говорѣ фонтана любви“, въ минутахъ умиленья, молодыхъ надеждъ, сердечной тишины, гдѣ „прежній жаръ и нѣга вдохновенья“, въ прозрачно-ясныхъ, отчетливыхъ до сухости, силуэтахъ Кавказа. Изъ этого Пантеона поэтическихъ настроеній поэтъ на мгновенье появляется во всеоружіи воина, язвительный и колкій въ своихъ эпиграммахъ, безпощадный и въ преслѣдованіи враговъ, среди которыхъ гонители науки и свободной мысли были въ первомъ ряду. Уже тогда заклеймилъ онъ позоромъ „всей Россіи притѣснителя“, который царю былъ другъ и братъ, а по натурѣ былъ—„просто фрунтовой солдатъ“, и эта оцѣнка всесильнаго Аракчеева не могла не стать ходячей монетой общественнаго мнѣнія. Но въ этомъ году у поэта все еще мало „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“,—онъ кипитъ чувствами и мечтами:

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

Примѣчанія вносятъ драгоцѣнный фактическій матеріалъ къ изученію Пушкина, но они слишкомъ сухи и недостаточно освѣщены съ точки зрѣнія внутренней исторіи Пушкинскаго творчества. Во всякомъ случаѣ, это изданіе въ высокой степени цѣнное, и ему слѣдуетъ пожелать самаго широкаго распространенія.

II.

— П. И. Пестель. „Русская Правда“. Наказъ Временному Верховному Правленію. Книгоиздательство „Культура“. Спб. 1906.

„Русская Правда“, конституціонный проектъ Пестеля, издана по списку, который хранится въ библіотекѣ Академіи наукъ и представляетъ точное воспроизведеніе подлинника. Послѣдній, послѣ ареста Пестеля, былъ зарытъ единомышленниками знаменитаго декабриста въ землю, но впослѣдствіи, послѣ доноса офицера Заикина, былъ извлеченъ изъ земли и доставленъ въ Петербургъ. Послѣ суда надъ Пестелемъ „Русская Правда“ была запечатана и вмѣстѣ со всѣмъ производствомъ по дѣлу декабристовъ сдана на храненіе въ Государственный Архивъ. Только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ „Русская Правда“ была распечатана для занятій акад. Н. Ѳ. Дубровина и лишь въ настоящее время стала доступной изслѣдователямъ, работающимъ въ Государственномъ Архивѣ.

Въ предисловіи издатель говоритъ: „еслибы намъ понадобилось защищать личность П. И. Пестеля отъ личныхъ навѣтовъ и укоровъ, то вмѣсто всякихъ аргументовъ мы указали бы на грандіозность теоретическаго труда, подъятаго Пестелемъ. Князь С. Волконскій былъ правъ, говоря о „Русской Правдѣ“: „при гласности, когда она („Русская Правда“) появится, окажется, какой огромный трудъ и съ какимъ отчетливымъ и свѣтлымъ взглядомъ былъ исполненъ Пестелемъ“. Предсказаніе оправдывается. „Русская Правда“ прежде всего поражаетъ широтой захвата темъ, а затѣмъ широтой и самыхъ взглядовъ. Правда, корни „Русской Правды“ уходятъ въ современность, окружавшую Пестеля, но верхушками она касается, непосредственно и больно, насъ, современниковъ“...

Въ настоящее время за „Русской Правдой“ сохраняется, по преимуществу, значеніе любопытнѣйшаго историческаго памятника. Теоретическая разработка намѣченныхъ Пестелемъ задачъ, ихъ историческое пониманіе и проведеніе ихъ въ общественное сознаніе и въ жизнь далеко ушли впередъ со временъ Пестеля. Уже самый видъ регламента, который представляетъ собой „Русская Правда“, въ которомъ въ самой категорической формѣ предрѣшены почти всѣ вопросы государственнаго управленія, административнаго дѣленія государства, военнаго устройства, гдѣ точно опредѣляются брачныя и родственныя отношенія, въ связи съ обоснованіемъ началъ нравственности,—кажется современному взору слишкомъ элементарнымъ и далекимъ отъ господ-

ствующихъ понятій о вопросахъ этого рода и способахъ ихъ разрѣшенія. Отъ идеологическихъ построеній „Русской Правды“ вѣетъ духомъ XVIII ст., идеями Руссо и энциклопедистовъ, съ ихъ ученіемъ объ естественномъ правѣ. Тѣ быстрыя операціи, которыя „Русская Правда“ предполагала произвести надъ племенами, населяющими Россію, надъ сословіями, затѣмъ планы завоеванія смежныхъ съ Россіей областей, чтобы народы приблизить къ единству, а границы государства къ прочности и географическому предѣлу, — напоминаютъ замыслы Робеспьера и обнаруживаютъ вліяніе идей французской революціи и замысловъ въ духѣ мечтаній Наполеона о переустройствѣ Европы. Съ другой стороны, предначертанія Пестеля о государственныхъ и областныхъ учрежденіяхъ отмѣчены весьма характерными признаками чисто россійскаго бюрократизма. Въ цѣломъ, „Русская Правда“ —произведеніе глубокаго и самоотверженно-патріотическаго ума, охватившаго огромную сложность вопросовъ государственнаго механизма, чтобы приблизить къ конкретному участію въ судьбахъ суровой русской дѣйствительности міръ идеальныхъ представленій о служеніи общественному и общечеловѣческому благу.

„Непреложный законъ гражданскихъ обществъ,—говоритъ Пестель во „введеніи“, — заключается въ томъ, что каждое государство состоитъ изъ народа и правительства, слѣдовательно, народъ не есть правительство и каждое изъ оныхъ имѣетъ свои особенныя обязанности и права; однако же правительство существуетъ для блага народа и не имѣетъ другого основанія своему бытію и образованію, какъ только благо народное, между тѣмъ какъ народъ существуетъ для собственнаго своего блага и для выполненія воли Всевышняго, призвавшаго людей на сей землѣ прославлять его имя, быть добродѣтельными и счастливыми. Сей Законъ Божій постановленъ для всѣхъ людей въ равной мѣрѣ, и, слѣдовательно, всѣ имѣютъ равное право на его исполненіе. А посему народъ россійскій не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротивъ того, правительство есть принадлежность народа и оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства“. Правительство избирается всѣмъ народомъ, но принципъ народнаго представительства разработанъ Пестелемъ крайне своеобразно; когда онъ говоритъ о функціяхъ правительства, то получается картина необыкновенно централизованнаго бюрократическаго государственнаго организма. Пестель вообще — поборникъ сильной централизованной власти. Исходя изъ принципа, что „политическіе и гражданскіе законы содѣлываютъ народы таковыми, каковыми они суть“, изъ чего слѣдуетъ, что „одинаковые гражданскіе законы на цѣломъ пространствѣ государства болѣе всего содѣйствовать будутъ къ дарованію

всѣмъ частямъ онаго одинаковаго оттѣнка нравственности, а тѣмъ самымъ и произведутъ ту совершенно крѣпкую и истинно тѣсную политическую связь въ государствѣ, коея существованіе столь благодѣтельно",—Пестель стремится, чтобы племена, населяющія Россію, были слиты не только политически, но и этнографически въ одно, чтобы „обитатели цѣлаго пространства россійскаго государства *всѣ были русскіе*". Средства для этого—господство только одного языка—россійскаго, уничтоженіе различныхъ названій племенъ, однообразіе законовъ, регулирующихъ не только общественно-государственную, но и частную жизнь.

Признавая право собственности священнымъ и неприкосновеннымъ, Пестель, тѣмъ не менѣе, находитъ, что всѣ безъ исключенія должны пользоваться землей, которая должна быть двухъ родовъ—частная и общинная. Гражданинъ, лишенный частной земельной собственности, пользуется общественной; „вся Россія будетъ, слѣдовательно, состоять изъ однихъ обладателей земли и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли". Конфискаціи частной собственности на землю не будетъ, но земля, принадлежащая государству, городскимъ и сельскимъ обществамъ, дѣлится пополамъ — одна половина въ пользованіи частныхъ лицъ, другая—общества. Сословія совершенно уничтожаются, а также и связанныя съ ними привилегіи; также „не можетъ долѣе въ Россіи существовать позволеніе одному человѣку имѣть и называть другого своимъ крѣпостнымъ. Рабство должно быть рѣшительно уничтожено". Торговля и промышленность должны быть совершенно свободны, но, тѣмъ не менѣе, Пестель признаетъ, что „аристократія богатствъ гораздо вреднѣйшая аристократіи феодальной, ибо сія послѣдняя общимъ мнѣніемъ всегда потрясена быть можетъ и, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ отъ общаго мнѣнія зависитъ, между тѣмъ какъ аристократія богатствъ, владѣя богатствами, находитъ въ нихъ орудія для своихъ видовъ, противу коихъ общее мнѣніе совершенно безсильно, и посредствомъ коихъ оно приводитъ весь народъ, какъ уже сказано, въ совершенную отъ себя зависимость".

Г. Сильванскій въ своей статьѣ „Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ" („Былое" 1906, февраль) такъ характеризуетъ Пестеля: „Холодный, логическій умъ, непреклонная воля и смѣлая, надменная увѣренность въ своихъ сужденіяхъ и въ своихъ силахъ, въ своемъ правѣ на господство надъ другими людьми—таковы основныя черты личности Пестеля, рано создавшія ему славу исключительнаго по своимъ дарованіямъ человѣка. Вѣра въ силу логики, въ математическую точность логическихъ заключеній, вѣра въ силу разума составляли отличительныя свойства его ума. Подобно французскимъ мы-

слителямъ и дѣятелямъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го, онъ въ своихъ рѣшеніяхъ политическихъ вопросовъ не считался съ сложными условіями исторической обстановки и вѣрилъ въ возможность немедленнаго, неуклоннаго осуществленія идеи во всей ея логической чистотѣ. Истинный сынъ своего времени, великой революціонной эпохи, онъ, подобно якобинцамъ и родственному имъ по духу Наполеону, вѣрилъ въ торжество идеи и въ возможность осуществленія своего идеала рѣзкимъ насильственнымъ революціоннымъ путемъ, вопреки какимъ бы то ни было общественнымъ условіямъ, какимъ бы то ни было условіямъ времени и мѣста. Этимъ духомъ времени объясняются тѣ положенія „Русской Правды", которыя на первый взглядъ кажутся странными по своей крайней прямолинейности. На „Русскую Правду" Пестель смотрѣлъ, какъ на наказъ Временному Верховному Правленію, и онъ полагалъ, что существованіе этого наказа—ясной программы новаго республиканскаго строя—должно предупредить всѣ смуты и неустройства, какія обыкновенно сопутствуютъ революціи".

Текстъ „Русской Правды" изданъ невполнѣ исправно, какъ объ этомъ можно судить по сличеніямъ и поправкамъ, указаннымъ В. И. Семевскимъ въ майской книгѣ „Былого". Вторую половину разсматриваемой нами книги занимаетъ „Записка о государственномъ управленіи", писанная Пестелемъ ранѣе „Русской Правды". Во второмъ, исправленномъ изданіи, которое, несомнѣнно, не замедлитъ появиться, желательна, въ интересахъ широкаго круга читателей, статья обобщающаго характера.

III.

— Противъ смертной казни. Сборникъ статей подъ редакціей М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова. М. 1906.

Въ этомъ сборникѣ собрано все, что можно сказать людямъ, еще невполнѣ убѣжденнымъ, подъ вліяніемъ застарѣлыхъ предразсудковъ и ложныхъ представленій о правахъ государства, въ полной безсмысленности, со всѣхъ точекъ зрѣнія, смертной казни. Такихъ людей, къ сожалѣнію, немало среди русской публики, и нужно было разыграться всей ужасающей кровавой драмѣ послѣднихъ лѣтъ, чтобы обнаружить истинное, весьма прискорбное въ общемъ, культурное состояніе широкихъ круговъ нашей читающей публики. Среди нихъ еще существуетъ убѣжденіе, находящее даже печатные органы для своего выраженія, что смертная казнь — законное средство государственной мудрости, и что примѣненіе ея не является доказательствомъ полнаго банкротства нравственнаго авторитета государственной власти. Иначе—

развѣ необходимо было бы убѣждать и доказывать обратное, ссылаясь на вѣчные законы божеской и человѣческой правды, взывая къ незатемненному разсудку и непосредственному чувству, изъ которыхъ слагается совѣсть общественныхъ отношеній? Людямъ, неясно думающимъ о смертной казни, названная книга предлагаетъ всѣ виды логическихъ доказательствъ и нравственныхъ убѣжденій, чтобы внушить ихъ душѣ отвращеніе и ужасъ при одной мысли о правѣ отнятія жизни однимъ человѣкомъ у другого. Конечно, здѣсь только малая частица того, что передумано и написано человѣчествомъ о *варварскомъ* переживаніи *дикаго* обычая, именуемомъ смертной казнью, но зато статьи, собранныя въ этой книгѣ, за исключеніемъ первой, принадлежащей перу Вл. Соловьева и дающей тонъ всѣмъ остальнымъ, написаны нашими современниками, внушены тѣми же ужасами, свидѣтелями которыхъ являемся и мы, и возбуждаемое ими чувство протеста вытекаетъ изъ тѣхъ же реальныхъ фактовъ современности, которые у всѣхъ на глазахъ и которые въ глубинѣ совѣсти ставятъ съ мучительной и неотступной тревогой вопросъ о личной отвѣтственности каждаго за все, что творится у него на глазахъ.

Въ прекрасной, едвали не самой прекрасной (если только слово прекрасный подходитъ къ статьѣ, трактующей о смертной казни) статьѣ, открывающей сборникъ, Вл. Соловьевъ ярко и убѣдительно доказывалъ противность смертной казни первоосновамъ нравственности. „Будучи нечестивою и безчеловѣчною,—писалъ Соловьевъ,—смертная казнь имѣетъ и *постыдный* характеръ, который уже давно закрѣпленъ за нею общественнымъ чувствомъ, какъ это видно изъ всеобщаго презрѣнія къ палачу. Война, дуэль, открытое убійство могутъ быть безчеловѣчны, ужасны, съ извѣстной точки зрѣнія безсмысленны, но особаго, специфическаго элемента *постыдности* въ нихъ нѣтъ. Что бы ни говорили сторонники вѣчнаго мира, военный человѣкъ, сражающійся противъ вооруженныхъ противниковъ съ опасностью собственной жизни, ни въ какомъ случаѣ не можетъ возбуждать къ себѣ презрѣнія. Хотя дуэль нельзя и сравнивать съ войною, хотя дуэлистъ справедливо вызываетъ негодованіе и преслѣдуется какъ за преступленіе, но все-таки человѣка, выходящаго на барьеръ, никто за одно это искренно не презираетъ и по той же причинѣ: этотъ человѣкъ возвышается, по крайней мѣрѣ, надъ инстинктивнымъ страхомъ смерти и показываетъ, что его собственная физическая жизнь сама по себѣ безъ извѣстныхъ нравственныхъ (хотя бы и ошибочно понятыхъ) условій не имѣетъ для него цѣны. То же до нѣкоторой степени можно сказать и про иные случаи убійства. Но вся эта сторона самопожертвованія, или риска собственною жизнью и свободой, оправдывающая войну, извиняющая дуэль и даже смягчающая въ извѣстныхъ случаяхъ

ужасъ прямого убійства,—въ смертной казни совершенно отсутствуетъ. Здѣсь заранѣе и завѣдомо обезоруженный и связанный человѣкъ убивается человѣкомъ вооруженнымъ, совершенно ничѣмъ не рискующимъ и дѣйствующимъ исключительно изъ низкаго своекорыстія. Отсюда специфически постыдный характеръ смертной казни и безграничное всеобщее презрѣніе къ палачу". Далѣе Соловьевъ доказываетъ, что смертная казнь, противная первоосновамъ нравственности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и отрицаніе *права* въ самомъ его существѣ. Эта статья Соловьева, написанная, сравнительно, давно, такъ свѣжа, и повтореніе ея въ сборникѣ такъ своевременно, что многія дальнѣйшія статьи представляются только дальнѣйшимъ развитіемъ ея отдѣльныхъ положеній.

Свящ. Г. Петровъ считается съ возраженіемъ, которое часто раздается въ устахъ защитниковъ смертной казни: „пусть убійцы перестанутъ убивать,—тогда государство перестанетъ казнить". Свящ. Петровъ напоминаетъ слова Екатерины II о томъ, что—„правительство должно бороться съ преступленіемъ, не подражая ему". Эти слова представляются автору изреченіемъ великой государственной мудрости и правды: „если признано,—говоритъ онъ,—что убійствамъ надо положить конецъ, что отнятіе жизни кѣмъ бы то ни было и отъ кого бы то ни было преступно, то ясно, что правительство должно не ждать примѣра и почина отъ убійцъ, а само обязано дать примѣръ, само призвано положить начало должному признанію великой цѣнности человѣческой жизни. Что̀ это было бы за правительство, которое ждало бы уроковъ и образцовъ отъ своихъ подсудимыхъ?"

Арх. Михаилъ останавливается на психологіи убійцъ различныхъ типовъ и приходитъ къ заключенію, что если еще можно понять убійство подъ вліяніемъ аффекта, то нѣтъ ничего ужаснѣе и позорнѣе холоднаго и разсчитаннаго убійства или казни. „Поэтому, въ то время, какъ убійство въ аффектѣ есть низшій видъ и типъ убійства, убійство по суду есть высшій и наиболѣе преступный типъ". Г-нъ В. Розановъ говоритъ о „лукавыхъ" словахъ, которыми прикрываетъ правящій классъ убійства по распоряженію суда. „Уголовный судъ", приговоръ о смертной казни", „Судъ приговорилъ такого-то къ повѣшенію", „приговорилъ къ разстрѣлянію", когда нужно говорить просто: „мы, судьи, удавили сегодня Петра", „мы приказали солдатамъ Николаю и Ѳаддею застрѣлить мѣщанина Семена". „Смертные приговоры,—кстати отмѣчаетъ г. Розановъ,—собственно обширно практикуются лишь въ отношеніи простонародья... Дворяне дворянъ не „обдираютъ", и, напримѣръ, чиновники чиновниковъ никогда не „вѣшаютъ", хотя бѣдствія отъ чиновниковъ, иногда ставящихъ государство на край гибели, превосходятъ вредъ отъ воровъ и разбойниковъ... Ну, какъ тайный

совѣникъ удавитъ тайнаго совѣтника? Но „тайный совѣтникъ“ мѣщанина Иванова? Это — котъ, котораго можно ободрать, „чужая кровь, чужая душа“, не „мы“ и не „наше“.

О правѣ военныхъ властей, облекаемыхъ нерѣдко полномочіями разстрѣливать и вѣшать по своему усмотрѣнію, и вытекающихъ отсюда ужасныхъ непоправимыхъ ошибкахъ и дикой непослѣдовательности, даже съ точки зрѣнія существующаго уголовнаго права, говоритъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Вмѣсто суда — безграничный произволъ озвѣрѣвшихъ дикарей и полное пренебреженіе къ человѣческой личности, доходящее до того, что вмѣсто одного разстрѣливаютъ другого, и все это съ сознаніемъ полной безнаказанности за сдѣланную ошибку. Несостоятельны и военные суды съ точки зрѣнія военной науки: этому вопросу посвящаетъ свою замѣтку проф. М. Чубинскій подъ заглавіемъ „Смертная казнь и военные суды“.

Отразились въ сборникѣ и реальныя картины недавно пережитыхъ событій. В. И. Немировичъ-Данченко живо и мѣтко набросалъ потрясающую сцену военнаго суда, разыгравшагося на поляхъ Манчжуріи въ послѣднюю войну. Въ сценѣ этой, изображающей судъ надъ двумя темными и отупѣлыми солдатами, наглядно обнаруживается несостоятельность военнаго суда, допускающаго роковыя ошибки, благодаря которымъ невинные люди платились своей жизнью. Механичность мертвыхъ „дѣйствующихъ узаконеній“ споритъ съ механичностью живыхъ людей, не отдающихъ себѣ отчета въ значеніи совершаемаго дѣла. Нельзя безъ содроганія читать описаній, сдѣланныхъ г. Владиміровымъ по свѣжимъ слѣдамъ Голутвинской расправы, и истязанія несчастной Спиридоновой. Заканчивается сборникъ поименнымъ спискомъ приговоренныхъ къ смертной казни русскими судами въ періодъ съ 1826 по 1906 гг.

Въ итогѣ, читатель выноситъ непреодолимое убѣжденіе, что смертная казнь неминуемо должна быть отмѣнена,—иначе она постигнетъ и тотъ режимъ, который надѣется поддержать свое существованіе при ея посредствѣ.

IV.

— А. С. Пругавинъ. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 года. Изд. „Посредника“. М. 1906.

„Теперь, когда Россія находится *наканунѣ* крупныхъ и коренныхъ реформъ, имѣющихъ цѣлью переустройство нашего государственнаго и общественнаго механизма, особенно полезно и поучительно оглянуться на тѣ условія, среди которыхъ еще недавно текла

да и сейчасъ еще течетъ жизнь русскаго крестьянства, составляющаго огромный, подавляющій процентъ населенія Россіи". Да, очерки автора поучительны вдвойнѣ—и потому, что они вносятъ свою долю въ процессъ обновительной работы страны, и потому, что они появляются въ моментъ, когда надвигающаяся голодовка заставляетъ искать въ опытѣ недавняго прошлаго практическихъ указаній, какъ справлялись и какъ нужно справляться съ народнымъ бѣдствіемъ, требующимъ огромнаго напряженія общественныхъ силъ. Впечатлѣнія автора относятся, преимущественно, къ самарской губерніи, бывшей въ центрѣ области, постигнутой неурожаемъ 1898—99 г. Авторъ наблюдалъ на мѣстѣ и картину самой голодовки, прискорбно типичную и гнетущую однообразіемъ своей покорности судьбѣ, и отношеніе къ ней администраціи и земства. Отношеніе это къ факту голодовки крестьянъ цѣлаго ряда губерній было, конечно, діаметрально противоположнымъ, и яркая характеристика его составляетъ для переживаемаго нами времени крупную заслугу, тѣмъ болѣе, что, какъ объ этомъ можно судить по многимъ признакамъ нашей политической жизни, въ обществѣ существуетъ все еще немалое число лицъ, для которыхъ неясна разница между общественной и бюрократической организаціей возможной помощи на мѣстахъ голодающему крестьянству.

Въ 1898 г. мѣстные земскіе люди первые, конечно, могли предугадать тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыя повлечетъ за собой неурожай для крестьянъ, и безъ того уже разоренныхъ и обѣднѣвшихъ, и они тотчасъ поспѣшили выяснить размѣры народной нужды и опредѣлить размѣры необходимой помощи. Но дѣятельность земства была парализована администраціей, которая связала земскую самодѣятельность по рукамъ и ногамъ, подчинивъ ее усмотрѣніямъ всевозможныхъ властей, начиная отъ губернской администраціи и продолжая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. А власти, по обыкновенію, проявили возмутительно безучастное отношеніе къ народной нуждѣ, и на всѣ ходатайства земства объ оказаніи раціональной помощи отвѣчали выраженіемъ полнаго недовѣрія и равнодушія. Результаты такого положенія дѣлъ не замедлили сказаться: разразилась голодовка, а за ней появились неизбѣжныя болѣзни, эпидеміи, цынга и тифъ. Чтобы представить себѣ тѣ размѣры, которыхъ достигло бѣдствіе, авторъ напоминаетъ, что число больныхъ цынгой только въ трехъ губерніяхъ: самарской, казанской и симбирской, доходило до 100.000 человѣкъ! Еще болѣе недовѣрчиво была встрѣчена частная иниціатива. „Лица, отправлявшіяся въ мѣстности, — говоритъ г. Пругавинъ, — пострадавшія отъ неурожая, для устройства столовыхъ и оказанія другихъ видовъ помощи голодающимъ, подвергались со стороны мѣстныхъ властей разнаго рода стѣсненіямъ. За ними учреждался строгій

надзоръ полиціи, слѣдившей за каждымъ ихъ шагомъ. Нерѣдко эти стѣсненія принимали такія грубыя и назойливыя формы, что вынуждали людей, работавшихъ надъ оказаніемъ помощи голодавшему населенію, бросать скрѣпя сердце—дѣло, надъ которымъ они безкорыстно и самоотверженно трудились, и—уходить...“

Разсказывая печальную эпопею земскихъ ходатайствъ, г. Пругавинъ цитируетъ, для большей наглядности, оффиціальные документы, и читатель не всегда въ состояніи рѣшить, что руководило дѣйствіями нашихъ властей,—непониманіе ли размѣровъ народнаго бѣдствія, или издѣвательство надъ дѣятельностью земскихъ учрежденій. Изъ массы приводимыхъ авторомъ фактовъ отмѣтимъ одинъ-два для примѣра. Самарская губернская земская управа ходатайствовала передъ министерствомъ объ увеличеніи продовольственной нормы до 40 фунтовъ на ѣдока, считая, что 35-ти фунтовъ, установленныхъ петербургскими чиновниками на человѣка, недостаточно (даже по учебникамъ физіологіи норма для питанія человѣка составляетъ не менѣе 48 ф. въ мѣсяцъ). Въ отвѣтъ на это обращеніе было получено отъ министра внутреннихъ дѣлъ разъясненіе о томъ, что ходатайство земства „не могло быть уважено въ виду того обстоятельства, что норма въ 35 фунтовъ опредѣлена бывшимъ въ іюлѣ мѣсяцѣ особымъ совѣщаніемъ, заключенія коего удостоились высочайшаго одобренія“. На ходатайства земства объ отпускѣ суммъ изъ казны на организацію общественныхъ работъ, въ которыхъ могли бы принять участіе пострадавшіе отъ неурожая крестьяне, а также на многія другія ходатайства, имѣвшія цѣлью сократить размѣры народнаго бѣдствія, администрація отвѣтила полнымъ отказомъ. Указавъ на неуспѣшность земскаго ходатайства объ организаціи общественныхъ работъ, г. Пругавинъ восклицаетъ: „Такимъ образомъ и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же чисто формальнымъ, совершенно бездушнымъ отношеніемъ бюрократіи къ народнымъ нуждамъ... Что за бѣда, что разоренному населенію грозитъ голодъ со всѣми ужасами! Главное, конечно, не въ этомъ,—не въ томъ, чтобы какъ-нибудь предупредить надвигавшееся бѣдствіе,—совсѣмъ нѣтъ! Главное въ томъ, чтобы при этомъ какъ-нибудь не нарушить министерскій циркуляръ отъ такого-то числа и за такимъ-то нумеромъ. Вотъ въ чемъ вся суть вопроса!.. Пусть голодаетъ народъ, пусть онъ пухнетъ отъ цынги, пусть какъ мухи мрутъ крестьянскія дѣти—но циркуляры г. министра должны соблюдаться во что бы то ни стало, хотя бы наперекоръ здравому смыслу, „наперекоръ стихіямъ“.

Какъ видно изъ очерковъ г. Пругавина, общественныя силы, несмотря на всѣ препятствія, чинившіяся администраціей, оказали дѣлу помощи голодающему крестьянству незамѣнимыя услуги. Самоотвер-

женно работали врачи и въ особенности добровольческая молодежь—курсистки, фельдшерицы, студенты. Но дѣятельность ихъ была стѣснена недостаткомъ средствъ и медикаментовъ. „Красный Крестъ" дѣйствовалъ независимо и не считалъ нужнымъ удовлетворять просьбы добровольныхъ работниковъ объ отпускѣ необходимѣйшихъ пособій. „Тотъ, кто имѣлъ случай стоять близко къ дѣятельности нашего Краснаго Креста,—замѣчаетъ авторъ,—навѣрное, согласится съ нами, что тамъ всегда царили хаосъ и канцелярщина". Дѣятельность чиновъ Краснаго Креста вообще протекала въ иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ работа земскихъ организацій, но благопріятная сторона этихъ условій была обращена, къ сожалѣнію, не къ больнымъ. Одинъ изъ своихъ очерковъ г. Пругавинъ посвящаетъ, между прочимъ, типичному для Краснаго Креста явленію, студенту-бѣлоподкладочнику, поражавшему своимъ щегольскимъ видомъ и „крайне формальнымъ и даже небрежнымъ отношеніемъ" къ паціентамъ. Типъ этотъ, довольно распространенный среди столичной золотой молодежи, живо очерченъ авторомъ въ провинціальной, чрезвычайно своеобразной для него обстановкѣ, и возбуждаетъ естественное чувство гадливости и презрѣнія. Въ параллель господамъ, подобнымъ „студенту изъ Краснаго Креста", г. Пругавинъ изображаетъ другіе типы, типы интеллигентныхъ барышенъ и пожилыхъ дамъ, а также другихъ студентовъ, отдававшихъ всѣ свои силы на борьбу съ народной нуждой. „Какъ они были полны стремленія возможно скорѣе попасть въ глухія села и деревни, населеніе которыхъ изныло отъ нужды, голода и болѣзней!.. Точно пламенемъ они охвачены были однимъ страстнымъ желаніемъ—поскорѣе, чѣмъ только возможно, облегчить страданія людей, которые пухли отъ долгаго голода, отъ недостатка хлѣба, отъ цынги".

Итоги напрашиваются сами собой,—и было бы болѣе чѣмъ печальнымъ заблужденіемъ не присоединить ихъ къ тѣмъ многочисленнымъ даннымъ, которыя ясно указываютъ, въ какую сторону слѣдуетъ обратиться за помощью въ предстоящей борьбѣ съ голодомъ въ мѣстахъ, постигнутыхъ неурожаемъ.

V.

— Тюшовъ В. Н. По западному берегу Камчатки. Изъ Записокъ Имп. Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1906.

Книга г. Тюшова есть не простое географическое изслѣдованіе, но весьма своевременное напоминаніе, что и на западномъ берегу

Камчатки живутъ люди, ждущіе, какъ манны небесной, измѣненія тѣхъ порядковъ, которые разрушили ихъ коренной бытъ, уничтожили и продолжаютъ уничтожать ихъ благосостояніе, словомъ, изнываютъ подъ тяжестью бюрократическаго режима, который тамъ, въ холодныхъ, непривѣтливыхъ тундрахъ, давитъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше встрѣчаетъ противодѣйствія со стороны забитыхъ и приниженныхъ обитателей. Книга г. Тюшова составилась изъ дневника, и это придаетъ ей особую цѣнность живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній. Впечатлѣнія эти, отмѣчавшіяся мимоходомъ, безъ какой бы то ни было, повидимому, преднамѣренной цѣли, пріятно оживляютъ монотонную лѣтопись географическихъ и геологическихъ наблюденій и даютъ отчетливое представленіе о природѣ и бытовыхъ особенностяхъ края. Въ общемъ, книга пріобрѣтаетъ характеръ, дѣлающій ее виднымъ явленіемъ не только въ научномъ, но и въ общественномъ смыслѣ.

„Авторъ настоящаго труда,—читаемъ мы въ предисловіи г-на Богдановича, подъ редакціей котораго вышла книга, — врачъ по своей спеціальности, болѣе десяти лѣтъ находится почти безвыѣздно на Камчаткѣ, удерживаемый тамъ врожденной страстью къ путешествіямъ, какъ къ одному изъ средствъ для изученія природы. Когда автору, послѣ окончанія имъ дерптскаго университета, предстояло избрать мѣсто для своей дальнѣйшей дѣятельности, выборъ его остановился на Камчаткѣ не случайно, а какъ на области, представляющей въ географическомъ отношеніи самый разнообразный матеріалъ для наблюденій и изслѣдованій“. Со стороны автора добровольное поселеніе въ Камчаткѣ было подвигомъ, своего рода самопожертвованіемъ, которое должно быть отмѣчено, какъ замѣтная общественная заслуга. Описаніе населенія Камчатки, преимущественно быта камчадаловъ, должно обратить на себя вниманіе уже по одному тому, что литература о Камчаткѣ чрезвычайно бѣдна, почти исчерпываясь, въ смыслѣ цѣльныхъ описаній, трудами Крашенинникова, Эрмана и Дитмара, съ которыми постоянно считается авторъ, дѣлая къ нимъ весьма существенныя поправки и примѣчанія. Въ этнографическомъ отношеніи чрезвычайно цѣнными являются описанія занятій, промысловъ, съ изображеніями и подробнымъ объясненіемъ типичнѣйшихъ бытовыхъ и промысловыхъ предметовъ и орудій. Не претендуя на живописность изложенія, авторъ въ высшей степени ясно и детально разсказываетъ, въ какихъ условіяхъ живутъ камчадалы, каково ихъ жилье, какова ихъ одежда, обувь, способы ѣзды, какъ они охотятся, развлекаются, — и все это до наглядности непосредственно и живо. Изображая черты духовнаго быта, г. Тюшовъ многократно и обстоятельно останавливается на образцахъ народной поэзіи, приводитъ тексты пѣсенъ и сказокъ (нѣкоторыя изъ нихъ прелестны по

содержанію и, съ точки зрѣнія фольклора, представляютъ любопытные варіанты темъ международнаго обращенія, особенно богатъ звѣриный эпосъ); большое вниманіе удѣляетъ и языку, причемъ въ изложеніи отмѣчаетъ мало-мальски типичныя выраженія и обороты, что имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ изученія народно-бытовой техники. Въ области языка г. Тюшовъ дѣлаетъ любопытныя наблюденія о томъ, какъ отражалось на русской рѣчи переселеніе въ Камчатку. Переселенцы, распредѣляясь въ различныхъ пунктахъ Камчатки, съ теченіемъ времени пріобрѣтали новые туземные оттѣнки рѣчи и вырабатывали свои особые говоры, столь различные между собой, что по одному разговору авторъ безъ труда опредѣлялъ, изъ какого селенія происходитъ тотъ или другой субъектъ. Съ другой стороны, заслуживаютъ вниманія тѣ наблюденія, въ которыхъ отражается самый процессъ осѣданія на мѣстахъ русскаго элемента, характеризующій его умѣнье приспособляться къ новымъ естественнымъ условіямъ и, напр., добывать хлѣбъ тамъ, гдѣ туземцамъ это оказывалось не подъ-силу (земледѣліе въ Начикахъ—стр. 46—47). Видно по всему, что авторъ сжился и полюбилъ этотъ суровый край. „Да будетъ мнѣ прощено, — говоритъ онъ, какъ бы извиняясь за свою любовь къ „тундрочкамъ", — что я стану останавливаться на каждой тундрѣ: я полюбилъ ихъ не меньше настоящаго камчадала, которому онѣ дороги такъ же, какъ и хребты горъ". Эта-то любовь къ краю и изощрила наблюдательность автора и сообщила его изложенію жизненность и теплоту.

Поэтому нельзя не выслушать печальной повѣсти автора о томъ, какъ нашъ режимъ отразился на обитателѣ Камчатки и какія мѣры еще можно предпринять для улучшенія его быта. Общій смыслъ этой повѣсти сводится къ тому, что русскіе владѣютъ Камчаткой двѣсти лѣтъ и ничего не дали этому краю, кромѣ канцелярскаго гнета (подъ видомъ „управленія краемъ"), разоренія и умственной загрубѣлости. Обычная картина нашей политики на инородческихъ окраинахъ: поборы, „натуральныя" повинности, вродѣ „каюрства", т.-е. разъѣздовъ по безконечнымъ пространствамъ съ грознымъ „начальствомъ" или по дѣламъ начальства съ „бумагами" въ карманѣ; отсутствіе всякой заботы о леченіи и просвѣщеніи, произволъ, безправіе и невѣжество чиновниковъ и духовенства—все это слишкомъ извѣстно, и авторъ даетъ этому роковому „извѣстному" только мѣстную окраску. Изобразивъ страшную картину эпидеміи въ 97-мъ году, авторъ со скорбью жалуется на свою полную безпомощность сдѣлать что-либо своими силами. „Въ свое время я писалъ,—говоритъ онъ,—о насущной необходимости улучшить медицинскую помощь инородческому населенію Камчатки. Но писанія и на этотъ разъ, какъ и

всегда, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Что за дѣло сытымъ и довольнымъ чиновникамъ, получающимъ положенное по штату содержаніе, до того, что населеніе Камчатки во время эпидеміи совершенно безпомощно, что оно за 200-лѣтнее владѣніе Камчаткой не научено ничему хорошему своими покорителями, заплативъ и все еще платя щедрую дань имъ несчетными сороками соболей, черныхъ и красныхъ лисицъ, морскихъ бобровъ и др. пушнины и получивъ отъ нихъ только сифилисъ. Какое кому дѣло, что это населеніе день и ночь, безпрекословно, везетъ по топямъ, въ дождь и снѣгъ, то какого-нибудь начальника, въ лицѣ ли начальника округа или его помощника, окружнаго врача, урядника, или какой-нибудь изъ безчисленныхъ и безтолковыхъ приказовъ;—это, говорятъ, его „натуральная повинность"; какое дѣло до того, что это населеніе, доведенное двухсотъ-лѣтнимъ совершенно безконтрольнымъ владычествомъ посылавшихся правителей до подобнаго состоянія, вынуждено было забыть родной языкъ, чтобы выучить русскій, но такъ, что нужно долго привыкать къ этой искаженной рѣчи, чтобы что-нибудь понять. А казалось бы, давно слѣдуетъ обратить вниманіе на тяжелое положеніе камчатскихъ инородцевъ. И помочь, хотя бы немного, не все вдругъ, казалось, было бы не трудно при желаніи. Камчадалы—это тѣ же дѣти, но только взрослыя; при этомъ, надо сказать, дѣти очень способныя отъ природы. Ихъ нужно учить, учить не плетью, какъ дѣлаютъ нѣкоторые мудрые начальники, посылая для обученія въ камчадальское селеніе казака (обучать камчадала ловить рыбу!), а собственнымъ примѣромъ, добрымъ и ласковымъ словомъ и обхожденіемъ.

Отъ недостатка заботъ и вниманія къ нуждамъ края онъ не только не приходитъ съ теченіемъ времени въ болѣе культурное состояніе, но, напротивъ, обрекается на запустѣніе, такъ какъ естественныя богатства, благодаря хищнической эксплоатаціи, уменьшаются, и жителямъ становится все труднѣе и труднѣе вести борьбу за свое существованіе. Въ главѣ VII-й авторъ приводитъ цѣлый рядъ за душу хватающихъ эпизодовъ, наглядно изображающихъ ту атмосферу безправія и беззащитности, въ которой живутъ несчастные камчадалы. Незавидна при этомъ, если вѣрить разсказамъ, и роль мѣстнаго духовенства: и оно, въ своемъ обращеніи съ населеніемъ, немногимъ отличается отъ представителей мѣстной администраціи. Пересказывать эти эпизоды было бы слишкомъ долго, да и услышать ихъ можно вездѣ, гдѣ инородцы приходятъ въ соприкосновеніе съ попечительными заботами русской администраціи. И все это оттого—кажется камчадаламъ,—что царю неизвѣстно ихъ горькое положеніе: „какъ бы царь самъ бы зналъ житье наше,—разсуждаютъ они,—такъ безпремѣнно намъ бы лучше было, потому онъ какъ Богъ, все по

правдѣ... Потому какъ больше его нѣтъ, и что онъ скажетъ, хоть какому начальнику, такъ оно и будетъ. И товаръ, може, дешевле будетъ, и дадутъ намъ, что намъ нужно"... Горячая защита камчадаловъ, во имя общечеловѣческихъ правъ и государственнаго достоинства и пользы, обличаетъ въ авторѣ человѣка съ высоко развитымъ чувствомъ общественной правды, и нужно надѣяться, что голосъ его съ одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ нашего отечества уже не долго будетъ звучать гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что онъ дойдетъ до слуха тѣхъ, кому дороги интересы нашей гражданственности и культуры.

VI.

— Мережковскій, Д. С. Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. Спб., 1906.

Достоевскій—пророкъ русской революціи. Такъ рѣшилъ г. Мережковскій, у котораго своя логика, своя аргументація и свое особое искусство наговорить подчасъ очень много, а сказать куда меньше такого, что могло бы кореннымъ образомъ задѣть критическую мысль и направить ее по новому пути. Это такъ замѣтно на его послѣдней книгѣ. Художественная разбросанность плана даетъ возможность строить изложеніе на частностяхъ, внутренно мало согласованныхъ, говорить афоризмами, заинтересовывать читателя неожиданными сопоставленіями, игрой словъ и возбуждать *обманчивое настроеніе мысли*, ея психику, не возбуждая въ то же время самой мысли къ анализу и провѣркѣ. Только этимъ и можно объяснить, что, при всей скудости содержанія послѣдней работы г. Мережковскаго, она читается съ интересомъ, особенно если принять во вниманіе сдѣланную въ ней попытку подогнать и Достоевскаго къ наиболѣе жгучимъ вопросамъ современности и сдѣлать его сопричастникомъ русской революціи, хотя бы въ томъ смыслѣ, что у автора „Дневника писателя" нашлось, среди огромной массы написаннаго, нѣсколько страницъ, удобныхъ для художественно-публицистическаго парафраза на современныя темы.

Снисходительно отмѣтивъ „обманы и самообманы" Достоевскаго, высказанные имъ по поводу того, что „Россія стоитъ на какой-то окончательной точкѣ, колеблясь надъ бездною"—между жаждущимъ земли крестьянствомъ и христіанствомъ, „русскимъ" христіанствомъ—православіемъ, г. Мережковскій прекрасно обнаруживаетъ безсиліе Достоевскаго согласовать его представленіе объ анти-христіанскомъ господствѣ папъ съ представленіемъ о самодержавіи, осуществляющемъ духовную христіанскую свободу. Столь же мѣтко обличаетъ

г. Мережковскій, въ сущности уже обличенную, славянофильскую заносчивость передъ Европой, которая каждому русскому, по словамъ Достоевскаго, „такъ же драгоцѣнна, какъ Россія“, и которую (Европу), тѣмъ не менѣе, русскіе, по совѣту того же Достоевскаго, должны были бы съѣсть, чтобы не быть съѣденными самимъ. Достоевскій произнесъ смертный приговоръ надъ всей общественностью Европы, гдѣ онъ видѣлъ лишь одно „рабство и самоубійство“, но въ то же время русское православіе было для него источникомъ могучаго будущаго цивилизаторства и воскрешенія той же Европы. А нашимъ православіемъ благословлялось самодержавіе, которое въ свою очередь, какъ мы видѣли, воплощало въ себѣ, по Достоевскому, духовную свободу. „И ежели государственная власть папъ Достоевскому кажется отреченіемъ отъ Христа, то русское самодержавіе должно бы ему казаться прямымъ и широкимъ путемъ въ царство Антихриста“.

Должно бы казаться, а вотъ не казалось, и даже совсѣмъ напротивъ. Это можно констатировать, какъ фактъ, но дѣлать его исходной точкой для доказательства мысли, что самодержавіе и христіанство— двѣ вещи несовмѣстныя, едвали стоило. Достоевскій для этого— орудіе слишкомъ тяжелое, и бьетъ оно совсѣмъ не въ ту сторону, куда хотѣлось бы г. Мережковскому. А главное — г. Мережковскій ломится въ открытую дверь и доказываетъ мысль, которая стала ясной не со вчерашняго дня. Г. Мережковскій могъ бы найти иные, болѣе близкіе, поводы для отожествленія, если ему угодно, самодержавія съ антихристомъ. И кто же мѣшалъ бы ему поговорить на эту тему безъ всякихъ поводовъ и подходовъ, не вводя читателя въ заблужденіе относительно Достоевскаго и не дѣлая изъ него провидца русской революціи? При всемъ своемъ талантѣ, глубинѣ и тонкости психологическаго анализа, Достоевскій въ своихъ общественныхъ и политическихъ взглядахъ былъ реакціонеромъ чистой воды, убѣжденнымъ противникомъ всего, что не мирилось съ самодержавіемъ и православіемъ, и этого факта не прикрыть никакими хитротолкованіями, никакой игрой словъ.

А революція, о которой говоритъ Верховенскій, имѣетъ къ революціи, переживаемой нами, самое отдаленное отношеніе. Наша революція построена на соціализмѣ, вся проникнута его идеалами, а Верховенскій отрицаетъ соціализмъ: „старыя“, молъ, „силы разрушилъ, а новыхъ не внесъ“—обычная погудка реакціонеровъ шестидесятыхъ годовъ. Онъ противополагаетъ ему другую силу, силу грозную, но какую-то подозрительную: „Намъ вѣдь только на разъ рычагъ, чтобы землю поднять. Все подымется!“ А рычагъ этотъ—Иванъ Царевичъ, самозванецъ, та же самодержавная власть. Словомъ, клинъ клиномъ... а въ результатѣ: „и застонетъ стономъ земля, и взволнуется море, и

рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ, какъ бы поставить строеніе каменное". Слышится ли здѣсь предвѣстіе русской революціи, а не простая діалектика, или, если ужъ подыскивать толкованіе, не мечта о захватѣ власти: „строить мы будемъ, мы, одни мы!"? Это послѣднія слова монолога Верховенскаго, но... что же строятъ теперь они, эти „неистовые мечтатели", отвергавшіе идеалы соціалистическаго порядка? Не скорбятъ ли одни изъ нихъ объ упадкѣ духовныхъ основъ, въ станѣ реакціонеровъ, а другіе не ищутъ ли способовъ примѣшать къ старымъ традиціямъ эстетическаго эпикурейства освѣжающую волну новыхъ соціальныхъ признаній?

Революція—по Достоевскому—совсѣмъ не революція въ нашемъ смыслѣ, а то „преображеніе", о которомъ говоритъ старецъ Зосима: „Общество христіанское пребываетъ незыблемо въ ожиданіи своего полнаго преображенія изъ общества, какъ союза почти еще языческаго, во единую вселенскую и владычествующую церковь". Вообще г. Мережковскій слишкомъ смѣло отожествляетъ Достоевскаго съ Зосимой, но въ данномъ случаѣ разсужденія старца какъ нельзя болѣе согласуются со всѣмъ строемъ убѣжденій Достоевскаго. Достоевскій утверждалъ революцію духовную, но отрицалъ соціальную, и, имѣя въ виду „переходъ общества въ церковь", т. е. въ общество вѣрующихъ и возвѣровавшихъ, по существу не касался государства, поскольку оно воплощало въ себѣ идею самодержавія, и смѣшеніемъ терминовъ „общество" и „государство", какъ совершенно вѣрно замѣтилъ г. Мережковскій, создавалъ путаницу въ понятіяхъ. Тамъ же, гдѣ дѣло шло о духовномъ перерожденіи людей, Достоевскій, устами того или другого героя, выражался опредѣленно и ясно: „Церковь должна заключать сама въ себѣ все государство, а не занимать въ немъ лишь нѣкоторый уголъ, и если это теперь невозможно, то должно быть поставлено прямою и главнѣйшею цѣлью всего дальнѣйшаго развитія христіанскаго общества". Видѣть въ подобныхъ общихъ, для извѣстнаго склада людей, разсужденіяхъ предзнаменованіе русской революціи—не болѣе основательно, чѣмъ видѣть въ невинныхъ словахъ—„позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ"—намекъ на земскій соборъ, какъ это дѣлаетъ г. Мережковскій, не взирая на то, что сама современная Достоевскому цензура обошла ихъ, по причинѣ ихъ явной невинности, своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Нѣтъ, ужъ на что удобный источникъ Достоевскій, чтобы черпать изъ него матеріалъ для всякаго рода пророчествъ и предзнаменованій, но къ дѣлу русской революціи онъ рѣшительно никакого отношенія не имѣетъ, и поминать его въ страдные революціонные дни, какіе мы переживаемъ теперь, едвали у мѣста.

Такимъ образомъ, и этюдъ о происхожденіи самодержавія отъ

Антихриста пріобрѣтаетъ самостоятельную цѣнность. Здѣсь г. Мережковскій говоритъ отъ себя—ему во всемъ, что касается Антихриста, и книги въ руки. Евг. Л.

VII.

— Декабристы. 86 портретовъ; видъ Петровскаго завода и 2 бытовыхъ рисунка того времени. Пояснительный біографическій текстъ приватъ-доцента Московскаго университета П. М. Головачева. Вступительная статья В. А. Мякотина. Изданіе М. М. Зензинова. I—XX+I—294+I—II. Москва 1906.

Прекрасно изданный большой томъ (въ большую 8°, въ 300 слишкомъ страницъ) заключаетъ въ себѣ, кромѣ 86 портретовъ декабристовъ, вступительную статью В. А. Мякотина, предисловіе и пояснительный біографическій текстъ П. М. Головачева и его же поправки и дополненія. Портреты нѣкоторыхъ декабристовъ въ отдѣльности появлялись и раньше въ различныхъ изданіяхъ, затѣмъ 23 портрета изъ собранія г. Зотова были помѣщены въ книгѣ Н. К. Шильдера „Императоръ Николай I", но появленіе въ свѣтъ коллекціи Зензинова дало возможность видѣть многихъ декабристовъ впервые, другихъ—такими, какими мы ихъ не знали раньше.

Въ предисловіи къ книгѣ объясняется происхожденіе только-что изданнаго собранія портретовъ. Братья Н. и М. А. Бестужевы въ Селенгинскѣ задумали составить сборникъ біографій всѣхъ декабристовъ, который Н. А. Бестужевъ имѣлъ намѣреніе приложить къ коллекціи портретовъ, нарисованныхъ имъ самимъ акварелью „съ изумительнымъ сходствомъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ портретовъ, за спѣшностью отправленія назначеннаго на поселеніе, были сняты въ нѣсколько часовъ". „Эта коллекція", по словамъ М. А. Бестужева, „увезена сестрой Еленой Александровной". Проданная извѣстному Козьмѣ Терентьевичу Солдатенкову, она въ настоящее время, къ сожалѣнію, неизвѣстно, гдѣ находится. Равно безслѣдно исчезло и собраніе дубликатовъ всѣхъ портретовъ, писанныхъ Н. Бестужевымъ, подаренное послѣднимъ селенгинскому купцу Лушникову. Но это собраніе акварелей было въ половинѣ 70-хъ годовъ въ Москвѣ, и здѣсь съ нихъ были заказаны г. Зензиновымъ художнику Питчу карандашныя копіи. Эти-то послѣднія и воспроизведены въ настоящемъ изданіи. По самому происхожденію коллекціи Зензинова, въ ней не могло быть портретовъ декабристовъ, не попавшихъ почему-либо въ Сибирь; иныхъ лицъ, впрочемъ, просто не хватаетъ. Поэтому Бестужевскихъ портретовъ находится въ книгѣ всего шесьдесятъ-четыре, остальные двадцать-два взяты изъ собраній: П. О. Созоновичъ, В. Е.

Якушкина и изъ другихъ изданій, при чемъ послѣдніе портреты, кромѣ пяти казненныхъ, въ большинствѣ случаевъ представляютъ декабристовъ уже въ старости, почему въ смыслѣ интереса далеко уступаютъ первымъ. Въ художественномъ отношеніи, правда, портреты Бестужева не слишкомъ высокаго качества, почему трудно вмѣстѣ съ издателемъ назвать кисть его „искусной“, но зато ее можно признать „вѣрной“, ибо сходство портретовъ съ оригиналами было удостовѣрено Завалишинымъ, М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, Бѣляевымъ и другими. Не болѣе искуснымъ является и карандашъ Питча; хотя онъ несомнѣнно вѣрно передалъ оригиналъ, но зато совершенно сгладилъ особенности акварельнаго письма, хотя фототипія Фишера въ Москвѣ прекрасно воспроизвела рисунки Питча, сохранивъ тонъ и характеръ карандашнаго рисунка. Все это, однако, нимало не умаляетъ иконографическаго значенія и интереса изданныхъ г. Зензиновымъ портретовъ этой единственной въ своемъ родѣ коллекціи и книга несомнѣнно украситъ собой библіотеку каждаго интересующагося исторіей XIX столѣтія и въ частности исторіей декабристовъ. Этому, конечно, весьма много будетъ способствовать и „пояснительный текстъ“, составленный П. М. Головачевымъ. Въ сущности авторъ, съ значительнымъ безпристрастіемъ, умѣренностью и объективностью историка, даетъ читателю весьма полныя біографіи всѣхъ восьмидесяти шести декабристовъ съ краткими характеристиками каждаго, при чемъ среди нихъ есть немало совсѣмъ почти неизвѣстныхъ. При этомъ расположеніе по алфавиту дѣлаетъ изданіе прекрасной справочной книгой. Г. Головачевымъ сдѣлана серьезная и нелегкая работа, но, наряду съ достоинствами, она не лишена и нѣкоторыхъ недостатковъ. Прежде всего попадается значительное количество неточностей и мелкихъ фактическихъ промаховъ: Кюхельбекеръ, напримѣръ, стрѣлялъ не въ генерала Волкова, а въ командира гвардейскаго корпуса Воинова; Нарышкинъ родился не въ 1795 г., а 4-го февраля 1798 г.; Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ „скончалась въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, куда поступила послѣ смерти второго мужа“, но въ Москвѣ единственный Покровскій монастырь—мужской; Александръ Крюковъ былъ женатъ не на мѣстной уроженкѣ, а на сосланной эстонкѣ; сестра Захара Чернышева названа графиней Чернышевой-Салтыковой, вмѣсто—Чернышевой-Кругликовой; про Никиту Михайловича Муравьева сказано, что у него была „единственная“ дочь Софья, вышедшая „за извѣстнаго генерала“ Бибикова, тогда какъ у него было еще двѣ дочери, Екатерина и Елизавета, умершія въ пожилыхъ годахъ, незамужними; что же касается первой, то мужъ ея былъ неизвѣстный маіоръ М. И. Бибиковъ. Нѣтъ нужды больше останавливаться на подобныхъ недосмотрахъ, которыхъ еще можно довольно

набрать изъ текста П. М. Головачева. Что касается до характеристикъ декабристовъ, то многія изъ нихъ, при всей ихъ краткости, отличаются мѣткостью, но зато есть и такія, которыя грѣшатъ противъ истины или отзываются нѣсколько панегирикомъ, въ чемъ, конечно, декабристы не нуждаются. Это объясняется той точкой зрѣнія, которую усвоилъ себѣ авторъ: онъ смотритъ на декабристовъ не какъ на обыкновенныхъ людей, со всѣми ихъ слабостями, достоинствами и недостатками, а исключительно какъ на „мучениковъ идеи" и „благородныхъ прародителей русской политической свободы". Поэтому и отношеніе къ нимъ особенное. Такъ, иногда авторъ прибѣгаетъ къ фигурѣ умолчанія, — напримѣръ, говоря о предсмертныхъ минутахъ С. И. Муравьева-Апостола, онъ умалчиваетъ о свидѣтельствѣ И. Д. Якушкина; въ другихъ случаяхъ старается смягчить свои же отзывы, — такъ, о Лунинѣ онъ говоритъ, что „онъ былъ храбръ, но безъ всякаго бреттерства", т.-е. какъ разъ наоборотъ; о Ентальцовѣ, который изъ ревности звѣрски обращался съ своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, онъ довольно мягко выражается—„сильно притѣснялъ". Въ иныхъ случаяхъ г. Головачевъ прибѣгаетъ къ такимъ туманнымъ выраженіямъ, что у читателя остается впечатлѣніе, будто авторъ что-то еще знаетъ, но не все говоритъ,—напримѣръ, онъ пишетъ: „Здоровье Барятинскаго подорвано еще въ Россіи вслѣдствіе особенностей его личнаго поведенія". Даже о Д. И. Завалишинѣ авторъ выражается необыкновенно мягко и говоритъ о немъ, что онъ „имѣлъ какой-то психическій дефектъ", тогда какъ это лицо имѣетъ вполнѣ опредѣленную нравственную физіономію, при чемъ представленіе о немъ, очень ясное, создается на основаніи свидѣтельствъ многихъ изъ его сотоварищей; впечатлѣніе же отъ его „записокъ", о которыхъ говоритъ и П. М. Головачевъ, только подтверждаетъ эти жесткіе о немъ отзывы. Конечно, тотъ же особенный піэтетъ къ предмету часто заставляетъ автора пояснительнаго текста прибѣгать къ языку высокому, но, благодаря этому, мѣстами и неясному. Серьезно говоря, едвали необходимы фигуральныя фразы вродѣ слѣдующихъ: „температура его политической экзальтаціи достигла высшаго предѣла"..., или: „температура взаимной любви и расположенія особенно высоко поднималась во время болѣзни кого-либо изъ товарищей...", или еще: „Кюхельбекеръ горячо принялъ къ сердцу идеи, одушевлявшія благородныхъ прародителей русской политической свободы..." Такой же „высокій стиль" субъективнаго чувства, вмѣсто спокойнаго объективнаго изложенія историка, усвоенъ авторомъ вступительной статьи. Людямъ, знакомымъ съ исторіей общественнаго движенія въ царствованіе Александра I, эта статья ничего не сообщаетъ новаго; что же касается до большой публики, то, кажется, ей было бы инте-

реснѣе получить краткій очеркъ, болѣе или менѣе фактическій, исторіи возникновенія тайныхъ обществъ, событій 14 декабря, слѣдствія, суда и приговора надъ декабристами, такъ какъ всѣ эти свѣдѣнія хотя и есть въ книгѣ, но отрывочно разбросаны по всѣмъ біографіямъ.

Къ книгѣ приложены видъ Петровскаго завода и два чрезвычайно любопытныхъ и неизвѣстныхъ рисунка: „камера декабристовъ въ читинскомъ острогѣ (1829 г.)“ и „кабинетъ Н. Д. Якушкина въ Ялуторовскѣ (1836—1355 г.г.)“. Кромѣ того, въ концѣ книги имѣются „поправки и дополненія о П. Г. Каховскомъ“ и „библіографическій указатель“ источниковъ и матеріаловъ. Въ заключеніе можно съ удовольствіемъ привѣтствовать появленіе прекраснаго изданія М. М. Зензинова, вполнѣ художественно исполненнаго и очень чисто напечатаннаго на хорошей бумагѣ, хотя нельзя не признать также цѣну книги (12 р.) нѣсколько высокой.—А. Г.

Въ іюнѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Айзманъ, Д.—Разсказы, т. I. Спб. 906. Ц. 1 р.

Андреевъ, Л.—Мелкіе разсказы. Т. III. Спб. 906. Ц. 1 р.

——— Разсказы. Т. II. Спб. 906. Ц. 1 р.

Беме, Маргарита.— Дневникъ падшей. Съ нѣм. Кіевъ. 906. Ц. 75 к.

Беренштамъ, Вл.—За право! 15 фотограф. снимковъ. Спб. 906. Ц. 80 к.

Бернштейнъ, Э.—Теорія и практика соціальной демократіи. Съ нѣм. В. Д. Ульрихъ. Спб. 906. Ц. 20 к.

Бехтѣевъ, С. С.—Хозяйственные итоги истекшаго сорокалѣтія. Т. II: Вопросъ земельный. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Верхарнъ, Эм. Стихи о современности, въ переводѣ В. Я. Брюсова. М. 906. Ц. 1 р. 30 к.

Горнфельдъ, А. Г.—Муки слова. Спб. 906. Ц. 20 к.

Гротъ, К. Я.—Дневникъ И. И. Козлова. Спб. 906.

Дагаевъ, д-ръ, Ин. В.— Народное здравіе и насущные вопросы медицинской организаціи. Спб. 906. Ц. 60 к.

——— Искусство работать. Умственный трудъ, его гигіена и методика. Спб. 905. Ц. 25 к.

Догановичъ, Анна.—Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Съ рис. М. 906. Ц. 40 к.

Елпатьевскій, К. В. — Сборникъ легендъ и стихотвореній изъ всеобщей исторіи. Историческая хрестоматія для учащихся. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Емельяновъ, Е. Г.— Научныя экскурсіи въ область загадочнаго. Спб. 905. Ц. 60 к.

——— Золото въ розсыпяхъ и коренныхъ мѣсторожденіяхъ: Записка практика-золотопромышленника. Спб. 906. Ц. 1 р.

——— Радій въ роли Дракона. Золото и радій на Кавказѣ. Спб. 906. Ц. 50 к.

Ермоловъ, А. С. — Нашъ земельный вопросъ: I. Земля и трудъ. II. Крестьяне и земля. III. Дѣйствительность и земельныя утопіи. Спб. 906. Стр. V+291. Ц. 1 р. 50 к.

Жоресъ, Ж.— Интернаціонализмъ и патріотизмъ. Съ франц. И. Биллинъ и Я. Кернесъ. Кіевъ. 906. Ц. 12 к.

Зайончковскій, Н. — Письмо къ гр. И. И. Толстому (б. министру народн. просвѣщенія). Спб. 906.

Звенигородскій, кн. Андрей.—Delirium tremens. М. 906.

Игнаси.—Чѣмъ должно быть право? Объективныя основы нравственности и права. 2-е изд. Спб. 905. Ц. 30 к.

Калантаръ, Ал.—Мелкая земская единица. Тифл. 905.

Ковальскій, К. А.—Война. Разсказы. Спб. 906. Ц. 80 к.

Купринъ, А.—Разсказы. Т. II: 1) Поединокъ, 2) Съ улицы. Спб. 906. Ц. 1 р.

Лисенковъ, Г. И.—Опытъ систематическаго построенія аграрной программы. Изслѣдованіе въ пяти частяхъ. Ч. 1 и 2. Спб. 906.

Луначарскій, А.—Отклики жизни. Спб. 906. Ц. 80 к.

Львовъ, А. К. — Пѣсни горькой доли. Для школы и народа. Н.-Новг. 906. Ц. 25 к.

Львовъ, Ф.—Лиходѣи бюрократическаго самовластья, какъ непосредственные виновники первой русско-японской войны. Спб. 906. Ц. 50 к.

Мазепинъ, Евг.— Повѣсти и разсказы. Изъ сельской жизни. Кадниковъ. 906. Ц. 1 р.

Мережковскій. Д.— Трилогія. Христосъ и Антихристъ. Спб. 906. Ч. I. Ц. по подпискѣ 4 р. 50 к.

Оболенская, З. Н.—Къ свободѣ и свѣту. М. 906. Ц. 1 р.

Оленевъ, М. — Идеологія русскаго буржуа. О старомъ и новомъ либерализмѣ. Спб. 906. Ц. 50 к.

Преображенскій, Ѳ.—Крестьянство и земля. М. 906. Ц. 50 к.

Сведенборгъ, Эм. Посмертное твореніе. Апокалипсисъ (гл. I) по смыслу духовному. Спб. 906. Ц. 60 к.

Симбирскій, Н.—Правда о Гапонѣ и 9-мъ января. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ, К. Н.—Родное слово. Бытъ, нравы, обычаи и повѣрья. Спб. 906.

Тацына, Лидія.—Стихотворенія. Вильна, 906. Ц. 60 к.

Тимирязевъ, К. Л. Наука и земледѣлецъ. М. 906. Ц. 10 к.

Толстой, гр. А. К. Драматическая трилогія: I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳеодоръ. III. Царь Борисъ. Полное собраніе сочиненій. Изд. 21-е. Т. III. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Фишеръ, Куно.— Исторія новой философіи, т. V. Иммануилъ Кантъ и его ученіе. Ч. 2: Система разума на основѣ критики разума. Съ нѣм. Д. Жуковскій и О. Аносова. Спб. 906. Ц. 3 р. 50 к.

Цытовичъ, Н. М.— Политическая реформа и соціальный переворотъ. По поводу лекціи А. Исаева: „Характеръ русской революціи". Кіевъ. 906.

Чадовъ, М. Д.—Славянофилы и народное представительство. Харьк. 906. Ц. 40 к.

Чернышевъ, В.—О программѣ будущей народной школы. Спб. 906. Ц. 40 к.

Чириковъ, Е.—Пьесы, т. IV. Спб. 906. Ц. 1 р.

Щепкинъ, М. П.—Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ Городового Положенія. М. 906. Ц. 1 р.

Юшкевичъ, Семенъ.—Разсказы, т. III. Спб. 906. Ц. 1 р.

Ярошъ, А.—Происхожденіе души и элементы познанія. Опытъ параллелистическаго міросозерцанія. Спб. 906. Ц. 1 р.

Эльцбахеръ, П.—Анархизмъ. Изложеніе ученія Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера и Л. Толстого. Съ нѣмецк. Р. Стрѣльцовъ. Спб. 906. Ц. 800.

Boyer, P., et Spéranski, N.—Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués, Commentaire grammatical, Remarques diverses en appendice lexique. Par. 906. Ц. 10 фр.

— Народная и дѣтская литература съ 1880 г. по 1905 г. Сборникъ сводныхъ отзывовъ. Подъ ред. А. Громбаха. Вып. I: Географія. М. 906. Изд. Москов. Губерн. Земства.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе" за 1905 годъ. Кн. VII, VIII, IX и X. Спб. 906. Ц. по 1 р. книга.

— Темы жизни. № 6. Д. Зайцевъ, Государственное страхованіе рабочихъ, ц. 8 к.—Вологдинъ, В., Чему жизнь рабочихъ учитъ, ц. 6 к.—А. Ельницкій, Первое мая въ Россіи, ц. 8 к. — № 4. К. Пономаревъ, Пролетаріатъ на Кавказѣ, ц. 7 к. — I. Давыдовъ, Какъ расходуются народныя деньги, ц. 5 к.— В. Львовъ, 90-ые годы и творчество В. Вересаева.— № 8. А. Глѣбовъ, Общественныя работы, ц. 12 к.—П. Румянцевъ, Крестьянство и соціалъ-демократія, ц. 5 к. Спб. 906.

— Толковый Словарь живого великорусскаго языка, Влад. Даля. 3-е исправленное и значит. дополненное изданіе, п. р. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. III, вып. 21. Спб. 906.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1906 г.

Отголоски русскихъ дѣлъ заграницей.—Митингъ протеста въ Берлинѣ и рѣчь профессора Листа.—Парламентскія пренія во Франціи.—Луи Пасси о забытыхъ либеральныхъ принципахъ.—Министерская декларація.—Политическіе вопросы и соціальныя программы.—Рѣчи Жореса и Клемансо.—Внутренніе кризисы въ Австріи и Венгріи.

Печальныя событія нашей внутренней политики приняли въ послѣднее время такой характеръ, что заграницей серьезно поднимался вопросъ о мѣрахъ дипломатическаго воздѣйствія или вмѣшательства съ точки зрѣнія интересовъ простой человѣчности, независимо отъ обычныхъ заботъ иностранныхъ кредиторовъ Россіи. Въ британскомъ парламентѣ настойчиво высказывалась мысль о необходимости дать почувствовать русскому правительству, что оно не пользуется симпатіями западно-европейскаго культурнаго міра и вызываетъ всеобщее негодованіе допущеніемъ такихъ погромовъ, какъ бѣлостокскій; обѣ палаты сѣверо-американскаго конгресса приняли постановленія въ этомъ смыслѣ, и президенту Рузевельту приписывалось намѣреніе оффиціально довести до свѣдѣнія русской дипломатіи о чувствахъ американцевъ по поводу происходящихъ у насъ безобразій.

Само собою разумѣется, что эти попытки иностраннаго вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла были бы совершенно безцѣльны и послужили бы только матеріаломъ для дешовыхъ патріотическихъ протестовъ извѣстнаго рода печати; нѣкоторыя газеты, съ „Новымъ Временемъ“ во главѣ, заранѣе обвиняли чуть ли не въ государственной измѣнѣ всѣхъ тѣхъ, кто разоблачаетъ грѣхи отечественныхъ порядковъ передъ чужими націями или надѣется на сочувствіе иноземцевъ въ нашихъ домашнихъ счетахъ съ правительствомъ. Для наивныхъ и фальшивыхъ патріотовъ изъ породы „истинно-русскихъ людей“ Россія и русская самодержавная бюрократія—одно и то же, государство совпадаетъ съ начальствомъ, а отечество олицетворяется департаментомъ полиціи или полицейскимъ участкомъ: кто нападаетъ на нынѣшнее русское правительство и его агентовъ, тотъ является, будто бы, врагомъ Россіи, а унижать русскую государственную власть въ глазахъ иностранцевъ—значитъ подрывать авторитетъ Россіи, какъ великой державы. Но эти мнимые патріоты не видятъ и не понимаютъ, до чего унижается и втаптывается въ грязь международная

репутація Россіи преступными дѣйствіями русской администраціи, и какъ дорого обходятся государству, даже съ чисто-финансовой точки зрѣнія, такіе возмутительные факты, какъ кровавые погромы, неустанно поощряемые и оправдываемые такъ называемою патріотическою печатью. Заграницею никто не смѣшиваетъ теперь русскаго правительства съ русскимъ государствомъ и народомъ, и именно тѣ иностранцы, которые громко выражаютъ свое возмущеніе противъ существующаго у насъ режима, съ наибольшею рѣшительностью высказываютъ свои симпатіи къ Россіи, какъ къ несчастной великой странѣ, достойной занять вполнѣ равноправное мѣсто въ ряду передовыхъ свободныхъ націй культурнаго міра.

Насколько западно-европейское общественное мнѣніе отличаетъ оффиціальную Россію отъ народной, можно видѣть, напримѣръ, изъ рѣчей, произнесенныхъ на недавнемъ „митингѣ протеста" въ Берлинѣ. На этомъ многолюдномъ собраніи, состоявшемся 24 іюня (нов. ст.), предсѣдательствовалъ депутатъ имперскаго сейма Шрадеръ, который въ своемъ вступительномъ словѣ коснулся бѣлостокскихъ ужасовъ и связанныхъ съ ними общихъ принципіальныхъ вопросовъ. Обсуждая „невозможное положеніе дѣлъ" въ Россіи, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія интересовъ германской имперіи, депутатъ Шрадеръ въ весьма осторожномъ и умѣренномъ тонѣ говорилъ о недостаткахъ русскаго управленія. „Если не обманываютъ насъ всѣ отчеты, — продолжалъ ораторъ,—то бѣлостокскія звѣрства подготовлялись и совершались при участіи и попустительствѣ мѣстныхъ властей, и это обстоятельство должно особенно возбуждать наше отвращеніе и волновать нашу общественную совѣсть. Безъ сомнѣнія, когда-нибудь установятся, наконецъ, правильные и разумные порядки, которые дадутъ русскому народу возможность спокойно развиваться и устраивать мирно свою жизнь. И мы имѣемъ въ этомъ величайшій интересъ, преимущественно въ финансовомъ отношеніи". Послѣ Шрадера выступилъ передъ собраніемъ извѣстный профессоръ уголовнаго права, фонъ-Листъ. „Два мотива, тѣсно и неразрывно связанные между собою,—сказалъ профессоръ Листъ,—побудили насъ созвать это собраніе протеста: во-первыхъ, желаніе выразить чувства нашей дружбы къ сосѣднему русскому государству, и во-вторыхъ, забота о томъ, чтобы интересы германской имперіи не пострадали подъ вліяніемъ русскихъ событій. Дружба между государствами и народами не есть нѣчто произвольное, а основывается на извѣстной общности интересовъ. Эта общность интересовъ, гдѣ она существуетъ, можетъ временно затемняться разными политическими обстоятельствами; наши отношенія съ Россіею неоднократно разстраивались, какъ это было послѣ берлинскаго конгресса и затѣмъ двѣнадцать лѣтъ спустя, когда русская дипломатія вовле-

чена была въ союзъ съ Франціею. Наша торговля съ Россіею составляетъ десятую долю всей вообще германской торговли; огромная масса нѣмецкихъ капиталовъ помѣщена въ частныхъ русскихъ предпріятіяхъ. Поэтому, всякій разъ, когда нарушается хозяйственная производительность Россіи, хотя бы только на короткое время, это наноситъ ущербъ и германскимъ хозяйственнымъ интересамъ. Также и съ точки зрѣнія высшей политики для насъ чрезвычайно важно, чтобы Россія сохраняла способность къ положительнымъ политическимъ дѣйствіямъ. Въ системѣ равновѣсія великихъ державъ Россія является весьма могущественнымъ факторомъ. Если она временно устраняется или не принимается въ разсчетъ, то равновѣсіе нарушается, и возникаетъ опасность чрезмѣрнаго перевѣса Великобританіи, которая, несмотря на свои нынѣшнія дружественныя отношенія съ Германіею, остается великой угрозою для всего политическаго положенія нѣмецкаго народа. По хозяйственно-финансовымъ, культурнымъ и политическимъ причинамъ мы должны сохранять вѣрную дружбу съ сосѣднею, подвергшеюся столь тяжкимъ испытаніямъ страною, и мы должны желать, чтобы она была въ состояніи предоставить своему народу возможность активно участвовать въ культурныхъ успѣхахъ человѣчества. Съ тревогою и грустью обращаемъ мы туда свои взоры; насъ безпокоитъ то, что мы имѣемъ предъ собою совершенно своеобразное явленіе, которое прежде никогда не замѣчалось при революціяхъ. Это обдуманный заранѣе способъ дѣйствій—организація черныхъ бандъ и затѣмъ избіеніе не какихъ-нибудь революціонеровъ, а мирныхъ жителей. И все это происходитъ при пассивномъ участіи органовъ, предназначенныхъ для поддержанія порядка, въ присутствіи полиціи и вооруженной силы. Потомъ—безнаказанность или даже повышеніе. Именно это содѣйствіе правительственныхъ органовъ наполняетъ насъ тревожнымъ чувствомъ. Если наши еврейскіе сограждане публично возмущались этими избіеніями, то это, конечно, ихъ безспорное право и обязанность; но прежде всего—долгъ христіанскаго населенія протестовать самымъ торжественнымъ образомъ, и съ этимъ протестомъ должно соединяться требованіе, чтобы выяснены были причины и виновники этихъ ужасовъ. Мы имѣемъ право желать, чтобы установлена была степень сознательнаго умысла въ этихъ событіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не спросить себя, не находятся ли соучастники въ нашемъ нѣмецкомъ населеніи. Современная Россія опирается на финансовую поддержку, которую она получаетъ съ Запада; она должна потерпѣть крушеніе въ тотъ моментъ, когда эта поддержка будетъ у нея отнята. Кто помогаетъ Россіи при современныхъ условіяхъ, тотъ дѣлается сообщникомъ совершаемыхъ ужасовъ и отвѣтственнымъ за нихъ. Мы можемъ здѣсь публично выразить признательность нашему министер-

ству иностранныхъ дѣлъ за его образъ дѣйствій относительно послѣдняго русскаго займа. Но съ искреннимъ стыдомъ и огорченіемъ мы должны признать, что не только во Франціи, но и въ Германіи дѣятели финансоваго міра, христіанскіе и еврейскіе, давали средства на сохраненіе русской правительственной системы. Наша задача, однако, не исчерпывается только протестомъ; нужно имѣть въ виду не только настоящее, но и ближайшее будущее. Тяжелая задача для Россіи заключается въ томъ, чтобы найти для себя организацію достаточно сильную, способную привести къ установленію правильнаго и разумнаго порядка. Среди всѣхъ этихъ русскихъ бѣдствій является предъ нами, по крайней мѣрѣ, одинъ источникъ свѣта, одинъ общественный органъ, могущій служить представителемъ желательнаго порядка,—русская Государственная Дума. Возникнувъ изъ народныхъ выборовъ, она показала своими заявленіями и дебатами, что въ ея средѣ есть энергическіе и компетентные люди, вполнѣ понимающіе задачи даннаго момента. Именно теперь мы должны воспользоваться случаемъ, чтобы выразить этимъ людямъ наше довѣріе и тѣ надежды, которыя мы возлагаемъ на ихъ дѣятельность. И эти надежды не напрасны. Поднимая свой голосъ въ этомъ смыслѣ, съ твердой увѣренностью повсюду встрѣтить сочувственный откликъ, мы дѣйствуемъ не только какъ друзья Россіи, но и какъ нѣмецкіе патріоты".

Приведенная нами въ подробномъ извлеченіи рѣчь профессора Листа представляется намъ въ высшей степени характерною и поучительною; она какъ нельзя яснѣе доказываетъ, что просвѣщенные иностранцы отлично понимаютъ разницу между Россіею и русскимъ правительствомъ, и что рѣшительное осужденіе господствующаго у насъ режима неразрывно связано съ искреннимъ, сознательнымъ сочувствіемъ къ новой, свободной, парламентской Россіи. Профессоръ Листъ въ одно и то же время настаиваетъ на необходимости сохранить близкія дружественныя связи съ Россійскою имперіею и рѣзко подчеркиваетъ отрицательное, даже прямо враждебное отношеніе къ властвующей русской бюрократіи; для него Россія есть нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ ея нынѣшнія оффиціальныя сферы, и сознаніе этой внутренней противоположности предполагается уже вполнѣ установившимся и безспорнымъ въ общественномъ мнѣніи Германіи. Съ точки зрѣнія профессора Листа, истинные друзья Россіи должны тщательно воздерживаться отъ всего того, что имѣетъ видъ поддержки и поощренія русскаго правительства при современныхъ его условіяхъ и порядкахъ; особенно слѣдуетъ избѣгать какихъ бы то ни было формъ финансовой помощи, въ которой до сихъ поръ не рѣшались отказывать русскимъ государственнымъ людямъ заграничныя банкирскія фирмы. Въ томъ же духѣ говорилъ вслѣдъ за Листомъ депутатъ Трегеръ, который,

впрочемъ, держался больше въ области отвлеченныхъ нравственныхъ соображеній. По его словамъ, „всякій человѣкъ, проникнутый идеями права, свободы, справедливости и культуры, обязанъ рѣшительно протестовать противъ русскихъ жестокостей и насилій, и этотъ единодушный протестъ не пройдетъ безслѣдно". Культурное развитіе—продолжалъ Трегеръ,—ничѣмъ не можетъ быть задержано. „Правительственная анархія въ Россіи должна была неизбѣжно вызвать противодѣйствіе, и такимъ образомъ совершаемыя насилія уравновѣшиваются бросаемыми съ другой стороны бомбами. Правительство, несмотря на созваніе Государственной Думы, стремится сохранить свое самодержавіе, и оттого никакое соглашеніе невозможно. Антисемитизмъ, повидимому, не играетъ значительной роли въ происходящихъ кровавыхъ событіяхъ и служитъ для нихъ только внѣшнимъ формальнымъ прикрытіемъ. Общественное мнѣніе всѣхъ культурныхъ народовъ должно оказаться достаточно сильнымъ, чтобы произвести надлежащее давленіе на Россію. Нельзя сомнѣваться, что, каковы бы ни были обстоятельства, русскому народу удастся въ концѣ концовъ создать новую Россію, съ которою мы будемъ въ состояніи идти рядомъ, рука объ руку, и дѣйствовать совмѣстно также въ вопросахъ цивилизаціи". Въ заключеніе единогласно принята была собраніемъ слѣдующая резолюція: „Собраніе выражаетъ свое глубокое сочувствіе жертвамъ избіеній въ Россіи и свое негодованіе противъ виновниковъ этихъ безчеловѣчныхъ жестокостей. Оно надѣется, что Государственная Дума добьется привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности, и что силы прогресса и культуры помогутъ нашему великому восточному сосѣду достигнуть устроенія прочнаго конституціоннаго порядка, съ обезпеченіемъ гражданскихъ правъ и религіозной свободы, для блага Россіи и въ интересахъ мирныхъ и дружественныхъ отношеній ея съ Германской имперіею". Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено сообщить текстъ этой резолюціи по телеграфу предсѣдателю русской Государственной Думы.

Замѣчательно, что съ разныхъ сторонъ, изъ важнѣйшихъ центровъ культурнаго міра, доходятъ до насъ авторитетные и громкіе голоса, свидѣтельствующіе о предстоящей коренной перемѣнѣ въ отношеніяхъ передовыхъ иностранныхъ націй къ Россіи подъ вліяніемъ перехода ея на конституціонный путь. До послѣдняго времени русское государство имѣло для Запада только двоякое значеніе, — какъ стихійная физическая сила, которую выгодно привлечь на свою сторону, и какъ неисчерпаемый предметъ эксплуатаціи для иностранныхъ капиталистовъ и предпринимателей. Россіи боялись, съ ней искали дружескихъ соглашеній и союзовъ, старались пользоваться ея военнымъ могуществомъ и политическимъ вліяніемъ для различныхъ

цѣлей, нерѣдко возлагали на нее роль международнаго жандарма для защиты чуждыхъ ей интересовъ, дорожили сохраненіемъ съ нею традиціонныхъ придворныхъ и дипломатическихъ связей,—но ее не уважали, часто ненавидѣли, смотрѣли на нее, какъ на оплотъ всякаго угнетенія и насилія, и рядомъ съ оффиціальною дружбою правительствъ существовала неискоренимая вражда народовъ къ великой Русской имперіи. Теперь впервые выступаетъ на сцену русская нація, нашедшая свое законное представительство въ Государственной Думѣ, и прежнія чувства антипатіи и недовѣрія, укрѣпившіяся на почвѣ печальныхъ особенностей стараго самодержавнаго режима, мало-помалу исчезаютъ. Международное положеніе Россіи становится болѣе яснымъ и простымъ, къ великой выгодѣ не только русскаго народа, но и всѣхъ другихъ культурныхъ націй, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть одинъ изъ крупнѣйшихъ политическихъ результатовъ, достигнутыхъ самымъ фактомъ созыва и существованія перваго русскаго парламента.

Французская палата депутатовъ открыла свои засѣданія 1 іюня (нов. ст.) въ обновленномъ составѣ и тотчасъ же занялась весьма интересными и сложными вопросами. Старѣйшій изъ членовъ палаты, Луи Пасси, произнесъ, по обыкновенію, предсѣдательскую рѣчь, въ которой затронулъ существенныя слабыя стороны политическаго строя третьей республики. Какъ представитель старой либеральной школы, Луи Пасси счелъ своимъ долгомъ напомнить тѣ хорошіе и отчасти забытые нынѣ принципы, во имя которыхъ его сограждане неизмѣнно избирали его въ парламентъ въ продолженіе тридцати-шести лѣтъ. „Порядокъ и свобода—старыя слова, но они всегда хороши. Конституція 1875 года по прежнему стоитъ на стражѣ республики, но она измѣняетъ свой смыслъ въ зависимости отъ владѣющихъ ею партій. Многіе не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что эта конституція есть только уставъ дѣлопроизводства въ области государственнаго права и что французы 1906 года подвержены неограниченному произволу конституціонныхъ властей. Всякій гражданинъ можетъ въ каждый данный моментъ навлечь на себя мѣры административнаго насилія, противъ которыхъ онъ нигдѣ не найдетъ ни защиты, ни суда. Съ другой стороны,—продолжалъ Луи Пасси,—новые законы могутъ возвести на степень обязательныхъ догматовъ самыя худшія посягательства на естественныя права и вольности, признанныя неотъемлемыми въ декларацiяхъ 1789 года. Не только отдѣльная личность, но и большинство гражданъ зависитъ отъ произвола большинства членовъ каждой палаты, хотя бы это большинство состояло только изъ одного лишняго голоса сверхъ половины общаго числа голосовъ“. По мнѣнію

Луи Пасси, эта опасность для гражданской свободы должна быть устранена закономъ, который гарантировалъ бы французовъ отъ произвольныхъ рѣшеній администраціи и отъ случайностей парламентскихъ коалицій. „Такой порядокъ вещей давно организованъ въ Соединенныхъ штатахъ, гдѣ опредѣлены границы законодательной власти и гдѣ существуетъ верховный судъ, призванный постановлять рѣшенія по жалобамъ и претензіямъ гражданъ. Депутаты избираются не для непосредственнаго управленія, и большинство должно всегда помнить, что оно не представляетъ собою всей страны. Нужно желать, чтобы депутаты законодательствовали, не вмѣшиваясь въ дѣла управленія,—чтобы министры управляли подъ своею конституціонною отвѣтственностью, чтобы юстиція не руководилась политикою, и чтобы каждый исполнялъ свою обязанность въ предѣлахъ признанной за нимъ компетенціи". Пасси справедливо указываетъ на многіе пережитки старыхъ порядковъ и идей, дающіе себя сильно чувствовать большинству французскаго населенія. „Администрація относится къ плательщикамъ податей безъ достаточнаго уваженія; она все еще смотритъ на нихъ, какъ при старомъ режимѣ, считая ихъ годными только для обложенія разными платежами и для содѣйствія видамъ и интересамъ политическихъ дѣятелей. Въ демократіи плательщики податей являются участниками, заинтересованными въ правильномъ веденіи публичныхъ дѣлъ; они много платятъ за то, чтобы имѣть въ бюджетѣ порядокъ, обезпечить безопасность и свободу труда. Государство обязано имъ доставить всѣ эти блага". Ораторъ закончилъ свою рѣчь нѣсколькими добродушными совѣтами и красивыми фразами—объ уваженіи къ противникамъ, о сохраненіи внутренняго мира и объ одинаковой любви всѣхъ партій и классовъ къ общему отечеству; палата наградила своего старѣйшаго сочлена шумными рукоплесканіями, но не сдѣлала изъ его указаній никакого положительнаго вывода и перешла затѣмъ къ обычнымъ парламентскимъ дѣламъ и заботамъ. Въ сущности, конечно, и самъ Пасси не имѣлъ въ виду достигнуть чего-нибудь своею суровою критикою французской конституціонной практики; но поднятые имъ вопросы сохраняютъ все свое принципіальное значеніе, хотя они давно уже признаны фактически безплодными, интересными лишь для любителей отвлеченныхъ теорій.

Въ дѣйствительности, граждане Французской республики, обладая всѣми правами и преимуществами ничѣмъ не ограниченнаго народовластія, далеко не пользуются такою личною и общественною свободою, какъ англичане, подданные короля Эдуарда. Французы все еще остаются подвластными своимъ администраторамъ и чиновникамъ; они терпятъ надъ собою заботливую правительственную опеку, подвергаются различнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ въ общественной

жизни, не видятъ у себя твердаго господства законности и даже не могутъ избавиться отъ полицейскихъ пріемовъ и нравовъ, унаслѣдованныхъ отъ второй имперіи. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти стѣсненія и ограниченія усиливаютъ центральную власть и даютъ ей могущественныя орудія господства надъ цѣлою страною и надъ всѣмъ государствомъ; а эта центральная власть находится въ рукахъ республиканцевъ, представителей огромнаго большинства французскаго народа. Если же высшая государственная власть имѣетъ свой источникъ и свою санкцію въ принципѣ всеобщаго народнаго голосованія, то широта правъ и функцій правительства идетъ всецѣло на пользу республикѣ и народу; поэтому сокращать полномочія власти во имя заботливой охраны личныхъ и общественныхъ правъ отдѣльныхъ гражданъ—значило бы дѣйствовать во вредъ республикѣ, какъ цѣлому, и умалять силу ея служебныхъ органовъ. Такъ обыкновенно разсуждаютъ французскіе республиканцы. Зачѣмъ станетъ господствующая демократическая партія ослаблять тотъ правительственный механизмъ, который находится въ ея распоряженіи? Республика имѣетъ еще много непримиримыхъ враговъ во Франціи, и отказываться отъ традицій государственнаго всемогущества было бы слишкомъ наивно и самоотверженно со стороны республиканцевъ. Безполезно оспаривать значеніе этихъ доводовъ, ибо они вытекаютъ изъ основныхъ представленій французовъ о народовластіи, о государствѣ и правительствѣ. Луи Пасси видитъ источникъ зла въ неограниченномъ господствѣ парламентскаго большинства; но парламентское большинство столь же безраздѣльно господствуетъ въ Англіи, и однако тамъ это партійное господство нисколько не мѣшаетъ существованію тѣхъ незыблемыхъ гарантій личныхъ и общественныхъ правъ, которыя лежатъ въ основѣ британской конституціи. Для французовъ сущность политической свободы заключается въ пріобрѣтеніи полной власти надъ государствомъ, а для англичанъ—въ твердомъ законномъ огражденіи личныхъ, общественныхъ и государственныхъ правъ и интересовъ отдѣльныхъ гражданъ; французы склонны жертвовать правами ради власти, личностью ради общества, законностью ради упроченія республики, или ради могущества и величія государства, и противъ этихъ вѣковыхъ французскихъ тенденцій безсильны всякіе логическіе доводы и разсужденія. Множество талантливыхъ книгъ написано французами для выясненія великихъ достоинствъ британской конституціи; французскіе мыслители и публицисты, начиная съ Монтескье, съ увлеченіемъ разрабатывали и распространяли конституціонныя идеи англичанъ, и тѣмъ не менѣе основы англійскаго политическаго быта остались чуждыми французамъ. Со времени окончательнаго водворенія республики во Франціи не было предпринято ни одной крупной административной реформы,

не внесено никакой существенной перемѣны въ организацію властей и въ отношенія ихъ къ обывателямъ; личныя и общественныя права свободно нарушаются въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ политика, одобряемая парламентомъ, и, напримѣръ, вся борьба противъ клерикаловъ велась такими способами и средствами, которые были бы немыслимы въ Англіи. Если извѣстныя формы произвола и насилія устанавливаются или допускаются народнымъ представительствомъ, то онѣ становятся законными, и въ этомъ смыслѣ рѣзкія замѣчанія Пасси должны быть признаны несправедливыми: административный произволъ въ грубомъ значеніи этого слова не существуетъ и не имѣетъ почвы въ современной Франціи.

Истинный характеръ республиканской внутренней политики получилъ всестороннее освѣщеніе въ министерской декларація, прочитанной въ палатѣ 12-го іюня (н. ст.) предсѣдателемъ совѣта министровъ Саррьеномъ, и въ послѣдовавшихъ затѣмъ продолжительныхъ парламентскихъ дебатахъ. Правительство изложило свою программу замѣчательно подробно, стараясь заранѣе отвѣтить на всѣ запросы и требованія общественнаго мнѣнія. Ссылаясь на блестящій успѣхъ передовыхъ республиканскихъ группъ въ майской выборной кампаніи, кабинетъ выражаетъ рѣшимость неуклонно идти по пути прогресса и демократическихъ реформъ. Порядокъ, нарушенный въ разныхъ мѣстахъ противниками закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, возстановленъ; волненія рабочихъ прекратились, и потому, „не опасаясь уклониться отъ своихъ обязанностей и сохраняя увѣренность въ возможности легко положить конецъ всякимъ попыткамъ вызвать безпорядки, правительство предлагаетъ начать парламентскую сессію объявленіемъ всеобщей амнистіи". Республиканская партія, „показавъ свою силу, можетъ теперь проявить умѣренность и великодушіе, и закономъ о забвеніи прошлаго достойно праздновать вступленіе во власть новаго президента республики и одержаніе великой побѣды на выборахъ". Такимъ образомъ министры съ первыхъ же словъ идутъ на встрѣчу желаніямъ и настроенію парламента; они не опираются на происходившіе безпорядки для защиты суровыхъ мѣръ и исключительныхъ законовъ противъ клерикаловъ, а напротивъ, говорятъ о всеобщей амнистіи,—хотя отъ послѣдней должны выиграть вовсе не единомышленники большинства, а рѣшительные противники и враги республиканцевъ. Министерство обѣщаетъ, далѣе, серьезныя финансовыя реформы и прежде всего введеніе „общаго подоходнаго налога, который, различая доходъ съ капитала отъ доходовъ труда и не обременяя мелкихъ доходовъ одинаково съ крупными, не причинитъ ущерба ни собственности, ни индивидуальной свободѣ". Въ области народнаго образованія предполагается постепенное освобожденіе частныхъ

школъ отъ односторонняго вліянія духовенства и дальнѣйшее увеличеніе числа учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ, чтобы облегчить къ нимъ доступъ различнымъ классамъ населенія независимо отъ степени матеріальной состоятельности отдѣльныхъ лицъ. Право стачекъ не признается за чиновниками, такъ какъ оно несовмѣстимо съ общественными и государственными интересами, но взамѣнъ будутъ даны служащимъ гарантіи отъ произвола изданіемъ соотвѣтственнаго статута. Частыя стачки и забастовки рабочихъ побуждаютъ подвергнуть коренному пересмотру правила о наймѣ труда и особенно о коллективномъ наймѣ, что составитъ предметъ новаго закона; будетъ также урегулирована продолжительность рабочаго дня; проектъ организаціи пенсіоннаго фонда для рабочихъ, одобренный уже палатою, будетъ горячо поддержанъ правительствомъ передъ сенатомъ. Для рабочихъ, занятыхъ въ рудникахъ и копяхъ, имѣется въ виду обезпечить участіе въ прибыляхъ, при выдачѣ предпринимателямъ новыхъ концессій; говорится также о разныхъ льготахъ и пособіяхъ земледѣлію, и т. п. Въ интересахъ правосудія будутъ преобразованы военные суды, приговоры которыхъ часто не безъ основанія волновали общественное мнѣніе. Что касается иностранной политики, то кабинетъ останется вѣрнымъ той программѣ мира и справедливости, которой неуклонно держится Франція; правительство „сохранитъ и укрѣпитъ союзъ и дружескія связи, столь дорогія для страны, и надѣется уменьшить въ будущемъ опасность замѣшательствъ и конфликтовъ", причемъ представляется возможнымъ и общее международное соглашеніе съ цѣлью сокращенія вооруженій и военныхъ расходовъ, отягощающихъ народы. Глухое упоминаніе о „союзѣ" и о „дорогихъ" дружескихъ связяхъ прошло на этотъ разъ почти незамѣченнымъ въ палатѣ; только слово „дорогія" было повторено въ ироническомъ возгласѣ одного изъ депутатовъ. „Предлагаемая нами программа—сказано въ концѣ деклараціи—не является чѣмъ-то законченнымъ. Постоянно вдохновляясь желаніями и чувствами страны, мы всегда будемъ готовы обсуждать и разрѣшать вмѣстѣ съ вами задачи, постоянно выступающія предъ общественнымъ мнѣніемъ. Какъ извнѣ, такъ и внутри никакой результатъ не можетъ быть достигнутъ безъ тѣснаго взаимнаго согласія между республиканскимъ большинствомъ и представляющимъ его правительствомъ. Мы приносимъ вамъ нашу добрую волю, нашу преданность республикѣ и демократіи. Мы питаемъ твердую надежду, что парламентъ не откажетъ намъ въ поддержкѣ".

Эта правительственная декларація не давала, повидимому, матеріала для существенныхъ возраженій и протестовъ, тѣмъ болѣе, что она только формулировала взгляды и принципы значительнаго парламентскаго большинства; но она послужила поводомъ къ интереснымъ

преніямъ объ общей политикѣ правительства. Въ преніяхъ принялъ участіе самый выдающійся ораторъ современной Франціи, извѣстный проповѣдникъ соціализма, Жанъ Жоресъ; онъ направилъ свои главные удары противъ министра внутреннихъ дѣлъ, Клемансо, который, будучи радикаломъ-соціалистомъ, ничего не успѣлъ сдѣлать или предложить для реальнаго удовлетворенія нуждъ рабочаго класса. Клемансо, по словамъ Жореса, всегда занимался только критикою и упражнялъ свой талантъ въ искусствѣ отрицанія и нападенія; поэтому, сдѣлавшись министромъ, онъ не обнаруживаетъ способности къ политическому и законодательному творчеству. Его предположенія о будущихъ законахъ въ пользу рабочихъ грѣшатъ неясностью и неопредѣленностью; такъ же точно и проекты финансовыхъ и бюджетныхъ реформъ не выходятъ изъ круга обычныхъ радикальныхъ фразъ, въ которыя министръ финансовъ Паункарè пока не сумѣлъ еще вложить реальное содержаніе. Жоресъ долго и остроумно отдѣлывалъ министровъ-радикаловъ, возвращаясь постоянно къ заявленіямъ и дѣйствіямъ Клемансо; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ бы мимоходомъ говорилъ о великихъ задачахъ соціализма и указывалъ на необходимость стремиться къ практическому его осуществленію. Между прочимъ, Жоресъ упрекалъ Клемансо за его образъ дѣйствій во время недавнихъ волненій рабочихъ; радикальный министръ дошелъ до того, что посылалъ войска противъ рабочихъ, и хотя военные отряды не употребляли оружія противъ рабочихъ, даже подвергаясь нападеніямъ съ ихъ стороны, но самый фактъ обращенія къ военной силѣ противъ трудящагося народа долженъ считаться предосудительнымъ. Жоресъ напомнилъ министру его прежнія рѣчи, несогласныя съ его новѣйшими поступками, и требовалъ отъ него большей послѣдовательности и откровенности по отношенію къ рабочему вопросу. Соціалистическія идеи развивались также Вальяномъ и другими ораторами; но признанный вождь французскихъ соціалистовъ, Жюль Гедъ, сохранялъ до конца упорное молчаніе. Въ засѣданіи 18-го іюня Клемансо подробно отвѣчалъ Жоресу, и эта рѣчь министра была образцомъ полемическаго остроумія, ѣдкости и въ то же время дѣловитости. Не ограничиваясь обстоятельнымъ опроверженіемъ фактическихъ указаній противника, Клемансо въ свою очередь разобралъ теорію Жореса, отмѣтилъ ея внутреннія противорѣчія, ея туманность и расплывчатость, причемъ отдавалъ, однако, полную справедливость его возвышеннымъ соціальнымъ идеаламъ. Французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ сторонникъ реальной и практической политики, возстаетъ противъ безпочвеннаго коллективизма, поглощающаго отдѣльную личность и подавляющаго всякую инціативу; онъ рѣшительно стоитъ за улучшеніе условій труда и матеріальнаго быта рабочихъ на почвѣ индиви-

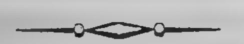
дуальной свободы. Клемансо ставитъ въ вину Жоресу его искусственный приподнятый тонъ въ рѣчахъ и статьяхъ о рабочихъ: для Жореса и его единомышленниковъ рабочіе всегда правы, какъ бы они ни дѣйствовали; всѣ ихъ стачки законны, хотя бы онѣ сопровождались явными насиліями, и рабочій пролетаріатъ можетъ быть только предметомъ восхваленій. Такая система, по мнѣнію министра, причиняетъ вредъ самимъ рабочимъ, извращая ихъ понятія о правѣ и справедливости; но рабочій классъ только тогда покажетъ себя достойнымъ того положенія, котораго онъ добивается, когда всѣ его дѣйствія будутъ согласны съ справедливостью и законностью. По временамъ рѣчь Клемансо превращалась въ оживленный діалогъ съ Жоресомъ, — и насколько можно судить по печатнымъ отчетамъ, этотъ быстрый обмѣнъ мыслей и возгласовъ двухъ первоклассныхъ художниковъ слова производилъ чарующее впечатлѣніе на слушателей. Позднѣе, въ засѣданіи 21-го іюня, выступилъ передъ палатою еще одинъ артистъ въ дѣлѣ краснорѣчія, бывшій президентъ палаты Поль Дешанэль, отличающійся рѣдкимъ изяществомъ стиля; онъ также подвергъ ядовитой критикѣ разсужденія Жореса и попутно старался объяснить практичность и цѣлесообразность министерской программы. Наконецъ, выслушавъ множество блестящихъ и содержательныхъ рѣчей, палата большинствомъ 410 голосовъ противъ 87 приняла слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ: „Палата, одобряя заявленія правительства и довѣряя его твердости, чтобы осуществить въ самомъ широкомъ и рѣшительно-демократическомъ духѣ желаемыя страною реформы, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ". Имѣя за собою такое подавляющее большинство палаты, министерство Саррьена-Клемансо можетъ теперь спокойно перейти отъ словъ къ дѣлу и приступить къ постепенному осуществленію возвѣщенныхъ реформъ для пользы французскаго народа.

Австрія имѣетъ теперь новое парламентское министерство, съ барономъ Бекомъ во главѣ; по увѣреніямъ вѣнскихъ газетъ, оно внушаетъ довѣріе главнымъ политическимъ партіямъ австрійскаго рейхсрата, такъ какъ стоитъ за необходимыя реформы и опирается на существующее парламентское большинство. Венгрія также обладаетъ теперь популярнымъ и сильнымъ правительствомъ, сосредоточивающимъ въ себѣ лучшія руководящія силы венгерскаго парламента. Такимъ образомъ, обѣ половины имперіи пользуются въ этомъ отношеніи оффиціальнымъ благополучіемъ, и казалось бы, что хроническіе внутренніе кризисы должны наконецъ приблизиться къ желанной развязкѣ. Но австрійцы и мадьяры продолжаютъ волноваться по прежнему и даже сильнѣе прежняго. Въ Вѣнѣ, въ день торжественнаго

открытія обѣихъ парламентскихъ делегацій, 10 іюня, произошли шумныя уличныя сцены, устроенныя при участіи христіанскихъ соціалистовъ, подъ руководствомъ извѣстнаго антисемита д-ра Луегера; толпа въ три тысячи человѣкъ повѣсила на фонарѣ куклу съ подписью: „Кошутъ", направилась къ помѣщенію венгерской делегаціи, стала бросать въ домъ камнями и даже ножами, оглашала воздухъ криками противъ Венгріи, и разошлась только послѣ непріятной встрѣчи съ отрядомъ полицейской стражи. Нѣкоторые изъ членовъ венгерской делегаціи отказались отъ дальнѣйшаго участія въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ и покинули австрійскую столицу; министръ-президентъ фонъ-Бекъ и министръ внутреннихъ дѣлъ лично явились къ венгерскимъ коллегамъ съ извиненіями отъ имени австрійскаго правительства. Въ обоихъ парламентахъ ведется горячая взаимная полемика; мадьярскіе патріоты негодуютъ на общеимперскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Голуховскаго, обвиняя его въ сознательномъ игнорированіи чувствъ и интересовъ Венгріи; австрійцы возмущаются чрезмѣрными притязаніями мадьяръ, которые при министерствѣ Векерле-Кошута открыто стремятся къ полной самостоятельности своего государства не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Оба правительства, венгерское и австрійское, могли бы кое-какъ устроить свои внутреннія дѣла, уладить домашніе національные споры и осуществить давно назрѣвшія политическія реформы, но оба парализованы сковывающею ихъ формальною связью, которая не даетъ имъ жить и развиваться свободно. Не лучше ли было бы порвать разъ навсегда эту никому ненужную связь, имѣющую лишь чисто-династическое значеніе? Эта роковая проблема все настойчивѣе выступаетъ на первый планъ предъ общественнымъ мнѣніемъ австро-венгерскихъ народовъ, и неизбѣжная безкровная операція раздѣленія обѣихъ половинъ имперіи должна будетъ совершиться рано или поздно, для избѣжанія дальнѣйшихъ опасныхъ осложненій и замѣшательствъ.

Подобная развязка, однако, еще очень далека отъ практическихъ плановъ и предположеній австрійскихъ государственныхъ людей; вѣнскій кабинетъ привыкъ уже жить въ атмосферѣ постояннаго внутренняго кризиса, и это нисколько не мѣшаетъ ему играть замѣтную роль во внѣшней политикѣ, о чемъ съ чувствомъ гордости заявляетъ графъ Голуховскій въ своемъ обычномъ ежегодномъ дипломатическомъ обзорѣ. Въ делегаціяхъ подробно обсуждаются вопросы о тройственномъ союзѣ, о дружественныхъ отношеніяхъ съ Италіею,—хотя эти союзныя отношенія существуютъ лишь номинально, по традиціи, и едвали способны оказать какое-либо положительное дѣйствіе на ходъ событій въ Европѣ. Дипломатія была всегда самой сильною стороною вѣнскаго кабинета: Австрія дѣйствительно умѣетъ создавать и поддер-

живать выгодныя ей связи, пользоваться слабостью небольшихъ сосѣднихъ государствъ, пріобрѣтать реальное вліяніе и достигать цѣнныхъ результатовъ безъ всякаго для себя риска; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна ея тактика на Балканскомъ полуостровѣ, доставившая ей первенствующее положеніе при содѣйствіи Россіи и при всегдашней поддержкѣ Германіи. Не ведя никакой войны съ Турціею, а напротивъ, считаясь охранительницею и защитницею турецкаго султана, Австрія получила двѣ богатыя турецкія провинціи, Боснію съ Герцеговиною, мало-по-малу оттѣснила Россію съ полуострова, вовлекла въ кругъ своего непосредственнаго воздѣйствія Сербію и Болгарію, взяла въ свои руки македонскій вопросъ, и все это не только безъ пререканій и столкновеній съ Россіею, но съ ея формальнаго согласія и одобренія. Держава, принесшая колоссальныя народныя жертвы для борьбы съ Турціею, дѣйствовала только для пользы Австріи и Германіи, а сама осталась совершенно ни при чемъ, сохранивъ на память только финансовое разстройство и внѣшніе долги; таковы были всегда печальные итоги семейно-придворной самодержавной дипломатіи, привыкшей смотрѣть на государство и народъ какъ на безправное и безотчетное достояніе небольшой горсти распоряжающихся лицъ. Австрія даже въ худшіе періоды абсолютизма никогда не жертвовала кровью и достояніемъ своихъ народовъ для того, чтобы оказывать благодѣянія чужимъ монархамъ и правительствамъ, а напротивъ, всегда старалась извлечь для себя пользу изъ чужихъ разорительныхъ предпріятій и изъ чужого легкомыслія; такъ же разсчетливо всегда поступала Пруссія, которая, подобно имперіи Габсбурговъ, ничего не имѣла, конечно, противъ того, чтобы безграничная щедрость, самоотверженіе и великодушіе на народный счетъ оставались удѣломъ дружественной и союзной Россіи. Какъ бы то ни было, несомнѣнные успѣхи внѣшней австрійской политики могутъ служить вѣнскому кабинету нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ трудныхъ современныхъ обстоятельствахъ Австро-Венгріи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Nicolas Notovitch. La Russie et l'Alliance anglaise. Étude historique. Paris, 1906. Libr. Plon. Стр. 318. Ц. 3 фр. 50 с.

Въ своемъ вступительномъ обращеніи „къ ихъ величествамъ Николаю II и Эдуарду VII“ г. Николай Нотовичъ, указывая на великія заслуги обоихъ государей въ дѣлѣ обезпеченія всеобщаго мира, вспоминаетъ о русской иниціативѣ въ созывѣ Гаагской конференціи и о необыкновенномъ великодушіи Россіи при заключеніи мира на Дальнемъ Востокѣ. Русское правительство, „вынужденное, для охраны русской чести, отразить внезапное и измѣнническое нападеніе, имѣло рѣдкое мужество остановить порывъ своихъ войскъ въ тотъ именно моментъ, когда вѣроятная побѣда утѣшила бы насъ за печали и горести, причиненныя разочарованіями перваго времени: вѣрнымъ, но кровавымъ трофеямъ, блистательнымъ, но эфемернымъ лаврамъ были предпочтены благословеніе подданныхъ и спокойствіе міра“.

Вся книга г. Николая Нотовича характеризуется этими немногими словами. Болѣе или менѣе искусное извращеніе фактовъ до полной ихъ неузнаваемости, подъ прикрытіемъ слащавыхъ идей оффиціальнаго патріотизма и благополучія,—таковъ неизмѣнный способъ разсужденій автора. Что можетъ быть лучше этихъ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ фразъ о русско-японской войнѣ? Въ какомъ невинномъ и успокоительномъ видѣ представлены здѣсь ужасныя событія 1904 и 1905 годовъ! Коварные японцы неожиданно нарушили спокойствіе добродѣтельныхъ русскихъ правителей, которые вовсе не думали завладѣть Манчжуріей, не устраивали военно-промышленныхъ предпріятій въ сѣверной Кореѣ, не писали въ 1903 году секретныхъ нотъ о необходимости дѣйствовать противъ Японіи съ оружіемъ въ рукахъ и не предвидѣли войны даже послѣ формально объявленнаго разрыва; страшныя пораженія, испытанныя русскою арміею въ теченіе болѣе полуторыхъ лѣтъ, были только неудачами „перваго времени“;—Лаоянъ и Мукденъ, Портъ-Артуръ и Цусима неминуемо направляли насъ къ окончательной побѣдѣ, которую только по недоразумѣнію не успѣлъ одержать генералъ Леневичъ надъ тщетно ожидавшими его японскими войсками въ долгіе мѣсяцы отъ мукденской катастрофы до заключенія мира; именно та битва, которой не было, непремѣнно доставила бы намъ торжество, и если наши полководцы, послѣ многихъ

послѣдовательныхъ опытовъ, воздержались отъ новой кровавой встрѣчи, то вовсе не для избѣжанія вѣроятнаго конечнаго разгрома, а только потому, что они сознательно предпочли благодѣянія мира „вѣрнымъ и блистательнымъ, но эфемернымъ лаврамъ" побѣды. Какъ хорошо и тонко пишетъ г. Николай Нотовичъ! Какъ пріятно читать его истиннымъ патріотамъ, привыкшимъ гнать отъ себя грустную правду! Его краткій отзывъ о русско-японской войнѣ, по своему тону и содержанію, удивительно напоминаетъ послѣднее оффиціальное сообщеніе о бѣлостокскомъ погромѣ: здѣсь также дѣйствительность представлена навыворотъ, и виновниками бѣдствій оказываются не устроители ихъ, а сами пострадавшіе, которые съ одной стороны пожелали умышленно вызвать противъ себя погромъ, а съ другой—осмѣливались иногда защищаться. Но правительственныя сообщенія имѣютъ за собою установившуюся бюрократическую практику и опираются на привычную довѣрчивость русскихъ обывателей, — а на что разсчитываетъ г. Николай Нотовичъ? Кого думаетъ онъ убѣдить своими фантастическими расказами и доводами? Зачѣмъ онъ обращается къ иностранцамъ и спеціально къ англичанамъ съ такими аргументами, которые у нихъ ничего другого, кромѣ смѣха, вызвать не могутъ? Содержаніе книги не даетъ прямого отвѣта на эти вопросы; но одно несомнѣнно: авторъ вполнѣ отчетливо выражаетъ міросозерцаніе людей, которые присвоили себѣ титулъ „истинно-русскихъ" и которые умѣютъ мыслить и дѣйствовать только „нутромъ", стихійно, не заботясь о цѣляхъ и послѣдствіяхъ.

„Сынъ Яфета, Мосохъ, отъ котораго мы происходимъ всѣ, московиты и русскіе, одни по прямому преемству, другіе по усыновленію, соорудилъ свое неприкосновенное жилище, которое все еще носитъ его имя, на несокрушимой скалѣ, и основы этого жилища такъ крѣпко укоренились въ нашей священной почвѣ, что онѣ навсегда обезпечены отъ дѣйствія времени, какъ и отъ нападеній непріятеля". Такъ начинаетъ свою книгу г. Николай Нотовичъ. Сообщивъ это любопытное свѣдѣніе о происхожденіи Москвы, онъ столь же достовѣрно излагаетъ вкратцѣ всю исторію русскаго народа и попутно высказываетъ разныя поразительныя вещи о Россіи. Ни одинъ народъ въ мірѣ не проникнутъ такимъ патріотизмомъ и такою священною любовью къ отечеству, какъ русскіе; еслибы у насъ раздался гдѣ-нибудь кощунственный возгласъ, смущающій иногда совѣсть публики во Франціи: „не нужно границъ,—нѣтъ отечества!"—то „отъ ледяного берега Архангельска до жаркихъ равнинъ Кавказа поднялся бы изъ всѣхъ грудей единодушный крикъ осужденія; не было бы даже надобности обращаться къ законному правосудію для наказанія святотатца и измѣнника; каждый русскій считалъ бы себя въ правѣ истребить его".

„Патріоты“ устроили бы погромъ или избіеніе, и космополиты исчезли бы съ лица земли. Правда, и въ Россіи происходятъ иногда волненія и замѣшательства, которыя „заставляютъ иногда сомнѣваться въ истинности самыхъ незыблемыхъ нравственныхъ началъ и колеблютъ соціальное зданіе, казавшееся безусловно крѣпкимъ и устойчивымъ“; но „эти движенія, столь значительно и пристрастно преувеличиваемыя за границею“, остаются, по увѣренію автора, только случайными и поверхностными, нисколько и ни въ чемъ не затрогивая исконныхъ чувствъ народныхъ массъ. Народъ вообще доволенъ своей судьбою и своимъ начальствомъ; но, какъ вездѣ, и у насъ „существуютъ утописты, мечтатели или честолюбцы, стремящіеся измѣнить правительственную систему, опрокинуть сверху до низу всю экономію законодательства, чтобы достигнуть болѣе равномѣрнаго распредѣленія благосостоянія и пріобрѣсть болѣе значительную сумму свободы“. Космополитовъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ, и потому въ Россіи понятіе отечества неизмѣримо глубже и прочнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Одни только русскіе обладаютъ полнымъ единствомъ расы и свободны отъ всякихъ постороннихъ національныхъ примѣсей; этимъ они кореннымъ образомъ отличаются отъ прочихъ европейскихъ націй, какъ доказываетъ бѣглый историческій обзоръ, дѣлаемый по этому поводу г. Николаемъ Нотовичемъ. Оттого, напримѣръ, французскій или германскій патріотизмъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ русскимъ. Въ прошломъ у насъ все было прекрасно и возвышенно; не было ни татарскаго ига, ни иноземныхъ нашествій, ни позорныхъ междоусобій и смутъ, а если было что-нибудь подобное, то прошло безслѣдно для народа. У насъ не было рабства, не было ни холоповъ, ни крѣпостныхъ. „Ни одинъ предокъ нынѣшнихъ русскихъ не носилъ унизительныхъ цѣпей холопства: быть можетъ, единственная изъ всѣхъ человѣческихъ расъ, наша раса осталась чистой отъ этого клейма“ (стр. 16). Всегда Россія блистательно расплачивалась за испытанныя неудачи; „теперь она тоже ждетъ возмездія и дождется его: это даже не вопросъ времени, какъ въ прошломъ,—достаточенъ только призывъ къ энергіи“. Авторъ, очевидно, намекаетъ на скорую побѣду надъ Японіею. Исключительныя преимущества русскихъ предъ другими націями объясняются „чувствомъ тѣсной солидарности, соединяющей на огромномъ пространствѣ потомковъ Росса, Мосоха и Тобола, этихъ трехъ братьевъ, столь же неразлучныхъ, какъ двѣнадцать колѣнъ Израиля“. Распространяемыя иностранцами увѣренія, что русскій народъ произошелъ отъ смѣшенія различныхъ племенъ, составляютъ злостную клевету; по меньшей мѣрѣ, у насъ насчитывается 120 милліоновъ чистыхъ славянъ, а „20 милліоновъ человѣческихъ существъ, которыя, живя подъ властью

нашихъ попечительныхъ законовъ, могутъ считаться чуждыми намъ по расѣ,—должны быть причислены къ армянамъ или туркоманамъ". За недостаткомъ безспорныхъ историческихъ доказательствъ, авторъ ссылается на „внѣшнее сходство типа всѣхъ нашихъ соотечественниковъ", отъ Одессы до Архангельска (стр. 21). Слѣдовало бы „объяснить русскимъ народнымъ массамъ ихъ происхожденіе, ихъ великую миссію и предстоящую цѣль, чтобы оживить ихъ патріотическую вѣру (значитъ, нѣтъ въ народѣ собственнаго національнаго сознанія и глубокой патріотической вѣры?) и чтобы побудить ихъ возобновить общественный союзъ подъ покровомъ попечительной власти, которая подъ разными именами и формулами, соотвѣтственно перемѣнчивымъ обстоятельствамъ, всегда счастливо направляла и регулировала стремленія русской націи къ присущему ей идеалу".

Г. Николай Нотовичъ спѣшитъ, однако, оговориться, что его отзывы о благотворной руководящей роли попечительнаго начальства не должны быть истолкованы въ смыслѣ льстиваго угодничества; напротивъ, онъ самъ пострадалъ за правду, когда позволилъ себѣ высказаться противъ мнѣній министровъ, которые „злоупотребляли снисходительною добротою Государя для внушенія ему пагубныхъ совѣтовъ": за этотъ актъ откровенности—продолжаетъ онъ—„я заплатилъ своей свободой; ссылка безъ суда и долгое изгнаніе были наградой за мою проницательность и патріотическую горячность". Какихъ, однако, преданныхъ патріотовъ—прибавимъ мы отъ себя—преслѣдовала и ссылала наша администрація, подъ видомъ крамольниковъ! Подъ вліяніемъ ссылки безъ суда и долгаго изгнанія, авторъ еще сильнѣе прежняго утвердился въ томъ убѣжденіи, что возможность внушать Государю пагубные совѣты и ссылать людей безъ суда непремѣнно должна быть сохранена, что этотъ порядокъ вещей спасителенъ для Россіи и что всякая попытка нарушить эту систему самодержавія есть посягательство на самыя основы русскаго государства. „Я громко предупреждаю своихъ соотечественниковъ, увлеченныхъ ложно понятымъ либерализмомъ,—восклицаетъ г. Николай Нотовичъ,—что они идутъ по ложной дорогѣ, разрушая или умаляя въ его существѣ священный принципъ самодержавія. Наше самодержавіе вовсе не похоже на то, о которомъ говорятъ плохо освѣдомленные соціологи и изъ котораго они сдѣлали какое-то пугало въ глазахъ другихъ націй, преданныхъ вольнодумству и безпорядку. Русское самодержавіе не имѣетъ ничего общаго съ деспотизмомъ; это, напротивъ, самая совершенная организація патріархальной власти, какую только знаютъ люди. Это необходимая основа и неизбѣжный вѣнецъ всего нашего политическаго ученія; это по преимуществу институтъ неприкосновенный, не только потому, что онъ освященъ религіей, но особенно потому, что русская нація не

могла бы нормально развиваться безъ него; потому что внѣ его у насъ ничего нѣтъ, ничего кромѣ хаоса или тиранической узурпации. Мнѣ искренно кажется, что русскому народу было бы такъ же трудно дышать и двигаться безъ самодержавія, какъ отдѣльному человѣку жить обезглавленнымъ" (стр. 24—5). Въ самомъ дѣлѣ, что сталось бы съ русскимъ народомъ, еслибы его судьбою не распоряжались многочисленные органы самодержавной власти, начиная съ министровъ и кончая земскими начальниками и урядниками? Какъ могла бы существовать Россія безъ попечительной власти такихъ правителей, какъ Сипягинъ, Плеве, Побѣдоносцевъ? Не страшно ли подумать, что корпусъ жандармовъ и департаментъ полиціи перестали бы регулировать жизнь и образъ мыслей многомилліоннаго русскаго населенія? Русскій народъ чувствовалъ бы себя несчастнымъ и какъ бы обезглавленнымъ, еслибы придворные фавориты лишены были возможности секретно проводить разорительные для страны манчжурскіе планы и вовлечь Россію въ позорную войну, стоившую народу сотни тысячъ человѣческихъ жизней и около двухъ милліардовъ рублей. Авторъ полагаетъ, что кромѣ министровъ и случайныхъ фаворитовъ могутъ внушать „пагубные совѣты" и иноземные монархи, особенно Вильгельмъ II, и по этому поводу онъ обрушивается на послѣдняго и на Гогенцоллерновъ вообще; и онъ даже не замѣчаетъ, что самъ жестоко критикуетъ принципъ самодержавія, указывая на эти опасныя для Россіи таинственныя вліянія, которыя должны исчезнуть или потерять свою силу при конституціонномъ режимѣ.

Книга г. Николая Нотовича, какъ видно отчасти изъ приведенныхъ нами выдержекъ, не подлежитъ серьезному разбору по существу: отсутствіе необходимыхъ знаній, крайняя легкость сужденій, полное непониманіе обсуждаемыхъ вопросовъ и простое безсодержательное фразерство бросаются въ глаза на каждой страницѣ. Непонятно только, почему авторъ связалъ свои „истинно-русскіе" взгляды съ идеею тѣснаго союза съ Англіею; можно подумать, наоборотъ, что книга написана съ спеціальною цѣлью доказать невозможность для современной Россіи какого бы то ни было союза или соглашенія съ передовыми державами культурнаго міра.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1906.

„Передъ грозой“. — Ожидаемое министерство изъ думскаго большинства. — Общее настроеніе Государственной Думы. — Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. — Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ. — Отмѣна смертной казни. — Своевременна ли эта мѣра? — Бѣлостокскій погромъ въ обрисовкѣ правительственнаго сообщенія и доклада коммиссіи Государственной Думы.

Политическое положеніе данной минуты всего вѣрнѣе можно опредѣлить словами: „передъ грозой“. Это уже не затишье передъ бурей—періодъ затишья ушелъ назадъ. Это моментъ, когда тучи нависли, когда вдали гудятъ раскаты грома, когда порывы вѣтра то тутъ, то тамъ вздымаютъ облака пыли, когда трудно дышется, когда не въ моготу становится ожиданіе, когда страхъ ужасовъ грозы начинаетъ вызывать желаніе, чтобы она скорѣе разразилась — чтобы налетѣла, смела то, чему суждено быть сметеннымъ, и прошла...

Открытаго вооруженнаго возстанія нигдѣ нѣтъ, но повсюду раздаются револьверные выстрѣлы и взрывы бомбъ. Повсюду и ежедневно убиваютъ городовыхъ, околоточныхъ, полиціймейстеровъ, стражниковъ. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ нѣтъ сплошного пожара, не рѣжутъ лошадей и коровъ, какъ было осенью, но—то горитъ хуторъ въ одномъ углу черноземной полосы, то какая-либо отдѣльная постройка — въ другомъ. И вездѣ косятъ и увозятъ чужую траву, самовольно обращаютъ луга и клеверныя поля подъ выпасъ, „снимаютъ“ сельскихъ рабочихъ, обрекая на гибель и безъ того небогатый урожай. Нѣтъ общей забастовки, но въ рѣдкомъ промышленномъ центрѣ не бастуютъ—или булочники, или крючники, или наборщики какой-нибудь типографіи, или рабочіе какого-либо предпріятія. Низменные инстинкты черни еще не выбились сплошь наружу, но въ Бѣлостокѣ уже былъ еврейскій погромъ и — кто знаетъ!—быть можетъ, готовятся погромы и въ Кишиневѣ, и въ Гомелѣ, и въ Одессѣ. Нигдѣ войска не вышли явно изъ повиновенія, но броженіе среди солдатъ — вездѣ. Оно коснулось даже преображенцевъ—перваго полка русской гвардіи... Развѣ это не нависшія тучи и не приближающійся гулъ раскатовъ грома?

А ощущенія, испытываемыя всѣми и каждымъ? Чѣмъ отличаются они отъ томленія передъ надвигающейся грозой — томленія, бросающаго мысль отъ отчаянія къ безумной рѣшимости и наоборотъ? Разсказываютъ, что въ дни парижской коммуны городская жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ. Въ театрахъ шли представленія, на

бульварахъ фланировала толпа, торговали кафе, магазины и рестораны. Такъ и у насъ: снаружи близкой грозы не видно. На коломяжскомъ ипподромѣ разыгрываютъ призы, и публика волнуется за успѣхъ фаворитовъ. Въ „Акваріумѣ", на „Крестовскомъ" и въ другихъ садахъ слушаютъ музыку и шансонетки, смотрятъ борьбу на поясахъ и безъ поясовъ и фокусы, продѣлываемые дрессированными слонами и собаками, ужинаютъ, пьютъ шампанское. На дачахъ—занимаются флиртомъ и играютъ въ карты. Обычно же идутъ уличныя строительныя работы, перестилка мостовыхъ, окраска домовъ и т. д. Внѣ Петербурга—ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, покупаютъ и продаютъ, пашутъ землю, плутуютъ, воруютъ — словомъ, всѣ заняты обыкновеннымъ, будничнымъ дѣломъ. Но прислушайтесь къ разговорамъ. Прислушайтесь къ своимъ собственнымъ мыслямъ, когда вы не на-людяхъ и голова свободна отъ будничныхъ впечатлѣній. Всѣ безъ исключенія — отъ активныхъ революціонеровъ до самыхъ уравновѣшенныхъ людей—въ крайней тревогѣ. У всѣхъ нервы напряжены и взвинчены до послѣдней степени. Всѣ насторожились и ждутъ, теряясь въ догадкахъ, что будетъ завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ...

Въ такую критическую минуту и при такомъ общественномъ настроеніи, какъ-то странно читать въ газетахъ, что задача момента—замѣна министерства И. Л. Горемыкина министерствомъ изъ состава Думы — и только. Какъ просто было бы разрѣшеніе кризиса, еслибы въ этомъ дѣйствительно была вся задача момента, еслибы это была задача, а не ничтожная, мелкая задачка! Министерство И. Л. Горемыкина, конечно, обнаружило свою полную несостоятельность, утратило всякое довѣріе населенія и должно немедленно уйти — независимо отъ личныхъ качествъ входящихъ въ его составъ чиновниковъ. Кто участвовалъ въ составленіи деклараціи 13-го мая, мечтая начальническимъ или учительскимъ окрикомъ воздѣйствовать на психику народныхъ представителей, кто выслушалъ вотумъ недовѣрія и потомъ прекратилъ посѣщеніе думскихъ засѣданій, кто не сумѣлъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отвѣтить на жгучія потребности жизни внесеніемъ законопроектовъ по главнѣйшимъ вопросамъ — тому ни одного лишняго дня нельзя оставаться въ министерскомъ кабинетѣ конституціоннаго государства. Очевидно также, что послѣ опыта съ министерствомъ И. Л. Горемыкина безполезно на смѣну однихъ чиновниковъ ставить лицомъ къ лицу съ Думою другихъ чиновниковъ же, которые, быть можетъ, измѣнятъ тонъ деклараціи, но не измѣнятъ ея содержанія и которые еще болѣе замедлятъ, по старой бюрократической привычкѣ, подготовительную законодательную работу. Но думать, что истинное конституціонное министерство, отвѣтственное

передъ народнымъ представительствомъ — если не по буквѣ закона, то по долгу совѣсти — и образованное изъ думскаго большинства, сразу внесетъ умиротвореніе въ умы и въ жизнь, — очень и очень рискованно.

Во-первыхъ, какъ образовать такое министерство? Русская революція и возникла, и течетъ безымянно. Ей минетъ скоро два года. За это время она разрушила всѣ старые авторитеты и не создала ни одного новаго. У насъ нѣтъ именъ—ни въ Думѣ, ни за ея стѣнами. Нѣтъ людей съ общепризнаннымъ авторитетомъ, опираясь на который они могли бы дѣйствовать смѣло, увѣренно и рѣшительно. Во-вторыхъ, у насъ нѣтъ въ данную минуту и идейнаго авторитета. Идейное единство исчерпывается отрицаніемъ бюрократическаго строя и всего того, что онъ породилъ. Въ области же положительныхъ стремленій существуетъ безконечное разнообразіе непримиримыхъ теченій. И это точно отражаетъ на себѣ Государственная Дума. До сихъ поръ она поражаетъ единодушіемъ. Но прочно ли это единодушіе? Сохранится ли оно, когда общій врагъ кадетовъ и соціалъ-демократовъ, октябристовъ и трудовиковъ будетъ окончательно низвергнутъ и когда министерскія скамьи займутъ представители нынѣ внѣшними лишь обстоятельствами связаннаго воедино большинства членовъ Думы? Наконецъ, въ-третьихъ, нельзя скрывать отъ себя всей трудности фактическаго положенія, въ которомъ окажется новое министерство.

Первымъ условіемъ принятія имъ власти будетъ и несомнѣнно должна быть амнистія. Это—требованіе народа, требованіе справедливое, безъ удовлетворенія котораго ничего невозможно начать, ни въ области законодательной, ни въ области управленія. Съ одинаковой силой амнистія есть требованіе спокойнаго, холоднаго разсудка. Надо же кончить съ той юридической нелѣпицей, которая явилась слѣдствіемъ провозглашенія „незыблемыхъ основъ гражданской свободы“ безъ одновременнаго облеченія этихъ основъ въ формулы закона!.. Надо же кончить съ той вопіющей несправедливостью и съ тѣмъ непримиримымъ противорѣчіемъ между житейской правдой и правдой бездушнаго закона, которыя въ устахъ тысячъ заключенныхъ, сосланныхъ, осужденныхъ и подлежащихъ осужденію выливаются въ словахъ: „да, мы виновны; но виновны только въ томъ, что повѣрили манифесту 17 октября“. Надо же кончить со всѣмъ тѣмъ, къ чему привели эксцессы революціи, съ одной стороны, и во стократъ ихъ превзошедшіе эксцессы правительственной реакціи—съ другой... Нельзя теперь, въ іюнѣ и въ іюлѣ, подъ угломъ зрѣнія уголовнаго уложенія и уложенія о наказаніяхъ, оцѣнивать дѣйствія и поступки, совершавшіеся во время сумятицы октябрьскихъ, ноябрьскихъ, декабрьскихъ и январьскихъ дней. Клубокъ безконечныхъ противорѣчій все больше

и больше запутывается. Разобрать его по ниточкамъ немыслимо. Его можно только разрубить, поставивъ на недавнее прошлое крестъ и произнеся столь страстно всѣми ожидаемое слово...

Практически, однако, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ амнистіи будетъ усиленіе рядовъ тѣхъ, кто, въ сущности, отрицаетъ и самый конституціонализмъ, считая Государственную Думу только первымъ этапомъ на пути соціальнаго переворота. Уже съ думской каѳедры раздавалось, что нечего ссылаться на одряхлѣвшія западныя конституціонныя формы и что соціалисты Запада теперь ждутъ новаго слова изъ Россіи. Едвали могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что взвинченные умы соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ не остановятся передъ неосуществимостью немедленнаго торжества соціалистическихъ идеаловъ, и что они во имя этихъ идеаловъ объявятъ войну кадетамъ, столь же страстную, какъ та, которую они два года вели вмѣстѣ съ кадетами противъ бюрократическаго строя. И министерству изъ думской среды придется принять на себя удары вчерашнихъ союзниковъ. Принять—и отвѣчать ударами же.

Съ другой стороны, этому министерству придется вести не менѣе тяжелую борьбу съ громадной арміей губернаторовъ, исправниковъ, жандармовъ и департаментскихъ чиновниковъ—со всей колоссальной организаціей центральной и мѣстной администраціи. Какъ свидѣтельствовалъ еще графъ Витте, эта армія не имѣетъ „навыковъ“ правомѣрной дѣятельности, а чтобы освободиться отъ нея, нужно очень и очень много времени. Допустимъ даже, что, подъ руководствомъ новыхъ вождей, мѣстныя власти не будутъ устраивать погромовъ и не станутъ печатать и распространять возбуждающія къ беззаконію прокламаціи. Допустимъ, что на мѣстахъ вообще прекратится совершеніе администраціей формальныхъ правонарушеній, направленныхъ на свободу гражданъ. Но дѣлать то дѣло, для котораго существуютъ вездѣ и всюду мѣстныя власти, нынѣшніе чиновники тоже не будутъ—частью по неумѣнью, частью по нежеланію. Они скорѣе всего просто забастуютъ: будутъ смирно сидѣть, злорадно потирая руки. Наконецъ, министерству придется считаться съ тѣми темными, закулисными силами, которыя—какъ говорилъ въ своей замѣчательной рѣчи князь Урусовъ,—стоя между верховной властью и министрами, отнимаютъ отъ представителей народа довѣріе верховной власти, и которыя представляются людьми, по воспитанію—вахмистрами и городовыми, а по убѣжденію—погромщиками...

Несмотря, однако, на всѣ невѣроятныя трудности, никто изъ членовъ Думы, сознательно принадлежащихъ къ большинству, хотя бы случайному, не имѣетъ нравственнаго права отказаться отъ министерскаго портфеля,—конечно если таковой будетъ предложенъ не

ему одному, а ему совмѣстно съ представителями другихъ парламентскихъ группъ. Есть моменты и есть условія, когда люди обязаны приносить себя въ жертву, дабы создать мостъ, по которому пройдутъ ихъ преемники. Что такой моментъ наступилъ—говорить не нужно. Такими условіями для членовъ Думы являются обстоятельства ихъ избранія и вѣра населенія въ то, что Дума можетъ вывести страну изъ тупика и выведетъ. Не о жертвѣ жизнью мы теперь говоримъ, а о жертвѣ именемъ и популярностью... Близко ли время образованія новаго министерства? Слухи и толки не прекращаются. Освѣдомленное „Новое Время“ называетъ ихъ „упорными“.

Государственная Дума точно отражаетъ не одну идейную разноголосицу политическихъ воззрѣній. Наблюдая Думу, видишь передъ собой правдивое отраженіе всей русской общественности—ея настроенія и даже ея поведенія. Не было и нѣтъ никого, ни справа, ни слѣва, кто признавалъ бы совершенной систему выборовъ, давшую первый составъ Думы. И она, конечно, несовершенна. Но дала она, въ смыслѣ фотографированія, поразительно вѣрную картину.

На фонѣ молчаливой и темной крестьянской массы, туго разбирающейся въ отвлеченныхъ понятіяхъ, но до самыхъ глубинъ проникнутой протестомъ противъ горя, нужды и безправія, а потому дружно голосующей за все, что обѣщаетъ облегченіе и свободу,—рѣзко выдѣляются въ Думѣ вышедшіе изъ этой массы единицы, въ которыхъ кипитъ злоба за вѣковыя обиды дѣдовъ и отцовъ, а вмѣстѣ съ злобой—страстное, порывистое желаніе полнѣе и скорѣе покончить съ прошлымъ. На фонѣ расплывчатой, любящей будировать, но только въ своемъ кругу и съ оглядкой, интеллигенціи, склонной ко всему доброму и свѣтлому, а также и къ пассивному покою,—если и менѣе рѣзко, то не менѣе опредѣленно, выдѣляются тоже немногіе активные работящіе люди. Большинство изъ нихъ—профессора, адвокаты и земцы. Или возьмемъ иной фонъ: фонъ господствующей численно великороссійской народности. Ея представители гораздо болѣе молчатъ, чѣмъ слушаютъ. Они ничего не требуютъ и не желаютъ для себя такого, чего не требовали бы и не желали для всѣхъ. А поляки говорятъ: у себя, въ коренной Россіи, дѣлайте, что хотите, уничтожайте частную земельную собственность, обращайте принудительно отчужденную землю въ государственный земельный запасъ, но нашихъ формъ землепользованія не трогайте, мы не допустимъ къ себѣ переселенія, мы не хотимъ, чтобы наши земли получило ваше крестьянство. Евреи не устаютъ подчеркивать ихъ исключительную юридическую и экономическую приниженность. Кавказцы—особенно надъ ними

тяготѣющій административный гнетъ... За всѣми этими специальными нуждами все болѣе и болѣе уходитъ въ тѣнь главная нужда и главное горе—нужда и горе голодающей, обезсиленной русской деревни... Развѣ не то же самое мы видимъ въ печати, слышимъ на митингахъ и лично наблюдаемъ каждый день? Развѣ не тѣ же фоны и не то же на нихъ выдѣляющееся даетъ дѣйствительность, не концентрированная степенными выборами, а разлитая?..

Говорятъ—и не безъ основанія,—что думскія засѣданія гораздо болѣе напоминаютъ митинги, чѣмъ дѣловыя собранія парламента. Здѣсь опять прямое отраженіе современной дѣйствительности, выражающейся въ общественномъ настроеніи. Для дѣловой работы нужны твердо сложившіеся положительные идеалы. Ихъ нѣтъ въ общественномъ сознаніи, нѣтъ и въ Думѣ. И какъ для того, чтобы они сложились въ обществѣ, не принимаютъ мѣръ руководители общественной мысли, такъ не дѣлаютъ ровно ничего, чтобы поставить на реальную почву работу Думы, тѣ, кто долженъ давать матеріалъ для этой работы. Первые слишкомъ охвачены борьбой и формулировкой отрицательныхъ стремленій. Вторые—министерство И. Л. Горемыкина—тоже занимается въ стѣнахъ Думы борьбой. Даже не борьбой, а мелкой полемикой; мелкой—по цѣли и ужасной, раздражающей—по средствамъ. Ибо ея средства—разстрѣлы и ссылка, вызывающій тонъ и упорство въ надеждѣ подчинить себѣ волю народа...

Всякая людская масса необходимо требуетъ руководительства. Въ парламентахъ руководительство естественно принадлежитъ министерству и осуществляется комбинаціей вносимыхъ законопроектовъ. Вездѣ и всюду собственная законодательная иниціатива членовъ парламента имѣетъ субсидіарное значеніе. И иначе быть не можетъ, такъ какъ депутаты не располагаютъ никакими средствами, кромѣ личныхъ знаній, для детальной и дѣловой технической разработки вносимыхъ предложеній. Имъ можетъ принадлежать, въ буквальномъ смыслѣ, только иниціатива, т.-е. починъ, сопровождаемый самой общей формулировкой мысли. Какъ же выполнило свою естественную роль министерство И. Л. Горемыкина? Ко дню открытія Думы у него не оказалось ни одного готоваго законопроекта. Затѣмъ оно будто нарочно предложило Думѣ заниматься вопросомъ о прачешной и оранжереѣ при юрьевскомъ университетѣ и только на второй мѣсяцъ внесло законодательныя предположенія по министерству юстиціи болѣе важнаго характера. Оно опоздало и опоздало непоправимо. Въ теченіе мѣсяца мысль пятисотъ членовъ Думы, никогда не бывшихъ активными участниками законодательной дѣятельности, не могла не работать. Она работала, все выше и выше поднималась въ облака и долетѣла до признанія—пока что меньшинствомъ,—что никакой регламентаціи

свободы собраній не нужно, что довольно сказать: „всѣ вольны собираться“—и поставить точку. Министръ юстиціи, между прочимъ, внесъ законопроектъ объ устраненіи исключительнаго права начальства предавать суду должностныхъ лицъ и о распространеніи на этихъ лицъ общихъ правилъ подсудности суду присяжныхъ. Но внесъ тогда, когда въ Думѣ вопросъ уже дебатировался и безъ возраженія многими говорилось, что не должно быть вовсе никакихъ особыхъ правилъ о сужденіи должностныхъ лицъ. Кромѣ того, онъ внесъ его тогда, когда Дума уже вотировала недовѣріе министерству. Въ результатѣ—законопроектъ, который 27-го апрѣля былъ бы привѣтствованъ, еще и не назначенъ къ слушанію и будетъ ли слушаться—весьма сомнительно.

По самому жгучему и больному вопросу—аграрному—министерство, какъ будто нарочно, дало сложиться самымъ радикальнымъ воззрѣніямъ, выждало, когда гг. Стишинскій и Гурко окончательно упадутъ въ глазахъ Думы, когда Дума выберетъ коммиссію для самостоятельной разработки вопроса и коммиссія уже начнетъ занятія—и только тогда вошло со своимъ мотивированнымъ представленіемъ. Неужели оно полагаетъ, что Дума удостоитъ вниманіемъ это представленіе? Да, недаромъ два года говорилось, что русская бюрократія впала въ состояніе старческаго маразма...

Одновременно съ внесеніемъ аграрнаго законопроекта, министерство распубликовало „правительственное сообщеніе“, читая которое, не знаешь, чему удивляться и какъ назвать этотъ актъ. Сообщеніе начинается ссылкой на „Высочайшее повелѣніе Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства“. Оканчивается слѣдующими словами: „русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора“. А все содержаніе, повторяющее доводы, которые въ Государственной Думѣ развивали гг. Стишинскій и Гурко, направлено противъ мнѣній, высказывавшихся членами Думы, причемъ эти мнѣнія выдаются за „распространяемые среди сельскаго населенія слухи“. „Вотъ тѣ мѣры — авторитетно заявляетъ министерство о своихъ предположеніяхъ, — при помощи которыхъ несомнѣнно можетъ быть достигнуто прочное улучшеніе благосостоянія крестьянъ. Распространяемое среди сельскаго населенія убѣжденіе, что земля не можетъ составлять чьей-либо собственности, а должна состоять въ пользованіи только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчужде-

ніе всѣхъ частновладѣльческихъ земель, правительство признаетъ совершенно неправильнымъ. Отчужденіе частновладѣльческихъ земель не увеличитъ крестьянскіе достатки, а наоборотъ, разоритъ все государство и обречетъ само земельное крестьянство на вѣчную нищету и даже голодъ"... „Въ народѣ распространяются слухи, будто правительство не соглашается на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, отстаивая выгоды помѣщиковъ. Это невѣрно. Правительство охраняетъ законныя права всѣхъ и каждаго, но въ данномъ случаѣ полагаетъ, что не землевладѣльцамъ нанесло бы ущербъ принудительное отчужденіе отъ нихъ земель, а самому крестьянству. Землевладѣльцы получатъ за свою землю выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, т.-е. превратятъ свое земельное имущество въ деньги, которыя будутъ приносить имъ одинаковый и даже болѣе вѣрный доходъ, нежели хозяйство на землѣ. Пострадаетъ отъ предположенной мѣры земледѣльческое сословіе. Болѣе обезпеченные крестьяне лишатся части своей земли, малоземельные получатъ незначительную прибавку. Все крестьянство лишится заработковъ во владѣльческихъ экономіяхъ и, слѣдовательно, лишится значительной части получаемыхъ имъ нынѣ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мѣра эта ввергла бы все населеніе страны въ безысходную нищету, а въ годы неурожая обрекла бы на вѣрный голодъ, со всѣми его ужасными послѣдствіями"... „Сообщая нынѣ во всеобщее свѣдѣніе предположенныя мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ, правительство подтверждаетъ, что оно будетъ неуклонно охранять имущественныя права всѣхъ и каждаго, причемъ полагаетъ, что сохраненіемъ права собственности частныхъ владѣльцевъ на принадлежащія имъ земли земельное крестьянство должно дорожить, ибо если сегодня будутъ нарушены права землевладѣльцевъ прочихъ сословій, то завтра могутъ быть нарушены и права крестьянъ. Только владѣя землей на неотъемлемомъ правѣ собственности, можетъ трудовое крестьянство обезпечить плоды своего труда и быть ограждено отъ притязаній тѣхъ, которые землей не владѣютъ и ничего общаго съ нею не имѣютъ"...

Не для разбора по существу, конечно, мы привели эти выдержки. Мы не рискнули ихъ передать своими словами, ибо сами никакой передачѣ не повѣрили бы. Въ правительственномъ сообщеніи конституціоннаго государства, отъ лица министерства, монархъ, его воля, и его заботы противополагаются представителямъ народа, ихъ волѣ и ихъ заботамъ! Министерство, прячась за спину монарха, разрываетъ въ глазахъ народа единеніе между Государемъ и народными избранниками! И это не указъ о роспускѣ Думы и назначеніи новыхъ выборовъ—это только „правительственное сообщеніе"!.. Мы никогда не

употребляли опошленнаго термина: „провокація". Неужели до этого дошелъ въ пылу борьбы умирающій чиновничій режимъ?!..

Передъ этимъ актомъ блѣднѣютъ всѣ эксцессы отдѣльныхъ депутатовъ, вплоть до грубыхъ выходокъ по адресу министровъ. Намъ противна всякая грубость и брань. Она недостойна уважающихъ свое высокое званіе и свои высокія обязанности представителей народа. И она не нужна: логика въ связи съ горячимъ, но сдержаннымъ чувствомъ гораздо сильнѣе и вѣрнѣе бьетъ парламентскаго противника. Но развѣ грубость поведенія вообще и особенно въ отношеніи людей иного образа мыслей не является тоже одной изъ характерныхъ чертъ нынѣшняго состоянія общества? Вспомните, какимъ языкомъ—высокомѣрнымъ, надменнымъ и грубымъ—говорили студенческіе совѣты старостъ съ профессорскими коллегіями. Вспомните тонъ резолюцій совѣта рабочихъ депутатовъ и союза союзовъ, или слова, съ которыми безработные обращались къ петербургской городской думѣ. Оглянитесь вокругъ на эти, повсюду встрѣчаемыя, разгоряченныя лица интеллигентовъ, готовыхъ каждую минуту на грубую выходку... Уваженіе къ чужому слову и мнѣнію, какъ бы оно ни было несимпатично, даетъ лишь долгая практика правовой жизни. Первые же шаги на новомъ поприщѣ подбрасываютъ людей въ ту начальственную высь окриковъ, съ которой русскій обыватель никогда ничего другого, кромѣ надменности и грубости, не слыхалъ. Къ тому же, толпа всегда возбуждаетъ и электризуетъ...

Особенно тяжелое впечатлѣніе произвело поведеніе нѣкоторыхъ членовъ Думы въ засѣданіи 19-го іюня, когда крики: „вонъ", „долой", „палачъ" и т. д. встрѣтили генерала Павлова и непрерывно продолжались до тѣхъ поръ, пока онъ не сошелъ съ каѳедры и не оставилъ зданія Думы. По этому поводу членъ Государственной Думы Аникинъ сказалъ, по возобновленіи засѣданія, слѣдующее: „Несомнѣнно, то, что здѣсь сегодня произошло, волнуетъ не только насъ, но это волнуетъ и всю страну. Поэтому позвольте мнѣ сказать въ объясненіе нашего поведенія. Чувство негодованія, которое охватило всѣхъ насъ при видѣ людей, стоящихъ сейчасъ у кормила правленія, чувство это насъ какъ будто сначала сковало. Здѣсь мы слышали вопіющее невѣжество, здѣсь мы слышали, какъ соціализмъ сравнивали съ анархизмомъ, здѣсь мы видѣли, какъ выводили анархизмъ изъ соціализма. Дѣлали это нарочно или по невѣжеству—я не знаю, но, несомнѣнно, это подготовлялось къ тому, чтобы взрывъ негодованія проявился при появленіи на этомъ священномъ мѣстѣ человѣка, котораго вся жизнь есть кровь, есть убійство. Пусть страна знаетъ, что Госу-

дарственная Дума имѣетъ своей единственною цѣлью рѣшать дѣла миромъ, и всякій видъ крови, всего кроваваго, ужаснаго, насъ возмущаетъ, и мы при этомъ не можемъ работать. Пусть страна знаетъ, что мы не терпимъ крови. Вотъ что означалъ тотъ порывъ негодованія, который здѣсь былъ". Тѣ же мысли повторилъ г. Аладьинъ, закончившій заявленіемъ отъ трудовой группы, что „г. Павловъ ни одного слова съ этой трибуны болѣе не произнесетъ".

Приведенныя слова объясняютъ психологически, почему произошелъ грубый взрывъ. Но сами говорившіе ихъ признаютъ современемъ, что создался и нежелательный, и опасный прецедентъ. „Я долженъ сказать—отвѣтилъ гг. Аникину и Аладьину князь Волконскій,— что ежели тотъ минимумъ требованій, которымъ долженъ удовлетворять всякій говорящій на этой каѳедрѣ, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія лицъ, сидящихъ тамъ (налѣво) или какой бы то ни было группы, даже отъ всей Думы, а не отъ закона, то Дума будетъ неработоспособна. Нынѣ вы изгоняете одного, завтра другого. При такихъ условіяхъ работа не будетъ возможна. И вмѣсто порядка, вы зальете страну такой кровью, какой она до сихъ поръ не видѣла. Глубоко протестую противъ"... Шумъ заглушилъ конецъ фразы...

Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ, само собою разумѣется, скоро забудется и не затмитъ всего значенія историческаго дня 19 іюня. Въ этотъ день Государственная Дума *единогласно* постановила отмѣнить смертную казнь. Дума сказала: отнынѣ въ Россіи не должно быть закономѣрныхъ убійствъ, не должно быть властнаго лишенія человѣческой жизни государствомъ—на основаніи закона и приговора суда, черезъ правительственнаго агента—палача. Великій день!..

Глубоко прочувствованными словами его привѣтствовала „Страна" (№ 103). „19 іюня первый парламентъ обширнѣйшей имперіи, вѣрный голосу своей совѣсти и желаніямъ страны, торжественно принялъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, какъ такой уголовной кары, которая несовмѣстима ни съ человѣческимъ достоинствомъ, ни съ безпрекословными велѣніями справедливости, ни съ насущными интересами общества. Никогда воля законодательнаго собранія не отвѣчала такъ близко, такъ точно глубочайшимъ движеніямъ нашего народнаго духа, всему нравственному складу русскаго народа; никогда зрѣло продуманное настроеніе не выражалось съ такой кристальной прозрачностью, съ такой безукоризненной отчетливостью, какъ въ этотъ день освобожденія народной совѣсти отъ тяготѣвшаго надъ ней призрака кровавой, мрачной кары, грозившей за самыя различныя, глубоко несходныя по характеру дѣянія насильственнымъ отнятіемъ жизни. Государственная Дума исполнила свой долгъ"...

„Но мы обязаны отмѣтить, что въ день, когда Государственная Дума приняла свой первый законопроектъ—и по какому вопросу!—правительство было противъ нея; что въ день, когда народъ въ лицѣ своихъ представителей, „лучшихъ людей“, сказалъ свое строго взвѣшенное и изъ глубинъ національнаго сознанія идущее слово: „смертной казни не быть“—это правительство было не съ народомъ“...

Необходимость немедленной отмѣны смертной казни была выражена Государственной Думой въ отвѣтномъ адресѣ Государю Императору. „Стремясь — говорилъ адресъ — къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путъ административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ, однако, недопустимымъ примѣненіе даже и по судебному приговору наказанія смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ“.

17-го мая Думѣ стало извѣстно, что въ Усть-Двинскѣ разстрѣляно 8 человѣкъ, и на другой день за подписью пятидесяти-четырехъ лицъ внесенъ былъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Законопроектъ всего изъ двухъ статей:

1. Смертная казнь отмѣняется.

2. Впредь до пересмотра уголовнаго законодательства, во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ.

Авторы законопроекта и съ ними вся Дума потребовали спѣшнаго его обсужденія. Но... министры заявили, что они желаютъ воспользоваться мѣсячнымъ срокомъ, который имъ даетъ законъ для приготовленія. Пришлось ждать томительный мѣсяцъ, унесшій еще новыя жертвы „вымирающаго карательнаго института“. Наступило 19-е іюня. Законопроектъ поставленъ на повѣстку. Министры извѣщены и прибыли. Они приготовились! Они не даромъ заставили ждать цѣлый мѣсяцъ: они вышли съ бумажками въ рукахъ, по которымъ прочли то, что написали у себя дома въ теченіе десяти минутъ... Отъ рѣчей министра юстиціи и представителя морского министра осталось впечатлѣніе чего-то трусливаго и необычайно жалкаго...

Устный докладъ г. Кузьмина-Караваева продолжался почти два часа. Дошелъ ли докладъ до слуха министра юстиціи—его тайна. Но, выйдя непосредственно послѣ докладчика на каѳедру, г. Щегловитовъ,

считавшійся до сихъ поръ въ ряду извѣстныхъ криминалистовъ и опытныхъ ораторовъ, и не пытался даже возражать и разбивать только-что высказанные доводы въ пользу отмѣны смертной казни. Онъ прочелъ по принесенной бумажкѣ нѣсколько общихъ мѣстъ, съ гордостью патріота заявилъ, что „если не считать попытки, сдѣланной въ 1747 г. въ Тосканѣ, Россія была первой страной, исключившей смертную казнь изъ числа наказаній за общія преступленія, не политическія",— причемъ, по примѣру не менѣе горделивыхъ учебниковъ, забылъ о кнутѣ, о плетяхъ и о шести тысячахъ ударовъ шпицрутенами, равно забылъ о цѣломъ рядѣ законовъ спеціальныхъ, которыми въ концѣ XIX в. смертная казнь за неполитическія преступленія была возстановлена (напр. въ 1893 г. за разбой на Кавказѣ и др.), — далѣе развилъ новую теорію анархизма, выростающаго изъ соціализма, привелъ на справку четыре штата Сѣверной Америки, вытащилъ изъ архивной пыли отзывъ берлинскаго профессора Листа о первоначальномъ проектѣ нашего уголовнаго уложенія и закончилъ всегдашнимъ бюрократическимъ припѣвомъ на тему: сперва успокоеніе, а потомъ реформы. „Отмѣна смертной казни—сказалъ г. Щегловитовъ— за политическія преступленія требуетъ, прежде всего, наступленія въ государствѣ полнаго порядка и успокоенія страны; при отсутствіи этихъ условій, подобная мѣра едвали можетъ быть признана своевременною". Но вмѣстѣ съ этимъ г. Щегловитовъ показалъ, что онъ не вовсе глухъ къ настойчивому требованію народной совѣсти: онъ призналъ возможнымъ и своевременнымъ отмѣнить смертную казнь за карантинныя преступленія...

Когда мы услышали эти послѣднія слова, насъ взяла оторопь. Намъ показалось, что министръ юстиціи смѣется надъ Думой. Мы стали воскрешать въ памяти, когда былъ послѣдній случай примѣненія казни за карантинныя посягательства. Мы спрашивали себя: прошли ли съ этого момента двадцать лѣтъ или сорокъ, пятьдесятъ? Потомъ этотъ вопросъ сдѣлалъ съ трибуны г. Набоковъ, и товарищъ министра юстиціи—самъ г. Щегловитовъ очевидно счелъ, что слушать пренія не стоитъ, и что гораздо важнѣе отдать время своей канцеляріи—знаками показалъ, что онъ тоже не помнитъ... Такъ одинъ добродѣтельный богачъ въ духовномъ завѣщаніи не одѣлилъ бѣднаго брата. Разставаясь съ жизнью, онъ написалъ, что взятые у него братомъ взаймы тридцать лѣтъ назадъ десять рублей—онъ прощаетъ...

Еще загадочнѣе, зачѣмъ понадобились мѣсячныя приготовленія главному военно-морскому прокурору г. Матвѣенко. Онъ сказалъ, буквально, слѣдующее: „По порученію морского министра, считаю долгомъ доложить Государственной Думѣ, что отмѣна смертной казни по силѣ морского устава должна составить предметъ особаго вопроса,

подлежащаго разсмотрѣнію законодательнымъ порядкомъ, опредѣленнымъ военно-морскимъ судебнымъ уставомъ, каковое направленіе этого вопроса опредѣляется, по мнѣнію морского министра, статьей 55 основныхъ законовъ. Съ толкованіемъ послѣдней, изложеннымъ г. членомъ-докладчикомъ, морской министръ согласиться не можетъ". Какъ стали извѣстны морскому министру соображенія докладчика, которыхъ отсутствовавшій министръ не слыхалъ—г. Матвѣенко не повѣдалъ. Почему министръ не можетъ согласиться, какія имѣетъ для того юридическія основанія—этого тоже г. Матвѣенко не объяснилъ. „Не согласенъ" и все тутъ—чего еще разсуждать!.. Не безъ основанія, по окончаніи этой любопытной „рѣчи", съ заднихъ скамей раздался вопросъ: „скоро ли въ отставку"?

Слова представителей министерства—очень жаль, что еще не былъ выслушанъ главный военный прокуроръ, генералъ Павловъ — сослужили немалую службу ораторамъ изъ членовъ Думы. Не по содержанію ихъ рѣчей, ибо противники оказались слишкомъ ничтожны для серьезнаго диспута, а съ внѣшней стороны—со стороны впечатлѣнія. Казенная сухость чтенія однихъ особенно выдѣлила искренность тона свободной, богатой образами, устной рѣчи другихъ, нежеланіе или неумѣніе толковать законъ—спокойный и тщательный юридическій анализъ, повтореніе чужихъ словъ—самостоятельную работу мыслей... Мы не будемъ ни приводить, ни тѣмъ болѣе разбирать всего того, что говорилось въ Думѣ 19-го іюня. Мы остановимся только на одной части вопроса: дѣйствительно ли своевременно теперь отмѣнить смертную казнь въ Россіи? Оправдывается ли рѣшеніе Думы съ политической точки зрѣнія?

Глубокое заблужденіе думать, что смертная казнь можетъ прекратить политическія убійства! „Въ то время — справедливо говоритъ Н. С. Таганцевъ, — когда политическія движенія, революціи, имѣли личный, такъ сказать, династическій характеръ, являлись переворотомъ, передававшимъ власть отъ одного лица къ другому, отъ одной главы партіи къ другой, тогда, конечно, уничтоженіе главы или коноводовъ революціоннаго движенія могло похоронить и самое движеніе, ихъ смерть могла дѣйствительно обезпечить на время, а иногда и навсегда, спокойствіе правящей власти. Но эпоха подобныхъ движеній отошла въ прошлое. Нынѣ господствующее мѣсто заняли движенія идейнаго характера. Стремленія пересоздать государственный или экономическій строй, распространить то или другое религіозное вѣрованіе, какъ революціонные двигатели, не могутъ, по самому своему существу, сосредоточиваться въ опредѣленной личности, а уподобляются скорѣе гидрѣ Геркулеса съ ея саморастущими головами. Движенія, такъ сказать, демократизировались, а потому истребленіе,

хотя бы и массами, ихъ кажущихся вожаковъ безсильно остановить самое движенiе и обезопасить отъ него общество. Лишь въ самомъ содержанiи этого движенiя лежитъ залогъ его жизни или смерти"... Это такое же заблужденiе, какъ и то, что, вынося свое рѣшенiе, Государственная Дума не содрогалась видомъ крови, ежедневно проливаемой на улицахъ чуть не всѣхъ городовъ. Можно ли безъ содроганiя читать извѣстiя объ убiйствахъ городовыхъ, околоточныхъ, стражниковъ и другихъ низшихъ агентовъ полицейской власти? Вѣдь они повинны только въ томъ, что у нихъ тоже есть семьи, что они тоже голодны, что они тоже хотятъ ѣсть...

Нынѣшнiя политическiя убiйства—это не то явленiе, какое представляли изъ себя такiя же убiйства, начиная съ семидесятыхъ годовъ и до дня убiйства В. К. Плеве. То были отдѣльные спорадическiе случаи. Въ каждомъ изъ нихъ, въ каждомъ террористическомъ фактѣ того времени, проанализировавъ его, можно было видѣть спокойный, холодный разсчетъ, обдуманное, сознательное дѣйствiе. Тѣ же убiйства, которыя сейчасъ совершаются, представляютъ собой явленiя иного порядка. Когда убиваютъ городовыхъ, когда убиваютъ солдата на посту, когда стрѣляютъ и бросаютъ бомбы дѣти, гимназисты, тогда нельзя не признать, что мы стоимъ предъ явленiемъ эпидемическимъ, передъ формой массового психоза. Какъ бываютъ эпидемiи самоубiйствъ, такъ бываютъ эпидемiи убiйствъ. И если нецѣлесообразно бороться смертной казнью даже съ холодными, разсчитанными, обдуманными убiйствами, то бороться смертной казнью противъ той крови, которая проливается въ силу эпидемiи, охватившей страну, вдвойнѣ нецѣлесообразно. Бороться съ ужаснымъ явленiемъ, свидѣтелями котораго мы бываемъ теперь каждый день, нужно инымъ способомъ: устраненiемъ причинъ, вызвавшихъ это явленiе, устраненiемъ того, что обусловливаетъ и вызываетъ политическiя убiйства. Такихъ причинъ, конечно, много, но одна изъ нихъ и не послѣдняя — кровожадная жестокость закона, смертная казнь. Вспомните дѣло Спиридоновой. Ее побудили убить Луженовскаго тѣ звѣрства и казни, которыя онъ совершалъ. Они явились непосредственнымъ импульсомъ, толкнувшимъ ея руку взять револьверъ. И если проанализировать каждый новѣйшiй случай, то въ громадномъ большинствѣ, если не всегда, установится преемственная связь между жестокостью закона и его исполнителей и даннымъ фактомъ убiйства, и зависимость второго отъ первой. Кто же и чѣмъ долженъ начать? Властное ли и могущественное государство — отказомъ отъ кровавой мести, или охваченные психозомъ революцiонные элементы—прекращенiемъ политическихъ убiйствъ? Кто долженъ первый разорвать заколдованный кругъ?..

Съ другой стороны, мы живемъ въ эпоху революціи. Что будетъ завтра, что будетъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ—никто на это отвѣтить не въ состояніи. Смѣна настроеній, смѣна теченій, смѣна личнаго торжества,—они могутъ наступить каждую минуту. Кто будетъ вынесенъ на верхъ власти, кто будетъ низвергнутъ, мы не знаемъ. И въ этотъ моментъ неужели не своевременно отмѣнить смертную казнь? Неужели исторія не даетъ достаточно примѣровъ того, что именно въ этотъ-то моментъ нужно сдѣлать такъ, чтобы впредь не было закономѣрныхъ убійствъ? Болѣзненно нужно, чтобы отнынѣ, при той неизвѣстности, которая предстоитъ русской жизни, не было уже убійствъ по закону, чтобы каждое убійство, кѣмъ бы ни было совершено, было преступнымъ дѣяніемъ.

1-го декабря 1789 года французское учредительное собраніе, по предложенію доктора Guillotin, постановило, что отнынѣ смертная казнь состоитъ въ простомъ лишеніи жизни. Это постановленіе тогда вызвало возраженія. Говорили, что, отмѣняя квалифицированную казнь, подрываютъ основы правосудія, что правосудіе неизбѣжно должно расшататься и что наступитъ анархія. Этого не наступило, но французская революція омрачила себя множествомъ приведенныхъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Русская Государственная Дума начала свою дѣятельность съ полной отмѣны смертной казни. Это не расшатаетъ устоевъ правосудія, но это гарантируетъ то, что лишенія жизни по закону—властнымъ безвластнаго—больше въ незаконченную эпоху русской революціи не будетъ...

Получитъ ли рѣшеніе Думы санкцію? Будемъ надѣяться, что да...

---

21 іюня въ газетахъ появилось правительственное сообщеніе по поводу погрома въ г. Бѣлостокѣ. 22 іюня Государственная Дума выслушала о томъ же погромѣ докладъ „коммиссіи по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ“, а на слѣдующій день начала его обсужденіе.

Правительственное сообщеніе, основанное на данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ шталмейстеромъ Фришемъ, и на „другихъ, имѣющихся въ распоряженіи правительства“, опредѣляетъ слѣдствія безпорядковъ слѣдующими цифрами: убито 7 христіанъ и 75 евреевъ; ранено 18 христіанъ и 60 евреевъ; разгромлено 169 квартиръ и лавокъ, принадлежащихъ еврейскому населенію, съ убыткомъ на сумму около 200 тыс. рублей. Далѣе, изъ фактическихъ свѣдѣній останавливаетъ вниманіе перечень полицейскихъ чиновъ, жандармовъ и солдатъ, бывшихъ жертвами революціонныхъ покушеній въ теченіе 1905 и 1906 гг. Общее ихъ число—33. Эти посягательства, а также насильственныя

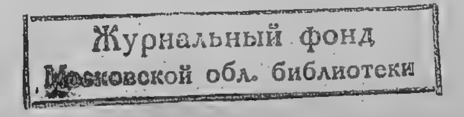
дѣйствія, направленныя противъ мирныхъ жителей, по словамъ сообщенія, „повергли населеніе Бѣлостока въ паническое состояніе", дошедшее до крайняго напряженія послѣ убійства 29 мая полиціймейстера Деркачева, и „породили то состояніе угнетенности и апатіи, въ которое пришла бѣлостокская полиція, не рѣшавшаяся даже показываться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города". „Прослѣдить ходъ погрома—говорится далѣе,—то затихавшаго, то возобновлявшагося въ разныхъ частяхъ города, и различить въ заявленіяхъ пострадавшихъ лицъ истину отъ вольныхъ и невольныхъ измышленій можетъ, конечно, лишь судебное слѣдствіе, которое и ведется со всей возможной быстротой. Признавая до окончанія слѣдствія всякія утвержденія по этому предмету преждевременными, правительство можетъ пока считать установленнымъ лишь то обстоятельство, что погромъ производился по преимуществу отдѣльными небольшими кучками громилъ изъ среды городского и сельскаго населенія, нападавшими на еврейскіе дома и магазины въ тѣхъ по преимуществу мѣстахъ, гдѣ не имѣлось войскъ"... Въ заключеніе правительство отвергаетъ, „съ глубокимъ негодованіемъ, распространяемые въ обществѣ слухи о томъ, что еврейскій погромъ въ Бѣлостокѣ былъ подготовленъ съ вѣдома и при участіи мѣстной администраціи и войскъ, и считаетъ долгомъ выразить свое убѣжденіе въ томъ, что причину этого печальнаго событія слѣдуетъ искать, прежде всего, въ дѣятельности мѣстныхъ революціонныхъ организацій, которыя непрерывнымъ рядомъ преступныхъ посягательствъ, направленныхъ противъ властей и противъ частныхъ лицъ, довели мирное населеніе до крайняго озлобленія и разстроили полицію, не имѣвшую вслѣдствіе этого возможности предупредить и во-время остановить начавшіеся безпорядки".

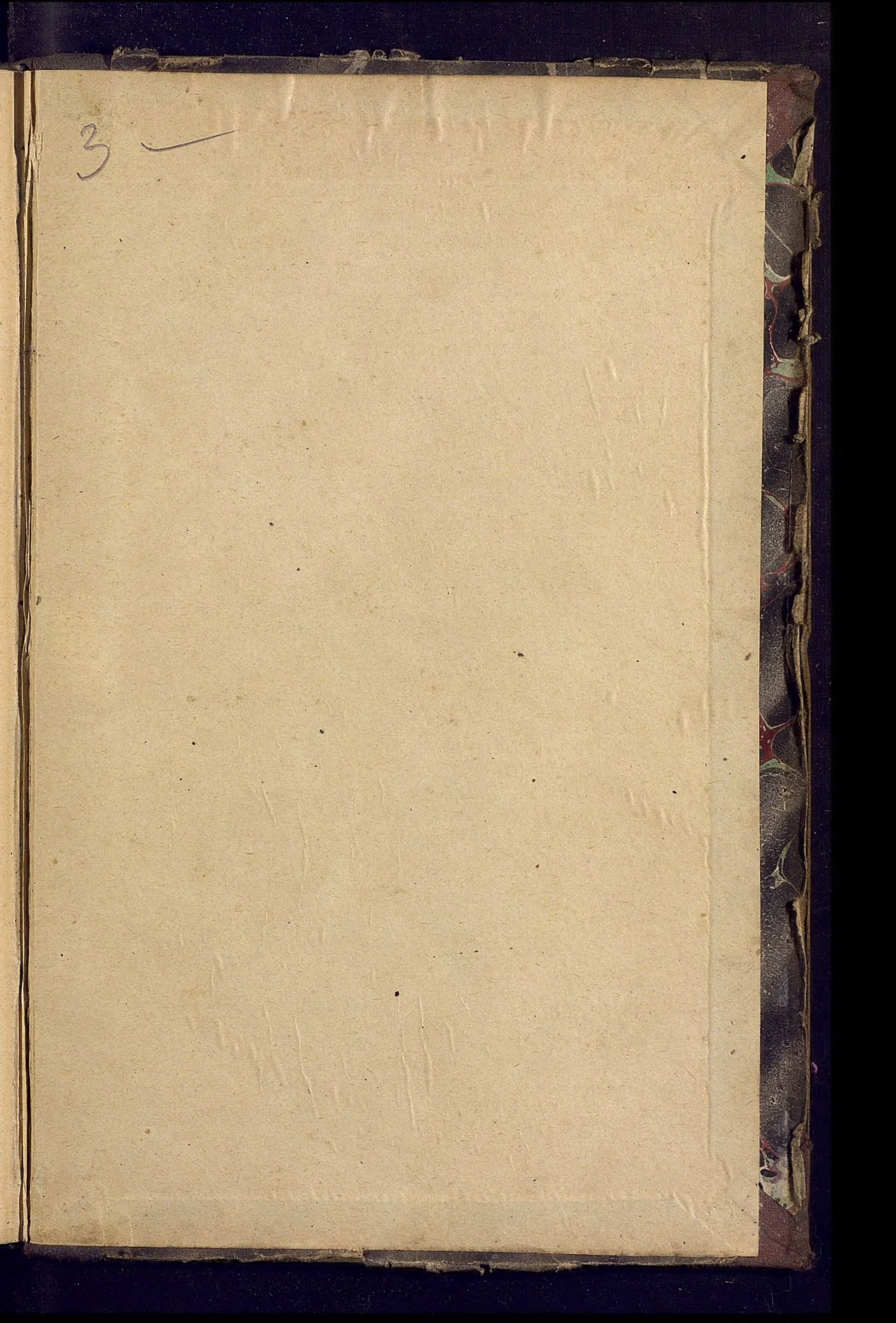
Къ прямо противоположнымъ выводамъ пришла коммиссія Государственной Думы на основаніи свѣдѣній и матеріаловъ, собранныхъ командированными ею въ г. Бѣлостокъ членами Думы: М. Е. Араканцевымъ, Е. Н. Щепкинымъ и В. Р. Якубсономъ. Эти матеріалы чрезвычайно обширны и заключаютъ въ себѣ такія описанія фактовъ со словъ очевидцевъ и потерпѣвшихъ, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ на головѣ. Впрочемъ, и безъ этихъ описаній однѣ голыя цифры показываютъ, какъ жестоко велся погромъ. Даже въ сраженіяхъ на войнѣ, при самыхъ усовершенствованныхъ средствахъ причиненія вреда, число раненыхъ всегда во много разъ превышаетъ число убитыхъ; въ Бѣлостокѣ же было убито 75 евреевъ (по свѣдѣніямъ коммиссіи—82) и ранено только 60 (по свѣдѣніямъ коммиссіи—70). Это значитъ, что били на смерть и добивали раненыхъ.

Коммиссія признала, что, во-первыхъ, „никакой племенной, религіозной или экономической вражды между христіанскимъ и еврейскимъ

населеніемъ города Бѣлостока не существовало"; во-вторыхъ—что „нескрываемая вражда къ евреямъ существовала только у полиціи и внушалась также и войскамъ на почвѣ обвиненія евреевъ въ участіи въ освободительномъ движеніи". По мнѣнію коммиссіи, болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе *планомѣрность* произведеннаго погрома. „О погромѣ знали, къ погрому готовились, погромомъ грозили и даже указывали день его; слѣдовательно онъ былъ не случайнымъ явленіемъ, не вспышкой на національной или религіозной почвѣ. Если принять во вниманіе, что низшіе органы полицейской власти распространяли выдумки о злодѣйствахъ евреевъ, то приходится признать, что эти выдумки входили въ планъ. Наконецъ, пріурочиваніе погрома ко дню христіанскихъ религіозныхъ процессій, когда фанатичная толпа особенно бываетъ чутка и религіозно настроена, является наилучшимъ выборомъ момента"... „Соображая всѣ данныя, приходится придти къ заключенію, что *погромъ былъ подготовленъ и организованъ*. Но кѣмъ же? Останавливаясь на образѣ дѣйствій г. начальника губерніи, нельзя не усмотрѣть, что еще до погрома представители еврейскаго общества сообщаютъ ему о тревожномъ состояніи города и предполагаемомъ погромѣ, указываютъ на пристава Шереметова, какъ на лицо, которое даже опредѣлило день начала погрома, на лицо, облеченное властью и враждебное еврейскому населенію. Но губернаторъ говоритъ представителямъ, настаивавшимъ на удаленіи Шереметова, что это единственный у него смѣлый и энергичный чиновникъ. Наступаетъ день погрома. Губернаторъ днемъ пріѣзжаетъ въ Бѣлостокъ и продолжительное время остается на вокзалѣ, затѣмъ ѣдетъ въ полицейское управленіе на свиданіе съ генераломъ Богаевскимъ, а потомъ быстро исчезаетъ изъ Бѣлостока и направляется въ г. Вильну, къ генералъ-губернатору. Проѣзжая по городу, губернаторъ видитъ раненыхъ, трупы на улицѣ, а на вокзалѣ производится избіеніе хулиганами евреевъ, но онъ не предпринимаетъ ровно никакихъ мѣръ къ прекращенію; онъ точно чуждъ всему этому, онъ точно безсиленъ и не облеченъ властью"... „Сводя къ одному итогу дѣятельность губернатора и недѣйствительность „дѣйствительныхъ мѣръ" министра внутреннихъ дѣлъ (о принятіи которыхъ онъ говорилъ членамъ Думы Якубсону и Шефтелю), нужно признать, что въ организаціи погрома участвовала какая-то тайная власть, можетъ быть извѣстная, а можетъ быть и неизвѣстная явной власти"... Послѣ рѣчи князя Урусова этотъ послѣдній выводъ получаетъ особенное значеніе...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

3 —

